83.3(4Ит)
В26

809
В21

Ф. Вегеле.
Данте Алигьери,
его жизнь и сочинения.

783128
83.3(4Ит)
В 26
Вегеле Ф.
Данте Алигьери: Его
жизнь и сочинения.
1881

053293.
783128

64
1955
83.3/4И
В 26
1 69

ДАНТЪ АЛИГЬЕРИ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Франца Вегеле,

профессора Вюрцбургскаго университета.

Перевелъ съ третьяго изданія

Алексѣй Веселовскій.

Управление культ-просвет-предприятий
Библиотека
№ 7
им. Карла-Маркса
Кировского р-на
СЧЕТА

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

ЧИТАЛЬНЯ

МОСКВА.
Типогр. Мартынова (бывш. Грачева и К°.), на Тверской ул., д. Хомяковыхъ
1881.

46
V

783128

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ДАНТЪ АЛИГЬЕРИ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Предисловіе къ третьему изданію.

Съ живымъ удовольствіемъ, но и не скрывая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкотораго безпокойства, передаю я на судъ публики это третье изданіе моего сочиненія о Дантѣ. Извѣстную долю удовлетворенія при такихъ обстоятельствахъ можно легко допустить у писателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и требовательность его по отношенію къ себѣ и тѣ запросы, съ которыми въ правѣ обратиться къ нему публика. Я не настолько нескроменъ, чтобы надѣяться, что предлагаемая мною обработка даннаго предмета удовлетворитъ всѣмъ справедливымъ ожиданіямъ. Понятно, что чѣмъ дольше занимаешься предметомъ, къ тому же столь обширнымъ и разностороннимъ, тѣмъ яснѣе становятся всѣ трудности, скрывавшіяся въ немъ. Быть можетъ, только въ молодости можно найти въ себѣ достаточно отваги, чтобы приступить къ столь сложной задачѣ; позднѣе не знаешь, какъ съ ней справиться. Впрочемъ, я сознаюсь откровенно, что, связанный въ настоящее время работами и обязательствами совершенно иного рода, я навѣрно не согласился бы такъ скоро на предложеніе моего издателя приступить къ новому изданію этой книги, еслибъ особое обстоятельство съ неотразимой силой не поддержало это предложеніе. Мое прежнее изложеніе флорентинской исторіи временъ Данта опиралось, главнѣйшимъ образомъ, на пользованіе хрониками Маласпины и Дино Компаньи и на многовѣковое признаніе подлинности ихъ, но такъ какъ, благодаря новѣйшимъ остроумнымъ изысканіямъ,источники эти признаны подложными или по крайней мѣрѣ второй изъ нихъ сочтенъ не подлиннымъ, то, въ виду этого открытія прежнее изложеніе

предмета не имѣетъ болѣе права гражданства. Хотя я во всемъ, что касается Дино Компаньи, раздѣляю точку зрѣнія Карла Гегеля и вполнѣ убѣжденъ, что подписанное именемъ Дино историческое сочиненіе неподлинно въ своемъ настоящемъ видѣ, но и не подложно, тѣмъ не менѣе обстоятельство это не могло измѣнить того факта, что этимъ сочиненіемъ уже нельзя временно пользоваться, какъ источникомъ, при изображеніи флорентинской исторіи той эпохи. Это-то соображеніе, какъ уже сказано, и побудило меня, даже вмѣнило мнѣ въ обязанность, не упускать и не откладывать случая очистить мое сочиненіе въ указанномъ направленіи. Значительную услугу при этомъ дѣлѣ оказало мнѣ новѣйшее сочиненіе Ф. Т. Перрана (Perrens) по исторіи Флоренціи, за что я приношу ему здѣсь искреннѣйшую признательность.

Помимо этого читатель, сравнивая предлагаемое изданіе съ двумя прежними, въ особенности со вторымъ, замѣтитъ нѣкоторыя измѣненія, относительно которыхъ умѣстно сказать въ этомъ случаѣ слово объясненія или указанія. Здѣсь идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, о біографической части сочиненія. Какъ бы ни были ничтожны мои способности для выполненія предлежавшей задачи, я открыто подошелъ къ ней съ самаго начала съ пріемами историка. Считая необходимымъ рѣзко отдѣлять все опредѣленное отъ неопредѣленнаго, я этимъ путемъ дошелъ до полнаго обособленія внѣшней и внутренней исторіи Данта; послѣдняя совпадаетъ съ его задушевной исторіей, и я отнесъ ее къ соотвѣтствовавшимъ ей литературнымъ отдѣламъ, преимущественно къ Vita Nuova и Пиру. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что такой образъ дѣйствій встрѣтитъ много противорѣчій, но онъ возникъ въ силу необходимости изъ моего взгляда на положеніе, отведенное съ самаго начала Дантомъ дочери Портинари, положеніе, которое, какъ мнѣ становилось все яснѣе, отнюдь не было чисто-историческимъ. Другое отступленіе во второмъ изданіи заключалось въ томъ, что я снова отнесъ путешествіе Данта въ Парижъ ко времени, предшествовавшему его изгнанію.

Кромѣ причинъ, указанныхъ въ текстѣ, я, въ интересахъ самаго дѣла, хочу обратить вниманіе публики еще на то обстоятельство, что я не позволяю себѣ ни доказывать, ни даже догадываться, откуда поэтъ, лишенный своего состо-

нія и завѣдомо обязанный пользоваться чужимъ гостепріимствомъ, могъ добыть средства, не говорю, для путешествія, но для продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Франціи. Что касается изображенія политики императора Генриха VII и куріи, то, если оно не подверглось измѣненію, зато оно нѣсколько расширено. Въ сужденіи объ образѣ дѣйствій папы Климента V относительно императора, я никакъ не могъ безпрекословно примкнуть къ оптимистическому взгляду, принятому въ новѣйшее время докторомъ Пэльманомъ. Наконецъ, я съ усиленной энергіей обратился къ разъясненію вопроса о времени появленія трактата о Монархіи и старался ослабить, по возможности, доказательства, приводимыя нашимъ общимъ почтеннымъ наставникомъ Карломъ Витте, въ подтвержденіе его мнѣній. Когда нибудь должно же разъясниться, кто изъ насъ двухъ былъ правъ въ этомъ случаѣ. Какъ бы то ни было, я желалъ бы, чтобы мой уважаемый противникъ привелъ когда нибудь другіе, лучшіе доводы, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ выступаетъ во введеніи къ своему изданію „Монархіи“ (p. XLII—XLIII), гдѣ онъ прибѣгаетъ къ насильственному, въ моихъ глазахъ, истолкованію „bello stile“. Я позволяю себѣ еще разъ указать ему для этой цѣли на изслѣдованіе литературныхъ отношеній между Дантомъ и Виргиліемъ въ прекрасной книгѣ Компаретти.

Что же касается столь обширной и постоянно возрастающей въ количественномъ отношеніи дантовской литературы Итальянцевъ, то ею я пользовался лишь въ незначительной степени. Исчерпать ее издали, даже приблизительно, было бы мнѣ едвали возможно. Кто желаетъ ознакомиться съ нею, найдетъ у Скартаццини (въ журналѣ нѣмецкаго дантовскаго общества, 4 томъ) и въ его комментаріяхъ къ Божественной Комедіи, насколько они закончены, желаемыя свѣдѣнія. Я никогда не имѣлъ намѣренія представить то, что обыкновенно называется объясненіемъ Божественной Комедіи, и отлично знаю, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ мѣсто среди спеціальныхъ комментаторовъ Данта. Повторяю, я издавна стремился лишь къ тому, чтобы ближе подойти въ историческомъ отношеніи къ одному изъ величайшихъ и разностороннѣйшихъ умовъ, выставленныхъ порою среднихъ вѣковъ, и указать на то положеніе, которое подобаетъ ему въ исторіи западной циви-

лизаціи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что тотъ или другой изъ историковъ литературы, вышколенныхъ въ строго-филологическомъ духѣ, приступилъ бы къ дѣлу иначе, и не согласится съ моей системою. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ питаю надежду, что такое въ высокомъ смыслѣ слова историческое явленіе, какъ Дантъ, можетъ быть понято и оцѣнено также и чисто историческимъ путемъ. Я даже держусь того мнѣнія, что историкъ, вѣрнѣе всякаго другого изслѣдователя, укажетъ намъ ту точку зрѣнія, съ которой подобный геній можетъ быть всего яснѣе понятъ во всемъ своемъ величіи.

Да будетъ мнѣ въ заключеніе еще разъ позволено высказать искреннюю радость, что судьба дозволила мнѣ украсить и третье изданіе этой книги именемъ дорогого друга, Карла Гегеля, съ которымъ я уже болѣе двадцати лѣтъ тѣсно связанъ и въ счастьи и въ горѣ, съ которымъ я впервые симпатически встрѣтился въ общемъ намъ обоимъ поклоненіи великому Флорентинцу.

Указатель личныхъ именъ.

А.

Адамъ, 251, 395.
Адріанъ I, папа, 256.
Адріанъ V, папа, 393, 415.
Адамъ Брешіанскій, 390.
Адельгизъ, 21.
Адольфъ Нассаускій, король, 148.
Аладжіа де'Фіэски, 128.
Альбериго ди Фаэнца, 390.
Альбертъ, маркграфъ Маласпина, 27.
Альберти ди Мангона, 390.
Альберто делла Скала, 119.
Альбертино Муссато, 177, 291.
Альбоинъ делла Скала, 170, 211.
Альбрехтъ первый, король, 105, 122, 150, 226, 285, 401.
Альбрехтъ, ландграфъ Тюрингенскій, 18.
Алкуинъ Турскій, 331.
Альдигьера делли Альдигьери, 45.
Альдобранди Рустичи, 366.
Алессандро Ромена, графъ, 118, 124, 126,
АлександръВеликій, 11, 250.
Александръ Ферэйскій, 388.
Альфьери, 435.
Али, 389.
Алигьери I, 44.
Алигьери II, 44.
Альфонсъ Кастильскій, кор., 15, 35.
Амфіарай, 389.
Анастасій II, папа, 388, 414, 415.
Анаксагоръ, 386.
д Анкона, 91.
Анна, 389.
Аннибалъ, 249.
Андреа де Моцци, 388.
Ансельмъ Кентерберійскій, 21.
Антоній, святой, 422.
Антонъ, епископъ Лунійскій, 127.
Аріадна, 317.
Аристофанъ, 25, 385.
Аристотель, 25, 37, 48, 143, 231. 245, 261, 301, 349, 368.
Арнольдъ Брешіанскій, 6.
Арнольдъ Даніель, 394.
Артуръ, король, 27.
Арунсъ, 389.
Асденте, 389.
Ассаракъ, 248.
Атласъ, 248, 386.
Аттила, 388.
Августинъ, отецъ церкви, 85, 232, 247, 261, 311, 354.
Августъ, императоръ, 251, 330.
Ахиллесъ, 387.
Аццо VIII, маркграфъ Эсте, 197

Б.

Баконъ делли Альберти, 390.
Балдуинъ, архіепископъ трирскій, 151.
Бартоломео делла Скала, 120, 210, 211.
Баскіера делла Тоза, 124.
Беатриче Портинари, 75—79, 83, 87—89, 139, 141, 278—80, 306, 333, 337, 343, 372, 377—81, 414, 435.
Беда, 186.

Беккеріа, аббатъ, 390.
Белаква, 63, 393.
Донна Белла, мать Данта, 44.
Беллинчьене, дѣдъ Данта. 44.
Бенедиктъ XI, папа, 122, 149, 256.
Бенедиктъ Нурсійскій, 395.
Бернардъ де Вантадуръ, 27.
Бернардино ди Полента, 61, 215.
Бернардъ Клервосскій, 294, 337, 383, 395.
Бертольдъ Регенсбургскій, 311. 315.
Бертрамъ Борніо, 389.
Бертранъ де Бордо, 128.
Бертранъ Кастенэтъ, 275.
Бозо Рафаэлли, 182.
Боккачьо, 25, 56, 65, 67, 79, 107. 278, 286, 315, 424—427. 429.
Боэцій, 143, 232, 251, 317, 320.
Бонаджьунта, 33, 82, 394.
Бонифацій VIII, папа, 69, 74, 79. 96, 97, 103, 121, 148, 220, 255, 271—3, 283, 386, 400, 413, 417.
Бонифацій, архіеписк. Равеннскій, 394.
Боно Джьямбони, 83.
Бонтуро Бонтури, 389.
Бранка д'Оріа, 390.
Бреннъ, 398.
Брунеллеско, 34.
Брунетто Латини, 15, 35—37, 45—47, 73, 115, 318, 366, 388, 428.
Брутъ старш., 250.
Брутъ младш., 390, 391. 432.
Буонконте ди Монтефельтро, 61.
Буозо Доарія, 390.

В.

Вакхъ, 317.
Вальрамъ, графъ Лютцельбургскій, 161.
Вальтеръ Аквитанскій, 20.
Ванно Фуччи, 389.
Вери Черки, 95.
Вернеръ Гомбергъ, 173.
Вероника, святая, 79.
Вигилардъ, знатокъ грамматики. 331.
Вивіани, 280.
Виллани, Джьованни, 37, 79, 97, 144, 170, 177.
Вильгельмъ Голландскій, король, 15.
Вильгельмъ Добрый, Сицилійскій, кор., 395.
Вильгельмъ, епископъ Арецкій, 61.
Вильгельмъ Оранскій, 395.
Vincent de Beauvais, 201.
Виргилій, 204, 213, 232, 247—8, 252, 264—9, 282, 304—5, 319, 326—333, 337—340, 369—75, 395.
Витте, 262—275.
Вольфрамъ Эшенбахъ, 331, 434.

Г.

Галенъ, 232.
Ганелонъ, 390.
Геркулесъ, 297.
Гервазій Тильбюри, 330.
Гераклитъ, 386.
Глаберъ, Рудольфъ, 331.
Геереnъ, 339.
Гёте, 80, 88.
Гекторъ, 157, 248, 387.
Готтфридъ Бульонскій, 395.
Гиппократъ, 386.
Граціанъ, 395.
Григорій I, папа, 186, 395, 423
Григорій VII, папа, 4, 43, 69, 261, 400, 415.
Григорій X, папа, 50—51, 271.
Гриффолино ди Сіэна, 390.
Гвичардини, 426.
Гвидо Бонати, 389.
Гвидо Кавальканти, 17, 46, 56, 61, 79, 95, 102, 265, 428.
Гвидо Гвиничелли, 32—3, 81, 394.
Гвидо Новелло ди Полента, 17, 215.
Горацій, 86, 359, 430.
Гомеръ, 48, 294, 297, 302, 434.
Гонорій IV, папа, 59, 60.
Гвидо Монтефельтро, 389.

Гвидо Монфоръ, 388.
Гуго Капетъ, 393.
Гуго С. Викторъ, 365.
Гвидо Новелло, 17, 216, 218.
Гумбертъ Альдобрандески, 393
Гвидо Орланди, 34, 58.
Гвидо Сальватико, графъ, 129, 164, 182.
Гвидогверра, 366.
Гвитто д'Ареццо, 34, 38.
Гней Помпей, 389, 398.
Густавъ Адольфъ, 291.
Гумбольдтъ, Александръ, 296.
Генрихъ III, императоръ, 4.
Генрихъ IV, императоръ, 4, 252, 255, 400.
Генрихъ V, императоръ, 4.
Генрихъ VI, императоръ, 8.
Генрихъ VII, 133—137, 152—181, 191, 226—27, 240, 285, 322, 344, 395, 432, 435.
Генрихъ II, король англійскій, 389.
Генрихъ, графъ фландрскій, 180.

Д.

Даніилъ, 357, 372.
Дарданъ, 248.
Давидъ, царь, 395.
Демокритъ, 386.
Джакопоне да Тоди, 34.
Джемма ди Манетто Донати, 67, 113.
Джьованни ди Болонья, 268.
Джьотто, художникъ, 63.
Джьяно делла Белла, 64, 65, 68—71, 96.
Дидона, 249, 387.
Дино Фрескобальди, 34.
Діогенъ, 386.
Діомедъ, 389.
Діонисій Ареопагитъ, 186, 301.
Діонисій Сиракузскій, 388.
Фра Дольчино, 389, 413.
Доминикъ, святой, 315, 431.

Е.

Евсевій, 327.
Ева, 201, 322.
Елена, 387.

Ж.

Жеро де Барнейль, 394.
Жильберъ Пуарре, 232.

З.

Завулонъ, 329.
Зенонъ, 386.

И.

Иродъ, 251.
Исаія, 166.
Иннокентій III, папа, 8.
Иннокентій IV, папа, 10, 14, 122, 415.
Иннокентій VI, папа, 331.
Ирнерій, 22.
Изольда, 83.

I.

Іаковъ Рустичи, 388.
Іаковъ, апостолъ, 382.
Іезекіиль, 395.
Іеремія, 317.
Іеронимъ, отецъ церкви, 330.
Іоахимъ, аббатъ, 395.
Іоаннъ XXII, папа, 187, 275.
Іоаннъ Богемскій, 176.
Іоаннъ, маркграфъ монферратскій 197, 199.
Іоаннъ, принцъ неаполитанскій, 171.
Іоаннъ, апостолъ, 380.
Іоаннъ де Виргиліо, 204, 207, 217, 268, 280, 286, 291.
Іоаннъ Парижскій, 229.
Іоаннъ Скикки, 390.
Іоаннъ Сольданіеръ, 390.
Іосія, 395.
Іуда, 390.

К.

Какусъ, 389.
Канчелльери, родъ въ Пистойѣ, 94.

Кангранде ди Верона, 120, 170—72, 191, 195, 208—11, 216, 282, 286, 344—5.
Катонъ, младшій, 340, 358—61, 371, 408.
Камиллъ, 250.
Камилла, 387.
Каччьягвида, предокъ Данта, 43, 289, 310, 345, 395.
Капаней Ѳиванскій, 388.
Канте ди Габріелли, 112.
Карлъ Великій, 3, 12, 21, 232, 256.
Карлъ I Анжуйскій (король обѣихъ Сицилій), 15, 16, 45, 60, 244, 392.
Карлъ II, 59, 69, 197.
Карлъ IV, 178, 316.
Карлъ Мартеллъ, король венгерскій, 72, 394.
Карлино де'Пацци, 390.
Карлъ Валуа, 101—109, 115, 121, 313, 314,
Капокіо, 390.
Катилина, 70.
Казелла, 62.
Кассій, 359, 391, 390.
Клеопатра, 387,398.
Клиншоръ, 331.
Клелія, 249.
Клеопатра, 398.
Клопштокъ, 294.
Климентъ IV, папа, 16, 17, 41.
Климентъ V, папа, 128, 149, 151, 159, 171—75, 183, 283, 415.
Кола Ріенци, 434.
Колумбъ, 293, 297.
Констанція Сицилійская, 394.
Корнелія, 387, 405.
Коррадино Виллафранка, маркграфъ Маласпина, 127.
Корсо Донати, 95, 101, 109, 123, 131.
Каструччіо Кастракани, 191.
Конрадъ II, императоръ, 4.
Конрадъ III, императоръ, 43.
Конрадъ IV, императоръ, 14.
Конрадъ, канцлеръ императора Генриха VI, 330.
Конрадинъ, Гогенштауфенъ, 392.
Константинъ, императоръ, 256, 395, 415, 416, 422.
Креуза, 248.
Куницца, 394.

Л.

Лавинія, 249.
Лаврентій Валла, 256, 415.
Ланфранкъ, 21.
Ланцелотъ, 27.
Лаппо Джіанни, 56.
Латинъ, кардиналъ, 53.
Латинъ, тесть Энея, 387.
Лаура, 435.
Левъ III, папа, 256.
Левія, 254.
Ливій, 232, 249, 386.
Лотто делли Альи, 388.
Луканъ, 204, 250, 359.
Лука, евангелистъ, 251.
Лукіанъ, 232.
Лючія, святая, 305, 334—6, 371.
Люцій Антоній, 398.
Людовикъ IV, императоръ (Баварецъ), 178, 187, 188, 252, 275, 424.
Людовикъ IX, святой, король французскій, 16, 36.
Людовикъ, графъ Савойскій, 162

М.

Магометъ, 389.
Маккьявелли, 4, 431.
Макробій, 327.
Макарій, 395.
Маккавей, 395.
Маколей, 433.
Манфредъ, король сицилійскій, 14, 16, 17, 31, 41, 42, 392.
Мантонъ, 389.
Марція, 360, 387.
Маркъ Ломбардо, 393.
Марія, Дѣва, 58, 247, 335, 372, 383.
Маркъ Антоній, 398.
Мароэлло Джьовагалло, маркграфъ

Маласпина, 127, 129, 286.
Мароэлло Виллафранка, маркграфъ Маласпина, 127, 128, 132.
Мароэлло Мулаццо, 129, 132, 138, 192.
Марсилій Фичино, 263.
Мартинъ IV, папа, 54, 59.
Марцеллъ, 330.
Матильда, маркграфиня тосканская, 5, 6, 12, 43.
Маттео д'Акваспарта, кардиналъ, 97, 106, 111.
Матѳей, апостолъ, 316.
Михаилъ Скоттъ, 389.
Микель Анджело, 312, 435.
Мильтонъ, 294.
Монна Каніа, 393.
Монферратъ, маркграфъ, 26.
Моска Ламберти, 389.
Муцій Сцевола, 250—1.

Н.

Навуходоносоръ, 356.
Наполеонъ делли Орсини, 129, 131.
Наѳанъ, 395.
Николай III, папа, 52, 283, 415, 431.
Николай IV, папа, 60, 69.
Николай Куза, 425.
Николай Прато, кардиналъ, 123.
Нино делли Висконти, 59.
Нпзій, 340.
Нума Помпилій, 249.

О.

Овидій, 25, 204, 430.
Октавіанъ, 342.
Одеризи ди Агуббіо, 63, 393.
Одиссей, 389.
Орозій, 232, 247—8.
Орфей, 386.
Остаджьо ди Полента, 275.
Оттонъ I, императоръ, 3.
Оттонъ IV, императоръ 8, 331.

П.

Паолино Піери, 55, 144.
Парисъ, 387.
Павелъ, апостолъ, 257, 289, 305 329.
Peire Cardinal, 26.
Пенѳезилея, 386.
Пентефрій, 390.
Петръ III, король аррагонскій, 54.
Петръ Даміанъ, 186, 395.
Петръ ди Медичина, 389.
Петръ, герцогъ, неаполитанскій принцъ, 189.
Петрарка, 133, 415, 427.
Петръ, апостолъ, 289, 343, 416, 418.
Петръ Ломбардусъ, 232.
Петръ де Винеа, 232, 366.
Пикарда Донати, 394.
Піетро Алигьери, сынъ Данта, 214.
Пилатъ, 251.
Пиндаръ, 25,
Пино делла Тоза, 275.
Пирръ Эпирскій, 388.
Платонъ, 143, 301.
Поджіо, 280.
Помпей, 370.
Портинари, Фолько, 75.
Пріамъ, 249.
Присціанъ, 388.
Провенцано Сальвани, 393.
Птоломей, 300, 386.

Р.

Рахиль, 383,
Раффаэлли, Бозо, 182.
Рахаба, 394.
Регулъ, 360, 432.
Ренневартъ, 395.
Риніеръ Корвето, 388.
Риніеръ Паццо, 388.
Рифей, 340, 395.
Ристоне, 38.
Ричардъ, графъ корнваллійскій, король, 15.
Робертъ Гвискаръ, 395.

Робертъ, король неаполитанскій, 158, 167, 171—78, 225.
Робертъ, герцогъ калабрійскій, 129.
Роландъ, 395.
Роландинъ падуанскій, историкъ, 23.
Ромео Пеполи, властитель болонскій, 217.
Ромео, Провансалецъ, 395.
Ромуальдъ, 395.
Руссо, 85.
Рудольфъ I Габсбургскій, король, 51, 148, 224, 392, 401.
Руджьери, архіепископъ Пизанскій, 59, 390.

С.

Саладинъ, 387.
Саллюстій, 359.
Саломонъ, 395.
Самуилъ, пророкъ, 254.
Сассоль Маскерони, 390.
Саулъ, царь, 254.
Скарпетта делли Орделаффи, 119, 121.
Семирамида, 387.
Сенска, 386.
Сервій, 327.
Секстъ Помпей, 388, 391.
Сигерій, 395.
Сильвестръ, папа, 255.
Симонъ деи Барди, 76.
Симоне делли Донати, 112.
Синонъ, 390.
Софоклъ, 25.
Сорделло ди Мантуа, 27, 392.
Спинелла Маласпина. 191
Стацій, поэтъ, 324, 332, 374, 393, 430.
Сципіонъ, 343.

Т.

Теггьяйо Альдобрандини, 388.
Тиверій, императоръ, 251.
Тибуллъ, 82.
Тилли, 291.
Тирезій, 389.
Титъ, 330.
Толозато Уберти, 124.
Торкватъ, 398.
Траянъ, 395.
Трибаделло Самбрази, 390.
Тристанъ, 27.
Турнъ, 251, 397.

У.

Убальдини, кардиналъ, 388.
Убальдини ди Пила, 394.
Уголино делла Герардеска, 59, 60, 390.
Угуччьоне делла Фаджьола, 119, 180—82, 188, 195, 209, 213, 286, 291.
Угуччьоне Пизано, 48.
Улиссъ, 389.
Урбанъ II, 7.
Урбанъ, святой, 24.

Ф.

Фабіанъ, 329.
Фабрицій, 250, 360.
Фарината Уберти, 17, 57, 366, 388.
Филиппъ IV, король французскій, 66, 104, 122, 128, 175, 220, 273, 285, 400, 413.
Филиппъ Арджснти, 387.
Филиппъ неаполитанскій, 189.
Флацій Иллирикъ, 426.
Фокаччіа Канчелльери, 390.
Фолько Портинари, 75.
Форіэль, 77.
Форезе Донати, 70, 338.
Францискъ Ассизскій, святой, 34, 315, 431.
Франческино, маркграфъ Маласпина (прозван. ди Мулаццо), 127, 129
Франческа ди Римини, 61, 215, 381.
Франческо Аккурсія, 65.
Франческо делла Фаджьола, 182. 189.
Фредерикъ Новелло, 393.

Фридрихъ I, императоръ, 6, 8, 26, 165, 401.
Фридрихъ II, императоръ, 9, 13, 20, 24, 31, 122, 137, 145—48, 252, 369, 387.
Фридрихъ антіохійскій, 13.
Фридрихъ сицилійскій (изъ аррагонскаго рода), 69, 173, 244, 286.
Фридрихъ Габсбургскій, Прекрасный, король, 187, 213.
Фульчьери Кальболи, 393.
Фульконъ, 394.

Ц.

Цезарь, 256, 398.
Цицеронъ, 143, 249, 323, 386, 430.
Цинциннатъ, 405.
Целестинъ, папа, 386.

Ч.

Чьякко, 387.
Чино да Пистойя, 56, 132, 163, 178, 206, 218.

Ш.

Шеллингъ, 293.
Шиллеръ, 291.

Ю

Юстиніанъ, 394, 399.
Ювеналъ, 232, 408, 430

Я.

Язонъ, 389.
Яковъ Падуанскій, 388.

Ѳ.

Ѳалесъ, 386.
Ѳома Аквинскій, 232, 260, 316, 349, 351, 357, 361, 371.

Э

Эней, 24, 248, 251, 305, 346, 386, 397.
Эгидій Римлянинъ, 229.
Эсхилъ, 25.
Эдуардъ англійскій, 60.
Электра, 248.
Элизео, братъ Каччьягвиды, 44.
Эмпедоклъ, 386.
Энгельбертъ Адмонтскій, 228.
Эрихѳоя, 332, 369.
Эвріалъ, 340.
Эврипилъ, 389.
Эццелино, 12, 119, 384.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Если кто нибудь броситъ даже поверхностный взглядъ на средневѣковую исторію Италіи, тотъ скоро убѣдится въ томъ, что она существенно и поразительно отличается отъ исторіи всѣхъ остальныхъ народовъ Европы. Удивленному взору представляется здѣсь обиліе дѣйствующихъ силъ, разнообразіе явленій, самостоятельность и производительность творчества и жизни, не встрѣчающіяся въ такой степени нигдѣ. Можно сказать, что то, что остальные народы произвели по частямъ, собрано въ Италіи въ совокупности; то, что остальныя національности создали въ большіе промежутки или хотя бы только восприняли, проявилось здѣсь съ изумительной скоростью; если что либо и осуществилось внѣ Италіи, то въ Италіи была непремѣнно сдѣлана хоть попытка въ этомъ-же родѣ. Ни у одного народа идеи и учрежденія древняго міра не удержались такъ долго, и ни у одного не пробудились и не осуществились такъ рано современныя идеи.

Сравнительно съ другими странами развитіе Италіи было, дѣйствительно, чрезвычайно; но за то оно и было результатомъ совмѣстнаго дѣйствія чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Сколько разъ указывалось уже на географическое положеніе этой страны, дѣлающее ее доступною со всѣхъ сторонъ, способствующее иноземному вліянію и вмѣстѣ съ тѣмъ манящее въ даль, превращающее Италію въ мѣсто, гдѣ скрещивались всѣ международныя сношенія среднихъ вѣковъ, гдѣ, дружески или враждебно, встрѣчалось полъ-міра. Вспомнимъ далѣе всемірно-господствующее положеніе этой страны въ римскую эпоху. Италія имѣла уже славную исторію, величавое прошлое, въ то самое время, когда остальные народы должны были, въ силу самихъ обстоятельствъ, начинать съ самаго начала. Отголоски этого

минувшаго величія остались, какъ извѣстно, сильнымъ двигателемъ въ позднѣйшей итальянской исторіи, несмотря на перемѣну, происшедшую съ той поры и въ обстоятельствахъ, и въ обстановкѣ. Цѣлый рядъ учрежденій и культурныхъ формъ, искоренить которыя не было никакой возможности, и которыя снова ожили, даже при вполнѣ измѣнившихся условіяхъ, перешелъ изъ древняго къ новѣйшему времени. Прибавимъ сюда смѣшеніе стариннаго населенія съ вторгавшимися другъ за другомъ побѣдоносными, высоко одаренными новыми народами, приносившими съ собою и свои родныя учрежденія, Герулами, Готами, Лонгобардами, Франками и настоящими Нѣмцами; не забудемъ также, что этотъ наплывъ иноземныхъ народовъ продлился, въ сущности, далеко въ глубь тринадцатаго столѣтія, что, вскорѣ послѣ нѣмецкаго нашествія съ сѣвера, и Норманны поселились въ Апуліи и Сициліи, рядомъ съ Сарацинами и Греками, и что подъ конецъ за ними послѣдовали еще Французы и Провансальцы. Далѣе, церковь и папство избрали своимъ центромъ Италію, которая, оставаясь въ теченіе многихъ вѣковъ главою до-христіанскаго міра (это отнюдь не преувеличеніе), сдѣлалась съ той поры главою міра средневѣковаго, христіанскаго. Папство, какъ живой центръ христіанства, поставило Италію въ непрерывныя и въ высшей степени плодотворныя сношенія съ различными частями постоянно разраставшагося церковнаго организма, и съ теченіемъ времени выработало политику, если и не единственно господствовавшую въ странѣ, то все таки въ сильной степени вліявшую на судьбу ея, тормозившую или-же увлекавшую ее впередъ. Наконецъ императорская власть и итальянская корона перешли въ десятомъ вѣкѣ надолго въ руки чужого народа, Нѣмцевъ, которые пользовались этимъ саномъ или властью не на основаніи неизмѣннаго принципа, а только пароксизмами, и у которыхъ все зависѣло опять-же отъ мѣстныхъ условій и личнаго настроенія, а многое и отъ случая.

Нѣтъ сомнѣнія, что приведенные нами моменты объясняютъ расцвѣтъ и роскошную полноту итальянской жизни въ средніе вѣка, въ силу которыхъ Итальянцы должны, по справедливости, считаться самымъ культурнымъ народомъ той эпохи; но столь же достовѣрно и то, что въ причинной связи съ этимъ обстоятельствомъ находится и другое замѣчательное явленіе въ средневѣковой исторіи Италіи. Итальянцы, позднѣе другихъ народовъ, сложились въ самостоятельную національность, не только въ политическомъ, но и въ литературномъ смыслѣ. Опередивъ Европу почти во всемъ остальномъ и сдѣлавшись ея наставниками и образцами, они несмотря на видимо благопріятныя ге-

ографическія условія, оставались долгое время въ одномъ только этомъ отношеніи позади болѣе юныхъ народностей запада. Только въ тринадцатомъ вѣкѣ національное развитіе Италіи вступаетъ въ періодъ несомнѣннаго первенства.

Паденіе императорской власти, въ связи съ отдѣленіемъ отъ Германіи, и возникновеніе истинно-національной литературы отмѣчаютъ этотъ поворотъ. Мы должны принять во вниманіе эти два момента; они приведутъ насъ непосредственно къ началу нашей задачи.

Господство Карла Великаго не оставило по себѣ такого сильнаго вліянія въ Италіи, какъ въ Германіи. Правда, что онъ, принявъ на себя наслѣдіе Лонгобардовъ, соединилъ подъ своей властью почти всю Италію, но такого объединенія страны, которое пережило бы его самого, изъ этого все-таки не возникло. Даже перенесеніе императорскаго достоинства на итальянскую линію Каролинговъ осталось безъ вліянія въ этомъ направленіи; большая часть вины падаетъ въ этомъ случаѣ на могущественныхъ феодальныхъ владѣтелей и ихъ неповиновеніе. Немедленно вслѣдъ за вымираніемъ итальянскихъ Каролинговъ, Итальянцы начали ту пресловутую свою игру, гдѣ они постоянно противопоставляли другъ другу двухъ властителей, не служа ни тому, ни другому. Слѣдствіемъ этой политики было долгое разстройство и безсиліе государства, продолжавшееся цѣлое столѣтіе, причемъ выгода выпадала преимущественно на долю одной только эгоистической мѣстной знати [1]). Лишь появленіе Оттона I положило конецъ бѣдственной неурядицѣ. Даже Итальянцы допускаютъ теперь почти безъ исключенія, что вмѣшательство, столь роковое для самой Германіи, было, со всѣми его послѣдствіями, почти столь же неизбѣжно, какъ и благотворно для Италіи. Правда, что и Оттонамъ не удалось положить начало полному внутреннему объединенію страны; они были принуждены предоставить Нижнюю Италію Грекамъ и Сарацинамъ. За то, хотя и безъ ихъ непосредственнаго участія, подготовился, прежде всего въ Верхней Италіи, переворотъ, который долженъ былъ придать въ послѣдующія столѣтія своеобразное величіе итальянской исторіи и поразить жизненный нервъ феодальной аристократіи; я говорю о возникновеніи сильныхъ городовъ, вскорѣ начавшихъ борьбу изъ-за свободы. Рознь между городами и селами, упраздненіе государственнаго устройства франкскихъ графствъ, умно-

---

[1]) Сравни у К. Гегеля, Geschichte der Städteverfassung von Italien, томъ II глава 4.

женіе епископскихъ льготъ, передача регалій и царскихъ правъ епископамъ, подготовили путь къ этому перевороту. Столѣтіе спустя епископы, по крайней мѣрѣ ломбардскіе, передали эти царскія права городамъ и положили этимъ основаніе ихъ (правда, оспаривавшемуся) гордому и свободному положенію [2]).

До одиннадцатаго вѣка папы имѣли только отрицательное вліяніе на политическое развитіе Италіи. Если по примѣру Маккьявелли, мы захотимъ приписать имъ однимъ всю отвѣтственность за политическую растерзанность страны, то это не будетъ вполнѣ согласно съ фактами. Понятно, что лишь только они стали стремиться къ самостоятельному политическому и территоріальному положенію, какъ единство Италіи, подъ властью-ли туземнаго или иноземнаго владѣтеля, никакъ не могло входить въ ихъ планы и желанія; но столь же достовѣрно, что въ теченіе долгаго времени могущественнѣйшими союзниками папъ въ осуществленіи этихъ стремленій, были, какъ настроеніе, такъ и склонности самихъ Итальянцевъ, и что часть отвѣтственности за неурядицу въ итальянскихъ дѣлахъ падаетъ на нихъ самихъ. Какъ извѣстно, одиннадцатымъ вѣкомъ обозначается поворотная точка и въ политическомъ положеніи папства. Не то чтобы оно оставалось до той поры далекимъ и чистымъ отъ прикосновенія всего мірского; напротивъ того, оно предавалось свѣтскимъ заботамъ неоднократно, и въ такой степени, которая угрожала его сокровеннѣйшей сущности, и, жертвуя своимъ ореоломъ, отдавалось въ руки свѣтской власти. Поэтому-то такой трезвый и хладнокровный императоръ, какъ Конрадъ II, и не помышлялъ даже поднять какими нибудь средствами церковь изъ ея далеко не святого положенія. Лишь еще болѣе великому сыну его, Генриху III, была предоставлена, такъ сказать, трагическая слава преобразить павшее папство, а съ нимъ вмѣстѣ и церковь вообще. Трагическою она является потому, что съ той минуты миновало навсегда спокойное пользованіе императорской властью. Церковь, дойдя вслѣдствіе своего внутренняго очищенія до сознанія собственнаго могущества, немедленно стала противницей свѣтской власти. Въ связи съ этимъ переворотомъ подготовилось и другое измѣненіе жизненныхъ условій вообще. Когда Григорій VII потребовалъ «свободы» для церкви, онъ соединилъ съ этимъ и требованіе для нея главенства «надъ всѣмъ живущимъ». Онъ создалъ геніальную теократическую систему, централизовалъ церковную власть и, съ полнѣйшимъ іерархическимъ самосознаніемъ, объявилъ неумолимую войну

---

[2]) Сравни у К. Гегеля, loc. cit.

всякому автономному государственному строю. На этомъ пути находилось неизбѣжное столкновеніе съ императорской властью, а далѣе и со всякой мірской властью вообще. Такъ началась борьба двухъ силъ, окончившаяся два столѣтія спустя гибелью императорскаго могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и небезопаснымъ превращеніемъ и грознымъ усиленіемъ папской власти.

Результатомъ этой борьбы была возникавшая свобода верхне-италійскихъ городовъ, основныя формы которой, какъ въ настоящее время вполнѣ дознано, произошли преимущественно изъ германскихъ зародышей, а не изъ остатковъ древне-римскихъ учрежденій, какъ полагали въ теченіе долгаго времени [3]). Среди смутъ одиннадцатаго вѣка, они втихомолку созидали свое могущество и свою самостоятельность; почти безъ всякаго сопротивленія регаліи переходили изъ рукъ епископовъ въ руки общинъ. Когда ихъ впослѣдствіи спрашивали объ ихъ правахъ на свободу, всякій разъ, когда они хотѣли опредѣлить размѣры этихъ правъ, города ссылались на времена императора Генриха IV, а еще болѣе Генриха V. Все, что предшествовало этой эпохѣ, было имъ неизвѣстно. Правда, что въ ближайшую пору вопросъ этотъ не принималъ другого характера. Вплоть до средины двѣнадцатаго столѣтія города оставались почти вполнѣ предоставленными себѣ, въ то время, какъ движеніе крестовыхъ походовъ держало всю Европу въ возбужденномъ состояніи и открывало дѣятельнымъ ломбардскимъ общинамъ случай, которымъ онѣ усердно и воспользовались—добиться могущества и богатства. Въ свою очередь папы, если и не всегда съ одинаковымъ счастіемъ и успѣхомъ, шли по пути, начертанному Григоріемъ VII. Отсюда произошелъ союзъ съ Норманнами, отсюда споръ изъ-за наслѣдія маркграфини Матильды Тосканской. Худо ли, хорошо ли, они считали этотъ путь обязательнымъ для себя, во имя своего самосохраненія и независимости.

Какъ отнесутся папы къ свободному движенію городовъ, было важнымъ вопросомъ для нихъ самихъ, да и вообще для всѣхъ. Отношеніе это должно было въ свою очередь опредѣлиться отношеніемъ императоровъ къ папамъ и къ городамъ. Сначала казалось, что стремленіе городовъ къ свободѣ будетъ подавлено коалиціею папы и императора. Совершился же тотъ замѣчательный фактъ, что въ

---

[3]) Несомнѣннымъ подтвержденіемъ этого соотношенія мы обязаны упомянутому нами уже сочиненію Карла Гегеля объ исторіи городскихъ учрежденій въ Италіи, со времени римскаго господства до исхода 12 столѣтія (2 тома Лейпцигъ, 1847 г.).

связи съ вновь пробуждавшеюся литературою древнихъ, Римляне вспомнили внезапно свое прежнее всемірное господство. Вдохновляемые пламеннымъ духомъ Арнольда Брешіанскаго, они объявили войну свѣтской власти церкви и папъ, дали Риму свободную, республиканскую конституцію и пригласили вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкаго короля принять изъ ихъ рукъ господство надъ міромъ. Извѣстно, насколько они ошиблись въ Фридрихѣ I. Ему противно было хвастливое поведеніе Римлянъ, столь противорѣчившее настоящей степени ихъ значенія, и демагогическіе происки Арнольда, дѣйствительно не мирившіеся съ высоко-аристократическимъ міровоззрѣніемъ короля, отталкивали его. Благодаря этому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразности примиренія съ куріею, реформаторское ученіе Арнольда потеряло всякое значеніе для императора, на котораго оно впослѣдствіи, даже во время разгара борьбы, врядъ ли произвело бы впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, Фридрихъ предпочелъ примириться съ папою, привелъ его обратно въ Римъ и выдалъ ему дерзкаго подстрекателя. Арнольдъ поплатился за свое рвеніе смертью на висѣлицѣ, и прахъ его,—но не ученія,—былъ поглощенъ волнами Тибра [4]). Такъ кончилось въ Римѣ это движеніе, которое, какъ доказательство пробудившагося историческаго сознанія Римлянъ, какъ выраженіе могущества, заключавшагося въ неугасавшихъ никогда окончательно преданіяхъ старины, весьма поразительно и не осталось даже вполнѣ безслѣдно.

Коалиція папы и церкви распалась такъ же быстро, какъ и возникла, подобно всякимъ союзамъ, преслѣдующимъ однѣ только отрицательныя цѣли. Смерть Арнольда повела за собою начало войны между его противниками. Фридрихъ I, опираясь на притязанія законной императорской власти, требовалъ для себя непосредственнаго или даже посредственнаго господства надъ всей Италіею, Римомъ, владѣніями св. Петра, не исключая и наслѣдія Матильды. Требованіе это, отнюдь не противозаконное, но отчасти устарѣвшее, должно было неминуемо повести къ столкновенію съ папой. Результаты усилій цѣлаго столѣтія были такимъ образомъ поставлены на карту. Насталъ наконецъ часъ, когда должно было выясниться, какое значеніе имѣло до той поры втихомолку совершавшееся развитіе ломбардскихъ городовъ. Они вступили на путь, всего болѣе уклонявшійся отъ правительственныхъ взглядовъ императора. Они завладѣли

[4]) В. Гизебрехтъ, Arnold von Brescia. Ein akademischer Vortrag. München, 1873.

регаліями и тѣмъ самымъ присвоили себѣ положеніе вполнѣ свободныхъ имперскихъ городовъ. Они начали борьбу съ феодальной аристократіей страны, отчасти уже успѣли унизить ее и принудили аристократовъ поселиться внутри своихъ стѣнъ, накопили богатства торговлею и ремеслами и основали цвѣтущую, органическую, общинную жизнь. Противъ этой-то самостоятельности и возсталъ императоръ; и онъ, и его храбрые нѣмецкіе рыцари не имѣли ни пониманія, ни симпатіи къ этому явленію, казавшемуся имъ нестерпимою дерзостью народа относительно аристократіи, единственно призванной къ почестямъ и господству [5]). Словомъ, Фридрихъ рѣшился привести непокорныхъ къ повиновенію силою и, наперекоръ измѣнившимся обстоятельствамъ, и здѣсь снова добиться признанія своего оспариваемаго императорскаго права. Онъ не пугался перспективы вести одновременную борьбу и противъ іерархіи, и противъ могущественныхъ городскихъ республикъ. И дѣйствительно, папа протянулъ возставшимъ коммунамъ руку противъ общаго имъ противника. Исходъ извѣстенъ: императоръ проигралъ этотъ процессъ. Мирные договоры, заключенные въ Венеціи и Констанцѣ, скрѣпили его пораженіе: одинъ изъ нихъ смирилъ императорскую власть передъ папскою, другой узаконилъ оспариваемое развитіе городовъ и захваченныя ими имперскія вольности. Тщетно призывалъ императоръ на помощь римское право: города сдѣлали это еще раньше его и съ гораздо болѣе практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу.

Правда, что какъ ни искренно заключилъ императоръ миръ съ городами, относительно папъ онъ далеко не считалъ дѣло потерянымъ. При заключеніи мира въ Венеціи, онъ отказался отъ намѣренія низвести папу на степень независимаго, верховнаго, имперскаго епископа и призналъ его самостоятельное, равное ему самому, универсальное положеніе, но онъ отнюдь не имѣлъ намѣренія предоставить папѣ, такъ или иначе, Италію. Бракосочетаніе его старшаго сына и впередъ назначеннаго преемника, римскаго короля Генриха, съ наслѣдницею Сициліи, грозило лишить папскую политику одного изъ ея драгоцѣннѣйшихъ результатовъ и серьозно ставило на карту одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ принциповъ папъ, не допускать подрыва ихъ самостоятельности вслѣдствіе соединенія нѣмецкой и сицилійской коронъ. Но всѣ протесты папы Урбана II были тщетны; онъ былъ вынужденъ, негодуя, допустить это сліяніе.

---

[5]) Сравн. извѣстное мѣсто у Оттона Фрейзингенскаго: De gesti Friderici, lib. II, c 13.—M 9. H. ss. XX.

Однако, при существующемъ положеніи вещей, не было надежды, чтобы добытая домомъ Гогенштауфеновъ побѣда оставалась долгое время неприкосновенною. Напротивъ, можно было съ увѣренностью предвидѣть, что, вѣрные своимъ принципамъ, папы возобновятъ при первомъ же случаѣ попытку оспорить у ненавистнаго противника занятую имъ позицію. И, какъ извѣстно, на этомъ спорномъ вопросѣ развилась вся дальнѣйшая судьба Италіи, можно даже сказать, судьба всего запада, включая сюда и императорскій домъ.

Что же касается ломбардскихъ городовъ, то, послѣ примиренія съ императоромъ, въ ихъ дальнѣйшемъ движеніи впередъ наступилъ лишь краткій перерывъ; событія, послѣдовавшія за смертью Фридриха I, борьба императора Генриха VI въ Сициліи, участіе въ ней папы, все это способствовало ихъ развитію въ томъ же, столь побѣдоносно избранномъ ими направленіи, даже ускорило его. Правда, что удаленіе нѣкогда столь грознаго для нихъ противника внушило имъ слишкомъ много увѣренности и разрознило ихъ между собою, подъ вліяніемъ соперничества. Когда Генрихъ двинулся къ Апуліи, онъ засталъ уже Ломбардію въ полномъ разгарѣ междоусобной войны. Даже болѣе отдаленныя общины, какъ Генуя и Пиза, были вовлечены въ кругъ этихъ усложненій. Относительно ихъ прежней союзницы, церкви, они выступили теперь враждебно, безъ всякой церемоніи обложили данью духовенство, терпѣли еретиковъ и не обращали вниманія на папскія отлученія. Только однѣ новыя опасности могли бы снова возстановить порванный союзъ, и ихъ-то вызвалъ дальнѣйшій ходъ общественныхъ событій.

Послѣ ранней кончины Генриха VI въ Германіи произошло двоякое избраніе: и Гогенштауфенъ, и Гвельфъ нашли себѣ сторонниковъ. Насильственная смерть Филиппа швабскаго обусловила всеобщее признаніе первоначальнаго папскаго кандидата на престолъ, Оттона IV; правда, что онъ немедленно усвоилъ себѣ принципы гогенштауфенской политики императора; даже на половину только законный властитель не могъ быть приверженцемъ папства, такъ же мало, какъ и истый папа могъ стать приверженцемъ императорской власти.

Немедленно прежніе друзья сдѣлались отъявленными противниками. Оттонъ IV, заявлявшій притязанія даже на господство надъ сицилійскимъ государствомъ и серьозно собиравшійся вытѣснить оттуда молодого Гогенштауфена, былъ преданъ отлученію, какъ отпавшій отъ церкви сынъ ея, и нѣмецкіе владѣтели призваны отложиться отъ него. Самый смѣлый изъ папъ, Иннокентій III, противопоставилъ Оттону юнаго Фридриха, т.-е. Гвельфу Гогенштауфена. Бли-

жайшимъ слѣдствіемъ этого событія было то, что всѣ политическія отношенія въ Италіи были перепутаны и начался настоящій хаосъ интересовъ и отношеній. Въ это самое время вошли и здѣсь въ употребленіе названія Гвельфовъ и Гибеллиновъ, между тѣмъ какъ сами партіи существовали уже давнымъ давно. Начались страстныя распри, имѣвшія для заинтересованныхъ въ дѣлѣ городовъ столь тяжелые результаты,—но во время ихъ развились и привлекательнѣйшія стороны городской исторіи. Итальянцы въ своемъ собственномъ преданіи указываютъ на нѣмецкое происхожденіе этого раздвоенія на партіи. Отрицать это невозможно; но столь же достовѣрно, что это дѣленіе было для нихъ несравненно болѣе роковымъ, и что они во всякомъ случаѣ сдѣлали изъ него нѣчто вполнѣ иное. У насъ, въ Германіи, масса населенія была лишь слабо затронута этимъ расколомъ и его вліяніе распространилось гораздо менѣе въ глубь и въ частности. Напротивъ того, оно охватило всю феодальную Италію, съ ея вольными городами; послѣдствія его были не только политическаго но и соціальнаго свойства, именно потому, что здѣсь были затронуты всѣ интересы.

Мы пришли къ поворотной точкѣ въ исторіи средней и верхней Италіи. Указанное нами раздѣленіе на партіи послужило началомъ итальянской демократіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предвѣстьемъ появленія городскихъ тирановъ. Во всѣхъ ломбардскихъ общинахъ временъ императора Фридриха II осуществлялась побѣда народа, въ тѣсномъ смыслѣ слова, надъ городской аристократіею. Несогласіе между родами, сдѣлавшееся теперь чисто-политическимъ, повело за собою ихъ внутреннее разслабленіе и конечное паденіе. Даже во Флоренціи, примкнувшей, однако, впослѣдствіи къ городскому движенію, симптомы этого переворота замѣчаются еще около 1215 года. Семейныя распри превращаются въ несогласія партій, аристократія дробится, народъ вовлекается въ эти ссоры, но за то доходитъ этимъ путемъ до сознанія своей силы [6]). Всюду переворотъ этотъ подготовлялся не столько энергіею народа, сколько разрозненностью и необузданностью знати. Съ другой стороны, быстрое развитіе народнаго господства подрывало все установленное и вызвало подъ конецъ тираннію.

---

[6]) Смотр. Chronaca di Paolino Pieri Fiorentino delle cose d'Italia dell'anno 1080 fino all,'anno 1305. Edidit Anton Filippo Adami, Roma MDCCLV p. 14, подъ 1215 г.—Chronica di Giovanni Villani, edd. Gherardi Dragomanni, Firenze 1844. T. 1, p. 217. Сравн. D. C., Inferno, 28, 103—109, Paradiso, 16, 136.

Указанное нами перерожденіе бытовыхъ условій верхней Италіи совершилось въ первую половину тринадцатаго столѣтія. Не успѣлъ Фридрихъ II съ помощью папы побѣдить противниковъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и возобновить традиціи своего дома, какъ снова началась борьба двухъ соперничавшихъ силъ, гигантская борьба, встревожившая до основанія весь тогдашній западный міръ и касавшаяся высшихъ вопросовъ и потребностей христіанскихъ народовъ. Цѣлый рядъ могущественныхъ папъ возстаетъ противъ этого одного императора, въ лицѣ котораго они боролись до крайности съ безпощаднымъ противникомъ не одной лишь іерархіи, но и церкви вообще, даже всего христіанства. Вся Италія полна была войнъ и опустошеній, страстей и интригъ. Ломбардія снова стала ареною борьбы; снова города находились съ папою въ союзѣ противъ императора, желавшаго вернуть ихъ къ констанцскому договору, который они превысили. Необыкновенное развитіе дѣятельности партій придавало борьбѣ совершенно особый, дикій, насильственный отпечатокъ. Понятно, что и Тоскана не могла отстраниться отъ этихъ усложненій, не оставлявшихъ ничего нетронутымъ. Послѣдовало отлученіе и низложеніе императора, торжественнѣйшимъ образомъ произнесенное на Ліонскомъ соборѣ противъ Фридриха II папою Иннокентіемъ IV. Ничего другого почти и не могло случиться, да и въ сущности никто и не желалъ ничего иного. Безпримѣрное движеніе было организовано по ту и по сю сторону Альповъ противъ императора, который въ свою очередь прибѣгнулъ къ крайнимъ мѣрамъ. Еще за много лѣтъ передъ тѣмъ онъ назначилъ своего побочнаго сына, Фридриха антіохійскаго, «генеральнымъ викаріемъ» Тосканы, чтобы обезпечить за собою эту провинцію и ея столицу. Съ 1246 года Фридрихъ антіохійскій взялъ въ свои руки верховную власть надъ самой Флоренціею, и тамошняя гвельфская партія должна была примириться съ этимъ [7]). Два года спустя императоръ пошелъ далѣе и добился насильственнаго изгнанія Гвельфовъ, для чего названный сынъ его занялъ городъ достаточно сильнымъ отрядомъ войскъ (въ январѣ 1248 г.). Однако, этотъ успѣхъ ничего не могъ измѣнить ни въ великомъ ходѣ событій, ни въ конечномъ результатѣ: достаточно хорошо извѣстно, что подъ конецъ императоръ былъ все-таки побѣжденъ и сошелъ въ могилу посреди недостойнаго ликованія его противниковъ, а съ нимъ вмѣстѣ пало и

---

[7]) Въ 1246 и 1247 г. Фридрихъ антіохійскій снова исправлялъ верховную должность podesta при посредствѣ намѣстниковъ. Сравн. вообще Perrens, Histoire de Florence, I, p. 307.

купленное такой дорогой цѣною господство Нѣмцевъ въ Италіи и все, что съ нимъ было связано.

Ѳеократія побѣдила, но только ранивъ сама себя въ пылу битвы. Ломбардскія общины глядѣли, правда, съ торжествомъ на паденіе своего противника, но и ихъ лучшіе дни были сочтены; онѣ сдѣлались добычей тирановъ, нерѣдко принимавшихъ личину демагоговъ. Послѣ смерти Фридриха, вся верхняя Италія была въ рукахъ воинственныхъ династовъ. Общины были совершенно истощены, столѣтнее напряженіе силъ повело къ политическому изнеможенію, и онѣ созрѣли для бича тирановъ, всюду поднимавшихся въ то время. Но и характеръ общественной и частной жизни сильно пострадалъ подъ вліяніемъ безграничныхъ происковъ партій. Преступленія и жестокости, измѣна и всевозможное вѣроломство совершались такъ открыто, какъ будто это составляло неизбѣжное условіе ежедневной жизни, и все мрачнѣе отмѣчали они романскій характеръ въ противоположность германскому.

И такъ, Италія была отторгнута отъ Германіи и могла теперь идти по собственному пути. Императорская власть вскорѣ сдѣлалась однимъ только воспоминаніемъ, много если дипломатическимъ орудіемъ; тоже самое случилось и съ итальянской короной, на практикѣ всегда отождествлявшеюся съ императорствомъ. Таже участь постигла и союзъ сицилійскаго государства съ Германіею или съ домомъ Гогенштауфеновъ. Двѣ главныя партіи, такъ давно уже разъединившія націю, продолжали впрочемъ существовать по прежнему, но вступили въ новую стадію своего развитія. Интересы церкви и имперіи уже положительно не составляютъ болѣе сущности программы этихъ партій, а становятся въ полномъ смыслѣ слова только вывѣсками, за которыми скрываются мірскіе, эгоистическіе интересы. Но, какъ бы то ни было, партіи все еще тутъ; онѣ разсѣяны по всему полуострову и поддерживаютъ живую связь между различными частями страны. Это была, послѣ паденія императорской власти, единственная активная политическая связь, еще дѣйствительно существовавшая въ Италіи; она свѣтится сквозь всѣ усложненія, возраставшія со дня на день, потому что и безпринципность и эгоизмъ увеличивались въ равной мѣрѣ со всѣхъ сторонъ. Съ 1250 года Италія представляла приблизительно такое же зрѣлище, какъ и Греція со времени похода Александра въ Азію.

Правда, что и теперь еще папская политика неизмѣнно шла своимъ путемъ и тѣмъ опредѣляла ближайшія судьбы Италіи. Она не считала свою побѣду обезпеченною, пока родъ Гогенштауфеновъ былъ

всесиленъ на югѣ, даже пока онъ вообще еще существовалъ. Она видѣла въ его членахъ представителей принципа, несогласимаго съ ея собственнымъ могуществомъ, и съ которымъ невозможенъ былъ никакой компромиссъ; паны забывали, правда, при этомъ, что легче погубить родъ, хотя бы даже могущественный, чѣмъ уничтожить великій историческій принципъ. Словомъ, они начали противъ потомковъ и наслѣдниковъ правъ Фридриха губительную войну. Въ Ломбардіи папа не нашелъ теперь, правда, достаточнаго числа союзниковъ. Республики уже утратили по большей части свою самостоятельность; люди въ родѣ Эццелина основали на обломкахъ народныхъ вольностей свое деспотическое господство. Аристократическое, а вскорѣ и демократическое гвельфство, со всѣми своими противоположностями, выступило всесильно въ той итальянской провинціи, силы которой не были еще истощены, а отличались напротивъ почти юношеской свѣжестью, именно, въ Тосканѣ. Здѣсь скрывались еще нетронутые зародыши, быстро распустившіеся, и центромъ ихъ сдѣлалась Флоренція. Можно сказать, что лишь только Тоскана замѣнила въ данныхъ условіяхъ Ломбардію, какъ Флоренція получила то значеніе, которымъ всего долѣе пользовался Миланъ. Послѣ безмолвнаго, тихаго развитія, она внезапно энергически вмѣшивается въ движеніе эпохи. Вымираніе рода древнихъ маркграфовъ тусскихъ, съ кончиною маркграфини Матильды, положило начало политической независимости Флоренціи, бывшей, правда, въ свое время римскою колоніею, но пришедшей впослѣдствіи въ совершенный упадокъ и возстановленной только Лонгобардами, а не Карломъ Великимъ. [8]) Съ начала двѣнадцатаго вѣка въ документахъ уже упоминается, какъ о высшихъ представителяхъ свободной городской конституціи, о консулахъ города Флоренціи. Господствующимъ сословіемъ была, прежде всего, аристократія, вышедшая частью изъ рыцарской знати, частью изъ купечества. Рыцарская знать переселилась изъ окрестностей въ самый городъ, гдѣ настроила себѣ дома, похожіе на замки и башни, имѣвшіе зачастую болѣе ста локтей въ вышину и придававшіе этому городу физіономію, надолго удержавшуюся, скорѣе воинственную, чѣмъ гражданскую. Въ это самое время, т. е. еще до императора Фридриха I, Флоренція расширила путемъ завоеваній свои владѣнія и разрушила рыцарскіе замки, мѣшавшіе торговымъ сношеніямъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависѣло ея

[8]) Срав. и для слѣдующаго: O. Hartwig, Quellen und Forschungen zur ältesten Geschichte der Stadt Florenz, I. Th. Marburg, 1875 t. 12.— K. Hegel, l. c., Кар. 5

процвѣтаніе. Въ 1125 году былъ разоренъ сосѣдній и соперничавшій съ нею городъ Фіезоле и жители его переселены во Флоренцію. Въ этотъ же промежутокъ времени немало весьма значительныхъ и впослѣдствіи часто упоминавшихся родовъ было вынуждено покинуть окрестности города и поселиться внутри его стѣнъ. Эта сельская аристократія принесла съ собою и всѣ свои недостатки, свою заносчивость и страсть къ вооруженнымъ схваткамъ, и намъ придется не разъ еще говорить, по всевозможнымъ поводамъ, о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этого слишкомъ разноднаго смѣшенія элементовъ. Это были какъ-разъ тѣ самые элементы, изъ которыхъ могли возникнуть партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Правда, что въ этой борьбѣ партій дѣло въ сущности касалось по преимуществу первенства въ городѣ. Большую часть времени гвельфскіе роды держали въ своихъ рукахъ бразды правленія. Мы уже видѣли, какъ въ 1248 году Гвельфы были изгнаны при содѣйствіи императора Фридриха II. Гибеллины захватили въ свои руки господство, и исполнительная власть была поручена Фридриху антіохійскому, располагавшему отрядомъ изъ 800 нѣмецкихъ всадниковъ. Укрѣпленные дома изгнанныхъ Гвельфовъ были немедленно же срыты. Но этотъ самый расколъ среди аристократіи, и еще болѣе тяжелое господство торжествующей партіи, пробудили дремавшія въ народѣ оппозиціонныя силы. Поэтому, когда ожесточенная малая война, которую изгнанники вели во всей странѣ, стала вестись вождями города лишь съ незначительнымъ успѣхомъ, требуя при этомъ чувствительныхъ жертвъ, гражданство, проникнутое сознаніемъ своего превосходства, возстало, упразднило безъ всякаго кровопролитія аристократическое правленіе, ввело народное господство и придало народу въ городѣ и во всей странѣ военную организацію [9]). Это случилось въ октябрѣ 1250 года, еще при жизни императора Фридриха II, и Гибеллины не могли этому помѣшать; когда впослѣдствіи пришла вѣсть о смерти императора [10]), побѣдоносное гражданство призвало обратно изгнанныхъ Гвельфовъ и принудило Гибеллиновъ торжественно заключить съ ними миръ [11]). Всего важнѣе было то, что Флоренція снова сдѣлалась гвельфскимъ городомъ.

Слѣдующіе годы протекли довольно спокойно. Флоренція скоро сдѣлалась главою гвельфской партіи въ Тосканѣ и принудила Пистойю,

---

[9]) Paolino Pieri, l. c., подъ 1250 годомъ.—G. Villani, l. c., VI. 39. — Perrens l. c., стр. 323 и слѣд.

[10]) † 13 декабря 1250 г.

[11]) G. Villani, l. c., VI, 42.

Ареццо и Сіену вступить съ нею въ союзъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, разъ возникшій уже антагонизмъ не изглаживался и ходъ событій шелъ своей чредой. Народъ ненавидѣлъ Гибеллиновъ и склонялся къ Гвельфамъ, скоро получившимъ большое вліяніе на управленіе городомъ. Гибеллины не были расположены допустить, сложа руки, осуществленіе своего политическаго уничтоженія. Вслѣдствіе этого они обратили взоры на короля Манфреда, славнаго сына Фридриха II, чтобы съ его поддержкою снова завоевать свое утраченное положеніе. Несмотря на противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны папы Иннокентія IV, вернувшагося въ Римъ вслѣдъ за смертью императора Фридриха, и его преемника, Манфредъ утвердился въ Апуліи. Братъ его, Конрадъ IV, умеръ вскорѣ послѣ того, какъ онъ явился, чтобы вступить во владѣніе своимъ наслѣдственнымъ царствомъ; Конрадинъ былъ еще ребенокъ и находился въ далекой Германіи; симпатіи страны были на сторонѣ Гогенштауфеновъ, и такимъ образомъ Манфредъ возложилъ въ 1258 г. на свою голову царскій вѣнецъ. Онъ былъ представителемъ единственной силы, отъ которой тосканскіе Гибеллины могли ожидать дѣйствительной помощи. Однако надежды эти не осуществились; условленный съ Манфредомъ планъ былъ открытъ до его осуществленія, и виновники его, застигнутые врасплохъ Гибеллины, изгнаны изъ города. [12]).

Однако и это не повело къ успокоенію города. Причина продолжительнаго военнаго положенія въ этихъ республикахъ заключалась въ томъ, что побѣжденная партія не покорялась своей участи, какъ было, напримѣръ, въ Греціи, и не искала новой родины, а постоянно стремилась, напротивъ, къ возвращенію въ отчизну и къ своему возрожденію; когда-же ей это удавалось, побѣжденные побѣдители шли по тому же пути. Такъ дѣлали теперь и изгнанные флорентинскіе Гибеллины. Они не потеряли мужества, потому только, что ихъ прежнія надежды на содѣйствіе Манфреда не осуществились, строили новые планы, для того чтобы насильно открыть себѣ ворота Флоренціи, но прежде всего собрали для этой цѣли всѣ наличныя силы своей партіи въ верхней и средней Италіи. Въ свою очередь и король Манфредъ, послѣ того, какъ не удались его попытки соглашенія съ римскою куріею, употреблялъ съ успѣхомъ громадныя усилія, чтобы укрѣпиться въ верхней и средней Италіи и стѣснить и съ этой стороны своего непримиримаго врага. Флорентинскіе Гвельфы не упустили изъ виду эту грозную опасность, и вслѣдствіе того и сами въ

[12]) G. Villani, l. c., VI, 65.

свою очередь подыскивали себѣ союзника. Взоры ихъ остановились на кастильскомъ королѣ Альфонсѣ. Извѣстно, что въ Германіи послѣ смерти короля, выставленнаго противною партіею, Вильгельма голландскаго, произошли двойные выборы. Одна партія выставила кандидатомъ на престолъ графа Ричарда корнваллійскаго, другая—короля Альфонса кастильскаго, словомъ, обѣ партіи выставили чужеземцевъ. Что касается избранія кастильца, то есть указаніе, что оно было подстроено изъ Пизы главою верхне-итальянскихъ Гибеллиновъ. Кровь Гогенштауфеновъ, текшая въ жилахъ Альфонса, доставила ему это своеобразное отличіе, на встрѣчу которому однако и онъ съ своей стороны шелъ съ величайшей энергіей [13]). До такой степени перепутались всѣ политическія комбинаціи, что гвельфская Флоренція могла искать помощи у внука Гогенштауфена, Филиппа, противъ сына Фридриха II. Какъ бы то ни было, Флорентинцы отправили къ Альфонсу депутацію въ этихъ видахъ и поставили во главѣ ея наиболѣе выдающагося изъ своихъ государственныхъ людей, именно, Брунетто Латини [14]), но посольство это не имѣло успѣха, такъ какъ въ то самое время на родинѣ неожиданно разразился рѣшительный ударъ. Флорентинцы были вынуждены, не найдя ни въ комъ поддержки, рѣшить дѣло оружіемъ. Изгнанные Гибеллины, ставшіе на сторону родственной имъ партіи и подкрѣпленные вспомогательными отрядами короля Манфреда, съумѣли вовлечь своихъ воинственныхъ противниковъ въ битву, разыгравшуюся на Арбіи близъ Монтаперто, гдѣ они и одержали полнѣйшую побѣду (4 сентября 1260 года). Побѣжденные Гвельфы такъ растерялись, что начали отступленіе не къ Флоренціи, а къ бывшей съ ними въ союзѣ Луккѣ. Побѣдители заняли безъ сопротивленія со сто-

---

[13]) Böhmer, Regg. Imp. съ 1246—1313, стр. 252. Schirrmacher, Die letzten Hohenstaufen, стр. 146.—Въ своемъ испугѣ Флорентинцы пытались поднять противъ Манфреда, подобно королю Ричарду корнваллійскому, и молодого Конрадина. Schirrmacher, l. c., стр. 185.

[14]) Брунетто Латини, въ своемъ Tesoretto (см. ниже) говоритъ объ этой миссіи:

Esso commune saggio
Mi fece suo messagio
All alto Re di Spagna
Ch'era Re d'Alemagna—
Ed io presi campagna,
E andai in Ispagna,
E feci l'ambasciata
Che mi fu comandata.

Срав. Schirrmacher, l. c., стр. 185. 179.

роны народа незащищенный городъ, отдали его подъ главенство короля Манфреда и снова учредили строгое аристократическое правленіе, жертвою котораго стала только что упомянутая самостоятельная, политическая и военная организація народа (popolo) [15]). Однако Гибеллины отнюдь не обманывали себя относительно своего непрочнаго положенія во Флоренціи. Отсюда возникло предложеніе, сдѣланное въ Эмполи на собраніи партіи, уничтожить совершенно городъ, такъ какъ иначе невозможно обезпечивать перевѣсъ Гибеллиновъ въ Тосканѣ. [16]) Отчаянное предложеніе это осталось, благодаря сопротивленію Фаринаты делли Уберти, неосуществленнымъ [17]), но опасеніе, внушившее его, осуществилось весьма скоро.

Благодаря новѣйшимъ событіямъ, король Манфредъ получилъ силу и значеніе, которому въ Римѣ не желали дать укрѣпиться. Уже вскорѣ послѣ смерти императора Фридриха папа свыкся съ мыслью противопоставить ненавистному дому Гогенштауфеновъ, въ качествѣ сицилійскаго короля, чужеземнаго принца съ гвельфскими симпатіями. Послѣ того, какъ переговоры съ однимъ англійскимъ принцемъ не удались, папа Климентъ IV склонился въ пользу Карла анжуйскаго, человѣка столь же властолюбиваго, какъ и безпощаднаго и безчеловѣчнаго, брата французскаго короля Людовика IX, отнюдь не схожаго съ нимъ. Карлъ не обманулъ довѣрія, оказаннаго ему Римомъ: въ битвѣ при Беневентѣ погибъ славный Манфредъ. [18]) Изгнанные въ то время отовсюду тосканскіе Гвельфы, съ папскимъ гербомъ вмѣсто знамени, помогли побѣдѣ анжуйскаго принца; въ сущности и ихъ дѣло рѣшалось тутъ. Карлъ получилъ корону сицилійскаго королевства изъ рукъ папы-сюзерена; всѣ гогенштауфенскія воспоминанія безпощадно сглаживались и уничтожались по ту, и по сю сторону пролива.

Этотъ поворотъ въ дѣлахъ немедленно отозвался на Тосканѣ, и прежде всего на Флоренціи. Паденіе Манфреда сдѣлало положеніе господствовавшихъ тамъ Гибеллиновъ ненадежнымъ и окончательно лишило ихъ всякой самоувѣренности. Подъ давленіемъ обстоятельствъ они надѣялись спасти себя уступками народу, касавшимися город-

---

[15]) Paolino Pieri, l. c., подъ 1260 год.—Villani, l. c., 78—80.— Inferno, X, 55. XXII, 81.

[16]) Villani, l. c., VI. 82.

[17]) Inferno, X, 91.

[18]) 26 февраля 1266.—Inf. 28; 12. (Извѣстно, что Дантъ смѣшалъ въ этомъ мѣстѣ Чеперано и Беневентъ; срав. Scheffer-Boichorst, Florentiner Studien, стр. 243, прим. 3.) — Purgat., 3, 112 и слѣд.—Для срав. Schirrmacher, l. c., стр. 628 и слѣд.

ского управленія; но вслѣдствіе этой уступчивости народъ сталъ еще непокорнѣе и отказалъ въ повиновеніи. Когда намѣстникъ, графъ Гвидо Новелло, назначенный еще королемъ Манфредомъ, захотѣлъ взять назадъ сдѣланныя уступки, народъ, подстрекаемый папою Климентомъ IV, не замедлившимъ вмѣшаться, воспротивился этому съ оружіемъ въ рукахъ; тогда намѣстникъ потерялъ мужество и покинулъ городъ съ своимъ отрядомъ; Гибеллинамъ, тщетно старавшимся помѣшать этому, ничего не оставалось дѣлать, какъ слѣдовать за нимъ. Когда же они на слѣдующій день все таки захотѣли вернуться вмѣстѣ съ намѣстникомъ, они нашли ворота крѣпко запертыми [19]).

Народная партія, восторжествовавшая такимъ образомъ, ввела теперь на собственный страхъ городскую конституцію на тѣхъ основаніяхъ, которыя были положены ею еще послѣ ея первой побѣды; изгнанные послѣ битвы при Монтаперто Гвельфы вернулись изъ изгнанія, и точно также были возвращены и Гибеллины, незадолго передъ тѣмъ вытѣсненные, послѣ чего была сдѣлана попытка слія-нія, или хоть примиренія, двухъ партій посредствомъ браковъ между обѣими сторонами. Въ это-то время позднѣйшій другъ тогда только двухлѣтняго Данта, Гвидо Кавальканте, женился на дочери Фаринаты делли Уберти, храбрѣйшаго изъ Гибеллиновъ [20]).

И на этотъ разъ сила антагонизма разстроила всѣ добрыя намѣренія; натянутость осталась, довѣріе не вернулось. Гвельфы хотѣли господствовать, вмѣсто того чтобы стать съ противниками на одинъ уровень, а Гибеллины не выказывали благодарности за оказанную имъ терпимость. Тогда пришли первыя вѣсти о походѣ Конрадина. Униженная гогенштауфенская партія исполнилась новыхъ надеждъ и высказывала ихъ слишкомъ нетерпѣливо. Нетерпѣніе это ускорило ихъ участь. Гвельфская фракція, все еще находившаяся въ нѣкоторой связи съ народомъ, еще болѣе сблизившаяся съ нимъ вслѣдствіе грозившей опасности, ставшая подозрительною и подстрекаемая вѣчно недовѣрчивымъ папою, на всякій случай испросила себѣ у неаполитанскаго короля Карла вооруженную поддержку. Карлъ обѣщалъ ее своимъ преданнымъ союзникамъ и тѣмъ придалъ имъ такую заносчивость, что Гибеллины предпочли очистить мѣсто безъ борьбы, еще до прибытія вспомогательнаго отряда [21]). Флоренція, подобно Лук-

[19]) Ноябрь 1266 г.—Paol. Pieri, подъ этимъ год.—Villani, l. c., VII, 14.

[20]) Villani, l. c., VII. 15.—Perrens, l. c, II. c. 2.

[21]) Въ апрѣлѣ 1267 г.—Въ числѣ выселившихся тогда Гибеллиновъ находился и предокъ Мирабо, Аццуччіо Арригетти.

кѣ и другимъ тосканскимъ мѣстностямъ, вручила городское управленіе королю Карлу анжуйскому, котораго немедленно вслѣдъ затѣмъ папа провозгласилъ охранителемъ мира (такъ какъ императорскій престолъ былъ вакантнымъ), и имперскимъ правителемъ всей Тосканы, т. е. отдалъ въ его руки всю провинцію съ тѣмъ, чтобы напередъ обезпечить за собой въ предстоявшей рѣшительной борьбѣ эту важную позицію [22]).

Остальное извѣстно. Въ слѣдующемъ году совершилась на эшафотѣ въ Неаполѣ все еще оставшаяся неисполненною казнь Конрадина. Фактъ этотъ надолго скрѣпилъ пораженіе и безнадежность партіи Гибеллиновъ; ни по ту, ни по сю сторону Альповъ не было временно никого, кто бы могъ наполнить пробѣлъ, оставленный гибелью Гогенштауфеновъ.—Слабая попытка, сдѣланная въ слѣдующіе затѣмъ годы ломбардскими Гибеллинами, поставить во главѣ своей партіи внука императора Фридриха II, соименнаго съ нимъ сына ландграфа Альбрехта тюрингенскаго, ограничилась лишь первыми приготовленіями [23]). Словомъ, Италія эманципировалась отъ Германіи, и побѣдоносный, такъ называемый, гвельфскій принципъ, считаемый, по всей вѣроятности, и національнымъ, могъ теперь изливать безпрепятственно надъ предоставленнымъ самому себѣ полуостровомъ, всю полноту своей благодати.

Описанный нами результатъ: паденіе феодализма и императорской власти и отпаденіе Италіи отъ Германіи, былъ уже часто изображаемъ и даже чествовался, какъ полнѣйшее выраженіе итальянской національности, достигшей наконецъ полнаго развитія и силы. Въ этомъ взглядѣ есть своя доля правды. И, если нельзя не признать, что въ этомъ событіи участвовали и исполнили значительную часть труда понятія и силы совсѣмъ иного рода, какъ напримѣръ, универсальнѣйшая сила въ мірѣ, церковь, то тѣмъ не менѣе уже одинъ тотъ фактъ, что съ этимъ политическимъ переворотомъ тѣсно совпадаетъ побѣдоносное возникновеніе національно-итальянской литературы, могъ бы успѣшно подкрѣпить упомянутое нами воззрѣніе.

Какъ-бы то ни было, весьма поразительно, что этотъ народъ, который опередилъ всѣ остальные народы запада почти во всѣхъ

---

[22]) Villani VII. 16.—Kopp, Geschichte der eidgenössischen Bünde, II, томъ, 2 отдѣлъ, 2 половина, стр. 75 и слѣд.—Perrens, l. c., 2 т., гл. 2.

[23]) Срав. мою книгу: Friedrich der Freidige, Markgraf von Meissen, Landgraf von Thüringen, und die Wettiner seiner Zeit, Nordlingen 1870.—Schirrmacher, l. c., стр. 386 и слѣд.

прочихъ культурныхъ моментахъ и сдѣлался ихъ наставникомъ, позднѣе всѣхъ другихъ выработалъ себѣ національный языкъ и литературу. Несомнѣнно, однако, что тѣ націи, которыя всего дальше стояли отъ древняго міра, всего позднѣе приняли христіанство и всего долѣе сохраняли свои первоначальныя бытовыя условія, раньше другихъ выработали національную поэзію. Такъ германскія племена—раньше романскихъ, а изъ послѣднихъ всего позднѣе опять таки Итальянцы.

Этимъ явленіемъ, генезисомъ итальянскаго языка, должны мы заняться здѣсь, по возможности кратко [24]).

Новѣйшіе Итальянцы, какъ извѣстно, не были народомъ однороднаго происхожденія, какъ, напримѣръ, Нѣмцы; здѣсь не возникъ изъ немногихъ значительныхъ нашествій побѣдоносныхъ враговъ одинъ новый народъ, какъ было напримѣръ у Французовъ и Англичанъ. Напротивъ того, итальянскій народъ сложился изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ и процессъ образованія настоящей итальянской національности длился болѣе полу-тысячелѣтія,—мы убѣдимся въ этомъ, если съ момента его окончательнаго развитія обратимся назадъ къ первому ясному началу разрушенія древней римской культуры и посмотримъ на нарѣчіе, свойственное цѣлому народу и развившееся въ письменный языкъ, какъ на разцвѣтъ и истинную сущность національности. Непрерывное вторженіе съ сѣвера чуждыхъ народныхъ элементовъ, продолжительное господство Нѣмцевъ въ связи съ существованіемъ имперіи, введеніе феодализма, владычество Грековъ на югѣ, и многія другія причины могли только замедлить возникновеніе итальянской національности. Языкъ завоевателей занялъ, правда, небольшое мѣсто въ жизни, и сами они, по своему внѣшнему виду, утратили природныя особенности еще въ одиннадцатомъ столѣтіи; тѣмъ не менѣе они придали всему положенію дѣлъ извѣстное направленіе, неизбѣжно затруднившее образованіе богатой задатками національности.

Понятно, что даже такой несложившійся еще народъ, какимъ были Итальянцы съ шестого столѣтія, не могъ однако обойтись безъ письменнаго языка; но именно такой-то языкъ и перешелъ у нихъ изъ древняго въ новое время,—это былъ именно латинскій языкъ.

---

[24]) Срав. для слѣдующаго книгу Форіэля: Dante et les origines de la langue et de la littérature italiennes, II vol. Paris, 1854.—Bartoli: I primi due secoli della letteratura italiana, Milano. Dott. Francesco Vallardi (отдѣлъ изданія: Storia litteraria d'Italia scritta da una Societa di amici sotta la direzione di Pasquale Villari), Class. I—III.

Какъ ни падалъ и ни вырождался онъ, тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ удовлетворялъ многимъ общимъ потребностямъ, и, быть можетъ, все въ большей степени оказывался пригоднымъ по мѣрѣ того, какъ утрачивалъ свою первоначальную чистоту и изящество; къ тому же въ глазахъ массы туземнаго населенія онъ имѣлъ еще то важное преимущество, что былъ нарѣчіемъ великихъ предковъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церкви. Несомнѣнно, что вплоть до четырнадцатаго столѣтія латынь была въ большей части страны языкомъ богослуженія, проповѣди, судовъ и администраціи, и этотъ многократно уже подтверждавшійся фактъ остался бы загадкою, еслибъ нельзя было предположить, что лучшая часть населенія, въ особенности въ городахъ, дѣйствительно понимая его, говорила на ново-латинскомъ языкѣ. Этимъ путемъ возникла весьма рано литература, правда сравнительно грубая, почти народная, но которая служила выраженіемъ никогда не умолкавшихъ поэтическихъ стремленій и потребностей народа и заключала въ себѣ все, что возбуждало симпатіи Итальянцевъ и ихъ фантазію. Въ этомъ смыслѣ литература эта и по своему содержанію была истинно-національною,—итальянскою. Несмотря на языкъ, принадлежавшій древнему міру, она не имѣла въ себѣ ничего античнаго, римскаго. Вѣдь и сама латынь эта не была уже въ сущности древней латынью, а преобразованною, искаженною и исполненною средневѣковаго духа. Этотъ видъ литературы продолжалъ существовать еще послѣ тринадцатаго столѣтія и можетъ быть прослѣженъ въ его побѣгахъ даже тогда, когда національный геній Данта уже шумно расправилъ свои далеко засіявшія крылья. Вплоть до временъ Каролинговъ мы можемъ прослѣдить эту популярную, ново-латинскую литературу, которая, по свойству самого дѣла, преимущественно принадлежала къ области поэзіи. Въ сущности отъ нея сохранилось немногое, но все-же достаточно для того, чтобы вѣрно опредѣлить ея характеръ и размѣры утраченнаго нами. Національныя и историческія преданія и событія составляли содержаніе этой литературы, начиная съ борьбы Лонгобардовъ и Франковъ вплоть до крестовыхъ походовъ на востокъ и противъ Арабовъ въ Испаніи, и до борьбы городовъ съ императоромъ Фридрихомъ II [25]). Многія изъ древнѣйшихъ произведеній этого рода, погибшихъ въ ихъ первоначальной поэтической формѣ, нашли себѣ, превратившись въ прозу, доступъ въ хроники,—такъ, напримѣръ, сказаніе о Вальтерѣ аквитанскомъ и

---

[25]) Срав. поэму: De Victoria Urbe eversa, напечатанную теперь и въ Mon Germ. Hist. Ss., ч. 18.

о встрѣчахъ Карла Великаго съ Адельгизомъ попали въ хронику новалезскаго монастыря, а преданія Флорентинцевъ о древнѣйшей будтобы исторіи ихъ города—въ сочиненія Виллани и его послѣдователей. Послѣ этихъ немногихъ указаній не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что эта новолатинская поэзія занимала въ Италіи въ теченіе многихъ вѣковъ выдающееся, чисто національное положеніе. Первый ущербъ ему былъ нанесенъ вторженіемъ въ Италію провансальской поэзіи, пока наконецъ въ четырнадцатомъ столѣтіи новолатинская литература была совершенно оттѣснена на задній планъ возникновеніемъ поэзіи, національной уже по самому ея языку.

Зарожденію національной литературы въ Италіи предшествовало, однако, грандіозное развитіе другихъ областей и формъ духовной жизни, чѣмъ въ свою очередь объясняется, какимъ образомъ итальянская поэзія, едва лишь успѣвъ возникнуть, могла въ поразительно краткое время опередить поэзію всѣхъ остальныхъ народовъ и быстро возвыситься до значенія поэзіи классической. Всего важнѣе въ этомъ отношеніи ученое занятіе древнѣйшею, въ особенности римскою литературою. Изученіе это никогда вообще не прекращалось въ такой степени, какъ это полагали долгое время, и такъ называемые варвары никогда не относились къ нему равнодушно или даже съ вредной для него враждебностью, о чемъ такъ охотно бывало толковали [26]). Послѣдовательность въ изученіи никогда не прерывалась окончательно, если и происходила иногда при весьма скромныхъ обстоятельствахъ. Уже одно существованіе латинскаго языка, хотя и выродившагося, въ качествѣ языка живого, какъ было нами сейчасъ указано, мѣшало полному вытѣсненію этого изученія. Уже рано возникло сословіе ученыхъ и учащихъ мірянъ, избравшихъ это преподаваніе своей профессіею и преподававшихъ въ большихъ городахъ древнеримскій языкъ и литературу съ такимъ успѣхомъ, что сама церковь стала относиться къ нимъ недовѣрчиво и ревниво [27]). Съ усиленіемъ церкви въ одиннадцатомъ столѣтіи и съ начинающимся развитіемъ итальянскихъ городовъ, эти ученыя занятія римскимъ языкомъ и литературою вступили въ новую плодотворную

---

[26]) Сравни по этому вопросу: Guilielmus Giesebrecht De litterarum studiis apud Italos primis medii aevi saeculis. Berolini, 1845.—Ozanam, documents inédits pour servir à l'histoire littéraire de l'Italie depuis le VIII siècle jusqu'au XIII avec des recherches sur le moyen âge italien, Paris 1850.—Точно также и приведенное уже сочиненіе Форіэля о Дантѣ и происхожденіи итальянской литературы и языка.

[27]) Срав. Osanam, l. c., p. 10.

стадію, во время которой они, несмотря на всѣ препятствія, навсегда упрочили свою побѣду. Съ этимъ въ связи находится послѣдовавшее за тѣмъ обновленіе римскаго законовѣдѣнія и расцвѣтъ богословскихъ наукъ. Правда, что настоящимъ центромъ для послѣднихъ сдѣлалась Франція, и именно парижскій университетъ; но Италія все таки дала имъ первый импульсъ, и такіе люди, какъ Ансельмъ и Ланфранкъ, вышли изъ нея; и въ позднѣйшее время она выставила значительныя силы, въ томъ числѣ даже самого главу схоластиковъ. Обновленіе римскаго права принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ одной Италіи и является прежде всего продуктомъ развитія ея городскихъ вольностей. Съ средины двѣнадцатаго вѣка оно овладѣло почти всѣми дѣятельными умами. Изученіе римскаго языка и литературы было даже превзойдено рвеніемъ къ римскому праву. Весьма характеристично для этого переворота въ дѣлахъ, что такой человѣкъ, какъ Ирнерій, преподававшій сначала гуманистическія науки въ Болоньѣ, бросилъ ихъ вслѣдъ затѣмъ и перешелъ къ римскому праву. Какъ ни мало, повидимому, изученіе это выходило за предѣлы ученаго цеха, оно все-таки дѣйствовало возбуждающимъ образомъ даже внѣ его и изощряло умы, распространяясь по всей Италіи, хотя Болонья и оставалась по прежнему оживляющимъ центромъ его [28]). Около средины тринадцатаго столѣтія мы встрѣчаемъ подобныя юридическія школы въ Падуѣ и Моденѣ, въ Верчелли и Піаченцѣ, въ Римѣ и Неаполѣ; такъ прежде не было ни одного сколько нибудь значительнаго города, который не имѣлъ бы своей школы для преподаванія научныхъ предметовъ [29]). Процвѣтаніе съ 1100 г. медицинскихъ наукъ въ высшей школѣ въ Палермо всѣмъ извѣстно. Прошло немного времени, и уже изученіе всѣхъ точныхъ наукъ вообще испытало свои юныя силы [30]). Этими науками занимались не спеціалисты-ученые, а люди дѣятельные, практическіе. Поднятіе этихъ наукъ было вызвано безпримѣрною торговою дѣятельностью и ея потребностями. Въ особенности предавались ей съ замѣчательнымъ успѣхомъ итальянскіе приморскіе города. Венеція, Генуя, Пиза распространяли свои сношенія во всѣ стороны, основывали торговыя станціи и склады товаровъ въ Константинополѣ и на сирійскомъ берегу, въ Египтѣ и Тунисѣ, и содѣйствовали столь важнымъ по

[28]) Savigny, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, томъ VI, гл. 47 и дальн.

[29]) Tiraboschi, Geschichte der italienischen Literatur, томъ VII.

[30]) Срав. Libri, Histoire des sciences mathématiques en Italie au moyen âge P., II, III.

своимъ результатамъ сношеніямъ между востокомъ и западомъ, даже въ то время, когда улеглось одушевленіе крестовыхъ походовъ. Страстные во всемъ, они и этой дѣятельности предавались со страстью и заносили свои несогласія и на берега Азіи и Африки. Деньги стали играть свою обычную могущественную роль, и вскорѣ богатые торговые дома въ Венеціи и Генуѣ, въ Пизѣ и Флоренціи сдѣлались модными мѣновыми центрами запада. Такъ возникла великая сила современной Европы, подчинившая себѣ подъ конецъ всѣ остальныя, именно сила денегъ. Случалось, что предпріимчивые люди, въ особенности изъ Флорентинцевъ, покидали родину на долгіе годы, отправлялись вдаль, всего чаще во Францію, и возвращались домой только послѣ счастливыхъ денежныхъ оборотовъ.

Этотъ реализмъ отнюдь не былъ лишенъ однако своего идеальнаго противовѣса. Я говорю о той ревнивой заботливости, съ которою общины шли на встрѣчу движеніямъ и потребностямъ человѣческаго духа. Такъ возникли тѣ грамматическія и юридическія школы, о которыхъ было сказано выше. Такъ сооружались тѣ грандіозные соборы, тѣ, похожія на чертоги, роскошныя общинныя зданія, на которыя историки городского быта любятъ указывать съ такою краснорѣчивой гордостью. И само это городское бытописаніе стоитъ во главѣ ученыхъ трудовъ Итальянцевъ тѣхъ временъ. Если что либо можетъ особенно убѣдительно доказать значительное первенство тогдашнихъ Итальянцевъ надъ остальнымъ западомъ въ духовномъ развитіи, то именно оно. Занятіе итальянскою исторіею отчасти перешло въ руки образованныхъ мірянъ еще во время императора Фридриха I. Самостоятельное, литературно-образованное сословіе мірянъ развилось на этой почвѣ, на почвѣ свободы и жаркой борьбы во имя ея, слишкомъ на цѣлое столѣтіе раньше всѣхъ остальныхъ странъ, и мнѣ кажется весьма знаменательнымъ, что уже въ это время современная исторія, освѣщаемая съ точки зрѣнія государственной политики, составлялась свѣтскими писателями, между тѣмъ какъ повсюду слагались однообразныя любовныя стихотворенія, съ которыхъ по ту сторону Альповъ, и при томъ даже въ гораздо болѣе поздній періодъ, началась дѣятельность духовно-независимаго сословія образованныхъ мірянъ. Всѣ эти историческія сочиненія могли разсчитывать на внимательную публику, такъ какъ зачастую сами правители города побуждали къ занятію подобными трудами. Случалось, что такая хроника, прежде, чѣмъ она становилась общимъ достояніемъ, подвергалась общественной критикѣ. Такъ Роландинъ падуанскій передаетъ намъ, что въ 1262 г. онъ прочелъ въ монастырѣ свя-

того Урбана свою хронику, посвященную исторіи этого города, передъ всѣмъ составомъ высшей школы и вызвалъ щедрыя похвалы; хроника его была одобрена и утверждена [31]). Понятно, что мѣстный патріотизмъ игралъ немаловажную роль въ этомъ интересѣ къ историческимъ розысканіямъ. Ему придавалось большое значеніе, и ни одинъ хронистъ не могъ разсчитывать на чью либо благодарность, если ему не удалось поставить судьбы даннаго города въ непосредственную связь съ римскою исторіею, или если не оказывалось, что самъ Эней—или же одинъ изъ его спутниковъ или потомковъ, былъ его основателемъ. Насколько именно въ Верхней Италіи популяризованныя ученыя преданія древняго міра являлись какъ бы собственностью свѣтскихъ писателей, можетъ-быть отчасти доказано относящеюся къ области нѣмецкой литературы дидактической поэмою объ «Итальянскомъ гостѣ», авторъ которой былъ завѣдомо природнымъ Итальянцемъ изъ Фріуля [32]).

Въ эпоху императора Фридриха II возникъ еще второй образовательный элементъ, именно изученіе греческаго языка. Какъ извѣстно, происходило не мало споровъ о той степени, на которой находилось изученіе этого языка въ наиболѣе раннюю пору среднихъ вѣковъ. Онъ дѣйствительно сохранялся, какъ живой языкъ, въ прежнихъ греческихъ провинціяхъ Италіи, въ особенности на островѣ Сициліи. Вопросъ состоитъ въ томъ, на сколько этотъ фактъ послужилъ плодотворнымъ импульсомъ для изученія греческой литературы. Въ дѣйствительности положеніе дѣлъ состояло повидимому въ томъ, что знакомство съ классическимъ языкомъ Греціи не вымирало окончательно даже въ самую грубую эпоху средневѣковья, но оно безспорно оставалось здѣсь долгое время достояніемъ немногихъ. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ весьма слабое вліяніе этого обученія; эта же сторона вопроса была-бы, конечно, всего важнѣе. Удивляться этому нельзя: изученіе этого языка не имѣло большею частью никакого практическаго интереса; покрайней мѣрѣ древнѣйшія отношенія церкви къ Константинополю не имѣли тутъ прямого вліянія. Лишь тогда, когда богословіе сдѣлалось наукою, возникъ этотъ интересъ, и греческій языкъ сталъ прилежно изучаться. Однако, даже такой существенно не богословскій, но геніальный умъ, какъ Фридрихъ II, весьма скоро разгадалъ значеніе разработки этого языка, на которомъ онъ самъ и говорилъ и писалъ, и который имѣлъ, правда, для него очевидную

---

[31]) Muratori, SS. Rerum Ital. томъ VIII, стр. 360.

[32]) Издана Генрихомъ Рюккертомъ, въ Кведлинбургѣ и Лейпцигѣ, 1852 г.

практическую цѣнность; вслѣдствіе этого онъ оказывалъ ему съ своей стороны всевозможную поддержку. Такимъ образомъ случилось, что въ эпоху его смерти почти всѣ сочиненія Стагирита были переведены на латинскій языкъ прямо съ оригинала, между тѣмъ, какъ прежніе переводы доставались христіанскому западу лишь окольными путями, именно при посредствѣ Арабовъ [33]).

При всемъ томъ, за исключеніемъ сочиненій Аристотеля, вліяніе истинно-греческаго духа и знаніе греческой литературы остались вплоть до четырнадцатаго вѣка весьма ничтожными. Не то было, повторяемъ, съ римскою литературою. То, что было доступно въ историческихъ, поэтическихъ или другихъ сочиненіяхъ Римлянъ, весьма скоро перешло въ плоть и кровь; въ этой области всѣ чувствовали себя, какъ дома; здѣсь сталкивались родственные элементы. Эллинизмъ былъ все еще слишкомъ чуждъ новому поколѣнію. Изученіе Аристотеля, даже если принять его за выраженіе истинно-греческаго духа, все-таки не далеко выходило изъ школьныхъ рамокъ.

Всѣ остальныя великія имена греческой литературы были еще неизвѣстны и не открыты. Даже во времена Данта не было еще полнаго перевода Гомера, и Боккачьо могъ гордиться тѣмъ, что впервые ввелъ его въ Италію. Что касается Эсхила и Софокла, Пиндара и Аристофана, то ихъ едва-ли знали даже по имени. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на изученіе греческаго языка, поскольку имъ тогда занимались. Греческія сказанія и миѳы еще долгое время изучались лишь изъ вторыхъ рукъ—изъ римскихъ писателей и поэтовъ, напримѣръ, изъ Метаморфозъ Овидія и другихъ сочиненій. Однѣ только естественныя науки, да развѣ еще политическія доктрины и схоластика получали очевидную выгоду отъ этого знанія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти условія, изученіе это содѣйствовало зрѣлости и изощренію итальянскаго народнаго духа, оставаясь даже въ данныхъ предѣлахъ.

При такихъ условіяхъ и въ виду того, что около средины тринадцатаго вѣка всѣ зародыши богатыхъ дарованій этого народа перешли уже изъ цвѣта въ плодъ, по всему положенію вещей и по всѣмъ аналогіямъ необходимо должны были побѣдоносно возникнуть и національный языкъ и поэзія, завершая все предшествовавшее общее развитіе какъ будто для того, чтобы переполнилась мѣра подобныхъ отклоненій отъ общаго закона. Въ Италіи сложилось притомъ еще одно

[33]) Смотр. Jourdain, Geschichte des Aristoteles in Mittelalter, переводъ на нѣмецкій языкъ Штара. Halle, 1831.

оригинальное явленіе,—когда произошелъ весьма поздній переходъ къ поэзіи на народномъ языкѣ, то это было прежде всего не мѣстное, но опять чуждое нарѣчіе. Съ половины двѣнадцатаго столѣтія сюда проникаетъ провансальская поэзія, поэзія трубадуровъ [34]); но приэтомъ ей не подражали на мѣстномъ языкѣ или съ чисто итальянскими пріемами, а напротивъ, провансальскіе поэты лично появляются въ Италіи, пропагандируютъ свою поэзію, и подъ вліяніемъ этого стимула за ними слѣдомъ идутъ Итальянцы и въ теченіе цѣлаго столѣтія пишутъ стихи и поютъ по ихъ образцу. Это вторженіе трубадуровъ и ихъ рыцарской поэзіи неоспоримо связано съ возникновеніемъ въ Италіи рыцарства со всѣми его обычаями. Они впервые появляются во времена императора Фридриха I и развиваются приблизительно съ 1180 г. на наиболѣе подходящей для нихъ почвѣ, при феодальныхъ дворахъ монферратскаго и эстскаго маркграфовъ, властителей Вероны и Тревизы и наконецъ, графовъ Маласпина въ Луниджьянѣ, имя которыхъ получитъ для насъ впослѣдствіи удвоенное значеніе. Альбигойскія войны, уничтожившія цвѣтъ провансальской культуры и разогнавшія во всѣ стороны всю массу трубадуровъ, привели значительное число ихъ, по слѣдамъ ихъ предшественниковъ, за Альпы, гдѣ мы и находимъ ихъ у названныхъ выше дворовъ и прежде всего при дворѣ императора Фридриха II, который, во время своей борьбы съ іерархіею, охотно приближалъ ихъ къ себѣ, не изъ одной только поэтической склонности, но и изъ-за ихъ вліянія на общественное мнѣніе. Это второе поколѣніе трубадуровъ является въ странѣ не мимолетнымъ гостемъ; они становятся почти природными Итальянцами, по крайней мѣрѣ принимаютъ сильнѣйшее участіе въ судьбахъ націи и въ борьбѣ, ее волнующей. Трубадуры находятся по большей части на сторонѣ Гибеллиновъ, но и гвельфскія симпатіи не остались безъ представителей.

Рыцарская поэзія трубадуровъ была древнѣйшею искуственною поэзіею запада. Извѣстно, что сначала она была не исключительно любовнымъ стихотворствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзіею борьбы, политической поэзіей, если можно такъ выразиться. Въ пѣсняхъ, подобныхъ стихотвореніямъ Бернара де-Вантадура, раздается веселый боевой звукъ мечей; въ сервентахъ въ родѣ тѣхъ, которые слагалъ **Peire Cardinal**, какъ будто несутся стрѣлы прямо въ вырождающееся духовенство. Великая борьба вассаловъ противъ сюзереновъ, усложненія между Франціею и Англіею, война Рима противъ Альби-

[34]) Сравн. упомянутое сочиненіе Форіэля и его Histoire de la poésie provençale.—Diez, die Poesie der Troubadours.

гойцевъ, все это находитъ громкій отзвукъ въ поэзіи трубадуровъ. Послѣ того, какъ разсѣявшимся трубадурамъ удалось основать себѣ новую родину преимущественно въ Италіи, они исчезаютъ оттуда почти одновременно съ гибелью Гогенштауфеновъ, такъ какъ новое поколѣніе пѣвцовъ едва-ли могло выйдти изъ ихъ среды, послѣ того, какъ изсякъ на ихъ родинѣ источникъ ихъ происхожденія. Провансальская поэзія не погибла, правда, вмѣстѣ съ ними въ Италіи; было уже замѣчено, что еще гораздо раньше группы рыцарей завладѣли тутъ занесеннымъ къ нимъ языкомъ и поэзіею и продолжали эти поэтическія упражненія до конца столѣтія. Уже названный нами родъ графовъ Маласпина выставилъ въ лицѣ Альберта Маласпина одного изъ первыхъ итальянскихъ трубадуровъ, и не послѣднимъ по времени былъ самъ Дантъ; но самымъ значительнымъ изъ всѣхъ сдѣлался мантуанецъ Сорделло, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ (и этотъ примѣръ не былъ единственнымъ въ то время) присущая его сословію страсть къ странствіямъ увлекла за предѣлы родины, къ чужеземнымъ дворамъ [35]).

Объясненія этого усвоенія Итальянцами провансальскаго языка можно искать прямо въ томъ обстоятельствѣ, что національный языкъ ихъ, насколько онъ вообще существовалъ тогда въ разрозненныхъ и грубыхъ обломкахъ, навѣрно не достигъ еще достаточнаго развитія для того, чтобы его тотчасъ же можно было примѣнять къ сложнымъ формамъ и всей искуственной манерѣ рыцарской поэзіи трубадуровъ. Но это поэтическое нашествіе имѣло еще и другія послѣдствія. Поэзія провансальцевъ была на мѣстѣ своего зарожденія не только лирическою, но и эпическою. Послѣдняя не отразилась въ Италіи въ подобныхъ же произведеніяхъ, но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ фактомъ, что трубадуры ввели и сдѣлали популярными по ту сторону Альповъ все содержаніе своихъ родныхъ напѣвовъ и въ особенности циклъ сказаній объ Артурѣ и кругломъ столѣ, о Тристанѣ и Ланцелотѣ. Вообще весь складъ рыцарской жизни, съ ея турнирами и празднествами, ея процессіями, играми и культомъ женщинъ, повторился въ Италіи, наполнилъ и украсилъ собою не только замки феодальной аристократіи, но еще въ гораздо большей степени городскія улицы и залы. Жизнь, которою жило высшее итальянское общество этихъ дней, была шумная, полная наслажденій, но всегда интеллигентная, съ чѣмъ мы вообще встрѣчаемся въ исторіи гораздо рѣже, чѣмъ это вообще полагаютъ.

---

[35]) Purgat., 6, 74; 7, 3 и слѣд.; 7, 86; 8, 38 слѣд.—Bartoli, l. c., стр. 64.

Вмѣстѣ съ провансальскимъ языкомъ весьма рано проникли, въ особенности въ верхнюю Италію, и французскій языкъ и поэзія. Сначала французскіе гости, а вскорѣ и туземцы стали употреблять langue d'oïl въ поэзіи и вслѣдъ за тѣмъ и въ прозѣ, и соперничать съ провансальцами. Вмѣстѣ съ языкомъ проникли въ страну и поэтическія формы, сюжеты и циклы легендъ сѣверной Франціи. Такъ какъ французскій языкъ былъ вообще съ двѣнадцатаго столѣтія наиболѣе распространеннымъ, то изученіе его и обладаніе имъ получило рядомъ съ литературнымъ и практическое значеніе, и человѣкъ дѣловой и свѣтскій, какъ мы вскорѣ убѣдимся на весьма выдающемся примѣрѣ, долженъ былъ непремѣнно усвоить себѣ его [36]).

Но тотъ фазисъ, въ который вступилъ тогда рыцарскій и образованный итальянскій кругъ, получилъ свое настоящее завершеніе и значеніе лишь съ возникновеніемъ національнаго языка и поэзіи.

Образованіе итальянскаго языка было дѣломъ многихъ вѣковъ [37]). Языкъ Лаціума господствовалъ въ свое время надъ всей Италіей и если не искоренилъ различные древнѣйшіе языки и діалекты въ главныхъ ихъ чертахъ, то заставилъ хоть замолкнуть и обрекъ ихъ на полное ничтожество. Языкъ этотъ, сколько бы онъ ни утратилъ чистоты и изящества, тѣмъ не менѣе пережилъ паденіе римскаго государства и подчинялъ себѣ побѣдоносныхъ завоевателей тѣмъ легче, что былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ церкви. Правда, не обошлось безъ того, чтобы онъ вырождался изъ поколѣнія въ поколѣніе и измѣнялся вмѣстѣ съ народомъ, говорившимъ на немъ. Въ то время какъ римскій языкъ оставался языкомъ письменности и рядомъ съ нимъ возникала упомянутая уже, болѣе популярная новая латынь, на этой основѣ созидался языкъ народный, который въ свою очередь распался на немалое число діалектовъ, воспринявъ, между прочимъ, и то немногое изъ «варварскихъ» нарѣчій, что не могло быть отстранено. Этотъ народный языкъ оставался цѣлые вѣка въ подчиненномъ положеніи, но развивался вмѣстѣ съ увеличивавшимся ростомъ того народа, чьею собственностью онъ былъ. Существованіе этого многосложнаго народнаго языка въ девятомъ столѣтіи подтверждено фактами; но онъ несомнѣнно гораздо старше, такъ какъ еще въ римскую эпоху латинскій языкъ былъ уже въ употребленіи и какъ народный говоръ. Этотъ народный языкъ могъ, однако, лишь весьма

[36]) Bartoli, l. c., § III.

[37]) Сравн. уже упомянутое сочиненіе Форіэля, томъ II.

медленно подняться до роли письменнаго языка. Во все двѣнадцатое столѣтіе, словомъ, въ одну изъ наиболѣе блестящихъ эпохъ итальянской исторіи, когда ломбардскіе города такъ побѣдоносно отстаивали свою свободу противъ могущественнаго Гогенштауфена, «властелина міра», почти не встрѣчается слѣдовъ попытки превратить народный языкъ въ языкъ письменности, и это какъ будто доказываетъ, что этотъ языкъ находился еще въ весьма несовершенномъ состояніи, между тѣмъ какъ латинскій языкъ въ томъ видѣ, какой онъ принялъ, считался вполнѣ удовлетворительнымъ и даже болѣе соотвѣтствующимъ тогдашнимъ потребностямъ. Очевидно, что въ теченіе долгаго времени въ Италіи считалось невозможнымъ превращеніе народнаго языка въ письменный, какъ ни рано онъ примѣнялся въ настоящей народной пѣснѣ, никогда не замолкавшей. Вмѣсто того, чтобы допустить, какъ это часто утверждалось, что господство провансальцевъ замедляло возникновеніе въ Италіи истинно-національнаго творчества, я, напротивъ того, хотѣлъ бы доказать, что именно изъ этого великаго и столь близкаго имъ примѣра зарожденія поэзіи на народномъ языкѣ Итальянцы почерпнули мужество сдѣлать подобную же попытку и на своемъ нарѣчіи. Мнѣ кажется, что тотъ фактъ, что эта попытка была сдѣлана тѣми самыми Итальянцами, которые писали одновременно и на языкѣ трубадуровъ, и что она выполнена была въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ съ нею, въ сильной степени подтверждаетъ это предположеніе. Весьма даже правдоподобно, что попытка эта была впервые сдѣлана самими провансальцами [38]).

Мы не можемъ съ полной увѣренностью опредѣлить время возникновенія туземной итальянской поэзіи, однако несомнѣнно, что этотъ видъ поэзіи возникъ немного позднѣе 1200 года [39]).

Первыя поэмы этого рода, дошедшія до насъ, относятся ко времени императора Фридриха II и его палермскаго двора. Намъ на первый взглядъ кажется страннымъ, что колыбелью національной поэзіи была какъ разъ та часть Италіи, которая болѣе всѣхъ остальныхъ подверглась частой смѣнѣ разнообразнѣйшихъ правителей, колонизаціи самыхъ противоположныхъ народовъ и племенъ, и которая почти не участвовала въ великой національной борьбѣ двѣнадцатаго вѣка. Тѣмъ не менѣе это было именно такъ. Въ послѣднее время

[38]) Какъ извѣстно, существуютъ пѣсни, написанныя провансальцами на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на итальянскомъ народномъ языкѣ.

[39]) De Sanctis, Storia della letteratura italiana, Vol. I, Napoli, 1870, cap. I. Bartoli, l. c., IV, § 2.

норманскаго владычества сюда проникли естественнымъ путемъ сѣверо-французскіе рыцарскіе нравы и поэзія, а рядомъ съ ними, вѣроятно, и поэзія провансальская; но, послѣ упроченія господства Фридриха II, рядомъ съ провансальскими быстро выдвигаются и итальянскіе поэты, пѣсни которыхъ отчасти сохранились и до нашихъ дней [40]). Нѣтъ сомнѣнія, что палермскій дворъ, болѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Италіи, былъ какъ-бы созданъ для процвѣтанія поэзіи и вообще благопріятствовалъ ей. Если еще во времена Норманновъ этотъ дворъ повліялъ своей притягательной силою на новый переворотъ въ умахъ и состояніи общества, то въ царствованіе Гогенштауфеновъ онъ въ особенности сдѣлался блестящимъ центромъ итальянской цивилизаціи, правда, смѣщавшейся здѣсь и съ другими элементами. Вся жизнь при дворѣ Фридриха II имѣла поэтическій колоритъ; легендою и сказкой звучитъ иногда та достовѣрная истина, которую мы узнаемъ объ этой жизни. Такимъ образомъ могло случиться и дѣйствительно случилось, что здѣсь именно совершился фактъ, столь важный по своимъ послѣдствіямъ, и что поэтическія стремленія облеклись въ этой обстановкѣ въ формы національнаго языка; сюда, словно въ центральный пунктъ, стекался со всей Италіи, какъ указывалъ на это уже Дантъ, весь цвѣтъ образованности [41]).

Поэзія, о которой говорится здѣсь, ничто иное, какъ поэзія трубадуровъ, рыцарская или придворная, какъ ее также называли;

---

[40]) (Valeriani) Poeti del primo secolo dellalingua italiana in due volumi raccolti. Firenze, 1816. Я не берусь рѣшить, слѣдуетъ ли поставить d'Alcamo раньше этого времени въ хронологическомъ порядкѣ. Его увлеченіе „императоромъ“ съ большею справедливостью должно быть отнесено къ Фридриху II, чѣмъ къ Генриху VI.

[41]) См. Dantis Alighierii de vulgari eloquio sive idiomate libri duo (т. II, часть II Opere minori Данта, изд. Фратичелли, Флоренція 1840 г. Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда, что мы постоянно будемъ ссылаться именно на это изданіе меньшихъ сочиненій Данта). Онъ говоритъ въ 12 главѣ „Sed haec fama Trinacriae terrae, si recte signum ad quod tendit inspicimus, videtur tantum in opprobrium Italorum principum remansisse qui non heroico more sed plebeo sequuntur superbiam. Siquidem illustres Heroes Fridericus Caesar et bene genitus ejus Manfredus, nobilitatem ac rectitudinem suae formae pandentes, donec fortuna permansit, humana secuti sunt, brutalia dedignantes: propter quod corde nobiles atque gratiarum dotati inhaerere tantorum Principum majestati conati sunt: ita quod eorum tempore quicquid excellentes Latinorum nitebantur, primitus in tantorum Coronatorum aula prodibat. Et quia regale solium erat Sicilia, factum est, quicquid nostri praedecessores vulgariter protulerunt Sicilianum vocatur: quod quidem retinemus et nos, nec posteri nostri permutare valebunt.“

только языкъ сдѣлался итальянскимъ; содержаніе же и форма остались неизмѣнными.

Господствующей надъ всѣмъ темою является воспѣваніе женщинъ и любви. Среди этого раздается одинъ лишь совсѣмъ иной звукъ, но такъ одиноко и слабо, что его никто не слышитъ въ общемъ хорѣ [42]). Извѣстное число поэтовъ группируется вокругъ императора. Между ними находятся и его сыновья и его прославленный и несчастный канцлеръ, но все это не поэты по профессіи, а люди, принадлежавшіе къ высшимъ оффиціальнымъ кругамъ государства [43]). Никто не возвышается замѣтно надъ другими; о поэтической индивидуальности едва-ли можно говорить. Поэтическое содержаніе еще ничтожно; свободнаго полета мысли, богатыхъ и удачныхъ картинъ мало; вообще нѣтъ оригинальности и во всемъ господствуетъ еще страсть къ шаблону. Сицилійская школа поэзіи имѣетъ значеніе не эстетическое, а историческое; оно кроется въ самомъ ея существованіи и въ ея языкѣ. Понятно, что языкъ этотъ отличается всѣми признаками чего-то только еще возникающаго, слагающагося; но это все-таки не сицилійское нарѣчіе, да и сами поэты не уроженцы острова. Слогъ этотъ указываетъ, напротивъ, на преобладающее господство средней Италіи, чье нарѣчіе (и главнымъ образомъ тосканскій діалектъ) сдѣлалось позднѣе, не смотря на протестъ даже такого человѣка, какъ Дантъ, главнымъ зародышемъ слога итальянской письменности. Но судьба этой сицилійской поэтической школы была связана съ судьбою дома Гогенштауфеновъ. Какъ извѣстно, послѣдніе дни императора Фридриха II уже не были счастливыми, не благопріятствовали болѣе музамъ. При сынѣ его, Манфредѣ, поэтическій блескъ лучшихъ годовъ его отца еще разъ вспыхнулъ при королевскомъ дворѣ, возбуждая великія ожиданія, но какъ будто для того только, чтобы вслѣдъ затѣмъ внезапно исчезнуть во мракѣ.

Къ счастію, возникшая въ Сициліи итальянская поэзія уже успѣла пустить въ средней Италіи свѣжіе побѣги въ то самое время, когда разразилась гибель надъ палермскимъ дворомъ. Въ особенности въ Тосканѣ всѣ дѣйствовали совмѣстно для того, чтобы продолжать развитіе юной поэзіи и вести ее къ самостоятельности. Города находились въ періодѣ цвѣтущаго развитія; торговля доставляла зажиточность; культура и вообще все, что скрашиваетъ жизнь, разви-

---

[42]) Poeti del primo secolo, P. I, p. 18.

[43]) Italienische Lieder des hohenstauf. Hauses in Sizilien (Библіотека литер. общества въ Штутгартѣ, томъ V.

лись уже въ значительной степени, и духъ партій, какъ ни силенъ онъ былъ, еще не успѣлъ подавить собою наслажденіе жизнью. Всѣми признавалось, что тосканское нарѣчіе самое чистое и наиболѣе способное къ развитію изъ всѣхъ итальянскихъ діалектовъ, что тускское племя отличались съ ранней поры художественными дарованіями, тогда еще, правда, дремавшими, но сдѣлавшими его потомъ почти во всѣхъ отношеніяхъ славнымъ представителемъ итальянскаго народнаго духа. Весьма возможно, что съ двухъ сторонъ, отъ провансальцевъ, господствовавшихъ на сѣверѣ, и съ юга, отъ школы поэтовъ также писавшихъ по-итальянски, исходилъ импульсъ, который плодотворно подѣйствовалъ на наличныя поэтическія силы. Городскія аристократическія сферы, какъ мы уже говорили, были главными носителями пышно распускавшейся культуры того времени. Болонья, а еще болѣе Флоренція, сдѣлались исходными и центральными точками этого поэтическаго движенія; мѣсто Сицилійцевъ прямо заступаютъ Тосканцы; по крайней мѣрѣ самыя значительныя имена между ними выступаютъ какъ разъ въ то время, когда исчезаетъ почва подъ ногами «Сицилійцевъ.»

Однако, было бы ошибочно думать, что поэзія, возникавшая въ то время въ Средней Италіи, была только отпрыскомъ провансальской поэзіи или простымъ продолженіемъ сицилійской. Она обнаруживаетъ, правда, вплоть до Данта свою связь съ этими предшественницами ея, но весьма скоро проявляетъ и самостоятельный характеръ. Она уклоняется отъ формы провансальскихъ канцонъ и съ самаго начала вводитъ трехчленныя строфы, употреблявшіяся и нѣмецкими миннезенгерами [44]). Отъ Сицилійцевъ она отличается въ особенности большею широтою содержанія. Эротическій элементъ преобладаетъ, правда, и тутъ, но уже долженъ терпѣть рядомъ съ собою и другіе, и подвергнуться самъ измѣненію.

Тѣмъ поэтомъ, который существенно отклонился отъ обычныхъ до той поры пріемовъ любовной поэзіи и проявилъ, изо всей этой группы, наибольшее поэтическое призваніе, былъ именно «великій» [45]) Гвидо Гвиничелли (умершій въ 1275 году). Онъ принадлежитъ, правда, Болоньѣ, но находится въ тѣснѣйшей внутренней связи съ Тосканцами, которые по справедливости смотрѣли на него, какъ на своего собрата [46]).

---

[44]) См. Diez, Die Poesie der Troubadours, стр. 275.—K. Witte, Ueber den Minnegesang und das Volkslied in Italien, въ Reumont's Italia (1838), стр. 129.

[45]) Дантъ въ своемъ сочиненіи De Vulgari Eloquia, называетъ его „Maximus Guido."

[46]) См. Poeti del primo secolo, P. 1, p 87 sqq.

У Гвиничелли поэтическимъ мотивомъ является прежде всего рефлексія, «философскій» элементъ; онъ носитъ ясный отпечатокъ индивидуальности. Вмѣсто легкаго направленія трубадуровъ, его пѣсни несомнѣнно отличаются этическимъ складомъ, какъ-бы примиреніемъ поэзіи съ религіею. Онъ является вліятельнымъ предшественникомъ Данта въ дѣлѣ облагороженія традиціонной любовной поэзіи; Дантъ чествуетъ въ немъ даже основателя новѣйшей итальянской поэтической школы. [46]) Если трубадуры пренебрегали небомъ ради своей милой, то Гвиничелли, напротивъ, утѣшается радостью, которую испытываютъ небожители при прибытіи къ нимъ души умершей дамы его сердца, и ея райское просвѣтлѣніе становится для оставшагося на землѣ источникомъ блаженныхъ надеждъ. Нельзя, правда, отрицать, что у него уже слишкомъ замѣтна ухищренная игра съ отвлеченными понятіями, но горячій наплывъ чувства все еще заглушаетъ ее. Мы не придаемъ поэзіи Гвиничелли это значеніе ретроспективно; уже современники его весьма опредѣленно высказались относительно его нововведеній [47]). Рядомъ съ этимъ новымъ направленіемъ удерживалось, однако, и древнѣйшее любовное пѣснопѣніе и напоминало въ отдѣльныхъ частяхъ лучшія любовныя пѣсни Нѣмцевъ. Воинственныхъ пѣсенъ, какъ у Провансальцевъ, не было. Тоскана была, правда, какъ-бы на военномъ положеніи, но вслѣдствіе этого поэзія, какъ мирная область, оставалась временно, какъ кажется, въ сторонѣ отъ смутной борьбы партій. Напротивъ того, въ особенности изъ Пизы раздавались жалобы на гнетъ партій; взволнованная, неуютная жизнь вызывала у многихъ изъ этихъ пизанскихъ поэтовъ мрачныя, аскетическія изліянія противъ неурядицы окружавшаго ихъ міра [48]). Съ другой стороны раздаются почти народные мотивы и напоминаютъ намъ (хотя они и введены болѣе искуственно) нашу пѣсню vom Schlaraffenland и наши пѣсни нищихъ. И религіозная пѣснь также не осталась безъ представителей. Послѣ того, какъ латинскій церковный гимнъ достигъ

---

[46]) Purgatorio, 26, 97:

— il padre
Mio, e degli altri miei miglior, che mai
Rime d'amore usar dolce e leggiadre.

[47]) См. сонетъ Бонаджіунто Урбичіани къ Гвидо Гвиничелли (Poeti del primo secolo, P. 1, p. 512).

„Voi ch 'avete mutata la maniera
E gli piacenti detti del' amore
Della forma, dell esser là dov'era
Per avanzar ogn' altro trovatore etc.

[48]) Смот. стихи Пануччьо. Dal Bagno Pisano (Poeti del primo secolo, P. II, p. 104.

въ Италіи такого совершенства, Францискъ Ассизскій, самъ жившій въ юности веселой жизнью своего родного города и любившій g a j a s c i e n z a, написалъ еще въ началѣ тринадцатаго вѣка ту величественную пѣснь о солнцѣ, которую, еслибъ она (что, правда, невѣроятно) принадлежала ему въ дошедшей до насъ формѣ, слѣдовало бы причислить къ самымъ древнимъ и почтеннымъ памятникамъ итальянской поэзіи [49]); во всякомъ случаѣ пѣснь эта является всего сильнѣе дѣйствующимъ, возвышеннымъ поэтическимъ голосомъ того времени и заставляетъ насъ предугадывать, на что былъ бы способенъ этотъ языкъ въ рукахъ великаго, богатаго мыслями, вдохновеннаго генія. Поэтическая тенденція не исчезала окончательно изъ францисканскаго ордена до той поры, когда одновременно съ Дангомъ, Джакопоне да Тоди, несчастный творецъ **Stabat mater'a** и метких̈ъ сатиръ на народномъ языкѣ, не достигъ снова большого значенія [50]). Рядомъ съ этимъ глубоко религіознымъ направленіемъ возникаетъ еще другое, болѣе гладкое, морализирующее, анти-эротическое, представителемъ котораго является Гвитто д'Ареццо; но его поэмы именно потому не производятъ впечатлѣнія что онѣ не вылились изъ источника неподдѣльнаго, настоящаго чувства [51]).

Вся совокупность поэтическаго движенія Тосканы сосредоточилась въ весьма скоромъ времени въ ея столицѣ, Флоренціи. Здѣсь, приблизительно съ 1270 года, возникла новая поэтическая школа. Въ отдаленіи, на заднемъ планѣ ея, уже можно было разсмотрѣть образъ Данта; она и составляла непосредственный переходъ къ нему. Къ ней принадлежатъ такія имена, какъ Гвидо Кавальканти, Брунеллеско, Дино деи Фрескобальди, Гвидо Орланди и друг. Всѣ пріемы ихъ отличаются болѣе зрѣлымъ, возвышеннымъ характеромъ: традиціонная почва еще не покинута окончательно, но на ней насаждаются новые, болѣе серьозные элементы. Первая же, этимъ завершавшаяся, эпоха, была напротивъ того настоящею юношескою

---

[49]) Срав. О з а н а м а, Францисканскіе поэты Италіи въ 13 столѣтіи.— K. H a s e, Franz von Assisi, Leipzig, 1856 г. стр. 86 и слѣд. Всѣми признано, что мысли и воззрѣнія, высказанныя въ поэмѣ, принадлежали самому святому; дошедшая до насъ форма, напротивъ того, приписывается весьма авторитетными лицами и на основаніи вѣскихъ мотивовъ, позднѣйшей формаціи.

[50]) Срав. Ozanam, стр. 267 и слѣд.

[51]) Гвитто, родившійся въ 1230 году, вступилъ въ орденъ frati gaudenti, бывшій чѣмъ-то въ родѣ духовнаго рыцарскаго ордена, и служащій характернымъ признакомъ того времени. Въ 1293 году онъ удалился во Флоренцію и основалъ тамъ монастырь Камальдуловъ, гдѣ и умеръ послѣ 1294 года. Cd. F a u r i e l, l. c., 1, p. 347 sqq. Смот. P u r g. 24; 56. 26; 124.

порою итальянской поэзіи. Она довольствуется сама собою, не глядитъ назадъ въ старину, мало заботится о будущемъ, живетъ дѣйствительностью. Кореннаго прогресса въ ней не видно, но тѣмъ не менѣе уже готовится что-то существенно лучшее. Поэзія сдѣлалась искуственною, но безъ малѣйшаго ученаго характера. Много, если изрѣдка встрѣтится намекъ на одного изъ героевъ легенды объ Артурѣ и т. д., но вообще ничто не указываетъ на связь съ древностью, съ римскою литературою. Послѣдняя не уподоблялась болѣе книгѣ за завѣтною печатью, однако и не настолько была популярна, что бы внушать поэтическіе мотивы. Но все уже было готово для ея пріема, такъ что достаточно было лишь слабаго импульса, чтобы сдѣлать изъ нея избранную любимицу національной поэзіи. Точно также и аллегорія оставалась до той поры чуждымъ мотивомъ; но и она возникаетъ въ ближайшую за тѣмъ пору и привлекаетъ къ себѣ всѣхъ. На отдѣльную личность, — на Брунетто Латини, учителя Данта, указываютъ, какъ на того писателя, который ввелъ въ національную литературу популяризацію древняго міра и употребленіе въ широкихъ размѣрахъ аллегоріи. Онъ стоитъ посреднѣ двухъ эпохъ, между двумя школами, и всего удобнѣе переводитъ насъ изъ одной въ другую.

Мы уже встрѣтились разъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, когда онъ отправлялся къ Альфонсу Кастильскому (въ 1260 г.) въ качествѣ посла отъ гвельфской Флоренціи. Онъ находился уже на возвратномъ пути, когда получилъ извѣстіе о пораженіи своей партіи въ битвѣ при Монтаперто. Тяжело потрясенный этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ [52]), искренній приверженецъ Гвельфовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскій человѣкъ и охотникъ до наслажденій, онъ предполагалъ остаться во Франціи и употребить свой невольный досугъ на литературныя занятія. Брунетто былъ первымъ изъ людей, теоретически и практически подготовлявшихся къ государственной дѣятельности; какихъ мы съ той поры видимъ въ Италіи, и число которыхъ и степень развитія все возрастаютъ. Литературная дѣятельность не представляла для него вообще ничего новаго; не говоря уже о болѣе мелкихъ трудахъ,

[52]) Слѣдующіе стихи изъ его Tesoretto (l. c., p. 14, гл. 1) считаются выраженіемъ его сотвѣтствующаго настроенія:

Certo lo cor mi parte
Di cotanto dolore
Pensand· il grand onore
E la rica potenza
Che suole ower Fiorenza
Quasi nel mundo tutto.

онъ началъ еще до своей роковой миссіи въ Испанію [53]) небольшое сочиненіе на своемъ родномъ нарѣчіи, «**Il Tesoro**» позднѣе называвшееся также **Il Tesoretto**, [54]) нѣчто въ родѣ эпически морализующей дидактической поэмы, облеченной въ иносказательную форму. Но, владѣя также и французскимъ языкомъ, этотъ искусный человѣкъ рѣшился воспользоваться знаніемъ его написалъ на немъ книгу. «Еслибъ кто нибудь спросилъ меня, говоритъ онъ, почему эта книга написана по романски, на французскомъ языкѣ, въ то время, какъ самъ я все таки Итальянецъ, я бы отвѣтилъ, что это сдѣлано по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что я живу теперь во Франціи; во вторыхъ потому, что французскій языкъ самый пріятный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый распространенный [55]).» Нельзя съ безусловной увѣренностью сказать, поселился ли Брунетто Латини въ самомъ Парижѣ и сблизился ли онъ лично со дворомъ короля Людовика IX; преданіе это подвергалось даже въ новѣйшее время серьозному сомнѣнію; [56]) тѣмъ не менѣе оно имѣетъ за себя много правдоподобности и поддерживается въ сильной степени уже однимъ выборомъ французскаго нарѣчія. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, озаглавлено **Li Livre Dou Tresor** или «**Grand Tresor**», какъ онъ также называетъ его; [57]) это нѣчто въ родѣ энциклопедіи, обнимавшей довольно обширный кругъ предметовъ. Весьма вѣроятно,

---

[53]) Срав. стр. X введенія P. Chabaille къ его изданію Tresor'a.

[54]) Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее названіе итальянскаго сочиненія было Il Tesoro, и что Tesoretto—позднѣйшаго происхожденія. Ср. кромѣ упомянутаго введенія Chabaille, статью Деліуса (въ 4 томѣ Jahrbuch нѣмецкаго дантовскаго общества), относящуюся къ дантовой комедіи и Tesoretto Брунетто Латини, и Ad. Mussafia: Sul Testo del Tesoro di Brunetto Latini. Vienna, 1869. Относительно переработки перваго наброска смот. Scheffer-Boichorst, Florentiner Studien, стр. 246 прим. 1.

[55]) Въ изданіи Chabaille мѣсто это звучитъ такъ: „Et se aucuns demandoit pour quoi cist livres est escriz en romans selone le langage des Francois puisque nos somes Italiens, je diroie que ce est pour II raisons: l'une car nos somes en France; et l'autre porce que la parleure est plus delitable et plus commune a toutes gens".

[56]) См. у Chabaille въ его изданіи Trésor'a, стр. III введенія; онъ ничего не рѣшаетъ относительно argumentum ex silentio. Аббатъ Mehus въ Vita Ambrosii передъ Epistolae Ambr. Traversarii (Florent. 1759) стр. 157 и д., утверждаетъ даже на основаніи показаній одного стариннаго комментатора Божественной Комедіи, что Брунетто Латини преподавалъ въ Парижѣ философію, — это однако остается безъ подтвержденія; что Латини вступилъ въ сношенія со дворомъ короля Людовика IX или съ нимъ самимъ, становится весьма правдоподобнымъ вслѣдствіе похвалъ, расточаемыхъ имъ королю въ первой главѣ Tesoro.

[57]) Такъ назвалъ онъ это сочиненіе въ Tesoro.

что французскіе образцы имѣли вліяніе и на энциклопедическую форму сочиненія. Франція была по преимуществу страною энциклопедій; тамъ написалъ свой обширный трудъ и **Vincent de Beauvais**. Для итальянской литературы **Trésor**, хотя написанъ и на чуждомъ языкѣ, имѣлъ важное значеніе; онъ свидѣтельствуетъ объ объемѣ распространеннаго тамъ въ то время ученаго образованія, перешедшаго въ руки мірянъ. Различные по формѣ, **Tresor** и **Tesoro** родственны по содержанію, пополняютъ другъ друга, и послѣднее сочиненіе прямо ссылается на первое. Никто не станетъ приписывать **Tesoretto** поэтическаго значенія,—это дѣйствительно немного болѣе риѳмованной прозы, изложенной въ краткихъ, удачно-выдержанныхъ риѳмованныхъ строкахъ [58]). Но, какъ, уже сказано, съ одной стороны онъ замѣчателенъ вслѣдствіе употребленія въ широкихъ размѣрахъ аллегоріи, съ той поры вторгшейся въ Италію, и кромѣ того доказываетъ еще введеніе древняго міра въ юную итальянскую литературу, въ особенности въ поэзію. И помимо этого, Брунетто съ успѣхомъ трудился надъ популяризаціею римской литературы и перевелъ на народный языкъ Овидія и Боэція [59]). Онъ не только обнаруживаетъ значительныя антикварныя свѣдѣнія, но, очевидно, читалъ доступныхъ ему древнихъ писателей съ умомъ и пользою. Во всемъ видѣнъ практическій человѣкъ, который изъ рамки ученаго цеха ввелъ ученость въ кругъ жизни и съумѣлъ поставить ее въ связь съ потребностями своего народа. Для Флорентинцевъ онъ имѣетъ еще большее значеніе, такъ какъ онъ былъ ихъ учителемъ въ политическихъ наукахъ. Достаточно прочесть соотвѣтствующія мѣста его **Tresor**, чтобы вполнѣ понять ту похвалу, которую расточаетъ ему Виллани [60]). Если вліяніе Аристотеля на жизнь того времени гдѣ-либо замѣтно, то именно здѣсь. Изъ видимаго удовольствія и обстоятельности, съ которыми Брунетто входитъ въ разсужденія по вопросу о руководствѣ общественными дѣлами, доходящемъ до мельчайшихъ потребностей общины, видно, что въ этой области онъ преимущественно свой человѣкъ [61]).

---

[58]) Il Tesoretto et il Favolletto di Ser. Brunetto Latini ediz. Zannoni. Firenze 1824.

[59]) См. Mehus. Vita Ambrosii Traversarii, l. c., p. 157 sqq.

[60]) Giov. Villani, Istorie, Lib. VIII. c. 8: Ma di lui avemo fatto menzione, pe chè egli fu comminciatore e maestro in digrossare i Fiorentini, e farli scorti in bene parlare e in sapere guidare e reggere la nostra republica secondo la politica.

[61]) Въ новѣйшей время шла рѣчь о весьма цѣнной хроникѣ, авторомъ которой считается Брунетто Латини; однако, это извѣстіе кажется болѣе, чѣмъ, сомнительнымъ. Ср. статью О. Гартвига въ приложеніи къ Aug. All. Zeitung

Такимъ образомъ, черезъ полстолѣтія послѣ ея возникновенія, мы видимъ молодую итальянскую литературу уже на такой точкѣ, до которой литературы другихъ народовъ достигли сравнительно гораздо позднѣе. Лишь только выработалась лирика, какъ рядомъ съ нею возникаетъ и проза. Проза, которая у другихъ народовъ образовалась только послѣ поэзіи, развивается здѣсь, на разстояніи небольшого промежутка времени, рядомъ съ нею. Она складывается подъ замѣтнымъ вліяніемъ поэтической литературы, прежде всего въ видѣ переводовъ, подобно упомянутымъ переводамъ Брунетто Латини или Боно Джьямбони, который перевелъ, между прочимъ, и Trèsor Латини,—далѣе, въ видѣ подражаній, какъ напримѣръ, Novellino и т. п., или въ видѣ попытокъ сравнительно болѣе самостоятельнаго свойства, въ родѣ Composizione del mondo, Ристоне, а еще позже въ родѣ писемъ и трактатовъ Гвитто д'Ареццо. [62]). Всего позднѣе пробудилось самостоятельное историческое творчество на мѣстномъ языкѣ; однако и оно впервые пробуетъ свои силы въ 13 вѣкѣ [63]). Съ возникновеніемъ же прозы была обезпечена и скрѣплена національная литература Италіи и ея будущность.

Такимъ образомъ, если мы въ теченіе долгаго времени видѣли Итальянцевъ лишенными самостоятельнаго языка и литературы, то мы точно также видимъ, какъ въ невѣроятно короткое время литература эта пустила глубокіе корни и успѣшно соперничала съ народнымъ развитіемъ, далеко подвинутымъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Эта аномалія является послѣдствіемъ ненормальнаго хода исторіи новѣйшей Италіи вообще. Послѣ того, какъ нація столь блестящимъ образомъ развила и укрѣпила свои силы во всѣхъ другихъ областяхъ жизни и духа, естественно было, что молодая литература, лишь только были заложены ея первыя основанія, вышла изъ головы Юпитера какъ-бы вполнѣ готовою. Прошло немного времени, и она стояла уже на такой высотѣ, откуда литературы всѣхъ остальныхъ народовъ казались ей неизмѣримо ниже ея.

1872 г. № 345 и 346.—Относительно Брунетто Латини срав. еще Perrens, l. c., III стр. 425—430 и статью въ Biographie universelle.

[62]) Ср. de Sanctis, l. c., гл. IV, стр. 72 и слѣд.—Bartoli l. c, capitolo decimo.

[63]) Хроника P. Маласпина и D i u r n a l i сост. Matteo Spinelli da Giovinazzo, обыкновенно сопоставляемыя съ этимъ, должны быть изъяты, изъ соображеній вслѣдствіе ихъ доказанной неподлинности.

II.

ЖИЗНЬ ДАНТА.

1.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ДАНТА ВЪ СОСТАВЪ ФЛОРЕНТІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(1265–1300).

Въ предпосланномъ нами обзорѣ мы прослѣдили исторію итальянской національной поэзіи до той минуты, когда мы должны были сказать себѣ, что ея существованіе уже обезпечено. Она не находится въ рукахъ замкнутаго сословія, но выростаетъ посреди всеобщихъ культурныхъ стремленій націи и вступаетъ въ сношенія со всѣми наличными образовательными элементами. До тѣхъ поръ она не создала еще ничего великаго, но предчувствіе величайшаго развитія уже несомнѣнно. Оно могло наступить медленнѣе или скорѣе, смотря потому, раньше или позднѣе выдвинется какое-нибудь чрезвычайное дарованіе и поведетъ ее къ торжеству. Отъ этого зависѣла ея ближайшая судьба. Поэзіи и поэтамъ, о которыхъ мы говорили въ своемъ введеніи, подобаетъ, въ строгомъ смыслѣ, лишь относительное значеніе. Ни одинъ выдающійся умъ не встрѣтится намъ среди нихъ, такой умъ, который могъ бы увлечь за собой націю; ни одинъ, кто бы осмѣлился выступить изъ круга лирики и затронуть болѣе возвышенныя темы; который съ грандіозностью личности соединялъ бы величавость замысловъ; который съ высоты своихъ городскихъ стѣнъ окинулъ бы пророческимъ взоромъ положеніе Италіи и далъ бы взволнованному содержанію жизни поэтическое выраженіе.

Однако, ненормальное развитіе новѣйшей Италіи, уже подмѣченное нами, сказалось и въ этомъ случаѣ.

Не успѣли въ теченіе всего лишь полустолѣтія прочно сложиться основы національной поэзіи, какъ уже возникъ тотъ геній, который изъ низменности первыхъ начинаній прямо возвелъ ее на высоту совершенства. Только что была сдѣлана первая попытка создать обще-національный письменный языкъ, какъ геній этотъ уже завладѣлъ этими начинаніями, развилъ и укрѣпилъ ихъ на все будущее время. Словно гигантъ, стоитъ онъ передъ своими незрѣлыми предшественниками и, подчиняя найденные имъ культурные элементы могуществу великой мысли, обезпечиваетъ за молодой итальянской литературою преобладаніе надъ всѣми одновременными средневѣковыми литературами.

Этимъ геніемъ былъ Дантъ.

Внезапное, какъ-бы ничѣмъ не подготовленное, появленіе этого поэта часто производило впечатлѣніе какого-то чуда, какой-то загадки. Что касается чудесной стороны этого факта, мы, думаемъ, уже дали нѣкоторыя указанія, которыя могутъ до извѣстной степени приподнять таинственный покровъ и лишить это явленіе его загадочнаго характера. Поскольку появленіе всякаго чрезвычайнаго ума не имѣетъ въ себѣ чего-нибудь необъяснимаго,—въ описанномъ нами возбужденномъ и высоко-развитомъ состояніи народа, въ пробужденіи древней литературы, въ стремительномъ развитіи всѣхъ историческихъ моментовъ, въ поэтическихъ порывахъ современниковъ, въ полнотѣ итальянской цивилизаціи вообще, находится ключъ къ этой загадкѣ.

Чудесную сторону этого явленія всегда видѣли мы совершенно въ иномъ. Вслѣдствіе того, что этотъ геній возвелъ внезапно языкъ и поэзію своей націи на такую негаданную высоту, онъ тѣмъ самымъ прямо пошелъ въ разрѣзъ со всѣмъ остальнымъ развитіемъ народа. Своимъ политическимъ характеромъ въ особенности поэтъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ своею націею; онъ хотѣлъ бы вернуть ее на тотъ путь, съ котораго она только что выбилась съ помощью страшнѣйшихъ усилій.

Но этого еще мало! Со всѣмъ новѣйшимъ политическимъ развитіемъ Европы, готовымъ искоренить всѣ преграды средневѣковаго строя, Дантъ находится въ явномъ антагонизмѣ и объявляетъ ему войну; онъ, въ которомъ слѣдуетъ признать одного изъ первыхъ въ ряду великихъ потомковъ этого развитія, одно изъ самыхъ блестящихъ явленій совершившагося переворота! Эту-то загадку мы и хотѣли бы разрѣшить, объяснить его противорѣчивыя отношенія къ націи и

времени и выяснить ихъ посредствомъ основательнаго изученія его жизни и сочиненій.

Такимъ образомъ задача, которую мы себѣ ставимъ, будетъ исключительно историческаго свойства.

Дантъ, родомъ Тосканецъ, былъ уроженцемъ Флоренціи. Мы уже видѣли, какое важное положеніе занималъ этотъ городъ въ эпоху гибели Гогенштауфеновъ. Паденіе короля Манфреда имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ возстановленіе Гвельфовъ [64]). Гвельфская партія одержала верхъ во всей Италіи. Папа Климентъ IV назначилъ неаполитанскаго короля имперскимъ намѣстникомъ въ Тосканѣ, а флорентинскіе Гвельфы вручили ему господство надъ своимъ городомъ на десять лѣтъ [65]). Король назначилъ въ свою очередь годового намѣстника и присоединилъ къ нему двѣнадцать человѣкъ изъ аристократовъ, которые должны были править городомъ собща, но такъ однако, чтобы **popolo grasso**, т. е. высшіе классы, сохранилъ свою организацію, самостоятельную во всемъ остальномъ, и право контроля надъ законодательствомъ и налогами [66]). Побѣдоносная гвельфская партія немедленно рѣшила направить противъ своихъ противниковъ, подъ охраною протектората папы и короля Карла, дальнѣйшій уничтожающій ударъ. Все имущество эмигрировавшихъ Гибеллиновъ было конфисковано, смѣшано въ одну массу и раздѣлено на три равныя части. Одна изъ нихъ досталась городу и управлялась съ той поры его властями; другая была назначена Гвельфамъ, въ вознагражденіе за понесенные ими убытки; третья, накопецъ, была нѣсколько времени спустя обращена въ деньги, для покрытія расходовъ по войнѣ противъ изгнанныхъ Гибеллиновъ. Одновременно съ этимъ, гвельфская аристократія еще тѣснѣе сплотилась въ прочно замкнутую корпорацію и назначила изъ своей среды трехъ консуловъ, которые, въ соединеніи съ тремя пріорами, избранными изъ **popolo grasso**, должны были завѣдывать частью имущества, назначенною для вознагражденія за убытки. Наконецъ они создали еще должность синдика своей партіи, задача котораго заключалась въ обвиненіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи Гибеллинамъ, съ тѣмъ чтобы, при случаѣ, добиться отчужденія ихъ имущества, опять таки, конечно, въ пользу Гвельфовъ [67]). Такимъ образомъ, торжество партіи казалось обезпеченнымъ навсегда.

---

[64]) Perrens, l. c, II, 3, c. 4.
[65]) Смот. Giovanni Villani, l. c, Lib. VII, c. 17:
[66]) Giov. Villani, l. c.
[67]) Смот. Villani, l. c., VII. c. 16.

Таково было положеніе Флоренціи въ эпоху младенчества Данта. Онъ родился въ этомъ городѣ въ 1265 году, чрезъ годъ послѣ смерти короля Манфреда, по всей вѣроятности, во второй половинѣ мая [68]). Самъ онъ, не безъ особаго ударенія, на этомъ фактѣ, сообщаетъ намъ, что при его рожденіи солнце вступило въ знакъ близнецовъ, созвѣздія, по взглядамъ того времени, особенно благопріятно повліявшаго на духовныя способности новорожденнаго [69]). Въ церкви св. Джьованни Баттиста, древнѣйшей во Флоренціи, былъ онъ окрещенъ и получилъ въ ней имя Дуранте [70]), сокращенное, по господствовавшему тогда обычаю, въ Данте и оставшееся за нимъ навсегда. Семейство его принадлежало къ гвельфской аристократіи; самъ онъ причисляетъ его, какъ кажется, къ древнимъ флорентинскимъ родамъ, которые въ противоположность прибывшимъ изъ Фіезоле и окрестной мѣстности, любили сводить свое происхожденіе къ Риму, воображаемой метрополіи своей [71]), но которые по всей вѣроятности были лонгобардской, во всякомъ случаѣ германской крови.

По своему состоянію семейство Алигьери принадлежало если не прямо къ богатымъ, то во всякомъ случаѣ къ положительно зажиточнымъ родамъ въ городѣ [72]). Родъ поэта можно съ достовѣрностью про-

---

[68]) Смот. Boccaccio, Vita di Dante, въ началѣ. См. Opere Volgari di Giovani Boccaccio etc., Firenze, 1733, томъ XV.—Divina Commedia, Inferno, 23, 94:

— — — — io fu nato e cresciuto
Sopra il bel fiume d'Arno alla gran villa.

Paradiso, 22, 110.—Fratticelli, Vita di Dante Aligh., c. IV, прим. 1.—Относительно преданія, будто отецъ Данта жилъ съ 1260—1267 г. вмѣстѣ съ Гвельфами въ изгнаніи, внѣ Флоренціи, смот. далѣе. Какіе бы выводы изъ этого ни извлекались, тотъ фактъ, что Дантъ род. во Флоренціи, остается незыблемымъ. Въ новѣйшее время хотѣли опредѣлить и день рожденія Данта. Но ни 14мая, принятое въ Италіи, ни 30, за которое заступился Витте, не могутъ считаться несомнѣнными датами. Однако слѣдуетъ допустить, что остроумная аргументація Витте способна произвести извѣстное впечатлѣніе.

[69]) Ср. Paradiso, 22, 110 ислѣд. и Inferno, 15, 55.—Возможноли, какъ это дѣлаетъ Фратичелли, по справедливости вывести заключеніе изъ второго указаннаго нами источника, будто Брунетто Латини составилъ своему будущему ученику гороскопъ, я оставлю недоказаннымъ. Во всякомъ случаѣ міросозерцаніе Данта ясно отразилось въ указанныхъ нами строфахъ.

[70]) Paradiso, 25, 7:

in sul fonte
Del mio battesmo prendero il capello.

Относительно значенія церкви св. Джьованни Баттиста для исторіи города и его древности и т. д. ср. у Карла Гегеля, l. c., II. стр. 196.

[71]) Inferno, 15, 71.

[72]) См. A. v. Reumont во второмъ томѣ Журнала нѣмецкаго дантовскаго общества, стр. 341.

слѣдить до конца одиннадцатаго вѣка. Древнѣйшій предокъ его, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія былъ, Cacciaguida [73]), родившійся около 1106 года [74]). Каччьягвида принадлежалъ къ военной аристократіи города и жилъ при совершенно иныхъ условіяхъ, вскорѣ послѣ сравнительно грубой эпохи господства маркграфини Матильды, пріятельницы папы Григорія VII, когда флорентинскій popolo находился еще въ глубокомъ снѣ. Въ 1147 году онъ сопутствовалъ королю Конраду III во время его неудавшагося крестоваго похода, и, въ награду за свою храбрость, былъ возведенъ королемъ въ званіе рыцаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ погибъ, не видавъ Іерусалима, въ борьбѣ съ магометанами [75]). Супруга Каччьягвиды была изъ семейства Aldighiera degli Aldighieri изъ Феррары; отъ нея имя это перешло на ея сына (Алигьери I), а съ него и на весь родъ [76]). Кажется, что Алигьери I не много пережилъ 12 вѣкъ; его правнукъ спеціально упоминаетъ о немъ въ своей великой поэмѣ [77]). Сыномъ перваго Алигьери былъ Беллинчіоне и отъ него происходилъ Алигьери II, отецъ Данта. Братъ Каччіагвиды, Элизео, сдѣлался родоначальникомъ семейства Elisei, причислявшихся къ Гибеллинамъ, въ то время, какъ прямые потомки его беззавѣтно примкнули къ Гвельфамъ и дѣлили ихъ перемѣнчивую судьбу. Дядя Данта по отцу участвовалъ въ столь несчастной для его партіи битвѣ при Монтаперто (въ 1260 году) [77]); дѣдъ и отецъ его должны были, послѣ этого пораженія, отправиться, какъ ужъ было разъ въ 1248

---

[73]) Paradiso 15, 88:

„O fronda mia, in che io compiacemmi
Pure aspettando, io fui la tua radice".

[74]) Paradiso, 16, 34 (по другимъ толкованіямъ этихъ стиховъ Каччьягвида родъ въ 1091 году).

[75]) Paradiso, 15, 139.

[76]) Paradiso 15, 137:

Mio donna ocune a me di val di Pado
E quindi il supranome tuo si feo.

Относительно правописанія имени Алигьери и его германскаго происхожденія см. Jahrbuch нѣмецкаго дантовскаго общества, томъ I, стр. 149 и слѣд.

[77]) Paradiso 15, 94:

Mio figlio fu, e tuo bisava fue.

Ср. 2 томъ Jahrbuch der deutschen Dantegesellschaft (стр. 330 и слѣд.) уже упомянутую статью A. v. Reumont о „семействѣ Данта".

[78]) Fraticelli, l. c., стр, 15.

году [79]), въ изгнаніе, кончившееся для ихъ партіи лишь семь лѣтъ спустя [80]) вслѣдствіе возвращенія Гвельфовъ во Флоренцію [81]).

Несомнѣнно, что Дантъ довольно рано лишился своего отца [82]), который такимъ образомъ остался безъ существеннаго вліянія на сына, навѣки обезсмертившаго его имя. О его матери, доннѣ Беллѣ, намъ извѣстно немного болѣе; даже происхожденіе ея намъ не сообщено достовѣрно; мы не знаемъ также, долго ли она пережила своего мужа. Самъ Дантъ только одинъ разъ указалъ на нее въ

---

[79]) Къ этимъ двумъ изгнаніямъ Гвельфовъ изъ Флоренціи, въ которыя были замѣшаны и Алигьери, относятся строфы 46—48, 10 пѣсни Ада, гдѣ Фарината говоритъ о предкахъ Данта, т. е. о его дѣдѣ и отцѣ:

..... Fieramente furo avversi
A me ed a'miei primi ed a mia parte,
Si che per due fiate gli dispersi.

[80]) Смот. выше прим. 67.

[81]) Мнѣніе, что отецъ Данта дѣлилъ участь своей партіи, не доказано вполнѣ, однако это явствуетъ изъ общаго положенія дѣлъ. Правда, что съ этимъ плохо согласуется удостовѣренный фактъ рожденія Данта во Флоренціи, въ 1265 году. Либо отецъ Данта, что весьма невѣроятно, былъ исключенъ изъ списка изгнанниковъ, либо онъ (что возможно, но такъ-же невѣроятно) былъ раньше отозванъ; всѣхъ правдоподобнѣе остается все таки предположеніе, что мать Данта раздѣляла нѣкоторое время изгнаніе своего мужа.—Я привожу здѣсь, ради наглядности, родословную Данта, на основаніи работъ Pelli (Memorie per servire alla vita di Dante) и Fraticelli (l. c., p. 37):

Cacciaguida
род. 1106, † 1148.
Супруга его Aldighiera degli Aldighieri
изъ Феррары

Preitenitto (1189)	Aldighiero 1189—1201.		
	Bellincione (1260—1277)	Messer Bello (1277).	
	Gherardo (1277)	Aldighiero † с. 1274. Супр. 1). Lapa di Cialuffi. 2) Bella di?	Brunetto (1260). Cione (1306).
	N. N. въ бракѣ съ Leone Poggi.	DANTE (1265—1321)	Francesco (1297).

Цифры, поставленныя въ скобки, указываютъ годъ, въ которомъ случайно упоминалось о данномъ лицѣ.

[82]) Но врядъ ли раньше 1275 года, такъ какъ 1 мая 1274 г. былъ еще живъ его отецъ.

«Божественной Комедіи», правда въ весьма опредѣленной формѣ; если мы не ошибаемся, то въ словахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы можемъ усмотрѣть весьма ясное указаніе на глубокое, прочное нравственное вліяніе матери на сына, имъ же самимъ торжественно признанное; предположеніе это энергически поддерживается тѣмъ извѣстнымъ мнѣніемъ, выведеннымъ изъ опыта, что великіе люди имѣютъ обыкновенно матерями замѣчательныхъ женщинъ [83]). За исключеніемъ этого указанія, поэтъ, которому представлялось однако достаточно поводовъ для этого, упорно пренебрегъ возможностью удовлетворить наше любопытство въ этомъ отношеніи, да и съ другихъ сторонъ нѣтъ никакихъ разъясненій по этому вопросу.

Что касается исторіи воспитанія поэта, то и здѣсь мы лишены по большей части желанныхъ, непосредственныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, и въ отношеніи его весьма рано начали примѣнять традиціонное ученое, школьное образованіе. Во Флоренціи, какъ и въ остальныхъ городахъ, находилась публичная гимназія. Здѣсь на ряду съ грамматикою, преподавалась особенно риторика, т. е. искусство ловко владѣть во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ латынью, все еще бывшею дѣловымъ языкомъ общинъ. Но получить здѣсь болѣе, чѣмъ обыкновенную умственную пищу, было врядъ ли возможно. Судьба Данта готовила для него лучшее. Она дала ему въ учители самаго ученаго человѣка его родного города, лучшаго знатока древней литературы, съ которымъ мы уже неоднократно встрѣчались, именно Брунетто Латини. Послѣ возстановленія Гвельфовъ, маэстро Брунетто также вернулся въ свой городъ изъ Франціи, гдѣ мы его оставили въ послѣдній разъ [84]). Два года спустя, именно въ 1269 году, мы находимъ его опять во Флоренціи, въ его прежней должности государственнаго секретаря республики [85]) и протонотаріуса въ канцеляріи тосканскаго намѣстника короля Карла Неаполитанскаго [86]). И позд-

---

[83]) D. C. Inferno 8, 4:

..... Alma sdegnosa,
Benedetta colei ch in te s incinse.

[84]) См. выше стр. 36

[85]) P. Chabaille въ упомянутомъ изданіи Trésor, введеніе (стр. III—IV, прим. 1): „Ego Brunectus de Latinis notarios, nec non scriba consiliorum communis Florentiae“, расписывается онъ въ 1269 году въ одномъ изъ составленныхъ имъ актовъ

[86]) См. Il Tesoretto e il Favoletto di ser Brunetto Latini, ediz. di Giov. Bat. Zanoni. Firenze, 1824, предисловіе стр. XVII прим. 22„Brunettus Latinus Protonotarius Curiae Domine Vicarili Generalis Tusciae Carolo rege Siciliae, anno 1269“.

нѣе мы всюду встрѣчаемъ его облеченнымъ важными должностями, какъ человѣка, чьи дарованія пользовались всеобщимъ признаніемъ [87]). Въ новѣйшее время, на основаніи нѣкоторыхъ стиховъ его **Tesoretto**, и принимая въ соображеніе всѣ его личныя свойства, было выведено заключеніе, какъ кажется, не лишенное основанія, что онъ, какъ членъ партіи, не отличался крайними убѣжденіями, заботился о примиреніи боровшихся между собою сторонъ, и даже былъ въ числѣ гражданъ во время заключенія мира между Гвельфами и Гибеллинами, въ 1280 году [88]). Не менѣе велико было вполнѣ достовѣрное вліяніе, которое онъ оказывалъ своей непосредственной ролью наставника на богато одаренные и полные стремленій молодые таланты его родины, какъ напримѣръ, на Гвидо Кавальканти и на еще болѣе юнаго Данта. О настоящемъ воспитаніи Данта мессеромъ Брунетто, или о правильномъ его преподаваніи, нечего, конечно, и думать при данныхъ условіяхъ. Это были, навѣрно, скорѣе отеческія, быть можетъ, дружескія отношенія, обусловленныя семейными связями, подъ сѣнью которыхъ ученый наставникъ сообщалъ своему любознательному ученику сокровища своихъ знаній [89]). То, что мы сказали выше объ общемъ значеніи этого человѣка, будетъ достаточно для выясненія всей важности вліянія такого учителя на Данта. Я не думаю, чтобъ мы ошиблись, предположивъ, что основы классическаго и энциклопедическаго образованія Данта были положены Брунетто. Тотъ, кто читалъ его **Trésor** и **Tesoretto**, будетъ постоянно вспоминать ихъ при изученіи сочиненій Данта. Самъ Дантъ высоко цѣнилъ вліяніе на него подобнаго преподаванія и далъ М. Брунетто въ Божественной Комедіи вѣковѣчное доказательство своей благодарности. «Онъ научилъ его», говорится тамъ между прочимъ, «какимъ путемъ можетъ человѣкъ достигнуть безсмертія» [90]); эти слова ясно и

---

[87]) Ibid p. XIX: Nel 1273 si sottoscrive (Ser Brunetto) come notario e segretario del Commune di Firenze in una carta riportata dal P. Ildefonso. Nel 1280 è uno dei mallevadori dei Guelfi nella famosa pace tra essi e tra Ghibellini fatta dal cardinal Latino, Noverato è tra' Priori delle Arti nel Priorista originale a tratte pel bimestre dalla metta d Agosto a quella d'Ottobre del anno 1287 e il di 16 d'Aprile del 1289 arringa con ser Bene da Vaglia per la guerra, che si preparava alora contra gli Aretini".

[88]) P. Chabaille, l. c., стр. IV, прим. 2. Срав. также предшествующее наше примѣчаніе.

[89]) Смотр. выше стр. 37

[90]) Ад., 15, 82—85:

Chè in la mente m'è fitta, ed or mi accora
La cara e buona imagine paterna
Di voè, quando nel mondo ad ora ad ora
M'insegnavate, come l uom s eterna.

прямо указываютъ на характеръ того возбужденія, которое учитель оказывалъ на ученика. Что Дантъ, несмотря на это, помѣстилъ въ адъ человѣка, которому, по собственному своему признанію, былъ обязанъ столькимъ, казалось многимъ если не безсердечностью, то, по крайней мѣрѣ, ненужной жестокостью. Однако этотъ взглядъ основанъ на ложномъ воззрѣніи. Фактъ этотъ, навѣрно, ни мало не удивилъ его современниковъ, именно потому, что они изъ него ничего не узнали такого, чего не вѣдали бы и безъ того; Брунетто слылъ повсемѣстно «чувственной натурой» [91]); къ довершенію, онъ, по своему, самъ въ этомъ признался [92]). Умеръ онъ также, вѣроятно, безъ покаянія. Если, поэтому, Дантъ не хотѣлъ обойти своего учителя полнымъ молчаніемъ или упомянуть о немъ только вскользь, если онъ хотѣлъ громко провозгласить, чѣмъ онъ былъ обязанъ ему въ отношеніи своего образованія, то ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ причислить его къ той категоріи, къ которой онъ относился, такъ или иначе, въ силу общаго принципа, положеннаго въ основу поэмы. Этимъ онъ совершилъ одновременно и дѣло великодушія и актъ справедливости.

Какъ бы то ни было, преподаваніе, которымъ воспользовался Дантъ, обнимало, очевидно, главнымъ образомъ римскую литературу и, по всему вѣроятію, коснулось и поэзіи провансальцевъ и сѣверной Франціи; дѣйствительно, поэтъ весьма скоро усвоилъ себѣ оба языка и ихъ литературу, и владѣлъ ими въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова [93]), что не можетъ насъ нисколько удивить послѣ всего уже нами приведеннаго. Мы не имѣемъ права оставить безъ вниманія вопросъ, былъ ли Дантъ посвященъ въ тайны греческаго языка; по зрѣломъ обсужденіи, мы должны отвѣтить отрицательно. Мы уже указали на то, что въ тринадцатомъ столѣтіи знаніе классическаго греческаго языка еще не перешло въ кругъ образованія ученыхъ мірянъ.

---

[91]) „Ma fu mondano uomo, говоритъ о немъ Giov. Villani (l. c., VIII, c. 20).

[92]) Ср. его Tesoretto, гл. 21, гдѣ Брунетто, говоря о своемъ мнимомъ обращеніи, приглашаетъ къ этому и одного изъ своихъ друзей:

E poi ch'io son mutato
Ragion è che tu muti;
Che sai che siam tenuti
Un poco mondanetti.

Для полноты здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ своемъ Trésor Брунетто рѣзко высказывается противъ чувственности, что, конечно, отнюдь не было обязательно для него на практикѣ. Ср. II книгу, I отд. названнаго сочиненія.

[93]) Смот. выше стр. 27—28

Напримѣръ, Брунетто Латини, въ которомъ можно бы надѣяться найти исключеніе изъ общаго правила, зналъ Аристотеля только изъ переводовъ, и Дантъ также не составлялъ исключенія въ этомъ отношеніи. Онъ прославляетъ, правда, Гомера, какъ величайшаго изъ поэтовъ [94]), но, тѣмъ не менѣе, мы знаемъ навѣрно, что Гомеръ сталъ извѣстенъ въ подлинникѣ, лишь благодаря Боккаччьо, и что полные переводы его еще не существовали въ то время [95]). Слава Гомера, опираясь долгое время въ средніе вѣка лишь на преданіе, росла по мѣрѣ возрастанія значенія Аристотеля, какъ извѣстно, много имъ занимавшагося. Его авторитета достаточно было для того, чтобы закрѣпить за іоническимъ пѣвцомъ пальму первенства, хотя сочиненія его были мало извѣстны. Если, напримѣръ, Дантъ ссылается въ одномъ изъ своихъ прозаическихъ сочиненій на Гомера, то онъ дѣлаетъ это такъ, что ясно видно, какъ авторитетомъ въ этомъ случаѣ служитъ ему Аристотель [96]); вообще, какъ тогда, такъ и теперь, отдѣльная цитата изъ какого нибудь писателя отнюдь не доказываетъ настоящаго знакомства съ нимъ. Такимъ образомъ Дантъ, навѣрно, никогда не выходилъ изъ элементарныхъ свѣдѣній по греческому языку; онъ могъ читать, понимать отдѣльныя слова, но не болѣе. Именно греческія слова и этимологія, на которыя онъ при случаѣ ссылается, доказываютъ это всего нагляднѣе [97]). Кромѣ того существовалъ тогда, къ сожалѣнію утраченный, словарь Угуччьоне Пизано, на который самъ Дантъ ссылается въ своемъ **Convito**, и которому онъ, по всему вѣроятію, былъ обязанъ немногими греческими свѣдѣніями, имъ сообщаемыми. Что онъ не усвоилъ себѣ въ позднѣйшемъ возрастѣ, какъ можно было думать, дѣйствительное знаніе этого языка, — это всего убѣдительнѣе до-

---

[94]) Inferno 4, 88:

„Quegli è Omero poeta sovrano".

[95]) Смот. выше стр. 25

[96]) Смот. De Monarchia, L. II, гдѣ онъ говоритъ о храбрости Гектора: "Audiendus est idem (Virgilius) in sexto (Aeneadis) qui cum de Miseno mortuo loqueretur, qui fuerat Hectoris minister in bello, et post mortem Hectoris Aenease ministrum se dederat, dicit ipsum Misenum non inferiora secutum: comparationem faciens de Aenea ad Hectorem, quem prae omnibus Homerus glorificat, ut refert Philosophus in iis, quae de moribus fugiendis ad Nicomachum.

[97]) Напримѣръ, въ его извѣстномъ обращеніи къ Кангранде, 7: Nam allegoria dicitur ab ἀλλοῖος graeco, quod in latino dicitur alienum sive diversum".—Въ новомъ критическомъ изданіи Сомаско упомянутаго нами сочиненія мы читаемъ „alleon" вмѣсто „ἀλλοῖον", что только ухудшаетъ дѣло. Другіе примѣры смот. у Paur, Ueber die Quellen der Lebensgeschichte Dante's, стр. 55, прим. 198.

казывается ниже приведеннымъ мѣстомъ изъ его обращенія къ Кангранде изъ Вероны, такъ какъ эти слова относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни. Все, что съ разныхъ сторонъ приводилось въ подкрѣпленіе противоположнаго мнѣнія, распадается при ближайшемъ изслѣдованіи [97]).

Помимо ученаго образованія, Дантъ, безъ сомнѣнія, пользовался еще уроками рисованія и музыки. Безъ всякихъ другихъ свидѣтельствъ, и то, и другое выясняется уже изъ Божественной Комедіи. Строеніе ада, напримѣръ, внушено высоко развитымъ архитектурнымъ вкусомъ; самъ поэтъ разсказываетъ однажды, что онъ упражнялся въ рисованіи фигуръ [98]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Рая» музыкальный элементъ выступаетъ въ такой увлекательной формѣ, что мы готовы предположить въ Дантѣ болѣе чѣмъ поверхностное знакомство съ этимъ искусствомъ; и дѣйствительно, мы весьма скоро увидимъ его близкимъ другомъ выдающихся артистовъ [99]). Относительно вопроса, посѣщалъ ли Дантъ высшія иноземныя школы, и какія именно, мы поговоримъ ниже.

Въ эту эпоху его юности проявляются уже первыя движенія его поэтическаго генія, даннаго этому Богомъ благословенному человѣку въ рѣдкой полнотѣ, предназначеннаго сдѣлаться съ теченіемъ времени центромъ его бытія, и высоко поднять его надъ всѣми современниками. Дантъ, какъ онъ самъ весьма опредѣленно заявляетъ [100]),

---

[97]) Ср. Paur, l. c., стр. 55, прим. 198.—Относятся ли извѣстные стихи въ Inferno, 26, 70—75, къ незнакомству Данта съ греческимъ языкомъ,—я не берусь рѣшить. Изъ числа новѣйшихъ нѣмецкихъ комментаторовъ, Витте обходитъ это мѣсто молчаніемъ, въ то время, какъ Скартаццини (т. I, стр. 299, прим. 74) высказывается противъ этого соотношенія. Я также думаю, что здѣсь рѣчь идетъ не о различіи языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ я также мало могу удовлетвориться толкованіемъ Скартаццини. Мнѣ кажется, что существующую противоположность слѣдуетъ искать въ другомъ, довольно близкомъ къ тому направленіи.

[98]) Boccaccio, Vita di Dante. Vita Nuova, § XXXV: In quel giorno, nel quale si compiva l'anno, che questa donna era fatta de'cittadini di vita eterna, io mi sedea in parte, nella quale ricordandomi di lei disegnava un Angelo sopra certe tavolette.—Здѣсь можно упомянуть о сообщаемомъ Леонардо Бруни извѣстіи, что Дантъ писалъ превосходнымъ почеркомъ. Ср. Fraticelli, l. c., стр. 59.—Что Дантъ занимался въ молодости музыкой и пѣніемъ, сообщается еще Боккаччьо въ его жизнеописаніи Данта.

[99]) Боккаччьо въ своей Vita di Dante, правда, относительно болѣе поздняго времени, говоритъ (l. c., p. 107): Sommamente si diletto in suoni e in cante nella sua giovanezza e a ciascuno che a quei tempi era ottimo cantatore o sonatore fu amico ed ebbe sua usanza.

[100]) См. Vita nuova, § 3. Здѣсь онъ говоритъ въ ясныхъ выраженіяхъ, что, еще до восемнадцати лѣтъ, онъ пытался писать стихи, что при данныхъ усло-

не имѣлъ другого учителя въ поэтическомъ искусствѣ, кромѣ себя самого и той наставницы, которая во всѣ времена оказывалась могущественнѣйшею и успѣшнѣйшею въ этой области, именно любви. Изъ всего, что мы о немъ знаемъ, явствуетъ, что онъ имѣлъ необыкновенно воспріимчивое сердце для впечатлѣній и ощущеній этого рода, и что атмосфера, среди которой онъ жилъ, въ сильной степени благопріятствовала подобнымъ ощущеніямъ. Что касается упоминаемыхъ нами отношеній, составившихъ основу и краеугольный камень его поэтической жизни и творчества, то объ этомъ мы подробно поговоримъ въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи фактовъ. Его первыя поэтическія попытки, очевидно, до насъ не дошли, но относительно содержанія ихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Міръ, въ которомъ родился Дантъ,—городъ Флоренція, представлялъ въ это время большой контрастъ съ тихой юношескою жизнью его подроста вшаговеликаго гражданина и значительно двинулся впередъ по пути своего развитія. Порядокъ, возстановленный въ 1267 году, оставался временно неизмѣннымъ; Гвельфы старались упрочить свою побѣду, поддерживая всюду свою партію и непрерывно воюя съ изгнанными Гибеллинами, скитавшимися въ окрестной странѣ и все еще владѣвшими нѣкоторыми укрѣпленными пунктами. Доставался ли кто изъ Гибеллиновъ въ руки Гвельфовъ, ему немилосердно отрубали голову [101]). Таковы были зрѣлища, представлявшіяся взорамъ юнаго Данта.

Тѣмъ временемъ на престолъ св. Петра вступилъ человѣкъ мирныхъ наклонностей, видѣвшій свое призваніе въ примиреніи партій, а не въ охранѣ одной и преслѣдованіи другой,—именно Григорій X. Правда, что и общее европейское положеніе и положеніе самаго папства совершенно измѣнилось. Великая борьба, которую вели папы съ императорской властью и Гогенштауфенами, окончилась совершенно въ ихъ пользу; началась новая эра. Разумному, безстрастному, опытному человѣку, какимъ былъ Григорій, естественно было при такихъ обстоятельствахъ пожелать упрочить на этой основѣ новый, крѣпкій порядокъ. Въ этомъ смыслѣ Григорій, впрочемъ весьма осторожно и осмотрительно, предложилъ свои услуги для окончательнаго упраздненія междуцарствія и для возстановленія, правда, за-

---

віяхъ понятно, впрочемъ, само собою: „E pensando io a ciò che m'era apparito, proposi di farlo sentire a molti i quali erano famosi trovatori in quel tempo, e con ciò fosse cosa ch'io avessi gia veduto per me medesimo l'arte del dire parole per rima, proposi di fare un Sonetto".

[101]) Villani, VII, c. 31, 33, 35.

висимой отъ папъ, но законной и всѣми признанной императорской власти; въ этомъ смыслѣ онъ поощрялъ избраніе въ нѣмецкіе короли Рудольфа Габсбургскаго и всюду старался о примиреніи въ Италіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Но всего болѣе была полна душа его мыслями о крестовомъ походѣ. Для этой цѣли онъ созвалъ въ Ліонѣ всеобщій соборъ и пустился туда въ путь въ іюнѣ 1273 года, въ сопровожденіи короля Карла Неаполитанскаго и изгнаннаго константинопольскаго императора Балдуина. Путь лежалъ чрезъ Флоренцію, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, для того чтобы склонить господствующихъ Гвельфовъ къ примиренію съ изгнанными Гибеллинами. Полный доброй воли и неутомимый, онъ дѣйствительно добился соглашенія, позволявшаго изгнанникамъ вернуться въ отчизну, но, къ его великому горю, ему пришлось увидать, что этотъ миръ продлился лишь немного дней и былъ со стороны Гвельфовъ нарушенъ столь ужасающимъ образомъ, что испуганные Гибеллины предпочли добровольное изгнаніе безславному и столь небезопасному существованію на родинѣ и снова покинули ее. Самъ Григорій, раздраженный до нельзя, произнесъ отлученіе противъ непокорнаго города и продолжалъ свое прерванное путешествіе послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго пребыванія во Флоренціи. Въ виду своихъ собственныхъ честолюбивыхъ плановъ неаполитанскій король держалъ себя во время этихъ событій не безъ двусмысленности, такъ что и онъ вызвалъ противъ себя, хотя временно, неудовольствіе папы. Два года спустя Григорій вернулся изъ Ліона въ Италію, весьма довольный добытыми результатами. По дорогѣ, въ Лозаннѣ, онъ, въ октябрѣ 1275 г., имѣлъ съ королемъ Рудольфомъ встрѣчу, во время которой соглашеніе, уже заключенное между ими обоими, было неоднократно подтверждено, подчиненіе государства подъ власть папы торжественно признано, и коронація Рудольфа въ Римѣ назначена на будущій годъ. Дорога въ Римъ привела папу вслѣдъ за тѣмъ опять во Флоренцію; однако пребываніе его въ этомъ городѣ продолжалось на этотъ разъ лишь весьма короткое время; отлученіе, произнесенное имъ за два года передъ тѣмъ, было какъ-бы само собою снято этимъ посѣщеніемъ; но, когда ему пришлось убѣдиться, что далеко не миролюбивыя наклонности господствовавшей партіи остались все тѣ же, его негодованіе пробудилось сильнѣе, чѣмъ прежде, и не успѣлъ онъ выйти за городскія ворота, какъ онъ снова произнесъ противъ непокорныхъ Гвельфовъ только что взятое имъ назадъ отлученіе. Изъ Флоренціи онъ отправился въ Ареццо, и здѣсь (въ январѣ 1265 года) этотъ благороднѣйшій изъ папъ на-

шелъ предѣлъ своей земной жизни [102]), а съ нимъ вмѣстѣ погибло, къ сожалѣнію, и то благодѣтельное направленіе, которое приняла, благодаря ему, папская политика.

И такъ, Флоренція была по прежнему исключительно гвельфскимъ городомъ, стояла во главѣ заключеннаго съ давнихъ поръ тосканскаго гвельфскаго союза и вела противъ своихъ враговъ, какъ напримѣръ Пизы, удачныя войны. Первенствующее положеніе неаполитанскаго короля Карла въ Средней и Верхней Италіи осталось во время трехъ ближайшихъ преемниковъ папы Григорія X, правда, быстро умершихъ другъ за другомъ въ теченіе одного года, неизмѣннымъ въ главныхъ чертахъ, несмотря на совершившееся уже примиреніе церкви съ государствомъ. Съ возведеніемъ на папскій престолъ Николая III наступила важная перемѣна именно въ этихъ отношеніяхъ. Грандіозный по замысламъ и властолюбивый, самостоятельный политикъ, онъ укрѣпилъ церковное государство, присоединилъ къ нему спорную до того времени Романью, съумѣлъ склонить короля Карла отказаться отъ сенаторскаго достоинства, т. е. отъ управленія городомъ Римомъ и отъ имперскаго намѣстничества въ Тосканѣ, и устранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все неясное, что еще препятствовало установленію полнаго мира между папствомъ и нѣмецкимъ королевствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подъ видомъ семейнаго союза, подготовилъ соглашеніе между королемъ Рудольфомъ и неаполитанскимъ королемъ Карломъ. Еще серьознѣе, чѣмъ во времена Григорія X, стали поговаривать о путешествіи Рудольфа въ Римъ, и дѣлались приготовленія къ возстановленію въ Тосканѣ, послѣ долгаго промежутка времени, имперскихъ правъ, не оспаривавшихся уже болѣе со стороны папъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Тѣмъ не менѣе остается доказаннымъ фактомъ, что король Рудольфъ не властвовалъ непосредственно въ Тосканѣ, пока живъ былъ Николай III [103]).

---

[102]) Ср. относительно только что разсказаннаго нами Paolino Pieri и Villani, l. c.—Дж. Каппони, Storia della Reppublica di Firenze, 1, стр. 69 и слѣд.—Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom, V, 10 книга, гл. 4. — Perrens, томъ II, гл. 3.—Перранъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ возраженіямъ новѣйшихъ писателей, въ родѣ Bonaini, весьма основательно отвергнулъ, какъ недоказанный, разсказъ Виллани (VII, 49), будто папа даже не захотѣлъ вступить во Флоренцію.

[103]) Ср. вмѣстѣ съ часто указанными нами подлинными флорентинскими источниками еще Gregorovius, l. c., V, p. 465.—Корр, l. c., p. 160.—Perrens, l. c., p. 182 sqq.

Въ самой Флоренціи мы встрѣчаемся въ это время съ видимымъ вліяніемъ папскаго авторитета. Общественныя дѣла приняли здѣсь въ послѣдніе годы весьма опасную форму; нетолько длился во всей своей рѣзкости антагонизмъ между господствующими Гвельфами и исключенными Гибеллинами, но и Гвельфы между собою и даже Гибеллины распались на партіи, враждебныя другъ другу. Въ особенности Гвельфы-аристократы дѣйствовали съ произволомъ, не признающимъ никакихъ законовъ. При такихъ обстоятельствахъ пополаны, которымъ всего болѣе угрожало подобное опасное положеніе вещей, придумали обратиться къ посредничеству папы и добиться прочнаго успокоенія республики примиреніемъ всѣхъ партій и фракцій. Въ этомъ смыслѣ они отправили посольство къ Николаю III, къ которому одновременно съ этимъ прибыли агенты и отъ изгнанныхъ Гибеллиновъ, для того чтобы добиться его посредничества въ дѣлѣ возвращенія ихъ на родину [104]). Быть можетъ, господствующая партія руководилась въ этомъ случаѣ точно также и страхомъ передъ возможнымъ вмѣшательствомъ нѣмецкаго короля, и считала нужнымъ отстранить грозную опасность, возстановивъ внутренній миръ. Что касается папы, то онъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ обращенную къ нему просьбу, что благодаря этому ему вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся желанный случай выказать и значительно укрѣпить во Флоренціи и вообще въ Тосканѣ папскій авторитетъ. Онъ отрядилъ отъ своего имени, въ качествѣ миротворца своего племянника, кардинала Латина (Latinus), епископа остійскаго и веллетрійскаго, находившагося въ то время въ Романьѣ въ качествѣ папскаго легата и пользовавшагося репутаціею человѣка съ большими способностями и краснорѣчіемъ. Кардиналъ появился съ вооруженною свитою передъ воротами Флоренціи уже 8 октября (1277 г.) и, торжественнѣйшимъ образомъ принятый, вступилъ въ городъ при чрезвычайномъ стеченіи народа. Съ тактомъ и осмотрительной энергіею приступилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ къ дѣлу посредничества и дѣйствительно осуществилъ его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Гибеллины могли вернуться и, на сколько это еще было возможно получили обратно конфискованныя у нихъ имѣнія или же иное возмездіе [105]). Только самые непримиримые изъ членовъ обѣихъ партій

---

[104]). Paolino Pieri. l. c. подъ 1275 год. — Vilani, l. c. cap. 56. —Scheffer-, Boichorst, Florent. Studien, стр. 52—59.—Perrens, l. c., V, 1.

[105]) Среди поручителей этого мира находился, какъ сказано выше, Брунетто Латини. Срав. относительно даннаго вопроса и этихъ событій вообще Perrens, l. c. стр. 194 и слѣд.

оставались исключенными изъ города и пользованія миромъ. По иниціативѣ осмотрительнаго легата, съ дѣломъ примиренія была соединена и реформа конституціи республики, имѣвшая цѣлью поставить заключенный миръ на прочную, законную основу и обезпечить равновѣсіе между партіями Гвельфовъ и Гибеллиновъ, привлекая каждую изъ нихъ къ участію въ администраціи. Нельзя было, однако, обманывать себя: для сохраненія этого столь желательнаго, хотя все таки искуственно созданнаго положенія, предполагалось дѣятельное участіе и добрая воля всѣхъ сторонъ, — въ особенности Гвельфовъ и Гибеллиновъ, и предположеніе это было весьма скоро опровергнуто фактами.

Созданный во Флоренціи порядокъ,казалось, былъ обезпеченъ тѣмъ, что нашелъ себѣ подражаніе въ большинствѣ тосканскихъ городовъ. Но весьма опаснымъ для этого порядка было то обстоятельство, что послѣ смерти папы Николая III, послѣдовавшей въ августѣ 1280 года, на папскій престолъ былъ избранъ Французъ, Мартинъ IV, избраніе котораго было дѣломъ и торжествомъ короля Карла неаполитанскаго. Всюду торжествовала французская партія и Гвельфы подняли голову съ большою самонадѣянностью. Уже вскорѣ былъ возобновленъ распавшійся гвельфскій союзъ тосканскихъ городовъ, подъ руководствомъ Флоренціи. Однако, внезапно разразилось событіе, разрушившее всѣ эти надежды однимъ ударомъ: островъ Сицилія, угнетаемый въ самой страшной степени, возсталъ въ мартѣ 1282 года противъ французскаго владычества и предложилъ корону зятю Манфреда, аррагонскому королю Петру III, который совершилъ торжественный въѣздъ въ Палермо въ августѣ того же года и вступилъ во владѣніе всѣмъ королевствомъ. Какъ извѣстно, всѣ усилія Карла Анжуйскаго снова отвоевать силою отпавшій островъ остались тщетными; напрасны были также усердіе и усилія папъ, направленныя противъ этого успѣха аррагонскаго дома, въ которомъ снова оживалъ на ихъ глазахъ духъ Гогенштауфеновъ; тщетна была наконецъ и поддержка Франціи и Гвельфовъ полуострова.

Во время этихъ попытокъ флорентинская республика также явилась на помощь королю Карлу съ деньгами и войскомъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ перемѣны въ общественномъ положеніи, вызванной сицилійскою вечернею, дѣло мира, созданное кардиналомъ Латиномъ, было устранено и на мѣсто его поставлена другая конституція (іюль 1282 года). Гибеллины, правда возстановленные этимъ порядкомъ вещей, но, по ихъ мнѣнію, все таки оставленные на второмъ планѣ, дѣлали съ той поры болѣе энергическія попытки завоевать се-

бѣ полную равноправность и, быть можетъ, даже перевѣсъ. Гвельфы этому воспротивились, и пополаны, въ силу наслѣдственныхъ традицій ихъ политики, шли изъ принципа охотнѣе рука въ руку съ ними, чѣмъ съ противною партіею. Такимъ образомъ, однако, запутывались общественныя дѣла, и народъ примирялся съ убѣжденіемъ, что благо республики не можетъ существовать при конституціи, одинаково неуважаемой обѣими названными партіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ опасались и полномочнаго посла короля Рудольфа, снова появившагося въ Тосканѣ. Пополаны рѣшились вслѣдствіе этого положить конецъ этимъ опаснымъ порядкамъ, именно замѣнивъ конституцію 1280 года новою. Самая существенная и всего глубже проникавшая часть этихъ реформъ заключалась въ томъ, что исполнительная власть перешла въ руки пріоровъ главнѣйшихъ цеховъ, т. е. въ руки пополановъ или знатнѣйшей и богатѣйшей части народа. Члены гвельфскихъ родовъ отстранялись отъ должности пріора, если не записывались въ одинъ изъ высшихъ цеховъ. Вообще же за Гвельфами былъ прямо обезпеченъ перевѣсъ въ этой отрасли администраціи;они должны былис составить большинство.Въ остальномъ можно все таки считать эту, правда мирную, революцію торжествомъ демократическаго принципа [106]).

Вслѣдствіе этого измѣненія, для Флоренціи началось болѣе спокойное и, по отзывамъ ея собственныхъ историковъ, счастливое время. Благосостояніе города развивалось невиданнымъ до той поры образомъ; умѣли устроить такъ, что не приходилось болѣе взимать никакихъ налоговъ. [107]). Празднество шло за празднествомъ. Каждый знатный иностранецъ, проѣзжавшій черезъ городъ, принимался и угощался самымъ блестящимъ образомъ. Въ мартѣ 1283 года король Карлъ неаполитанскій коснулся Флоренціи на своемъ пути во Францію, и современный писатель, какъ напр. **Paolino Pieri**, не находитъ достаточныхъ словъ, чтобы прославлять восторгъ и блескъ, съ которыми его встрѣчали [108]). Словомъ, побѣдоносная денежная аристократія противопоставлялась отодвинутой на задній планъ военной аристократіи и искала случаевъ блестѣть своимъ богатствомъ. Такъ ко дню празднества св. Іоанна Крестителя, патрона Флоренціи, семейство Росси и его сосѣди созвали въ 1283 г. об-

---

[106]) Villani, l. c., cap. 79.—G. Capponi, l. c., II, c. 2.—Perrens, l. c. —Срав. также Pasq. Villari въ Nuova Antologia, 1869 г., La Repubblica Fiorentina a tempo di Dante Alighieri, p. 442.

[107]) Villani, l. c., 8, c. 2.

[108]) Paolino Pieri, l. c., подъ 1284 г.

щество въ тысячу человѣкъ, которые всѣ одѣлись въ бѣлыя платья и поставили въ главѣ себя такъ называемаго **Segnore del amore**. Цѣль этого общества, почти исключительно состоявшаго изъ пополанъ, заключалась въ играхъ, пиршествахъ и танцахъ; въ опредѣленные дни члены его двигались по городу при звукахъ трубъ и въ праздничныхъ одѣяніяхъ, и тогда все было преисполнено восторгомъ и радостью. Это продолжалось два мѣсяца и было здѣсь новымъ обычаемъ, заимствованнымъ, какъ кажется, изъ быта другихъ городовъ Тосканы. По всей Италіи распространилась слава, пріобрѣтенная Флоренціею въ этихъ дѣлахъ. Съ той поры сюда стали стекаться со всѣхъ сторонъ знатные люди, любившіе пожить, шутники и всѣ, кто славился остроуміемъ. Сыновья пополанъ посвятили себя военнымъ играмъ и составили отрядъ въ триста всадниковъ, получившихъ званіе рыцарей. Многіе изъ нихъ держали ежедневно открытый столъ, гдѣ каждый острякъ могъ быть гостемъ и, быть можетъ, получалъ даже новую одежду къ извѣстнымъ праздествамъ [109]). Такимъ образомъ пополаны присвоивали себѣ часть аристократическихъ обычаевъ и сословныхъ привычекъ.

Данту минуло восемнадцать лѣтъ немного времени спустя послѣ описаннаго нами торжества **popolo**. Нельзя отрицать, что онъ выросталъ среди атмосферы и подъ впечатлѣніями, которыя не могли не занять, не развить и не возбуждать такой грандіозный юношескій умъ. Его поэтическое дарованіе, вскормленное и поднятое импульсами и влеченіями молодости, прежде всего вывело его изъ идилліи домашняго очага въ болѣе широкую жизненную сферу. Оно обратило на него общественное вниманіе и доставило ему дружбу значительнѣйшихъ изъ современныхъ поэтовъ, въ родѣ Лапо Джьянни, **Cino di Pistoja** и, главное, Гвидо Кавальканти. Послѣдній, какъ предшественникъ Данта, открылъ новый путь для совершенствованія поэтическаго языка и формъ и для обогащенія лирики большимъ обиліемъ матеріала и мотивовъ [110]). Наряду съ Дантомъ, его звали вторымъ окомъ Флоренціи. Гвидо принадлежалъ къ гвельфскому роду, который выдавалъ себя за очень древній и во всякомъ случаѣ долгое время пользовался большимъ значеніемъ. Мы уже познакомились и съ его отцомъ и съ нимъ. Лѣтами онъ расходился съ Дантомъ; онъ былъ, вѣроятно, старше его болѣе чѣмъ на шест-

---

[109]) Ср. Giov. Villani, VIII, 88.

[110]) Смот. Rime di Guido Cavalcanti, per opera di Antonio Cicciaporci. Firenze, 1813.

надцать лѣтъ, такъ какъ еще въ 1267 году мы читаемъ, что отецъ его, мессеръ Кавальканте Кавальканти, далъ ему въ жены, во время попытки къ примиренію двухъ партій, сдѣланной въ ту пору, дочь Фаринаты Уберти, флорентинскаго Камилла[111]). Среди выдающихся личностей, встрѣчаемыхъ нами въ числѣ приближенныхъ Данта, Гвидо безспорно является во многихъ отношеніяхъ одною изъ наиболѣе замѣчательныхъ. Что касается его поэзіи, то она отличается въ особенности тѣмъ, что древнеисторическій и миѳологическій элементъ выступаетъ въ ней съ внезапною силою. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ движеніемъ, которое раньше того было придано поэзіи Брунетто Латини. Гвидо, какъ позднѣе и Дантъ, навѣрно былъ его ученикомъ; это можно усмотрѣть изъ каждой строки его пѣсенъ, и всевозможные намеки его позднѣйшихъ біографовъ подтверждаютъ это предположеніе [112]). Боккаччьо называетъ его лучшимъ изъ знатоковъ логики и самымъ замѣчательнымъ изъ изслѣдователей философіи природы; выраженія эти слѣдуетъ, конечно, принимать осмотрительно, въ виду ихъ общности, тѣмъ болѣе, что они примѣнялись въ ту пору весьма щедро [113]). Одно лишь вполнѣ достовѣрно,—что Гвидо впервые ввелъ въ значительныхъ размѣрахъ въ поэзію философское отношеніе къ любви, и своей канцоною о сущности любви стяжалъ себѣ громкую славу; однако, для его поэтической репутаціи было бы невыгодно, еслибъ ее слѣдовало искать исключительно въ этомъ направленіи. По нашему мнѣнію, она состоитъ, напротивъ, въ томъ, что онъ придавалъ чисто-человѣческимъ ощущеніямъ простѣйшую форму, что онъ дѣйствительно двигалъ впередъ лирику, не довольствуясь простымъ выраженіемъ эротическихъ чувствъ а, вмѣсто положеній, описывалъ дѣйствіе [114]). Такимъ образомъ самые разнообразные элементы находятся въ его поэзіи другъ около друга, но не одинъ въ другомъ. У Гвидо, кажется, отсутствовала внутренняя гармонія или же онъ достигалъ ея лишь медленно и съ трудомъ. Кромѣ простой любовной пѣсни и метафизики любви, онъ провозглашалъ еще мораль здраваго человѣческаго смысла, призывалъ любовь къ умѣренности и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ превосходно изображать ея наслажденія. Толпа считала его за атеиста и

---

111) Смот. выше стр. 17

112) Смот. Rime di Guido Cavalcanti etc. Prefazione p. XII: „Domenico Bandino Aretino nella prefazione dell' Abate Mehus ad Epist. Ambr. Camald.dice: „In magnis Brunetti discipulis habitus est Guido de Cavalcantibus."

113) Смот. Декамеронъ, день VI, nov. 10.

114) (Valeriani) Poeti del primo secolo, II, 183.

эпикурейца, такъ какъ онъ не раздѣлялъ безумія общественной жизни и искалъ уединенія. Даже болѣе образованные люди въ родѣ поэта Гвидо Орланди, рѣзко порицавшаго его за насмѣшку надъ чудотворнымъ изображеніемъ Маріи и соперничествомъ францискан-цевъ и доминиканцевъ, лишившихся дохода съ этихъ чудесъ,— считали его за вольнодумца. [115]). Есть признаки, что онъ только съ извѣстными ограниченіями подчинялся могуществу господствовав-шихъ тогда религіозныхъ воззрѣній; только позднѣйшее изгнаніе его изъ Флоренціи и болѣзнь, отъ которой онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, вызвали въ немъ переворотъ, и онъ отошелъ въ вѣчность, кажется, примиренный. [116]). Глубина его натуры подтверждается тѣмъ фактомъ, что и онъ, подобно Данту, былъ природнымъ гвельфомъ, съ теченіемъ времени порвалъ связи съ своей партіей и усвоилъ себѣ гибеллин-скія воззрѣнія. Таковъ былъ другъ, пріобрѣтенный Дантомъ при первомъ проявленіи его поэтическаго дара, и во время позднѣйшихъ смутъ во Флоренціи мы увидимъ его страстнымъ политическимъ дѣя-телемъ. Уже одно то, что онъ быстрымъ взоромъ усмотрѣлъ въ слабыхъ начинаніяхъ Данта его поэтическое дарованіе, доказываетъ тонкій умъ Гвидо [117]). Оба они стали друзьями на всю жизнь, такъ что отецъ Гвидо удивился даже въ аду, что не видитъ своего сына странствующимъ съ Дантомъ [118]). Они не были совершенно тож-дественными натурами, думали о многихъ предметахъ различно, но поэзія, а позднѣе политика, были достаточно могущественны, чтобы неразрывно связать ихъ другъ съ другомъ. Это былъ благородный союзъ, въ которомъ каждый могъ дать и получить что нибудь, и

---

[115]) Смот. тамъ-же II, 267; стихи Орланди къ Кавальканти. Если мы сравнимъ съ этимъ разсказъ Виллани VII, гл. 154, намъ станетъ понятно порица-ніе Орланди.

[116]) Смот. въ Rime di Guido Cavalcanti, p. 61, sqq., канцону: „O lento, pigro ingrato, iqnar che foi". Она во всякомъ случаѣ относится къ послѣднимъ го-дамъ его жизни.

[117]) Vita nuova: „A questo Sonetto fu risposto da molti e di diverse sentenze, tra li quali fu risponditore quegli cui io chiamo primo dè miei amici.—E questo fu quasi il principio dell amista tra lui e me" etc.—

[118]) Адъ, 10, 58:

„— — — se per questo cieco
Carcere vai per l'altezza d' ingegno
Mio figlio ov 'è, e perchè non è teco?"

Относительно смысла слова primo были высказаны въ новѣйшее время раз-нородныя мнѣнія. Scheffer-Boichorst (Florent. Studien, стр. 130, прим. 3) вы-сказывается въ опроверженіе Monod противъ отношенія этого слова ко вре-мени и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ справедливо.

сильный духомъ Кавальканти навѣрно не разъ ободрялъ меланхолическаго Данта. [119]).

Тѣмъ временемъ Флоренція наслаждалась внутреннимъ миромъ, но внѣшнія обстоятельства и борьба партій держали ее въ какомъ-то постоянномъ ожиданіи и весьма скоро снова вовлекли ее въ свой водоворотъ. Въ 1285 году король Карлъ неаполитанскій и папа Мартинъ IV сошли со сцены. Усилія того и другого не смогли возмѣстить потерю, понесенную вслѣдствіе отложенія Сициліи. Новый папа, Гонорій IV, въ принципѣ продолжалъ, правда, въ сицилійскомъ вопросѣ политику своихъ предшественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ дружескія отношенія и съ имперіею, хотя назначенная на январь 1287 года коронація короля Рудольфа оставалась по прежнему не осуществленною. Новый неаполитанскій король, Карлъ II, не могъ даже временно занять выпавшій ему на долю тронъ; во время борьбы изъ-за Сициліи онъ попалъ въ руки своего соперника, аррагонскаго короля Петра и все еще оставался военноплѣннымъ [120]). Тѣмъ болѣе была предоставлена себѣ верхняя и средняя Италія, и указанныя нами усложненія начались. Какъ намъ уже извѣстно, перевѣсъ въ Тосканѣ остался за Гвельфами; только Ареццо и въ извѣстной степени Пиза могли считаться гибеллинскими городами. Однако въ новѣйшее время надежды этой партіи возросли, и именно въ Пизѣ Гвельфы и Гибеллины уже боролись изъ-за власти. Во главѣ однихъ стоялъ графъ Уголино Герардеска, во главѣ другихъ—архіепископъ Руджьери. Уголино одержалъ временно побѣду и внукъ его, Нино-делли-Висконти, возставшій противъ него въ качествѣ вождя гвельфской фракціи, долженъ былъ уступить ему. Но, благодаря этому расколу, партія была ослаблена. Руджьери подстрекалъ противъ побѣдителя народъ, недовольный наступившею дороговизною. Уголино достался въ руки противниковъ и умеръ, какъ извѣстно, въ іюлѣ 1282 года голодною смертью съ своими двумя сыновьями и тремя внуками [121]). Паденіе его совершилось противъ желанія Флорентинцевъ; они всегда находились съ нимъ въ сношеніяхъ и считали его столпомъ своей партіи. Подобныя событія, разыгрывавшіяся столь близко отъ него, служили противовѣсомъ идеализму Данта; какое впечатлѣніе они производили на него, видно изъ

---

[119]) Rime di Guido Cavalcanti, стр. 12, сонетъ XXII:

„Io vlngo a te infinite volte,
E trovoti pensar troppo vilmente“ etc.

[120]) Vieani, l. c., cap. 92. Gregorovius, l. c., книга 10, глава 4.

[121]) Villani, l. c., 7, c.,120.

знаменитыхъ стиховъ, обезсмертившихъ кончину Уголино [122]). Но общественныя событія привлекали его еще непосредственнѣе въ свой кругъ. Но слѣдуетъ представлять его себѣ только мечтательнымъ, восторженнымъ юношей, отвернувшимся совершенно отъ жизни. Напротивъ, все указываетъ скорѣе на то, что онъ шелъ ей на встрѣчу съ поднятымъ забраломъ. Онъ очевидно предавался съ большимъ предпочтеніемъ всѣмъ рыцарскимъ искусствамъ. Если мы правильно понимаемъ нѣкоторыя мѣста въ его великой поэмѣ, онъ былъ также большимъ приверженцемъ благороднаго охотничьяго дѣла [123]). Онъ занимался также, какъ подобало молодому человѣку его сословія, военнымъ ремесломъ и вскорѣе имѣлъ случай примѣнить его на практикѣ. Тосканскій союзъ Гвельфовъ, съ Флоренціею во главѣ, воевалъ съ 1288 года противъ гибеллинскаго города Ареццо. Невѣроятно, правда, чтобы Дантъ участвовалъ уже въ этомъ походѣ [124]). Тѣмъ достовѣрнѣе его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ слѣдующаго затѣмъ года.

Сынъ и преемникъ неаполитанскаго короля Карла I находился, какъ мы уже сказали, въ аррагонскомъ плѣну и получилъ свободу и миръ лишь 2 ноября 1288 г., благодаря стараніямъ короля Эдуарда англійскаго и папы Николая IV, сдѣлавшагося въ февралѣ того же года преемникомъ папы Гонорія IV. По пути въ свое наслѣдственное государство, онъ побывалъ во Флоренціи, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ, какъ другъ, и гдѣ пробылъ нѣсколько дней [125]). Оттуда онъ

---

[122]) Inferno, 23 пѣснь.

[123]) Указанные нами примѣры относятся прямо къ соколиной охотѣ, но даютъ право предполагать практическое знакомство съ нею. Inferno, 17, 127.

Come il falcon, ch'é stato arsai sull'ali

и т. д., и ib. 22, 130.

Non altrimente l'anitra di botto.
Quando il falcon s'oppressa giù s'attuffa
Ed ei ritorna su cruciato e rotto.

Ср. также Inferno, 13, 112—115.

[124]) Fraticelli (l. c., p. 88) хотѣлъ бы вывести это заключеніе изъ Inferno, 22, 1—10; но этому противорѣчитъ сообщаемый Леонардо Бруни отрывокъ одного письма Данта, гдѣ онъ говоритъ о своемъ участіи въ битвѣ слѣдующаго года (1289) при Кампальдино, изъ чего ясно, что это была первая битва, въ которой онъ участвовалъ. Упоминаемое нами мѣсто звучитъ, по словамъ Л. Бруни (Vita di Dante) такъ: „La battaglia di Campaldino.... dove mi trovai non fanciullo nell'armi e dove ebbi temenza grande, e nella fine grandissima allegrezza per li novi casi di quella battaglia“ (цитата, приведенная Fraticelli, l. c., p. 94).

[125]) Villani, l. c , 7, c., 130. Paolino Pieri подъ этимъ годомъ.

направился въ Ріети, чтобъ короноваться тамъ у папы. Но, такъ какъ Флорентинцы имѣли поводъ опасаться, какъ бы аретинскіе Гибеллины не сдѣлали попытки овладѣть особою короля, они быстро рѣшились помѣшать этому во чтобы-то ни стало, и дать при этомъ случаѣ чувствительный урокъ недоброжелательному городу. Во главѣ Ареццо стоялъ въ качествѣ **Signore**, со времени изгнанія оттуда Гвельфовъ за два года передъ тѣмъ, гибеллинскій приверженецъ епископъ Вильгельмъ, принадлежавшій къ знатному роду Убертини. Упомянутый нами походъ 1280 года связанъ съ этими событіями. Когда, поэтому, вернулись флорентинскія войска, сопровождавшія новаго неаполитанскаго короля, они созвали всѣ силы тосканскаго гвельфскаго союза и весьма скоро столкнулись съ отыскиваемыми ими соперниками [126]). Дѣло дошло до битвы на кампальдинскихъ поляхъ, окончившейся полнымъ пораженіемъ Аретинцевъ и ихъ союзниковъ. Они насчитывали 1100 убитыхъ и около 2000 плѣнныхъ. Въ числѣ павшихъ находился епископъ города Ареццо, рыцарственный **Buonconte di Montefeltro**, и многіе знатные Гибеллины. Даже современныя нѣмецкія хроники упоминаютъ объ этомъ кровавомъ столкновеніи въ верхней долинѣ Арно [127]). Дантъ боролся вмѣстѣ съ другими въ флорентинскомъ конномъ отрядѣ, который, въ интересахъ дѣла, отдалъ себя въ распоряженіе начальства въ видѣ отряда волонтеровъ; здѣсь онъ заслужилъ рыцарскія шпоры [128]). Въ однихъ рядахъ съ нимъ боролись Гвидо Кавальканти, его испытанный другъ, и Бернардино Полента, братъ Франчески Риминійской, застигнутой годъ спустя местью своего мужа. Флорентинцы были упоены побѣдою и, дѣйствительно, тосканскіе Гибеллины никогда уже не оправились отъ этого удара. Но гвельфское войско упустило изъ виду непосредственное преслѣдованіе, которое должно было отдать ему въ полное распоряженіе городъ Ареццо; вслѣдствіе этого оно должно было вознаградить себя посредствомъ жестокаго опустошенія окрестной страны. 23 іюня побѣдители совершили свой торжественный въѣздъ во Флоренцію. Духовенство вышло имъ на встрѣчу торжественною процессіею, ликующій народъ встрѣтилъ ихъ съ развѣвающимися знаменами и цеховыми знаками, главнокомандующій и городской **podesta**

---

[126]) 11 іюня 1289 г.

[127]) Смотр. Ann. Colmarsienses maj. MGH. § XVII, p. 216.

[128]) Смотр. L. Bruni, Vita di Dante, l. c., и приведенное нами выше мѣсто изъ утраченнаго письма Данта объ этомъ сраженіи и въ Purgatorio, V, 88 и слѣд., превосходный поэтическій разсказъ о смерти Buonconte di Montefeltro въ этой битвѣ, безспорно указывающій на участіе въ этомъ дѣлѣ.

были внесены рыцарями въ городъ подъ балдахинами изъ богатѣйшихъ тканей [129]). Такъ жили въ то время; архіепископъ флорентинскій благословилъ побѣду, одержанную надъ епископомъ города Ареццо, оставшимся мертвымъ на полѣ сраженія.

Побѣда эта, хотя и была окончательно рѣшена пѣхотою, тѣмъ не менѣе придала военной аристократіи новый блескъ; вслѣдствіе этого **popolo grasso** тѣснѣе сблизился съ нисшими цехами, относительно которыхъ онъ до той поры держался довольно холодно и гордо. Сама Флоренція необычайно поднялась послѣ этой побѣды; населеніе и богатство ея возрасли. Веселое и счастливое настроеніе шумно выразилось въ празднествахъ и всевозможныхъ шествіяхъ, въ которыхъ принимали участіе и женщины [130]). Перевѣсъ этого города надъ всѣми остальными гвельфскими городами Тосканы, казалось, установился навсегда. Вслѣдствіе этого ревностно продолжались военныя дѣйствія противъ внѣшнихъ враговъ. Послѣ пораженія Аретинцевъ, особенно опасными казались Пизанцы. Когда поэтому, еще въ августѣ того же года, жители Лукки двинулись противъ Пизы, Флорентинцы поддержали ихъ четырьмя стами всадниковъ и 2000 пѣхотинцевъ. Союзное войско придвинулось къ самымъ городскимъ стѣнамъ, опустошило всю страну и заняло, наконецъ, капронскій замокъ, принадлежавшій Пизанцамъ, позволивъ гарнизону свободно удалиться [131]). И на этотъ разъ Дантъ двинулся вмѣстѣ съ флорентинскою конницею [132]). Подобные нападки на Пизу и Ареццо возобновлялись въ продолженіе многихъ лѣтъ, не разстраивая замѣтнымъ образомъ общаго положенія дѣлъ.

Мы не ошибемся, если отнесемъ къ этимъ годамъ болѣе тѣсное знакомство Данта, даже отчасти дружбу его со многими выдающимися художниками тогдашней Флоренціи, которые всѣ весьма опредѣленно свидѣтельствуютъ о могучемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельномъ впечатлѣніи, производимомъ его личностью и обращеніемъ. Такъ было съ Казеллою, прославленнымъ пѣвцомъ. Отношенія были, очевидно, весьма тѣсныя и опирались на сродство поэзіи и музыки. Казелла увѣряетъ даже Данта, во время извѣстной

---

[129]) Villani, l. c., 7, 131.

[130]) Тамъ же.

[131]) Villani, l. c , 7, 127.

[132]) Inferno, 21, 94, онъ говоритъ, какъ очевидецъ:

E cosi vid'io già temer li Fanti
Ch'uccivon patteggiati di Caprona
Veggendo se tra nemici cotanti.

встрѣчи ихъ въ чистилищѣ, въ непрерывной привязанности къ нему, и Дантъ говоритъ о нѣжномъ пѣніи Казеллы, «которое всегда успокоивало всѣ его желанія» [133]). Въ связи съ этимъ находятся, вѣроятно, и его отношенія къ Белаква (**Belacqua**), который отличался производствомъ лютенъ и тоже былъ, быть-можетъ, пѣвцомъ [134]). Но изъ всѣхъ этихъ дружескихъ связей, вѣроятно, самая сильная соединяла его съ реформаторомъ итальянскаго искусства, и въ тѣсномъ смыслѣ слова, живописи, именно съ нѣсколько болѣе юнымъ Джіотто.

Замѣчательная кисть этого художника обезсмертила юношески-прекрасныя черты Данта въ поясной картинѣ, которая только въ 1840 году вновь найдена была во Флоренціи на одной изъ стѣнъ капеллы **del podesta** и, по всему вѣроятію, должна быть отнесена къ 1290—1295 годамъ [135]). Точно также достовѣрно, что онъ находился въ личныхъ сношеніяхъ съ высоко-чтимымъ современниками миніатюрнымъ живописцемъ **Oderisi di Agubbio**, хотя нельзя съ увѣренностью опредѣлить время и мѣсто ихъ знакомства; но, такъ какъ Одеризи умеръ до 1300 года, то знакомство это завязалось, безъ сомнѣнія, раньше этого года [136]).

---

[133]) Purgatorio, II, 88.

Risposemi: Iosi com'io t'omai
Nel mortal corpo, cosi t'amo sciolta.

Ibid. 106:

Ed io: Se nuova legge non ti toglie
Memoria o uso del amoroso canto,
Che mi solea quetar tutte mi voglie, и т. д.

[134]) Purgatorio, 5, 123.

[135]) Смот. статью Паура о портретахъ и статуяхъ Данта въ Deut. Museum, Прутца, 1859 г. № 7.—Purgatorio II, 91.

[136]) Личное знакомство поэта съ этимъ художникомъ безошибочно подтверждается ихъ встрѣчею въ чистилищѣ; Purgatorio, 11, 79.

O, dissi lui, non sei tu Oderisi,
L'onor d'Agobbio, e l'onor di quell'arte
Che alluminare chiamata è in Parisi?

Что Одеризи умеръ уже въ 1300 году, видно изъ его появленія въ чистилищѣ. Вообще же намъ мало извѣстно о жизненныхъ условіяхъ Одеризи. Немногія свѣдѣнія о немъ указываютъ на Болонью или Римъ. Такъ какъ Дантъ, по всему, что намъ извѣстно и что мы еще узнаемъ, врядъ ли оставался, по крайней мѣрѣ долгое время, въ Римѣ до 1300 года, а находился вѣроятно въ Болоньѣ, то естественно рѣшиться, въ этомъ случаѣ, въ пользу этого города. Ср. также комментарій Скартаццини къ приведенному мѣсту изъ Purgatorio.

Порядокъ, установленный въ 1282 году подвергался, однако, во Флоренціи нападкамъ и вслѣдствіе этого сложился въ еще болѣе исключительную форму. Со времени кампальдинской битвы, гвельфская аристократія снова подняла голову и съ упорствомъ противилась правительству, почести и права котораго большею частью сдѣлались ей недоступными. Всѣ мѣры, принятыя съ 1282 года для обузданія заносчивости и непокорности знатныхъ, оказывались недостаточными и безплодными. Прежде всего отъ этого порядка страдалъ средній слой народа, такъ-называемые низшіе цехи, въ то время, какъ господствующая часть буржуазіи, **popolo grasso**, любила ставить себя на одну линію съ знатью и даже заподозрѣвалась въ сознательномъ снисхожденіи къ ней. Результатомъ сильно увеличившагося общественнаго неудовольствія было народное движеніе, поставившее господство третьяго сословія (какъ его по справедливости называютъ) на болѣе широкую основу; во главѣ этого движенія стоялъ Джьяно-делла Белла, человѣкъ старо-аристократическаго происхожденія, но одаренный испытаннымъ чутьемъ справедливости. Измѣненія въ флорентинской конституціи, бывшія плодомъ этого побѣдоноснаго движенія **popolo**, заключаются въ знаменитыхъ «постановленіяхъ справедливости», т. е. въ законахъ не столько справедливости, сколько возмездія, какъ ихъ не безъ основанія называли. Они были приняты 18 января и получили вскорѣ нѣкоторыя добавленія. Благодаря имъ, число господствующихъ цеховъ было умножено, карательные законы усилены и приняты мѣры къ ихъ исполненію.

Въ связи съ этой заботливостью находится и созданіе новой должности, именно «знаменосца справедливости», которой была придана соотвѣтствующая стража. Знатные роды были теперь положительно отстранены отъ должности пріоровъ, подобно тому, какъ они, вслѣдствіе измѣненій 1282 года, утратили уже прежде значительную часть своихъ политическихъ правъ. Однако и теперь оставался еще окольный путь для избранія на должность пріора; человѣкъ рыцарскаго рода слагалъ свои гербы, записывался въ матрикулы какого-нибудь цеха и долго оставался его членомъ. Безъ этого добавочнаго правила и Дантъ не могъ бы семь лѣтъ спустя сдѣлаться пріоромъ [137]).

---

[137]) Ср. относительно этихъ событій K. Hegel, l. c., II, стр. 175 и его программу Die Ordnungen der Gerechtigkeit. Erlangen, 1867.—9. Capponi, l. c., томъ I, книга II, гл. 3.—Perrens, l. c., стр. 338 и слѣд.—Scheffer-Boichorst, l. c. 86 и слѣд.—Древнѣйшіе, часто уже упоминавшіеся нами флорентинскіе источники не всюду выражаются съ желанной ясностью по поводу этихъ событій;

Для того, чтобы тѣмъ легче обойдтись безъ услугъ военной аристократіи, республика заключила въ слѣдующемъ затѣмъ году миръ съ Пизою и склонила также и союзную съ нею Лукку приступить къ нему. Чувство безопасности дѣйствительно вернулось съ этимъ мирнымъ соглашеніемъ; городъ и страна наслаждались долго не испытаннымъ ими спокойствіемъ и даже городскія ворота перестали запираться.

Какое участіе принималъ Дантъ въ этихъ событіяхъ, является вопросомъ, на который отвѣтить трудно, обойти-же его нельзя. Его присутствіе во Флоренціи въ это время должно быть принято за несомнѣнный фактъ, хотя Дантъ только мелькомъ упоминаетъ о Джьяно-делла-Белла послѣ совершеннаго имъ государственнаго переворота. Болѣе продолжительное пребываніе поэта внѣ его родного города, быть-можетъ, въ высшей болонской школѣ, о которой говоритъ и Боккачьо, довольно вѣроятно [138]), но должно быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ, всего скорѣе къ 1284—1288 году, такъ какъ для позднѣйшаго времени не остается уже мѣста.

Дантъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи еще подробнѣе, усвоилъ себѣ, не говоря уже объ остальныхъ наукахъ, всю сумму философско-богословскихъ знаній его эпохи, въ широчайшихъ размѣрахъ и съ полнѣйшей основательностью, и одно уже это обстоятельство даетъ намъ право на подобное предположеніе, если и не дѣлаетъ его вполнѣ достовѣрнымъ.

Извѣстіе о путешествіи въ Парижъ, которое, на основаніи позднѣйшихъ свидѣтельствъ, Дантъ предпринялъ будто-бы въ молодости, въ видахъ образованія, не должно быть прямо отвергнуто, какъ неправдоподобное, не смотря на все, что неоднократно говорилось противъ него. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ нѣкоторые признаки, пренебрегать которыми нельзя и которые, безъ подобнаго предположенія, были бы трудно объяснимы или непонятны [139]). Въ та-

---

вовѣйшіе историки не столь согласны между собою, о чемъ я впрочемъ не имѣю возможности распространяться здѣсь.

[138]) Boccaccio, Vita di Dante, глава I, относитъ пребываніе тамъ поэта прямо къ его юношескимъ годамъ. На такое пребываніе указываетъ также и Inferno, 15,110, гдѣ Дантъ вспоминаетъ объ извѣстномъ болонскомъ законовѣдѣ, Франческо Аккурсіи, умершемъ въ 1294 году. (Срав. Savigny, Geschichte des römischen Rechtes im Mittelalter, V, стр. 283). Здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе и 18 пѣсню Inferno, такъ какъ она указываетъ на необычайно близкое знакомство поэта съ болонскими дѣлами.

[139]) Здѣсь прежде всего идетъ рѣчь объ извѣстномъ мѣстѣ въ Paradiso, 10, 136—139:

комъ случаѣ предположеніе, что путешествіе было предпринято въ интересахъ научнаго образованія, возникаетъ опять-таки прежде всего и имѣетъ за себя такое цѣнное свидѣтельство, опровергнуть которое не такъ легко [140]). Точное опредѣленіе времени предполагаемаго пребыванія Данта въ Парижѣ такъ же трудно, какъ и опредѣленіе времени его пребыванія въ Болоньѣ; его однако можно съ увѣренностью отнести ко времени до 1300 года, и въ этомъ случаѣ, въ виду остальныхъ, прочно установленныхъ фактовъ изъ жизни поэта, мы опять возвращаемся къ эпохѣ отъ 1284—1288 годовъ. Если это предположеніе не слишкомъ шатко, то мы можемъ говорить и о тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, которыя поэтъ нашелъ въ Парижѣ. Онъ увидѣлъ тутъ націю, готовую сомкнуться подъ властью энергической династіи въ политическую единицу. Какъ разъ въ 1285 году на престолъ вступилъ властолюбивый, безпощадно захватывавшій все вокругъ себя, Филиппъ IV. Возникавшая въ Европѣ новая государственная система, опиравшаяся на національное обособленіе, сложилась здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-либо

Essa è la luce eterna di Sigieri
Che leggendo nel vico degli strami
Sillogizzo invidiosi veri.

Ср. Ozanam, Dante ou la philosophie catholique, etc. 2 Edit., p. 315—329. Озанамъ приводитъ разысканія Леклерка относительно Сигерія, бывшаго преподавателемъ логики въ Парижѣ и принужденнаго защищать свое ученіе передъ доминиканскимъ трибуналомъ; отсюда, invidiosi veri. Сигерій не дожилъ до начала 14 столѣтія; изъ его сочиненій не уцѣлѣло почти ничего и Дантъ былъ однимъ изъ немногихъ, сохранившихъ его имя для потомства. Кромѣ того, онъ въ своемъ Paradiso относитъ его къ царямъ схоластики. Все это довольно ясно говоритъ о болѣе близкомъ личномъ знакомствѣ поэта съ Сигеріемъ, словомъ, въ пользу пребыванія его въ Парижѣ и именно до 1300 г., такъ какъ позднѣе Siger не было уже въ числѣ живыхъ; противъ этого говоритъ замѣтка Боккачьо (l. c., cap. 1) о путешествіи Данта въ Парижъ „qia vicino alla sua vecchiezza, предположеніе, которое однако какъ и многія другія его мнѣнія, не заключаетъ въ себѣ неотразимой убѣдительности. Въ пользу нашего мнѣнія говоритъ далѣе упоминаніе о Петрѣ де-ла-Броссѣ, пресловутомъ медикѣ и любимцѣ короля Филиппа Смѣлаго (Purgat., 6, 22). Въ восьмидесятыхъ годахъ 13 столѣтія воспоминанія объ этихъ событіяхъ могли еще быть достаточно свѣжими, для того чтобы произвести впечатлѣніе на любознательнаго иностранца въ Парижѣ; двадцать же лѣтъ спустя это уже менѣе правдоподобно. На пребываніе въ Парижѣ, и именно до 1300 года, указываютъ и стихи 78—81 одиннадцатой пѣсни Чистилища.

Въ пользу путешествія во Францію говорятъ еще топографическія сравненія въ Inferno, 9, 111, а въ нынѣшнюю Бельгію—13, 4. Я никогда не былъ защитникомъ дальнѣйшей традиціи, связанной съ пребываніемъ въ Парижѣ и путешествіемъ въ Оксфордъ.

[140]) Смот. выше стр. 49.

на материкѣ; поэтъ могъ видѣть здѣсь, какъ на его глазахъ наносился первый ударъ прямо въ сердце универсальнаго строя среднихъ вѣковъ. Въ послѣдующее время Филиппъ Прекрасный навлекъ на себя его негодованіе еще и по другимъ, особымъ причинамъ. Что касается французскаго народа, то Дантъ, очевидно, вынесъ изъ наблюденій надъ нимъ неблагопріятное впечатлѣніе. Тщеславіе, эта извѣстная, выдающаяся черта его характера, поразила Данта (какъ это достовѣрно доказано), и онъ позднѣе не преминулъ выразить этому свое неодобреніе [141]).

Если мы вернемся къ предполагаемому пребыванію поэта во Флоренціи въ 1293 году, то неопровержимымъ доказательствомъ его служитъ тотъ фактъ, что Дантъ женился еще за годъ передъ тѣмъ. Что касается его нареченной невѣсты, по имени Джеммы, изъ высоко-чтимаго гвельфскаго рода Донати, то о ней мы имѣемъ болѣе чѣмъ скудныя свѣдѣнія. Самъ Дантъ обходитъ ее полнымъ молчаніемъ, и такъ же мало достовѣрныхъ свидѣтельствъ имѣемъ мы о ней и съ другой стороны.

Боккачьо разсказываетъ, правда, что этотъ бракъ былъ несчастливъ, а другой писатель утверждаетъ, будто Джемма была настоящей Ксантиппою, но оба они не приводятъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего легкомысленнаго заявленія [142]). Далѣе выяснится, что изъ того только, что поэтъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, начиная съ Божественной Комедіи, нигдѣ не упоминаетъ о своей женѣ, а вмѣсто нея ставитъ выше всѣхъ другую женщину, не можетъ быть выведено ни малѣйшаго заключенія относительно счастія или несчастія его брачной жизни, или характера его жены; уже одного того факта, что отъ этого брака произошло въ первые восемь или десять лѣтъ шесть человѣкъ дѣтей, достаточно было бы, чтобы сдѣлать болѣе чѣмъ сомнительными подобныя предположенія. Наконецъ, то немногое, что мы слышимъ о Джеммѣ Алигьери, и что сообщаетъ самъ Боккачьо, хоть напримѣръ, объ ея образѣ дѣйствій послѣ изгнанія ея мужа изъ Флоренціи и связаннаго съ этимъ крушенія ея благосостоянія, можетъ только представить намъ въ лучшемъ свѣтѣ, какъ ея лич-

---

141) Inferno, 29, 121.

Or fu giammai
Gente si vana come la Sanese?
Certo non la Francesca si d'assai".

142) Фратичелли, Storia della Vita di Dante, p. 109.

ность, такъ и ея характеръ. Словомъ, мы уже видимъ въ бракѣ Данта вообще весьма нормальный поступокъ, какой встрѣчается зачастую, причемъ, быть-можетъ, семья и сказала свое вѣское слово, не преслѣдуя однако особой, болѣе отдаленной цѣли [143]).

Итакъ, мы утверждаемъ, что въ 1293 году Дантъ находился во Флоренціи, и по своей натурѣ, созданной для участія въ общественныхъ дѣлахъ, конечно, не оставался равнодушнымъ зрителемъ событій, которыя связаны съ дѣятельностью Джьяно-делла-Белла; но непосредственнаго участія, какое приписывается ему именно въ новѣйшее время [144]), нельзя усмотрѣть изъ предлежащихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, взвѣсивъ основательно всѣ данныя, приходишь къ заключенію, что процессъ политическаго превращенія, который изъ рукъ Гвельфовъ передалъ поэта въ руки Гибеллиновъ, уже подготовлялся въ это время и находился въ связи съ упомянутыми нами флорентинскими неустройствами. Слѣдующимъ важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи является выходъ Данта изъ партіи гвельфской аристократіи, къ которой онъ принадлежалъ до той поры по рожденію и всевозможнымъ тѣснымъ связямъ.

Фракція эта, пораженная «постановленіями справедливости», переносила приговоръ политическаго уничтоженія, произнесенный противъ нея не безъ основанія, съ нетериѣливымъ негодованіемъ, ставшимъ тѣмъ неотразимѣе, когда Джьяно делла-Белла, опираясь на согласіе **popolo minuto**, не оставилъ неиспытаннымъ ни одного средства, которое могло бы сдѣлать ее вполнѣ безвредною и выхватить изъ ея рукъ послѣднее, оставшееся еще у нея орудіе сопротивленія. Что же было всего естественнѣе для этой фракціи, страстной отъ природы и склонной къ мести, какъ не создавать всевозможныя трудности на пути своего побѣдоноснаго противника для того, чтобы тѣмъ довести его до паденія? Знала же она, что **popolo grasso**, сдѣлавшійся вслѣдствіе паденія аристократіи наиболѣе могущественнымъ, смотрѣлъ съ худо-скрытымъ недовѣріемъ на сближеніе могучаго побѣдителя съ нисшими цехами. Отъ клеветы, распускаемой, какъ ка-

---

143) Боккачьо думаетъ, что родственники Данта ускорили его бракъ, чтобы отвлечь его горя по умершей въ 1290 году Беатриче Портинари. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

144) См. Виллари въ первомъ томѣ его сочиненія о Маккьявелли (стр. 4 нѣмецкаго перевода Мангольда). Но Виллари не приводитъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія; подтвержденія мы не находимъ также и въ его столь богатой содержаніемъ статьѣ: La Republica Fiorentina al tempo di Dante Alighieri, напечатанной въ Nuova Antologia, 1869 г. p. 442 и слѣд.

жется, ею, будто Джьяно покровительствовалъ втайнѣ Гибеллинамъ и заботился объ ихъ возвращеніи, какъ ни неосновательна была она, можно было однако ожидать сильнаго дѣйствія на умы. Но надежды партіи были обращены главнѣйшимъ образомъ на содѣйствіе папы, а этимъ папою былъ Бонифацій VIII.

Николай IV умеръ въ апрѣлѣ 1292 г. и преемникомъ его сдѣлался послѣ продолжительнаго междуцарствія тотъ странный пустынникъ мурронской горы, чье избраніе казалось ему самому даже еще страннѣе, чѣмъ его современникамъ или потомству [145]). Какъ извѣстно, уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего избранія, Целестинъ, усталый и унывающій, отказался отъ навязаннаго ему сана [146]); вскорѣ наступилъ его конецъ и понынѣ окруженный предательскимъ мракомъ. Мѣсто его занялъ, подъ именемъ Бонифація VIII, кардиналъ Бенедиктъ Гаэтани, тотъ самый, который, на основаніи довольно правдоподобной традиціи, всего болѣе содѣйствовалъ отреченію Целестина [147]). Это тотъ папа, который по ходу событій наиболѣе роковымъ образомъ вліялъ на судьбу Флоренціи вообще и Данта въ особенности. Политическое развитіе папства, какъ бы предрѣшенное еще со времени Григорія VII, достигло при Бонифаціѣ своего апогея; систему его можно назвать господствомъ теократіи надъ вселенною. Свѣтскую власть, какъ независимое, самостоятельное учрежденіе, онъ соединялъ съ возможно большею неограниченностью; свѣтское оружіе должно было всюду безусловно подчиняться духовному. Властолюбивый и безпредѣльно страстный, онъ былъ Гвельфомъ до мозга костей; гибеллинизму во всѣхъ его формахъ онъ объявилъ войну, пуская въ дѣло даже кинжалъ; даже родственники и потомство гогенштауфенскаго дома по женской линіи ощутили всю безпощадную послѣдовательность его неумолимаго образа дѣйствій. Онъ грознымъ окомъ глядѣлъ на Палермо, гдѣ внукъ короля Манфреда, Аррагонецъ Фридрихъ, владѣлъ короною; поэтому же онъ тѣснѣе сошелся съ неаполитанскимъ королемъ Карломъ II. Въ первое же время, послѣдовав-

---

145) Грегоровіусъ, Geschichte der Stadt Rom, V, стр. 508 и слѣд.

146) Inferno, 3, 59:

Vidi e conobbi l'ombra di colui,
Chi fece per viltate il gran rifiuto.

147) Gregorovius, l. c., стр. 515, 517 и т. д. Potthast, Regesta Pontificum, продолженіе „Папскихъ регестъ“ Яффе. — Относительно исторіи Бонифація VIII я упомяну еще о двухъ извѣстныхъ монографіяхъ Тости и Друманна, которыя однако не даютъ никакихъ разъясненій объ указанныхъ нами флорентинскихъ событіяхъ.

шее за его возвеличеніемъ, онъ занялся мыслью возвратить Карлу утраченную имъ сицилійскую корону. Проницательный по природѣ, онъ сразу устремилъ свои взоры на Флоренцію, жадно ища случая затормозить ея развитіе. Въ дѣлѣ Джьяно онъ, безъ сомнѣнія, увидалъ опасность для гвельфскихъ интересовъ вообще.

Такимъ образомъ, гвельфскіе аристократы во Флоренціи, жаждавшіе отмстить ненавистному противнику, нашли въ лицѣ папы желаннаго союзника [148]). Спустя немного времени, послѣдовало столкновеніе, окончившееся паденіемъ Джьяно.

Во главѣ гвельфскихъ аристократовъ Флоренціи стоялъ Корсо Донати, отчаянная личность, не безъ основанія получившая прозвище флорентинскаго Катилины. Народъ называлъ его «баронемъ». Благодаря своему мужеству и рѣшительности, онъ съумѣлъ сдѣлаться господствующимъ центромъ для своихъ единомышленниковъ, и тѣмъ сталъ въ своемъ родномъ городѣ какъ-бы воплощеніемъ злого начала. Въ первый разъ упоминается его имя по поводу насильственнаго вмѣшательства его въ дѣйствіе законовъ [149]). Для него не было ни чего святого. Онъ былъ братомъ Форезе Донати, съ которымъ Дантъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ [150]) и чья жена приходилась ему даже сродни. Сестру свою Пиккарду, благородное существо, большую пріятельницу Данта, онъ обручилъ противъ ея воли съ однимъ изъ своихъ приверженцевъ и, когда она въ его отсутствіе поступила въ монахини, онъ силою извлекъ ее изъ монастыря и повелъ къ брачному алтарю [151]). Исправляя во время кампальдинской битвы должность пистойскаго podesta, онъ командовалъ резервомъ и рѣшилъ побѣду Флорентинцевъ нападеніемъ съ фланга, предпринятымъ имъ вопреки противоположному приказанію. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, заслуга его проистекала все изъ того же источника, изъ его крутой, необузданной натуры. Но именно это дѣяніе и его личность вообще, расположенная ко всему дурному, но весьма цѣльная, придавала ему вѣсъ въ глазахъ его партіи и массы народа. Этотъ-то человѣкъ и бросилъ искру въ накопившійся горючій матеріалъ. Онъ убилъ въ ссорѣ одного изъ popolani; народная партія потребовала его осужденія, но пристрастный или запуганный podesta оправдалъ его. Тогда поднялся popolo, собрался въ отряды и потребовалъ отъ Джьяно делла Белла поддержки

---

148) Perrens, l. c., II, стр. 410.
149) Виллани VIII, 113.
150) Чистилище, 24, 10.—Рай, 3, 47
151) Рай, III, 49

противъ безнаказаннаго нарушенія закона. Джьяно же, начинавшій, какъ кажется, не довѣрять своему вліянію, посовѣтовалъ необузданной толпѣ обратиться не къ насилію, а къ пріорамъ и вождю городской стражи. Но это было тщетно. Разъяренная масса осадила и разграбила дворецъ **podesta**, въ то время какъ Корсо, искавшій въ немъ убѣжища, спасался по сосѣднимъ крышамъ и ушелъ невредимымъ [152]).

На Джьяно делла Белла, указывавшаго, хотя и тщетно, возбужденному народу законный путь, была возложена всѣми сторонами, даже господствующими пополанами, отвѣтственность за эти событія. Папа немедленно произнесъ анаѳему противъ страшнаго демократа, оказавшагося вѣрнымъ приверженцемъ гвельфскихъ интересовъ и неумолимымъ противникомъ гвельфской аристократіи, и воспретилъ когда либо избирать его на какую нибудь должность и вообще терпѣть его присутствіе въ городѣ или въ области [153]). Судьба Джьяно быстро свершилась. При помощи нарушенія конституціи избраніе новыхъ пріоровъ произошло раньше законнаго срока, и пополаны помогали этому избранію, такъ какъ ненавидѣли въ Джьяно демагога и завидовали его вліянію на **popolo minuto**. Новая **signoria** допустила, что Джьяно былъ публично обвиненъ въ нарушеніи мира. Тогда-то дѣйствительно поднялись приверженцы невинно обвиненнаго и выказали готовность охранять его съ оружіемъ въ рукахъ противъ его преслѣдователей. Послѣ непродолжительнаго размышленія Джьяно предпочелъ добровольно уступить мѣсто другимъ и удалился во Францію, гдѣ застигъ его приговоръ изгнанія [154]). Попытка вернуть его на родину, сдѣланная нѣсколько времени спустя его флорентинскими приверженцами, была разстроена сопротивленіемъ папы [155]).

Теперь все зависѣло оттого, которая изъ двухъ соединившихся противъ Джьяно силъ одержитъ надолго верхъ. Побѣда надъ могущественнымъ другомъ народа не соотвѣтствовала видамъ гвельфской аристократіи; ея планы шли далѣе, она хотѣла снова завоевать утраченное ею господство. Съ этой цѣлью аристократы появились однажды [156]), большою толпою, на улицахъ города и съ яростью требовали отмѣны изданныхъ противъ нихъ законовъ, т. е, «постановленій справедливости». Но вскорѣ собрался народъ, чтобы отразить гро-

---

[152]) Виллани, VIII, 8.

[153]) Булла помѣчена 23 января 1295 г. См. Perrens, l. c., II, стр. 419, прим. 1.

[154]) Виллани, l. c., VIII.

[155]) Perrens, l. c., стр. 421.

[156]) 6 іюля 1295 г.

зившее нападеніе. Съ минуты на минуту можно было ожидать начала уличной борьбы; однако распоряженіе, благодаря которому signoria была усилена въ духѣ пополанъ, лишило зачинщиковъ бодрости, и они не захотѣли рѣшить дѣла мечомъ. Къ тому же пополаны согласились нѣсколько умѣрить столь ненавистные имъ уголовные законы; но именно по этой-то причинѣ народъ яростно возсталъ и уступка была взята назадъ. По истеченіи этого года и въ ближайшее за тѣмъ время «постановленія» были даже усилены и примѣнялись на дѣлѣ безпощадно [157]).

Такимъ образомъ насильническіе замыслы гвельфской аристократіи привели къ совершенно противоположнымъ результатамъ и пораженіе ея было полнѣйшее. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого событія было отпаденіе многихъ нолезныхъ членовъ аристократіи. Послѣ сдѣланныхъ ею опытовъ, она потеряла надежду вытѣснить народное господство, и многіе изъ умудренныхъ такимъ опытомъ и менѣе богатыхъ аристократическихъ родовъ отдѣлились отъ своихъ и перешли къ народу, чтобы обезпечить свое будущее, вступивъ въ одинъ изъ цеховъ [158]). Въ причинной связи съ этимъ событіемъ находилось и отреченіе Данта отъ гвельфской аристократіи и его присоединеніе къ господствующей народной партіи; для этой цѣли онъ записался въ цехъ докторовъ и аптекарей, принадлежавшій къ числу семи главныхъ цеховъ. Выборъ этотъ былъ вѣроятно сдѣланъ потому, что, въ виду обширныхъ естественно-научныхъ знаній Данта, цехъ этотъ былъ ему ближе всѣхъ остальныхъ. Это рѣшеніе, хотя оно и не было одиночнымъ явленіемъ, навѣрно возбудило во то время всеобщее вниманіе, такъ какъ Дантъ былъ уже тогда во всѣхъ отношеніяхъ выдающеюся личностью, игравшею видную роль. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ, что извѣстный, какъ венгерскій король, Карлъ Мартеллъ, старшій сынъ неаполитанскаго короля Карла II и зять нѣмецкаго короля Рудольфа I (Габсбургскаго), находясь въ 1294 году долгое время во Флоренціи, въ ожиданіи своихъ двухъ братьевъ, возвращавшихся изъ Франціи, особенно отличалъ нашего поэта и вступилъ съ нимъ въ тѣсную дружескую связь [159]). Словомъ, можно

---

[157]) Виллани, l. c., VIII, 12. Perrens, стр. 425 и др.

[158]) Villani, l. c., VIII, 12: Multi casati che non erano tiranni nè di grande potere, si trassono del numero de' grandi e misero nel popolo.

[159]) Карлъ М. говоритъ Данту въ Раю, 8, 55:

Assai m'amasti ed avesti ben onde,
Che s'io fossi giu stato, io ti mostrava
Di mio amor più oltre che le fronde.

почти достовѣрно сказать, что Дантъ сдѣлалъ упомянутый нами шагъ еще въ 1295 году, такъ какъ по всей вѣроятности въ этомъ году, а въ слѣдующемъ уже вполнѣ несомнѣнно, онъ пользовался, какъ видно изъ документовъ, гражданскими правами, полученными имъ лишь благодаря его переходу [160]).

Но поэтъ, отдѣлившись отъ гвельфской аристократіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію, отнюдь не отрекся вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ гвельфской партіи. Флоренція все еще оставалась исключительно гвельфскимъ городомъ, какимъ она въ сущности была уже въ теченіе многихъ вѣковъ; политика ея также была по прежнему гвельфскою; фактъ этотъ съ безусловной ясностью выказался въ ея отношеніяхъ къ гвельфскому союзу тосканскихъ городовъ, главою котораго она состояла, и наконецъ въ ея отношеніяхъ къ римскому и неаполитанскому дворамъ. Тѣмъ не менѣе, подобное отпаденіе отъ прежняго сословія равняется въ такомъ человѣкѣ, какъ Дантъ, положительному осужденію всѣхъ тенденцій этого сословія, а не одного только его образа дѣйствій. Дантъ былъ впрочемъ слишкомъ горячимъ флорентинскимъ патріотомъ, чтобы обречь себя на политическое бездѣйствіе, ради непрерывной связи съ неисправимой фракціею. Дѣйствовать и приносить пользу въ государствѣ было для него, какъ кажется, жизненной потребностью [161]); вообще, по природѣ своей, онъ былъ какъ-бы прямо призванъ къ этому,—и если кто назоветъ это политическимъ честолюбіемъ, то противъ подобнаго мнѣнія не стоитъ даже возражать. Послѣ его учителя, Брунетто Латини, умершаго незадолго передъ тѣмъ (въ 1294 году), врядъ ли хоть одинъ флорентинецъ думалъ такъ много о политическихъ дѣлахъ, какъ онъ; такимъ образомъ понятно во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ, не колеблясь, примкнулъ къ господствовавшимъ въ ту пору пополанамъ,

---

Можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что Дантъ сблизился съ Карломъ Мар. при упомянутомъ нами случаѣ, а не во время весьма трудно-доказываемаго путешествія къ неаполитанскому двору въ качествѣ посла. Ср. Виллани, l. c., VIII, 13.

[160]) Фратичелли, l. c., стр. 113—115 и стр. 135. 5 іюня онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Consilio del capitano: „Dante Alaghierii consuluit secundum propositiones praedictas“. Что Дантъ поступилъ въ цехъ въ 1295 году, такъ какъ ему исполнилось тогда 30 лѣтъ и, съ этого срока пользовался на основаніи статута политическими правами, кажется мнѣ объясненіемъ, отнюдь не исчерпывающимъ вопроса.

[161]) Намъ кажется большою несообразностью, когда Боккачьо въ своемъ жизнеописаніи поэта (l. c., p. 27) говоритъ, будто „cura famigliare“ привела его къ участію въ государственныхъ дѣлахъ его родного города.

хотя его общіе взгляды навѣрно не всюду сходились съ ихъ цѣлями. Практической противоположности между ними не могло однако еще существовать въ то время, такъ какъ иначе, при его серьозной натурѣ, было бы немыслимо, чтобы онъ пошелъ съ ними рука объ руку и сдѣлался орудіемъ для достиженія ихъ политическихъ цѣлей.

Мы находимъ извѣстія о многихъ посольствахъ, которыя онъ выполнялъ, будто-бы, въ эти годы по порученію республики; [162]) не всѣ они подкрѣплены несомнѣнными доказательствами, даже не всѣ вполнѣ правдоподобны; [163]) но вполнѣ достовѣренъ тотъ фактъ, что Данта дѣйствительно употребляли теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ для дипломатическихъ миссій, какъ напримѣръ въ маѣ 1299 года для миссіи въ Санъ-Джеминіано, съ цѣлью понудить эту маленькую республику къ исполненію ея обязательствъ относительно тосканскаго гвельфскаго союза [164]). Быть можетъ, слѣдуетъ еще прибавить, въ 1301 году Дантъ врядъ ли былъ бы отправленъ посломъ къ папѣ Бонифацію VIII при особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ, еслибъ онъ еще вовсе не дѣйствовалъ въ этой области или былъ бы неопытнымъ новичкомъ.

Итакъ, мы остаемся при томъ мнѣніи, что и послѣ своего отреченія отъ гвельфской аристократіи своего родного города, Дантъ раздѣлялъ принципы гвельфской партіи, въ томъ видѣ, какъ они продолжали примѣняться, хотя и въ нѣсколько болѣе умѣренной формѣ, господствующими пополанами. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы здѣсь же оговоримся, что въ этомъ отреченіи крылось уже въ зародышѣ начало конечнаго результата, т. е. перехода поэта къ гибеллинизму. Дантъ разошелся съ гвельфской аристократіею, но не съ коренными аристократическими воззрѣніями, наполнявшими его душу. Пополаны же изображали изъ себя скорѣе плутократію, чѣмъ аристократію, и уже вслѣдствіе этого, сношенія, въ которыя онъ вступилъ теперь съ ними, могли быть только временными, если сами пополаны не измѣнятъ своей точки зрѣнія. При такихъ условіяхъ нужны были событія и испытанія тяжелаго, изъ ряду вонъ выходящаго, свойства,

---

[162]) Pelli, memorie di Dante, § 9.

[163]) Фратичелли, l. c., стр. 118; впрочемъ, авторъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ категорически.

[164]) Pelli, l. c., p. 94: Die 8 maii convocato et adunato consilio generali comunis et hominum S. Geminiano in palatio dicti comunis — dixit (Dante) quod ad praesens in certo loco parlamentum et raticinatio more solito per omnes communitates Talli Tuscie, et pro renovatione et confirmatione novi capitani fieri exped it — propter que ad expediendum praedicta convenit — quo sindici et ambaxiatiores solemnes pradictorum comunium simul conveniant se.

для того чтобы быстро развить указанные нами зародыши и оживить дремавшіе въ душѣ Данта политическіе идеалы. Эти событія и испытанія не заставили себя долго ждать.

2.

Новая жизнь (Vita nuova).

Выдающееся общественное положеніе, занимаемое въ это время Дантомъ въ его родномъ городѣ, основывалось, какъ мы уже говорили, по большей части на рано пріобрѣтенной имъ поэтической славѣ [165]). Въ центрѣ его поэтическаго творчества стоитъ свѣтлый образъ, который поэтъ надѣлилъ непреходящимъ блескомъ и прелестью; мы намѣренно оставили его до настоящаго времени на заднемъ планѣ: это именно Беатриче Портинари.

Судя по поэтическимъ признаніямъ Данта, она была очарованіемъ его дѣтскихъ лѣтъ, милою подругой его юности, путеводною звѣздою его зрѣлаго возраста; для ея прославленія пишетъ онъ свою великую поэму, «къ которой приложили руку небо и земля» и съ которой связано безсмертіе его имени; она для него символъ всего возвышеннѣйшаго и святѣйшаго; поэтому онъ и помѣстилъ ее въ высшее небо, гдѣ она руководитъ поэтомъ, объясняя и поучая его, послѣ того какъ, для его спасенія отъ гибели, она озаботилась и объ томъ, чтобъ имъ руководили во время странствій по аду и чистилищу.

И въ раннее, и въ новѣйшее время, многіе пытались видѣть въ этомъ образѣ простую аллегорію, блестящее и несравненное созданіе его творческаго воображенія, лишенное всякаго реальнаго содержанія. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія въ томъ, что, какой бы образъ ни сложился у поэта изъ Беатриче, мы имѣемъ прежде всего передъ собою личность, взятую изъ дѣйствительной жизни и, если можно такъ выразиться, личность историческую. Она была дочерью Фолько Портинари, знатнаго флорентинца, жившаго по со-

---

[165]) По указанію самаго Данта въ Божественной Комедіи, съ этимъ связаны упомянутыя уже нами дружескія отношенія поэта къ королю Карлу Мартеллу. Ср. Рай, VIII, 31—37, гдѣ Карлъ М. цитуетъ начальный стихъ первой канцоны, объясненной Дантомъ впослѣдствіи въ Convito:

„Voi che intendendo il terzo cielo movete".

Это стихотвореніе относится многими ко времени присутствія Карла М. во Флоренціи. См. комментаріи Витте къ лирической поэзіи Данта, стр. 63, 64.

сѣдству съ семействомъ Алигьери, и родилась въ апрѣлѣ 1276 года. Въ январѣ 1287 года мы видимъ ея уже обвѣнчанною съ Симономъ деи Барди, а 9 іюня 1290 года она умерла, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, послѣ того какъ отецъ ея умеръ за два года передъ тѣмъ [166]).

Въ первомъ своемъ сочиненіи, «**La vita nuova**», Новая жизнь, Дантъ даетъ намъ полное описаніе своей любви къ Беатриче, до ея смерти и даже далѣе, и Божественная Комедія дополняетъ и подтверждаетъ этотъ разсказъ. Сочиненіе это названо такъ потому, что, благодаря этой любви, для поэта началась новая жизнь [167]).

Біографы Данта, насколько они стали намъ извѣстны, вплетали эти разсказы и показанія поэта въ изображеніе его жизни и создавали съ помощью ихъ то, что вообще принято называть внутреннею исторіею человѣка. Мы также держались этой системы въ двухъ первыхъ изданіяхъ нашихъ, но не находимъ болѣе возможнымъ защищать ее долѣе. Послѣ долгаго и тщательнаго разсмотрѣнія мы пришли напротивъ къ убѣжденію, что въ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, истина и вымыселъ до такой степени перемѣшаны, что нѣтъ никакой возможности окончательно отдѣлить одно отъ другого. Скажемъ прямо, любовь эта имѣетъ для внѣш-

---

[166]) Pelli, memorie per la vita di Dante.—Въ завѣщаніи ея отца, отъ 15 января 1287 года, стоитъ. „Item dominae Bici (сокращеніе Беатриче), filiae meae et uxori domini Simonis de Bardis reliqui libr. 50 ad florem". Фратичелли l. c., стр. 98, прим. 7. Боккачьо, въ своемъ жизнеописаніи Данта, не упоминаетъ о бракѣ Беатриче, но говоритъ за то объ этомъ въ своихъ комментаріяхъ къ *Аду*, 2, 70.

[167]) Въ новѣйшее время Фратичелли (Opere minori di Dante, Florentiae 1859, III, 1, стр. 205) утверждаетъ, будто vita nuova означаетъ юношескую, а не новую жизнь. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія онъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ сочиненій Данта или его современниковъ, гдѣ слово nuova дѣйствительно является равнозначащимъ съ giovanile. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ рѣшиться отказаться отъ древнѣйшаго толкованія. Дантъ говоритъ въ началѣ своего сочиненія: In quella parte del libro della mia memoria, dinanzi alla quale poco si potrebbe leggere, si trova una rubrica la quale dice: Incipit vita nuova".—Въ *Convito* онъ относитъ къ юности первые 25 лѣтъ жизни, и мы не имѣемъ права думать, что свои молодые годы онъ хочетъ считать лишь съ девятилѣтняго возраста, въ то время, какъ съ другой стороны, срокъ дѣйствительно охватываемый „Vita nuova", во всякомъ случаѣ распространяется за первые 25 лѣтъ его жизни, т. е. за 1290 годъ. Кромѣ того, можно указать и на то, что если nuova и употребляется иногда въ смыслѣ giovanile, это еще не доказываетъ, чтобы nuova было тождественно съ juvenilis. Ср. Чистяковъ. XXX. 115 и К. Витте въ его изданіи Vita nuova, Prolegom. стр. 1—2.—Кромѣ изданій Фратичелли и Витте, слѣдуетъ еще упомянуть объ изданіи d'Анконы, вышедшемъ почти одновременно съ послѣднимъ. Далѣе, Charles Eliot Norton, The new life of Dante, Cambridge (New England) 1860.

ней жизни Данта такъ-же мало значенія, какъ оно велико для его поэзіи и ея правильнаго пониманія. Отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь, должны поэтому быть поняты главнымъ образомъ въ смыслѣ поэтическомъ; они имѣютъ живую, конкретную основу, но весьма скоро и вполнѣ сознательно уносятся въ область идеала, и до такой степени, что реальная исходная точка становится для многихъ непонятною или вообще трудно понимаемою и плохо объяснимою.

Часто удивлялись, какимъ образомъ этотъ высоко-идеальный, на глазахъ у всего свѣта поддерживаемый культъ мирился съ тѣмъ фактомъ, что Беатриче была женою другого человѣка, и что самъ поэтъ также вступилъ въ бракъ, хотя, правда, только послѣ ея смерти. Подобныя странности, противорѣчія этихъ фактовъ и склонили многихъ смотрѣть вообще на идеалъ поэта только какъ на измышленіе и игру его фантазіи. Но такъ какъ намъ извѣстно, что существованіе Беатриче доказано исторически, то приходится искать другого объясненія для явленій, которыя новидимому столь несовмѣстимы. Въ этомъ случаѣ Форіэль указалъ намъ единственно правильный путь, обративъ вниманіе на своеобразность средневѣковаго рыцарскаго культа женщинъ, развившагося въ Провансѣ и занесеннаго трубадурами въ Италію [168]). Достовѣрно извѣстно, что этотъ культъ женщинъ не имѣлъ ничего общаго съ бракомъ, и относился къ браку если не враждебно, то во всякомъ случаѣ индифферентно. Трубадуръ могъ воспѣвать всякую другую женщину, только не собственную жену; для него было безразлично, была ли замужемъ или нѣтъ та дама, служенію которой онъ себя посвящалъ, и нравилось ли ей или не нравилось это поклоненіе. Обычай этотъ, какъ бы мы на него ни смотрѣли, очевидно находится въ основѣ тѣхъ отношеній, въ которыя Дантъ вступилъ къ Беатриче въ своей поэзіи; только въ этомъ случаѣ обычай сбросилъ съ себя все двусмысленное и рутинное и является передъ нами въ облагороженной, высоко-идеализованной формѣ. Съ нимъ вполнѣ согласуется и то обстоятельство, что Дантъ ни въ большихъ, ни въ малыхъ своихъ поэмахъ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о своей женѣ или вообще о семьѣ, и что даже послѣ смерти Беатриче и при жизни ея мужа онъ продолжаетъ воспѣвать ее, какъ высокій идеалъ своей души, и приписываетъ ей въ Божественной Комедіи большую симпатію къ себѣ, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ недоказаннымъ, питала ли она ее дѣй-

[168]) См. Fauriel, Histoire de la poésie provençale, I, p. 396, 397. Тамъ же: Dante et les origines de la langue et de la littérature italiienes. Ср. также Hartwig Floto, Dante Alighieri, sein Leben und seine Werke, Stuttgart, 1854.

ствительно къ нему при жизни и во всякомъ случаѣ высказывала ли ее.

На этой основѣ Дантъ создалъ впослѣдствіи прелестный, поистинѣ несравненный образъ, въ которомъ является въ Божественной Комедіи дочь Портинари.

И такъ, мы возвращаемся къ тому, что «Новая жизнь» содержитъ въ себѣ и истину и вымыселъ; въ ней безъ сомнѣнія, заключается цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, которые облечены въ совершенно поэтическую форму, поставлены въ хорошо-обдуманную поэтическую связь между собой и должны служить высоко-поэтическимъ же цѣлямъ. Необходимо признать несомнѣннымъ, что, когда трудъ этотъ занималъ автора, Дантъ уже постоянно имѣлъ въ виду Божественную Комедію, что это нѣчто въ родѣ пролога и введенія къ ней, и что на «Новую жизнь» отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто законченное, понятное само по себѣ. Отдѣльныя стихотворенія, вплетенныя въ текстъ и имъ объясняемыя, въ значительной степени обязаны если не своимъ возникновеніемъ, то во всякомъ случаѣ своимъ настоящимъ видомъ этому назначенію книги. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что роль, отведенная Беатриче въ Божественной Комедіи, должна была быть какъ-бы подготовлена и напередъ легитимирована «Новою жизнью». Это заставляетъ предполагать, что въ то время, когда Дантъ приступалъ къ изложенію «Новой жизни», основная мысль его великой поэмы уже жила, вполнѣ развитая, въ его душѣ; и точно, относительно этого предположенія намъ, кажется, не остается никакого сомнѣнія, и доказательства, говорящія въ пользу его, встрѣчаются почти на каждой страницѣ этого сочиненія. Выраженія, въ которыхъ поэтъ говоритъ о Беатриче въ теченіе всего разсказа, отношенія, въ которыя онъ ставитъ между собою отдѣльныя событія и черты, неоспоримо искуственныя и экзальтированныя сопоставленія времени ея перваго отвѣта на его поклонъ, ея возраста и смерти съ цифрою д е в я т ь и ея корнемъ т р и, [169]), чудное видѣніе, о которомъ онъ говоритъ въ концѣ книги и которое ничто иное, какъ видѣніе Божественной Комедіи [170]), прямое указаніе на его

---

[169]) При этомъ мы имѣемъ главнѣйшимъ образомъ въ виду XXX главу изданія Витте. Ср. далѣе наше собственное толкованіе.

[170]) Ср. vita Nuova, ed. Witte, гл. XLIII стр. 130: „Apresso a questo sonetto apparve a me una mirabil visione, che mi fecero proporre di non dire più di questa benedetta infino a tanto che io non potessi più degnamente trattare di lei. E di venire a cio io studio quanto possa si com'ella sa veracemente. Sicchè se piacere sara di Colui, per colui tutte le cose vivono, che la mia vita per alquanti anni duri, spero di dire di lei quello che mai non fu detto d'alcuna".

странствіе по аду, [171]) и многое другое ясно свидѣтельствуетъ въ пользу нашего предположенія.

«Новая Жизнь» написана на народномъ итальянскомъ языкѣ и, именно по этой причинѣ, занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи возникающей итальянской, даже быть можетъ и всей западной литературы. Относительно періода, когда задумана была эта книга и получила приблизительно тотъ видъ, который намъ извѣстенъ, мы можемъ привести слѣдующія соображенія.

Боккачьо разсказываетъ въ своей біографіи Данта, что онъ написалъ это сочиненіе вскорѣ послѣ смерти Беатриче, прежде, чѣмъ еще успѣли высохнуть его слезы. [172]) Но это показаніе мало двигаетъ дѣло впередъ и не достигаетъ цѣли. Стихотворенія во всякомъ случаѣ возникли въ разное время; сопоставленіе ихъ и связывающая и объясняющая ихъ проза, наконецъ послѣдняя редакція всего произведенія въ цѣломъ несомнѣнно доходятъ до 1301 г. Позднѣйшій срокъ уже потому невозможенъ, что другъ поэта, Гвидо Кавальканти, умершій въ 1301 году, упоминается еще въ числѣ живущихъ. [173]). На 1300 годъ указываетъ и объясненіе поэта, приложенное ко второму сонету, [174]) въ которомъ онъ говоритъ, что сонетъ этотъ былъ написанъ имъ въ такое время, когда много народу отправилось въ Римъ, чтобъ посмотрѣть на священное изображеніе, оставленное Іисусомъ Христомъ въ видѣ отпечатка его лица на полотнѣ. Подъ этими словами слѣдуетъ понимать пелену св. Вероники, и Джьованни Виллани прямо говоритъ, что во время юбилея, учрежденнаго папою Бонифаціемъ VIII для назиданія христіанскихъ паломниковъ, пелена эта показывалась по пятницамъ и большимъ праздникамъ въ церкви св. Петра, [175]) для

---

[171]) La Vita Nuova ed. Witte, capit. XIX p. 47.

Chè parlo Iddio, che di madonna intende:
Diletti miei, or sufferite in pace,
Che vestra speme sia quanto mi piace
La o've alcun che perder lei s'attende,
E che dir nell Inferno a malmanati:
Jo vidi la speranza de' bati.

[172]) Боккачьо говоритъ: Egli premieramente, duranti ancora le lagrime della ma morte Beatrice quasi nel suo ventisesimo anno, compose un suo volumetto, il quale egli titolò vita Nuova. Ср. Витте во введеніи къ его изданію „Новой жизни".—Norton l. c., p. 80, и Lubin, Intorno all epoca della vita Nuova, graz, 1862.

[173]) См. конецъ гл. 31 изданія Витте „Новой Жизни".

[174]) Глава 41, тамъ же, стр. 115.

[175]) Виллани, l. c., VIII, 36. — Если противъ этого возражали, что пелена эта показывалась и въ другія времена, то подобная общая причина ничего

чего значительное число христіанъ предпринимало паломничество изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется, тотъ фактъ, что «чудное видѣніе» [176]), упоминаемое Дантомъ въ концѣ «Новой Жизни», несомнѣнно то самое, въ которое онъ облекъ свою великую поэму, было имъ же самимъ прямо отнесено къ марту 1300 года. Остается, конечно, большой пробѣлъ между главною частью сочиненія и его концомъ; но обстоятельство это не можетъ однако лишить силы приведенные нами факты; мы вернемся къ нему въ концѣ настоящихъ соображеній.

Что же касается содержанія «Новой жизни», то относительно его мы уже высказали свое мнѣніе. Это смѣсь правды съ вымысломъ, и въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ въ знаменитомъ твореніи Гете, прямо такъ и озаглавленномъ (Wahrheit und Dichtung). Отдѣльные факты,—большею частью историческіе, но группировка, сопоставленіе и украшеніе ихъ подчинены созидающей поэтической силѣ. Что касается формы сочиненія, то мы не осмѣлимся назвать ее художественно-законченною. Въ этомъ отношеніи весьма важнымъ является отсутствіе того спокойствія въ изображеніи, безъ котораго трудно себѣ представить художественное произведеніе. Уже по одной этой причинѣ мы никогда не могли понять, какъ могутъ найтись люди, которые упорно видятъ въ Беатриче одну только безтѣлесную аллегорію. Пылкость чувства и страсти, проникающая всю повѣствовательную часть и отдѣльныя стихотворенія, могла бы, кажется, убѣдительно доказать, что первоначально дѣло касалось любви къ существу не безтѣлесному, такъ какъ одного воспоминанія о немъ достаточно для того, чтобы пробудить всѣ силы фантазіи поэта. Оставивъ это въ сторонѣ, произведенію этому вообще недостаетъ полнаго единства; это не органическое цѣлое, въ которомъ нетолько отдѣльныя части должны быть на мѣстѣ, но въ которое ничто несущественное, чуждое, не можетъ даже быть вставлено,—здѣсь-же все это случается. Поэтъ отклоняется отъ своей темы къ предметамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его любовью. Такъ онъ разсуждаетъ, въ видѣ эпизодовъ, о поэтическомъ употребленіи аллегоріи, полемизируетъ съ поэтами, неправильно примѣнявшими ее, дѣлаетъ указанія на происхожденіе поэзіи на народномъ языкѣ, и т. д.; всѣ эти поученія охотно принимаются нами сами по себѣ, но уничтожаютъ цѣльность его книги.

не доказываетъ противъ столь важнаго, и извѣстнаго факта. — См. Norton, l. c., p. 81.

[176]) См. выше примѣч 170.

Мы не желаемъ подвергать ее подробному анализу, но не хотѣли бы также умолчать о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, напрашивающихся на то невольно. Главное, что прежде всего бросается въ глаза, это вполнѣ новое отношеніе поэта къ любовной поэзіи. Какъ извѣстно, искуственная поэзія всѣхъ народовъ, предшествовавшихъ Италіи въ этомъ отношеніи, въ особенности поэзія Провансальцевъ и миннезенгеровъ, вращалась большею частью вокругъ темы любви, и именно любви чувственной, земной. Тему эту они перебирали на всѣ тоны и окончательно исчерпали ее. Соперничавшіе съ ними Итальянцы едва ли могли бы ихъ превзойти; довольно было бы, еслибъ возникъ поэтъ, который могъ съ ними помѣряться. Достигнуть большихъ результатовъ этимъ путемъ было уже невозможно. Всѣ поэтическіе мотивы уже изветшали и даже сама любовь не всегда была индивидуальною, дѣйствительно испытанною; по большей части это было нѣчто общее, условное, и рѣдко прямо коренилось въ душѣ самого поэта,—или же чувство обращалось то въ одну, то въ другую сторону, или наконецъ, если даже оно оказывалось серьознымъ, то за этими томленіями непосредственно скрывалось желаніе удовлетворенія страсти. Любовь и любовная поэзія заразились свѣтскостью и заключили союзъ съ природою, маемъ, цвѣтами, солнечными лучами и пѣснью соловья. Любовь и любовная поэзія Данта, напротивъ того, весьма скоро отрѣшаются отъ традиціонныхъ формъ и манеры, и вступаютъ на новый путь. Онъ противопоставляетъ мимолетнымъ и традиціоннымъ чувствамъ внутреннюю правду ощущеній, чувственной и даже безнравственной любви — любовь одухотворенную, просвѣтленную, прелестямъ природы — блаженство рая. Онъ продолжаетъ то, что, какъ мы видѣли, было начато еще Гвидо Гвиничелли [177]). Въ то время какъ у предшествовавшихъ ему пѣвцовъ любви, любовь и религія были чужды и равнодушны, хотя и не враждебны другъ другу, Дантъ соединяетъ и примиряетъ ихъ между собою, такъ что становится трудно отдѣлить одно отъ другого. Самъ онъ указалъ на правдивость своихъ чувствъ, какъ на могущественнаго двигателя своей поэзіи [178]), и вложилъ въ уста од-

[177]). Дантъ указываетъ на Гвидо Гвиничелли, какъ на своего наставника во всѣхъ отношеніяхъ. Чистилище, XXVI, 96:

„Tal mi fec'io, ma non a tanto insurgo,
Quando io odo nomar se stesso il padre
Mio e degli altri miei miglior, che mai
Rime d'amore usar dolci e leggiadre."

[178]). Чистилище, XXVI, 52:

„Ed io à lui: io mi son un che, quando

ного изъ прежнихъ итальянскихъ поэтовъ, Бонаджьунта изъ Лукки, критику предшествовавшихъ и современныхъ ему стихотворцевъ, смыслъ которой заключается въ томъ, что они только поддѣлывались подъ извѣстныя чувства и старались возбудить въ себѣ поэтическое настроеніе, вопреки волѣ Минервы [179]). Въ своей любви онъ не ищетъ только быстропреходящаго, минутнаго удовлетворенія; онъ связываетъ ее со всѣмъ своимъ духовнымъ развитіемъ и основываетъ на ней свое человѣческое и нравственное существованіе. Она не умираетъ вмѣстѣ съ предметомъ его привязанности, а простирается и за могилу и съ высоты небесъ поддерживаетъ падающаго человѣка. Тутъ и рѣчи нѣтъ болѣе о веснѣ, цвѣтахъ и соловьѣ, о розахъ Тибулла и лесбійской птичкѣ; тутъ открывается небо, являются ангелы и богоматерь, и сама Беатриче, еще до смерти своей, становится ангеломъ. Люди удивляются ей, блаженные стремятся къ ней, а любящій видитъ въ ней все, что человѣку дано Богомъ знать и вочтовѣрить. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ платоновскихъ и христіанскихъ идей и въ рукахъ человѣка, одареннаго глубокимъ чувствомъ и богатой фантазіей, любовь, какъ поэтическій элементъ, выступаетъ въ «Новой Жизни» вполнѣ преобразованною. Поэтъ въ своемъ юношескомъ произведеніи является реформаторомъ любовной поэзіи, и, отдѣлившись отъ толпы мелкихъ стихотворцевъ, становится на высокую точку зрѣнія [180]). Отрадно слѣдить за тѣмъ, какъ, съ просвѣтленіемъ его страсти, поэмы его становятся все совершеннѣе по формѣ и содержанію [181]). Въ первыхъ сонетахъ все еще чувствуется вліяніе молодости и провансальскихъ образцовъ, но эти оковы быстро спадаютъ, и орелъ собственными усиліями свободно возносится къ солнцу. Не смотря на то, что поэмы его окрашены мистицизмомъ и

Amor mi spira, noto, ed in quel modo
Ch' ei detta dentro, vo significando."

[179]). Тамъ-же, 55:

„O frate, issa veggio, disse il nodo
Che il Notaro, e Guittone, e me ritenne
Di qua dal dolce stil nuovo ch'io odo.
Io veggio ben, come le vostre penne
Diretro al dittator sen vanno strette,
Che delle nostre certo non avvenne."

[180]). Адъ, II, 103:

„Disse: Beatrice, loda di Dio vera.
Che non soccorri quei, che t'amò tanto,
Ch' uscio per te della volgare schiera?"

[181]). Ср. введеніе д'Анконы къ его изданію Новой Жизни.

въ своей совокупности служатъ опредѣленной цѣли, онѣ вырываются изъ глубины его души во всей своей здоровой полнотѣ и силѣ; написаны онѣ благозвучнымъ языкомъ, образъ слѣдуетъ въ нихъ за образомъ, причемъ, однако, нельзя жаловаться ни на черезмѣрное обиліе, ни на скудость мысли. Риѳмы не превращаются въ тягостныя и стѣснительныя оковы, а напротивъ окружаютъ, подобно золотому поясу, роскошныя формы, одушевленныя цѣломудренной фантазіею поэта. Сужденіе это мы произносимъ въ данномъ случаѣ не только относительно лирическихъ пріемовъ «Новой Жизни», но и всѣхъ родственныхъ ей произведеній, даже не входящихъ въ этотъ циклъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ изъ **Convito**, гдѣ поэзія принесена въ жертву аллегоріи. Въ немъ находятся, кромѣ того, пѣсни политическаго и нравственнаго содержанія, относящіяся къ позднѣйшей порѣ; изъ нихъ первыя имѣютъ скорѣе историческое значеніе, послѣднія же, напримѣръ 13 канцона **Convito**, такъ темны, что ключъ къ нимъ не могъ быть найденъ даже до сихъ поръ [182]).

Въ любви Данта къ Беатриче главною характерною чертою является тотъ культъ, который онъ для нея создаетъ. Элементы этого культа коренятся въ мистикѣ. Кромѣ всего, что выше приведено было, поэмы эти отличаются тѣмъ, что всѣ райскія почести и слава, до той поры приписываемыя только Богоматери или кому-либо изъ святыхъ, чествуемыхъ церковью, были перенесены поэтомъ на флорентинскую дѣвушку, всегда остававшуюся чуждою церкви. Поэтъ примѣняетъ къ ней запасъ всѣхъ мистическихъ отношеній и схоластическихъ толкованій и кладетъ начало поклоненію женщинѣ, столь же далекому отъ рыцарскаго ухаживанія и **cours d'amour**, какъ сама Беатриче далека отъ Изольды. Онъ доходитъ даже до того, что объявляетъ свою милую чудомъ, «которому корнемъ и происхожденіемъ служитъ одна только чудодѣйственная Троица.» Для всѣхъ событій, касающихся опредѣленія часовъ и лѣтъ ея перваго появленія, поклона, смерти, возраста, онъ умѣетъ вычислить цифру девять, корнемъ же девяти является число три, съ которымъ связана глубочайшая тайна его догмата [183]).

---

[182]). Относительно дантовой лирики сличи соотвѣтствующіе отдѣлы въ упомянутыхъ уже нами сочиненіяхъ de Sanctis и Bartoli.

[183]). Ср. уже приведенную нами XXX главу Новой Жизни. Въ ней говорится между прочимъ: „Perche questo numero (nove) le (Beatrice) osse anto amico, questa potrebb' essere una ragione, conciossiacosachè, secondo Tolomeo e secondo la Cristiana verita, nove siano li cieli che si muovono, e secondo comune opignone astrologa li detti cieli adoperino quaggiù secondo la lora abi-

Все это имѣетъ, правда, свою опредѣленную причину и коренится въ той цѣли, на которую мы уже указали и которой это произведеніе должно было содѣйствовать и по отношенію къ Божественной Комедіи; въ основѣ всего лежитъ тотъ фактъ, что здѣсь всюду поэтъ имѣетъ въ виду вывести передъ читателемъ Беатриче Божественной Комедіи и какъ-бы подготовить ея появленіе. Тѣмъ не менѣе, новизна и смѣлость предлежащей комбинаціи нисколько не умаляется этимъ и не теряетъ своей прелести и величія. Дѣйствительно, такъ не чествовалась еще ни одна обыкновенная дѣвушка, но въ томъ-то и заключается человѣческое и поэтическое величіе Данта, что онъ былъ способенъ на такое продолжительное пареніе, что онъ съумѣлъ навсегда идеализировать свои первыя мечтанія любви и что онъ не допустилъ неизбѣжнымъ и разрушительнымъ силамъ времени убить и его юношескія чувства.

Если что-нибудь еще отличаетъ эту книгу, то именно та громадная сила, съ которою дѣйствуетъ въ ней фантазія поэта. Въ Новой Жизни видѣніе слѣдуетъ за видѣніемъ, восторгъ за восторгомъ; человѣкъ, знакомый съ набожными легендами и поэтическими созданіями среднихъ вѣковъ, часто готовъ уличить его въ подражаніи; если же онъ сдѣлаетъ нѣкоторыя сличенія, то въ немъ невольно возрастетъ уваженіе къ тому уму, который съумѣлъ возбудить интересъ къ подобнымъ предметамъ только потому, что они воздѣйствовали на него самого. Самыя разнообразныя струны звучатъ въ его поэмѣ, а между тѣмъ чувствуется, какъ хаосъ средневѣковыхъ элементовъ просвѣтляется въ ней и получаетъ единство. Нѣтъ сомнѣнія, что Дантъ является всего милѣе намъ именно тутъ, гдѣ онъ не достигъ еще полнаго величія. Онъ привлекаетъ насъ къ себѣ прелестной наивностью, кроткой меланхоліею; всѣ болѣе жесткія

---

tudine insieme, questo numero fu amico da lei per dare ad intendere, che nella sua generazione tutti e nove li mobili cieli perfettissimamente s'aveano insieme. Questa è una regione di ciò; ma più sottilmente pensando, e secondo la infallibile verita, questo numero fu ella medesima; per similitudine dico e cio intendo cosi: Lo numero del trè e la radice del nove, per oschè senza numero altro, per se medesimo multiplicato, fa nove, siccome vedemo manifestimente che tre via tre fa nove. Dunque se il tre e fattore per se medesimo del nove, e lo fattore dei miracoli per se medesimo è tre, cioè Padre, Figliuolo e Spirito anto, li quali sono tre ed uno, questa donna fu accompagnata del numero del nove a dare ad intendere, che ella era un nove, cioè un miracolo, la cui radice esolamente la mirabile Trinitade."

чувства отстранены, хотя онъ уже извѣдалъ ихъ [184]). Никакой ненависти или злобы; всюду одна только любовь и гармонія; онъ не знаетъ враговъ. Особенно характерно казалось намъ всегда въ этомъ сочиненіи безусловное исключеніе политическаго элемента. Всѣ остальныя темы, которыми такъ охотно, ревностно и страстно занимался поэтъ въ позднѣйшее время, любовь, мистика, схоластика, лингвистика, поэтика, аллегорія, астрологія и астрономія, древняя римская литература,—всѣ онѣ уже заключаются въ немъ, хотя отчасти еще въ эмбріоническомъ состояніи; только о политикѣ, государствѣ и церкви, объ общественныхъ дѣлахъ, какого-бы рода они ни были, мы не слышимъ ни слова. А между тѣмъ поэтъ уже давно принималъ горячее участіе въ общественныхъ вопросахъ и безгранично, всей душою предавался бившей ключемъ политической жизни своего родного города, какъ-разъ въ то самое время, когда онъ оканчивалъ Новую Жизнь; это достаточно ясно доказываетъ, что онъ желалъ сохранить прославляемый имъ идеалъ хоть на время свободнымъ отъ прикосновенія великихъ и тяжкихъ вопросовъ эпохи и дать ему дѣйствовать въ силу своей собственной внутренней сущности.

Еще одно замѣчаніе просится подъ перо. Древній міръ не могъ бы произвести подобной поэмы; искусство древняго міра не терпѣло такого развитія индивидуальности, какое мы видимъ здѣсь. Оно заставляло личность исчезать въ болѣе или менѣе тѣсно-сплоченномъ цѣломъ и налагало на нее ярмо. Напротивъ того, отличительной чертой современнаго искусства является возстановленіе человѣческой личности, и это обстоятельство показываетъ его видимую связь съ христіанствомъ. Признанія св. Августина стоятъ у входа въ этотъ новый видъ искусства, но они отличаются слишкомъ недостаточною художественною и поэтическою тенденціею, для того чтобы быть отнесенными къ этой художественной формѣ. Напротивъ того, Новая Жизнь открываетъ собою рядъ подобныхъ книгъ, которыя съ той поры продолжаютъ появляться даже послѣ Руссо, вплоть до настоящаго времени [185]). Здѣсь человѣчество отступаетъ передъ человѣкомъ, который развивается на полномъ просторѣ и забывая остальной міръ.

---

[184]). Ср. 4 канцону Новой Жизни, стр. 98 изданія Витте, стихи 24—27:

„Che li tormenti, che tu porterai
Nel secol chè t'è gia tanto noioso,
Mi fan pensoso di paura forte."

[185]). См. Dante Alighieri ou la Poèsie amoureuse. Paris par E. Delécluse. Авторъ исторически изучаетъ начало платонической любовной поэзіи и дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣчаній, но, увлекаемый свойственной ему поверх-

Въ заключеніе этихъ замѣчаній, мы укажемъ еще на одну черту литературнаго характера Данта. Мы говоримъ о рефлексіи, подъ сѣнью которой онъ идетъ впередъ въ своемъ художественномъ творчествѣ. Его поэзія искуственная; но поэтическое творчество было для него не игрою, а призваніемъ. Онъ не удовлетворялся традиціоннымъ и общепринятымъ способомъ творчества, а старался проникнуть въ глубину поэтической техники и много думалъ о метрикѣ и поэтикѣ. Объ обоихъ этихъ предметахъ (если мы только имѣемъ право говорить о данномъ вопросѣ уже здѣсь) онъ ясно высказался во второй книгѣ своего неоконченнаго сочиненія о народномъ языкѣ и обратился съ строгими требованіями ко всѣмъ тѣмъ, кто чувствуетъ поползновеніе «раскрыть тайники души» [186]). Онъ указываетъ имъ на то, что простого поэтическаго дарованія и настроенія еще мало, и что пальма первенства подобаетъ лишь тому, кто присоединитъ къ этимъ свойствамъ поэтическое искусство и знаніе. Практика шла у него рука объ руку съ теоріею и послѣдней не приходилось краснѣть передъ первою. Не то видимъ мы въ его поэтикѣ. Правда, онъ первый въ средніе вѣка началъ изучать ее теоретически, но все-таки не пошелъ далѣе слабой попытки. Средневѣковые умы не имѣли вкуса къ подобнымъ вещамъ, и весьма достойно уваженія уже то, что Дантъ сознавалъ, по крайней мѣрѣ, необходимость подобнаго изученія. Римская старина давала въ **Ars poetica** Горація единственный образецъ въ этомъ родѣ, и его Дантъ изучилъ; но чувства обоихъ поэтовъ были слишкомъ несхожи для того, чтобы подобное изученіе могло принести плоды. Лучшее, что сказалъ, напримѣръ, Дантъ по этому поводу въ Новой Жизни, было оппозиціею противъ легкомысленнаго, безмозглаго употребленія аллегоріи [187]). Онъ требовалъ, чтобы каждый образъ, если его лишить его покрова, скрывалъ въ себѣ дѣйствительный смыслъ: правда, что это самомалѣйшее требованіе, которое опъ

ностностью, дѣлаетъ также не мало ошибокъ. Такъ, напримѣръ, онъ относитъ окончаніе Новой Жизни къ 1290 г. (стр. 8); однако онъ перевелъ эту книгу на французскій языкъ,—слѣдовательно, читалъ ее.

[186]). См. Dante, De vulgari eloquio, lib. II, въ особенности гл. 4: „Caveat ergo quilibet et discernat ea quae dicimus; et quando tria haec pure cantare intendit, vel quae ad ea directe et pure sequuntur, prius Helicone potatus, tensis fidibus adsumat secure plectrum, et cum more incipiat. Sed cantionem, atque discretionem hanc, sicut decet, facere, hoc opus, et labor est; quoniam nunquam sine strenuitate ingenii, et artis assiduitate, scientiarumque habitu fieri potest.— ——Et ideo confiteatur eorum stultitiæ, qui arte, scientiaque immunes, de solo ingenio confidentes, ad summa summe canenda prorumpunt; et a tanta prosumptuositate desistant, et si anseres naturali desidia sunt, nolint astripetam aquilam imitari.“

могъ предъявить. Въ другихъ вопросахъ, хоть напримѣръ въ смыслѣ, который онъ придаетъ выраженіямъ: комическій, трагическій, элегическій,—теорія его остается вполнѣ ребяческою, къ счастію, неузнаваемою въ примѣненіи и безвредною, благодаря его геніальности.

Наконецъ мы коснемся еще отношеній, связанныхъ съ «Новою Жизнью» и имѣющихъ принципіальное значеніе для пониманія Божественной Комедіи; отношенія эти неоднократно обсуждались въ древнѣйшее и новѣйшее время, оставаясь до сихъ поръ спорными.

Дантъ разсказываетъ въ «Новой Жизни», что черезъ нѣсколько времени послѣ кончины Беатриче, онъ, благодаря участію, оказанному ему другой «благородной женщиной», былъ нѣсколько дней не вѣренъ памяти умершей, однако, вскорѣ вернулся въ тяжкомъ раскаяніи къ своей прежней любви [188]). Въ Божественной Комедіи Беатриче осыпаетъ поэта самыми горькими упреками за измѣну, совершенную имъ послѣ ея смерти, и онъ открыто признается въ своей винѣ [189]).

Вопросъ заключается въ томъ, въ чемъ же состояла невѣрность, въ которой винилъ и давалъ винить себя поэтъ, и въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу упомянутыя нами показанія? Трудность рѣшенія этого вопроса заключается въ томъ, что эти показанія должны почти исключительно быть отыскиваемы въ поэтическихъ, часто темныхъ намекахъ и признаніяхъ самого обвиняемаго.

Въ новѣйшее время старались весьма опредѣленно доказать, что эта невѣрность поэта его идеалу состояла исключительно изъ заблужденій интеллектуальнаго, а не нравственнаго, или на половину нравственнаго свойства [190]). Мы придерживаемся, однако, послѣдняго

---

[187]). Vita Nuova; „.....perocche grande vergogna sarebbe a colui che rimasse cosa sotto veste di figura o di colore rettorico, e poi domandato non sapesse dinudare le sue parole da cotal vesta, in guisa ch'avessero verace intendimento.“

[188]). См. изданіе Новой Жизни Витте, гл. 36—40.

[189]). Чистилище, пѣсня 31—33, мѣстами.

[190]). См. Scartazzini „Zu Dante's Seelen-Geschichte“ и т. д. въ 4 томѣ Jahrbuch der deutschen Dantegesellschaft; ср. съ этимъ его разсужденіе въ 3 томѣ того же Jahrbuch: „Zu Dante's innerer Entwickelungsgeschichte.“ Авторъ забываетъ въ весьма оживленной полемикѣ, направленной противъ меня въ первомъ изслѣдованіи, что въ своей книгѣ о „Dante Alighieri“, впрочемъ часто и прежде нея, онъ въ своихъ взглядахъ на предлежащій вопросъ весьма близко подходилъ къ способу изученія его во 2 изданіи моего сочиненія. Я не могу воздержаться отъ замѣчанія, что не нахожу приличнымъ поступать такъ въ данныхъ обстоятельствахъ, и что авторъ, по справедливости, долженъ былъ бы направить свою полемику и противъ себя самого. Я нисколько не отвергаю въ остальномъ справедливости его критики и заслуги его послѣднихъ разъясненій, но хотя бы даже одна односторонность

мнѣнія и дошли до него послѣ неоднократнаго размышленія и тщательнаго взвѣшиванія и обсужденія различныхъ, относящихся до этого вопроса, воззрѣній. Насколько достовѣрно, что Беатриче выступаетъ уже въ Новой Жизни, а еще болѣе въ Божественной Комедіи, въ несомнѣнно двойственномъ образѣ, т.-е. въ чисто человѣческомъ, реальномъ и въ аллегорическомъ, настолько же достовѣрно и то, что самыя заблужденія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, должны быть двойственнаго вида, т.-е. нравственныя и интеллектуальныя. Относительно человѣческихъ, реальныхъ сторонъ Беатриче въ Новой Жизни не можетъ вообще быть никакого сомнѣнія; но сомнѣніе не можетъ возникнуть даже и относительно соотвѣтствующаго характера ея въ Божественной Комедіи; намеки и прямыя показанія, подтверждающія это, слишкомъ наглядны [191]). Невѣрность относительно Беатриче Новой Жизни высказана тамъ съ желанной ясностью [192]); тоже самое можно сказать и о подобныхъ же упрекахъ въ Божественной Комедіи [193]).

противопоставлялась другой, но тонъ, которымъ авторъ говоритъ такъ охотно и здѣсь, и въ другихъ случаяхъ, далеко неумѣстенъ и не можетъ быть оправданъ, такъ какъ подобная трескучая нескромность не могла бы быть оправдана даже большими заслугами. Ужъ не думаетъ ли въ самомъ дѣлѣ авторъ, что Гете былъ всюду правъ??— Связанныя съ этимъ вопросомъ разъясненія К. Витте извѣстны и по большей части высказаны давно. Я обращаю вниманіе читателя на относящуюся сюда статью его въ Hermes (1824 г.) и на его комментаріи къ изданному имъ и Каннегиссеромъ переводу лирической поэзіи Данта, на его статью „Dante's Trilogie“ въ его Dante-Forschungen, (Halle, 1869), наконецъ на введеніе къ его изданію Новой Жизни и на комментаріи къ 31 пѣснѣ Чистилища во 2 изданіи его перевода Божественной Комедіи (Берлинъ 1876 г.).

[191]) Столь же важны въ этомъ отношеніи стихи 49—51 31 пѣсни Чистилища

Mai non t'appressento naturo ò arte
Piacer, quanto le belle membra in ch'io
Rinchiusa fui, e sono in terra sparte.

[192]). Новая жизнь, гл. 36—40.

[193]). Чистилище, 30, 124—126:

Si tosto come in sulla soglia fui
Di mia seconda estade, e mutai vita,
Questo si tolsi a me i diessi altrui.

и Чистилище, 31, 58—61:

Non ti dovean gravar le penne in giuso
Ad aspettar più colpi, o pargoletta
O altra vanita con si breve uso;

и друг. (Эти стихи уже никакъ не могутъ относиться къ „интеллектуальнымъ“ заблужденіямъ).

Аллегорическая сторона двойственнаго образа, въ которомъ выведена Беатриче въ Божественной Комедіи, и который подготовленъ и какъ-бы заложенъ еще въ Новой Жизни, вполнѣ ясна передъ нами и указываетъ на нее, какъ на воплощеніе и олицетвореніе возвышенной идеи (насколько мы можемъ судить) именно правовѣрнаго, чистаго ученія и ничѣмъ не омрачаемаго божественнаго откровенія. Нѣтъ нужды указывать на то, что эта сторона двойственнаго образа наиболѣе важная.

Черты реальной Беатриче являются только какъ-бы оболочкою, въ которой заключена Беатриче идеализованная. Необходимо теперь опредѣлить, въ чемъ же состояла измѣна поэта его идеалу, словомъ, выяснить, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать его интеллектуальныя заблужденія. Среди упрековъ, которыми Беатриче осыпаетъ своего поклонника, находимъ такіе, которые указываютъ на чувственно-матеріалестическій образъ жизни вообще, и составляютъ переходъ отъ указанія нравственныхъ къ указанію умственныхъ заблужденій. «Онъ направилъ свои шаги по ложной дорогѣ, преслѣдуя образы обманчиваго счастія, которые не исполняютъ данныхъ ими обѣщаній[194])». И самъ Дантъ дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Дѣйствительные предметы отвлекли мои шаги, маня лживымъ наслажденіемъ, лишь только вашъ образъ исчезъ передо мной [195]). Этими словами высказывается, очевидно, болѣе чѣмъ простое удовольствіе при видѣ какой-либо другой женщины; они характеризуютъ взгляды и образъ жизни, которые должны быть понимаемы, какъ совокупность мотивовъ нравственнаго и интеллектуальнаго свойства, и гдѣ идеализованная Беатриче можетъ, по справедливости, увидать измѣну, отпаденіе. Къ этому можно присоединить еще дальнѣйшее замѣчаніе, которое Беатриче дѣлаетъ раскаявшемуся поэту и которое безспорно указываетъ на чисто-интеллектуальное заблужденіе. На вопросъ Данта, почему она говоритъ столь непонятными для него выраженіями, она отвѣчаетъ: «Для того, чтобы ты научился цѣнить школу, которой ты придерживался, и понялъ, какъ мало ея ученіе можетъ

---

[194]). Чистилище, 30, 130—133:

E volse i passi suoi per via non vera
Imagine di ben seguendo false
Che nullo promission rendono intera.

[195]). Тамъ-же, 31, 34—36:

Piangendo dissi: le presenti cose
Col falso lor piacer volser miei passi
Tosto che il vostro viso si nascose.

слѣдовать моимъ словамъ, и, какъ пути Божіи настолько же отдалены отъ вашихъ путей, какъ небо, возносящееся въ высочайшую сферу, отдалено отъ вашей земли [196]). » Въ этихъ словахъ дѣйствительно слышится упрекъ въ томъ, что поэтъ предался пытливому, скептическому направленію, которое, уклонившись отъ откровенія и дѣтской вѣры, хочетъ рѣшить тайну бытія путемъ умозрѣнія, одной силой разума. Несмотря на видимое противорѣчіе, съ этимъ показаніемъ совпадаютъ тѣ разъясненія, которыя даетъ намъ Дантъ въ своемъ сочиненіи «**Il convito**» (Пиръ). Онъ говоритъ въ немъ, что вскорѣ послѣ смерти Беатриче, онъ началъ посѣщать философскія школы и такъ ревностно предавался этому изученію въ теченіе почти трехъ лѣтъ, что послѣ тридцати мѣсяцевъ сладость философіи открылась передъ нимъ во всей своей глубинѣ, такъ что любовь къ ней изгнала и уничтожила всѣ остальные помыслы [197]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Дантъ опять называетъ философію, которой онъ предался въ такой сильной степени, «благородной дамою» и даже прямо заявляетъ, что «благородная дама» Новой Жизни ничто иное, какъ аллегорія, т.-е. символъ философіи [198]); онъ оставляетъ, правда, неразъясненнымъ противорѣчіе, въ которое самъ здѣсь впадаетъ, опредѣляя въ Новой Жизни время своего обращенія къ «благородной дамѣ» нѣсколькими днями, время же ухаживанія за «благородной дамой» въ **Convito**, т.-е. изученія философіи, достигающее полной побѣды надъ нею, приблизительно тремя годами. Безъ всякой несправедливости относительно поэта, мы можемъ не истолковывать въ дурную сторону это позднѣйшее, насильственное сопоставленіе двухъ событій, слѣдующихъ по времени одно за другимъ; для насъ всего важнѣе указать на собственное признаніе Данта въ его ревностномъ изученіи философскихъ изслѣдованій, и тѣмъ самымъ объяснить и доказать упомянутое нами обвиненіе поэта въ измѣнѣ идеалу.

Порядокъ изложенія ***Новой Жизни*** оставляетъ такимъ образомъ, значительный пробѣлъ, обнимающій извѣстное число лѣтъ, приблизитель-

---

[196]). Чистилище, 33, 85—89:

Perchè conoschi, disse, quella scuola
Ch'hai seguitata e veggi sua dottrina
Come può seguitar la mia parola;
E veggi vostra via dalla divina
Distare cotanto, quanto si discorda
Da terra il ciel che più alto festina.

[197]). Convito, II, 13.

[198]). Тамъ-же. II, 2.

но съ 1292—1300 г.,—т. е. періодъ, протекшій съ событія, описаннаго въ 36 главѣ Новой Жизни и, по словамъ **Convito** II, относящагося къ 2 мая 1292 г., до заключительнаго видѣнія Новой Жизни, тождественнаго съ видѣніемъ въ Божественной Комедіи и отнесеннаго поэтомъ къ марту 1300 году. Было-бы безполезно доискиваться, по какой причинѣ поэтъ оставилъ этотъ пробѣлъ; тѣмъ привлекательнѣе за то предложеніе, сдѣланное д'Анконою во введеніи къ его изданію Новой Жизни, пополнить этотъ пробѣлъ канцонами, по всему вѣроятію, предназначавшимися Дантомъ вмѣстѣ съ ихъ объясненіями для **Convito**, и изъ которыхъ первая, на основаніи вѣрныхъ предположеній, написана была еще въ декабрѣ 1294 или въ январѣ 1295 года [199]). Канцоны эти описываютъ любовь къ философіи, сначала счастливую, но потомъ безнадежную и предоставляющую любящаго человѣка самому себѣ [200]).

Если мы спросимъ себя, что-же можно изъ всѣхъ этихъ разъясненій поэтической исторіи поэта извлечь для его біографіи прочнаго и ослзательнаго, то, при почти полномъ отсутствіи соотвѣтствующихъ не поэтическихъ, а положительныхъ свидѣтельствъ, придется дѣйствовать какъ можно осторожнѣе. Мы въ правѣ предположить, что въ жилахъ Данта текла горячая кровь, и что было время, когда борьба между плотью и духомъ причиняла ему не мало заботъ, хотя изъза этого его не слѣдуетъ еще считать человѣкомъ разгульнымъ, безпутнымъ [201]). Нельзя также отстранить и дальнѣйшее предположеніе:

---

[199]). Смотри выше стр. 73.

[200]). Ср. переводъ лирическихъ произведеній Данта, сдѣланный Витте и Каннегиссеромъ, и комментарій къ нимъ Витте.—Кромѣ того см. Прологомены Витте къ его изданію Новой Жизни, стр. XII—XIII и его статью „Трилогія Данта“ въ Dante-Forschungen. Обо всѣхъ вопросахъ, спеціально касающихся, Convito, мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.—

[201]). Слѣдующее мѣсто изъ Vita di Dante Боккаччьо (l. c., p. 66) не должно быть принимаемо буквально какъ и большинство изъ относящихся сюда извѣстій автора Декамерона: Tra cotanta virtu, tra cotanta scienza, quanto dimostrato è di sopra essere stato in questo mirifico poeta, trovò ampissimo luogo la lussuria; e non solamente ne'giovanile anni, mà ancora ne'maturi. Но доля правды все таки навѣрно заключается въ этихъ словахъ.—Извѣстные стихи въ разговорѣ Данта съ Форезе Донати (Чистил. 23, 115—117):

„—Se ti riduci a mente
Qual fosti meco e quale io teco fui,
Ancor fio grave il memorar presente,“

на которые обыкновенно указываютъ съ особымъ вниманіемъ при обсужденіи этого вопроса, должны въ виду непосредственно слѣдующихъ за ними словъ:

Di quella vita mi volse costui
Che mi va inanzi (т. е. Виргилій)

быть понимаемы нѣсколько шире и въ болѣе общемъ смыслѣ, что и дѣлаетъ

подобно тому, какъ это дѣлали во Флоренціи многіе, во главѣ которыхъ стоялъ первый изъ друзей Данта, Гвидо Кавальканти, и самъ Дантъ придерживался временно матеріалистическаго направленія въ жизни; нельзя также по справедливости возразить на это, что съ подобнымъ направленіемъ не согласуется его остальная научная и политическая жизнь. Все, что вообще извѣстно относительно ученыхъ занятій поэта, только подтверждается приведенными выше рѣшеніями. Столкновеніе между вѣрою и знаніемъ, которое могло произойти въ немъ при данныхъ обстоятельствахъ, остается по прежнему вѣроятнымъ и, правильно понятое, вовсе не является немыслимымъ въ такомъ всесильномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомъ и пытливомъ умѣ. Одинъ шагъ далѣе въ этомъ направленіи, за предѣлы сомнѣній и допытываній, былъ-бы однако, несомнѣнною ошибкой.

очевидно Скартаццини въ своихъ комментаріяхъ къ этому мѣсту. Я напомню здѣсь, напротивъ, часто обсуждавшіеся стихи 16 пѣсни Inferno, гдѣ Дантъ говоритъ о „веревкѣ“, которою онъ былъ опоясанъ во время своихъ странствій по первымъ кругамъ ада и которою онъ зачастую „желалъ бы изловить пантеру съ пестрою шкурой“. Адъ, 16, 106—108:

„Io aveva una corda intorno cinta,
E con essa pensai alcuna volta
Prender la lonza alla pelle dipinta“.

По мнѣнію большинства комментаторовъ Божественной Комедіи, подъ пантерою слѣдуетъ понять чувственность, а веревка есть символъ ордена Францисканцевъ, въ который, по преданію, поэтъ вступилъ въ молодости, съ тѣмъ чтобы снова покинуть его еще прежде, чѣмъ онъ произнесъ обязательный орденскій обѣтъ. Это преданіе идетъ отъ комментатора Данта, Франческо Бути, относящагося еще къ 14 вѣку. Мы однако не считаемъ преданіе это достойнымъ вѣры въ своей настоящей формѣ, такъ какъ оно никакъ не согласуется съ вполнѣ удостовѣренными датами изъ жизни поэта, да и къ тому же въ жизни этой нѣтъ того свободнаго времени, которое потребовалось бы для подобнаго эксперимента. Къ тому же Дантъ, по сокровеннѣйшей природѣ своей былъ всецѣло созданъ для дѣятельной и подвижной жизни, такъ что невозможно даже приписать ему подобное рѣшеніе. Разсказъ Бути могъ легко возникнуть изъ приведенныхъ нами стиховъ Божественной Комедіи,—и это было бы не первымъ случаемъ въ этомъ родѣ. Болѣе вѣроятія имѣетъ варіантъ этого показанія, гдѣ говорится, что Дантъ поступилъ въ такъ называемый третій орденъ св. Франциска, т. е. орденъ терціаріевъ, также опоясывавшихся веревкою и имѣвшихъ право пользоваться всѣми преимуществами ордена, безъ обязательства отречься отъ міра, а только съ обязательствомъ исполнить нѣкоторыя изъ условій отреченія. Эта измѣненная форма преданія, о которомъ идетъ рѣчь, могла бы, конечно, возникнуть и позднѣе, но имѣетъ за себя извѣстную вѣроятность, такъ какъ въ то время поступленіе въ ряды терціаріевъ завѣдомо случалось часто, и безъ этого объясненія разумное толкованіе этого мѣста Ада почти немыслимо.

3.

Жизнь Данта со вступленія его въ флорентинское правительство до изгнанія.

Со времени недавно описанныхъ нами столкновеній между гвельфскою аристократіею и господствовавшимъ **popolo**, равнявшихся новому пораженію однихъ и упроченію торжества другихъ, республика держала себя такъ горделиво и повелительно, какъ никогда прежде. Городъ насчитывалъ до 200,000 жителей [202]), въ то время, какъ «глава вселенной», Римъ, уже давно не заключалъ въ себѣ болѣе половины этого числа. Сознаніе, что онъ заступилъ мѣсто метрополіи, приняль на себя ея наслѣдіе, составляло то вѣрованіе, которое одушевляло горделивый филіальный городъ, ту увѣренность, которая вложила перо въ руку такого человѣка, какъ Виллани [203]), и побудила его написать исторію его родного города.

Но для сохраненія этого положенія вещей существовала лишь одна гарантія, именно, невозмутимое единодушіе побѣдоноснаго народа. Но оно-то и нарушено было вскорѣ и перешло въ яростную вражду. Произошло новое дѣленіе на партіи, которое сначала исходило отъ гвельфской аристократіи, но вскорѣ охватило весь **popolo** и разрушило его единство и могущество. Военная знать была, правда, унижена, но отнюдь еще не считала себя погибшею; къ тому же она сохраняла еще достаточно силы и непокорности, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ представить серьозную опасность для существующаго порядка вещей. Всего хуже переносила она перевѣсъ богатыхъ родовъ **popolani**, которые были въ глазахъ ея ничѣмъ инымъ, какъ только выскочками, и во главѣ которыхъ стояло семейство Черки (Cerchi), первоначально пришедшее въ городъ изъ окрестной страны и возвысившееся благодаря торговлѣ и денежнымъ оборотамъ. [204]). Важно было то, что въ кругу самихъ пополанъ образовался подобный же антагонизмъ между древними и

---

[202]). Виллани, (l. c., 5, 38) опредѣляетъ число гражданъ, способныхъ носить оружіе въ это время, въ 30,000 человѣкъ, не считая окрестныхъ жителей. Цифра эта, быть можетъ, слишкомъ высока.

[203]). Виллани (l. c., VIII, 36). Ma considerando, che la nostra citta di Firenze figliuola e fattura di Roma, era nel suo montare e a seguire grandi cose, sicome Roma pel suo calare etc.

[204]). Адъ, 16, 65.

новыми семьями, антагонизмъ соперничавшихъ склонностей и интересовъ, вскорѣ сдѣлавшійся даже могущественнѣе вражды между дворянствомъ и народомъ и прямо содѣйствовавшій худшимъ цѣлямъ военной аристократіи. Этотъ расколъ, существовавшій въ умахъ уже прежде, получилъ теперь, благодаря одному внѣшнему событію, болѣе опредѣленный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ перейти и въ область фактовъ, такъ какъ въ эту эпоху господства партій положеніе Флоренціи было таково, что всякое движеніе въ остальныхъ, болѣе значительныхъ городахъ Тосканы неизмѣнно отражалось на ней.

Пистойя была членомъ гвельфскаго союза, и господство въ ней принадлежало тому же классу народа, какъ и во Флоренціи. Одна изъ знатнѣйшихъ семей тамошнихъ гражданъ, семья Канчелльери, процвѣтала въ двухъ линіяхъ, происходившихъ отъ двухъ различныхъ браковъ одного изъ предковъ этой семьи и называвшихся вслѣдствіе какого-то, не вполнѣ достовѣрно извѣстнаго повода, одна бѣлою, другая черною. Эти двѣ линіи распались между собою и жили въ злѣйшей враждѣ. Часто дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній между Бѣлыми и Черными. Однажды при такомъ случаѣ одинъ изъ бѣлыхъ Канчелльери былъ раненъ чернымъ. Отецъ послѣдняго былъ миролюбиваго характера и приказалъ сыну пойти къ противнику и испросить его прощеніе. Быть можетъ, думалъ онъ, это проложитъ путь къ общему примиренію. Сынъ сдѣлалъ, какъ ему было приказано, и пришелъ безоружный къ Бѣлымъ, чтобы извиниться. Но Бѣлые схватили его, отрубили ему на конюшнѣ правую руку и съ насмѣшками отослали его домой. Этотъ возмутительный поступокъ по справедливости подлилъ масла въ огонь; расколъ, до той поры лишь частный, сдѣлался теперь общимъ. Каждая линія имѣла свою партію приверженцевъ, и такимъ образомъ весь городъ распался на Бѣлыхъ и на Черныхъ [205]).

Господствовавшіе во Флоренціи пополаны съ величайшей тревогою слѣдили за этими усложненіями, возникшими въ союзномъ съ ними городѣ; они опасались, чтобы изъ этого раскола не возникла опасность для республики и для цѣлости гвельфской партіи вообще. Поэтому они съ поспѣшной предупредительностью согласились на предложеніе (кажется, исходившее отъ членовъ умѣренной партіи въ Пистойѣ) принять на себя на нѣсколько лѣтъ общественную власть въ этомъ городѣ и возстановить тамъ этимъ путемъ по-

[205]). Виллани, l. c., VIII,13—Paolino, l. c., II, 51. . Perrens, l. c., III, p. 7 sqq.

рядокъ и миръ (1296). Но эта мѣра, какъ ни благоразумна она казалась, и несмотря на то, что она сначала сопровождалась успѣхомъ, имѣла однако совершенно противоположное дѣйствіе: она зажгла пожаръ въ самой Флоренціи и вызвала въ ней подобное же, но еще болѣе обширное дѣленіе на партіи. Кружокъ Пистойцевъ, уже раньше того поселившійся во Флоренціи, но еще усилившійся послѣ описанныхъ нами событій, перенесъ и сюда то дѣленіе на партіи, которое существовало въ его родномъ городѣ; и та, и другая сторона нашла себѣ друзей и приверженцевъ, и немного времени спустя и сама Флоренція распалась на двѣ большія партіи, на Бѣлыхъ и Черныхъ. Какъ мы уже говорили, возможность подобнаго поворота существовала несомнѣнно; недоставало только повода, чтобы осуществить ее. Къ Чернымъ причислялась гвельфская аристократія, часть пополанъ, и popolo minuto; къ Вѣлымъ опять-же извѣстная часть «богатаго» и «мелкаго» народа, но и остатки прежней гибеллинской партіи, снова пробудившейся при этомъ случаѣ. [206]). Такъ глубоко проникли рознь и несогласіе, что даже отдѣльные роды распадались на двѣ части. Во главѣ Бѣлыхъ стоялъ Вери, представитель дома Черки; вождемъ Черныхъ былъ тотъ самый Корсо Донати, неукротимую натуру котораго мы уже знаемъ.

На сторонѣ Бѣлыхъ мы видимъ и Данта. Послѣ того, какъ онъ отдѣлился отъ партіи гвельфскихъ аристократовъ, для него уже, конечно, не было другого мѣста. Ему не нужно было для этого быть принципіальнымъ сторонникомъ пополанъ вообще,—онъ имъ и не былъ, но, чѣмъ несомнѣннѣе былъ его энергическій и пылкій патріотизмъ, тѣмъ яснѣе понималъ Дантъ, что партія Бѣлыхъ соединяла въ себѣ во всякомъ случаѣ тѣ элементы, господство которыхъ при данныхъ обстоятельствахъ всего скорѣе могло обезпечить благую будущность для его родного города. Другъ его, Гвидо Кавальканти, разумѣется, также находился на этой сторонѣ. Лихорадочное и все возраставшее волненіе господствовало во Флоренціи. Вскорѣ всѣ жили другъ съ другомъ, точно на военномъ положеніи. Всякій день можно было ожидать самыхъ страшныхъ опасностей.

Бѣлые держали въ своихъ рукахъ общественную власть, и ихъ хвалятъ за то, что, по отношенію къ столь злостнымъ и вызывающимъ соперникамъ, они пользовались ею такъ умѣренно. Уже Бо-

---

[206]). Виллани, l. c., VIII, 38, 40.—Макьявелли, Istorie fiorentine, II, гл. 23—Perrens, l. c., 12—13.

нифацій VIII, неутомимый стражъ гвельфскаго дѣла, снова обратилъ свою заботливость на Флоренцію, съ которой онъ не спускалъ глазъ послѣ паденія Джьяно делла Белла. Не мало поводовъ къ вмѣшательству могли дать ему его собственныя опасенія, усиливаемыя еще нашептываніями Черныхъ, которые не переставали напоминать ему, что спокойное развитіе даннаго положенія вещей во Флоренціи можетъ нанести непоправимый вредъ интересамъ церкви, какъ понималъ ихъ Бонифацій, отождествляя ихъ съ гвельфскими. Вѣдь поддерживала же его республика своими войсками еще въ 1297 году, во время его борьбы съ родомъ Колонна [207]). Поэтому-то Бонифацій и пытался сначала предупредить грозившую ему опасность мирнымъ вмѣшательствомъ. Для этой цѣли онъ пригласилъ къ своему двору вождей двухъ враждебныхъ партій, въ надеждѣ ихъ примирить. Но попытка эта не удалась; сила антагонизма превысила папское краснорѣчіе. Бѣлые противились; они, очевидно, не довѣряли папѣ и боялись понести ущербъ, благодаря своей уступчивости. Съ той поры ненависть между партіями еще болѣе усилилась во Флоренціи и въ кровавыхъ схваткахъ разразилась ири одномъ изъ ближайшихъ поводовъ. 1 мая 1300 года происходили по древнему обычаю на площади церкви della Trinita пляски женщинъ; Черки и Донати съ своими приверженцами появились на площади верхомъ, чтобы поглядѣть на зрѣлище. Но вскорѣ между ними произошло столкновеніе; отъ колкостей дѣло перешло къ дѣйствіямъ; мечи были обнажены и одному изъ Черки былъ отрубленъ носъ. Всеобщій ужасъ охватилъ массу, толпа разбѣжалась во всѣ стороны, Бѣлые кричали о мести и призывали на помощь исполнительную власть; синьоріи были даны чрезвычайныя полномочія. [208]).

Тогда Черные, серьознѣе чѣмъ когда либо, начали опасаться за себя. Они боялись, чтобы сближеніе Бѣлыхъ съ Гибеллинами, въ пользу котораго говорило многое, не окончилось возстановленіемъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого они несмотря на свое безсиліе, рѣшились вступить собственными силами въ борьбу съ торжествующими противниками и просить своего естественнаго заступника, папу, о поддержкѣ и посредничествѣ. Бонифацій съ досадою глядѣлъ на неудачу своей попытки посредничества и видѣлъ укрѣпленіе могущества Бѣлыхъ съ худо скрытымъ неудовольствіемъ. Вслѣдствіе

---

[207]). Ср. Адъ, 27, 67.—Виллани, l. c., VIII, 21.

[208]). Виллани, VIII, 38. — P. Paolino, II, 57.—Perrens, l. c., стр. 16 по Provvisioni.

этого онъ съ большой готовностью пошелъ на встрѣчу желаніямъ Черныхъ. Но передъ нимъ и теперь не было другого пути, кромѣ мирнаго посредничества. Онъ отрядилъ поэтому во Флоренцію въ качествѣ миротворца кардинала Маттео д'Акваспарта, пользовавшагося его полнѣйшимъ довѣріемъ, съ порученіемъ примирить воюющія стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться измѣненія существующей конституціи. Кардиналъ дѣйствительно прибылъ во Флоренцію въ срединѣ іюня 1300 года [209]).

Въ это-то критическое время Данту выпало на долю вступить въ синьорію, т.-е., въ составъ правительства его родного города [210]). Оно состояло всякій разъ изъ шести членовъ, называвшихся пріорами и остававшихся въ должности всего только два мѣсяца. Какъ намъ уже извѣстно [211]), поэтъ, записавшись въ одинъ изъ цеховъ, открылъ себѣ доступъ къ должности пріора, не сложивъ съ себя ради этого дворянства [212]). Можно предположить, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ, еще прежде чѣмъ упомянутое нами усложненіе приняло острый характеръ, Дантъ посѣтилъ Римъ по поводу юбилея, возвѣщеннаго съ такимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ папою Бонифаціемъ VIII; одно мѣсто Божественной Комедіи почти навязываетъ намъ подобное предположеніе [213]). Какъ-бы то ни было, Дантъ имѣлъ те-

---

[209]). Виллани, VIII, гл. 14.—Относящееся сюда посланіе папы къ кардиналу находится у Тости, Storia di Bonifacio VIII, томъ II, стр. 291 изданія 1846 года.

[210]) Что Дантъ вступилъ въ составъ администраціи въ качествѣ пріора, 14 іюня 1300 г., вполнѣ достовѣрно, хотя и нѣтъ недостатка въ противорѣчивыхъ показаніяхъ. Его собственное заявленіе по этому вопросу, въ письмѣ, приводимомъ Leon. Bruni, о которомъ мы скоро будемъ говорить, заявленіе гласящее, что онъ сдѣлался пріоромъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ кампальдинской битвы (1289), не должно быть принимаемо въ буквальномъ смыслѣ.

[211]) См. выше, прим. 159

[212]). «Nobilis vir Dantes de Alleghieriis», такъ говорится о немъ въ документѣ, касающемся его посольства въ Санъ Джеминьяно (1299).

[213]). Адъ, 18, 28—33:

Come i Roman, per l'esercito molto
L'anno del Giubbileo, su per lo ponte,
Hanno a passar la gente modo colto;
Che dall' un lato tutti hanno la fronte
Verso il castello, e vanno a santo Pietro;
Dall' altra sponda vanno verso il monte.

Стихи эти видимо свидѣтельствуютъ о наблюденіяхъ очевидца описаннаго положенія дѣлъ и не могутъ быть отнесены къ простымъ слухамъ. Флорентинцы отправили съ этой цѣлью особое, пышное посольство въ Римъ.—Perrens, l. c., II, 146 и Г. Виллани, молодой землякъ Данта и ярый Гвельфъ, принялъ по случаю своего посѣщенія Рима рѣшеніе написать исторію своего разцвѣтающаго родного города (см. выше прим. 203).

перь опредѣленную должность и, не смотря на весь свой поэтическій идеализмъ, былъ самымъ пригоднымъ человѣкомъ, когда дѣло доходило до дѣйствія. Весьма точно характеризуетъ его въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, который при случаѣ онъ разсказываетъ самъ о себѣ, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ баптистеріи церкви св. Іоанна какое-то дитя упало въ одно изъ отверстій купели и подвергалось опасности задохнуться, Дантъ, быстро рѣшившись, разбилъ топоромъ въ дребезги внѣшнюю стѣнку купели и тѣмъ спасъ ребенка, —поступокъ, который, правда, какъ святотатственный актъ, навлекъ на него столь живое нареканіе, что еще много времени спустя онъ считалъ полезнымъ оправдываться въ немъ [214]). Если поэтъ былъ призванъ въ составъ республиканскаго правительства въ столь важный моментъ, то это отнюдь не значитъ, чтобы ему было вотировано особое довѣріе, такъ какъ всѣ пріоры одного года были избраны раньше его и посредствомъ жребія раздѣлили между собою годъ на шесть двухмѣсячныхъ должностныхъ сроковъ. Изъ этого факта можно вывести лишь то заключеніе, что онъ показалъ себя господствовавшей партіи Бѣлыхъ такимъ дѣльнымъ и надежнымъ человѣкомъ, что они сочли его, на ряду со многими другими, достойнымъ этой должности.

Что годъ будетъ бурный, можно было во всякомъ случаѣ предвидѣть, но загадывать далѣе этого, понятно, нельзя было. Должностной срокъ Данта и его товарищей длился со средины іюня до средины августа [215]). Во всякомъ случаѣ онъ совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда пламя страстей, охватившее партіи, могло каждую минуту объять городъ, и когда могли возникнуть самые затруднительные вопросы. Одинъ изъ такихъ вопросовъ и стоялъ на очереди какъ разъ въ то время, когда новые пріоры заняли національный дворецъ. Названный уже папскій легатъ, присланный въ качествѣ

---

[214]). Ад, 19, 16—22:

Non mi parean meno ampi nè maggiori,
Che quei che sono nel mio bel San Giovanni,
Fatti per loco de' battezatori,
L'un delli quali, ancor non è molt' anni,
Rupp'io per un che dentro vi annegava,
E questo fia suggel ch'ogni uomo sganni.

[215]). Смот. Preparazione istorica e critica alla nuova edizione della D. C. di Dante Aligh. del canonico Gian-Giacopo Dionisi. Verona 1806. Томъ I, гл. 9. Dionisi сообщаетъ тутъ списокъ пріоровъ за 1300 годъ. Въ числѣ товарищей Данта по должности нѣтъ ни одного особенно выдающагося имени.

«ангела мира» [216]), изложилъ передъ синьоріею свои предложенія посредничества, получивъ предварительно па это желанное позволеніе. Но Бѣлые, съ самаго начала видѣвшіе въ немъ и въ его довѣрителѣ тайнаго союзника Черныхъ, отклонили эти предложенія, опасаясь, какъ-бы вслѣдствіе принятія предложеннаго имъ конституціоннаго измѣненія, власть не досталась, рано или поздно, въ руки противниковъ. Взбѣшенный этимъ отказомъ, кардиналъ покинулъ непокорный городъ, произнеся противъ него проклятіе и отлученіе [217]). Современные флорентинскіе историки нигдѣ не говорятъ о томъ, чтобы Дантъ, въ качествѣ члена синьоріи, сильно вліялъ на это отстраненіе миротворца; однако, въ виду извѣстнаго намъ образа мыслей его, можно предположить, что рѣшеніе это было принято при его непосредственномъ участіи. Ненависть, которою съ той поры преслѣдовали его Черные, всего лучше объясняется подобнымъ предположеніемъ, и если его дальнѣйшая, еще болѣе ясная политическая роль вполнѣ согласуется съ подобными чувствами его противниковъ, то со стороны самого Данта существуетъ опредѣленное заявленіе, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что именно его вліяніе главнымъ образомъ разрушило надежды, съ которыми Черные взирали на посредничество кардинала, и что это вліяніе навлекло на него неизгладимую ненависть противниковъ. «Всѣ мои страданія», пишетъ онъ впослѣдствіи въ минуту унынія, «и всѣ мои неудачи зачались и коренились въ роковомъ веденіи дѣлъ во время моего пріората» [218]). При такихъ условіяхъ мы безошибочно можемъ предположить, что разрывъ Данта съ гвельфскою партіею и ея воззрѣніями, такъ долго подготовлявшійся, уже окончательно совершился въ это время. Вообще, Бѣлые охотно выдавались ихъ противниками за приверженцевъ Гибеллиновъ и, дѣйствительно, благодаря ихъ непрерывно усиливавшемуся антаго-

---

216). Такъ выражается папа въ упомянутомъ посланіи къ кардиналу.

217). P. Paolino, II, 57. Виллани, VIII, 39,— Время отъѣзда миротворца точно не опредѣлено; но такъ какъ разъ дознано, что онъ получилъ полномочіе для своего плана 27 іюня (Perrens, стр. 18, прим. 1), то становится естественнымъ предположить уже на этомъ основаніи, что онъ съ своими полномочіями выжидалъ не болѣе нѣсколькихъ недѣль и что, слѣдовательно, послѣдовавшій за этимъ отказъ былъ рѣшенъ опять таки немного недѣль спустя.

218). Относящійся до этого дѣла отрывокъ изъ письма Данта сохраненъ намъ Леон. Бруни въ его Vita di Dante, стр. 26. Тамъ говорится слѣдующее: „Tutti li mali, tutti l'inconvenienti miei delli infausti comizi del mio Priorato abbere cagione e principio; del quale Priorate benchè per prudenza io non fussi degno, nientedimeno per fide e per ciò non ne era indegno etc.—Подлинность этого отрывка, сколько мнѣ извѣстно, не оспаривалась.

низму съ Черными, они незамѣтно наталкивались на сближеніе съ ними. Но у Данта переворотъ этотъ не коренится, какъ у его партіи вообще, въ антагонизмѣ между аристократическимъ и народнымъ господствомъ; напротивъ того, отказываясь отъ гвельфской аристократіи, онъ, очевидно, сохранилъ аристократическіе принципы. Переворотъ этотъ происходилъ изъ внутренняго противодѣйствія ѳеократическому принципу и его притязаніямъ, изъ убѣжденія, навѣрно не легко усвоеннаго Дантомъ, что смуты вездѣ, и въ самой Флоренціи, проистекали изъ противозаконнаго вмѣшательства папской власти въ свѣтскія дѣла и изъ подавленія императорской власти и вражды къ ней, какъ къ божественному учрежденію. Самъ поэтъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи «**De Monarchia**» прямо сознается, что онъ сначала поклонялся гвельфскимъ воззрѣніямъ и лишь впослѣдствіи, благодаря долгимъ размышленіямъ и глубокому опыту, отвратился отъ нихъ и склонился въ сторону гибеллинизма [219]). Его поведеніе во время разсказаннаго нами флорентинскаго кризиса и примыкавшихъ къ нему событій вполнѣ согласуется съ этимъ признаніемъ, и можно почти навѣрно сказать, что его политическая система впервые вполнѣ развилась и укрѣпилась именно во время его сопротивленія политикѣ папы Бонифація VIII. Мы, однако, не рѣшились бы утверждать, какъ это неоднократно дѣлалось въ новѣйшее время, что Дантъ написалъ свое извѣстное сочиненіе о монархіи, т. е. объ имперіи, уже въ это время, и еще до своего изгнанія. Еслибъ мы даже могли допустить, что его теорія, несомнѣнно бывшая плодомъ долгаго развитія и зрѣлаго опыта, въ это время уже настолько сложилась въ его умѣ, какъ мы это видимъ въ обсуждаемомъ нами сочиненіи (что, однако, отнюдь не можетъ быть доказано), то, не говоря уже о другихъ причинахъ, намъ кажется неправдоподобнымъ, чтобы человѣкъ съ такими опредѣленными и систематически-гиббелинскими воззрѣніями могъ играть среди Бѣлыхъ такую выдающуюся роль, или, чтобы его могли отправить еще въ слѣдую-

---

[219]). См. De Monarchia, lib. II, въ началѣ. Тамъ говорится: „Admirabar siquidem aliquando, Romanum populum in orbe terrarum sine ulla resistentia fuisse prefectum, cum tantum superficialiter intuens illum nullo jure, sed armorum tantummodo violentia obtinuisse arbitrabar. Sed postquam medullitus oculos mentis infixi et per efficacissima signa divinam providentiam hoc effecisse cognavi: admiratione cedente derisiva quaedam supervenit despectio, cum gentes noverim contra Romani populi praeeminentiam fremuisse, cum videam populos vana meditantes, in ipse solebam, cum insuper doleam reges et principes in hoc unico concordantes, ut adversentur domino suo et uncto suo Romano principi.“

щемъ году къ папѣ въ качествѣ посла, для того, чтобы смягчить его жестокія намѣренія относительно Флоренціи, т. е., господства Бѣлыхъ [220]). Достовѣрно, однако, что поэтъ во всемъ, что касается его политической точки зрѣнія, уже въ то время далеко опередилъ большую часть членовъ своей партіи, если не всѣхъ, что онъ въ сущности перешелъ къ идеализованному гиббелинизму, хотя на практикѣ шелъ рука объ руку съ Гибеллинами, разъ обстоятельства свели ихъ вмѣстѣ, и что они держались заодно еще долгое время, и даже послѣ своего паденія.

Первые мѣсяцы послѣ вступленія Данта въ должность протекли безъ выдающихся событій, но не безъ того, чтобы разъ возникшее дѣленіе на партіи не обострилось вслѣдствіе всевозможныхъ столкновеній. Черные, отстраненные по прежнему отъ власти, конечно, не безъ ихъ вины, пришли, наконецъ, къ соглашенію, чтобъ положить окончательный предѣлъ нестерпимому для нихъ порядку вещей. Простое мирное посредничество папы оказалось тщетнымъ и безсильнымъ; слѣдовало, поэтому, искать другого пути, чтобы поразить ненавистныхъ противниковъ. Для этой цѣли Корсо Донати предложилъ добиться, при посредничествѣ патрона Черныхъ, вмѣшательства принца изъ французскаго королевскаго дома, т. е., графа Карла Валуа [221]), который долженъ былъ силою возвратить имъ утраченное господство. Во время собранія партіи, происходившаго осенью 1300 г. въ церкви Всѣхъ Святыхъ [222]), предложеніе это было принято и посольство къ папѣ отправлено.

---

220). Я могу тѣмъ рѣшительнѣе предположить, что, еслибъ Дантъ уже написалъ въ то время это сочиненіе, оно не осталось бы тайной, такъ какъ оно отличается чрезвычайно живымъ характеромъ, и должно было дѣйствовать на публику. О времени возникновенія этой книги и о различныхъ причинахъ, которыя говорятъ противъ ея ранняго появленія, мы поговоримъ впослѣдствіи подробнѣе.

221). Виллани, VIII, гл. 42.

222). Намъ не вполнѣ достовѣрно извѣстно время, когда происходило упомянутое выше собраніе. Что оно не совпало со временемъ пріората Данта, кажется мнѣ вѣрнымъ, и это можетъ по справедливости быть усмотрѣно изъ сообщаемыхъ L. Aret. (l. c., p. 37) словъ его, хотя самъ онъ держится противоположнаго взгляда. Если Дантъ говоритъ, что не участвовалъ только въ призваніи обратно Бѣлыхъ, то это вполнѣ понятно, такъ какъ относительно ихъ изгнанія ему вообще не приходилось оправдываться передъ своими противниками. Виллани не высказывается опредѣленнѣе относительно времени собранія, но, такъ какъ папа находился, очевидно, въ сношеніяхъ съ Карломъ Валуа уже въ октябрѣ (ср ниже прим. 227), то обращеніе къ нему Черныхъ совершилось, вѣроятно, не многимъ позднѣе.

Но, какъ ни таинственно велась эта интрига, бывшая ни болѣе и ни менѣе какъ заговоромъ противъ республики, слухъ о ней все-таки разнесся. Недовѣрчивый народъ взволновался и потребовалъ отъ синьоріи строгаго слѣдствія и наказанія виновныхъ. Результатомъ этого требованія было то, что Корсо Донати, глава заговора, былъ приговоренъ къ изгнанію изъ предѣловъ республики и къ конфискаціи имущества [223]), остальные же выдающіеся участники этого собранія были приговорены къ заключенію въ одномъ изъ замковъ страны и къ значительной денежной пенѣ. Для сохраненія личины безпристрастія, а быть-можетъ, и для обезпеченія спокойствія, многіе вожди Бѣлыхъ были одновременно съ этимъ высланы въ Сарцану, въ сѣверной части флорентинской территоріи. Въ числѣ ихъ находился старѣйшій и ближайшій другъ Данта, Гвидо Кавальканти, заболѣвшій на мѣстѣ своего изгнанія и вскорѣ получившій поэтому (хотя, впрочемъ, вмѣстѣ съ товарищами), позволеніе вернуться во Флоренцію, гдѣ онъ и умеръ немного времени спустя [224]). Для Данта это была несомнѣнно тяжкая потеря; уже болѣе десяти лѣтъ ихъ связывала тѣснѣйшая дружба, скрѣпленная поэзіею и усиленная политикою, хотя болѣе пожилой и всегда быстрѣе дѣйствовавшій Кавальканти, какимъ ярымъ приверженцемъ Бѣлыхъ онъ бы намъ ни

---

223). Виллани (VIII, 42) говоритъ о Корсо Донати, что онъ былъ „condannato nell avere e nella persona“, и вслѣдъ за тѣмъ (гл. 43) снова заставляетъ его появиться у папскаго двора. Виллани нигдѣ не говоритъ о простомъ заключеніи Корсо Донати и о послѣдовавшемъ за этимъ нарушеніи этого заключенія, о которомъ упоминаетъ мнимый Dino Compagni, выставлявшій смертный приговоръ и конфискацію имущества послѣдствіемъ этого нарушенія. Поразительно, что Perrens (III, 29) также заставляетъ Корсо Донати нарушить приговоръ и лишь тогда отправиться въ Римъ, но онъ не ссылается ни на какіе источники.

224). Виллани VIII, 42.—Относительно мѣста изгнанія, мнѣнія, какъ извѣстно, расходятся, такъ какъ Виллани упоминаетъ о Сареццано въ Маремахъ, всѣ же остальные о Сарцанѣ на Магрѣ. Perrens (l. c., III, 28) справедливо находитъ неправдоподобнымъ, чтобы господствовавшіе Бѣлые выслали своихъ собственныхъ приверженцевъ въ столь завѣдомо нездоровое мѣсто, какъ Сареццано.—Что Дантъ уже не былъ болѣе пріоромъ, когда послѣдовало возвращеніе Гвидо Кавальканти и его товарищей, сообщается имъ самимъ въ письмѣ, приведенномъ Leon. Aret. По нашему мнѣнію, онъ не занималъ болѣе должности и во время произнесенія приговора объ изгнаніи, и такимъ образомъ біографія поэта становится на одну характерную черту бѣднѣе. Но для насъ всего важнѣе точность и критическое опредѣленіе фактовъ, и при всемъ уваженіи къ Leon. Aret. нельзя доказать и сдѣлать правдоподобнымъ, чтобы собраніе въ церкви Всѣхъ Святыхъ происходило еще прежде 14 августа 1300 г. См. прим. 223 и 227

казался, остался позади болѣе молодого друга, уже достигнувшаго своего гибеллинскаго идеала [225]).

Вмѣшательство французскаго принца въ пользу флорентинскихъ Черныхъ осуществилось, несмотря на кару, постигшую виновниковъ этого предложенія, и можно предположить, что Корсо Донати, бѣжавшій послѣ своего изгнанія къ папскому двору, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для достиженія этой цѣли.[226]). Однако для насъ несомнѣнно, что первоначальная иниціатива пресловутаго похода Карла Валуа исходила не отъ флорентинскихъ Черныхъ, а отъ самого папы, и что только узнавъ о намѣреніяхъ ихъ патрона, Черные приняли рѣшеніе, впрочемъ, весьма естественное для нихъ, и съ своей стороны не оставили ничего неиспытаннымъ, что могло бы помочь имъ вернуть утраченное могущество и отмстить противникамъ. Папа былъ слишкомъ самостоятеленъ и слишкомъ склоненъ къ насильственнымъ мѣрамъ, для того чтобы его флорентинскимъ приверженцамъ было нужно дать ему поводъ къ вмѣшательству въ это дѣло, вообще охватывавшее гораздо болѣе обширную сферу. И дѣйствительно, Бонифацій уже велъ переговоры съ Карломъ Валуа въ такое время, когда по всему, что намъ извѣстно, собраніе Черныхъ въ флорентинской церкви Всѣхъ Святыхъ еще не успѣло состояться. Бонифацію нужно было добиться не только возстановленія господства Гвельфовъ во Флоренціи и въ Тосканѣ вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ снова завоевать съ помощью французскаго принца для своего вассала, короля Карла Неаполитанскаго, неспособнаго сдѣлать это собственными средствами, отнятый у него аррагонскимъ домомъ островъ Сицилію, и вообще поразить уничтожающимъ ударомъ анти-папскую, гибеллинскую партію въ Италіи. Все это, на основаніи оффиціальныхъ заявленій самаго папы, должно было служить лишь подготовленіемъ къ походу противъ невѣрныхъ и освобожденію святыхъ мѣстъ. Для того, чтобы имѣть средства къ выполненію этого плана, папа

---

225). Стихи Ада, 10, 60—63:

„Ed io a lui: Da me stesso non vegno:
Colui che attende la, per qui me mena
Forse cui Guido vostro ebbe a disdegno“

должны, по моему мнѣнію, быть поняты въ этомъ смыслѣ, такъ какъ Виргилій, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, гораздо болѣе выступаетъ въ качествѣ спутника Данта въ Божественной Комедіи, чѣмъ въ качествѣ простого автора Энеиды и эклогъ. Ср. также Чистилище 23, 118.

226). Виллани, VIII, 43.

еще въ ноябрѣ 1300 года нотребовалъ отъ французскаго духовенства десятину съ его доходовъ [227]).

Графъ Карлъ Валуа, братъ французскаго короля Филиппа Прекраснаго, безъ сопротивленія согласился послѣдовать призыву папы. Младшій членъ своего дома, полный честолюбія и притязаній, не имѣя дѣйствительной власти и прозванный поэтому «Безземельнымъ»,—могъ ли онъ устоять противъ приманки сицилійской короны, и кромѣ того еще и греческаго императорскаго вѣнца, которымъ манилъ его Бонифацій. [228]) Онъ уже достаточно доказалъ, что обладаетъ всѣми нужными для такого предпріятія военными дарованіями; но и суровость и жестокость также являлись отличительными чертами его характера, къ тому же далеко не свободнаго отъ большой склонности къ насилію и вѣроломству. Такое порученіе, отнюдь не противорѣчило интересамъ французской политики, и братъ Карла, король Филиппъ Прекрасный, тѣмъ съ большей предупредительностью пошелъ на встрѣчу желаніямъ папы, что ему по разнымъ причинамъ было пріятно, чтобы его неудобный, безпокойный братъ былъ занятъ внѣ предѣловъ отечества. Такимъ образомъ, по мнѣнію нетерпѣливаго папы, ничто не препятствовало болѣе осуществленію похода.

На данныя въ его распоряженіе средства Карлъ Валуа долженъ

---

227). Что папа съ самаго начала хотѣлъ напрявить графа Карла Валуа противъ тосканскихъ Бѣлыхъ, а главное противъ Флоренціи, видно изъ его посланія къ французскому духовенству отъ 21 ноября 1300 года. Бонифацій прямо говоритъ тутъ о какой-то тосканской партіи, отказывавшейся повиноваться папскому престолу. Посланіе это находится у Тости и гласитъ такъ: „Status insuper Tusciae impetitur admodum fluctibus scandalorum; civitates, loca et incolae ipsi matri ecclesiae subjecta rebellant, nequitiae venena fundentia et laborantia ingratitudnis vitio contra eam et nisi eorum insolentiae compescantur, invalescent plurimum rebelliones ipsorum et periculose succrescent.“ Смыслъ и связь этого папскаго посланія вообще заключается въ томъ, что слѣдуетъ завоевать прежде всего Сицилію и покорить остальныхъ противниковъ церкви въ Италіи, а потомъ уже приступить къ завоеванію св. мѣстъ. Далѣе говорится:—„ut—tranquillato stato Siciliae alliisque Italiae rebellibus subjugatis ac ad nostra et dictae sedis mandata reductis, de opportuno ipsius Terrae sanctae succursu passit utiliuse et efficcacius provideri.“— Ср. Potthast, Regesta pontif. Rom. p. 1198. Нѣтъ никакой причины отнести вмѣстѣ съ Perrens это посланіе къ декабрю (l. c., стр. 32, 4). Однако возможно, что это было не первое посланіе папы къ французскому духовенству, написанное по этому поводу.

228). Карлъ заявлялъ притязанія на греческую императорскую корону на основаніи своего брака съ Екатериною де-Куртенэ. Но уже тогда Бонифацій манилъ его будто-бы нѣмецкою императорскою короною (Друманнъ, l. c.; II, стр. 53, прим. 5). Однако извѣстіе это недостаточно достовѣрно, какъ ни правдоподобно оно звучитъ.

былъ собрать значительный корпусъ французскихъ войскъ и немедленно послѣ 1 января 1301 года приступить къ переходу черезъ Альпы. Однако для принца дѣло было, очевидно, не такъ спѣшно, какъ для папы; онъ собралъ нужное число войскъ гораздо медленнѣе, чѣмъ того желалъ Бонифацій. Словомъ, было уже начало августа (1301), когда онъ съ своимъ войскомъ вступилъ на итальянскую почву и направился къ папскому двору. Черные надѣялись, что онъ мимоходомъ нанесетъ ударъ Пистойѣ, теперь находившейся окончательно въ рукахъ Бѣлыхъ т. е., флорентинцевъ, но онъ этого не сдѣлалъ, миновавъ точно также и Флоренцію. Въ концѣ августа [229]) онъ прибылъ въ Ананьи (Anagni), гдѣ Бонифацій жилъ всего охотнѣе, такъ какъ это было мѣсто его рожденья, и гдѣ онъ съ конца апрѣля расположилъ свой дворъ[230]). Если первоначально папа поставилъ во главѣ предназначенной для Карла Валуа задачи покореніе Сицилій, то теперь программа эта получила противъ желанія принца существенное измѣненіе, такъ какъ, въ виду поздняго времени года и неоконченныхъ приготовленій Бонифацій отсрочилъ походъ до слѣдующей весны и потребовалъ прежде всего «усмиренія» Тосканы [231]). Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы Бонифацій, призывая Карла, думалъ съ самаго начала лишь о наказаніи флорентинскихъ Бѣлыхъ, и что все остальное было, болѣе или менѣе, однимъ только предлогомъ.—Карлъ дѣйствительно выступилъ въ походъ на цѣлыхъ полгода позднѣе, чѣмъ этого желалъ папа:—но достовѣрно, что немедленно по его прибытіи Бонифацій рѣшился воспользоваться имъ прежде всего для покоренія Тосканы и принялъ нужныя для этого мѣры. Словомъ, Бонифацій уже 3 сентября провозгласилъ Карла главнокомандующимъ надъ войсками, защитникомъ церкви, имперскимъ намѣстникомъ и умиротворителемъ Тосканы [232]). Послѣднее могло, правда, казаться прямымъ посягательствомъ на права имперіи, но, какъ извѣстно, Бонифацій не признавалъ въ то время нѣмецкаго короля Альбрехта I Габсбургскаго, и поэтому, въ виду мнимо-продолжительной вакантности трона, онъ по справедливости могъ рас-

---

[229]). Два, касавшіеся Карла, папскіе документа отъ 3 сентября 1301 г. (Potthast, l. c., p. 2003 и 2004) указываютъ на пребываніе его въ Ананьи (Anagni). Виллани (l. c., 49) говоритъ, правда, что Карлъ прибылъ въ Ананьи въ сентябрѣ; рѣчь идетъ такимъ образомъ лишь о нѣсколькихъ дняхъ раньше или позднѣе.

[230]). См. Potthast, l. c., стр. 2002.

[231]). Виллани, VIII, гл. 49.

[232]). См. прим. 229.

поряжаться имперскими правами въ Италіи въ духѣ своихъ неограниченныхъ ѳеократическихъ замысловъ; изъ Ананьи папа отправился въ Римъ, а Карлъ двинулся къ Тосканѣ. Было около средины октября. [233]).

Флорентинцы, т. е., господствовавшая партія Бѣлыхъ, кажется, не скоро замѣтила грозившую имъ опасность, по крайней мѣрѣ, не раньше того, какъ было принято при папскомъ дворѣ окончательное, направленное противъ нихъ рѣшеніе, и вѣсть объ этомъ достигла до нихъ. Даже послѣ неудачной попытки посредничества кардинала Маттео д'Акваспарта они держались политики, далеко не благопріятной папѣ. Они приняли извѣстныя намъ мѣры лишь для того, чтобы освободиться отъ отлученія и проклятія, произнесеннаго надъ городомъ въ то время, когда разгнѣванный кардиналъ покидалъ Флоренцію [234]); въ остальномъ же они отнюдь не подчинялись выраженнымъ имъ папскимъ желаніямъ, не говоря уже о наказаніи, назначенномъ Чернымъ еще за годъ передъ тѣмъ. Вопреки всему, они, кажется, дѣйствительно, вѣрили долгое время, что появленіе въ Италіи Карла Валуа не имѣетъ другой цѣли, кромѣ поддержки нападенія на Сицилію. Теперь, когда они не могли уже болѣе заблуждаться относительно того, что ихъ ожидало, они рѣшились отправить къ папѣ посольство, съ цѣлью умиротворить его и предупредить грозившую имъ опасность. Нельзя не сознаться, что нужна была немалая доля оптимизма для того, чтобы повѣрить, что подобная попытка, предпринятая въ послѣднюю минуту, можетъ имѣть хоть какой-нибудь успѣхъ. Среди людей, избранныхъ для этого щекотливаго порученія, находился и Дантъ [235]). По всему видно, что онъ навѣрно не раздѣлялъ этого оптимизма и, если тѣмъ не менѣе принялъ на себя это порученіе, то его пламеннаго патріотизма достаточно для того, чтобы объяснить намъ, почему онъ могъ принести жертву, даже считая ее съ самаго начала безполезною. Избраніе его можетъ удивить насъ потому, что мы имѣемъ основаніе предположить, что именно Дантъ по прежнему стойко стоялъ на сторонѣ

---

[233]). Папа пишетъ указанн. документы 2 октября еще въ Ананьи, 17 октября уже въ Латеранѣ (Potthast, l. c. p. 2004).

[234]). См. выше прим. 217.

[235]). Boccaccio, Vita di Dante.—Lion. Aret., l. c., стр. 41.—Виллани, Пьери Паолино, и другіе источники, близкіе къ тому времени, умалчиваютъ объ этомъ посольствѣ; однако я не осмѣливаюсь подвергнуть сомнѣнію это извѣстіе. Scheffer-Boichorst, отвергая относящееся сюда сообщеніе Дино, какъ будто отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все преданіе вообще.

антипапской партіи, если мы и не рѣшаемся прямо считать его вождемъ ея,—и это настроеніе его не могло быть тайной для папскаго двора [236]).

Какъ бы то ни было, онъ принялъ на себя эту миссію и пустился въ путь съ своими тремя товарищами во второй половинѣ сентября[237]). Произнесъ ли поэтъ при этомъ случаѣ пресловутыя слова: «Если я пойду, кто останется? если я останусь, кто пойдетъ?», до сихъ поръ не доказано, такъ какъ Боккачьо является единственнымъ авторитетомъ, ихъ сообщающимъ, остальные же современники поразительнымъ образомъ молчатъ вообще объ этомъ посольствѣ. Несомнѣнно, что враги Данта мотивировали, между прочимъ, впослѣдствіи произнесенный противъ него приговоръ объ изгнаніи тѣмъ сопротивленіемъ, которое онъ оказалъ походу Карла Валуа во Флоренцію [238]). Какъ-бы то ни было, посольство, прибывшее въ Римъ никакъ не раньше начала октября, осталось, какъ и слѣдовало ожидать, безуспѣшнымъ, и только преднамѣренно задерживалось. Тѣмъ не менѣе странное впечатлѣніе должна была производить эта личная встрѣча ѳеократическаго папы съ Гибеллиномъ-поэтомъ! Здѣсь встрѣтились два, наиболѣе рѣзкіе, контраста; съ одной стороны самые энергическіе представители ѳеократическаго государства, съ другой—государства свѣтскаго, автономнаго; страстный защитникъ погибающей системы и защитникъ системы побѣдоносно-

---

[236]). Еще въ іюнѣ Бонифацій потребовалъ военной поддержки въ 100 человѣкъ, для покоренія мятежныхъ городовъ Романьи. Когда это требованіе было пущено на голоса во Флоренціи, Дантъ подалъ голосъ противъ.—Ср. Фратичелли, Vita di Dante, гдѣ (стр. 131—135) сообщены голосованія 1301 года. Подъ 19 іюня читаемъ: „Dante Alagherii consuluit, quod de servitio faciendo domino Papae nihil fiat.“—Тамъ-же на стр. 147, прим. 20, приводится слѣдующая оригинальная замѣтка: „Nota quod in processu contra Dantem Alagherii pro ejus expulsione formato, fuit inter alia intentatum, quod ipse fecerat contra presentem reformationem, ne regi (Siciliae) Karolo daretur subsidium postulatum ad ea, de quibus, in reformatione fit mentio“. Эта замѣтка не можетъ относиться къ 26 марта 1302 года, такъ какъ въ это время Дантъ былъ уже завѣдомо изгнанъ изъ Флоренціи, а относится къ 1301 году, когда Дантъ могъ еще принять во Флоренціи участіе въ голосованіи, не позже марта. Если это толкованіе правильно, то изъ него слѣдуетъ, что подобное требованіе было сдѣлано Флорентинцамъ въ мартѣ 1301 года. Если принять въ соображеніе, что Флорентинцы начинали годъ съ 25 марта, то это, быть можетъ, всего проще разъяснитъ кажущееся противорѣчіе.

[237]). 17 сентября Дантъ участвовалъ еще во Флоренціи въ голосованіи „ссвѣта ста“ (Fraticelli, l. c., стр. 136). Онъ могъ поэтому выѣхать лишь послѣ этого времени.

[238]). Ср. въ приложеніи первомъ декретъ объ изгнаніи Данта и его товарищей, отъ 27 января 1302 г.

возникающей, которой принадлежало будущее! Не мудрено, если они отталкивали другъ друга. И дѣйствительно, въ сердцѣ Данта зародилась неугасимая злоба, можно сказать, ненависть къ папѣ, такъ явно и предательски вмѣшавшагося въ судьбу его родного города и въ его собственную [239]). Онъ преслѣдовалъ его впослѣдствіи бичемъ своего гнѣва отъ глубины ада до самыхъ возвышенныхъ круговъ рая, до близости божества, клеймилъ его, какъ дерзкаго узурпатора папскаго престола, какъ врага Бога и человѣчества, и пламенными, непреходящими чертами передалъ въ стихахъ всю сумму своихъ обвиненій [240]).

Онъ видѣлъ въ немъ воплощеніе всего развращенія церкви, какъ онъ ее понималъ, и впослѣдствіи мы увидимъ еще яснѣе, какъ его нападенія на выродившееся папство сливались съ его нападеніями на Бонифація.

Въ то время, какъ Дантъ, задерживаемый папою, находился въ Римѣ, судьба его родного города, да и его собственная, совершалась. Приблизительно около средины октября «миротворецъ» переступилъ флорентинскую границу вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ, сопровождаемый

---

[239]). Въ Раю, XVII, 49, онъ заставляетъ предсказывать себѣ свое предстоящее изгнаніе изъ Флоренціи.

„Questo si vuole, questo gia si cerca
E tosto verrà fatto, a chi cio pensa
Là dove Crista tutto di si merca".

[240]). Ср. Адъ, 19, 53. Рай, 30, 148. Адъ, 27, 77, гдѣ Дантъ заставляетъ Гвидо ди Монтефельтро произносить тяжкія обвиненія противъ Бонифація по поводу разоренія Палестрины противъ „il gran prete, a cui mal prenda Lo Principe de nuovi Farisei", враги котораго не Сарацины или Іудеи, а христіане, который болѣетъ горячкой заносчивости и т. д. Сюда относятся и тяжкіе упреки, влагаемые Дантомъ въ уста самаго св. Петра (Рай 27, 22):

«Quegli ch ussurpa in terra il loco mio,
Il loco mio, il loco mio, che vaca
Nella presenza del Figliuol di Dio,
Fatto ha del cimitero mio cloaca
Del sangue e della puzza, onde il perverso,
Che cadde di quassu, leggia si placca".

Ср. въ Раю, 27, 49, то мѣсто, относящееся къ самому Данту и которое мы приведемъ въ концѣ этой главы.—Увлеченіе, до котораго доходитъ Тости въ названномъ своемъ сочиненіи (II, 106) по поводу Данта и Бонифація, слишкомъ поразительно для того, чтобы я могъ не помянуть о немъ, хотя бы для контраста. У него стоитъ буквально „Ora se mi e dato poëtare nella storia, affermeto, che se que due solemni spiriti, dico di Bonifacio e Dante, si siano rincontrati puri e scevorati di questa bassa natura, non dubito che si siano giunti nel bacio del perdono e le papali chiavi siano posate in segno di pace sul volume della Divina Commedia."

значительнымъ числомъ изгнанныхъ или бѣглыхъ Гвельфовъ и Черныхъ, и между ними Корсо Донати. Онъ прежде всего остановился въ Сіенѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ замкѣ, недалеко отъ Поджибонци. Здѣсь онъ принялъ депутацію отъ флорентинскихъ Бѣлыхъ, прибывшихъ для того, чтобы переговорить съ нимъ относительно его миссіи. Мысль отказать миротворцу въ доступѣ во Флоренцію, какъ ни естественна она была и какъ ни живо она обсуждалась, не одержала верхъ. На внѣшнюю поддержку республика не могла надѣяться; къ собственнымъ оборонительнымъ силамъ она не имѣла довѣрія. Къ тому же со стороны Карла не было недостатка въ самыхъ дружескихъ и мирныхъ увѣреніяхъ, и такимъ образомъ 28 октября было рѣшено допустить принца въ городъ, что равнялось признанію его мирной миссіи [241]).

Въ день Всѣхъ Святыхъ, 1 ноября 1301 г. Карлъ Валуа торжественно вступилъ во Флоренцію[242]) и помѣстился во дворцѣ Фрескобальди. Четыре дня спустя, правда, только послѣ живѣйшаго сопротивленія, ему была вручена синьорія, т. е., управленіе и охрана города. Принцъ, принимая на себя эти вынужденныя полномочія, принесъ самолично клятву пользоваться ими лишь для блага и мира республики. Тѣмъ не менѣе, лишь только власть была въ ихъ рукахъ, какъ онъ и его приближенные приняли совершенно иной тонъ, ужасающимъ образомъ противорѣчившій ихъ клятвѣ. Часть изгнанныхъ Бѣлыхъ и Черныхъ вкралась въ собственную свиту Карла и число ихъ увеличивалось теперь со дня на день, съ часу на часъ. Улицы наполнялись вооруженными французами и Черными; городъ внезапно очутился точно на военномъ или въ осадномъ положеніи. Бѣлые уже не рѣшались болѣе покидать свои жилища и укрѣплялись, какъ можно лучше, второпяхъ. Если оставалось еще хоть малѣйшее сомнѣніе въ вѣроломствѣ миротворца, оно вскорѣ было окончательно разсѣяно. Корсо Донати, самый виновный изъ зачинщиковъ отнынѣ уже неизбѣжнаго зла, сопровождавшій Карла Валуа до воротъ Флоренціи и тутъ только остановившійся, не могъ болѣе сдержать свое нетерпѣніе и уже 5 ноября осмѣлился, не безъ разрѣшенія со стороны принца, пробить себѣ дорогу въ городъ, гдѣ его ждали члены его партіи [243]). Не успѣлъ онъ прибыть на площадь св. Петра,

---

[241]). Виллани, VIII, 48.—Perrens, l. c, стр. 43—44.

[242]). Показаніе такъ назыв. Дино Компаньи будто Карлъ вступилъ во Флоренцію лишь 4 ноября, вполнѣ опровергнуто, какъ извѣстно, въ новѣйшее время. Ср. Scheffer-Boichorst, l. c., стр. 142—143. и приложенія 1.

[243]). Pieri Paolino, l. c. подъ 1301 годомъ. Виллани, l. c.—Perrens, III, стр. 48 и слѣд.

какъ онъ увидалъ себя окруженнымъ своими приверженцами, и неразумная, легковѣрная масса привѣтствовала его возгласомъ: «Да здравствуетъ баронъ!» Полный жажды мести, онъ немедленно обратился противъ своихъ соперниковъ и, сталъ поджигать дома тѣхъ изъ Бѣлыхъ, которые были пріорами во время его изгнанія; огонь распространился далѣе, приверженцы его начали грабить и опустошать все; онъ имъ не мѣшалъ, продолжалъ свой путь, взялъ въ плѣнъ попадавшихся ему въ руки Бѣлыхъ и не отпускалъ ихъ, пока они не платили ему значительнаго выкупа. Гвельфы и Черные торжествовали и миротворецъ давалъ имъ полную волю. Какъ и слѣдовало ожидать, домъ отсутствовавшаго Данта былъ также разграбленъ и разрушенъ при этомъ [244]). О сопротивленіи и думать было нечего; все теперь во Флоренціи походило на то, что дѣлалось въ Римѣ въ дни римскихъ проскрипцій. Всѣ связи были порваны. Многіе бѣдные разбогатѣли; богатые стали бѣдными. Изъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ въ спискѣ, ни одинъ, такъ или иначе, не избѣгнулъ своей участи, и все это были Бѣлые. Изъ города анархія, насилія и опустошенія распространились по всей странѣ, пока наконецъ не ослабѣли руки, жаждавшія убійствъ и разрушенія. Законная власть пріоровъ, которые съ самаго начала движенія добровольно отстранились, была отмѣнена Карломъ еще 7 ноября и передана вслѣдъ затѣмъ людямъ, соотвѣтствовавшимъ его цѣлямъ, т. е. Чернымъ [245]). Приговоры, произнесенные за годъ передъ тѣмъ Корсо Донати и его друзьями, были вслѣдъ затѣмъ формально отмѣнены и имъ было обѣщано полное вознагражденіе. Этимъ, однако, далеко не кончилось дѣло «умиротворенія». Если сначала месть Черныхъ изливалась безпорядочно и съ дикимъ наслажденіемъ на ихъ противниковъ, то теперь она должна была получить свое завершеніе въ законной формѣ. Всѣ Бѣлые были приглашены Карломъ Валуа вернуться, и кто только появлялся, былъ изгоняемъ изъ города, къ границамъ флорентинскихъ владѣній; тѣ же, которые не послѣдовали зову,—и они составляли большинство, осуждались, какъ мятежники и измѣнники, и если только попадались въ

---

244) Boccaccio, Vita di Dante. Leon. Aret., l. c., стр. 45.

245) Смот. Scheffer-Boichorst, стр. 212, гдѣ онъ съ достаточной правдоподобностью относитъ стихи Чистилища, 6,142, къ назначенію пріоровъ, вступившихъ въ должность 15 октября и обязанныхъ по закону оставаться въ этой должности до 15 декабря;

„ che fui tanto sottili
Provvedimenti, che a mezzo Novembre
Non giunge quel a che fu d'Ottobre fili".

руки властей, заточались въ темницу, откуда ихъ выпускали за большой выкупъ [246]).

Это было болѣе того, чего желалъ даже самъ Бонифацій въ своемъ гнѣвѣ, и за что онъ, вѣроятно, считалъ возможнымъ взять на себя отвѣтственность; онъ счелъ, поэтому, своевременнымъ вмѣшаться въ дѣло и остановить безпощаднаго ревнителя умиротворенія. Для этой цѣли онъ снова отрядилъ во Флоренцію знакомаго уже намъ кардинала Маттео д'Акваспарта, съ порученіемъ помогать своей опытностью принцу въ столь славно начатомъ имъ дѣлѣ умиротворенія и внушить ему болѣе умѣренности въ осуществленіи порученнаго ему дѣла [247]). Но эта мѣра папы не соотвѣтствовала взглядамъ Корсо Донати и его партіи, а такъ же мало и склонностямъ самого Карла Валуа. Поэтому, кардиналъ встрѣтилъ при осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній такія сильныя препятствія, что вскорѣ покинулъ городъ и, какъ уже было разъ, снова произнесъ въ своей заносчивости надъ нимъ отлученіе [248]).

Черные никоимъ образомъ и никому не хотѣли дозволить умалить разъ одержанную побѣду и приступили теперь къ увѣнчанію дѣла своей мести и обезпеченію своего господства и въ будущемъ. Для этого прежде всего новая проскрипція должна была коснуться тѣхъ изъ ихъ противниковъ, которые находились въ должности во время ихъ пораженія; и ударъ этотъ, дѣйствительно нанесенный ими, поразилъ и задерживаемаго въ Римѣ Данта. Можно было предвидѣть, что ему отъ Черныхъ нельзя ожидать никакой пощады. 27 января 1302 г. былъ произнесенъ приговоръ надъ нимъ и надъ тремя изъ его прежнихъ товарищей по должности. Всѣ они были приговорены къ денежной пенѣ въ 3000 лиръ: въ случаѣ неуплаты ихъ въ теченіе трехъ дней, ихъ имущество должно было быть или уничтожено или продано; но даже и въ случаѣ правильной уплаты ихъ обязывали не показываться въ Тосканѣ въ теченіе двухъ лѣтъ и кромѣ того лишали ихъ права когда бы то ни было занимать общественную должность въ городѣ или же въ области. Приговоръ былъ мотивированъ такъ — они вообще обвиняются на основаніи «общественныхъ слуховъ», въ томъ въ особенности что противились папѣ и «при-

246) Ib. Villani, l. c.—Pieri Paolino.—Perrens, l. c., passim.

247) Относящееся къ этому дѣлу посланіе папы къ кардиналу помѣчено 2 декабря 1301 г. См. Potthast, стр. 2006. Въ послѣдній разъ оно было напечатано цѣликомъ у Тости, II, 293.

248) Pieri Paolino, стр. 71.—Виллани, VIII, 48; онъ однако относитъ прибытіе кардинала къ ноябрю, вмѣсто декабря.

бытію Карла Валуа и совершили обманы и вымогательства»[249]). Приговоръ этотъ былъ изготовленъ благодаря стараніямъ подеста, мессера Канте де' Габріелли, страстнаго приверженца Черныхъ. Это былъ настоящій революціонный судья; онъ хотѣлъ во что бы то ни стало отыскивать виновныхъ и не искалъ даже вовсе доказательствъ въ поддержку своихъ приговоровъ. Послѣ всего, что мы знаемъ о характерѣ Данта и въ особенности о его образѣ дѣйствій во время смутъ, добросовѣстно разслѣдованномъ теперь даже въ мелочахъ, намъ нечего доказывать, что тѣ «обманы и вымогательства», которыми попрекали Данта, были лживой клеветой, изобрѣтенной его торжествующими и мстительными врагами. И до него, и послѣ его времени эта уловка примѣнялась не разъ къ дѣлу въ революціонныя времена. Побѣжденный всегда становился въ этихъ случаяхъ виноватымъ[250]).

Но Флоренція не могла еще успокоиться. Бѣлые, правда, были унижены, отстранены отъ всѣхъ должностей, подобно тому, какъ прежде это было съ дворянствомъ; Гвельфы и часть пополанъ (т. е. партія Черныхъ) господствовали, но извѣстная группа ихъ противниковъ все еще находилась въ городѣ: прежняя ненависть еще пылала въ умахъ. Послѣ рождественскихъ праздниковъ 1301 года Черные нарушили миръ. Одинъ изъ членовъ рода Черки отправился за городъ, чтобъ доѣхать верхомъ до принадлежавшей ему мельницы; когда онъ проѣзжалъ мимо церкви Святого Креста, его подстерегъ племянникъ его съ материнской стороны, сынъ Корсо, Симонъ делли Донати. Онъ нагналъ его и убилъ своего дядю. Но и убійцѣ была нанесена смертельная рана, отъ которой онъ умеръ въ слѣдующую ночь[251]). Вражда и раздраженіе усилились; на Бѣлыхъ взвели обвиненіе, будто они желаютъ погубить виновника ихъ несчастій, Карла Валуа, и, раздавъ деньги между его свитой, составили планъ измѣны. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Черные представили въ самомъ мрачномъ видѣ это дѣло,—если вообще въ слухахъ этихъ было сколько нибудь правды. Они возбуждали Карла противъ Бѣлыхъ и вслѣдъ затѣмъ всѣ, кто только могъ по выдающемуся своему положенію опасаться за себя, покинули городъ[252]). Графъ Валуа велѣлъ тогда произнести надъ ними

---

[249]) Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, часто перепечатывался, — позднѣе всѣхъ у Фратичелли (стр. 147). Ради важности его для исторіи Данта и для характеристики его противниковъ я сообщаю его въ приложеніи.

[250]) Рай, XVII, 52: La colpa seguirà la parte offensa in grido, come suo.

[251]) Виллани, VIII, 49.

[252]) 4 апрѣля 1302 года.

приговоръ объ изгнаніи. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, 10-го марта, судебный приговоръ надъ отсутствующимъ Дантомъ и нѣкоторыми изъ его политическихъ друзей былъ возобновленъ и усиленъ добавленіемъ, гласившимъ, что въ случаѣ появленія ихъ во Флоренціи они будутъ сожжены живыми, такъ какъ своевременно не заплатили возложенной на нихъ пени [253]). Понятно, что это былъ ничтожнѣйшій предлогъ, потому что неспособность ихъ къ уплатѣ извѣстна была впередъ, такъ какъ дома и прочее имущество обвиненныхъ были разграблены или разорены, а Дантъ къ тому же находился въ отсутствіи.

Въ ту пору, когда противъ него произнесенъ былъ первый приговоръ, Данта уже не было при папскомъ дворѣ; вѣроятно, при первой же вѣсти о пріемѣ его роднымъ городомъ Карла Валуа онъ покинулъ Римъ. Его миссія была этимъ прервана, и то, чего онъ опасался, что хотѣлъ предотвратить, совершилось. Въ Сіенѣ онъ узналъ и объ участи своей партіи и о своей собственной судьбѣ. Ворота Флоренціи были для него закрыты,—а онъ оставилъ тамъ и жену и дѣтей. Мы не имѣемъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній объ ихъ судьбѣ во время этихъ ужасныхъ недѣль. Преданіе передаетъ, что донна Джемма спасла отъ крушенія нѣсколько обломковъ прежняго состоянія, назвавъ ихъ своимъ приданымъ [254]). Такъ какъ она была родственницей Корсо Донати, это можно счесть правдоподобнымъ; мы знаемъ навѣрно, что она не послѣдовала за своимъ мужемъ въ изгнаніе; но несмотря на это, мы не имѣемъ никакого основанія выводить изъ этого факта какія нибудь заключенія, какъ иные это уже дѣлали съ особой поспѣшностью. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Дантъ съ чувствомъ удовлетворенія смотрѣлъ на разлуку съ нею или чтобъ она мало привязана была

---

[253]) Текстъ этого приговора былъ найденъ заслуженнымъ гражданиномъ болонскимъ, Лодовико Савіоли, въ 1772 году въ флорентинскомъ городскомъ архивѣ. Впервые напечаталъ его Тирабоски въ своей исторіи итальянск. литературы (XIII, стр. 14—16). Упомянутое добавленіе, усилившее строгость приговора, звучитъ такъ: Qui non venientes per Clarum Clarissimi publicum bapnitorem poni se in bapno Communis Florentiae substulerunt: in quod incurrentes eosdem absentes contumacia innodavit, ut haec omnia nostrae Curiae latius acta tenent, ipsos et ipsorum quemlibet ideo habitos ex ipsorum contumacia pro confessis, secundum jura statuta et ordinamenta Communis et populi Civitatis Florentiae, et ex vigore nostri arbitrii et omni modo et jure quibus melius possumus, ut si quis praedictorum ullo tempore in fortiam dicti Communis pervenerit, talis perveniens igne comburatur sic quod moriatur, in his scriptis sententialiter condepnamus.

[254]) См. у Боккачьо, въ его „Жизни Данта".

къ нему, такъ какъ не раздѣлила съ нимъ его судьбу. Дантъ, теперь совсѣмъ обнищавшій, безпріютный, не могъ въ первое время ничего дать имъ, и во Флоренціи они были, конечно, въ лучшемъ пристанищѣ. Къ тому же онъ вовсе не отказывался отъ надежды вернуться во Флоренцію; мы вскорѣ узнаемъ, что и онъ и его сотоварищи по несчастію принимали серьозныя мѣры для того, чтобъ открыть себѣ оружіемъ прегражденный путь. Когда-же и эти попытки не удались, его надежды значительно охладѣли, и мы уже ничего болѣе не слышимъ о его женѣ; она умерла приблизительно въ 1308 году. Впослѣдствіи онъ вызвалъ къ себѣ своихъ сыновей и заботился объ ихъ воспитаніи. Но что же могъ бы и въ эту пору скитанія начать съ женой и дѣтьми Дантъ, постоянно принужденный оставаться на чужой землѣ?.. Такова наша точка зрѣнія на вопросъ въ сущности второстепенный, котораго мы коснулись лишь для того, чтобъ оградить поэта отъ упрека, безполезно и несправедливо взведеннаго на него. Мы даже можемъ думать, что подъ «всѣми дорогими для него предметами», которые онъ принужденъ былъ покинуть вслѣдствіе своего изгнанія, онъ прежде всего разумѣлъ сво юсемью [255]). Прямой смыслъ приводимыхъ нами въ выноскѣ словъ его какъ бы понуждаетъ понимать ихъ именно въ этомъ духѣ.

Изгнаніе изъ Флоренціи вообще необыкновенно тяжко поразило его. Онъ никогда не могъ свыкнуться съ этой судьбой, научиться переносить ее; оттого-то онъ постоянно пытается сломить преграду, то силой, то добромъ; этимъ же объясняется въ послѣдніе годы его жизни трогательное желаніе его побѣдить жестокость противниковъ своею поэтической славой и снова вернуться въ то «прекрасное стадо», гдѣ «онъ бывало спалъ подобно ягненку» [256]). Въ этой идеально-космополитической натурѣ, которая считала отечествомъ своимъ всю землю, «какъ для рыбы родиной служитъ вся вода», является удивительною чертою, что она съ непреодолимой любовью привязана была лишь къ Флоренціи. Каждая страница сочиненій Данта свидѣтельствуетъ объ этомъ.

---

[255]) Рай, XVII, 55: Tu lascerai ogni cosa diletta
Piu caramente: e questo è quello strale
Che l'arco dell'esilio pria saetta.

[256]) Рай, XXV, 1: Se mai contiga, che l poema sacro
Vinca la crudeltà, che fuor mi serra
Del bello ovile, ov'io dormii agnello
Nimico a lupi, che gli danno guerra.

Еслибъ мы хотѣли допытаться, какъ-же судилъ самъ Дантъ о причинахъ своего изгнанія, то нашли бы весьма ясныя заявленія на этотъ счетъ. Онъ смотрѣлъ на это изгнаніе, естественно вызванное непоправимымъ болѣе ходомъ событій, съ истинной точки зрѣнія, т. е. считалъ его низкой местью своихъ враговъ, которые не могли простить ему, что онъ уже прежде прервалъ съ ними сношенія, что онъ противодѣйствовалъ, сколько могъ, замышляемой ими гибели Флоренціи и, быть-можетъ, отвергъ сдѣланныя ему предложенія [257]). Никогда, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ не отступилъ отъ того, что навлекло на него глубокую ненависть его противниковъ, а много времени спустя, когда ему обѣщали столь желанное имъ возвращеніе на родину подъ условіемъ раскаянія, онъ съ благороднымъ негодованіемъ отказался отъ этой льготы. «За твои правдивыя дѣла этотъ народъ станетъ твоимъ врагомъ», заставляетъ онъ въ аду Брунетто Латини предречь ему [258]). Оттого, что онъ такъ сильно любитъ Флоренцію (увѣряетъ онъ еще спустя нѣсколько лѣтъ), и постигло его несправедливое изгнаніе [259]). Безпристрастная исторія не могла не присоединяться во всѣ времена къ этому воззрѣнію, потому что въ данномъ случаѣ дѣло шло не объ его личныхъ идеалахъ, не объ его политическихъ фантазіяхъ, но о конкретномъ случаѣ, въ которомъ онъ иначе и поступить не могъ, не измѣняя себѣ и своимъ лучшимъ убѣжденіямъ.

Карлъ Валуа остался до 5 апрѣля во Флоренціи и помогъ Чернымъ довончить дѣло мщенія, полное уничтоженіе партіи Бѣлыхъ и надежное упроченіе господства, добытаго такимъ позорнымъ путемъ. Онъ отправился затѣмъ дѣйствительно въ Сицилію, но лишь затѣмъ, чтобъ вскорѣ заключить безславный миръ и безъ всякаго эффекта возвратиться во Францію [260]).

([257] Рай, XVII, 46:

Qual si parti Ipolito d'Atene
Per la spietata e perfida noverca
Tal di Fiorenza partir ti conviene.

[258]) Адъ, XV, 61:

Ma quello ingrato popolo maligno,
Ti si farà per tuo ben far nimico.

[259])См. разсужденіе De vulgari eloquio, I, гл. 6: Nos autem cui mundus est patria velut piscibus aequor, quamquam—Florentiam adeo diligamus, *ut quia dileximus, exilium patiamur injuste:*

[260]) Дантъ посвятилъ ему въ Божественной Комедіи (*Чистил.*, 20,71) слѣдующее воспоминаніе:

Tempo vegg'io, non molto dopo ancoi,
Che tragge un altro Carlo fuor di Francia

Папа, по всей вѣроятности, съ смѣшаннымъ чувствомъ отдавался радости, видя какъ успѣшно осуществилось порожденное имъ возстановленіе господства Гвельфовъ во Флоренціи при помощи принца изъ королевскаго французскаго дома: уже въ эту пору разгорался споръ съ главою Франціи, который, точно по повелѣнію мстящей Немезиды, направилъ всѣ силы именно этого дома на подавляющую борьбу съ Бонифаціемъ.

4.

Жизнь Данта въ изгнаніи до похода на Римъ императора Генриха VII.

Ранніе біографы Данта обыкновенно видѣли въ изгнаніи его изъ Флоренціи важную по своему вліянію поворотную точку въ его жизни, и не только внѣшней, но и внутренней и именно въ политическихъ его убѣжденіяхъ. Лишь съ этой минуты, думали они, онъ изъ Гвельфа становится Гибеллиномъ, лишь въ эту пору происходитъ въ немъ то превращеніе его политическихъ принциповъ, которое онъ затѣмъ отразилъ въ разнообразныхъ своихъ сочиненіяхъ и, въ не малой степени, и въ Божественной Комедіи. Эта точка зрѣнія въ новѣйшее время не разъ вызывала справедливые нападки, и если авторъ настоящей книги вообще можетъ имѣть какое-нибудь право на заслугу въ дѣлѣ вѣрнаго пониманія нашего поэта, то онъ всего охотнѣе желалъ бы видѣть ее именно въ томъ, что онъ выступилъ противъ этой точки зрѣнія не съ однимъ лишь общими заявленіями, но вооружившись несомнѣнными фактами. Мы не станемъ упоминать здѣсь о томъ, что планъ великой поэмы составленъ былъ завѣдомо раньше изгнанія Данта, и что самъ онъ, конечно, не безъ особаго основанія, отнесъ свое поэтическое странствіе ко времени раньше изгнанія, но необходимо все-таки повторить, что замѣченное нами внутреннее перерожденіе было

Per far conoscer meglio e se e i moi.
Senz'arme n'esce solo, e con la luncia
Con la qual giostrò Giuda. e quella ponta
Si ch'a Fiorenza fa scoppiar la pancia:
Quinde non terra, ma peccato et onta
Quadagnera, per sè tanto piu grave,
Quanto piu quanto lieve simil danno conta

Срав. у Виллани, VIII, 49.

безспорно результатомъ долгаго умственнаго процесса и никоимъ образомъ не явилось продуктомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а подъ конецъ даже такой случайности, какъ его изгнаніе. Подвергнуться изгнанію изъ своего родного города (какъ ни тяжко было для Данта переносить эту судьбу) было участью, постигавшей тогда въ итальянскихъ республикахъ цѣлыя тысячи людей и столь-же быстро смѣнявшейся инымъ поворотомъ судьбы. Въ борьбѣ тогдашнихъ партій это было нѣчто столь же естественное, какъ солнечный свѣтъ или дождь, и такъ-же быстро проявлялось и исчезало. Мы уже знаемъ, что Дантъ былъ изгнанъ потому, что дѣйствовалъ сообразно практическимъ указаніямъ усвоенныхъ имъ убѣжденій,—таковъ рѣшающій моментъ въ этомъ дѣлѣ. Не сослали-же его Гвельфы за то, что онъ еще раздѣлялъ тогда ихъ убѣжденія,—или же мы обязаны все еще вѣрить, будто причина была въ томъ, что онъ (какъ мы убѣждены) лишь впослѣдствіи высказалъ ихъ письменно, но не раздѣлялъ этихъ принциповъ прежде? Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ вѣрно лишь то, что онъ въ связи съ остальными изгнанными Гвельфами лишь послѣ изгнанія примкнулъ къ Гибеллинамъ, какъ организованной партіи, и вмѣстѣ съ ними велъ борьбу противъ Черныхъ во Флоренціи. Но изъ этого также не слѣдуетъ, что онъ только въ эту пору измѣнилъ свои политическія убѣжденія, а напротивъ, обнаруживается, что, въ сферѣ принциповъ, онъ нашелъ у этой партіи то сродство убѣжденій, которое дѣйствительно существовало между нею и Бѣлыми и вмѣстѣ съ общностью интересовъ побуждало ихъ къ сближенію другъ съ другомъ. Выводить изъ этого факта иное заключеніе въ томъ же смыслѣ потому уже нельзя, что Дантъ впослѣдствіи снова отдѣлился отъ флорентинскихъ Бѣлыхъ, при чемъ ничто не измѣнилось въ его гибеллинскихъ тенденціяхъ [261]).

Этимъ я не хочу сказать, чтобъ такое событіе, какъ изгнаніе Данта, подорвавшее и личную и политическую судьбу его, осталось безъ вліянія на его внутреннюю жизнь. Оно укрѣпило его коренной, жизненный принципъ, міровоззрѣніе, выработавшееся среди борьбы, усилило и обострило его, но не было вовсе причиной его зарожденія. Если въ его политическихъ взглядахъ произошла вслѣдствіе изгнанія принципіальная перемѣна, то она сказалась именно въ отношеніяхъ его къ народному господству. Со времени своего разрыва съ гвельфской аристократіей онъ примкнулъ къ господствовавшей народной

---

[261]) Фратичелли (стр. 154) также недостаточно обращаетъ вниманіе на это различіе, въ чемъ ему подалъ примѣръ еще Боккачьо въ *Жизни Данта*.

партіи, такъ какъ внѣ ея немыслима была политическая дѣятельность въ его родномъ городѣ, и затѣмъ онъ держался ея, такъ какъ вскорѣ оказалось немало точекъ соприкосновенія между его собственными принципами и цѣлями Бѣлыхъ; но съ увѣренностью можно утверждать, что это отношеніе его къ народной партіи послѣ великой катастрофы довольно быстро измѣнилось и его первоначальное внутреннее противорѣчіе со всякою демократіей проявилось снова. Объ этомъ еще намъ придется говорить далѣе. Что же касается дальнѣйшаго хода вещей во Флоренціи, то тѣ элементы, коалиція которыхъ вызвала паденіе Бѣлыхъ, продержались недолго въ связи между собою; въ средѣ самой партіи побѣдителей обнаружились новые контрасты, которые не безъ труда пришлось устранить ради спокойствія города.

Но займемся теперь въ особенности судьбою Данта во время его изгнанія.

Сіена была первымъ пунктомъ, гдѣ собрались вмѣстѣ изгнанные Бѣлые, и уже здѣсь они приняли рѣшеніе, вооруженной силой проложить себѣ возвратный путь во Флоренцію. Проявившійся вскорѣ расколъ въ средѣ побѣдоносныхъ Черныхъ могъ только поднять надежды изгнанниковъ: Карлъ Валуа предоставилъ наконецъ Черныхъ ихъ собственнымъ силамъ и (какъ мы уже знаемъ) по настоянію папы возвратился въ Римъ, съ тѣмъ чтобъ оттуда отправиться въ Сицилію. Дантъ также находился въ Сіенѣ [262]), примкнулъ къ своимъ товарищамъ по несчастью и раздѣлялъ ихъ намѣренія. Изъ Сіены они направились въ Горгонцу, аретинскій замокъ, рѣшили тамъ на совѣщаніи соединиться съ Гибеллинами изъ Тосканы и Романьи и назначили Ареццо, на первое время, сборнымъ мѣстомъ. Тутъ же они обсудили тѣ дѣйствія, которыя слѣдовало предпринять прежде всего. Наиболѣе важно было въ данную минуту сдерживать свои силы и ввести единство во всѣхъ начинаніяхъ. Поэтому они избрали себѣ военачальника въ лицѣ графа Алессандро Ромена, изъ стариннаго гибеллинскаго рода графовъ Гвиди [263]). Ему было придано двѣнадцать членовъ военнаго совѣта, и однимъ изъ нихъ былъ Дантъ [264]). Между полководцемъ и Дантомъ завяза-

---

[262]) Leon Aret. l. c., p. 49.

[263]) Тамъ же, p. 44.—Этого Алессандро Ромена не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ графомъ Ал. Ром., о которомъ упоминается, въ весьма незавидной обстановкѣ, въ *Аду*, XXX, 77; послѣдній былъ его двоюроднымъ братомъ и умеръ приблизительно въ 1306 г.

[264]) Pelli, Memorie, § 11.

лись близкія отношенія [256]): необыкновенная личность поэта не могла не производить повсюду сильнаго впечатлѣнія.

Лишь Ареццо и Пиза съумѣли одни успѣшно отстаивать дѣло Гибеллиновъ. Во главѣ города, въ качествѣ подеста, стоялъ Угуччьоне della Faggiuola, отважный и долгое время счастливый приверженецъ Гибеллиновъ. Проникнутый неукротимымъ честолюбіемъ, онъ все еще рвался впередъ, но не былъ безусловно надеженъ. Папа Бонифацій не спускалъ глазъ съ Бѣлыхъ даже послѣ ихъ изгнанія (иначе это и быть не могло) и, обѣщавъ Угуччьоне сдѣлать его племянника кардиналомъ, побудилъ его принять болѣе чѣмъ двусмысленное положеніе [266]). Поэтому изгнанники покинули Ареццо и искали себѣ убѣжища въ Форли. Здѣсь во главѣ республики находился Скарпетта делли Орделаффи, въ качествѣ папскаго намѣстника [267]). Онъ не только далъ имъ пріютъ, но и допустилъ склонить себя стать ихъ вождемъ [268]). Не обходимобыло пріобрѣтать союзниковъ; Пистойя уже безъ того была на ихъ сторонѣ, послѣ происшедшаго тамъ не задолго передъ тѣмъ изгнанія Черныхъ; съ гибеллинской Пизой они уже вступили въ переговоры, Болонья была расположена въ ихъ пользу,—и поэтому они старались теперь найти себѣ поддержку и въ Верхней Италіи, и, по указанію Скарпетты, отправили посольство къ Бартоломео делла Скала, властителю Вероны. Родъ Скала, послѣ небольшого промежутка времени, принялъ на себя наслѣдіе Эццелина, господство надъ Вероной. Альберто Скала умеръ въ 1301 году, и ему наслѣдовалъ старшій изъ трехъ его сыновей, Бартоломео. Эта династія одна только изъ всѣхъ подобныхъ семей по ту сторону По, имѣла будущность и отъ нея только одной Гибеллины могли еще ожидать чего нибудь для себя [269]). Въ этихъ видахъ Скар-

---

[265]) Это видно изъсоболѣзнующаго письма, которое Дантъ написалъ послѣ смерти Алессандро обоимъ его племянникамъ. См. Epistole di Dante Alighieri edite et inedite per cura di Alessandro Torri Veronese. Livorno, 1842.—Epistola II, p. 7.

[266]) Фратичелли, Storia della vita di Dante, p. 156.

[267]) C. Troya, il veltro allegorico, p. 13.

[268])Онъ предводительствовалъ Бѣлыми во время вторженія въ флорентинскую область (объ эт. смотр. ниже). Въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ графу Алессандро Ромена, не знаемъ. Послѣдній, вѣроятно, все-таки удержалъ за собой главное руководство всѣми операціями. Эта рѣшимость Орделаффи примкнуть къ Бѣлымъ и Гибеллинамъ, конечно, остается загадочною; нужно предположить, что вслѣдствіе начавшагося тѣмъ временемъ разрыва между папой и французскимъ королемъ Филиппомъ IV, онъ счелъ себя въ правѣ свободно дѣйствовать.

[269]) Ferreti Vicent. Historia V., 1022 и слѣд. (у Муратори, Scr., VIII) и Chronicon Veronese, auctore Parisio de Cereta, ibb., p. 634. sqq.

петта отправилъ къ правившему уже тогда Бартоломео требовать поддержки возстановленію господства флорентинскихъ Бѣлыхъ и вообще помощи дѣлу Гибеллиновъ. Для этого посольства онъ выбралъ Данта, котораго, какъ утверждаютъ, онъ еще прежде назначилъ своимъ секретаремъ[270]).

Это посольство было важнымъ моментомъ въ жизни Данта [271]). Онъ очень хорошо былъ принятъ въ Веронѣ и его удержали тамъ на довольно долгое время. Мы, правда, не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о результатѣ этого посольства,—но Бартоломео былъ человѣкъ образованный, и Дантъ впервые, послѣ того какъ оставилъ Флоренцію, почувствовалъ себя снова въ привычной обстановкѣ. Правитель осыпалъ его выраженіями дружбы и вниманія[272]). Здѣсь же Дантъ увидѣлъ въ первый разъ младшаго брата правителя, впослѣдствіи столь знаменитаго Кангранде, которому въ данную минуту едва только исполнилось двѣнадцать лѣтъ [273]). Дантъ не могъ предчувствовать, что послѣ длиннаго ряда годовъ онъ снова очутится изгнанникомъ въ Веронѣ, будетъ принятъ имъ и всѣ свои надежды возложитъ на него.

Быть можетъ, Дантъ еще не успѣлъ вернуться, какъ Бѣлые уже

---

[270]) Leon Bruni, l. c., p. 46.

[271]) Рай, XVII, 70:

Lo primo tuo rifugio e'l primo ostello
Sarà la cortesia del gran Lombardo,
Che'n su la Scala porta il santo uccello.

[272]) Рай, V, 75:

Chi'n te avrà si benigno riguardo,
Che del fare e del chieder tra voi due
Fia prima quel che tra gli altri è piu tardo.

[273]) Въ новѣйшее время Фратичелли (стр. 156; 187, примѣч. 3; 189, прим. 7) горячо возсталъ противъ приводимаго вами изложенія фактовъ, но врядъ-ли съ достаточнымъ основаніемъ. Если приведенные нами стихи не могутъ быть отнесены ни къ Кангранде вслѣдствіе его молодости, ни къ Альбоино (о которомъ поэтъ въ высшей степени свысока говоритъ въ *Convito*, IV, 16), то остается изъ трехъ братьевъ лишь Бартоломео, умершій въ 1304 году; стало быть, Дантъ со времени своего изгнанія и до смерти его долженъ былъ провести нѣкоторое время при веронскомъ дворѣ;—это тѣмъ вѣроятнѣе, что выраженія „lo primo tuo rifugio“ и „il primo ostello“ неотразимо указываютъ именно на эти годы, и иныя толкованія слова *primo* слишкомъ уже являются вычурными.—Боккачьо въ Жизни Данта (р. 32) разсказываетъ, что Дантъ „nel primo fuggire“ отправился къ мессеру Альберто делла Скала въ Верону и ласково былъ принятъ имъ. Но достовѣрно, что Альберто делла Скала уже умеръ въ 1301 году, и поэтому это показаніе, какъ и многія другія у Боккачьо, оказывается не надежнымъ.

понесли первое пораженіе [274]). Ихъ противники во Флоренціи были на сторожѣ, но дѣйствовали съ такою рѣшительностью, которой далеко не находимъ въ такой же степени у противной стороны. Военачальникъ Бѣлыхъ, Скарпетта делли Орделаффи, вступилъ въ мартѣ 1303 года со своими отрядами волонтеровъ въ Муджелло и расположился станомъ передъ укрѣпленнымъ мѣстечкомъ Пуличчіано (въ Valdinieve), которое находилось на прямомъ пути ко Флоренціи и принадлежало Флорентинцамъ, но не могло противиться непріятельскому натиску. Здѣсь къ нимъ присоединились Гибеллины изъ Романьи, и во главѣ ихъ Болонцы, благодаря чему ихъ боевыя силы достигли весьма значительныхъ размѣровъ [275]). Но несмотря на то, они допустили, что Черные, вышедшіе противъ нихъ изъ Флоренціи подъ предводительствомъ подеста, напали на нихъ врасплохъ и отбросили ихъ назадъ. Бѣлые, доставшіеся въ руки побѣдителей, были отведены во Флоренцію, подвергаясь унизительнымъ оскорбленіямъ, и тамъ обезглавлены [276]). Такъ разсѣяна была на время надежда на насильственное возвращеніе въ отечество.

Но нѣсколько времени спустя для изгнанниковъ снова показалась иная надежда, и именно съ той стороны, съ которой ударъ, поразившій ихъ такъ больно, въ сущности и исходилъ. Въ октябрѣ 1303 года умеръ именно непримиримый противникъ Бѣлыхъ и всего гибеллинизма вообще, папа Бонифацій VIII. Конецъ его жизни былъ незавиденъ и всѣ свои великіе планы онъ взялъ неосуществленными въ могилу. Его завѣтная мечта,—отнять Сицилію у аррагонскаго дома, не исполнилась. Графъ Карлъ Валуа, на котораго, въ награду за его геройскія дѣянія во Флоренціи, онъ въ Римѣ возложилъ уже корону латинской (константинопольской) имперіи, дѣйствительно присталъ, какъ уже было сказано, лѣтомъ 1302 г. къ берегамъ Сициліи съ папскими и неаполитанскими войсками, но не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ короля Фридриха. Подъ конецъ онъ даже вынужденъ былъ склониться къ миру, который ничего не измѣнилъ въ обоюдныхъ владѣніяхъ, и который папа долженъ былъ утвердить съ замѣтнымъ неудовольствіемъ [277]). Но еще

---

[274]) Тотъ фактъ, что Дантъ вездѣ совершенно умалчиваетъ о военныхъ событіяхъ весны 1303 года, весьма ясно подкрѣпляетъ предположеніе, что онъ въ эту пору не присутствовалъ тутъ и не принималъ участія ни въ какихъ начинаніяхъ.

[275]) Виллани (VIII,60) говоритъ о 6000 пѣхотинцевъ,—но эта цифра во всякомъ случаѣ слишкомъ высока.

[276]) Сравн. также Pieri Paolino подъ 1303 годомъ.

[277]) Виллани, VIII, с. 49. — Nicolai specialis, Hist. Sicil., VI, c. 10, sqq. — Dante, de vulg. eloquio, II, b: Ejecta maxima parte florum de sinu tuo, Florentia, nequicquam Trinacriam Totila serus adivit.

худшее было впереди. Извѣстную уже намъ систему Бонифація, стремившуюся къ безусловному подчиненію всякой свѣтской власти подъ главенство папской теократіи, и шедшую на дѣлѣ совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ ходомъ развитія европейскихъ народовъ и государствъ, долженъ былъ постигнуть такой ударъ, который похоронилъ ее подъ обломками рухнувшаго ея зданія. И этотъ ударъ исходилъ именно отъ французской королевской власти, которая такъ долго находилась въ близкомъ союзѣ съ папою противъ власти императорской. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, во Франціи раньше всего развилось современное понятіе о политической національности, и энергическая династія руководила и защищала это развитіе съ такимъ же упорствомъ, какъ и осмотрительностью. Теперь уже случилось такъ, что папская власть, въ рукахъ Бонифація, нападала на это преданіе и на фактъ національной независимости; дѣйствительно, король Филиппъ IV придалъ ей вызывающій, непріязненный отпечатокъ. Между тѣмъ, какъ нѣмецъ Альбрехтъ, чтобы добиться наконецъ признанія со стороны папы, становился по внѣшности Гвельфомъ, гибеллинизмъ поднималъ въ Парижѣ голову. Бонифацій сдѣлалъ попытку примѣнить къ Франціи свою теократическую теорію, встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Филиппа, имѣвшаго за себя не только мірянъ, но и большую часть духовенства своего государства. Когда папа захотѣлъ направить противъ него свои, по его мнѣнію, все еще смертельные удары, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Иннокентій IV противъ Фридриха II, его личность и санъ подверглись такому дерзкому и позорному оскорбленію и поруганію со стороны жившихъ въ Ананьи Французовъ, что, вернувшись въ Римъ, не въ силахъ перенести вытерпѣнный имъ позоръ и пораженіе, тяжело затронутый въ самомъ больномъ мѣстѣ, онъ умеръ немного времени спустя [278]). Его преемникъ, Бенедиктъ XI, миролюбивый человѣкъ, какимъ былъ нѣкогда Григорій X, также старался умиротворить Флоренцію и вернуть изгнанниковъ. Во Флоренціи продолжа-

[278]) 11 октября 1303 г. Виллани, VIII, гл. 62, 63.—См. Felix Osius, прим. къ Albert. Mupsatus. Muratori I. X, p. 315, sqq.—Drumann, l. c., II, стр. 138—139. Tosti, l. c., II, 196. Gregorovius, l. c. V, 356. Potthast, l. c., стр. 2023. Относительно душевнаго состоянія папы въ эпоху его смерти находимъ самыя разнообразныя свѣдѣнія; по мнѣнію однихъ, онъ умеръ въ состояніи полнѣйшаго возбужденія, по другимъ, онъ передъ смертью снова пришелъ въ сознаніе. Друманнъ является представителемъ одного, Тости другого мнѣнія. Укажемъ здѣсь на то, что Дантъ, вѣрный своей системѣ, рѣзко высказался, какъ извѣстно, въ знаменитомъ мѣстѣ своего Чистилища, XX, 85—94, противъ поступка Французовъ.

лась внутренняя натянутость отношеній. Корсо Донати старался захватить власть лишь для себя и для своихъ приверженцевъ. Слѣдствіемъ этого были интриги и насилія противъ пополанъ, повлекшія за собою такое усложненіе, что пріоры поручили наконецъ управленіе и водвореніе порядка въ городѣ своимъ союзникамъ, Луккезцамъ, мѣра, которая однако, не принесла большой пользы [279]). Немного времени спустя, въ мартѣ 1304 года, появился во Флоренціи, по порученію папы, кардиналъ Николай Прато, чтобы подготовить примиреніе всѣхъ, даже исключенныхъ фракцій. Именно онѣ-то и натолкнули Бенедикта на этотъ шагъ [280]).

Кардиналъ былъ хорошо принятъ народомъ и получилъ въ свои руки управленіе городомъ на годъ. Все, казалось, шло хорошо. Уже умолкли внутренніе раздоры посреди праздничнаго ликованія и начались переговоры съ изгнанными, какъ, вдругъ, тайныя махинаціи непримирыхъ Черныхъ, поддерживаемыя худо скрытымъ влеченіемъ кардинала къ Гибеллинамъ, лишили его всякаго довѣрія. Выжидающіе Бѣлые, съ Александромъ во главѣ, приблизились къ Флоренціи; Дантъ, вернувшійся изъ своей миссіи въ Верону, былъ при немъ въ качествѣ секретаря. Кардиналъ приглашалъ ихъ чрезъ посланнаго отказаться отъ всякой власти и подчиниться его приговору. Бѣлые согласились на это, и мы имѣемъ документъ, очевидно составленный Дантомъ, гдѣ они выражаютъ свои мирныя намѣренія [281]). Но именно этимъ сношеніямъ кардинала съ изгнанниками было дано худшее толкованіе; онъ понялъ наконецъ тщету своихъ стараній и съ неудовольствіемъ и проклятіями покинулъ городъ въ іюнѣ 1304 г. [282]). Вмѣстѣ съ нимъ удалились и Бѣлые.

Но и эти происки аристократическихъ Черныхъ, направленные противъ примиренія съ изгнанниками, не приблизили ихъ къ ихъ цѣли; напротивъ того, пополаны и не-изгнанные Бѣлые только еще тѣснѣе сошлись другъ съ другомъ. Вскорѣ между обѣими сторонами возникла уличная борьба, во время которой побѣда уже склонялась въ пользу пополанъ, какъ вдругъ во многихъ пунктахъ города вспыхнулъ пожаръ и причинилъ страшное опустошеніе. Около 1700

---

[279]) Виллани, тамъ-же, глава 68. P. Paolino, II, 65.—Ср. Perrens, l. c., стр. 83 и слѣд.

[280]) Виллани, ib.

[281]) См. Torri, l. c. Epist. I, p. 1, Fraticelli, Opere Minori di Dante (Epistolae) III, стр. 168—170. Этотъ документъ носитъ на себѣ ясный отпечатокъ дантовскаго стиля. Кто только изучалъ въ оригиналѣ его прочія прозаическія сочиненія и въ особенности письма, не усомнится въ этомъ.

[282]) P. Paolino, подъ 1303 г. Виллани, VIII, 69.

домовъ превратились въ пепелъ; часть **popolo grasso** потерпѣла невознаградимыя потери. Огонь былъ подложенъ духовнымъ лицомъ, другомъ Черныхъ [288]). Немедленно вслѣдъ за этимъ папа призвалъ къ своему двору въ Перуджіи вождей Черныхъ, въ томъ числѣ Корсо Донати, для того чтобы они объяснили свое обращеніе съ его посланнымъ. Тогда-то кардиналъ Прато далъ знать Бѣлымъ и ихъ союзникамъ Гибеллинамъ чтобъ они воспользовались этой минутой, сдѣлавъ нападеніе на Флоренцію врасплохъ. Они, дѣйствительно, условились на счетъ дня, когда хотѣли встрѣтиться вблизи города со всѣми наличными силами. Однако, общій планъ атаки не удержанъ былъ въ точности Графъ Алессандро Ромена былъ, повидимому задержанъ болѣзнью; по крайней мѣрѣ, имя его не упоминается во всемъ этомъ предпріятіи; на его мѣсто, во главѣ одного изъ отрядовъ, который прибылъ въ Ластри, было въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, за два дня раньше, чѣмъ уговорено, стоялъ Флорентинецъ Баскіера делла-Тоза. Вмѣсто того, чтобы дождаться болѣе отдаленнаго, еще не прибывшаго отряда, предводительствуемаго Толозато Уберти, внукомъ извѣстнаго Гибеллина Фаринаты Уберти, Баскьера увлекся нетерпѣніемъ и началъ среди бѣлаго дня нападеніе на дѣйствительно изумленный, испуганный городъ. Это было 22 іюля, въ день святой Магдалины; солнце стояло огненнымъ шаромъ, самый воздухъ, казалось, горѣлъ. Не встрѣчая препятствій, первые ряды войска проникли вплоть до площади святого Марка. Съ развѣвающимися знаменами, сверкающими мечами, украсивъ головы оливковыми вѣтвями, выстроились они, возглашая громко: «Миръ, миръ!»

Главный отрядъ точно также достигъ уже воротъ, когда ворвавшіеся воины стали подаваться назадъ. Народъ флорентинскій не перешелъ на ихъ сторону, какъ они этого ожидали, и даже многіе приверженцы Бѣлыхъ обратились противъ нихъ, какъ только прошелъ первый испугъ. Къ довершенію всего внезапно вспыхнулъ пожаръ. Тогда инсургенты вообразили, что они жертва измѣны, и стали спасаться бѣгствомъ по тому же пути, по которому пришли, ободрившійся же тѣмъ временемъ народъ преслѣдовалъ ихъ. Многіе искали убѣжища въ домахъ и виноградникахъ, спасались тамъ отъ преслѣдованій и жалкимъ образомъ погибли тамъ.

Когда бѣглецы достигли границы области, они встрѣтили вспомогательный отрядъ, шедшій изъ Пистойи подъ предводительствомъ Толозато Уберти; онъ пытался остановить ихъ, съ тѣмъ, чтобы по-

---

[288]) Виллани, VIII, 71.

томъ соединенными силами возобновить нападеніе, но не въ состояніи былъ преодолѣть ихъ страха. Такимъ-то образомъ, вслѣдствіе ихъ разъединенности и поспѣшности, они не только потерпѣли уронъ, но и навлекли на себя насмѣшки [284]). Участь тѣхъ изъ бѣглецовъ, которые попали въ руки преслѣдовавшихъ непріятелей, была не лучше той, которую потерпѣли Бѣлые за годъ передъ тѣмъ послѣ своего пораженія при Пуличчіано [285]).

Участвовалъ-ли въ какомъ бы то ни было отношеніи Дантъ въ этомъ дѣлѣ, не подтверждено достовѣрнымъ преданіемъ, но участіе это чрезвычайно вѣроятно. Относящееся къ этому указаніе, которое и всегда истолковывалось въ этомъ смыслѣ, находится въ Божественной Комедіи [286]); его участіе соотвѣтствуетъ вообще и всему положенію вещей, и въ особенности его пламенному стремленію снова вернуться во Флоренцію. Нетерпѣливую поспѣшность его сотоварищей по несчастію, которая, конечно, и была главною причиной неудачи нападенія, онъ безъ сомнѣнія порицалъ въ высшей степени; но несмотря на это онъ вовсе еще не покинулъ надежды завоевать себѣ при помощи своей партіи возможность возвращенія,—напротивъ, спустя два года онъ снова возъимѣлъ эту надежду, и только тогда она окончательно покинула его. [287]).

Но слишкомъ достаточно было и того, что отнынѣ доступъ во Флоренцію былъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда либо отрѣзанъ для поэта: онъ увидалъ на опытѣ, какъ тяжело «искусство возвращаться» [288]). Въ слѣдующіе за тѣмъ годы мы встрѣчаемъ его въ различныхъ мѣстахъ. Лишенный внѣшней независимости вслѣдствіе утраты имущества и состоянія [289]), онъ увидалъ себя принужденнымъ пола-

---

284) Виллани, VIII, 72.

285) Виллани, тамъ-же.

286) Адъ, X, 79:

Ma non cinquanta volte fia racessa
La faccia della donna che qui regge,
Che tu saprai quanto quell arte pesa.

287) Рѣзко звучащіе стихи противъ его товарищей по несчастью (Рай, XVII, 61) обыкновенно относились къ изложенному выше пораженію Бѣлыхъ (іюль 1304). Но Фратичелли (стр. 162) приводитъ съ большимъ основаніемъ одно возраженіе,—именно что послѣдовавшее два года спустя новое сближеніе Данта съ Бѣлыми не совсѣмъ согласуется съ такимъ рѣзкимъ порицаніемъ событій 1304 года.

288) См. выше примѣч. 286.

289) Какъ примѣръ этого, приводимъ отрывокъ изъ письма поэта къ племянникамъ Алессандро Ромена по поводу вѣсти о его смерти (ок. 1306 года): ego autem, praeter haec, me vestrum vestrae discretioni excuso de absentia lacry-

гаться на чужую помощь и на гостепріимство тѣхъ рѣдкихъ и благородныхъ личностей, которыя умѣли оцѣнить его значеніе. Тогда-то начались тѣ странствія, которыя тяжело давались этому гордому человѣку, уже потому, что они лишили его самостоятельности: къ тому-же и въ лучшіе свои дни онъ врядъ ли когда нибудь отличался легкостью въ обращеніи съ людьми. [290]). Чужой хлѣбъ былъ для него до нельзя горекъ, и онъ нашелъ, что суровъ тотъ путь, который ведетъ человѣка то вверхъ, то внизъ по чужимъ лѣстницамъ. [291]). Но все это однако лишь отдѣльные признаки, указывающіе время отъ времени на пути его во время скитанья и на мѣста остановокъ. Относительно 1305 года мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній; обыкновенно предполагаютъ (и ничто этому не противорѣчитъ), что онъ хоть часть этого года провелъ у своего покровителя, Алессандро Ромена въ Казентино. Оттуда онъ вѣроятно направился въ Болонью. [292]). Если это такъ и было на дѣлѣ, то и тамъ его пребываніе не было продолжительно: весною 1306 года изъ Болоньи были изгнаны Бѣлые по наущенію флорентинскихъ Черныхъ,—и въ этотъ городъ перенеслось тоже дробленіе на партіи. И дѣйствительно, мы находимъ Данта лѣтомъ того-же года въ Падуѣ, гдѣ онъ является 27-го августа въ качествѣ свидѣтеля при заключеніи одного договора. [293]). Два мѣсяца спустя мы встрѣчаемъ

---

nosis exsequiis; quia nec negligentia neve ingratitudo me tenuit, sed inopina paupertas quam fecit exilium. Haec etiam, velut effera persecutrix, equis armisque vacantem, jam suae captivitatis me detrusit in antrum, et nitentem cunctis exurgere viribus, huc usque praevalens, impia retinere molitur.

290) Виллани, l. c., гл. IX, стр. 136, по поводу упоминанія о тяжестѣ дантов. сочиненій, говоритъ между прочимъ объ немъ: „questo Dante per lo suo savere fu alquanto presuntuoso e schifo e isdegnoso, e quasi à guisa di filosopho mal gracioso non bene sapea conservare con laici".

291) *Par.*, XII, 58:

Tu proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e il salir per l'altrui scale.

292) "О пребываніи поэта въ Болоньѣ послѣ его изгнанія говоритъ также и Дж. Виллани. Преданіе, будто Дантъ посвятилъ своего старшаго сына Піетро изученію юридическихъ наукъ въ Болоньѣ, имѣетъ лишь слабое основаніе. Піетро Алигьери въ 1305 году было никакъ не больше 14 лѣтъ. Иные думаютъ, что Дантъ прибылъ въ Болонью ради цѣлей собственнаго своего развитія — но и это предположеніе не можетъ быть вовсе допущено. Тѣ отрасли знаній, которыми онъ еще могъ отдаться въ Болоньѣ, были имъ уже давно изучены, и во всякомъ случаѣ онъ могъ ими заняться вездѣ, гдѣ были для того необходимыя пособія. Временнаго господства Бѣлыхъ во Флоренціи и безпріютности Данта, на мой взглядъ, совершенно достаточно для объясненія его пребыванія въ Болоньѣ,—если вообще оно можетъ быть допущено.

293) Пелли, Memorie, § 11:—„praesentibus Dantino quondam Alligerii de Florentia, qui nunc stat Padue" etc.

его снова въ Луниджьянѣ, въ сѣверной Тосканѣ, у маркграфа Маласпина; 6-го октября, по порученію маркграфа Франческино (по прозв. di Mulazzo) и его двоюродныхъ братьевъ Мароэлло и Коррадино (по прозв. di Villafranca) онъ заключилъ мирный договоръ съ епископомъ Антономъ Луни. [294]).

Семья Маласпина была однимъ изъ важнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Тосканы. Мы видѣли, какъ тѣсно связано было ихъ имя съ порою процвѣтанія провансальской поэзіи въ Италіи. [295]). Покровительство-же и дружба, которую нѣкоторые изъ членовъ этого рода оказывали въ данный періодъ автору Божественной Комедіи, придали ихъ имени почетную извѣстность на всѣ времена. [296]). Преданіе не передаетъ въ точности, какъ завязались эти отношенія, которыя, конечно, установились не наканунѣ; можно предположить однако, что подъ тою гостепріимной кровлей, гдѣ изгнанникъ встрѣтилъ такой необыкновенно радушный пріемъ, гвельфскія традиціи

---

[294]) Фратичелли (стран. 197 и слѣд.) перепечаталъ оба документа, и полноточіе и текстъ мирнаго договора (оба отъ 6-го октября 1306 г.).—Родъ Маласпина дѣлился на много вѣтвей и потому долженъ быть отчетливо различаемъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, особенно къ линіи Мароэлло. Сравни у Фратичелли 16-ю главу, гдѣ приведена родословная маркграфа.

[295]) См. выше стран. 26

[296]) Чистилище, VIII, 118, 121:

O disi io lui, li vostri paesi
Giammai non fui; ma dove si dimora
Per tutta Europa, ch'ei non sien palesi.

La fama che la vostra casa onora,
Grida i signori, e grida la contrada,
Si che ne sa chi non vi fu ancora.

Ed io vi giuro, s'io di sopra vada,
Che vostra gente onrata non si sfregia
Del pregio della borsa e della spada.

Uso e natura si la privilegia,
Che, perchè il capo reo le mondo torca
Sola va dritta, e il mal cammin dispregia

Тамъ же (стихъ 133) 1306 годъ съ достаточной ясностью является временемъ перваго пребыванія Данта у Маласпина:

Ed egli: Or va, chè il sol non si ricorca
Sette volte nel letto che il Montone
Con tutti e quattro i piè copre ed inforca,
Che cotesta cortese opinione
Ti fia chiavata in mezzo della testa
Con maggior chiavi che d'altrui sermone
Se' corso di giudicio non si arresta.

всего рода пользовались наименьшими симпатіями. [297]). Всего ближе стоялъ онъ затѣмъ къ маркграфу Мароэлло, и именно къ тому, который носилъ прозвище di Villafranca, но не къ наиболѣе извѣстному изъ всей этой линіи (M. di Giovagallo), женой котораго была племянница папы Адріана V, Alagia de'Fieschi, [298]) и который принялъ важное участіе въ разыгравшейся передъ тѣмъ борьбѣ Гвельфовъ противъ Бѣлыхъ и Гибеллиновъ.

Болѣе умѣренный преемникъ папы Бонифація VIII, Бенедиктъ XI. умеръ въ іюнѣ 1304 года, во время приготовленій Бѣлыхъ и Гибеллиновъ къ неудачному нападенію на Флоренцію; послѣ междуцарствія, продолжавшагося цѣлый годъ, и послѣ бурнаго конклава его преемникомъ былъ избранъ Климентъ V, передъ тѣмъ бордосскій епископъ Бертранъ. Это избраніе было торжествомъ французскихъ интригъ и интересовъ: понятно, что послѣ всего только что случившагося для короля Филиппа IV особенно важно было возвести на престолъ св. Петра преданнаго человѣка.

Но это избраніе въ то же время оказалось гибельнымъ для церкви: съ него начинается такъ-называемое «вавилонское церковное плѣненіе.» Климентъ V и по другимъ соображеніямъ, и въ силу обязательства, даннаго имъ передъ тѣмъ королю, не долженъ былъ ѣхать въ Италію и избирать Римъ своею резиденціею, но долженъ былъ остаться по ту сторону Альповъ и низвести и себя и нравственный авторитетъ своего сана до роли безпрекословнаго орудія политическихъ плановъ Филиппа.

Впрочемъ, Климентъ глубоко чувствовалъ всю тяготу и опасность того положенія, въ которое онъ себя поставилъ, и отъ времени до времени косвенно возставалъ противъ него. Относительно итальянскихъ дѣлъ онъ продолжалъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ своего непосредственнаго предшественника. Такъ какъ онъ не былъ природнымъ Итальянцемъ и не жилъ въ Италіи, то, съ его точки зрѣнія, онъ въ сущности имѣлъ гораздо менѣе причинъ стать съ самаго начала на сторону анжуйскаго дома противъ Бѣлыхъ и Гибеллиновъ, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Бонифацій. Напротивъ того, онъ выступилъ скорѣе какъ посредникъ, какъ вѣстникъ мира. Какъ разъ въ годъ его возвышенія, флорентинскіе Черные, въ со-

---

[297]) Похвалы, которыя Данте высказываетъ въ приведенныхъ сейчасъ стихахъ (именно ст. 130—132) семьѣ Маласпина, дѣлаютъ невозможнымъ предполагать у этого рода исключительно гвельфскія симпатіи.

[298]) Чистилище, XIX, 142.

юзѣ съ Луккезцами, начали войну противъ Пистойи, гдѣ съ 1301 г. воевали Бѣлые и Гибеллины, и выпросили себѣ въ военачальники герцога Роберта Калабрійскаго у отца его, короля Карла II Неаполитанскаго. Во главѣ Луккезцевъ стоялъ извѣстный уже намъ Мароэлло Маласпина di Giovagallo [299]). Но папа вмѣшался въ это дѣло и приказалъ союзникамъ чрезъ своего легата, Наполеона делли Орсини, снять осаду Пистойи, начатую еще въ маѣ 1305 г. Но, какъ бы въ доказательство того, что папскіе и гвельфскіе интересы не совпадаютъ всегда неизбѣжно, приказаніе это было оставлено безъ вниманія. Одинъ только герцогъ Робертъ сложилъ съ себя, изъ уваженія къ нему, главное начальство, которое, однако, немедленно принялъ на себя Мароэлло Маласпина. Результатомъ этого образа дѣйствій было, что Пистойцы, послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, увидали себя вынужденными голодомъ къ сдачѣ города въ апрѣлѣ 1306 года. Бѣлые должны были выселиться, и Флорентинцы и Луккезцы подѣлили между собою городъ и владѣнія Пистойцевъ. Мароэлло Маласпина послѣдніе назначили народнымъ главою въ побѣжденномъ городѣ [300]). Однако, папскій легатъ не прекратилъ своихъ стараній въ пользу Бѣлыхъ, тѣмъ болѣе, что папа весьма недоброжелательно смотрѣлъ на это неуваженіе къ его приказанію. Легатъ прежде всего потребовалъ себѣ пропуска во Флоренцію и, когда ему было отказано и въ этомъ, укрѣпился въ Ареццо и соединилъ всѣхъ Бѣлыхъ и Гибеллиновъ для нанесенія общаго удара партіи, не желавшей изъ принципа никакого примиренія.

Тутъ снова появляется передъ нами Дантъ. Мѣсто его пребыванія, начиная съ вполнѣ достовѣрнаго мирнаго ходатайства за семью Маласпина вплоть до настоящей минуты (лѣто 1307 г.) остается во мракѣ; намъ кажется вѣроятнымъ, что онъ отправился изъ Мулаццо въ Казентино, къ графу Гвидо Сальватико, племяннику того Алессандро Ромена, съ которымъ онъ былъ нѣкогда такъ близокъ, и который умеръ тѣмъ временемъ. Во всякомъ случаѣ отсюда и, какъ мы полагаемъ, именно въ это время, онъ отправилъ нѣсколько стихотвореній,

---

[299]) Muratori, SS. XI. Istorie Pistolesi, p. 381 sqq.

[300]) Относительно успѣховъ Мароэлло Маласпина противъ Пистойи въ Аду XXIV, 145 говорится:

„Tragge Marte vapor di val di Magra
Ch'a di torbidi nuvoli involuto
E con tempesta impetuosa ed agra
Sopra campo Picen fia combattuto;
Ond'ei repente spezzerà la nebbia
Si ch'ogni Bianco nè sara feruto".

сопровождаемыхъ посланіемъ, къ своимъ покровителямъ въ Мулацо [301]). Изъ этого посланія мы узнаемъ, что во время этого путешествія или посѣщенія поэтъ встрѣтился съ женщиной, которая произвела на него, хоть временно, глубокое впечатлѣніе. «Это чудовище» (любовь), говорится въ посланіи, «словно изгнанный изъ родины владѣтель, вернувшійся послѣ долгаго отсутствія, уничтожалъ, изгонялъ, сковывалъ все внутри меня, что только противилось ему. Онъ уничтожилъ, говорю я, ту похвальную рѣшимость, благодаря которой я отказался отъ женщинъ и отъ ихъ прославленія, преступно отогналъ отъ меня непрерывныя усилія, съ которыми я созерцалъ все небесное и земное, и, для того чтобы душа моя не возмущалась впредь противъ него, такъ овладѣлъ моей свободной волей, что я принужденъ обращаться не туда, куда я хочу, а куда онъ пожелаетъ.» Познакомиться ближе или подробнѣе съ этимъ событіемъ намъ не дано; встрѣча эта была, очевидно, непродолжительна, такъ какъ нигдѣ мы не видимъ болѣе слѣдовъ ея. Если мы правильно установили въ хронологическомъ отношеніи упомянутый фактъ, то открывшаяся тѣмъ временемъ, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ папскаго посла, перспектива возможнаго возврата во Флоренцію, пришлась какъ разъ кстати, чтобы отрезвить поэта. Дѣйствительно, надежда эта еще разъ вырвала его изъ его политической обособленности. Въ іюнѣ 1307 года [302]) онъ принялъ участіе въ собраніи болѣе выдающихся членовъ его партіи, происходившемъ въ церкви аббатства св. Годенцо въ Муджелло, гдѣ они заключили союзъ съ семействомъ Убальдини, въ интересахъ продолженія войны противъ Флоренціи [303]). Однако успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Со стороны Бѣлыхъ было недостаточно выказано необходимаго единодушія, и такимъ образомъ Флорентинцамъ, если не силою, то хотя подкупомъ, удалось овладѣть этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ, на удержаніи котораго былъ основанъ военный планъ [304]).

---

[301]) См. Torri, l. c., стр. 11—16.—Другіе относятъ это письмо къ позднѣйшему времени, но безъ авторитетныхъ или хотя бы даже лучшихъ причинъ, чѣмъ тѣ, по какимъ мы относимъ его къ 1307 г.

[302]) Fraticelli (l. c.,стр. 166 и стр. 194, прим. 17) относитъ этотъ договоръ къ 1306 году, другіе, какъ, напр., Troya, къ 1304 г. Мы не считаемъ, однако, доводы ни того, ни другого способными помѣриться съ доводами Pelli.

[303]) Убальдини уступили изгнаннымъ свою крѣпость Montecascіano, для веденія войны противъ Флоренціи и выговорили себѣ на всякій случай вознагражденіе убытковъ. Относящійся сюда документъ впервые напечатанъ у Pelli. Дантъ, вмѣстѣ съ Черки и многими другими, является въ немъ въ качествѣ свидѣтеля.

[304]) Виллани, III гл. 80.

Увѣщанія, даже отлученіе, которое кардиналъ Наполеонъ произнесъ подъ конецъ противъ Флорентинцевъ, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія; они насмѣхались надъ нимъ и оскорбляли духовныхъ лицъ, когда тѣ отказывались платить возложенные на нихъ тяжкіе налоги. Черные (пополаны), т. е. значительная часть того, что прежде носило названіе **popolo grasso**, стали подъ-конецъ властителями Флоренціи, и уцѣлѣвшій еще остатокъ гвельфскаго дворянства, предводимый Корсо Донати, долженъ былъ уступить имъ мѣсто; послѣдній лишился жизни въ слѣдующемъ-же году, вполнѣ достойнымъ его образомъ, во время столкновенія съ господствующими властями [305]).

Изображенныя нами событія имѣли для Данта то значеніе, что снова было возродившаяся у него надежда открыть себѣ доступъ во Флоренціи, опираясь на помощь своей партіи и силу оружія, еще разъ оказалась тщетною. Но онъ возъимѣлъ ее въ послѣдній разъ; отнынѣ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей по изгнанію, хотя они еще вовсе не намѣрены были сложить оружіе [306]). Повидимому, дѣло дошло даже до открытаго разрыва между Дантомъ и ими; могъ-ли такой энергическій, бодрый, практическій въ житейскихъ вопросахъ человѣкъ долго идти рука объ руку съ этими неукротимыми товарищами, одичавшими въ изгнаніи! Онъ и самъ свидѣтельствуетъ, что они въ личныхъ отношеніяхъ съ нимъ выказывали безцеремонность и неблагодарность [307]). Итакъ, онъ предоставленъ былъ отнынѣ самому себѣ, онъ самъ составлялъ свою партію [308]).

---

[305]) Въ Чистилищѣ, 24, 82, Дантъ влагаетъ описаніе смерти главнаго своего противника въ уста Форезе Донати, одного изъ его братьевъ:

Or va, diss'ei, chè quei che più n'a colpa
Vegg'io a coda d'una bestia tratto
In ver la valle, ove mai non scolpa.

La bestia ad ogni passo va più ratto
Crescendo sempre fin ch'ella il percuote
E lascia il corpo vilmente disfatto.

[306]) Дж. Виллани, III, глава 96.

[307]) Рай XVII, 64:

Che tutta ingrata, tutta matta ed empia
Si farà contro a te...

[308]) Тамъ-же, 68:

— — si ch'a te fia bello,
L'averti fatte parte per te stesso.

Слѣдовавшіе затѣмъ годы въ жизни Данта, начиная съ лѣта 1307 года, снова довольно темны. Наиболѣе достовѣрнымъ является, въ нашихъ глазахъ, довольно продолжительное пребываніе у извѣстнаго уже намъ друга поэта, маркграфа Маласпина Мароэлло въ Мулаццо. Здѣсь онъ нашелъ для себя спокойствіе, котораго нигдѣ въ иномъ мѣстѣ взволнованной Тосканы онъ найти-бы не могъ. Здѣсь онъ имѣлъ возможность безъ всякихъ препятствій удовлетворить своимъ научнымъ и общимъ литературнымъ склонностямъ, свободно отдаваться «неустанному созерцанію, въ которомъ онъ обозрѣвалъ все небесное и земное» [309]). Поэтому есть основаніе предположить, что онъ и здѣсь работалъ надъ своей книгой, получившей названіе «Пира». Въ эту пору онъ нѣсколько тѣснѣе сошелся и съ другимъ Мароэлло Маласпина, котораго мы видѣли уже въ роли предводителя Луккезцевъ,—и это тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣдній тѣмъ временемъ разошелся съ Флорентинцами. [310]). Кромѣ того, какъ предполагаютъ, Дантъ встрѣтился въ Мулаццо съ **Cino di Pistoja**, хотя ихъ литературныя, или-же хотя-бы личныя отношенія были болѣе ранняго происхожденія. [311]). Чино, на пять лѣтъ моложе Данта, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ его современниковъ [312]). Съ одной стороны уважаемый юристъ и одинъ изъ виновниковъ возрожденія юриспруденціи, низко упавшей съ половины предшествовавшаго столѣтія, [313]) онъ съ другой стороны обладалъ основательнымъ классическимъ образованіемъ, какое только можно было получить въ то время, и, какъ лирикъ, пріобрѣлъ извѣстность наряду съ Дантомъ. Онъ представилъ первый примѣръ того, что профессіональное занятіе юридическими науками принуждено у одного и того же человѣка мириться съ разработкой національной поэзіи, что, конечно, служитъ новымъ доказательствомъ усиленія ея господства. Подобно тому какъ плющъ обвивается вокругъ ствола могучаго и

---

309) Ср. письмо Данта къ Мароэлло Маласпина у Torri (l. c., стр. 11).— Въ Мулаццо сохранились преданія о пребываніи тамъ Данта, наприм. указаніе на домъ Данта (casa di Dante) и друг.

310) Настолько можно допустить вѣроятность этого факта, хотя это вовсе не можетъ служить на пользу защитникамъ противоположнаго мнѣнія.

311) См. выше стр. 56.

312) Vita e memorie di Messer Cino da Pistoja, Себастіана Чьямпи, 2 части. 3-е изданіе, Пистойя, 1826. — Чино родился въ 1270 году; см. тамъ-же, I. c. 24.

313) Сравн. Savigny, Gesch. des Röm. R. im Mittel., и прекрасную характеристику Чино, какъ юриста.

здороваго дерева, такъ поэтъ Чино примыкаетъ къ дантовой лирикѣ, не достигая ея высоты. Высшая степень таланта у Флорентинца, чистое и пламенное вдохновеніе его страсти провели какъ бы грань, которую не могъ переступить его пистойскій соратникъ. Въ его стихотвореніяхъ чувствуется уже переходъ къ манерѣ Петрарки, который и считается почти ученикомъ его. Дантъ однако отдавалъ ему предпочтеніе передъ всѣми современными поэтами и въ своемъ сочиненіи о народномъ языкѣ съ особой похвалою выдѣляетъ его изъ числа остальныхъ писателей. Весьма вѣроятно, что оба поэта уже раньше знали другъ друга. Чино принадлежалъ къ партіи Бѣлыхъ въ Пистойѣ, которая издавна поддерживала близкія сношенія и часто соприкасалась съ флорентинскими Бѣлыми. Въ 1307 году и Чино постигла та-же участь быть изгнаннымъ изъ Пистойи вмѣстѣ съ своею партіей, и, на основаніи сонета къ маркизу Маласпина, находящагося въ числѣ его произведеній, [314]) мы предполагаемъ, что и онъ, быть можетъ, находился одновременно съ Дантомъ при дворѣ его, гдѣ общій удѣлъ изгнанниковъ, одинаковость политическихъ убѣжденій и свойственная обоимъ скитальцамъ любовь къ поэзіи тѣснѣе, и на всю жизнь, скрѣпили связи между двумя поэтами. [315]). И долго послѣ этой поры поддерживалась тѣсная ихъ близость другъ къ другу, и впослѣдствіи Чино возложилъ на могилу Данта элегическое стихотвореніе, доказывающее тѣмъ самымъ, что онъ былъ однимъ изъ немногихъ, понявшихъ поэта. [316]). Пока же, въ теченіе 1309 года, Чино отправился во Францію, откуда его заставила возвратиться лишь вѣсть о прибытіи короля Генриха VII въ Италію. [317]).

Предполагали, что Дантъ, быть можетъ, сопровождалъ своего друга въ этомъ путешествіи. Разсмотрѣнные уже нами поводы къ ранней поѣздкѣ поэта во Францію [318]), кажутся намъ болѣе доказательными и мѣшаютъ намъ раздѣлять послѣднее предположеніе; догадка-же о вторичномъ путешествіи поэта во Францію еще менѣе можетъ быть подтверждена. [319]). При данныхъ обстоятель-

---

[314]) Чьямпи, стр. 45.

[315]) Въ своихъ разсужденіяхъ „de vulgari eloquio“ Дантъ прямо называетъ Чино своимъ другомъ.

[316]) Чьямпи, III, стр. 97: Canzone per la morte di Dante Alighieri.

[317]) Чьямпи, I, 48 и сл. Срав. о Чино названное выше сочиненіе Де-Санктиса, стр. 48.

[318]) См. выше, примѣч. 139.

[319]) Боккачьо въ своей жизни Данта, правда, относитъ путешествіе Данта къ этому времени; но приводимыя имъ данныя о послѣдовательности мѣстопребываній поэта послѣ 1032 года не совпадаютъ съ этимъ.

ствахъ намъ остается только, вооружившись скромностью, сознаться, что мы не въ состояніи съ достовѣрностью указать мѣстопребываніе Данта съ 1307 до1310 года, что у насъ кромѣ того онъ исчезаетъ изъ виду на нѣсколько лѣтъ и только въ 1310 году, вслѣдствіе готовившагося важнаго событія, онъ снова выступаетъ изъ мрака. Этимъ событіемъ была проникшая за Альпы изъ Германіи вѣсть о томъ, что тамъ избранъ новый король, Генрихъ VII. который рѣшилъ двинуться въ Италію и снова возстановить преданныя забвенію права своей короны и императорской власти. На кого могла вѣсть эта произвести болѣе глубокое и радостное впечатлѣніе, чѣмъ на нашего поэта? Цѣлый міръ надеждъ воскресъ въ немъ и потерянная бодрость снова ожила. Въ послѣдніе годы онъ былъ тяжко удрученъ, такъ какъ всѣ надежды и усилія вернуться въ родной городъ оказались тщетными. **Convito**, написанный не задолго передъ тѣмъ, раскрываетъ передъ нами это малодушное и подавленное настроеніе. Онъ никакъ не могъ свыкнуться съ страданіями изгнанія и бѣдности; онъ долженъ бы имѣть гораздо менѣе щекотливости и чувства собственнаго достоинства, чтобъ терпѣливо переносить судьбу, лишившую его всякой независимости и отнявшей у него совершенно возможность плодотворной дѣятельности. Его задушевнѣйшія стремленія «почти съ мечтательнымъ влеченіемъ» связаны съ Флоренціею. «Съ тѣхъ поръ», читаемъ мы въ **Convito**, «какъ гражданамъ прекраснѣйшей и славнѣйшей дочери Рима, Флоренціи, угодно было устранить меня изъ ея благосклонной среды, гдѣ я родился и воспитался вплоть до разцвѣта моей жизни, и гдѣ бы я всѣмъ сердцемъ желалъ, для блага ея, успокоить утомленную душу и завершить предназначенный мнѣ жизненный срокъ, съ той норы я исходилъ почти всѣ мѣстности, гдѣ господствуетъ этотъ языкъ, странствовалъ и въ тоже время испрашивалъ милостыню, и противъ моей воли несъ на показъ всѣмъ ту рану судьбы, которую такъ часто несправедливо приписываютъ самому пострадавшему. Въ дѣйствительности-же, я былъ судномъ безъ вѣтрилъ и кормчаго, заносимымъ въ различныя гавани и заливы тѣмъ изсушающимъ вѣтромъ, который выдыхаетъ богатая страданіями бѣдность, и казался незначительнымъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые, введенные, быть можетъ въ заблужденіе какимъ нибудь слухомъ, составили себѣ совсѣмъ иное представленіе обо мнѣ» [320]).

---

[320]) Convito, tratt. I. c. 3.

Было даже высказано предположеніе, что Дантъ съ умысломъ написалъ это произведеніе, выдержавъ въ немъ примирительное отношеніе къ Флоренціи, съ тѣмъ чтобъ этимъ путемъ открыть себѣ возможность мирнаго возвращенія. Мы не поддерживаемъ этого мнѣнія; какъ могъ въ самомъ дѣлѣ Дантъ надѣяться смягчить суровость флорентинскихъ Черныхъ восхваленіемъ имперіи, входящимъ въ видѣ эпизода въ четвертую часть Пира? Но какъ бы то ни было, съ прибытіемъ Генриха VII совершенно измѣнилось все положеніе поэта; онъ надѣялся не только открыть себѣ при его помощи замкнутыя врата своего родного города, но и дожить до осуществленія своихъ великихъ политическихъ идеаловъ. Воспользуемся-же тѣмъ временемъ, которое прошло съ первой вѣсти до прибытія короля, чтобъ пристальнѣе изучить упомянутое уже нами произведеніе Данта,—Пиръ.

5.

Пиръ.

(Il convito).

Пиръ представляетъ собою въ ряду произведеній Данта ту особенность, что взгляды на него во многихъ отношеніяхъ расходятся, быть-можетъ, еще дальше, чѣмъ мы это видимъ относительно Божественной Комедіи. По формѣ онъ сходенъ съ Новою Жизнью, такъ какъ состоитъ также изъ поэзіи и прозы, и во всѣхъ этихъ частяхъ изложенъ на мѣстномъ, народномъ языкѣ. Поэтъ возъимѣлъ намѣреніе сдѣлать четырнадцать своихъ канцонъ доступными, т. е. понятными для необразованнаго читателя посредствомъ комментарія. Стихотвореніями желалъ онъ угостить своихъ гостей, а объясненія должны были быть хлѣбомъ на этомъ пирѣ. [321]) Отсюда и заглавіе

[321]) Фратичелли, Opere Minori di Dante Aligh., томъ II, 1, 2.—Convito, 1, p. 6: e acciochè misericordia è madre di beneficio, sempre liberalimente colore che sanno porgono della loro buona richezza alli veri poveri e sono quasi fonte vivo, della cui acqua si rifrigera la natural sete che di sopra è nominata. E io adunque, che non seggo alla beata mensa, ma, fuggito dalla pastura del vulgo, a'piedi di coloro che seggono ricolgo di quello che da loro cade, e conosco la misera vita di quelli che dietro m'ho lasciati, per la dolcezza ch'io sento in quello ch'io a poco a poco ricolgo, misericordevolmente mosso, non me dimenticando, per li miseri alcuna cosa ho riservata, la quale agli occhi loro già è più tempo ho dimostrata, e in ciò gli ho fatti maggiormente vogliosi. Per che ora volendo loro apparecchiare, intendo fare un generale convito di cio ch'io

«Пира», при выборѣ котораго на Данта вѣроятно вліялъ «Симпосіонъ» Платона, хотя и не осталось указаній, чтобъ поэту былъ извѣстенъ именно этотъ діалогъ греческаго философа, и хотя оба произведенія не имѣютъ затѣмъ никакого дальнѣйшаго сходства. «Пиръ», впрочемъ, остался недоконченнымъ, и только три канцоны имѣютъ объясненіе [322]). Все произведеніе состоитъ изъ четырехъ трактатовъ, изъ которыхъ первый образуетъ собой введеніе. Комментарій имѣетъ здѣсь даже нѣсколько иное отношеніе къ стихотвореніямъ, чѣмъ въ «Новой Жизни»; здѣсь онъ составляетъ главную сущность, тогда какъ тамъ онъ былъ лишь побочнымъ дѣломъ.

Когда мы приступаемъ къ ближайшему изученію «Пира», прежде всего выдвигается вопросъ о времени его сочиненія, и именно составленія комментарія, а не стихотвореній. Что касается первыхъ трехъ канцонъ, то первыя двѣ изъ нихъ съ достовѣрностью можно отнести ко времени до изгнанія поэта; [323]) относительно третьей нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго указанія, но мы расположены были бы и ее скорѣе отнести къ первой половинѣ жизни Данта. [324]) Напротивъ того, самый комментарій написанъ, вѣроятно, между 1306 и 1308 годами, и именно въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Въ первые годы изгнанія поэта онъ уже потому не могъ быть написанъ, что глубоко грустная жалобная пѣснь о страданіяхъ своихъ въ ссылкѣ, помѣщенная Дантомъ въ самомъ введеніи и приведенная нами въ концѣ предшествующаго отдѣла, естественно предполагаетъ уже довольно долгое пребываніе въ изгнаніи. [325]) Поэтому невозможно допустить, чтобъ

---

ho loro mostrato, e di quello pane ch'è mestiere a cosi fatta vivanda, sanza lo quale da loro non potrebbe asser mangiata a questo convito; di quello pane degno a cotal vivanda, qual io intendo indarno essere ministrata.—Въ новѣйшее время пишутъ il convivio вмѣсто il convito.

[322]) Въ своихъ объясненіяхъ лирическихъ стихотвореній Данта Витте сдѣлалъ попытку, встрѣтившую общее сочувствіе, указать остальныя одиннадцать канцонъ, предназначенныхъ для Convito, и послѣдовательный ихъ порядокъ.

[323]) Вопросъ о времени созданія первой канцоны, съ начальнымъ стихомъ:

Voi ch'intendendo il terzo cielo movete.

мы уже затронули выше (стр. 72, прим. 159), отнеся ее къ 1294—95 году. Изъ Чистил., 2, 112, съ такою же достовѣрностью оказывается, что вторая канцона (Amor che nella mente mi ragiona) точно также написана до 1300 года, такъ какъ Казелла, произносящій ее при встрѣчѣ съ Дантомъ, и умершій въ началѣ этого года, очевидно уже зналъ ее.

[324]) Основы для нашего предположенія будутъ указаны ниже при разсмотрѣніи изложеннаго въ этой канцонѣ взгляда Данта на сущность дворянства.

[325]) Convito, I, с. 3. Именно основываясь на этомъ мѣстѣ, многіе хотѣли доказать позднѣйшее происхожденіе настоящаго произведенія. Но періода

это произведеніе было написано раньше 1306 года. Но все таки возникаетъ вопросъ, позже какого времени оно не могло быть написано? Въ первомъ отдѣлѣ перваго-же трактата Дантъ говоритъ о себѣ, что пишетъ, когда уже годы его возмужалости прошли. Самъ-же онъ опредѣляетъ періодъ возмужалости двадцатью годами, съ двадцати пяти лѣтъ до сорока пяти; [326]) такимъ образомъ крайнимъ предѣломъ намъ указанъ 1310 годъ, такъ какъ лишь тогда исполнилось поэту сорокъ пять лѣтъ. Въ томъ-же четвертомъ трактатѣ (глава шестая) выводитъ онъ однако живымъ короля Карла II неаполитанскаго, [327]) этотъ-же послѣдній уже скончался 5-го мая 1309 года: изъ этого факта выводятъ, какъ намъ кажется, весьма основательно, заключеніе, что послѣдній трактатъ,—а съ нимъ, стало быть, и все произведеніе, взятое въ цѣломъ, написано было до этого времени [328]). Но третья глава четвертаго трактата даетъ намъ и другое доказательство, что **Convito** написанъ если не при жизни короля Альбрехта I, то все же до римскаго похода короля Генриха VII. Дантъ называетъ здѣсь Фридриха II «послѣднимъ императоромъ Римлянъ» и прибавляетъ къ этому: «я говорю это по отношенію къ настоящему времени, не взирая на то, что послѣ смерти его и его потомковъ были избраны и Рудольфъ, и Адольфъ, и Альбертъ». [329]) Это мѣсто такъ ясно, что сомнѣнія въ правильности нашего истолкованія его не можетъ возникнуть. Король Генрихъ VII рѣшилъ свой походъ въ Римъ на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ, въ сентябрѣ 1309 года; когда Дантъ писалъ приведенное мѣсто, онъ конечно ничего еще не зналъ объ этомъ рѣшеніи.

Послѣ всего приведеннаго, результатомъ этихъ соображеній является тотъ достовѣрный фактъ, что комментарій къ канцонамъ Пира былъ написанъ врядъ ли до 1306 года, но и навѣрно не

въ семь лѣтъ для столь горячо воспріимчиваго человѣка, какъ Дантъ, достаточно было, чтобъ побудить его такъ говорить о горечи изгнанія.

[326]) Пиръ, IV, 24.

[327]) Пиръ, IV, 6: E dico a voi Carlo e Federigo (сицилійскому) regi e a voi altri principi e tiranni etc.

[328]) Предположеніе, будто 24-я глава, и вообще послѣдняя часть четвертаго трактата написана на нѣсколько лѣтъ позже, чѣмъ первыя главы (къ этому прибѣгали, чтобъ объяснить указанное уже мнимое разнорѣчіе) не оправдывается ничѣмъ, въ виду весьма общаго характера изложенія всего этого мѣста въ четвертой главѣ.

[329]) Пиръ, IV, 3: Dov'è da sapere che Federigo di Soave, ultimo imperatore de Romani (ultimo dico per rispetto al tempo presente, non ostante che Ridolfo e Adolfo e Alberto poi eletti sieno appresso la sua morte e de suoi descendenti).

позже апрѣля 1308 г., стало быть въ періодъ между двумя этими годами, совпадающій по всей вѣроятности съ указаннымъ нами пребываніемъ поэта у Мароэлло Маласпина въ Мулаццо. Было, правда, высказано предположеніе, что различныя части Пира написаны были въ разное время; но доказательства, приводимыя въ подкрѣпленіе этого, оказываются столь слабыми, что для насъ нѣтъ надобности останавливаться на ихъ разсмотрѣніи. [330]) Чтобъ быть послѣдовательными, защитники этого взгляда должны были бы начать съ установленія того прочнаго положенія, будто первый, вступительный трактатъ, передающій намъ о горькихъ испытаніяхъ изгнанія, въ качествѣ предисловія написанъ былъ позже всего остальнаго. Въ дѣйствительности-же это введеніе не только не простая формальность, которую писатель охотнѣе выполняетъ подъ конецъ своего произведенія, чѣмъ въ началѣ его, но на него безусловно слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основу задуманнаго зданія; мы не говоримъ уже о томъ, что весь трудъ все таки не былъ оконченъ, такъ что мнимое предисловіе написано было уже послѣ третьяго трактата. Защитники того же взгляда утверждали далѣе, что четвертый трактатъ, который именно и даетъ главнѣйшія доказательства въ пользу нашей даты происхожденія Пира, написанъ былъ не позже всѣхъ, но раньше, чѣмъ даже первый,—тогда какъ одного уже безостановочнаго чтенія всего произведенія достаточно, чтобъ ясно почувствовать, что, не смотря на разнообразіе разсматриваемыхъ въ немъ предметовъ, оно внушено однимъ и тѣмъ-же настроеніемъ духа, которое немыслимо было бы распредѣлить по различнымъ періодамъ. Затѣмъ не слѣдовало-бы также упускать изъ виду, что не только второй трактатъ ссылается на третій, [331]) но и первый прямо упоминаетъ о четвертомъ: [332]) этотъ фактъ прямо противоположенъ предположенію, будто первый трактатъ написанъ послѣ четвертаго; оспаривать его можно лишь путемъ насильственныхъ толкованій. [333])

---

[330]) См. въ особенности у Фратичелли (Opere Minori, II, 2, p. 559, sqq). По его мнѣнію, второй и третій трактатъ возникли даже передъ 1300 годомъ. Также и Рутъ въ своихъ Studien прямо предполагаетъ,что въ 1300 г. Convito уже давно начатъ.

[331]) Convito, II, 16:—siccome nel terzo trattato—fia manifesto.

[332]) Тамъ-же, I, 1: Chè altro si conviene e dire e operare a una etade che ad altra; perchè certi costumi sono idonei e laudabili a una etade, che sono sconci e biasimevoli ad altra, siccome di sotto nel quarto trattato di questo libro sarà propia ragione mostrata.

[333]) Кромѣ того тракт. I, гл. 8 и 12, указыв. на послѣдній (15), а II, гл. 27, на предпослѣдній (14) трактатъ, которые оба не были вовсе написаны;

Для насъ, какъ и для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя этого вопроса, ясно, что Дантъ въ данномъ случаѣ не только работалъ по опредѣленному плану, но что и отдѣльныя части Convito были имъ написаны въ той послѣдовательности, какъ онѣ дошли до насъ. Мы не имѣемъ никакого прямого объясненія причины, почему это произведеніе осталось недоконченнымъ; мы думаемъ однако, что не ошибемся, если предположимъ, что римскій походъ короля Генриха VII прервалъ эту широко задуманную работу, и что послѣ неудачной его развязки поэтъ предпочелъ посвятить всѣ свои силы главному труду всей своей жизни.

Другой запутанный вопросъ касается отношенія Пира къ Новой Жизни. Это соотношеніе между ними существуетъ, какъ Дантъ прямо объ этомъ говоритъ,—но именно въ томъ смыслѣ, что позднѣйшее произведеніе должно дополнять болѣе раннее, а не идти въ разрѣзъ съ нимъ. [334]) Онъ вводитъ здѣсь именно снова личность той сострадательной женщины, которая въ теченіе нѣкотораго времени послѣ кончины просвѣтленной Беатриче была его утѣшительницей и къ которой онъ почувствовалъ временную склонность, выставленную въ Новой Жизни какъ бы невѣрностью. Но въ то время, какъ прежде онъ изображалъ эту сострадательную личность чисто реальнымъ женскимъ существомъ, съ плотью и кровью, здѣсь совершенно измѣняется его тонъ и онъ превращаетъ ее, отрицая совершенно ея реальность, въ безтѣлесную аллегорію, за которою мы ничего иного не должны искать кромѣ философіи. Женщина, которую онъ изображалъ въ первыхъ двухъ канцонахъ возстающею противъ воспоминаній о Беатриче, была будто-бы тою сострадательной личностью, которую мы видѣли въ Новой Жизни, и эта любовь его никогда и не была ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ философіи. [335]) Сообразно съ этимъ, мы должны бы счесть его философскія занятія измѣною памяти Беатриче, такъ какъ Дантъ, какъ уже было замѣчено, придалъ въ Новой Жизни своей любви къ этой благородной, сострадательной женщинѣ характеръ такой измѣны, выразив-

---

и это должно служить доказательствомъ не только опредѣленнаго въ началѣ же плана всего труда, но по всей вѣроятности и строго выдержанной естественной послѣдовательности разработки отдѣльныхъ трактатовъ.

[334]) Пиръ, I, 1, стр. 9: e se nella presente opera, la quale e Convito nominata, e vo che sia, piu virilmente si trattasse che nella Vita Nuova, non intendo però a quella in parte alcuna derogare, ma maggiormente giovare per questa quella; veggendo siccome raggionevolmente quella fervida e passionata, questa temperata e virile esser conviene.

[335]) Convito, II, 1, 13, 16; III, 2, 6, 8, 14, 15.

шись притомъ особенно рѣзко, а теперь отождествляетъ ее съ философіей. Въ этомъ смыслѣ и понимали эти слова, и то предположеніе, которое заставляетъ поэта послѣ смерти предмета его юношеской страсти вдаться въ умственныя, спекулятивныя заблужденія, главнымъ образомъ опирается на эти признанія поэта [336]). Но, несмотря на это, хотя мы даже допустимъ, что въ жизни Данта было время, когда онъ предался пытливому, философскому умозрѣнію, но въ виду предлежащаго намъ факта мы все же не можемъ не уличить его въ противорѣчіи или въ произвольной, хотя и безвредной, фикціи. Мы говоримъ не о томъ, что поэтъ заставляетъ въ Новой Жизни любовь свою къ благородной дамѣ длиться лишь очень короткое время, а что въ Пирѣ наоборотъ философскія его занятія продолжаются многіе годы [337]). Если безъ всякаго предвзятаго взгляда перечесть первыя двѣ канцоны и при этомъ имѣть въ виду и иныя его признанія, то не можетъ остаться сомнѣнія, что онѣ первоначально обращены были дѣйствительно къ женщинѣ, и что потомъ онъ совершенно произвольно, въ угоду дидактическому плану, отрицаетъ у нея всякую реальность. Если Дантъ полагалъ, что ради своей доброй репутаціи онъ обязанъ показать, что не страсть, а добродѣтель внушила ему эти стихотворенія [338]), то, конечно, весьма немногіе изъ его современниковъ (такъ же мало, какъ и люди нашего времени) могли потребовать отъ него подобнаго доказательства; для насъ остается даже вопросомъ, насколько такое предположеніе съ его стороны было серьозно. Такъ напр. третья канцона во всякомъ случаѣ вовсе не нуждалась въ подобномъ позднѣйшемъ оправданіи: въ ней развивается такая тема,—сущность дворянства,—которая въ дѣйствительности, какъ поэтъ самъ на это указываетъ, не имѣетъ ничего общаго съ любовью, а между тѣмъ здѣсь именно и было бы мѣсто для философіи, если она дѣйствительно съ самаго начала была предметомъ этой любви его, и не могла бы выставляться въ качествѣ отклоненія отъ «при-

---

[336]) См. выше стран. 89 и 90

[337]) Въ Новой Жизни, хотя видимо произвольно, идетъ рѣчь лишь о „нѣсколькихъ дняхъ“, въ Пирѣ же почти о трехъ годахъ (тридцать мѣсяцевъ). Convito, II, 13.

[338]) Пиръ, I, 2: Movemi timore d'infamia, e movemi desiderio di dottrina dare, le quale altri veramente dare non può. Temo la infamia di tanta passione avere seguita, quanta concepe chi legge le sopranominate Canzoni in me avere signoreggiato, la quale infamia si cessa, per lo presente, di me parlare, interamente, lo quale mostra che non passione, ma virtu sie stata la movente cagion

вычнаго пути». Если, по увѣреніямъ Данта, сострадательная дама Новой Жизни тождественна съ философіею, какъ онъ ее представляетъ себѣ, и если при этомъ на его любовь къ ней слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отпаденіе, на измѣну памяти Беатриче и вѣщему идеалу, который она въ себѣ воплощаетъ въ его глазахъ,—какъ согласить съ этимъ, что Дантъ въ Пирѣ изображаетъ философію чѣмъ-то необыкновенно возвышеннымъ, божественнымъ, такъ что въ этой склонности невозможно видѣть [339]) измѣны Беатриче, даже если взирать на нее съ высшей точки зрѣнія, какъ на идеалъ; на символъ теологіи, какимъ она является въ Божественной Комедіи? [340]) Замѣтимъ, что нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Дантъ повидимому желаетъ поставить вторую свою любовь выше, чѣмъ первую. Вообще онъ не обходится безъ противорѣчій, какъ это всегда бываетъ, когда писатель желаетъ «таинственно втѣснить» въ стихотвореніе или иное литературное произведеніе такой внутренній смыслъ, который первоначально не имѣлся въ виду. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вымысломъ, въ основѣ котора-

---

[339]) См. въ особенности Convito, III, c. 12. Въ новѣйшее время Рутъ (Studien, стр. 43 и сл., 229 и сл.) доказывалъ, что Пиръ никоимъ образомъ не можетъ занять то мѣсто между Новой Жизнью и Божественной Комедіей, которое ему отводитъ К. Витте, и что это произведеніе отражаетъ умственное заблужденіе Данта, его отпаденіе отъ Беатриче, т. е. . . и повиновенія Богу. См. статью H. Delff въ Dante-Jahrbuch, стр. 59—79. Впрочемъ, намъ кажется непонятнымъ, какъ можетъ Рутъ допустить подъ конецъ „совпаденіе“ donna gentile изъ Новой Жизни и изъ Пира съ Беатриче; чтобъ избѣжать полнѣйшей и ничѣмъ не оправдываемой путаницы, слѣдовало бы во что бы то ни стало разобщать ихъ, въ особенности по отношенію къ Божественной Комедіи, гдѣ Беатриче несомнѣнно изображаетъ собою теологію и никоимъ образомъ не философію, хотя бы даже и „божественную“. Самъ Дантъ впрочемъ достаточно ясно выдѣляетъ Беатриче и въ Convito, II, c. 9, гдѣ читаемъ: Ma perochè della immortalità anima è qui toccato, farò una digressione, ragionando di quella, perche di quella ragionando, sarà bello terminare lo parlare di quella viva Beatrice, della quale piu parlare in questo libro non intendo.—Что Дантъ (въ Пирѣ) все еще различаетъ философію отъ теологіи, указано имъ самимъ (если насъ не обманываютъ всѣ признаки) съ достаточною ясностью въ 3 отдѣлѣ, глава 14 (Opere minori, II, 1, p. 291):—per lunga consuetudine le szienze nelle quali piu ferventemente la Filosofia termina la sua vista, sono chiamate per lo suo nome, siccome la szienza naturale, la morale e la metafisica; la quale perchè piu necessariamente in quelle termina lo suo viso, e con piu ferfore, Filosofia è chiamata. При этомъ „божественность“ философіи остается неприкосновенною.

[340]) Такъ слѣдовало бы дѣйствительно дѣлать, такъ какъ только въ этомъ смыслѣ любовь къ философіи можетъ составить контрастъ съ любовью къ Беатриче, но не къ умершей дочери Портинари.

го, какъ мы сейчасъ узнаемъ, лежало вполнѣ благородное намѣреніе, но который, конечно, нельзя отнести къ числу особенно удачныхъ измышленій поэта.

Въ результатѣ этихъ соображеній обнаруживается, стало быть, что у Данта не было такого опредѣленнаго времени, когда онъ особенно ревностно занимался изученіемъ философіи, но что онъ лишь впослѣдствіи, произвольно, совершенно обезличилъ благородную даму Новой Жизни и превратилъ ее въ аллегорическій образъ философіи, при чемъ придалъ ей такой возвышенный, божественный характеръ, что въ увлеченіи ею никакъ нельзя усмотрѣть измѣны или даже заблужденія. Прибавимъ однако, что изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ въ своей склонности къ философскому умозрѣнію онъ въ извѣстное время усвоилъ себѣ болѣе самостоятельности, чѣмъ онъ впослѣдствіи самъ могъ бы позволить себѣ.

Какъ бы то ни было, тайну долговѣчнаго значенія Пира нужно искать въ иномъ. Аллегорическое истолкованіе было въ сущности лишь средствомъ, которое должно было служить чуждой ему, высшей цѣли. Этою-же ясно высказанной цѣлью была популяризація школьной учености, сближеніе ея съ массою. Пиръ долженъ былъ сдѣлаться обширной, но популярной энциклопедіей, и еслибъ былъ оконченъ, превзошелъ бы всѣ сочиненія подобнаго рода, именно благодаря этой задачѣ своей. Но за то этому произведенію предстояла опасность стать тяжеловѣснымъ,—объясненіе трехъ первыхъ канцонъ вмѣстѣ съ предисловіемъ образуетъ уже само по себѣ довольно объемистую книгу. Во введеніи весьма опредѣленно и пространно высказано, что руководящей мыслью въ этомъ произведеніи Данта было поученіе неразвитого читателя, незнакомаго съ школьной наукой, безъ которой тогда все же нельзя было пріобрѣсти никакихъ общихъ свѣдѣній. Оно должно было вести необразованные слои народа къ наукѣ и добродѣтели [341]), разрушить преграды, отдѣляющія неразвитую массу отъ источника образованія. Всякій согласится, что это была достойная поэта, великая цѣль, и въ ней-то и заключается литературное значеніе Пира, или, прямо можно сказать, все его значеніе. Нигдѣ еще въ ту пору не были сняты оковы цеховой учености, вездѣ еще господствовалъ только латинскій языкъ, на которомъ все писалось, который въ Италіи былъ отчасти даже языкомъ про-

---

[341]) Пиръ, I, 9: il dono veramente di questo Comento é la sentenza delle Canzoni alle quali fatto è, la quale massimamente intende inducere gli uomini a szienza e a virtu, siccome si vedra per lo pelago del loro Trattato.

повѣди; необходимы были многолѣтнія занятія, чтобы овладѣть не только этимъ языкомъ, но и общими знаніями, пріобрѣтаемыми при его посредствѣ. Незначительныя преобразовательныя попытки, которыя сдѣланы были, правда, еще раньше во Франціи, а также и въ Германіи, были слишкомъ маловажны и безрезультатны, чтобъ послужить Данту внушительнымъ примѣромъ. Брунетто Латини, какъ мы уже знаемъ, сознавалъ потребность въ подобномъ трудѣ, но онъ писалъ по-французски, потому что считалъ это болѣе соотвѣтствующимъ его временной обстановкѣ. Но Дантъ не только созналъ эту потребность, но и рѣшилъ удовлетворить ей настоящимъ путемъ. Онъ написалъ свой энциклопедическій комментарій на языкѣ народномъ. Въ этомъ-то и заключалась сущность дѣла. Важнѣе было не то, что онъ обладалъ свѣдѣніями, но то, что онъ передавалъ ихъ массѣ своего народа въ формѣ, доступной для нея. На это онъ и самъ обращалъ особое вниманіе, и его патріотизмъ нигдѣ не дѣйствуетъ съ такою обаятельной привлекательностью, какъ именно тутъ, когда онъ бичуетъ эгоизмъ ученыхъ и клеймитъ ихъ равнодушіе къ народу и отечеству [342]).

Что касается выполненія на дѣлѣ его плана, не нужно, конечно, ожидать систематическаго распредѣленія разработаннаго ученаго содержанія, какъ это бываетъ въ старыхъ и новыхъ энциклопедическихъ сочиненіяхъ; напротивъ Дантъ, пользуясь случайными поводами въ изложеніи содержанія, тѣми или другими выраженіями въ комментируемыхъ стихотвореніяхъ, вноситъ всю свою ученость и сообщаетъ ее читателю. Это въ особенности видно во второмъ и третьемъ трактатѣ. Поэтому сближаются здѣсь основы развитія и древняго міра и среднихъ вѣковъ, образуя при случаѣ пеструю смѣсь. Священное и мірское начало, схоластическія умозрѣнія, мистическіе отголоски, Аристотель и Платонъ, Цицеронъ и Боэцій, астрономія и медицина, нравственность и право мирно сочетаются тутъ. Пиръ не является органическимъ созданіемъ дантовой музы; въ немъ отдѣльныя части произвольно сомкнуты одна съ другою и связующая нить аллегоріи съ трудомъ и слабо сдерживаетъ ихъ вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ здѣсь тотъ сырой матеріалъ, изъ котораго, отлившись только въ изящныя формы, выработались ученыя частности «Божественной Комедіи». Мы видимъ также, какую массу знаній уже собралъ тогда Дантъ въ умѣ своемъ, и, несомнѣнно, эта-та любовь его къ наукѣ, его неутолимая жажда знаній, вмѣстѣ съ его

[342]) См. именно 5 и 6 главу перваго трактата.

надеждами и идеалами и помогли ему не опуститься въ несчастную годину изгнанія, которое обрушилось на него тяжеле, чѣмъ на тысячу другихъ людей; они спасли его отъ одичанія, обыкновенно постигающаго тѣхъ, которые съ меньшимъ нетерпѣніемъ переносятъ подобную участь.

Всѣ разнообразныя темы, собранныя Дантомъ въ его Пирѣ, онъ подчинилъ одному понятію, и этимъ понятіемъ была философія. Понятно, что здѣсь нечего думать объ умозрительной философіи; если уже нужно ее опредѣлить, всего ближе назвать ее нравственной или практической философіей. Но и въ этотъ болѣе обширный объемъ не войдетъ многое, напр., частыя его возвращенія къ народному языку, чью побѣду онъ торжественно возвѣщаетъ. И дѣйствительно, то была побѣда; что онъ писалъ стихотворенія на народномъ языкѣ, въ сущности еще немного значило, но что онъ воспользовался имъ для прозы, что онъ впервые вообще разсматривалъ при его помощи строго научные предметы, это имѣло несказанно великое значеніе, по меньшей мѣрѣ такое-же, какъ почти одновременныя попытки Паолино ди Піери, или Джьованни Виллани писать исторію своего города на томъ же народномъ языкѣ. Если итальянскіе ученые не послѣдовали его примѣру и упорно оставались на старомъ торномъ пути традиціонной латыни, это не его вина, и показываетъ, въ какой степени основательно было его негодованіе на нихъ и какъ зорко провидѣлъ онъ будущее.

Но это употребленіе народнаго языка при изслѣдованіи научныхъ предметовъ вызываетъ въ насъ и другія наблюденія. Поэты другихъ національностей, трубадуры, труверы и др. были также мірянами; въ этомъ отношеніи, стало-быть, Италія ни въ чемъ ихъ не опередила. Иное видимъ мы въ отношеніи прозаиковъ. Исторіографія вездѣ, за исключеніемъ Исландіи, находилась въ рукахъ не только присяжныхъ ученыхъ, но по большей части и духовенства. Въ Италіи же въ теченіе довольно уже продолжительнаго времени историки были главнымъ образомъ міряне, тѣ же, которые писали на народномъ языкѣ, были сплошь мірянами. Образованное, въ умственномъ отношеніи самостоятельное среднее сословіе, порожденіе итальянскаго общиннаго духа, и было именно тѣмъ элементомъ, котораго еще недоставало остальнымъ романскимъ и германскимъ народамъ и который они развили гораздо медленнѣе и далеко не такъ совершенно, какъ Итальянцы [343]). Въ томъ, что мірянинъ скорѣе принимался за перо, чѣмъ лицо ду-

[343]) См. наше введеніе, стр. 23.

ховное, ради пользы всеобщаго развитія, не было, конечно, ничего необычайнаго, но что онъ обладалъ не только всѣми мірскими знаніями, но и богословскимъ развитіемъ, и передавалъ ихъ въ совокупности людямъ непосвященнымъ, необразованнымъ, народу, и что онъ поступалъ такъ съ яснымъ умысломъ, это было новостью, явленіемъ чрезвычайнымъ. И этотъ умыселъ, это честное стремленіе просвѣтить необразованную массу, освободить ее отъ опеки ученыхъ, дать ей коснуться устами непосредственно самого источника знанія, это стремленіе, проникающее всю книгу, для меня было всегда гораздо цѣннѣе, чѣмъ та дѣйствительно связующая сила, сдерживающая разнообразное и лишенное системы содержаніе, которую представляетъ собою извѣстная уже намъ аллегорія. То-же самое достоинство,—именно популяризація школьной учености, свойственно и «Божественной Комедіи», но тамъ оно является лишь однимъ изъ многихъ и иногда еще величественнѣйшихъ свойствъ этого произведенія тогда, какъ здѣсь оно важнѣйшее, первостепенное.

Во всемъ пестро-смѣшанномъ содержаніи П и р а оригинальными являются лишь замѣчанія о народномъ языкѣ и разсужденія объ императорской власти. Дантъ, какъ извѣстно, написалъ точно также недоконченную книгу о народномъ языкѣ, о которой намъ придется говорить позднѣе. Хотя она написана была послѣ Пира, самый планъ ея составленія возникъ уже раньше, какъ это видно изъ пятой главы перваго трактата, гдѣ Дантъ высказываетъ намѣреніе когда-нибудь написать самому «съ Божьей помощью» книгу о народномъ языкѣ [344]). Важною для оцѣнки политическаго значенія Данта является его теорія о дворянствѣ, заключающаяся въ третьей канцонѣ и объясненная и защищаемая въ комментаріѣ. Поэтъ избираетъ для этого поводомъ приписываемое императору Фридриху II выраженіе, что дворянство заключается въ утонченности нравовъ и унаслѣдованномъ богатствѣ. Противъ этого возстаетъ онъ и совершенно отвергаетъ родовое дворянство. Личныя дарованія, добродѣтель, по его словамъ, одни только и составляютъ дворянство. Гдѣ руководитъ добродѣтель, тамъ господствуетъ и дворянство, а не наоборотъ. Этотъ взглядъ представляетъ собою доктрину, которая въ существенныхъ чертахъ была уже выставляема Ѳомою Аквинскимъ, и урожденный аристократъ съ такой силой ухватывается за нее, что даже прино-

---

[344]) Пиръ, трактатъ I, гл. 5. Сравн., впрочемъ, ниже отдѣлъ, посв. книгѣ «О народномъ языкѣ».

ситъ ей въ жертву авторитетъ Аристотеля [345]). Онъ вскорѣ долженъ былъ увидать на дѣлѣ, что его склонность все идеализировать съиграетъ съ нимъ злую шутку. Пришло время, когда онъ взялъ назадъ это воззрѣніе свое, и, для того, чтобъ найти опору для ученія о міровой монархіи, призналъ законность родового дворянства, какъ ни идеальна и ни чужда политикѣ эта теорія его [346]).

Еще важнѣе эпизодъ Пира, касающійся императорской власти. Онъ уже содержитъ въ себѣ въ краткихъ чертахъ существенныя черты его системы міровой политики, которую онъ нѣсколько лѣтъ спустя изложилъ въ самостоятельномъ трудѣ. Поэтому мы не войдемъ пока въ ближайшее ея разсмотрѣніе. Но мы теперь же хотѣли бы обратить вниманіе на то, что въ этомъ четвертомъ трактатѣ, который несомнѣнно написанъ былъ не позже начала 1309 г., его политическая система уже является совершенно сложившеюся, и это служитъ новымъ разительнымъ доказательствомъ, что образованіе ея было независимо отъ появленія короля Генриха VII въ Италіи.

---

[345]) Politica, III, 12, 13.

[346]) Въ разсужденіи de Monarchia, кн. II, Дантъ снова обращаетъ особое вниманіе на наслѣдственность при разсмотрѣніи сущности дворянства, и для меня является несомнѣннымъ, что, такъ какъ этотъ взглядъ нужно признать зрѣлѣе и ближе къ дѣйствительности, онъ, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ тотъ абстрактный, доктринерскій, неисторическій. Я вывожу также изъ этого, что Monarchia написана позже, чѣмъ Пиръ. Въ „Божественной Комедіи“ также есть мѣста, которыя согласуются съ взглядами, высказанными въ Монархіи. Такъ напр., уже въ Аду, XV, 73, гдѣ древнѣйшее населеніе Флоренціи, происходящее отъ древне-римскихъ колонистовъ, противоставляется позднѣйшему, прибывшему изъ Фіезоле (сравн. съ этимъ Рай, XVI, 49). Благородство своего собственнаго происхожденія Дантъ все-таки очень умѣлъ цѣнить, и въ гораздо позднюю пору, чѣмъ та, когда написано было приведенное мѣсто въ Convito (см. Рай, XVI, 1—9), онъ восклицаетъ:

O poca nostra nobilta di sangue!
Se gloriare di te la gente fai
Quaggiù, dove l'affetto nostro langue,

Mirabil cosa non mi sara mai;
Chè là, dove appetito non si torce,
Dico nel Cielo, io me gloriai.

Но онъ не преминулъ прибавить къ этому слѣдующее замѣчаніе, вѣрное для всѣхъ временъ и слишкомъ часто подтверждающееся на опытѣ:

Ben se'tu manto che tosto raccorce
Si che, se non s'appon de die in die,
Lo tempo va dintorno con le force.

Рай по общему предположенію написанъ лишь послѣ 1315 года.

Приведенными указаніями, надѣемся, мы достаточно выяснили значеніе Пира. Мы старались выставить его тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ чаще замѣчалась невѣрность въ сужденіяхъ объ немъ, особенно со стороны тѣхъ, которыхъ отпугивала нѣсколько черствая схоластическая манера. Изученіе Пира кромѣ того имѣетъ еще особый интересъ: оно необыкновенно помогаетъ изученію «Божественной Комедіи» [347]). Еслибъ настоящее произведеніе было закончено, мы убѣждены, что объяснители Данта избавились бы тогда отъ многихъ ошибокъ и напраснаго кропотливаго труда, а тѣнь поэта избавлена была-бы отъ многихъ оскорбленій. Но и въ своемъ несовершенномъ видѣ Пиръ является драгоцѣннымъ сокровищемъ, которое не изучалось до сихъ поръ съ достаточнымъ рвеніемъ и искусствомъ, въ виду его важности для пониманія великой дантовой поэмы. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не историческія данныя, необходимыя для того, но тѣ тенденціи и мѣста «Божественной Комедіи», для разъясненія которыхъ архивы не даютъ ничего. Въ этомъ-же отношеніи Пиръ даетъ разнообразныя и весьма желанныя указанія, которыя еще болѣе заставляютъ жалѣть, что онъ остался недоконченнымъ. Еслибъ его можно было возстановить вполнѣ, мы-бы безъ раздумья готовы были пожертвовать девятью десятыми наличнаго комментарія.

6.

Жизнь Данта во время римскаго похода короля Генриха VII.

Всякой великой идеѣ, нашедшей себѣ живое выраженіе въ исторіи, свойственно не исчезать внезапно, хотя-бы большая доля человѣчества уже отвернулась отъ нея. Она продолжаетъ жить и послѣ этого, слѣды, ею оставленные, говорятъ о ней, и отдѣльныя личности, нерѣдко съ слишкомъ даже большою готовностью, подкупаемыя блескомъ воспоминаній, подчиняясь внушеніямъ своего духа, стремящагося вспять, даютъ увлечь себя до оживленія этой идеи. Они доходятъ — до мечтательнаго заблужденія, будто ей можно

---

[347]) Въ Convito, правда, нѣтъ недостатка (кромѣ приведенныхъ уже нами) во многихъ выраженіяхъ и взглядахъ, которые являются въ совершенно иномъ видѣ въ „Божественной Комедіи“ (и именно въ Раю); но это указываетъ лишь на болѣе позднюю пору сочиненія ея и, стало-быть, и на высшую степень развитія поэта въ позднѣйшій періодъ.

снова возвратить утраченную мощь, — лишь только видимо благопріятныя обстоятельства совпадутъ съ личнымъ ихъ настроеніемъ. Но такъ же часто бываетъ, что эта попытка не удается, и, чѣмъ серьознѣе она была выполнена, тѣмъ несомнѣннѣе гибнетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сама идея.

Это историческое положеніе, выведенное на опытѣ, осуществилось на дѣлѣ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія по отношенію къ изучавшемуся потомъ не разъ политическому созданію среднихъ вѣковъ,— римской имперіи германскаго происхожденія. Со времени пресѣченія швабскаго императорскаго дома, она перестала быть настоящею силой; условія ея жизненнаго бытія были уничтожены. Время правленія Фридриха II, и даже сама его система, существенно содѣйствовали тому, что идеальныя и, еще болѣе, реальныя основы имперіи распадались. Пора междуцарствія ускорила это превращеніе стараго порядка. Когда со времени выбора Рудольфа Габсбургскаго Германія опять вернулась къ самосознанію, она была уже искушена опытомъ, и положеніе королевской власти, какъ и вообще все положеніе дѣлъ такъ перемѣнились, что Рудольфу, не смотря на сильное его желаніе, невозможно было предпринять походъ въ Римъ, чтобъ добыть себѣ императорскую корону. Политика папъ на время дѣйствительно достигла своей цѣли, свѣтская власть стала подвластной имъ и была безсильна безъ благословенія церкви. Король Рудольфъ ради германскаго королевскаго достоинства принужденъ былъ порвать съ своимъ гибеллинскимъ прошлымъ и примкнуть къ гвельфскимъ принципамъ [348]). То же было и съ Адольфомъ нассаускимъ, и съ своенравнымъ Альбрехтомъ, который не чувствовалъ себя безопаснымъ въ обладаніи властью до тѣхъ поръ, пока Бонифацій VIII не призналъ ее. Въ качествѣ условія ихъ признанія престоломъ св. Петра, всѣ трое принуждены были торжественно обѣщать удержаніе впредь новой территоріальной организаціи Италіи, и безъ папскаго согласія не смѣли даже прибыть въ Италію [349]). Какъ уже было указано, вовсе нельзя думать, чтобъ разсудительное соображеніе обстоятельствъ подавило въ Рудольфѣ замыселъ идти за Альпы; напротивъ, скорѣе можно найти вѣрныя указанія, что онъ гораздо тѣснѣе сжился съ этимъ планомъ, чѣмъ это расположена была допустить до сихъ поръ

[348]) Monum. Germaniae Hist. Legum, томъ II: Rudolfi I Regis Constitutiones Conventus Laussanensis, p. 403—406, также 394. Confirmatio Privilegiorum Romanae ecclesiae.

[349]) См. въ особенности альбрехтово Promissio Bonifacio VIII; Monumen. Ger., ibid. p. 483.

ходячая историческая традиція [350]). То же можно утверждать и относительно обоихъ непосредственныхъ его преемниковъ [351]); всѣ три были удержаны отъ исполненія подобнаго предпріятія гораздо болѣе мѣстными нѣмецкими обстоятельствами, раннею смертью или политикою папъ, чѣмъ собственнымъ убѣжденіемъ въ запоздалости такого начинанія.

Какъ бы то ни было, они воздержались отъ него, и Италія была предоставлена сама себѣ. У нея было достаточно времени, чтобъ основательно изгладить слѣды нѣмецкаго господства. Ломбардскіе и тосканскіе гибеллины старались, правда, часто вовлекать нѣмецкихъ королей въ свои интересы, побуждали ихъ къ походу въ Римъ, не мало посольствъ посылалось съ обѣихъ сторонъ, появлялись даже имперскіе намѣстники съ небольшими отрядами нѣмецкихъ войскъ, но все это не имѣло дальнѣйшихъ результатовъ; намѣстники выказывали большую вѣжливость по отношенію къ Гвельфамъ, чье золото не разъ убѣждало ихъ съ особенной быстротой въ безплодности ихъ миссіи.

Немногіе въ Италіи вѣрили еще, что когда-нибудь придетъ на мысль королю германскому продолжать то дѣло, которое Фридрихъ II такъ неохотно прервалъ; впрочемъ, была одна партія, которая про себя желала этого. Вообще же интересы почти всѣхъ властителей въ Италіи, а кромѣ того и во Франціи, были противны подобному начинанію, и, въ случаѣ его осуществленія, несомнѣнно стали-бы союзниками между собой.

Пока живъ былъ папа Бонифацій VIII, Гвельфы по многимъ причинамъ оставались безопасными съ этой стороны; но вскорѣ послѣ его смерти обстоятельства приняли такой оборотъ, который грозилъ совершенно измѣнить прежнее положеніе дѣлъ. Мы уже говорили, что ближайшій преемникъ Бонифація, Бенедиктъ XI, занялъ по отношенію къ итальянскимъ партіямъ болѣе умѣренное, примиряющее положеніе, и показали, какъ и почему вслѣдъ затѣмъ папа Климентъ V, по крайней мѣрѣ на время, сталъ выше всѣхъ партій. Точно также мы уже знаемъ, что Гвельфы прямо воспротивились примирительной политикѣ папы и не повиновались его велѣніямъ. То былъ фактъ примѣчательный: трехсотлѣтнія союзныя отношенія папства и Гвельфовъ были порваны и замѣнились враждебностью! Нельзя было предвидѣть, до какихъ крайностей можетъ

---

[350]) Böhmer, Regesten Rudolfs von Habsburg (въ его „Kaiserregesten, von 1246—1313“. Штутгартъ, 1844).

[351]) Бэмеръ, тамъ же. Регесты короля Адольфа и Альбрехта I.

довести этотъ разрывъ; но дѣло однако не дошло до этого; съ достаточной быстротой совершилось событіе, которое, точно въ силу естественной необходимости, подъ конецъ возстановило прерванное единство старинныхъ союзниковъ.

Исполнить это могъ лишь общій врагъ. Онъ не замедлилъ явиться, но именно оттуда, откуда его никто бы не могъ ожидать,—изъ Германіи. Совершилось то, на что мы выше указывали: почти совершенно забытая идея имперіи встрѣтила въ носителѣ германскаго королевскаго сана негаданнаго защитника, который съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшился снова возвратить ей прежнее значеніе. Король Альбрехтъ I былъ убитъ 1-го мая 1308 года, и семь мѣсяцевъ спустя былъ единогласно выбранъ собравшимися курфюрстами во Франкфуртѣ преемникомъ его Генрихъ, графъ Лютцельбургскій [352]). Болѣе могущественные нѣмецкіе владѣтели не имѣли никакихъ разсчетовъ на корону, прежде служившую предметомъ столькихъ искательствъ. Спокойное пользованіе своей властью и упроченіе своего могущества въ нѣмецкихъ земляхъ, развившагося въ ущербъ государственному единству съ самаго начала продолжительнаго междуцарствія, казалось имъ болѣе благодарнымъ призваніемъ. Но они имѣли еще настолько чувства собственнаго достоинства и столько разсудительности, чтобъ отвергнуть настоятельно предлагаемаго имъ папой и въ особенности французскимъ королемъ графа Карла Валуа; они полагали, что удовлетворятъ и своему эгоизму и патріотическому чувству, если изберутъ королемъ безвластнаго, но храбраго и рыцарственнаго нѣмецкаго графа, за котораго ходатайствовалъ братъ

---

[352]) Срав. Barthold, Der Römerzug König Heinrich's von Lützelburg, томъ I, стр. 301 и сл.—Бэмеръ, Регесты Генриха VII, введеніе.—W. Dönniges, Acta, Henrici VII Imperatoris Romanorum etc. Berolini, 1839, 2 тома и его же Geschichte des deutschen Kaiserthums im vierzehnten Jahrhundert, von Heinrich VII bis auf den Tod Carl IV, 1308—1378. Berlin, 1841; Коппъ. Geschichte der eidgenössischen Bünde, IV, 1.—Gregorovius, l. c., томъ V; Bonaini, Francisco: Acta Henrici VII, Romanorum Imperatoris ets. Opus posthumum. Pars prima et secunda, Florentiae, 1877.—Robert Pohlmann: Der Römerzug Kaiser Heinrichs VII und die Politik der Curie, des Hauses Anjou und der Welfenliga, Nürnberg, 1875 (авторъ былъ поставленъ въ весьма благопріятныя условія тѣмъ, что могъ пользоваться книгой Бонаини прежде ея напечатанія. Онъ въ особенности идетъ вразрѣзъ съ прежнимъ изложеніемъ политики и образа дѣйствій папы Климента V (отчасти не безъ основанія); но, быть можетъ, онъ столь же далеко отклоняется въ своемъ оптимизмѣ, какъ его предшественники далеко заходили въ пессимизмѣ. Быть можетъ, впечатлѣніе, производимое его доводами, вышло бы нѣсколько иное, еслибы онъ излагалъ предметъ своего сочиненія въ одной связи, вмѣсто того чтобы дѣлить его на части, какъ онъ это сдѣлалъ.

его, архіепископъ трирскій Балдуинъ. Въ Германіи никогда не отвергали совсѣмъ королевской власти, но довольствовались тѣмъ, что обрѣзали ей крылья возможно короче! Климентъ V, охваченный мыслью вовлечь западъ въ крестовый походъ, не помѣшалъ этому избранію, такъ какъ имѣлъ основаніе предполагать, что избранный король склоненъ примкнуть къ этой завѣтной идеѣ папы [353]).

Генриху было сорокъ шесть лѣтъ, когда онъ, не безъ противодѣйствія съ его стороны, допустилъ возложить на свое чело корону, къ великому негодованію Франціи. Онъ не имѣлъ за собой великаго прошлаго. Выросъ онъ въ люцельбургскомъ замкѣ; географическое положеніе его крохотнаго наслѣдственнаго владѣнія рано поставило его въ соприкосновеніе съ французскимъ дворомъ; король Филиппъ посвятилъ его въ рыцари и принялъ въ свою службу [354]). По внѣшнимъ своимъ пріемамъ онъ былъ гораздо болѣе Французъ, чѣмъ Нѣмецъ; привычнымъ языкомъ для него былъ французскій, такъ что на этомъ языкѣ велись даже протоколы его тайнаго совѣта [355]). Но по внутреннимъ своимъ свойствамъ онъ былъ настоящимъ Нѣмцемъ и не имѣлъ ничего общаго съ французскимъ элементомъ. Онъ въ сильной степени былъ въ зависимости отъ настроенія своего духа, проникнутъ былъ честолюбіемъ и жаждой дѣятельности, которая однако умѣрялась и облагораживалась глубокой религіозностью. Въ Германіи этотъ позывъ къ подвигамъ не могъ найти удовлетворенія: возникшая тѣмъ временемъ власть отдѣльныхъ земскихъ государей окружила тронъ такимъ тѣснымъ кругомъ, что о широкой дѣятельности не могло быть и рѣчи. Силы его собственной страны были ничтожны, и хотя онъ съ первыхъ же дней послѣ своего избранія въ короли присоединилъ къ владѣніямъ своей семьи Чехію, Германія все таки не могла уже вполнѣ приковать его къ себѣ. Рѣшимость стать во главѣ всего христіанскаго міра и прежде всего возстановить имперію въ Италіи уже овладѣла имъ. Она, какъ кажется, порождена была его романтической, идеальной натурой, которой не давала никакой пищи родина, ставшая столь прозаическою. Необыкновенно возвышенныя представленія о значеніи его сана (въ этомъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ) склады-

---

[353]) См. чрезвычайно интересную статью I. Гейдеманна „Die Königswahl Heinrichs von Luxemburg im Iahre 1308“ въ Forschungen z. deut. Gesch., томъ 11 стр. 40—78.

[354]) Dominicus, Baldewin von Luxemburg, Erzbischof und Kurfürst von Trier. Coblenz, 1862, стр. 33—50.

[355]) Бэмеръ, введеніе къ Регестамъ кор. Генриха VII.

вались въ его умѣ въ цѣльный и увлекательный образъ. Мы изъ этого уже видимъ, что онъ не зналъ Италіи; и дѣйствительно, не руководясь ни знаніемъ, ни оцѣнкою положенія дѣлъ въ Италіи, измѣнившагося въ ней столько же, даже еще рѣзче, чѣмъ въ Германіи, онъ отдался своему смутному влеченію.

Порядокъ вещей въ Германіи не былъ, конечно, вполнѣ упроченъ (мы напомнимъ читателю хотя бы о замѣшательствахъ въ Вюртембергѣ), но въ виду великаго призванія, которымъ полна была душа Генриха,—въ его глазахъ было бы ничѣмъ неизвинимой несправедливостью, еслибъ такія побочныя препятствія и неясности удержали его отъ настоящаго дѣла. Завѣтный его принципъ сталъ для него догматомъ, и ему прежде всего предстояло снова осуществить его въ Италіи, гдѣ почти никто больше не думалъ о немъ и гдѣ, по его мнѣнію, это-то безвѣріе и породило все зло. Настолько взглядъ его былъ вѣренъ, что онъ увидалъ въ прекращеніи борьбы партій, въ возстановленіи мира величайшую потребность Италіи; [356]) но онъ полагалъ, что это зло можетъ быть парализовано возникновеніемъ императорской власти,—и это было не малое заблужденіе, самообольщеніе, которое могло быть порождено лишь непониманіемъ характера Итальянцевъ, степени своей собственной силы и вообще всего политическаго развитія и положенія дѣлъ въ южной Европѣ.

Но по натурѣ своей онъ не былъ склоненъ вдаваться въ подобныя соображенія, блескъ императорской короны затуманилъ его взглядъ, и онъ рѣшилъ посвятить всю свою будущность, всѣ свои силы пріобрѣтенію этой блескъ и осуществленію связанныхъ съ нею правъ и притязаній. На этомъ рѣшеніи онъ настаивалъ тѣмъ рѣшительнѣе, что папа ничѣмъ не препятствовалъ исполненію его желанія. Въ августѣ 1309 года Генрихъ, находясь въ Гейльброннѣ, получилъ давно желанную вѣсть о томъ [357]). Нельзя вообще не замѣтить,—и ничто такъ живо не характеризуетъ Генриха, ушедшаго совершенно въ сферу абстрактныхъ идеаловъ,—что онъ считалъ возможнымъ выполнить свое намѣреніе въ полномъ соглашеніи съ папствомъ; поэтому то онъ приступилъ къ приготовленіямъ лишь тогда, когда получилъ на то согласіе папы. Оба властителя видимо не взвѣсили вовсе всей важности шага, ради котораго соединя-

---

[356]) Бэмеръ, Regesten, письмо Генриха къ Мантуанцамъ отъ 24-го іюня 1309, и др.

[357]) Бэмеръ, тамъ-же, стр. 267.

лись, и скрывали отъ себя внутреннее противорѣчіе, въ которомъ они находились другъ къ другу, несмотря на кажущееся согласіе. Папа въ сущности думалъ только о крестовомъ походѣ, для котораго онъ надѣялся найти въ Генрихѣ слѣпое орудіе, и думалъ, что можетъ заманить его блескомъ императорской короны, въ остальномъ же удержать въ неизмѣнномъ видѣ то положеніе дѣлъ и распредѣленіе власти въ Италіи, которое сложилось со времени паденія Гогенштауфеновъ; Генрихъ-же желалъ прежде всего привести въ порядокъ расшатавшееся положеніе дѣлъ въ Италіи и снова водворить въ своихъ правахъ павшее значеніе имперіи, и только послѣ того приступить къ осуществленію крестоваго похода. Относительно этого различія во взглядахъ и намѣреніяхъ, какъ уже мы сказали, и король и папа съ самаго начала поддерживали другъ въ другѣ полную неясность,—и вслѣдствіе этого неминуемо должно было дойти до того, что, лишь только всякое заблужденіе на этотъ счетъ стало уже невозможнымъ, они стали лютыми врагами. Генрихъ повидимому всего менѣе ясно сознавалъ неминуемыя политическія слѣдствія своихъ теоретическихъ воззрѣній, хотя и слѣдуетъ допустить, что успѣхъ и ходъ обстоятельствъ увлекли его съ теченіемъ времени дальше, чѣмъ онъ самъ первоначально предполагалъ.

Какъ бы то ни было, Генрихъ, не медля долѣе, прямо пошелъ къ цѣли. Уже заранѣе король отправилъ за Альпы довѣренныхъ людей, которымъ поручилъ возвѣстить о его планахъ. На собраніи у короля въ Шпейерѣ (въ августѣ 1309 г.)—этотъ походъ въ Римъ былъ торжественно рѣшенъ при общемъ согласіи всѣхъ государей. Уже прибыли послы отъ итальянскихъ Гибеллиновъ, которые сулили золотыя горы, все изображали въ самомъ розовомъ свѣтѣ и необыкновенно преувеличивали силы своей собственной партіи [358]). Генрихъ вѣрилъ имъ, хотя ихъ уговоры не имѣли рѣшительнаго вліянія на его планы. Тотчасъ же предприняты были приготовленія къ походу и отправлены послы въ Верхнюю Италію и Тоскану, которые должны были предварить о его прибытіи и проложить ему пути.

Эта вѣсть привела верхнюю и среднюю Италію въ сильнѣйшее волненіе; она пронеслась, какъ молнія по ясному небу. Побѣжденные почти во всѣхъ городахъ или-же изгнанные Гибеллины торжествовали, Гвельфовъ же охватило чувство, которое по справедливости

---

[358]) Nicol., episc. Bothrontin., Relatio de itinere italic. Henrici VII. Imperat. ad Clementem V (Muratori, IX, col. 588).

можно назвать ужасомъ. Они, правда, уже забыли объ имперіи, научились презирать ее, и не при ея имени такъ испугались они, — вѣдь они даже и не вѣрили въ нее. Но чего дѣйствительно они могли опасаться, такъ именно того, что вторгающійся король можетъ стать во главѣ гибеллинской партіи, собрать вокругъ себя разрозненныя силы бѣглецовъ и своимъ появленіемъ побудить къ отпаденію всѣхъ колеблющихся и двоедушныхъ. Гибеллины вздохнули свободнѣе: они вѣрили въ осуществленіе того, что пугало Гвельфовъ, въ возстановленіе ихъ партіи Генрихомъ и подавленіе партіи противной. Почти никто не смотрѣлъ на вопросъ съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, почти никто не желалъ успокоенія народа и примиренія партій при помощи третьяго, превыше ихъ стоящаго, принципа. Лишь одинъ человѣкъ, проникнутый свѣтлымъ самосознаніемъ, лелѣялъ эти надежды,—и то былъ человѣкъ, не имѣвшій властительной роли, который до той поры тщетно старался привить той партіи, къ чьимъ принципамъ примыкалъ въ жизни, патріотическія убѣжденія взамѣнъ эгоистическихъ. То былъ Дантъ.

Мы не знаемъ въ точности, гдѣ поэтъ-изгнанникъ получилъ вѣсть о рѣшенномъ уже или же только предположенномъ походѣ въ Римъ вновь избраннаго германскаго короля. Одно лишь несомнѣнно, что теперь уже онъ убѣжденъ былъ, что настало время для осуществленія его надеждъ. Намъ необходимо имѣть въ виду, что изученіе Пира дало намъ послѣднее и убѣдительное доказательство, что политическіе идеалы Данта уже совершенно развились прежде, чѣмъ наступилъ этотъ переворотъ, послѣдствія котораго еще нельзя было предвидѣть. Сущностью ихъ было возстановленіе имперіи, или лучше сказать основаніе міровой монархіи, въ которой императоръ долженъ былъ стать высшимъ руководителемъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ, папа же вождемъ человѣчества въ его чисто-религіозныхъ потребностяхъ; безъ этого міроваго строя человѣчество не можетъ достигнуть своей цѣли. Пусть не сочтутъ за это Данта простымъ мечтателемъ. Въ системѣ его есть и практическая основа,—и она заключается въ требованіи объединенія Италіи, избавленія ея отъ изнуряющей горячки борьбы партій и отъ антипатріотическаго самодовольства общинъ и династовъ. Система его изошла первоначально изъ его чувства патріотизма и подъ вліяніемъ фантазіи и мистики дошла до идеи о міровой монархіи [359]). Въ послѣднее время поэтъ чувствовалъ себя мало-

[359]) Ради этой общей связи мы привели уже здѣсь предварительно нѣсколько указаній относительно политической системы Данта. Что наше воз-

душнымъ и запуганнымъ; теперь-же, при этой вѣсти о рѣшеніи Генриха и его планахъ, онъ снова ожилъ и увидалъ въ этомъ событіи указаніе судьбы, косвенное вмѣшательство божества.

Дѣйствительно, нельзя не счесть замѣчательнымъ совпаденіемъ обстоятельствъ, что въ то самое время, когда одинокій этотъ итальянскій патріотъ выработалъ свою систему, нѣмецкій король, выросшій въ далекомъ, заброшенномъ Лютцельбургѣ, принялъ рѣшеніе двинуться въ Италію и тамъ на практикѣ осуществить теорію поэта, о которомъ не вѣдалъ вовсе. Дантъ считалъ долгомъ проложить путь своему герою; поэтому, онъ, вѣроятно, вскорѣ приступилъ къ разработкѣ своей знаменитой книги **de Monarchia**, въ которой онъ съ возможною убѣдительностью и подробностью изложилъ свою политическую доктрину, дѣятельно пропагандируя ее[360]). Но не только это имѣлъ онъ въ виду, онъ стремился къ еще болѣе непосредственному, публицистическому вліянію, и потому выпустилъ въ то же время летучій листокъ, гдѣ выразилъ радостныя ожиданія свои и своей партіи, предвѣщалъ подчиненіе Гвельфовъ волѣ вступающаго въ Италію императора и приводилъ нѣсколько доказательствъ высшаго предназначенія римской имперіи[361]). «Взирайте на это желанное время, такъ начинаетъ онъ, «когда появляются признаки утѣшенія и миролюбія. Заблисталъ новый день, и блескъ, который онъ являетъ, разгоняетъ уже мракъ утомительно долгихъ несчастій. Уже

зрѣніе вѣрно, въ томъ убѣждаетъ насъ въ особенности одно мѣсто въ Чистилищѣ, VI, 76 и слѣд. Здѣсь говоритъ уже не космополитъ, но патріотъ, и такъ опредѣленно, что въ насъ западаетъ убѣжденіе, что эти стихи написаны во время похода Генриха.

[360]) Мы уже указали выше (примѣч. 220), что не можемъ вполнѣ принять доводы Витте, доказывающаго, что названное сочиненіе написано было уже до 1300 года. Оно несомнѣнно не возникло позже римскаго похода и, насколько мнѣ извѣстно, никто серьозно не утверждалъ ничего подобнаго; такимъ образомъ все-таки само собою получается указаніе на пору, современную этому походу, если нельзя принять доводы въ пользу даты раньше 1301 года. Хотя, въ точности доказать этого нельзя, но я склоненъ былъ бы отнести возникновеніе этого сочиненія всего вѣрнѣе къ 1309—1312 гг., т. е. послѣ Convito, такъ какъ именно четвертый трактатъ его, гдѣ также разсматривается вопросъ объ имперіи, безъ сомнѣнія, написанъ до 1309 г. Еслибъ книга о Монархіи была тогда уже написана, Дантъ, конечно, упомянулъ бы при этомъ случаѣ объ ней; кромѣ того соотвѣтствующія мѣста въ Пирѣ не всегда согласуются съ подобными же частностями въ Монархіи. Но обо всемъ этомъ мы говоримъ подробнѣе ниже.

[361]) Фратичелли, Opere minori di Dante, III, 2, p. 213. — Torri, l. c., p. 28, гдѣ находится также и подлинный латинскій текстъ. Мы цитируемъ лишь отчасти по переводу Каннегисера.

повѣялъ нѣжный утренній вѣтеръ, небо алѣетъ по своимъ окраинамъ и съ сладостной ясностью подтверждаетъ предчувствія народовъ. И мы увидимъ также желанную радость, мы, такъ долго ночевавшіе въ пустынѣ. Титанъ-носитель мира снова воспрянетъ, и справедливость, совсѣмъ замершая безъ лучей солнца, какъ вымираютъ растенія въ пору солнечнаго поворота, снова оживетъ. Она насытитъ сіяніемъ своихъ лучей всѣхъ, кто голодаетъ или томится жаждою; тѣ же, кто преданъ несправедливости, смутится передъ ея блистающимъ ликомъ. Вотъ ужъ, сострадая, прислушивается левъ колѣна Іудова и, сжалясь при вопляхъ всеобщаго плѣненія, пробуждаетъ онъ второго Моисея, который освободилъ свой народъ отъ египетскихъ мукъ, и поведетъ его въ страну, гдѣ текутъ рѣки медовыя и молочныя. Радуйся нынѣ, Италія,—ты могла вызывать состраданіе даже въ Сарацинахъ, отнынѣ же ты будешь предметомъ зависти для всего земного шара. Твой женихъ, утѣшеніе всего міра и гордость твоего народа, богатый милостями Генрихъ, подобный божеству, Августъ, Цезарь, спѣшитъ къ брачному обряду. Осуши слезы и истреби слѣды огорченій, прелестная; близокъ уже тотъ, кто освободитъ тебя изъ темницы безбожниковъ, кто, побивая злыхъ, нанесетъ имъ гибель острымъ мечемъ своимъ и отдастъ свой виноградъ другимъ дѣлателямъ, которые соберутъ въ пору жатвы плоды справедливости. Но развѣ Августъ не возъимѣетъ состраданія ни къ кому? Мало того, онъ проститъ всѣмъ, кто обратится съ мольбою къ его сострадательности,— вѣдь онъ Цезарь, его величіе исходитъ изъ источника кротости.... Очистись, о кровь лонгобардская, отъ накопленнаго вѣками варварства, и если что еще уцѣлѣло отъ сѣмени Троянцевъ и Латиновъ, дай ему просторъ, чтобъ высокопарящій орелъ, когда, низринувшись подобно молніи, онъ явится на землю, не увидалъ, что его птенцы извергнуты и что родное его мѣсто занято молодыми воронами. Въ путь-же, спѣшите въ путь, сыны Скандинавіи [362]), чтобы и вы, насколько это васъ касается, порадовались присутствію того, чьего прибытія вы справедливо страшитесь. Пусть не увлекаетъ васъ обманчивое стремленіе усыплять бдительность разума, подобно сиренамъ, какою-то невѣдомою мнѣ сладостью лести. Предупредите гнѣвъ его признаніемъ вашей покорности и ликуйте псалмами раскаянія, зная, что противящійся власти противится божественному велѣнію, и что тотъ, кто

[362]) Дантъ называетъ лонгобардовъ «сынами Скандинавіи», слѣдуя преданію, гласившему, будто они первоначально жили на этомъ полуостровѣ.

оспариваетъ велѣніе Бога, идетъ противъ неизмѣнной воли Всемогущаго; а тяжело вѣдь «прати противъ рожна.»

«Вы же, подавленные и печалящіеся, воспряньте духомъ, ибо близко ваше спасеніе. Вооружитесь благороднымъ смиреніемъ и, разбивъ камни глухой вражды, разравняйте малую ниву вашего духа, чтобы небесный дождь, идя на встрѣчу вашему посѣву, не напрасно ниспалъ съ величественнѣйшихъ высотъ. Не отвергайте отъ себя божественной милости, подобно тому, какъ камень ежедневно отвергаетъ отъ себя росу, но примите ее, уподобляясь плодородной долинѣ, и пусть покажутся тогда зеленые всходы, которые принесутъ истинные плоды мира; ибо, когда страна ваша засіяетъ такою зеленью, новый земледѣлецъ-Римлянинъ съ большей охотой и большимъ довѣріемъ поможетъ работѣ мудрымъ совѣтомъ (буквально: впряжетъ воловъ своего совѣта въ плугъ). Прощайте-же, прощайте теперь врагамъ, о возлюбленные мои, переносившіе вмѣстѣ со мной несправедливость, дабы подобный Гектору пастырь узналъ въ васъ паству своихъ агнцевъ; хотя свыше ввѣрено ему временное наказаніе виновныхъ, но, чтобъ дать имъ вкусить отъ того блага, отъ котораго, какъ отъ единой точки, раздвоилось могущество Петра и Цезаря, онъ тѣмъ скорѣе сжалится надъ этой толпой, преданной чувственности. Итакъ, если старая вина, которая большею частью извивается подобно змѣѣ и снова сгибается, тому не можетъ помѣшать, то вы можете каждому изъ нихъ обоихъ доставить столь желанный миръ и извѣдать первыя послѣдствія испрошенной нами радости. Пробудитесь же всѣ вы и возстаньте на встрѣчу своему повелителю, обитатели Италіи; ему суждено не только властвовать надъ вами, но и управлять вами, какъ дѣтьми.... Не блуждайте же, подобно язычникамъ, по стезѣ суетнаго, отуманеннаго мракомъ ума, но раскройте духовныя свои очи и воззрите,—его предназначилъ намъ въ короли Господь неба и земли. Онъ—тотъ самый, котораго чествовать совѣтуетъ намъ Петръ, намѣстникъ Христовъ, котораго Климентъ, настоящій преемникъ Петра, освѣщаетъ свѣтомъ апостольскаго благословенія, дабы тамъ, гдѣ духовнаго блеска недостаточно было бы, просвѣщалъ бы и малѣйшій свѣточь.»

Этихъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобъ живо представить себѣ настроеніе Данта въ ту пору и тѣ надежды, которыя онъ возлагалъ на Генриха; заключительныя слова доказываютъ кромѣ того, что тогда и онъ также считалъ данное папой согласіе на римскій походъ совершенно искреннимъ. Ветхозавѣтный тонъ, господствующій въ этомъ и двухъ позднѣйшихъ посланіяхъ, придаетъ имъ свое-

образный отпечатокъ торжественности. Но Данту суждено было весьма скоро узнать, что его увѣщанія именно тамъ остались безплодными, гдѣ, по его мнѣнію, они должны были встрѣтить наиболѣе сочувствія.

Послы короля Генриха, возвѣстившіе окончательно о его прибытіи и потребовавшіе отъ итальянскихъ государственныхъ сословій высылки депутатовъ на встрѣчу ему въ Лозанну, прибыли лѣтомъ 1310 года въ Верхнюю Италію. Здѣсь они почти вездѣ встрѣтили приличный пріемъ и извѣстное повиновеніе. 3-го іюля мы видимъ ихъ во Флоренціи [363]). Въ этомъ городѣ со времени низверженія Корсо Донати Черные владычествовали нетронуто. Ихъ дружественныя отношенія къ королю неаполитанскому продолжались, и подъ руководствомъ назначеннаго имъ полководца они почти все это время вели войну съ Ареццо, гдѣ господствовали Гибеллины [364]). Когда прибыли посланцы Генриха и потребовали для него почетной встрѣчи, высылки къ нему посольства, а кромѣ того и пріостановки военныхъ дѣйствій противъ Аретинцевъ, они получили болѣе чѣмъ уклончивый отвѣтъ; Флорентинцы выказали готовность признать Генриха вообще королемъ подъ однимъ лишь, весьма характеристическимъ условіемъ, чтобъ король обязался не производить ни малѣйшаго измѣненія въ существующемъ положеніи дѣлъ во Флоренціи и прочихъ городахъ Тосканы, т. е. не принимать вовсе сторону изгнанниковъ. Но вскорѣ они приняли такія мѣры, которыя ясно показывали, что они рѣшились сопротивляться королю до крайнихъ предѣловъ. Всего болѣе опасались они, въ случаѣ своего подчиненія, политическаго возрожденія своихъ изгнанныхъ враговъ, въ особенности Гибеллиновъ. Поэтому они безотлагательно стали вооружаться, укрѣпили города, старались привлечь на свою сторону папу, занимавшаго въ ту пору по меньшей мѣрѣ нейтральное положеніе, сближались съ французскимъ королемъ Филиппомъ, подстерегавшимъ дѣйствія Генриха, и заключили оборонительный и наступательный союзъ съ королемъ Робертомъ неаполитанскимъ и со всѣми гвельфскими общинами Тосканы [365]). Немного нужно было проницательности, чтобъ увидать, что, въ случаѣ предстоящаго столкновенія германскихъ и романскихъ племенныхъ силъ, роль Флоренціи и ея судьба будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на дѣла.

---

[363]) **Виллани, VIII, гл. 21.**

[364]) **Виллани, VIII, 110, 119, 120.**

[365]) **Виллани, IX, 8, 10, 17.— Бонаини, I и II.—Перранъ, III, 148 и слѣд. — Polhmann, l. c., 20 и сл.**

Въ сентябрѣ 1310 года Генрихъ открылъ свой походъ. Не считая упомянутыя уже виртембергскія замѣшательства, онъ оставилъ позади себя Германію въ упорядоченномъ состояніи. Въ Лозаннѣ, гдѣ его привѣтствовали многіе послы изъ Верхней Италіи, высказалъ онъ еще разъ обѣщаніе полной преданности папѣ, при чемъ обѣщалъ также ничего не мѣнять въ составѣ владѣній церкви, но всѣми способами защищать ее [366]). Онъ, очевидно, обязывался этимъ даже болѣе, чѣмъ онъ, въ силу своего представленія объ императорской власти, могъ выполнить, но несомнѣнно искренно вѣря въ возможность этого выполненія, обманывая скорѣе себя, чѣмъ другихъ. Изъ Лозанны продолжалъ онъ путь свой черезъ Савойю и Монъ-Сенисъ. Ему предшествовали благожелательныя папскія посланія и ему приданъ былъ Климентомъ кардиналъ-легатъ, который обязанъ былъ помогать ему, но, безъ сомнѣнія, и наблюдать за всѣми его дѣйствіями.

Большое различіе видимъ мы между этимъ римскимъ походомъ Генриха и прежними походами саксонскихъ, салическихъ императоровъ или Гогенштауфеновъ. Сопровождающее его войско не состоитъ уже обязательно изъ вождей отдѣльныхъ племенъ, изъ епископовъ и аббатовъ, высшей и нисшей аристократіи; Генрихъ выступаетъ въ походъ скорѣе какъ предпріимчивый военачальникъ, собравшій случайный отрядъ; почти всѣ важнѣйшія личности изъ его спутниковъ принадлежатъ къ числу его родственниковъ, и привлечены къ нему жаждой славы и чести; всего меньше изъ нихъ людей нѣмецкаго происхожденія и нѣмецкой рѣчи, но все романцы, которые, быть можетъ, съ такимъ же рвеніемъ послѣдовали бы и за графомъ Карломъ Валуа, еслибъ папа и воля судьбы поставили его на мѣсто Генриха. Даже контингентъ нѣмецкихъ городовъ былъ незначителенъ и выставленъ былъ скорѣе подъ вліяніемъ личной преданности королю, чемъ изъ уваженія къ королевской власти. Такъ перемѣнился свѣтъ! До какой степени иное зрѣлище представляла собою Италія, еслибъ взглянуть на нее съ высоты птичьяго полета! Во времена Фридриха II Неаполь и Сицилія принадлежали швабскому дому, т. е. косвенно имперіи. Сардинія и Корсика были спорными, дробными владѣніями; анжуйская династія не пріобрѣтала еще власти въ Пьемонтѣ, владѣнія св. Петра отъ Радикофани до Чеперано были еще чрезвычайно ненадежны, въ Ломбардіи властвовалъ Эццелинъ, въ

[366]) Monum. Germ., IV, 501 (Promissio Lausannensis).

Тосканѣ вѣрная Пиза достигла высшаго значенія, а Флоренція отошла на второй планъ. Что же видимъ теперь? Апулія и Калабрія перешли къ дому анжуйскому, наслѣдіе св. Петра упрочено и ему предстоитъ еще больше расшириться, часть Пьемонта также находится въ рукахъ Анжуйцевъ, такъ что для короля остались лишь Ломбардія и Тоскана. И въ какомъ состояніи! Въ Миланѣ повелѣваютъ проникнутые гвельфскими убѣжденіями Торре, Флоренція принадлежитъ Гвельфамъ, значеніе Падуи и Пизы сломлено, почти вездѣ перевѣсъ на сторонѣ Гвельфовъ, Гибеллины-же изгнаны. По истинѣ, нужно было обладать смѣлой фантазіей и великой увѣренностью въ своихъ силахъ, чтобъ, отрѣшаясь отъ реальнаго положенія дѣлъ, вѣрить въ возможность возстановленія престижа имперіи. Но фантастическій характеръ всего предпріятія живописуетъ всего рельефнѣе еще одна черта: Генрихъ лелѣялъ представленіе о неограниченности его власти. Не констанцскій договоръ, но ронкальскія постановленія составляютъ основу всѣхъ его позднѣйшихъ дѣйствій, всей его политики. Вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся и поскольку это вообще исполнимо было, онъ требовалъ себѣ непосредственнаго владычества [367]).

24-го октября прибылъ онъ по ту сторону Альповъ, въ Сузу. Съ нимъ было войско приблизительно въ 5000 воиновъ [368]). Оттуда двинулся онъ къ Турину. Здѣсь онъ остановился на восемь дней. До сихъ поръ онъ не встрѣчалъ никакого препятствія, всего же менѣе въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ свободный общинный бытъ городовъ никогда не развивался до преобладанія и гдѣ нѣкоторые изъ династовъ были родственны ему и чувствовали къ нему преданность. Въ Туринъ стеклись главнѣйшіе изъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ Ломбардіи [369]). По отношенію къ нимъ онъ имѣлъ случай разъяснить программу своей политики; онъ не знаетъ никакихъ партій, сказалъ онъ одному слишкомъ навязчивому Гибеллину, и самъ также не имѣетъ вовсе своей партіи, пришелъ же къ нимъ ради всей страны, ради всѣхъ ихъ [370]). Насколько принципъ этотъ былъ возвышенъ, настолько былъ онъ непрактиченъ по отношенію къ одичавшимъ партіямъ и толкамъ, которые ни о чемъ иномъ и не помышляли кромѣ

---

[367]) Это—важная черта у Генриха. Всѣ его дѣйствія въ Италіи подтверждаютъ подобный взглядъ; отдѣльные краснорѣчивые факты можно найти у Бэмера Regesten Heinrichs, напр. № 368, 477 и др.

[368]) Ferretus Vicentinus. Murat., IX, col. 1057.

[369]) Nicolai Botr. Episc. relatio de itinere im. Henr. VII, col. 88.

[370]) Ibid., col. 889.

того, чтобъ удержать за собой добытую власть или же снова захватить ее въ ущербъ своимъ противникамъ. Мы увидимъ, какъ Генрихъ, когда уже было поздно, увидалъ себя вынужденнымъ измѣнить свою программу и спуститься до уровня духа партій.

Тосканскіе Гибеллины также представились королю, частью еще въ Лозаннѣ, частью въ Туринѣ. Мы имѣемъ достаточно основаній предположить, что Дантъ въ одномъ изъ этихъ двухъ мѣстъ уже привѣтствовалъ избранника своихъ думъ. Онъ видѣлъ короля и говорилъ съ нимъ [371]). Во всей полнотѣ своихъ идеаловъ и надеждъ предсталъ онъ передъ любимымъ всѣмъ сердцемъ героемъ. Его восторженность по отношенію къ Генриху еще болѣе усилилась, его душа ликовала, и онъ, безмолвствуя, возглашалъ въ глубинѣ своего сердца: «взгляни, вотъ агнецъ Господень, который несетъ на себѣ грѣхи міра!» [372]) Мы видимъ, въ какомъ широкомъ раздольѣ фантазіи виталъ его духъ, какъ и его политика, подобно тому какъ и любовь его, приняла религіозный характеръ. Генрихъ долженъ былъ явиться политическимъ избавителемъ, по меньшей мѣрѣ, Италіи,— такова была задача, которую предначерталъ ему мечтательный поэтъ. Политика Данта, какъ и любовь его, связаны съ Божествомъ и въ такой степени обусловлены его религіозными убѣжденіями, что именно это то и можетъ оградить его отъ упрековъ въ кощунствѣ. Не сохранилось вовсе указаній о какомъ нибудь особомъ отличіи, которое бы король даровалъ поэту, и навѣрно никто изъ приближенныхъ Генриха не произвелъ на поэта сильнаго впечатлѣнія. Всѣ они, за исключеніемъ его лишь одного, не удостоились упоминанія въ Божественной Комедіи. У поэта не нашлось даже ни одного слова для воспоминанія о рыцарственномъ братѣ и вѣрномъ соратникѣ короля, Вальрамѣ Лютцельбургскомъ, павшемъ впослѣдствіи при осадѣ

---

371) Фактъ этотъ несомнѣненъ, но мѣсто свиданія въ точности не указано. Лозанна, Туринъ, Асти или Миланъ были тѣми городами, гдѣ онъ могъ бы встрѣтить короля; опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса достигнуть нельзя, но можно предположить, что его нетерпѣніе увидать „избранника Господня“ увлекло его какъ можно дальше. См. слѣдующее примѣчаніе.

372) Такъ говоритъ онъ самъ въ своемъ позднѣйшемъ посланіи къ Генриху, и этимъ подтверждается, что онъ именно видѣлъ его въ эту пору. См. у Торри, l. c., стр. 52, 2: Nam et ego qui scribo tam pro me quam pro aliis, veluti decet imperatoriam majestatem, benignissimum vidi, et clementissimum te audivi, quam pedes tuos manus meae tractarunt, e labia mea debitum persolverunt. Tunc exultavit in me spiritus meus, et tacitus dixi mecum: „Ecce agnus Dei, ecce qui abstulit peccata mundi!—Фратичелли. Opp. Min. III, 2, 234.

Брешіи [373]). До того патріотизмъ его въ состояніи былъ отодвигать на задній планъ все, что тѣснилось вокругъ его героя, излюбленнаго Богомъ. Онъ смотрѣлъ однако, не смотря на всю мечтательность и возбужденность, болѣе практически на положеніе дѣлъ, чѣмъ король, и вскорѣ нашелъ возможность обнаружить это. Какъ бы то ни было, его рвеніемъ, насколько мы можемъ заключить это съ достовѣрностью, и впослѣдствіи не воспользовались ни въ какомъ отношеніи, [374]) тогда какъ черезъ нѣсколько времени его другъ Чино да Пистойя, который, какъ мы это знаемъ навѣрно, поспѣшилъ изъ Франціи въ Италію при вѣсти о походѣ Генриха въ Римъ, косвенно привлеченъ былъ въ его службу. Чино, благодаря его извѣстности, какъ юриста, былъ приданъ въ качествѣ ассессора приверженцу короля, графу Людовику Савойскому, отправившемуся въ Римъ въ силу своего сана римскаго сенатора, чтобы тамъ сдѣлать приготовленія къ вѣнчанію короля императорской короной [375]). Дантъ еще въ ноябрѣ 1310 года отправился въ обратный путь въ Тоскану, гдѣ оставался до смерти Генриха, поочередно мѣняя свое мѣстопребываніе.

Тѣмъ временемъ король продолжалъ свое движеніе къ Милану. Во всѣхъ городахъ возвращалъ онъ изгнанныхъ Гибеллиновъ и принималъ на себя высшую правительственную власть [376]). Судя по первому впечатлѣнію, все повиновалось ему. Даже Миланъ открылъ передъ нимъ ворота, хотя правленіе находилось тамъ въ рукахъ Гвельфовъ. Духъ партій въ такой степени подорвалъ здѣсь почву, что даже тронъ побѣдителей колебался. Но въ Миланѣ идеальная система короля впервые рѣзко столкнулась съ дѣйствительностью. Въ то время какъ Генрихъ тщетно предписывалъ отъискать пропавшую желѣзную корону въ Монцѣ и подъ конецъ принужденъ былъ

---

373) Albert. Mussatus, Historia Augusta, Murat., X, col. 382.

374) На одинъ только слѣдъ (если такъ можно выразиться) удалось мнѣ напасть, который какъ будто подтверждаетъ, что ученіе Данта объ императорской власти было непосредственно воспринято королемъ Генрихомъ и его спутниками. Это именно вступленіе письма, которымъ императоръ возвѣстилъ кипрскому королю о совершившемся своемъ коронованіи (у Дэннигеса, Acta Henrici VII etc., 52). Высказанные здѣсь взгляды поразительно совпадаютъ съ теоріей Данта и мы еще со временемъ вернемся къ этому факту. Еслибъ это предположеніе наше оказалось основательнымъ, то весьма легко было бы отсюда заключить и о болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ поэта къ королевскому двору. Но мы сами признаемъ,что подобныя воззрѣнія не принадлежали исключительно Данту, и именно поэтому мы принуждены остаться только при догадкѣ.

375) Чьямпи, Vita e memorie di Messer Cino da Pistoja, I, 51. (назначеніе его состоялось еще въ 1311 году, отправились же они въ путь лишь въ 1312).

376) Бэмеръ, Regesten Heinrichs VII, № 336—346.

короноваться поддѣльною, противъ него вспыхнуло возстаніе [377]). Онъ не обладалъ знаніемъ людей (это и является естественнымъ слѣдствіемъ всего склада его характера) и ошибся въ выборѣ пригодныхъ для него личностей. Къ тому же уже въ эту пору начались его денежныя затрудненія, оскорбительно искажая его идеалы, и необходимость выйти изъ затрудненія вовлекла его, въ слѣдующіе затѣмъ годы, во многіе промахи и ложныя мѣропріятія. Требованіе имъ большой суммы дало поводъ его ложнымъ друзьямъ вооружить Миланцевъ противъ Нѣмцевъ. Возстаніе хотя и было съ полнымъ успѣхомъ подавлено, но ему подражали другіе города Ломбардіи. Лоди, Крема, Кремона и Брешіа возстали немедленно. Это не обошлось безъ подстрекательства со стороны Флорентинцевъ, которые всѣми силами стремились къ тому, чтобъ воздвигнуть затрудненія на пути короля и заставить его истощить свои силы еще въ Ломбардіи. Тайною волшебнаго вліянія ихъ политики были деньги; ихъ было у нихъ въ изобиліи, съ ихъ же помощью въ ту пору можно было все сдѣлать, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ съ главной опорой власти короля,—мнимой законностью ея.

Дантъ съ самаго начала взиралъ гнѣвными очами на эту оппозицію своихъ соотечественниковъ королю; какъ ни естественна была она съ самой минуты выборовъ, Дантъ никакъ не могъ стать на ихъ точку зрѣнія. Все прошлое флорентинской демократіи, инстинктъ самосохраненія Черныхъ, ихъ справедливое опасеніе сдѣлаться послѣ возвращенія Гибеллиновъ уже не молотомъ, а наковальнею,—все это достаточно оправдывало ихъ отказъ повиноваться возродившейся имперіи. Но всего этого Дантъ не понималъ. Онъ прикладывалъ къ нимъ мѣрило своихъ идеаловъ, которые для нихъ не имѣли никакого значенія. Поэтому-то такъ часто ложно истолковывалось это отношеніе поэта къ его родному городу. Онъ требовалъ отъ господствовавшихъ во Флоренціи личностей патріотизма въ духѣ своей системы, но, такъ какъ носительницею своихъ патріотическихъ надеждъ онъ сдѣлалъ власть нѣмецкаго короля, то, въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые издавна привыкли видѣть въ подобной власти опаснѣйшаго врага итальянскаго элемента, онъ впалъ въ тяжкое противорѣчіе. Онъ требовалъ патріотизма и космополитизма въ одно и тоже время, т. е. такихъ убѣжденій, чьи противорѣчія, правда, въ его умѣ складывались въ гармоническое цѣлое, но которыя въ дѣй-

---

[377]) Annales Mediolan., Muratori, XVI, 692.

ствительности не допускали уже никакого соглашенія. Онъ требовалъ отъ Черныхъ-пополанъ подчиненія «Божьему послу», они же съ своей точки зрѣнія отвѣчали на это, что оно засвидѣтельствовало бы о торжествѣ ихъ противниковъ и ихъ собственномъ уничтоженіи. Такъ образовалась та бездна, которая отдѣлила взгляды Данта отъ политики Флорентинцевъ и съ каждымъ часомъ разверзалась все шире. Такъ разгорѣлось его негодованіе, которое, при страстной серьозности его воззрѣній, стало безмѣрнымъ; такъ становится понятно и болѣзненно грустное сознаніе, что онъ осужденъ видѣть свою родину, любимую всѣмъ сердцемъ Флоренцію, наиболѣе рѣшительной противницей его надеждъ. Оба эти ощущенія, и негодованіе и грусть, онъ высказалъ въ посланіи къ Флорентинцамъ, которое написано было 31-го марта 1311 г. и помѣчено «съ источниковъ Арно» [378]). Дантъ находился въ ту пору въ Казентино, въ замкѣ Поппи, у Гвидо Сальватико [379]).

«Васъ же, восклицаетъ онъ послѣ краткаго изложенія своей точки зрѣнія, васъ, которые нарушаете божественныя и человѣческія права, которые, не боясь никакого преступленія, даете себя увлекать лишь низкою, ненасытною жадностью, — неужели васъ не заставляютъ содрогаться ужасы вторичной смерти, что вы прежде всѣхъ и одни только изъ всѣхъ, предпочитая ярмо свободѣ, возмущались противъ славы римскаго государя, царя вселенной, избранника Божія,—что вы, присвоивая себѣ права давности, предпочли отказать въ должномъ повиновеніи и разразиться бѣшенствомъ возмущенія?... Развѣ вы не знаете, о безсмысленные и обманутые, что общественное право возникаетъ на самой границѣ временъ и стоитъ превыше всякой давности?... Ужъ не хотѣли ли вы, ослѣпленные, какъ новые Вавилоняне, отдѣлиться отъ законной имперіи и основать для себя новое государство, для того чтобы одно называлось флорентинскимъ государствомъ, а другое римскимъ? Отчего вамъ не захотѣлось въ тоже время враждебно взглянуть и на апостолическое единодержавіе, чтобы, коль скоро на небѣ будетъ двѣ луны, явилось на немъ и двойное

---

[378]) Торри, l. c., стр. 36. Можно было бы соединить предположенное нами уже раньше пребываніе Данта у „источниковъ Арно“ съ даннымъ его присутствіемъ тамъ; но я сомнѣваюсь, чтобъ Дантъ въ эту пору, когда онъ былъ такъ полонъ политическихъ надеждъ, былъ способенъ испытывать ощущеніе другого рода; я не могу этому повѣрить.

[379]) Предположить это заставляетъ письмо, которое (по догадкѣ, нами вполнѣ раздѣляемой) Дантъ написалъ отъ имени супруги графа Гвидо Сальватико (оно помѣчено Poppi, 16 мая 1311 г.) и отправ. королевѣ Маргаритѣ. См. у Торри, стр, 64—66.

солнце?... Если ваше преступное самомнѣніе въ такой степени лишило васъ благодатной росы свыше, подобно вершинамъ Джильбои, что вы не боитесь сопротивляться рѣшеніямъ вѣчной мудрости, и если ваша безбоязненность не внушаетъ вамъ самимъ страха,—то минуетъ ли васъ пагубная вамъ, общечеловѣческая, земная боязнь, когда неизбѣжная гибель вашего надменнаго рода и вашего хищенія, которое часто еще будете вы оплакивать, быстро приблизится?... О люди, единодушные только ради зла, ослѣпленные удивительною страстью! Что вамъ поможетъ, что вы обнесли себя валами, укрѣпили себя внѣшними окопами и башнями, когда прилетитъ орелъ, проносящійся, возбуждая всюду трепетъ, по золотистымъ нивамъ, пролетающій то поверхъ Пиренеевъ, то надъ Кавказомъ, то надъ Атласомъ, и, подкрѣпленный небесными полчищами, пролетитъ надъ широкимъ океаномъ [380]),—кто поможетъ вамъ, когда вы оцѣпенѣете, несчастнѣйшіе изъ людей, при самомъ появленіи того, кто одолѣетъ безумную Гесперію? Довѣріе, а не тѣ надежды, которыя вы тщетно и безмѣрно питаете, должно успокоить волненіе, но отъ противодѣйствія вашего прибытіе справедливаго короля станетъ еще страшнѣе, медлительность, всегда сопровождающая его полки, съ негодованіемъ покипетъ ихъ; и тамъ, гдѣ вы думали отстоять для себя почетное одѣяніе свободы, вы погрузитесь въ нѣдра невольничьей темницы истиннаго рабства. Такъ вы въ горести увидите ваше зданіе.... рушащимся подъ ударами стѣнобитца и пожираемымъ огнемъ. Народъ, который теперь вездѣ предаваясь бѣшенству, становясь то на ту, то на другую сторону, бросается въ крайности, вы тогда услышите единодушно и неистово кричащимъ противъ васъ, когда онъ не въ состояніи будетъ болѣе противостоять и голоду и страху. Короче скажу, всѣ страданія, которыя нѣкогда во имя свободы выстрадалъ славный городъ Сагунтъ, пребывая вѣрнымъ долгу, принуждены будете вынести вы изъ-за вашей невѣрности и къ вашему стыду, за рабство...Исчислите молніеносные удары перваго Фридриха и спросите совѣта у Милана... О, суетнѣйшіе изъ всѣхъ Тусковъ, безсмысленные столько же отъ низкихъ вашихъ побужденій, сколько и отъ природы! Вы не думаете о томъ, до какой степени во мракѣ ночномъ неизлечимое самообольщеніе заблуждается передъ очами людей разумныхъ,— вы это не втолковываете вашему неразумію. Люди же разсудительные, не запятнавшіе себя на вашемъ пути, видятъ, какъ вы

---

[380]) Срав. Рай, VI, 36 и слѣд.

стоите на порогѣ темницы и какъ вы отклоняете каждаго сострадательнаго человѣка, который хотѣлъ бы освободить васъ, заключенныхъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ. Пораженные слѣпотой, вы не сознаете, какъ властвуетъ надъ вами страсть, какъ она льститъ вамъ своимъ ядовитымъ шепотомъ и преграждаетъ вамъ пустыми угрозами возвратный путь, какъ она отдаетъ васъ въ рабство грѣху и препятствуетъ вамъ повиноваться священнымъ законамъ, установленнымъ на основѣ естественной справедливости....

О, сожалѣнія достойное потомство Фезуланцевъ[381])! О мракъ, снова нисходящій на землю! Неужели уже то, что сказано мною, не охватило васъ должнымъ испугомъ. Нѣтъ, хотя вы притворно выказываете своими внѣшними пріемами и лживыми словами надежду, я убѣжденъ, что, бодрствуя, вы трепещете и часто съ испугомъ пробуждаетесь послѣ вашихъ сновъ.... Но, если вы имѣете основаніе трепетать и, не жалуясь, раскаиваетесь въ своемъ безуміи, то, дабы потоки боязни и горя слились въ глубокомъ раскаяніи, вамъ осталось запечатлѣть въ своемъ сердцѣ, что сей представитель римскаго государства, Генрихъ божественный, тріумфаторъ, принимаетъ на себя ради насъ это тяжелое служеніе не изъ жажды собственнаго блага, но изъ-за общаго счастія міра, что онъ добровольно сдѣлалъ наше наказаніе своимъ, — какъ будто послѣ Христа Исаія указалъ на него вѣщимъ перстомъ, сказавъ подъ вліяніемъ откровенія святого духа: «По истинѣ, онъ несъ слабости наши и возложилъ на себя бремя нашихъ страданій.» И такъ, вы видите, что настало время для горькаго раскаянія о вашемъ дерзкомъ начинаніи,— если вы не хотите и дальше притворяться. Но позднее раскаяніе будетъ для васъ не зародышемъ прощенія, но началомъ ранней казни, ибо грѣшникъ ударами лозы принужденъ бываетъ безпрекословно сойти съ своего пути.»

Какъ ни настоятельно было подобное обращеніе, оно не произвело на Флорентинцевъ желаннаго впечатлѣнія. Генрихъ, только-что получивъ извѣстіе объ упомянутомъ уже нами возстаніи ломбардскихъ городовъ, двинулся противъ нихъ изъ Милана; Лоди и Крема добровольно выразили ему покорность и были прощены. Изъ Кремы

---

381) Дантъ постоянно различаетъ въ населеніи Флоренціи двѣ группы,—потомковъ древнихъ римскихъ переселенцевъ, являющихся наиболѣе достойнымъ элементомъ населенія и потомковъ переселившихся въ одиннадцатомъ столѣтіи во Флоренцію жителей Фіэзоле, какъ самый худшій элементъ. См. *Адъ*, XV, 62; *Рай*, XV, 126, XVI, 126.

онъ направился къ осадѣ Кремоны: онъ полагалъ, что не слѣдуетъ оставлять у себя въ тылу непобѣжденнаго врага, въ то время какъ его приверженцы въ Тосканѣ требовали, чтобъ онъ употребилъ всѣ силы для обузданія Флоренціи, которая была зачинщицей всего отпора ему. Такъ это дѣйствительно и было. Флорентинцы безпрерывно возстановляли папу въ Авиньонѣ противъ успѣховъ Генриха, постоянно вели переговоры съ королемъ Робертомъ неаполитанскимъ и имѣли вездѣ въ Ломбардіи своихъ агентовъ, которые интригами и золотомъ усиливали нерасположеніе къ Нѣмцамъ, дѣлали возможнымъ противодѣйствіе имъ и поддерживали оппозиціонный духъ. Слишкомъ скоро выяснилось, кто вѣрнѣе, практичнѣе смотрѣлъ на положеніе дѣлъ, — король или поэтъ. Дантъ считалъ напраснымъ трудомъ терять время и изнурять силы въ Ломбардіи, въ то время какъ Флорентинцы все болѣе усиливаются и укрѣпляются. Съ болѣзненнымъ чувствомъ видѣлъ онъ, какъ король избиралъ путь, который долженъ былъ отстранить его отъ цѣли. То же испытывали и его единомышленники въ Тосканѣ. Они считали своимъ долгомъ во время отклонить Генриха отъ его намѣренія. Поэтому Дантъ отъ своего лица и «отъ имени всѣхъ миролюбивыхъ Тусковъ» обратился къ королю, прежде чѣмъ онъ покинулъ Миланъ, представилъ ему всю безцѣльность его начинанія, и безъ околичностей настоятельно указалъ ему на его главнаго врага, на Флоренцію, за покореніемъ которой послѣдуетъ и подчиненіе всѣхъ остальныхъ городовъ [382]). Это посланіе написано 16 апрѣля (1311 г.) и снова помѣчено «съ источниковъ Арно», т. е. изъ замка Поппи въ Казентинѣ.

«Ужели ты проведешь такъ и весну и зиму въ Миланѣ, говоритъ онъ ему между прочимъ, и ты думаешь, что истребишь ядовитую гидру (возстанія) тѣмъ, что отсѣчешь у нея головы? Еслибъ ты вспомнилъ о великихъ дѣяніяхъ славнаго Алкида, ты бы сознался, что введенъ въ обманъ, подобно ему, когда у ядовитаго животнаго выростало все больше и больше головъ, во вредъ ему, пока великодушный герой не поразилъ самый источникъ жизни. Чтобъ извлечь деревья съ корнемъ, не подобаетъ отсѣкать имъ вѣтви, ибо они снова, благодаря сокамъ земной поверхности, тѣмъ сильнѣе пуска-

---

[382]) Торри, l. c., стр. 52. Посланіе это вызвано было не осадой Брешіи, какъ это обнаруживается съ достаточной ясностью изъ самаго его текста. Къ тому же король Генрихъ былъ, вѣроятно, 16-го апрѣля въ Миланѣ (см. у Бэмера, l. c., 289).

ютъ отростки, пока корни еще нетронуты и даютъ имъ питаніе. О, единственный повелитель вселенной, какое же дѣло ты можешь счесть совершоннымъ, когда ты согнешь выю мятежной Кремоны? Развѣ послѣ того неистовство не воспрянетъ снова, противъ ожиданія, въ Брешіи или Павіи? Несомнѣнно такъ это и будетъ. И затѣмъ, если оно и тамъ распадется, наказанное тобой, возникнетъ снова иное безумство въ Верчелли или Бергамо или въ другомъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока самый корень этого отщепенства не будетъ истребленъ, — когда же корень подобнаго заблужденія вырванъ, тогда вмѣстѣ съ стволомъ высыхаютъ и колючія вѣтви. Развѣ не знаешь ты, совершеннѣйшій изъ государей, и не видно тебѣ съ высоты твоего величія, гдѣ прячется эта смердящая лисица, безопасная отъ охотниковъ? Конечно, не въ стремительномъ По, не въ Тибрѣ утоляетъ свою жажду преступное животное, но отравляетъ пастью своею волны быстраго Арно, и Флоренція (неужели это тебѣ неизвѣстно?) имя этой зловѣщей пагубѣ. Вотъ та змѣя, которая раздираетъ внутренности своей матери, вотъ тотъ разлагающійся звѣрь, который заражаетъ стадо своего господина; вотъ порочная и безбожная Мирра, которая сгораетъ послѣ объятій отца своего Цинара; вотъ та нетерпѣливая любовница, которая, отвергая предназначенный ей судьбою бракъ, не только не постыдилась избрать воспрещеннаго ей судьбою же родственника[383]), но подобно фуріи возбуждала его къ войнѣ и подъ-конецъ, чтобъ понести наказаніе за злоумышленную дерзость, повѣсилась на веревкѣ. Дѣйствительно, съ дикостью змѣи старается она разъять тѣло своей матери, направляя рога возстанія противъ Рима, который создалъ ее по своему образу и подобію. Поистинѣ, она извергаетъ заразительный паръ, отъ котораго сосѣднія стада неожиданно вымираютъ; приманкою лживой лести и вымысловъ она привлекаетъ къ себѣ ближайшихъ своихъ сосѣдей и, приблизивъ, обманываетъ ихъ. Поистинѣ, она добивается и объятій отца своего, съ преступной дерзостью порываясь ко вреду твоему нарушить согласіе, данное верховнымъ епископомъ, этимъ отцомъ отцовъ. Поистинѣ, велѣнію божественному противно поклоняться идолу своеволія, какъ дѣлаетъ эта безсмысленная, не краснѣя презирающая законнаго короля, предлагая чужому государю права, ей не принадлежащія, и создавая ему пагубную власть. Но пусть одичавшая женщина эта увидитъ, наконецъ, веревку, на которой она должна повѣситься.... Итакъ, впе-

[383]) Т. е. короля Роберта неаполитанскаго.

редъ, покинь свою медлительность, великій потомокъ Исайи, извлеки къ себѣ довѣріе изъ очей твоего Господа, Бога Саваоѳа, передъ лицомъ котораго ты дѣйствуешь, и низвергни этого Голіаѳа[384]) пращею твоей мудрости и камнемъ твоей силы; ибо когда падетъ онъ, ночь и мракъ боязни покроетъ станъ Филистимлянъ[385]); они обратятся въ бѣгство и народъ израильскій будетъ свободенъ. Тогда наша доля наслѣдія, утрату которой мы не перестаемъ оплакивать, снова отдана намъ будетъ. И если теперь, вспоминая о святѣйшемъ градѣ Іерусалимѣ, мы вздыхаемъ какъ изгнанники въ Вавилонѣ, то тогда, снова оживая въ мирѣ настоящими гражданами, мы, ликуя, будемъ вспоминать о тяжкихъ бѣдствіяхъ смутнаго времени».

Флорентинцы, какъ это понятно само собою, съ великимъ неудовольствіемъ выразумѣли направленное прямо противъ нихъ содержаніе этого письма. Когда они нѣсколько времени спустя (6 сентября 1311 г.) изъ политическаго благоразумія возвратили большую часть изгнанныхъ Бѣлыхъ, они между прочимъ прямо исключили Данта изъ амнистіи[386]). Но и потомство весьма различно относилось къ этимъ отзывамъ Данта о его родномъ городѣ и къ его усиліямъ возбудить противъ него силу огня и меча. На нашъ взглядъ эти рѣчи его вовсе не наносятъ ущерба его характеру; не забудемъ, что господство Черныхъ во Флоренціи было настоящимъ владычествомъ партіи и добыто было самымъ насильственнымъ путемъ. Какъ намъ кажется понятнымъ, что они не подчинились немедленно и добровольно Генриху и не пошли на встрѣчу возможной отместкѣ, такъ столь же естественнымъ находимъ мы стремленіе изгнанниковъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для возвращенія въ свой родной городъ, и ихъ попытки ускорить насильственно это возвращеніе, такъ какъ инымъ путемъ оно врядъ ли могло осуществиться. Идея, руководившая Дантомъ, имѣетъ за себя, надѣемся, столько же нравственнаго оправданія, какъ и фактъ господства Черныхъ. Но за нее говорятъ и другіе доводы. Во-первыхъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, опасеніе взятія Флоренціи силою Нѣмцами не было вовсе лишено основанія и было устранено лишь внезапной смертью Генриха; затѣмъ, Дантъ вперялъ свой взоръ и въ дальнѣйшую будущность и эта осмотрительность убѣдила его какъ слабо чувство

---

384) Т. е. Флоренцію.

385) Остальныхъ Гвельфовъ.

386) Въ послѣднее время этотъ документъ снова перепечатанъ былъ Фратичелли (l. c., p. 212).

самосохраненія и въ флорентинской и въ остальныхъ республикахъ, пока общая связь не соединитъ политически весь народъ, не усилитъ его и не подавитъ изнуряющую лихорадку партій, — и исторія вполнѣ оправдала его взглядъ.

Мы сочли долгомъ именно теперь представить эти соображенія въ защиту поэта, такъ часто несправедливо понимаемаго. Вызовъ, съ которымъ Дантъ обратился къ королю, основанъ былъ на несомнѣнно вѣрномъ разсчетѣ. Даже Джьованни Виллани, который самъ былъ Гвельфомъ, полагаетъ, что еслибъ весною 1311 г. Генрихъ быстро вторгнулся въ Тоскану, всѣ города, не исключая Флоренціи, а вслѣдъ за ними Римъ и Апулія достались бы ему или добровольно или насильно.

Въ такой степени, по его словамъ, потрясено было вездѣ общественное мнѣніе, и такая добрая слава предшествовала королю [387]). Какъ бы то ни было, Генрихъ иначе смотрѣлъ на положеніе вещей. Послѣ того какъ Кремона также сдалась, онъ сначала хотѣлъ наказать мятежную Брешію, осмѣлившуюся противиться верховной власти законнаго короля. Еще въ маѣ мѣсяцѣ началась осада. Она велась упорно и жестоко съ обѣихъ сторонъ. Нѣмецкое войско подъ лучами лѣтняго солнца совершенно изводилось, повальная болѣзнь охватила лагерь, и самъ Генрихъ, какъ кажется, здѣсь уже получилъ зародышъ своей будущей смертельной болѣзни. Онъ собралъ всѣ боевыя силы Ломбардіи; въ особенности цѣнныя услуги оказывалъ ему молодой и рыцарственный веронецъ Кангранде, который съ 1308 года сталъ соправителемъ своего брата Альбоина, а теперь самымъ рѣшительнымъ приверженцемъ Генриха, и за это былъ особенно обласканъ имъ и сдѣланъ имперскимъ намѣстникомъ. Четыре мѣсяца длилась осада; лишь въ сентябрѣ, при посредничествѣ папскихъ пословъ, состоялась сдача, — но лучшая пора была все-таки пропущена. Это созналъ теперь самъ Генрихъ и желалъ ускорить дѣйствія. Парламентъ ломбардскихъ городовъ, который онъ созвалъ въ Павіи, окончился для обѣихъ сторонъ неудовлетворительно и безъ всякихъ результатовъ; общественное мнѣніе въ Ломбардіи, частію принявшее его сторону, начало измѣнять ему.

Изъ Павіи король направился къ Генуѣ. Онъ былъ торжественно встрѣченъ тамъ; городъ этотъ, бывшій нѣкогда противникомъ императора Фридриха II, добровольно передалъ ему правительственную власть на двадцать лѣтъ. Его благородная личность, прямота его

---

387) Виллани, IX, гл. 15.

характера, утомленіе партій,— все это сильно помогало ему быстро располагать къ себѣ сердца. Но онъ не въ силахъ былъ надолго приковать ихъ къ себѣ.

Въ Генуѣ зашла рѣчь о другомъ важномъ вопросѣ, отношеніе къ которому короля всего лучше можетъ дать намъ понятіе о политической наивности его,— это былъ именно вопросъ объ отношеніяхъ къ королю Роберту неаполитанскому. Робертъ былъ коронованъ Климентомъ V въ августѣ 1309 года въ Авиньонѣ, въ ту пору, когда рѣшенъ уже былъ походъ Генриха къ Риму. Мы уже упоминали о близкихъ связяхъ Флорентинцевъ съ Неаполемъ, которыя были прямо враждебны Генриху. Хотя онъ обѣщалъ уважать и независимость апулійскаго королевства, но Робертъ тѣмъ не менѣе не переставалъ опасаться и крайне мало увѣренъ былъ въ симпатіяхъ своей собственной страны. Поэтому для него было важно ввести въ заблужденіе довѣрчиваго Нѣмца, и это удалось ему вполнѣ. Уже передъ Брешіей начались переговоры между Робертомъ и Генрихомъ, мнимымъ поводомъ къ которымъ былъ выставленъ брачный союзъ ихъ дѣтей; въ Генуѣ они опять возобновились. Хотя Робертъ и раздвинулъ свои отряды до Тосканы и послы его не могли дать на этотъ счетъ никакого удовлетворительнаго объясненія, и хотя онъ поручилъ даже брату своему Іоанну занять часть Рима, съ церковью св. Петра, онъ все-таки имѣлъ возможность вводить Генриха изъ одного заблужденія въ другое. Никогда ни одинъ Нѣмецъ не былъ такъ основательно обманутъ Романцемъ. Удивительный недостатокъ критическаго чутья, который позволилъ усмотрѣть въ первоначальномъ образѣ дѣйствій его относительно Генриха лояльность и въ то же время не могъ отрицать двусмысленности и первой и послѣдней его тактики! Но въ этихъ отношеніяхъ была и другая сторона: въ этой игрѣ принималъ участіе король французскій и велъ съ Генрихомъ переговоры о дружественномъ союзѣ [388]), держа въ Парижѣ нити той сѣти, которая должна была поймать его. Извѣстно, что Дантъ указалъ въ своемъ посланіи королю Генриху на интригу, въ которой дѣйствовали съобща Франція, Неаполь и Флорентинцы; лица, окружавшія Генриха, точно также сдѣлались недовѣрчивы, самые факты говорили яснѣе всякихъ догадокъ,— и не смотря на все это Генрихъ все еще не вѣрилъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ ополчиться противъ величія его сана, которое онъ считалъ неуязвимымъ. Въ такой степени отдался онъ этому за-

[388]) Böhmer, Regesten Heinrichs VII, № 404, 429 etc.

блужденію, что вмѣсто того, чтобъ привязать къ себѣ единственнаго естественнаго своего союзника въ Италіи, короля Фридриха сицилійскаго, онъ долгое время отталкивалъ его отъ себя, чтобъ не подать Роберту повода къ жалобамъ. Съ усиліемъ и послѣ слишкомъ дорого стоившихъ ему опытовъ пришлось ему оторваться отъ своихъ фантазій.

Всего меньше могъ онъ заблуждаться относительно Флорентинцевъ. Они снова отвергли его пословъ и оскорбительно обошлись съ ними. Тогда ихъ постигла кара, поставившая ихъ внѣ закона [389]). Въ Ломбардіи тотчасъ же послѣ выступленія его оттуда прекратилось всякое повиновеніе ему, возстаніе разлилось по всей странѣ. Кангранде веронскій долженъ былъ употребить величайшія усилія, чтобъ неколебимо удержать и авторитетъ императора и свое собственное положеніе. Тогда у короля какъ будто на время разверзлись очи. Онъ увидалъ какъ ошибочно было его намѣреніе стать выше партій. Преданная имперіи партія, т. е. Гибеллины, сошлась тогда въ союзъ, и Генрихъ поставилъ во главѣ его генералъ-капитана въ лицѣ графа Вернера Гомберга [390]). Такъ распадалась его абстрактная программа.

Изъ Генуи планъ дѣйствій, составленный королемъ, повлекъ его въ Пизу [391]). Флорентинцы и Робертъ неаполитанскій преградили ему сухопутную дорогу, и поэтому онъ принужденъ былъ совершить путешествіе моремъ. Пизанцы встрѣтили короля съ ликованіемъ. Пиза была единственнымъ городомъ въ Италіи, который еще приверженъ былъ къ имперіи съ откровенной преданностью, готовою на жертвы. Пизанцы надѣялись при помощи Генриха подняться изъ второстепеннаго положенія, въ которое ихъ поставили пропитанные гвельфскими убѣжденіями и ревниво охранявшіе свои торговые интересы Флорентинцы, Генуэзцы и Луккезцы. Громадныя, почти невѣроятныя суммы отдали они въ распоряженіе Генриха, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ. Всѣ изгнанные Тосканцы стеклись здѣсь воедино; находился ли въ числѣ ихъ также Дантъ, нельзя сказать съ достовѣрностью, но пребываніе его тутъ правдоподобно. Почти двадцать мѣсяцевъ прошло со времени прибытія Генриха въ Италію, и ни одного рѣшительнаго шага не было сдѣлано. Первоначальные против-

---

[389]) Monum. Germ., IV, 521 (Bannitio Florentiae).

[390]) Chronicon Modoetiense (Muratori, c. 11), XII, col. 1106.—Cм. G. v. Wyss; Graf Werner von Homberg, Reichsfeldhauptmann in der Lombardei zur Zeit Heinrichs VII. Zürich, 1860.

[391]) Въ началѣ марта 1312 года.

ники его плановъ усилились, старинные друзья отпали или стали колебаться. Нетерпѣніе его приверженцевъ было болѣе чѣмъ основательно. Наконецъ, около половины апрѣля двинулся онъ къ Риму, гдѣ глава его должна была увѣнчаться императорской короной, какъ это обѣщалъ ему папа съ самаго начала. Въ Пизѣ онъ еще продолжалъ дружественные переговоры съ Робертомъ неаполитанскимъ, въ то время какъ послѣдній въ связи съ Орсини и союзомъ тосканскихъ Гвельфовъ, все еще занималъ отрядомъ своего брата важнѣйшую часть Рима, расположенную на правомъ берегу Тибра и вмѣщающую въ себя и храмъ св. Петра, и пополнялъ свои войска отрядами, которыхъ ему присылали Флорентинцы. Королю же могла быть доступна лишь меньшая часть города съ Латераномъ. Путь къ Риму черезъ Понте Молле онъ принужденъ былъ проложить себѣ силой, и несмотря на все это, онъ даже тутъ все еще велъ переговоры о бракѣ своей дочери съ сыномъ Роберта [392]). Напрасно проливалась кровь въ схваткахъ съ непріятелемъ по ту сторону Тибра. Нѣмцы, правда, завладѣли Капитоліемъ, но доступъ къ храму св. Петра былъ по прежнему прегражденъ. Генриху же это было всего важнѣе, потому что его высшимъ желаніемъ и божественнымъ освященіемъ всего его дѣла было бы имѣть возможность короноваться тамъ императоромъ. Но онъ долженъ былъ преодолѣть себя, и коронованіе произведено было въ Латеранѣ (29 іюня 1312 г.) особо назначеннымъ для того кардиналомъ-легатомъ папы [393]). Съ большой заботливостью,— какъ будто малѣйшая ошибка въ формѣ могла лишить его господства надъ міромъ, были сдѣланы всѣ приготовленія и затѣмъ состоялось торжество. Съ педантизмомъ соблюдалъ онъ традиціонный этикетъ своего сана,— точно уже получилъ не форму только, но самую сущность власти. И несмотря на все это, именно съ этой минуты начали разлетаться одно за другимъ фантастическія его измышленія. Король Робертъ слишкомъ нагло ввелъ его въ обманъ, и наконецъ, у довѣрчиваго Генриха спала пелена съ глазъ.

Переговоры были прерваны, и лишь въ эту пору Генрихъ захотѣлъ сблизиться съ королемъ Фридрихомъ сицилійскимъ и торжественно обручилъ свою дочь съ его сыномъ [394]). Но разрывъ съ Робертомъ повелъ за собой и разрывъ съ папой. Генрихъ серьозно отнесся къ вѣроломству Роберта и рѣшилъ наказать его, вторгнувшись

---

[392]) Бэмеръ, Регесты Генриха VII, № 482.
[393]) Monum. Germ., IV, 529 (Coronatio Romana)
[394]) Ferret. Vicent., Murat., IX, 1105.

въ собственныя его владѣнія. Онъ по праву смотрѣлъ на него, какъ на своего вассала, такъ какъ онъ въ Пьемонтѣ и Провансѣ владѣлъ имперскими имуществами. Но вслѣдствіе именно такого отношенія къ нему, онъ вошелъ въ столкновеніе съ Климентомъ V, чьимъ вассаломъ также былъ Робертъ, какъ король неаполитанскій. Но императоръ, повидимому, рѣшился идти и дальше, объявить неаполитанское королевство имперскимъ леномъ и потребовать его, и этимъ онъ подрывалъ одинъ изъ основныхъ принциповъ итальянской политики куріи, для осуществленія котораго она употребляла въ теченіе многихъ поколѣній самыя крайнія усилія. Съ этой минуты не могло быть болѣе никакой рѣчи о сколько-нибудь мирныхъ отношеніяхъ между императоромъ и папой, и Климентъ тотчасъ же измѣнилъ свою роль. Внутренняя ненормальность, лежавшая съ самаго начала въ основѣ ихъ взаимныхъ отношеній, но слишкомъ долго затянувшаяся, выступила теперь открыто наружу. Папа, какъ мы уже знаемъ, предполагалъ найти въ Генрихѣ послушное орудіе для исполненія своихъ широко-объемлющихъ плановъ крестоваго похода; изъ этихъ видовъ онъ благопріятствовалъ римскому походу короля и стерпѣлъ, что онъ являлся возстановителемъ порядка въ Ломбардіи и Тосканѣ; въ тѣхъ же видахъ онъ даровалъ ему императорскую корону. Но первый же шагъ короля, показавшій его намѣреніе считать свою власть чѣмъ-то во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельнымъ и наказать вассала, столь же лукаваго, какъ и дерзкаго, превратилъ прежнюю благосклонность въ явную непріязнь. Другими словами, папа предназначалъ императору недостойную роль, плоды которой могли пригодиться, и дѣйствительно пригодились, только французскому дому (которому, какъ всѣмъ извѣстно было, Климентъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ), такъ какъ въ данномъ положеніи владѣній, наприм., анжуйскаго дома, даже тамъ, гдѣ они вовсе не были законны, какъ въ Ломбардіи, ничто не могло подвергнуться измѣненію.

Такимъ образомъ папская политика, если на нее смотрѣть объективно, съ самаго начала дѣйствуетъ на двусмысленной почвѣ, хотя она лишь впослѣдствіи сдѣлалась въ самомъ принципѣ сторонницей противниковъ Генриха, когда не могла уже заблуждаться относительно того, что онъ не позволитъ злоупотребить его ролью и не дастъ понудить себя къ недостойнымъ поступкамъ. Первоначальныя обѣщанія императора не могутъ ничего извинить въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ нихъ не заключалось вовсе обѣта всегда подчи-

нять свои обязанности къ имперіи желанію уступать французской политикѣ. И никто не станетъ отрицать, что папа руководился именно этими послѣдними соображеніями, хотя бы даже ради задуманнаго имъ крестоваго похода.... При такихъ условіяхъ насъ не можетъ удивить, что современники не вполнѣ вѣрно оцѣнивали отношенія Климента V къ Генриху и подъ-конецъ приписали ему сознательное вѣроломство, усмотрѣвъ его тамъ, гдѣ съ нашей точки зрѣнія мы видимъ лишь послѣдствія ихъ взаимныхъ надеждъ и недоразумѣній, въ которыхъ безконечно меньшая вина выпадаетъ на долю императора. Нашъ-же поэтъ, который первоначально увѣровалъ въ искренность намѣреній папы, съ теченіемъ времени измѣнилъ это доброе мнѣніе и наконецъ, обвинилъ папу и въ тайномъ и въ явномъ обманѣ, и въ оппозиціи «величественному Генриху»[395]). Его извѣстная антипатія къ анжуйскому дому и въ особенности къ французской политикѣ, чье единомысліе съ Гвельфами не было для него тайной, должна была привести его къ такой точкѣ зрѣнія. Въ папѣ-же онъ еще прежде самъ видѣлъ лишь креатуру Филиппа IV.

Папа, понуждаемый къ тому французскимъ королемъ, предписалъ установить перемиріе между Генрихомъ и Робертомъ. Императоръ протестовалъ и отрицалъ право папы на подобное вмѣшательство,— и такъ сознательно дѣлалъ онъ эти заявленія, что предварительно вытребовалъ себѣ мнѣніе объ этомъ вопросѣ юристовъ. Несмотря на это, Климентъ настаивалъ на своемъ требованіи; такимъ образомъ старая рознь снова оживала, и, хотя Генрихъ дѣйствовалъ очень осторожно, пропасть разверзалась съ каждымъ днемъ.

Изъ Рима Генрихъ направился къ Витербо. Отсюда онъ вполнѣ серьозно послалъ къ королю неаполитанскому вызовъ явиться къ нему на судъ по дѣлу о государственной измѣнѣ,— а затѣмъ предпринялъ наконецъ осаду Флоренціи. Весь октябрь 1312 года простоялъ онъ безплодно передъ укрѣпившимся городомъ, обильно снабженнымъ всѣмъ необходимымъ для обороны. Жестокое опустошеніе окрестной мѣстности имѣло лишь то послѣдствіе, что въ импера-

---

[395]) Рай, 30, 42:

E fia perfetto nel foro divino
Allora tel, che palese e coperto
Non andera con lui per uno cammino.
Ma poco poi sarà da Dio sofferto
Nel santo ufficio; ch'ei sara detruso
La dove Simon mago è per suo merto,
E farà quel d'Anagna esser più giuso.

торскомъ станѣ вскорѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и лагерь пришлось снять. Уже въ эту минуту постигла императора лихорадка, не оставлявшая надежды на выздоровленіе. Но еще разъ онъ былъ спасенъ. Послѣ того онъ перешелъ выше города обратно черезъ Арно, остановился на перевалѣ при Санъ-Кашьяно и продвинулся по направленію къ югу вплоть до Поджибонзи. Здѣсь, въ центральномъ пунктѣ Тосканы, основалъ онъ на развалинахъ разореннаго Гвельфами поселенія новый городъ и назвалъ его Кайзерсбергомъ[396]). Здѣсь объявилъ онъ короля Роберта, который незадолго передъ тѣмъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ императора и въ Пьемонтѣ и занялъ Асти, внѣ закона. Точно таже кара постигла и всѣ гвельфскіе города Тосканы и нѣсколько отдѣльныхъ личностей во Флоренціи и Луккѣ[397]). Все это было исполнено съ строгимъ соблюденіемъ юридическихъ формальностей и съ такимъ чувствомъ увѣренности, какъ будто ничто не могло помѣшать исполненію приговора. Въ мартѣ 1313 года покинулъ онъ Кайзерсбергъ и снова двинулся къ преданной ему, но уже нѣсколько утомленной Пизѣ. Здѣсь снова повторилъ онъ торжественно отлученіе Роберта неаполитанскаго[398]), которое, однако, немедленно же было объявлено папою недѣйствительнымъ. Своихъ приверженцевъ одарилъ онъ ленами и помѣстьями, къ сожалѣнію, находившимися отчасти во владѣніи непріятеля. И именно теперь, когда его фантазіи разлетѣлись и дѣйствительность дала почувствовать свое холодное прикосновеніе, онъ выказывалъ такую дѣятельность, практическое чутье и рѣшительность, которыхъ врядъ-ли кто-нибудь могъ ожидать и которыя внушили страхъ его противникамъ. Положеніе дѣлъ обострилось; и теперь такой же глубоко серьезный и непоколебимый въ своемъ начинаніи, какимъ былъ и прежде, онъ не устрашился взятаго папой назадъ разрѣшенія, хотя онъ изъ-за этого не переставалъ относиться къ нему благоразумно и съ почтеніемъ. Все побуждало къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ лѣтомъ. Генрихъ вызвалъ изъ Германіи подкрѣпленія, во главѣ которыхъ сталъ его сынъ, богемскій король Іоаннъ. Съ королемъ Фридрихомъ сицилійскимъ заключилъ онъ тѣсный союзъ; имѣлось въ особенности въ виду найти Роберта въ его собственныхъ владѣніяхъ, и именно тамъ, гдѣ онъ самъ пользовался наименьшими симпатіями и безопасностью. Генуэз-

---

396) Monte Imperiale. — См. Johannes de Cermenate, Historia (Murat., IX, c. 55, p. 1872.

397) Mon. Germ., IV, 537 (Bannitio civitatum Tusciae altera).

398) Mon. Germ., VI, 445.

скій флотъ долженъ былъ соединиться съ сицилійскимъ и уже снялся съ якорей. Генрихъ собралъ вокругъ себя значительную массу войска, и возвѣщенное ему папой запрещеніе не нападать на Апулію не остановило его. Онъ только послалъ посольство въ Авиньонъ, чтобъ истолковать Клименту дѣло въ иномъ видѣ[399]). 8-го іюля онъ выступилъ изъ Пизы; сначала онъ прошелъ вдоль Арно почти до самаго Санъ-Миньято, потомъ вверхъ по Эльзѣ до окрестностей Кайзерсберга, наконецъ, далѣе по Арбіи до Буонконвенто[400]). Уже въ дорогѣ онъ заболѣлъ; смертельная болѣзнь, зародышъ которой онъ получилъ еще во время осады Брешіи, сразила его здѣсь внезапно[401]), въ самый разгаръ несомнѣнныхъ надеждъ на покореніе и наказаніе его противниковъ. Тѣло его было привезено въ Пизу и торжественно погребено въ соборѣ. Съ нимъ сошелъ въ могилу цѣлый міръ упованій.

Печаль его приверженцевъ и ликованіе противниковъ были одинаково безграничны. Нѣмецкіе владѣтели, еще находившіеся при немъ, пораженные этимъ несчастіемъ, поспѣшили возвратиться на родину, конный отрядъ былъ частью принятъ Пизою въ свою службу, подкрѣпленія, находившіяся уже въ пути, разсѣялись. Гибеллины при первомъ же извѣстіи о смерти Генриха разбрелись во всѣ стороны; кто въ данную пору владѣлъ какимъ-нибудь имуществомъ Гвельфа, въ первую минуту испуга возвращалъ его собственнику. Но радость Гвельфовъ была неописанная, и тотъ способъ, которымъ она выражалась, составлялъ рѣзкій контрастъ съ печалью Гибеллиновъ. «Духовенство въ гвельфскихъ городахъ, говоритъ Альбертино Муссато, шествовало со свѣчами по улицамъ цѣлыми толпами вмѣстѣ съ мірянами, имѣя во главѣ епископовъ, и пѣло на подобіе псалмовъ хвалебныя пѣсни Господу, ниспославшему миръ послѣ столь долгой тревоги. Въ ночное время зажигались костры въ знакъ радости; люди одѣвались въ новыя платья и придумывали много веселыхъ вещей[402]).» Но именно это безграничное ликованіе и служитъ лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени Гвельфы опасались самой худшей для нихъ судьбы, и Джьов. Виллани передаетъ даже, что вездѣ было распространено убѣжденіе въ томъ, что Генрихъ достигнетъ своей цѣли, а Робертъ добровольно очиститъ ему путь[403]).

---

399) Бэмеръ, Регесты Генриха VII, № 554.
400) Бэмеръ, ibid., подъ 8 іюля 1313.
401) 24-го августа.
402) Alb. Mussat., de rebus gest. Ital. post Henricum VII, I, 1.
403) G. Villani, IX, c. 52.

Взглянувъ трезво на данныя событія, мы придемъ все-таки къ убѣжденію, что Генрихъ, стремясь возстановить нѣмецкое господство въ Италіи на почвѣ имперіи, желалъ невозможнаго. Все политическое развитіе Италіи, сила отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, перевѣсъ могущества Франціи, принципы римской куріи и въ немаловажной степени и положеніе дѣлъ въ Германіи,— все это преграждало путь осуществленію подобной, серьозно задуманной попытки. Еслибъ императоръ прожилъ еще нѣсколько дольше, онъ навѣрно не избѣгнулъ-бы тяжелаго урока, который показалъ-бы ему всю тщету его усилій. Такимъ образомъ его римскій походъ послужилъ лишь доказательствомъ (если это еще нужно было вообще доказывать), что идея средневѣковой имперіи уже отжила свой вѣкъ; его могильный склепъ схоронилъ и ее, и никогда болѣе она не воскресала. Ни одинъ уже нѣмецкій король не испытывалъ болѣе желанія потревожить ея дремоту; позднѣйшіе походы въ Римъ и вѣнчаніе императорскою короной его преемниковъ, Людовика Баварскаго, Карла IV и Богъ вѣсть кого еще, уже не имѣли въ виду такихъ великихъ цѣлей и ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравнены съ начинаніемъ Генриха, въ особенности по возвышенности и серьозности его намѣреній. Время для подобныхъ опытовъ миновало навсегда, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержалась еще на пять столѣтій прежняя разрозненность и слабость Италіи.

Личныя свойства Генриха оставили въ Италіи самое свѣтлое воспоминаніе. Всѣ историки, даже проникнутые гвельфскими убѣжденіями, воздаютъ хвалу его благородству и добрымъ намѣреніямъ. Преданный императору Чино да Пистойя посвятилъ его памяти двѣ жалобныя канцоны, а Дантъ, кромѣ того предназначилъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ бѣлой розѣ своего небеснаго рая [404]). Да и чье горе о почившемъ королѣ могло быть глубже и справедливѣе?

---

[404]) Послѣ неоднократныхъ и тщательныхъ изслѣдованій мы не можемъ признать подлинною приписываемую Данту нѣкоторыми (въ томъ числѣ и Витте, Erklärung der lyrischen Gedichte Dante's, стр. 111, 159) канцону на смерть Генриха VII. Не говоря уже о другихъ доводахъ и довольствуясь одною лишь внѣшней причиной, напомнимъ, что авторъ канцоны, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ, по смыслу 1-го стиха VI-ой строфы, находиться въ пору ея сочиненія внѣ предѣловъ Тосканы. Но, по всѣмъ извѣстнымъ намъ даннымъ, Дантъ и во время смерти короля и довольно долгое время послѣ нея исключительно жилъ въ Тосканѣ. Съ подобнымъ препятствіемъ совладать трудно. Витте-же, къ сожалѣнію, проходитъ его молчаніемъ.—Срв. между прочимъ E. Krafft, Dante Aligh. lyrische Gedichte, Text, Uebersetzung und Erklärung, Regensburg, 1859. 296, 461.

Всѣ надежды, которыя онъ возложилъ на него, разсѣялись съ его смертью,— всѣ, начиная съ желаннаго возвращенія во Флоренцію и кончая политическимъ возрожденіемъ Италіи, котораго онъ ожидалъ отъ Генриха. Теперь-же, въ довершеніе всѣхъ испытаній, онъ вынесъ печальное убѣжденіе, что императоръ прибылъ слишкомъ рано, и что Италія еще не готова[405]), тогда какъ другіе сразу убѣждены были, что всѣ попытки Генриха будутъ напрасны. Съ этой минуты фантазія поэта снова вступила въ свои права. Но и теперь, несмотря на пережитый опытъ, онъ еще не отказался отъ надежды на появленіе спасителя Италіи, возстановителя нарушеннаго и подавленнаго средневѣковаго міроваго порядка[406]).

7.

Жизнь Данта со времени смерти короля Генриха VII до продолжительнаго отсутствія поэта изъ Тосканы (1313—1316).

Смерть императора, въ силу самого хода дѣлъ, не могла остаться безъ замѣтнаго вліянія на соціальное положеніе Италіи. Южная часть полуострова, которая вслѣдствіе условленнаго между Генрихомъ и королемъ Фридрихомъ сицилійскимъ плана наступательныхъ дѣйствій пришла въ броженіе, быстро, какъ будто сама собою, вошла снова въ традиціонныя формы неоспоримаго владычества анжуйскаго дома. Столь же легко возвратилъ себѣ преобладаніе и гвельфскій принципъ въ Церковной Области, Романьѣ и Эмиліи; король Робертъ неаполитанскій былъ даже назначенъ римскимъ сенаторомъ. За то

---

[406]) Рай, XXX, 133.

In quel gran seggio, a che tu gli occhi tieni,
Per la corona che già v'è su posta,
Prima che tu a queste nozze ceni,
Sederà l'alma, che fia giù augosta,
Dell' alto Arrigo, ch'a drizzare Italia
Verrà in prima, ch'ella sia disposta.

[406]) Врядъ ли мнѣ нужно упоминать здѣсь о томъ, что преданіе, будто король Генрихъ умеръ отъ яду, даннаго ему монахомъ-доминиканцемъ въ причастіи, давно уже признано несостоятельнымъ (см. Barthold, Römerzug, приложеніе I). Молчаніе Данта о такомъ актѣ справедливо выставлено было опровергающимъ свидѣтельствомъ. Я не знаю также, вѣрно ли понялъ К. Витте (Erklärung der lyrischen Gedichte Dante's, II, стр. 218) относящіяся сюда слова („quo volatu" etc.); на мой взглядъ, они относятся лишь вообще къ римскому походу короля Генриха.

нѣсколько иначе сложились обстоятельства въ остальной части Средней и Верхней Италіи, и въ особенности въ Тосканѣ. Здѣсь за смертью императора не послѣдовало вовсе внезапнаго паденія императорской партіи; напротивъ, въ ней замѣтенъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ такой подъемъ, какой врядъ-ли можно было ожидать. Пиза, благодаря извѣстной уже намъ самоотверженной преданности императору, дошла до значенія центральнаго пункта гибеллинской дѣятельности. Сюда отошло императорское войско изъ Буонконвенто, здѣсь тѣло благороднаго героя нашло вѣчный покой, сюда стеклись всѣ его приверженцы, удрученные горемъ, и, какъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ, въ числѣ ихъ и Дантъ. Пизанцы должны были обезопасить себя отъ самыхъ крайнихъ дѣйствій со стороны гвельфской лиги и поэтому они серьозно озабочены были мыслью не дать себя застигнуть врасплохъ. Поэтому они приняли, въ качествѣ наемниковъ, около тысячи нѣмецкихъ всадниковъ въ свою службу [407]). Затѣмъ они старались найти такого могущественнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ правителя, который могъ-бы стать защитникомъ ихъ республики. Отъ Германіи партія ихъ пока не могла рѣшительно ничего ждать: кто могъ-бы сказать, много-ли времени пройдетъ, прежде чѣмъ государство получитъ новаго короля, и какой путь изберетъ для себя новый избранникъ. До такой степени неясны стали отношенія Германіи къ Италіи, отданныя совсѣмъ на жертву случаю! При данныхъ обстоятельствахъ король сицилійскій является естественнымъ замѣстителемъ императора. И дѣйствительно, Фридрихъ вскорѣ послѣ смерти Генриха прибылъ въ Пизу. Но, нерасположенный вести одиночными силами войну съ Неаполемъ, онъ съ такой-же неохотою отнесся къ предложенной ему синьоріи надъ гибеллинской республикой [408]). Подобно ему, предложенную имъ роль отклонили отъ себя и графы Людовикъ савойскій и Генрихъ фландрскій. Они всѣ считали, вѣроятно, все предпріятіе слишкомъ смѣлымъ. силы слишкомъ слабыми и непріятеля слишкомъ сильнымъ. Тогда Пизанцы призвали къ себѣ Угуччьоне делла Фаджьола, котораго мы уже видѣли въ санѣ арецкаго подеста. Въ то время онъ двусмысленно держалъ себя въ отношеніи Бѣлыхъ. Впослѣдствіи онъ снова совершенно отдался гибеллинской партіи, и король Генрихъ

---

[407]) G. Villani, IX, c. 53.

[408]) Къ этому относятся стихи Данта (Рай, XIX, 130):

Vedrassi l'avarizia e la viltade
Di quel, che garda l'isola del fuoco.

назначилъ его своимъ викаріемъ въ Генуѣ. Тамъ онъ и находился въ данную минуту, и не отклонилъ предложенія Пизанцевъ принять на себя синьорію надъ ихъ городомъ[409]). Гвельфскій союзъ понялъ смыслъ этого назначенія: Флоренція, Пистойя и Лукка тотчасъ же вручили высшее руководство дѣлами своихъ республикъ королю Роберту, который такимъ образомъ пожалъ плоды своей лукавой политики относительно Генриха VII и отправилъ имъ вмѣсто себя намѣстника[410]).

Съ этой поры складъ событій совершенно измѣнился: Гибеллины, довольствовавшіеся до прибытія короля Генриха скромной оборонительной ролью, перешли теперь въ наступленіе. Пиза въ прежнее время была подъ гнетомъ Лукки, которая подвергала ея бытъ великимъ опасностямъ. Поэтому Угуччьоне увидалъ въ отстраненіи этихъ опасностей свою ближайшую и настоятельнѣйшую задачу. Жители Лукки установили лишь въ 1310 году у себя исключительное народное правленіе, въ гвельфскомъ духѣ, при чемъ значительная часть дворянства принуждена была отправиться въ изгнаніе. Эти луккскіе изгнанники примкнули теперь къ Угуччьоне, и онъ, опираясь на вооруженную силу, дѣйствительно потребовалъ призыва ихъ назадъ въ Лукку, въ чемъ имъ и не было отказано.

Въ мартѣ 1314 года состоялся не только возвратъ изгнанниковъ, но и водвореніе ихъ во владѣніе конфискованными ихъ имуществами. Но этого имъ еще было мало; по уговору, очевидно, установленному между ними еще раньше, они потребовали себѣ и возвращенія политическихъ правъ. Угуччьоне внезапно появился съ войскомъ передъ стѣнами города, а сторонники его, находившіеся въ самомъ городѣ, измѣннически открыли ему одни изъ воротъ. Все дѣло Гвельфовъ было потеряно. Застигнутые врасплохъ, окруженные со всѣхъ сторонъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ короля неаполитанскаго, они увидали, что имъ ничего не остается кромѣ бѣгства. Угуччьоне завладѣлъ Луккой, причемъ не обошлось безъ жестокихъ насилій со стороны его войскъ, и велѣлъ провозгласить свою синьорію надъ городомъ[411]).

Здѣсь, въ Луккѣ, мы снова встрѣчаемъ нашего поэта. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, гдѣ онъ провелъ время, протекшее со смерти своего императора. Объ этомъ не сохранилось никакихъ на-

---

[409]) Дж. Виллани, IX, с. 53.
[410]) Виллани, IX, 55.
[411]) Виллани, IX, 57, 59.

дежныхъ указаній. Предполагаютъ, что онъ нѣкоторое время былъ у Бозо Раффаэлли въ Губбіо и въ сосѣднемъ монастырѣ Камальдуловъ Санта-Кроче (**Fonte Avellana**), въ Умбріи. Это предположеніе основывается въ особенности на преданіи, сохранившемся о томъ въ обѣихъ названныхъ мѣстностяхъ[412]); но мы не можемъ признать убѣдительнымъ ни это преданіе, ни извѣстное мѣсто въ Раю[413]). Столь же вѣроятно, что онъ провелъ данное время или у Маласпина[414]), или у графа Гвидо Сальватико, или даже что онъ оставался въ Пизѣ. По многимъ внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ является возможнымъ и то и другое, и изъ ряда этихъ мѣстностей мы желали-бы только исключить Равенну[415]). Но, какъ уже замѣчено было, достовѣрнымъ является пребываніе Данта въ Луккѣ съ той минуты, когда Угуччьоне сталъ властителемъ этого города[416]). Съ послѣднимъ онъ, вѣроятно, уже раньше вступилъ въ близкія сношенія,— какъ передаютъ, еще въ ту пору, когда Бѣлые возлагали на него столь тщетныя надежды. Теперь-же, подъ покровомъ дружбы Угуччьоне и храбраго сына его Франческо, тревожный изгнанникъ снова обрѣлъ себѣ на время отдыхъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда онъ написалъ извѣстные желчные стихи о Луккѣ[417]), онъ, конечно, не

---

[412]) См. относящіяся сюда доказательства точности этого преданія у Фратичелли, l. c., 218—219.

[413]) Paradiso, XXI, 106—112. Изъ того, что Дантъ зналъ данную мѣстность, еще нельзя заключать о продолжительномъ пребываніи его тамъ.

[414]) Старшій Марозлло Маласпина (см. выше стр. 127) тѣмъ временемъ также перешелъ къ Гибеллинамъ и примкнулъ къ королю Генриху.

[415]) Мы никакъ не можемъ считать подлиннымъ мнимое письмо Данта изъ Венеціи, отъ 30 марта 1313 (или 1314) года, у Торри, l. c., p. 76; доказательства его недостовѣрности были въ свое время приведены еще у Витте.

[416]) Дантъ не могъ жить въ Луккѣ ни раньше, ни позже 1314—1316 года. Въ 1300 г. было ему лишь предсказано пребываніе въ этомъ городѣ и связанное съ нимъ сердечное увлеченіе; позднѣйшая подруга его была тогда еще дѣвочкой, или даже совсѣмъ ребенкомъ. Не могъ онъ жить тутъ въ періодъ отъ 1300—1314 г. потому, что Лукка была въ ту пору въ такой степени ярой сторонницей Гвельфовъ, что о пребываніи тамъ Данта, да еще и о весьма продолжительномъ, совершенно нельзя и думать. Послѣ же 1316 года также не могъ онъ быть тутъ, ибо съ этого года поэтъ никогда болѣе не возвращался уже въ Тоскану. Итакъ, остается лишь періодъ съ 1314—1316 г., съ чѣмъ вполнѣ согласуются всѣ личныя его и политическія обстоятельства.

[417]) Адъ, XXI, 37:

Del nostre ponto disse, o Malebranche—
Ecco un degli anzian di santa Zita:
Mettetel sotto, ch'io torno, per anche
A quella, terra che in'ho ben fornita:
Ognun v'e barattier, fuor che Bonturo;—
Del no, per li denar, vi si fa ita.

предчувствовалъ, какимъ желаннымъ убѣжищемъ, словно новой родиной, по крайней мѣрѣ на долгое время, она станетъ для него. Но еще большее благо ожидало его здѣсь: онъ долженъ былъ ощутить тутъ еще разъ извѣстное удовлетвореніе своихъ задушевныхъ стремленій: этотъ городъ сталъ ему даже особенно дорогъ, благодаря глубоко искренней связи, въ которую онъ вступилъ съ одною изъ его обитательницъ [418]). Кто она была, впрочемъ, нельзя сказать съ достовѣрностью [419]); но кто-бы ни была она, мы должны, опираясь на собственное показаніе поэта, видѣть здѣсь весьма тѣсное сближеніе, но во всякомъ случаѣ только дружественную, благородную связь. Поистинѣ, мало дѣлаетъ чести различнымъ комментаторамъ поэта, что они и въ данномъ случаѣ умѣютъ только стать на самую банальную точку зрѣнія. Къ тому-же, основываясь на одномъ соображеніи, о которомъ сейчасъ же скажемъ подробнѣе, мы предполагаемъ, что Дантъ имѣлъ у себя въ Луккѣ также и своихъ сыновей. Это обстоятельство также заставляетъ предположить извѣстную степень прочности и удобства его положенія.

Подобныя личныя и домашнія отношенія Данта, изъ-за которыхъ мы порадуемся за бездомнаго поэта, не отклоняли его отъ всегдашняго стремленія принимать живѣйшее участіе въ важныхъ событіяхъ его родины и всего человѣчества. Отъ мірского оружія въ ту пору, конечно, нельзя было ничего ожидать; нѣмецкій тронъ оставался даже почти вплоть до конца 1314 года не занятымъ: тогда Дантъ, неутомимый въ своихъ надеждахъ, попытался привлечь на сторону своего дѣла духовную власть. Въ апрѣлѣ папа Климентъ умеръ, и снова пробудились всѣ различные крупные и мелкіе интересы, которые еще при его избраніи, за девять лѣтъ передъ тѣмъ, были уже особенно дѣятельны.

---

418) Чистилище, XXIV, 43:

Femmina è nata e non porta ancor benda,
Cominciò ei, che ti fara piacere
La mia citta, come ch'uom la riprenda,
Tu te n'andrai con questa antivedere;
Se nel mio mormorar prendesti errore
Dichiaranti ancor le cose vere.

419) Я по прежнему считаю наиболѣе правдоподобнымъ, что къ этой женщинѣ имѣетъ отношеніе Gentucca въ Purgat., XXIV, 37, хотя само по себѣ это слово остается для насъ непонятнымъ; всѣ другія толкованія этихъ словъ не придаютъ имъ никакого смысла. Иные, какъ напр. и Бланъ (Vocabolario Dantesco, p. 234) видятъ въ этой женщинѣ Аладжію ди Фіески, жену старшаго Маласпины. Къ тому же здѣсь рѣчь не идетъ исключительно о женщинѣ родившейся въ Луккѣ, но временно живущей тамъ. Къ Аладжіи же, сколько мнѣ извѣстно, непримѣнимо ни то, ни другое обозначеніе.

Люди, способные еще ожидать чего-нибудь отъ папства, должны были прежде всего требовать освобожденія его изъ тлетворныхъ сѣтей французской политики. Итальянцы кромѣ того съ своей національной точки зрѣнія, сожалѣли о перенесеніи папской резиденціи въ Авиньонъ и отвергали законность его. Но не только въ ихъ глазахъ, но по всеобщему мнѣнію папство въ силу всей своей исторіи и по праву было неразрывно связано съ Римомъ. Весьма незавидная роль, въ которую поставилъ себя Климентъ V, подслуживаясь королю Филиппу IV, естественно не могла содѣйствовать упроченію нравственнаго авторитета папства въ глазахъ остальныхъ народовъ. Дѣло дошло до того, что оскорбленное общественное мнѣніе требовало теперь, по случаю смерти папы, возвращенія папской резиденціи въ Римъ, и истолкователемъ этого требованія выступилъ теперь Дантъ. Хотя онъ былъ недоволенъ теократическимъ развитіемъ папства, но несмотря на это съ непоколебимой вѣрностью привязанъ былъ къ нему, какъ къ учрежденію: просвѣтленное и чистое, оно, сообразно его системѣ, являлось настоятельно необходимымъ для блага всего міра. Если требуемому поэтомъ установленію правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ вообще суждено было осуществиться, то та власть, которая будетъ руководить имъ, должна прежде всего быть свободною.

Когда конклавъ собрался въ Карпантра, въ Провансѣ, Дантъ обратился къ итальянскимъ кардиналамъ съ посланіемъ, въ которомъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, извѣстнымъ уже намъ возвышеннымъ древне-библейскимъ тономъ, высказалъ эти требованія его народа и всего человѣчества,—самимъ же кардиналамъ укоризненно указалъ на вырожденіе церкви и ихъ собственное равнодушіе къ своимъ великимъ и священнымъ обязанностямъ. Конечно, въ это же увѣщательное слово свое онъ включилъ и изложеніе личной своей политической системы и притомъ такъ открыто и пространно, что этимъ онъ могъ парализовать прежнія объективныя требованія, еслибъ только подобныя воззрѣнія были болѣе распространены въ

---

[420]) Torri, l. c., p. 82. Fraticelli, Opp. min., III, 2, p. 256.—Посланіе, по оригинальному совпаденію, начинается тою-же цитатой изъ Іереміи (Сѣтованія, I, 1: Quomodo sola sedet civitas etc.), которую Дантъ поставилъ во главѣ того посланія къ сильнымъ земли и т. д., которымъ онъ возвѣщалъ о смерти Беатриче (Vita Nuova, изд. Витте, гл. 31, стр. 89).—Дж. Виллани (l. c., p. 234, IX, гл. 136) говоритъ объ этомъ посланіи:—„la terza (pistola) a cardinali italiani quand'era la vacazione dopo la morte di papa Clemente, acciochè s'accordassono a eleggere papa Italiano".

то время и еслибъ дѣйствительно посланіе могло дойти по назначенію. Поставивъ на видъ заброшенность и запустѣніе Рима [420]), онъ прямо обращается къ названнымъ кардиналамъ: «По истинѣ вы, вожди воинствующей церкви, не руководя колесницею невѣсты Распятаго по ясно предначертанному ей пути, вы подобно лживому возницѣ Фаэтону вышли изъ колеи, и, благодаря тому, что вамъ удалось безопасно провести по дебрямъ этого паломничества и паству, слѣдующую за вами, то вы увлекли и ее вмѣстѣ съ собою въ пропасть.... Быть-можетъ, вы въ гнѣвѣ возразите: кто осмѣливается, не боясь внезапной кары Осіи [421]), возставать противъ поколебленнаго алтаря? Правда, что въ числѣ агнцевъ, пасомыхъ Іисусомъ Христомъ, я—одно изъ малѣйшихъ: я слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть возможность выступать съ достоинствомъ служителя церкви [422]). Итакъ, не въ силу богатствъ, но по милости Божьей сталъ я тѣмъ, чѣмъ есмь, «рвеніе къ дому Господню поглощаетъ меня» [423]). Ибо даже устами грудныхъ младенцевъ и дѣтей безпомощныхъ прозвучала уже истина, угодная Богу, и слѣпорожденный возвѣстилъ ту истину, которую фарисеи не только скрывали, но и старались злостно извратить.... Я полагаю, что не возбуждаю никого къ спору, но напротивъ и въ васъ и въ другихъ, — въ тѣхъ людяхъ, которые только по имени являетесь первосвященниками міра, я хотѣлъ пробудить тяжкое сознаніе заблужденія (если только чуткость въ васъ не совсѣмъ вымерла!), ибо изъ числа многихъ не разлученныхъ совсѣмъ, но оставленныхъ въ небреженьи на пастбищѣ и не стерегомыхъ овецъ единственно одинъ лишь честный, но безсильный [424]) голосъ осмѣлился раздаться при погребальной тризнѣ матери-церкви... Или быть-можетъ я не правъ? Всѣ, не исключая васъ, избрали себѣ въ спутницы жизни алчность, которая никогда не порождала благочестія и справедливости, никогда не была христіанскою любовью,

---

[421]) 2. Самуилъ, 6, 7—9.

[422]) Въ оригиналѣ (Торри, стр. 84, 5) это мѣсто читается такъ: quippe de Ovibus pascuis Jesu Christi minima una sum; quippe nulla pastorali auctoritate abutens, quum divitiae mecum non sunt".—Каннегисеръ (l. c. 204)переводитъ,—незнаю, вполнѣ ли вѣрно:„Я не злоупотребляю достоинствомъ пастыря, ибо не имѣю богатствъ". У Торри переводъ гораздо болѣе подходящій: e per mia poverta so non potermi usurpare autorità di pastore".—У Фратичелли (263) итальянскій переводъ этого мѣста таковъ:—ma certo che della pastorale autoritade io non abuso per nullo, conciossiacoche non sieno meco ricchezze.

[423]) Псаломъ 68, 10.

[424]) Въ текстѣ стоитъ:—vox privata.

но безстыдствомъ и несправедливостью. О, святая мать наша, невѣста Христова! Какихъ сыновъ порождаешь ты себѣ на посрамленіе! Не Харитой, не Астреей, но кровожадными дѣвами являются твои невѣстки [425]). И какихъ сыновъ порождаютъ они тебѣ, — это показываютъ на дѣлѣ всѣ они, за исключеніемъ епископа Луніскаго [426]). Твой Григорій [427]) покоится, обвитый паутиной; въ углу у церковниковъ лежитъ Амвросій [428]), забытые лежатъ Августинъ, Діонисій [429]), Даміанъ [430]) и Беда [431]), за то какое-нибудь Зерцало справедливости, какой-нибудь Иннокентій [432]), или Остіецъ [433]) у нихъ ежедневно на языкѣ. И отчего же бы имъ не дѣлать этого? Вѣдь тѣ искали Бога какъ наиболѣе желанной цѣли, эти же стремятся только къ наживѣ и доходнымъ статьямъ. Но не думайте, однако, отцы мои, чтобъ изъ всѣхъ я одинъ только такъ мыслилъ. Напротивъ, всѣ втиши шепчутъ про себя то, что я осмѣливаюсь высказать громко. и уста сколькихъ людей могутъ подтвердить то, что находится у всѣхъ передъ глазами! Конечно, многіе нѣмы отъ удивленія, но всегда-ли они будутъ безмолвны и не преднесутъ-ли они своему Творцу свое показаніе? Еще живъ Господь; и Тотъ, кто могъ разрѣшить Валаамовой ослицѣ языкъ [434]), повелѣваетъ животными и въ наши дни... Въ какомъ положеніи находится Римъ, покинутый обоими свѣточами [435]), способный возбудить сожалѣніе даже въ Аннибалѣ, не говоря уже о другихъ людяхъ, сѣдящій одиноко и осиротѣвшій, это ужасающее зрѣлище вы можете указать взорамъ всѣхъ. И вамъ это всего болѣе подобаетъ, вамъ, узнавшимъ священныя волны Тибра съ самаго вашего дѣтства,—ибо, хотя глава Лаціума, общая колыбель нашего гражданскаго развитія, одинаково дорога для всѣхъ Итальянцевъ, но, какъ источникъ вашего собственнаго

---

425) Nurus.

426) Епископомъ въ Луни былъ Герардино, изъ рода Маласпина. — Срав. у Торри, l. c., стр. 86, примѣч. 28.

427) Папа Григорій I, великій.

428) Архіепископъ миланскій.

429) Діонисій Ареопагитъ (срав. Рай, XXVI, гл. 30).

430) Петръ Даміанъ (ср. Рай, XXI, гл 121). Торри, кажется, съ полнымъ основаніемъ читаетъ вмѣсто Damascenus — Damianus.

431) Beda Venerabilis, англосаксъ (срав. Рай, X, 131).

432) Папы Иннокентій III, или V, какъ декреталисты.

433) Здѣсь разумѣется кардиналъ Остійскій, Генрихъ ди Сегузія, ставшій авторитетомъ по каноническому праву благодаря своей Суммѣ.—Срав. Рай, IX, 133, XII, 83.

434) Книга Чиселъ, XXII, 28.

435) Именно и папой и императоромъ одновременно.

бытія, она по справедливости имѣетъ особое предпочтительное право на ваше уваженіе. И если настоящія бѣдствія уже поразили остальныхъ Итальянцевъ горемъ и наполнили ихъ сердца стыдомъ, то кто же усомнится въ томъ, что вы должны краснѣть и горевать, потому что вы были причиною того, что для нихъ солнце затуманилось...

Правда, еще есть цѣлебное средство (хотя неотразимо останется позоръ на апостольскомъ престолѣ, и печать отверженія, и грѣхъ противъ того, кому предоставлены во власть небо и земля),—если всѣ вы, бывшіе виновниками настоящаго заблужденія, пойдете единодушно и мужественно въ борьбу за невѣсту Христову, за престолъ сей невѣсты, Римъ, за нашу Италію, короче скажу, за всю совокупность паломниковъ на земномъ поприщѣ, дабы съ поля уже начавшейся борьбы, предѣломъ которой служитъ океанъ, вы могли, держась сами мужественно, слышать раздающійся изъ каждыхъ устъ возгласъ «Слава въ вышнихъ Богу!», дабы униженіе Гасконцевъ[436]), которые, пожираемые презрѣнной жадностью, хотятъ присвоить себѣ славу Латиновъ, осталось на всѣ грядущіе вѣка предостерегающимъ примѣромъ для будущихъ поколѣній».

Эти пожеланія поэта и лучшихъ изъ его современниковъ остались, какъ извѣстно, неуслышанными. Послѣ несообразно продолжительнаго избирательнаго собранія, относительно котораго со стороны Французовъ дѣло не обошлось даже безъ насильственныхъ дѣйствій, былъ выбранъ наконецъ (7 августа 1316 года) Іоаннъ XXII. Его избраніе свидѣтельствовало о рѣшительномъ пораженіи итальянской партіи въ средѣ кардиналовъ, и въ то же время возвѣщало о продленіи «вавилонскаго плѣненія» церкви; всѣ надежды, которыя возлагали на новые выборы истинные друзья ея, въ особенности въ Италіи, были, совершенно разсѣяны и отвергнуты.

Но тѣмъ временемъ и въ Германіи состоялись новые королевскіе выборы[437]), но они не обѣщали счастія, ибо выборъ былъ двойной: избраны были Людовикъ (IV) Баварецъ и Фридрихъ Австрійскій; и тотчасъ же начался споръ изъ-за престола, окончившійся лишь

---

[436]) Здѣсь прежде всего можно видѣть указаніе на организованную папой Климентомъ V, урожденнымъ Гасконцемъ, партію французскихъ кардиналовъ а затѣмъ и на Францію и французскую политику вообще, которая и создала это „сиротливое положеніе Рима“.

[437]) Въ октябрѣ 1314 г.—Сравни у Бэмера. Regesten K. Ludwigs d. B., K Friedrich des Schönen und K. Johannes von Böhmen. Frankfurt, 1839 (съ двумя дополнительными тетрадями).

послѣ восьми лѣтъ торжествомъ Виттельсбаха. Мы знаемъ, что представителемъ настоящей имперской партіи былъ Людовикъ, и несмотря на препятствовавшія ему замѣшательства въ Германіи онъ уже въ самомъ скоромъ времени послѣ того обратилъ также свои взоры за Альпы, откуда шли ему на встрѣчу желанія и надежды Гибеллиновъ. Еще въ январѣ 1315 года онъ назначилъ генеральнаго викарія имперіи для всей Италіи [438]). Король, правда, въ данную минуту не былъ пока въ состояніи непосредственно вмѣшаться въ дѣла Италіи и поэтому принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что издали ободрялъ имперскую партію въ Италіи и старался привязать къ себѣ ея вождей. Поэтому насъ не можетъ удивить, когда мы узнаемъ, что гостепріимный другъ Данта, въ ту пору могущественный повелитель Пизы и Лукки, Угуччьоне делла Фаджьола, прежде другихъ привлекъ на себя вниманіе короля. Уже въ мартѣ того же года, за заслуги его имперіи, Людовикъ утвердилъ его и обоихъ его сыновей во владѣніи нѣсколькими замками въ долинѣ Арно и милостиво наградилъ ихъ, отдавая имъ впередъ въ ленное владѣніе всѣ имперскія имущества, которыя они отнимутъ у враговъ имперіи [439]).

Мы сомнѣваемся, чтобъ Дантъ ожидалъ чего-нибудь для своихъ политическихъ надеждъ отъ этого поворота вещей; тамъ, гдѣ являлось для него столько поводовъ высказываться, онъ вездѣ соблюдалъ даже слишкомъ осторожное молчаніе объ обоихъ короляхъ-соперникахъ и всѣхъ сопряженныхъ съ ними событіяхъ. Да и его дѣлу мало могъ бы принести пользы нѣмецкій государь, постоянно остававшійся за Альпами.

Напротивъ того, его храбрый покровитель, который еще со времени взятія Лукки безпрерывно велъ борьбу съ Гвельфами, повидимому, проникся, благодаря своей связи съ королемъ Людовикомъ, усиленной жаждой борьбы. Онъ подчинилъ своей власти значительную часть Луккской области и взялъ штурмомъ укрѣпленные замки испуганныхъ противниковъ своихъ. Флорентинцы съ отчаяніемъ увидѣли паденіе Лукки и рѣшились во чтобы то ни стало положить преграду успѣхамъ Пизы. Но и вся Средняя Италія приведена была въ волненіе удачею Угуччьоне и усиліями, сдѣланными партіей Гибеллиновъ, Гвельфы же очутились завѣдомо для всѣхъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи [440]). Рѣшительный ударъ уже готовился:

[438]) J. Ficker, Urkunden zur Geschichte d. Römerzuges Kaiser Ludvig des Baiern und der italienischen Verhältnisse seiner Zeit. Innsbruck, 1865, № 1, 2.

[439]) J. Ficker, ibid., № 4 (изъ Вимпфена, 26 марта 1315).

[440]) Дж. Виллани, IX, гл. 67.

Угуччьоне приступилъ къ осадѣ горной крѣпости Монтекатини въ Valdinievole, которая господствовала надъ дорогою во Флоренцію и получила наскоро флорентинскій гарнизонъ[441]). Братъ неаполитанскаго короля, принцъ Филиппъ, герцогъ тарентскій, выступилъ въ походъ въ качествѣ главнокомандующаго всѣми военными силами Гвельфовъ, чтобъ заставить снять осаду; Угуччьоне, во время замѣтивъ превосходство силъ непріятеля, сдѣлалъ видъ, будто хочетъ отступить, когда непріятельское войско преградило ему путь и вызывало къ сраженію. Оно стало неизбѣжнымъ, но завершилось полной побѣдой Гибеллиновъ[442]). Намѣстникъ флорентинскій, герцогъ Петръ, также братъ короля Роберта и кромѣ него и сынъ герцога тарентскаго, остались замертво на полѣ битвы, и крѣпость Монтекатини сдалась тотчасъ же побѣдителю[443]). Угуччьоне торжествовалъ, но и ему пришлось оплакивать утрату дорогого ему человѣка: въ числѣ павшихъ былъ и его храбрый, полный надеждъ сынъ Франческо[444]). Пораженіе Флорентинцевъ рѣшено было отрядомъ изъ 800 нѣмецкихъ мало-опытныхъ всадниковъ, оставшихся въ Италіи послѣ смерти короля Генриха VII[445]).

Отчаяніе Флорентинцевъ было велико, но еще сильнѣе было ихъ негодованіе на Бѣлыхъ, которые, принимая участіе въ этихъ событіяхъ, становились на сторону Гибеллиновъ. Какъ кажется, ихъ потребовали въ какой нибудь формѣ, къ отвѣту, но они не исполнили этого требованія; мы знаемъ лишь, что 6 ноября[446]) снова былъ произнесенъ или по меньшей мѣрѣ возобновленъ смертный приговоръ и опредѣленіе объ изгнаніи тѣхъ, кого называли «Гибеллинами и мятежниками»[447]). Если они когда-либо очутятся во власти республики, читаемъ мы въ декретѣ, они должны быть отведены на мѣсто казни, и у нихъ голова должна быть отдѣлена отъ туловища». Кромѣ того они объявлены были внѣ закона, такъ что и личность ихъ и имущество могли сдѣлаться добычей каждаго. Мотивомъ для этого возобновленнаго приговора было выставлено презрѣніе ихъ ко

[441]) Виллани, гл. 69.

[442]) 29 августа 1315 г.

[443]) Виллани, гл. 70.

[444]) Сравни Дж. Каппони, l. c., стр. 161. — Ammirato, Istor. Fiorent., I, 2 стр. 49—51.

[445]) Ammirato, l. c., стр. 50.

[446]) 1315 года.

[447]) Pelli, Memorie, § 13. Fraticelli, p. 253: Hec autem sunt banna et exbannimenta, lata et promalgata — contra infrascriptos ghibellinos et rebelles pro infrascriptis inobedientiis et contumaciis in penis et bannis inferius denotatis de consilio suorum Judicum".

всѣмъ распоряженіямъ республики, начиная съ 1302 года, и невыполненіе наложенной на нихъ пени [448]). Послѣ всего уже намъ извѣстнаго насъ не можетъ удивить, что и Дантъ находился въ числѣ лицъ, постигнутыхъ приговоромъ; уже нѣсколько болѣе удивительно, что на этотъ разъ дѣйствіе его распространено было и на его дѣтей [449]); мы уже указали на это выше и можемъ объяснить себѣ этотъ фактъ,только предположивъ, что поэтъ вызвалъ къ себѣ своихъ сыновей, и что они, какъ бы молоды они ни были, уже были, вѣроятно, какимъ нибудь образомъ замѣшаны въ изображенныя нами событія [450]).

Пока Угуччьоне былъ еще въ силѣ, всякое возобновленіе этого приговора (во всемъ, что касалось личной опасности) могло не про-

---

[448]) Ibid.: Contra quos omnes et singulos superius nominatos, et contra omnes et singulos de dictis domibus seu consortibus, non exceptatos qui non satisderunt a septuaginta annis infra et a quindecim annos supra, processimus per inquisitionem quod loco et tempore in inquisitione contentos tamquam ghibellinos et rebelles Communis et Populi Civitatis Florentie et statutorum partes Guelfe, spreverunt nostra banna et precepta, videlicet quod venire et comparare deberent ecoram nobis et nostra curia ad satisdandum et securitatem prestandam de eundo et stando ad confinia, eis et cuilibet eorum deputanda per nos et nostram curiam, et parendum nostris mandatis; omnia predicta in totum protinus contemnentes et in contemtu habentes, etiam alia et diversa maleficia comiserunt et perpetraverunt contra bonum statum Communis Florentie et partis Guelfe, prout de omnibus predictis et aliis per eos commisis, inquisitione contra eos per nos et nostram curiam formata plenius continetur; et ob eorum et cuiusque eorum contumaciam legitime condemnati, videlicet quos, si quo tempore ipsi vel aliquis predictorum, ut dictum est, in nostram vel Communis Florentie fortiam devenerint, quod ducantur ad locum Iustitiae, et ibi eisdem caput a spatulis amputetur ita quod penitus moriantur. Ideo ne de eorum contumacia glorientur, ipsos et quemlibet eorum, ut dictum est, exbandimus et in banno ponimus de civitate Florentie et districtu, dantes licentiam cuique ipsos et quemlibet eorum, ut dictum est, offendendi in ere et persona et impune—sententialiter pronuntiamus". Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ заключеніе приговора отмѣна его все еще допускается подъ извѣстными условіями.

[449]) Въ текстѣ сказано: Dantem Aldegherii et filios.—Примѣчательно, что въ то время какъ прочіе приговоренные перечислены по родамъ и корпораціямъ (de dictis domibus et consortibus), нашъ поэтъ вмѣстѣ съ своими сыновьями поименованъ совершенно отдѣльно; если всѣ признаки меня не обманываютъ, изъ этого ясно видно, до какой степени Дантъ съ своими политическими убѣжденіями стоялъ одиноко въ своей семьѣ и въ родствѣ, тогда какъ прочіе члены его рода остались вѣрны гвельфскимъ традиціямъ своего дома.

[450]) Указаніе, которое находимъ въ приведенномъ выше приговорѣ: — non exceptatos qui non satisderunt a septuaginta annis infra, et a quindecim annis supra — вѣроятно относится къ возрасту приговоренныхъ лицъ. Сыновьямъ Данта, женившагося въ 1294 году, было вѣроятно въ ту пору всѣмъ болѣе 15 лѣтъ.

изводить никакого впечатлѣнія на нашего поэта. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства въ самомъ скоромъ времени приняли такой оборотъ, что убѣжище его, ставшее ему столь дорогимъ, уже не могло надежно обезопасить его. Такая побѣда, какою была битва при Монтекатини, будь она одержана королемъ Генрихомъ VII, должна была бы нанести сильный вредъ Гвельфамъ, и прежде всего Флоренціи,— но для Угуччьоне она имѣла противоположныя послѣдствія. Онъ усилилъ съ той поры свои притязанія относительно своей партіи и навлекъ на себя подозрѣніе, будто онъ хочетъ захватить себѣ роль диктатора въ Пизѣ. Это ускорило его паденіе. Завязанныя имъ сношенія съ королемъ Людовикомъ не поддерживались усердно, а съ другой стороны и король Фридрихъ еще въ теченіе того же года завязалъ въ Тосканѣ сношенія съ Луккезцомъ Каструччьо Кастракани, личнымъ, но въ сущности не политическимъ противникомъ Угуччьоне,— и эти сношенія не остались безслѣдными и очевидно содѣйствовали паденію его [451]).

Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что вслѣдствіе возмущенія въ Луккѣ, передавшагося потомъ и въ Пизу, Угуччьоне въ одинъ и тотъ же день (3 апрѣля 1316 года) лишился власти въ обоихъ этихъ городахъ [452]). Онъ не съумѣлъ господствовать надъ различными интересами, копошившимися вокругъ него и не смогъ заставить ихъ служить его собственнымъ интересамъ. Его политическая роль была отнынѣ съиграна; онъ бѣжалъ сначала, какъ кажется, въ Луниджьяну, къ младшему Маласпина (Spinella), а оттуда направился въ Верону, къ Кангранде.

Высказывавшіяся иногда догадки, будто Дантъ одно время чрезвычайно многаго ожидалъ отъ павшаго вождя Гибеллиновъ, и вѣрилъ, что онъ осуществитъ тѣ высокія надежды, которыя незадолго передъ тѣмъ поэтъ возлагалъ на императора Генриха,— эти догадки не имѣютъ никакого внутренняго правдоподобія; намъ еще разъ придется вернуться ниже къ этому обстоятельству,— но уже довольно примѣчательно само по себѣ, что поэтъ (мы готовы бы сказать, противъ своей привычки) нигдѣ не посвятилъ въ своей ве-

---

[451]) Срав. у Фикера, l. c., стр. 3, оба письма короля Фридриха къ „Castruccio degli Antelminelli“ (№ 5 и 6), помѣченныя 5 и 6 августа 1315 года.—Каструччьо Кастракани завѣдомо не былъ Гвельфомъ.—Сравн. N. Machiavelli, La vita di Castr. Castracani da Lucca (томъ III его сочиненій, изд. Генуэзск., 1798, стр. 215 и слѣд.).

[452]) Виллани, l. c., IX, гл. 78.—Документъ № 8, приведенный у Фикера, вѣроятно, относится къ этимъ происшествіямъ.

ликой поэмѣ своему покровителю ни одного слова воспоминанія или признательности.

На первое время Дантъ, повидимому, избралъ такой-же путь: въ Луккѣ, понятно, ему нельзя уже было оставаться, съ семьей же Маласпина онъ находился издавна въ дружественныхъ отношеніяхъ, хотя Мароэлло ди Мулаццо ужеумеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Но именно въ эту пору, когда онъ снова отброшенъ былъ въ прежнее блуждающее, ненадежное житье бѣглеца, передъ нимъ неожиданно открылась возможность увидать осуществленіе пламеннѣйшаго его желанія свободно возвратиться на его дорогую родину. Республика избавилась отъ великаго страха, благодаря паденію Угуччьоне: измѣнившееся было равновѣсіе обѣихъ боровшихся въ Тосканѣ другъ съ другомъ политическихъ партій было теперь не только возстановлено, но въ данную минуту на сторонѣ Гвельфовъ было даже превосходство. Впрочемъ, въ самой Флоренціи произошелъ разладъ въ средѣ господствующей партіи Черныхъ, съ трудомъ улаженный ради грозившей извнѣ опасности и повлекшій за собой установленіе крайняго террористическаго направленія въ правительствѣ. Лишь тогда, когда снова водворилось сознаніе безопасности, это направленіе принуждено было уступить мѣсто иному и принципы умѣренности снова возобладали.

Въ связи съ этимъ-то оборотомъ дѣлъ находится и то обстоятельство, что въ теченіе 1316 г. во Флоренціи было трижды объявлено политическимъ изгнанникамъ, какъ и прежде, подъ извѣстными, несомнѣнно унизительными условіями, позволеніе вернуться, и произнесенные прежде противъ нихъ приговоры были взяты назадъ [453]). Мы уже разъ слышали здѣсь о подобной же мѣрѣ: она дѣйствительно могла быть умѣстною или въ такую минуту, когда республика ожидала нападенія извнѣ, или-же тогда (какъ въ описываемую пору), когда нападеніе это было счастливо отражено. Если въ прежнее время Дантъ былъ прямо исключенъ изъ предложенной ссыльнымъ амнистіи, то на этотъ разъ явилась возможность распространить ее, подъ извѣстными условіями, и на него. У него еще были друзья во Флоренціи, въ особенности же одинъ монахъ изъ его родственниковъ и одинъ племянникъ, которые хлопотали о его возвращеніи и побуждали его не оставить безъ пользы для себя

---

[453]) Въ іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ. См. у Фратичелли, Vita di Dante, p. 255, not. 11.

представлявшійся случай амнистіи[454]). Дантъ былъ съ своей стороны также готовъ представить просьбу о включеніи въ амнистію; какъ ни тяжело это могло быть для него, страстное стремленіе къ родинѣ превозмогло его гордость и сознаніе собственной невиновности: но ему было разъяснено, что отмѣна его ссылки можетъ быть допущена лишь подъ условіями, которыя въ подобныхъ случаяхъ бываютъ одинаковы для всѣхъ[455]). Условіе же состояло въ томъ, что помилованные должны были выплатить извѣстную сумму денегъ и публично принести покаяніе въ церкви св. Іоанна, т. е. признать себя виновными. Торжественною процессіей, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, шли они за драгоцѣнной колесницей святого городского патрона и такимъ образомъ были возвращены въ его лоно». Но Дантъ ожидалъ почетнаго вызова вернуться, но не постыднаго допущенія его возврата, купленнаго цѣною признанія собственной виновности, въ то время какъ онъ не признавалъ за собой никакой вины. Въ виду этихъ обстоятельствъ онъ ни на одну минуту не поколебался, что ему слѣдуетъ сдѣлать въ отвѣтъ на сдѣланное ему предложеніе: онъ отказался отъ дарованной ему амнистіи.

Мы привѣтствуемъ это рѣшеніе его. Оно увѣнчало собою всегдашнюю глубину и чистоту его убѣжденій; иной поступокъ съ его стороны былъ бы, конечно, немыслимъ и равнялся бы нравственному самоуничтоженію. Но если отказъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, то и со стороны флорентинскихъ Черныхъ не менѣе послѣдовательно было, что они не сдѣлали исключенія въ угоду Данту. Призывъ его назадъ, въ томъ видѣ, какъ онъ этого желалъ, былъ бы равносиленъ порицанію всего ихъ собственнаго прошлаго за послѣдніе шестнадцать лѣтъ. Высокое литературное значеніе изгнан-

---

[454]) Это обнаруживается изъ письма Данта, которое мы сейчасъ подробнѣе узнаемъ. „Племянникъ“ долженъ, такимъ образомъ, означать сына брата или сестры Данта, а такъ какъ онъ въ тоже время выводится и какъ племянникъ „patera“ (per litteras vestri meique nepotis, significatum est mihi), то этотъ pater былъ, вѣроятно, братомъ жены Дантова брата, или же братомъ жены самого Данта. — См. Fraticelli, l. c., p. 255, not. 12. Братъ Данта, Франческо, былъ женатъ на Піерѣ Брунески, его же сестра была за Леономъ Поджи.

[455]) Это помилованіе, предложенное Данту, обыкновенно ставятъ въ связь съ заступничествомъ графа Гвидо Батифолле, который въ октябрѣ 1315 г. былъ назначенъ на постъ намѣстника и подеста во Флоренціи и съ семействомъ котораго Дантъ давно уже поддерживалъ сношенія. Достовѣрно однако, что этотъ графъ лишь въ декабрѣ 1316 г. дѣйствительно достигъ этого назначенія, и поэтому еще остается вопросомъ, имѣетъ ли основаніе приведенная комбинація. Впрочемъ, многое говоритъ въ ея пользу.

ника, понятно, далеко еще не было въ такой степени ясно и закончено въ глазахъ ихъ, какъ въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній: но, еслибъ даже такъ и было, то врядъ-ли это могло-бы побудить ихъ къ болѣе умѣренному образу дѣйствій. Вѣдь дарованія свои онъ дѣйствительно проявилъ не въ такой формѣ, чтобъ они могли гордиться этимъ и чтобъ это могло сколько-нибудь смягчить ихъ. Страстное чувство ненависти партій и тутъ, какъ и всегда при подобныхъ обстоятельствахъ, заставляло умолкнуть всѣ другія человѣчныя и нравственныя ощущенія! По счастью, до насъ дошло письмо Данта, гдѣ онъ высказалъ отказъ свой купить подобною высокою цѣной возвратъ во Флоренцію. Біографія поэта не можетъ обойтись безъ этого письма, — вотъ оно [456]):

«Ваше посланіе встрѣтилъ я съ подобающимъ почтеніемъ и сердечнымъ расположеніемъ и усмотрѣлъ изъ него съ признательностью и послѣ тщательнаго его обсужденія, въ какой степени близокъ вашему сердцу вопросъ о моемъ возвратѣ въ родной мнѣ городъ, — и этимъ вы тѣмъ болѣе обязали меня, что изгнанникамъ рѣдко приходится находить себѣ друзей. Нынѣ желаю я дать мой отвѣтъ на содержаніе этого письма, и если онъ будетъ не таковъ, какимъ бы желали его видѣть нѣкоторые малодушные люди, то я васъ прошу отъ всего сердца, чтобъ вы хорошо взвѣсили все, прежде чѣмъ произнесете свое сужденіе о немъ. Вотъ что сообщено было мнѣ письмами отъ васъ, отъ моего племянника и отъ другихъ друзей, относительно постановленнаго недавно во Флоренціи помилованія изгнанниковъ: если я уплачу извѣстную денежную пеню и возьму на себя позоръ всенароднаго покаянія, то я буду помилованъ и могу немедленно возвратиться! Но, почтенный отецъ [457]), въ этомъ предложеніи двѣ стороны забавны и плохо придуманы. Я отношу это къ тѣмъ, которые написали мнѣ въ такомъ духѣ, — ибо ваше посланіе, составленное разумнѣе и осмотрительнѣе, не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго. Такъ вотъ каковъ этотъ пресловутый призывъ на родину, который отдастъ ей снова Данта Алигьери послѣ того,

---

[456]) Torri, l. c., p. 96. — у Фратичелли, Opp. min., l. c., p. 276. Письмо адресовано, какъ уже замѣчено было, какому-то монаху, бывшему родственникомъ Данта. Что письмо дѣйствительно относится къ 1316 году, ясно доказывается однимъ мѣстомъ въ текстѣ, гдѣ Дантъ говоритъ о себѣ: per trilustrium fere pergressus exilium. Съ января 1302 года до лѣта или осени 1316 дѣйствительно протекло около 15 лѣтъ.

[457]) Это выраженіе указываетъ на то, что лицо, къ которому обращено оно, было членомъ какого нибудь монашескаго ордена.

какъ онъ провелъ почти три люстра[458]) въ изгнаніи? Такую-то награду заслужила его невиновность — очевидная для всѣхъ? Такое возмездіе за тяжкіе труды въ поту лица и за напряженіе силъ, посвященныхъ имъ наукѣ? Пусть же далека будетъ отъ человѣка, предавшагося философіи, безсмысленная низость сердца, отданнаго лишь земнымъ помысламъ,— дабы я не могъ, подобно какому-нибудь Чьоло (Ciolo[459]) и другимъ безчестнымъ людямъ, также заключеннымъ въ оковы, преодолѣть себя и явиться для покаянія. Пусть далека будетъ отъ человѣка, вездѣ проповѣдывавшаго справедливость и терпѣвшаго отъ безправія, мысль, что виновникамъ этой несправедливости онъ можетъ отдать свои собственныя деньги,— какъ будто они были его благодѣтелями! Нѣтъ, почтенный отецъ, не таковъ тотъ путь, по которому возвращаются на родину. Если вы или же иные люди, знаете такой путь, который не противорѣчитъ доброму имени и чести Данта, то я не замедлю пойти по немъ. Но если невозможно возвратиться во Флоренцію этимъ путемъ, то я никогда уже не возвращусь въ нее. И отчего мнѣ не поступить такъ? Развѣ я не увижу вездѣ того же свѣта солнца и созвѣздій? Развѣ не подъ каждымъ небомъ я могу изслѣдовать сладчайшія истины, съ той минуты какъ я не захочу поступить относительно флорентинской республики безславно, или даже прямо безчестно? Изъ-за этого мнѣ не придется даже терпѣть лишенія».

На эти доводы Данта, конечно, нельзя было ничего возразить: но это рѣшеніе его вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляло всю его дальнѣйшую судьбу. Изъ какого бы мѣста Тосканы онъ ни отправилъ письменный отказъ свой, онъ не могъ болѣе думать о продолжительномъ пребываніи тутъ. Съ паденіемъ Угуччьоне утратило совершенно всякую почву то дѣло, изъ-за котораго онъ страдалъ, движимый пламеннымъ вдохновеніемъ. Самъ Угуччьоне уже отправился тѣмъ временемъ, раньше его, въ Ломбардію, къ Кангранде, властителю Вероны. Дантъ, какъ мы знаемъ[460]), не былъ уже чужимъ человѣкомъ для семейства Скала; въ данную минуту оно одно только и держало высоко знамя гибеллинской партіи, и Дантъ рѣшился точно также отправиться въ Ломбардію.

---

[458]) Lustrum: періодъ, состоящій изъ пяти лѣтъ.

[459]) Вѣроятно, это—имя какого нибудь особенно извѣстнаго въ то время преступника, или же одного изъ Бѣлыхъ, который подчинился требуемому покаянію.

[460]) См. выше стр. 120.

Вѣроятно, еще до конца 1316 года Дантъ покинулъ Тоскану, чтобы никогда болѣе въ нее не возвращаться. Но неугасавшая въ немъ любовь къ родной землѣ и къ Флоренціи сопровождала его повсюду.

8.

Книга о народномъ языкѣ.

(De Vulgari Eloquentia [461]).

Дантъ коснулся настоящей темы еще въ Пирѣ и выразилъ тамъ твердое намѣреніе «заняться ею съ Божьею помощью въ особомъ сочиненіи» [462]). Безъ краткаго обсужденія этого сочиненія, оставшагося, впрочемъ, какъ и Convito, неоконченнымъ, невозможно обойтись тамъ, гдѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, имѣется въ виду представить возможно болѣе полную картину литературной и политической дѣятельности поэта [463]). Сочиненіе это касается предмета, болѣе всѣхъ близкаго его сердцу и въ предѣлахъ котораго, какъ ему было хорошо извѣстно, находилась основа его величія

---

[461]) Такъ именно слѣдуетъ называть эту книгу, потому что уже Дантъ употребилъ эти слова въ самомъ текстѣ (I, 1); но весьма долго господствующимъ названіемъ считалось de Vulgari Eloquio. Строго говоря, слѣдовало бы переводить его такъ: „книга о (поэтическомъ) краснорѣчіи, на народномъ языкѣ“ Сравни Ed. Böhmer, Ueber Dante's Schrift de vulgari eloquentia, Halle, 1868 и K. Bartsch, Dante's Poetik, въ третьемъ томѣ Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft, стр. 302—367. — Объ эти работы посвящены главнымъ образомъ разсматриваемымъ въ данномъ сочиненіи Данта техническимъ вопросамъ поэтики и т. п., которые уже чужды моимъ собственнымъ цѣлямъ, и по которымъ я и долженъ отослать читателя къ обоимъ этимъ сочиненіямъ.

[462]) Convito, I, 5 (Fraticelli, Opere minori di Dante, II, I p. 35): di questo si parlerà altrove più compiutamente in un libro ch'io intendo di fare, Dio concedente, di volgare eloquenzia“.

[463]) Мы не остановимся вовсе на высказывавшемся иногда мнѣніи, будто упомянутое сочиненіе написано вовсе не Дантомъ. Не говоря уже о внутреннихъ очевидныхъ причинахъ, упомянемъ лишь о томъ, что этотъ трудъ Данта былъ извѣстенъ уже Виллани и Боккачьо (Vita di Dante). Виллани, l. c., IX, c. 136, говоритъ: Altresì fece uno libretto che l'intitola de vulgari eloquentia, ove promette fare quattro libri, ma non se ne truova se non due, forse per l'affrettato suo fine, ove conforte e adorno latino e belle ragioni ripruova tutti i vulgari d'Italia.

и той славы, чья «сладость» облегчала ему даже тяжкую, столь оплакиваемую имъ, участь изгнанника [464]).

Мы и въ данномъ случаѣ не можемъ уклониться отъ обсужденія вопроса о времени возникновенія этого сочиненія. Если мы вставляемъ это обсужденіе именно здѣсь, то этимъ вовсе не желаемъ утверждать, что оно возникло лишь послѣ римскаго похода короля Генриха VII. Мы дѣлаемъ это только потому, что отдыхъ, наступившій во внѣшней жизни Данта съ его удаленіемъ изъ Тосканы, даетъ намъ удобный случай для этого обсужденія, и кромѣ того еще и потому, что сочиненіе это, какъ видно уже изъ только-что приведеннаго нами отрывка, во всякомъ случаѣ явилось позднѣе Пира, по крайней мѣрѣ въ своей настоящей формѣ [465]). Изъ того факта, что оно осталось неоконченнымъ, хотѣли, правда, вывести заключеніе, будто оно было написано въ послѣдніе годы жизни автора, и будто смерть помѣшала ему довести его до конца [466]); однако ясно, что одна эта причина еще не рѣшаетъ ничего. Пиръ также неоконченъ, а тѣмъ не менѣе мы пришли къ заключенію, что онъ былъ написанъ болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до смерти автора. Однако, вопросъ настолько запутанъ, что, оставивъ все это въ сторонѣ, и говоря откровенно, именно въ этомъ случаѣ труднѣе, чѣмъ когда-либо, высказать опредѣленное мнѣніе. Если мы на первыхъ же страницахъ Convito встрѣтили ясное намѣреніе автора написать впослѣдствіи особую книгу о народномъ языкѣ, и, если мы на основаніи вѣскихъ причинъ считали нужнымъ отнести время возникновенія Convito къ 1306—1308 гг. [467]), то въ сочиненіи о народномъ языкѣ Дантъ выводитъ, въ числѣ живыхъ, личности въ родѣ маркграфа Іоанна Монфератскаго умершаго въ январѣ 1305 г., маркграфа Аццо VIII Эсте, умершаго въ томъ же мѣсяцѣ 1308 г. и короля Карла II Неаполитанскаго, скончавшагося 5 мая 1309 г. [468]).

[464]) De vulg. eloquio I, c. 17: „Quantum vero suos familiares gloriosos efficiat, non ipsi novimus, qui hujus dulcedine gloriae nostrum exilium postergamus“.

[465]) Стр. 196. прим. 462.

[466]) Какъ, напримѣръ, это дѣлаетъ Виллани, смот. выше прим. 463

[467]) Смот. выше стр. 138

[468]) См. De Vulgari eloqentia, I, 12: „Racha, Racha. Quid nunc personat tuba novissimi Friderici? (т. е. короля Сицилійскаго, Фридриха Арагонца, ум. 1336) quid tintinnabulum II. Caroli? quid cornua Johannis et Azzonis marchionum potentum.—И тамъ-же, II, 6: Laudabilis discretio Marchionis Estensis et sua magnificentia praeparata, cunctis illum facit esse dilectum“.—Относительно указаннаго выше времени смерти упомянутыхъ властителей срав. Muratori, Annal d'Italia, T. VIII, p. 23, 37, 42.

Такимъ образомъ здѣсь, дѣйствительно, представляется какъ-бы неразрѣшимое противорѣчіе [469]), и въ виду приведенныхъ нами сейчасъ хронологическихъ данныхъ мы могли бы, наряду съ другими, почувствовать желаніе отнести возникновеніе Пира къ болѣе ранней порѣ; но это положительно невозможно и, не смотря ни на что, мы принуждены держаться приведеннаго выше нашего мнѣнія относительно времени возникновенія упомянутаго сочиненія. То мѣсто въ третьей главѣ перваго отдѣла **Convito**, гдѣ Дантъ высказываетъ свои трогательныя жалобы на тяжесть постигшаго его изгнанія [470]), отнюдь не допускаетъ возможности предположить болѣе раннее время возникновенія этого произведенія, такъ какъ оно, очевидно, указываетъ на болѣе продолжительный срокъ изгнанія, да и не имѣло бы смысла, еслибъ было написано какъ разъ въ первые годы его. Къ тому же въ обоихъ сочиненіяхъ высказываются противорѣчивыя воззрѣнія на отношеніе народнаго языка къ латинскому письменному языку. Въ Пирѣ Дантъ оказываетъ несомнѣнное предпочтеніе послѣднему; въ другомъ сочиненіи онъ склоняется въ пользу народнаго нарѣчія [471]). Ясно, что одно воззрѣніе исключаетъ другое, и что невозможно одновременно раздѣлять и высказывать оба; точно также изъ всей совокупности фактовъ видно, что послѣднее воззрѣніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и новѣйшимъ. Какъ же разрѣшить всѣ противорѣчія этихъ различныхъ показаній? Не было недостатка въ попыткахъ, но удачнаго, убѣдительнаго разрѣшенія вопроса еще пока нѣтъ. Мы, съ своей стороны, чувствуемъ себя такъ же мало способными представить подобное разрѣшеніе; если же намъ надлежитъ увеличить уже существующее число относящихся сюда предположеній еще однимъ новымъ, то мы сказали бы, что,

---

[469]) Ср. Paur, l. c., стр. 33.

[470]) См. выше примѣч. 334.

[471]) См. Convito I, гл. 5, гдѣ онъ съ самаго начала ставитъ народный языкъ въ такое отношеніе къ латинскому, такъ „овесъ“ относится къ „пшеницѣ“. Напротивъ, въ de vulgari eloquentia, I, 1, онъ ставитъ народный языкъ выше „грамматики“, т. е., латинскаго письменнаго языка: „Harum quoque duarum nobilior est Vulgaris, tum quia prima fuit humano generi usitata, tum quia naturalis est nobis, cum illa potius artificialis existat“. — Въ Convito, напротивъ, Дантъ цѣнитъ въ латинскомъ письменномъ языкѣ именно то, что онъ „идетъ по стопамъ искусства“, а народный языкъ только за „обычаемъ“. См. Convito I, 5: „Dunque quello sermore è più bello, val quale più debitamente le parole rispondono; e ciò fanno più in latino, che in Volgare; però il bello Volgare seguita uso, e lo Latino arte; onde concedesi esser più bello, più virtuoso e più nobile“.

судя по всему положенію вещей, отрывокъ о народномъ языкѣ былъ, хоть отчасти, набросанъ еще до Пира, такъ какъ такія мѣста, какъ тѣ, которыя касаются маркграфа Іоанна Монфератскаго, безусловно относятся ко времени около 1304 г., т. е., къ такой порѣ, когда Пиръ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть написанъ. Отрывокъ остался, вѣроятно, временно въ неоконченномъ видѣ и, когда впослѣдствіи Дантъ опять принялся за него и отчасти переработалъ его, онъ оставилъ неизмѣненною ту фразу, тѣсныя хронологическія опредѣленія которой и составляютъ, главнымъ образомъ, сбивающее насъ противорѣчіе. Такъ какъ сочиненіе это такъ и осталось неоконченнымъ отрывкомъ, то становится тѣмъ легче объяснить, какимъ образомъ эта фраза могла уцѣлѣть въ немъ, тѣмъ болѣе, что съ внѣшней стороны она по прежнему отлично подходитъ къ остальнымъ частностямъ изложенія. Не говоря уже о возможности другихъ причинъ, перемѣна въ воззрѣніяхъ автора на отношенія между латинскимъ, письменнымъ и народнымъ языкомъ могла бы повести къ позднѣйшей переработкѣ труда, начатого еще раньше. Что трудъ, къ которому онъ вторично вернулся, тѣмъ не менѣе остался, какъ и **Convito**, неоконченнымъ,—это могло бы, въ случаѣ нужды, быть объяснено многими причинами; всего же вѣроятнѣе, что сосредоточеніе всѣхъ силъ автора на созиданіи Божественной Комедіи послужило поводомъ къ тому, что первая задача не была осуществлена. Отнести разсматриваемый нами трудъ, даже въ его настоящей формѣ, къ послѣднимъ годамъ жизни автора невозможно уже потому, что въ 26 пѣснѣ Рая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи еще подробнѣе, онъ высказываетъ относительно происхожденія и первой эпохи человѣческаго языка совсѣмъ иное, болѣе зрѣлое воззрѣніе, чѣмъ здѣсь. Напротивъ того, одно выраженіе изъ Ада опять вполнѣ согласуется съ соотвѣтствующимъ (древнѣйшимъ) взглядомъ [472]), такъ что изъ этого можно бы вывести заключеніе, что книга о народномъ языкѣ возникла немного позднѣе окончанія Ада, т. е. приблизительно послѣ 1308 г. Изъ первой эклоги точно также видно, что упомянутый отрывокъ былъ извѣстенъ друзьямъ поэта еще въ 1320 году [473]). Мы не обманы-

---

[471]) Адъ, XXX, 77.

[472]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду 19 стихъ первой эклоги—„censor liberrime vatum“—который можетъ относиться лишь къ рѣзкому сужденію, неоднократно произносимому Дантомъ въ книгѣ о народномъ языкѣ относительно всѣхъ итальянскихъ поэтовъ того времени (Fraticelli, Opere minori, I, 2, стр. 280).

ваемъ себя относительно того, что наше толкованіе оставляетъ еще желать многаго; мы сами могли бы высказать уже теперь нѣкоторыя изъ опроверженій, которыя можно заявить, или которыя заявятся противъ него; въ одномъ, однако, мы убѣждены, именно въ томъ, что разрѣшеніе упомянутыхъ затрудненій врядъ ли найдется инымъ путемъ, кромѣ указаннаго нами.

Перейдемъ теперь къ обсужденію самой книги.

Предметомъ ея служитъ вообще итальянскій народный языкъ, или, точнѣе, «ученіе о краснорѣчіи на народномъ языкѣ», прежде всего въ его примѣненіи къ различнымъ видамъ поэзіи; употребленіе его въ прозѣ не обсуждается. Данту было хорошо извѣстно, что при основаніи или развитіи національнаго письменнаго языка поэзія всюду совершаетъ главную часть работы[474]). Въ силу этого онъ вполнѣ оригинально выступилъ на поприщѣ, еще нетронутомъ до той поры даже въ Италіи, и вполнѣ сознавалъ это[475]). Средніе вѣка мало обращали вниманія на подобные вопросы. При этомъ онъ пользуется латинскимъ языкомъ, очевидно, въ томъ предположеніи, что этимъ онъ подѣйствуетъ именно на тѣ круги читателей, которые казались всего менѣе расположенными къ народному языку, и поразитъ ихъ собственнымъ же ихъ орудіемъ[476]). Трудъ его былъ первоначально разсчитанъ на три книги, изъ которыхъ до насъ дошли лишь двѣ первыя, и вторая, очевидно, даже не вполнѣ оконченная[477]). Первая книга заключаетъ въ себѣ разсужденіе о происхожденіи человѣческаго языка вообще, и романскаго, и именно итальянскаго народнаго языка съ его діалектами, въ особенности. Вторая книга посвящена «трагической» поэзіи и канцонѣ, какъ наиболѣе соотвѣтствующей требованіямъ и вполнѣ совершенной (лирической) формѣ

---

474) De vulg. eloquentia II, c. 1: Sed quia ipsum prosaicantes ab inventoribus (т. е. поэтамъ, trovatori) magis accipunt; et quia quod inventum est prosaicantibus permanet firmum exemplar, et non e contrario, quia quaedam videntur praebere primatum“ etc.

475) См. De Vulg. Eloqu., I, 1 (Opere Minori, III, 2 p. 2): „Cum neminem ante nos de Vulgaris eloquentia doctrina, quicquam inveniamus tractasse“ etc.

476) Ed. Böhmer (въ вышеназванномъ изслѣдованіи стр. 40). Онъ-же выводитъ, основываясь на началѣ второй книги, заключеніе, будто Дантъ назначалъ для прозы „особую книгу“, и будто обсуждаемое нами сочиненіе было разсчитано по крайней мѣрѣ на пять книгъ.

477) Латинскій текстъ долгое время считался утраченнымъ и лишь въ шестнадцатомъ столѣтіи снова найденъ былъ въ Падуѣ, и въ 1577 изданъ былъ Яковомъ Корбинелли въ Парижѣ. Переводъ сдѣланъ былъ не Дантомъ, какъ нѣкоторые также предполагали, но принадлежитъ Триссино и былъ напечатанъ въ Виченцѣ лишь въ 1529 году.

поэзіи. Третью и четвертую книгу предполагалось посвятить сонету и балладѣ, «комической» и «элегической» поэзіи и соотвѣтствующему имъ «среднему» народному слогу [478]).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію настоящей сущности своей задачи, Дантъ изслѣдуетъ предварительно одинъ вопросъ, обойти который невозможно было для человѣка, подобнаго ему и живущаго въ его время,—именно вопросъ о происхожденіи и началахъ человѣческаго языка. То, что сообщаетъ, однако, поэтъ объ этомъ предметѣ, вовсе не самостоятельно, не принадлежитъ ему одному; **Vincent de Beauvais**, наприм. въ своей большой энциклопедіи [479]), и другіе давно уже излагали до него подобныя же теоріи; но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, что и Дантъ повторяетъ тѣ же ученія. Извѣстная форма языка (читаемъ мы у него) была создана Богомъ одновременно съ душею первыхъ людей. Эта форма обусловила какъ значеніе словъ, такъ и ихъ строеніе и произношеніе. [480]). Она была предопредѣлена для всего человѣчества. На этомъ языкѣ говорили первые люди и всѣ ихъ потомки, вплоть до вавилонскаго столпотворенія. Языкъ же этотъ не былъ ничѣмъ инымъ, кромѣ еврейскаго [481]). Вслѣдъ затѣмъ Дантъ спрашиваетъ себя также, кто изъ двухъ первыхъ людей заговорилъ сначала и что онъ сказалъ? Въ этомъ случаѣ онъ полагаетъ, несмотря на то, что Библія свидѣтельствуетъ, повидимому въ пользу «крайне дерзкой Евы» (и это мнѣніе весьма характерно для ученика трубадуровъ, въ своемъ родѣ свидѣтельствуя о высокой его самостоятельности), что рѣчь—такое превосходное проявленіе человѣческой природы, что она должна была скорѣе изойти отъ мужчины, чѣмъ отъ женщины [482]). Первое же произнесенное слово было «Эли», Богъ [483]).—Но этотъ единый языкъ совокупнаго человѣчества не могъ удержаться; его постигло распаденіе на многіе языки и это было слѣдствіемъ вавилонскаго столпотворенія, «т. е. смѣшенія» языковъ. Почти весь родъ чело-

---

[478]) I, II, гл. 19. II, 4.

[479]) Срав. Vicenti Bellovacensis Speculum histor., II, гл. 62.

[480]) De Vulg. Eloqu., I, 6.

[481]) Ibid. — Vincent de Beauvais говоритъ поэтому, что до столпотворенія еврейскій языкъ назывался просто „lingua humana“, такъ какъ онъ былъ языкомъ всего человѣчества.

[482]) De Vulg. Eloqu., I, 4: „Sed quamquam mulier in scriptis prius inveniatur locuta, rationabile tamen est, ut hominem prius locutum fuisse credamus: nec inconvenienter putatur tam egregium humani generis actum potius a viro, quam a femina profluisse“.

[483]) Тамъ-же.

вѣческій участвовалъ въ этомъ безбожномъ дѣлѣ. Одни повелѣвали, другіе были зодчими, третьи возводили стѣны, другіе дробили камни, подвозили ихъ моремъ и сушею, и т. д. Но наказаніе шло по стопамъ преступленія и преступники были по волѣ небесъ приведены въ такое смятеніе, что единый до той поры языкъ ихъ распался внезапно на многіе, и сами они отступили отъ своего дѣла и разсѣялись во всѣ стороны. Тогда возникло столько же нарѣчій, сколько было видовъ работы при сооруженіи башни, и чѣмъ совершеннѣе была работа, тѣмъ болѣе варварскимъ дѣлался теперь языкъ [484]). Лишь немногіе не участвовали въ сооруженіи. То были сыновья Гебровы, по численности самая ничтожная часть племени Сима; они сохранили и послѣ смѣшенія свой первоначальный языкъ, называемый съ той поры еврейскимъ [485]). Это случилось въ силу божественнаго предопредѣленія «для того, чтобы нашего Спасителя, который долженъ былъ принять образъ человѣка среди Евреевъ, ожидалъ языкъ не заблужденія, а милосердія» [486]). Изслѣдованіе о многократно разбиравшемся вопросѣ относительно происхожденія языка и нарѣчій приводилось во всякомъ случаѣ такимъ кратчайшимъ путемъ къ опредѣленному, если неудовлетворительному концу. Дантъ повидимому самъ сознавалъ это; достовѣрно то, что онъ не успокоился навсегда на традиціонномъ способѣ объясненія,—обстоятельство, которое опять свидѣтельствуетъ о неутомимости и способности къ развитію его ума. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ высказалъ въ Раю относительно того же вопроса другое, несомнѣнно болѣе меткое, зрѣлое воззрѣніе [487]). «Языкъ Адама», говорится тамъ, «вполнѣ угасъ

---

[484]) Тамъ-же I, 7.—Срав. Адъ XXXI, 77.

„Questi è Nembrotto, per lo cui mal coto
Pure un linguaggio nel mondo non s'usa".

[485]) См. De Vulg. Eloqu. I, 7-

[486]) Тамъ же I, 6.

[487]) Рай, XXVI, 121. Адамъ говоритъ поэту:

La lingua ch'io parlai fu tutta spenta
Innanzi assai ch'all' opra inconsumabile
Fosse la gente di Nembrot attenta;
Che nullo effetto mai razionabile,
Per lo piacere uman che rinovella,
Seguendo il cielo, sempre fa durabile.
Opera naturale è ch'uom favella:
Ma, cosi o cosi, natura lascia
Poi fare a voi secondo che v'abbella".

еще до столпотворенія; человѣкъ родился, правда, съ способностью говорить, но не имѣлъ особаго прирожденнаго нарѣчія.—Никакое проявленіе силы мышленія не бываетъ неизмѣнно. Люди говорятъ—и это дѣло природы (которую поэтъ однако, какъ извѣстно, представляетъ себѣ «дочерью божества»), но какъ они говорятъ, это природа предоставляетъ имъ самимъ». Кажется даже, что это новѣйшее и болѣе правильное воззрѣніе не было, подобно древнѣйшему, только заимствовано, а должно считаться собственностью Данта. Въ такомъ случаѣ значеніе его только удвоилось бы.—Но всѣ положенія эти служатъ только введеніемъ. Быстрымъ переходомъ изслѣдователь нашъ возвращается изъ Азіи въ Европу. Лишь послѣ смѣшенія языковъ, продолжаетъ онъ [488]), родъ человѣческій распространился съ востока на западъ и заселилъ Европу. Правда, что дѣленіе народовъ нашей части свѣта на группы по языкамъ отнюдь не удается ему, за недостаткомъ всякихъ научныхъ основъ. Едва ли можно говорить даже о смутномъ пониманіи настоящаго положенія вещей. Дантъ сознаетъ, конечно, сродство всѣхъ романскихъ языковъ, какими онъ видѣлъ ихъ передъ собою, но объясняетъ это сродство опять таки ложно [489]). Онъ видитъ, что итальянское, французское и испанское нарѣчіе имѣютъ много общихъ выраженій, но изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что они составляли одинъ языкъ до смѣшенія [490]), но что латинскій языкъ былъ основою этой общности—это ему не приходитъ даже въ голову. Вообще все изложеніе страдаетъ непостижимыми противорѣчіями, и ошибки какъ будто состязуются въ немъ съ истиною. Всего же своеобразнѣе является его мнѣніе, будто латинскій языкъ не древнѣе романскихъ языковъ, а напротивъ (такъ какъ онъ именно въ этомъ и видитъ собственно грамматику) установленъ былъ искуственно, впослѣдствіи, по взаимному соглашенію «многихъ народовъ», чтобы служить языкомъ науки [491]). Хотя

---

[488]) De Vulg. Eloqu., I, гл. 8.

[489]) Тамъ-же.

[490]) Тамъ-же, гл. 9. Est igitur super, quod gradimur idioma tractando, trifarium, ut superius dictum est. Nam alii Oc, alii Si, alii vero dicunt Oil, et quod unum fuerint a principio confusionis, quod prius probandum est apparet, quod convenimus in vocabulis multis, velut eloquentes doctores ostendunt.

[491]) Тамъ же читаемъ: hinc (т. е. постоянными измѣненіями народнаго языка) moti sunt inventores Grammaticae facultatis. Quae quidem Grammatica nil aliud est, quam quaedam inalterabilis locutionis identitas diversis temporibus, atque locis. Haec cum de communi consensu multarum gentium fuerit regulata, nulli singulari arbitrio videtur obnoxia, et per consequens, nec variabilis esse potest).—Впрочемъ, это воззрѣніе принадлежало не одному Данту, но въ то время

онъ не высказываетъ этого прямо, но изъ всѣхъ его соображеній вытекаетъ, что въ подобномъ же примѣненіи онъ видитъ (и, конечно, съ гораздо большимъ основаніемъ) настоящую сущность и истинное значеніе созданія итальянскаго національнаго языка.

Вообще, онъ лишь тогда чувствуетъ подъ собой твердую почву, когда наконецъ доходитъ въ своемъ изложеніи до этого вопроса. Онъ ищетъ слѣдовъ національнаго языка, но рѣшительно нигдѣ не можетъ найти ихъ. «Латинскій народный языкъ», на его взглядъ, безконечно раздробился на мелкія части. Онъ насчитываетъ четырнадцать главныхъ нарѣчій, но каждое изъ нихъ снова распадается

было господствующимъ именно въ Италіи, и въ особенности между учеными, которые поэтому-то такъ неохотно склонялись къ признанію правъ или хоть преимущества за народнымъ языкомъ. Въ такомъ смыслѣ очевидно смотритъ на вопросъ и Іоаннъ de Virgilio (1-я эклога, Opp. Min., стр. 279):

Non loquor his, immo studio callentibus, inquis;
Carmine sed laico: clerus vulgaria temnit,
Et si non varient, quum sint idiomata mille.
Praeterea nullus, quos inter es agmine sextus,
Nec quem consequeris coelo, sermone forensi
Descripsit etc.

Витте въ примѣчаніи къ этимъ строкамъ (Erklärung der lyrischen Gedichte Dante's, стр. 217, примѣч. 18) находитъ, что доводы J. de Virgilio наивно нелѣпы, потому что ни Гомеръ, ни Виргилій, Горацій, Овидій и Луканъ не писали своихъ произведеній по итальянски, но каждый на языкѣ своего народа; въ наше время, конечно, позволительно назвать подобный аргументъ нелѣпымъ, но это заблужденіе J. de Virgilio въ тоже время свойственно и Данту; наравнѣ съ послѣднимъ, и онъ былъ введенъ въ ошибку страннымъ, ложнымъ предположеніемъ, будто латинскій языкъ никогда не былъ живымъ народнымъ нарѣчіемъ и лишь искуственно созданъ былъ вслѣдствіе соглашенія нѣсколькихъ народовъ. Допустивъ подобное предположеніе, останется все таки неразъясненною роль греческаго письменнаго языка, хотя и является необходимость допустить существованіе нѣсколькихъ „грамматикъ“, какъ это дѣйствительно и дѣлаетъ Дантъ (de Vulg. Eloqu., I; 1): Hanc quidem secundariam Graeci habent, et alii, sed non omnes (что въ итальянскомъ переводѣ вполнѣ вѣрно передается такъ: e questo secondario hanno parimente i Greci, ed altri, ma non tutti). — Латинскіе (и греческіе) поэты являются поэтому въ его глазахъ „правильными“ или „подчиненными нравиламъ“, и ихъ ученіямъ должны подражать поэты, пишущіе на языкѣ народномъ. См. de Vulg. Eloqu. II, 4: Revisentes ergo ea, quae dicta sunt, recolimus nos eos, qui vulgariter versificantur, pJerumque vocasse Poetas, quod procul dubio rationabiliter eructare, praesumpsimus, quia prorsus Poetae sunt, si poesin recte consideremus, quae nihil aliud ese, quam fictio rhetorica in musicaque posita. Differunt tamen a magnis poetis, hoc est regularibus; quia isti magno sermone et arte regulari poetati sunt: illi vero casu, ut dictum est. Idcirco accidit, ut quantum istos proximius imitemur, tantum rectius poetemur.

на отдѣльные говоры; въ каждомъ городѣ говорятъ по-своему, даже иногда въ одномъ и томъ же городѣ языкъ населенія бываетъ различенъ. Гдѣ же можно послѣ этого обрѣсти настоящій обще-національный языкъ? Нарѣчіе Римлянъ, на которомъ онъ прежде всего остановилъ свое вниманіе, презрительно отвергается имъ теперь, какъ уродливѣйшее смѣшеніе всѣхъ италійскихъ народныхъ нарѣчій [492]); достойно указанія, что при этомъ онъ неблагопріятнѣйшимъ образомъ выражается относительно населенія того города, съ которымъ, по его теоріи, связано съ самаго начала владычество надъ міромъ [493]). Точно также отвергаетъ онъ языкъ и остальныхъ итальянскихъ провинцій. Если онъ и допускаетъ, что между ними есть нѣкоторые, относительно болѣе чистые и благородные говоры, тѣмъ не менѣе и сицилійское и тосканское нарѣчіе оставляютъ, по его мнѣнію, многаго желать [494]). Такимъ образомъ онъ приходитъ къ заключенію, что благородный и чистый народный говоръ чувствуется въ зародышѣ въ діалектѣ каждаго города, но что онъ не присущъ ни одному въ особенности и принадлежитъ одинаково всѣмъ. Въ немъ собрано лучшее изъ всѣхъ языковъ; въ каждомъ есть что-нибудь прекрасное, ни въ одномъ не соединено все [495]). Итакъ, итальянскій народный письменный языкъ, по толкованію поэта, сложился чисто-искуственнымъ образомъ, путемъ рефлексіи и эклектицизма. Этотъ взглядъ Данта встрѣтилъ живѣйшее противорѣчіе. Въ особенности Флорентинцы были оскорблены тѣмъ, что онъ не призналъ ихъ нарѣчія и тосканскаго діалекта вообще корнемъ итальянскаго письменнаго языка. Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи противъ Данта возсталъ его великій соотечественникъ Маккьявелли за это пренебреженіе къ флорентинскому нарѣчію. При этомъ онъ зашелъ такъ далеко, что приписалъ этому сужденію Данта низкій мотивъ зависти и вообще выставилъ зависть его природнымъ недостаткомъ [496]). Это толкованіе опять-таки коренится въ недоразумѣніи и безспорномъ непониманіи общаго характера творца Божественной Комедіи; но возможно-ли научно доказать теорію Данта,— это другой вопросъ.

---

[492]) De vulg. eloqu. I, c. 11: „dicimus ergo Romanorum non Vulgare, sed potius tristiloquium Italorum Vulgarium omnium esse turpissimum“.

[493]) Продолженіе начатого въ предшествующемъ примѣчаніи предложенія гласитъ такъ:—nec mirum cum etiam morum, habituumque deformitate prae cunctis videantur foetere“.

[494]) Тамъ-же, I, сс. 12—15.

[495]) Тамъ-же I, гл. 16.

[496]) См. Opere di Nic. Macchiavelli, Genova, 1798. Томъ III, стр. 120.

Слѣдовало бы, конечно, думать, что человѣкъ, безспорно сдѣлавшій самое главное въ дѣлѣ созданія національнаго языка Италіи, долженъ бы служить и лучшимъ авторитетомъ, когда вопросъ касается принципа, лежавшаго въ его основѣ. Но на дѣлѣ теорія Данта отнюдь не признается всецѣло истинными знатоками.

Напротивъ того, считается несомнѣннымъ фактомъ, что тосканско-флорентинское нарѣчіе лежитъ дѣйствительно въ основѣ образованія итальянскаго національнаго языка[497]); но столь же достовѣрно и то, что авторитетные писатели, въ родѣ Данта, употребляли извѣстнымъ образомъ въ видѣ дополненія и пригодные элементы внѣ-тосканскихъ идіомовъ. Такъ какъ флорентинское нарѣчіе было природнымъ нарѣчіемъ Данта, дополненія же должны были совершаться лишь посредствомъ искуственныхъ пріемовъ, то и могло случиться, что поэтъ, въ виду работы искусства слишкомъ мало цѣнилъ даръ природы[498]). Что тосканско-флорентинское нарѣчіе безконечно превосходило уже во времена Данта нарѣчія всей остальной Италіи, считается почти обще-принятымъ фактомъ.

Какъ-бы то ни было, въ одномъ всѣ согласны, именно въ томъ, что главнымъ образомъ благодаря Данту, послѣ сравнительно краткаго подготовительнаго періода и при необычайно трудныхъ обстоятельствахъ, національный языкъ Италіи установился разъ навсегда; исторія этого языка отличается отъ исторіи нарѣчій всѣхъ остальныхъ западныхъ народовъ именно тѣмъ, что онъ такъ рано былъ избавленъ отъ всякихъ колебаній и измѣненій. Чтобы при этомъ ни вліяло, во главѣ всего стоитъ развитіе и примѣненіе этого языка первоклассным поэтическимъ геніемъ въ обширномъ поэтическомъ произведеніи. Только благодаря этому произведенію, увлекшему весь народъ, могло быть достигнуто торжество національнаго письменнаго языка, могли быть оттѣснены отдѣльныя нарѣчія, могло

---

[497]) Срав. наше введеніе, стр. 26 и слѣд.

[498]) Относительно мнѣній Данта объ этомъ вопросѣ и его заслугъ въ этомъ отношеніи см. De Vulg. Eloqu. I, гл. 19: Et Vulgare de quo loquimur et sublimatum est magistratu, et potestate, et suos honore sublimat et gloria. Magistratu quidem sublimatum videtur, cum de tot rudibus Latinorum vocabulis, de tot perplexis constructionibus, de tot deflectivis prolationibus de tot rusticanis accentibus tam egregium, tam extricatum, tam perfectum et tam urbanum videamus electum; ut Cinus Pistoriensis et Amicus ejus (т. е. Дантъ), ostendunt in cantis nibus suis". — Ср. съ этимъ ibid. c. 18:" Nonne cotidie extirpat (т. е. просвѣтленное народное нарѣчіе) sentosos fructices de Italica silva? Nonne cotidie vel plantas inserit, vel plantaria plantat? quid aliud agricolae sui satagunt, nisi ut admoveant et removeant, ut dictum est?

быть сломлено подавляющее господство латыни. Мы знаемъ уже, съ какимъ яснымъ сознаніемъ Дантъ вступилъ въ эту борьбу и какъ хорошо понималъ онъ, что въ дѣлѣ основанія или развитія національнаго литературнаго языка поэты обязаны были давать самые лучшіе образцы. Его ученые соотечественники, какъ бы ни удивлялись они ему, по большей части не поняли этого рвенія его и не были расположены добровольно сдать крѣпкій оплотъ своего стариннаго кастоваго слога. Дантъ тщетно ратовалъ противъ этой узкости мысли, тщетно написалъ онъ свою книгу о народномъ языкѣ по-латыни, напрасно взывалъ онъ къ ихъ любви къ отечеству и пошелъ впереди всѣхъ съ свѣтлымъ примѣромъ своей Божественной Комедіи; самое большое, если они, подобно Іоанну de Virgilio, наиболѣе совершенному типу людей этого рода, сожалѣли, что онъ предаетъ талантъ свой несмысленной черни «и расточительно мечетъ бисеръ передъ свиньями» [499]) и съ негодованіемъ отворачивались отъ его великихъ намѣреній.

Какъ высоко стоитъ Дантъ, съ своей горячей и дальновидной любовью къ отечеству, въ сравненіи съ этой эгоистической породой людей! Нигдѣ дѣйствительно патріотизмъ его не обнаруживается въ такомъ величіи, какъ именно тогда, когда онъ беретъ подъ свою защиту родную свою народную рѣчь, отстаивая ее отъ облатинившихся недруговъ ея, какъ сталъ бы сынъ защищать свою мать. Высшимъ благомъ, которое онъ могъ дать своему народу и которое онъ дѣйствительно и далъ ему, было это единство національнаго языка, національной литературы, и, конечно, не его вина, если онъ не могъ доставить народу и политическое единство.

Вторая книга его труда имѣетъ менѣе значенія по отношенію къ нашимъ цѣлямъ. Весьма своеобразно, что, по его мнѣнію, «пресвѣтлый» [500]) народный языкъ отнюдь не долженъ употребляться

---

[499]) См. первую эклогу (Opp. min., II, 1, стр. 278) ст. 6:

Tanta quid heu semper jactabis seria vulgo
Et nos pallentes nihil ete vate legemus.

Тамъ-же, ст. 21:

Nec margaritas profliga prodigus apris
Nec preme Castalias indigna veste sorores.
At precor, ora cie, quae te distinguere possint,
Carmine vati sono sorti communis utrique.

[500]) Въ шестнадцатой главѣ первой книги Дантъ мотивируетъ этотъ эпитетъ авторитетомъ, могуществомъ и почетною ролью, которыя выпадаютъ на долю этого новосозданнаго народнаго языка. Въ 17-й главѣ онъ объясняетъ затѣмъ,

всѣми поэтами, но лишь самыми замѣчательными изъ нихъ и притомъ для изложенія однѣхъ лишь отборнѣйшихъ темъ, — войны, любви, добродѣтели [501]), и для этого должна быть избираема форма канцоны, какъ самая изысканная [502]). Къ этой стихотворной формѣ онъ и переходитъ затѣмъ, входя въ частности и заботливо изслѣдуя ее, и мы видимъ, съ какою глубокой серьозностью онъ привыкъ относиться къ своему искусству [503]). При этомъ случаѣ онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ произведенія современныхъ ему поэтовъ, — и эта критика тогда еще обратила на себя особое вниманіе; онъ серьознѣйшимъ образомъ предостерегаетъ (какъ мы на это уже указывали) даже самыхъ даровитыхъ поэтовъ отъ желанія, безъ подготовки, «не вѣдая ни искусства, ни науки, заслужить себѣ пальму поэтическаго творчества [504]).

Третью и четвертую книгу Дантъ предполагалъ, какъ мы уже замѣтили, посвятить сонету и балладѣ, комическому и элегическому строю поэзіи и соотвѣтствующимъ имъ среднему и четвертому виду народнаго языка [505]). Намъ трудно было бы совершенно войти въ кругъ взглядовъ Данта на этотъ предметъ. При томъ остается еще вопросомъ, удержалъ ли онъ и впослѣдствіи ту-же самую теорію; здѣсь онъ отводитъ для комедіи лишь низкій слогъ [506]), и тѣмъ не менѣе онъ впослѣдствіи вполнѣ сознательно назвалъ свою великую поэму «ради удовлетворительнаго исхода ея», комедіею [507]).

ночему онъ называется „основнымъ, придворнымъ, судебнымъ языкомъ“, во первыхъ потому, что вся масса народныхъ ораторовъ въ городахъ сообразуются съ нимъ, вовторыхъ потому, что „еслибъ Итальянцы имѣли свой дворъ, эта рѣчь стала бы придворнымъ языкомъ“, и наконецъ потому, что, еслибъ у Итальянцевъ была (какъ у Нѣмцевъ) судебная палата, онъ сталъ бы и языкомъ судопроизводства; это мотивированіе, конечно, также бросаетъ извѣстный свѣтъ на міровоззрѣніе Данта.

501) De vulg. eloqu., II, главы 1 и 2.

502) Тамъ же, гл. 3.—Канцона, на его взглядъ, тождественна съ „трагическимъ слогомъ“, самымъ высшимъ изъ всѣхъ, и поэтому и должна употребляться при воспѣваніи названныхъ выше трехъ предметовъ.

503) De vulg. eloqu., c. 4 sqq.

504) Ibid., II, c. 4.

505) Ibid., II, c. 4.

506) Тамъ-же, гл. 4: Deinde in iis, quae dicenda occurrunt, debemus discretione potiri utrum tragice, sive comice, sive elegiace sint canenda. Per Tragoediam superiorem stilum induimus, per Comoediam inferiorem.

507) Именно въ своемъ посланіи къ Кангранде, сопровождавшемъ присылку Рая. См. объ этомъ ниже. Мы не хотимъ этимъ сказать, что Дантъ не видалъ разницы между комедіею вообще и своею собственною. Ср. относительно этого у Эд. Бемера, въ его изслѣдованіи о настоящемъ сочиненіи Данта, стр. 38—40.

9.

Послѣдніе годы жизни Данта.

(1317—1321).

Послѣ паденія Угуччьоне делла Фаджьола, Канграндe [508]) былъ во всей верхней Италіи единственнымъ вождемъ Гибеллиновъ, который высоко держалъ знамя своей партіи, какъ бы обѣщая ей впереди великіе успѣхи. Это положеніе его было результатомъ не только унаслѣдованной имъ власти, но и расширенія приданнаго ей королемъ Генрихомъ VII. Вмѣшательство императора освободило Виченцу изъ-подъ гнета Падуи и доставило юному, храброму Кане [509]), котораго ему слишкомъ скоро пришлось назначить своимъ душеприкащикомъ, господство надъ городомъ, въ качествѣ имперскаго намѣстника. Вслѣдствіе этого юный Кане велъ съ той поры еще болѣе упорную борьбу, часто прерывавшуюся и снова возобновляемую. Канграндe какъ будто дѣйствительно преслѣдовалъ планъ подчинить себѣ большую часть земель, нѣкогда составлявшихъ древнія веронскія владѣнія. Поэтому-то, благодаря его могущественному положенію и энергической личности, всѣ надежды императорской, гибеллинской партіи сосредоточились теперь на Веронѣ. Этимъ объясняется, что Угуччьоне делла Фаджьола, послѣ своего пораженія въ Тосканѣ, искалъ и нашелъ покровительство у Канграндe. По всему складу обстоятельствъ, послѣ того, какъ надежда на возвращеніе во Флоренцію отодвинулась теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, вдаль, и для самаго Данта едва-ли существовало другое убѣжище. Но возможно и то, что Дантъ искалъ себѣ пріюта и долгое время пользовался гостепріимствомъ юнаго героя изъ за болѣе высокихъ, общихъ причинъ: для насъ по крайней мѣрѣ несомнѣнно (и мы поговоримъ объ этомъ еще обстоятельнѣе впослѣдствіи), что онъ ожидалъ отъ Канграндe

---

[508]) Онъ назывался, собственно, Франческо делла Скала. Прозвище Cane (собака) приписываютъ сну, который будто-бы видѣла его мать незадолго до его рожденія, сну, въ которомъ онъ, въ видѣ собаки, приводилъ всю землю въ трепетъ. (См. Ferretus Vicent., de Scaligerorum origine у Муратори, XI, col. 1207, v. 8—10).

[509]) Рай XVII, 82:

„Ma pria che il Guasco l'alto Enrico inganni
Parran faville della sua virtute
In non curare d'argento, ne d'affanni".

необычайныхъ подвиговъ, именно возрожденія столь глубоко павшаго въ Италіи принципа имперіи [510]). Словомъ, можно предположить, что поэтъ прибылъ въ Верону въ началѣ 1317 года, и достовѣрно, что онъ былъ хорошо принятъ. Съ сентября 1314 г. Кангранде жилъ въ ладу съ Падуей [511]), и дворъ его имѣлъ поэтому, вѣроятно, болѣе спокойный видъ, чѣмъ обыкновенно. Дантъ, даже лично, не былъ ему совершенно чуждъ: за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ здѣсь у его брата Бартоломео, въ качествѣ посла отъ своей партіи [512]). Правда, что тогда Кангранде было всего только тринадцать лѣтъ [513]), и чего только не разразилось надъ го-

---

[510]) Смот. посланіе Данта къ Кангранде (Torri l. c., p. 188). Hoc quidem praeconium, facta modernorum exsuperans, tamquam veri essentia latius, arbitrabar ali superfluum. Verum ne diuturna me nimis incertitudo suspenderet, velut Austri regina Hierusalem petit, velut Pallas petiit Heliconam, Veronam petii oculis discursurus.

[511]) Villani, IX, 63, и Historia Cortusiorum (Muratori, XII, I, стол. 25.) 17 сентября того года Кангранде одержалъ рѣшительную побѣду надъ Падуанцами, на поэтическое прославленіе которой на латинскомъ языкѣ, написанное Іоанномъ de Virgilio, указываетъ Дантъ (взамѣнъ Божественной Комедіи) въ первой эклогѣ, ст. 26.

[512]) См. выше, стр. 120, прим. 271. Повторяемъ, что мы отнюдь не принимаемъ толкованій Фратичелли извѣстнаго мѣста въ Раю, XVII, стр. 70—98. Фратичелли хочетъ вмѣсто:

Con lui vedrai colui che impresso fue.

читать стихъ 76 такъ:

Colui vedrai, colui che impresso fule.

Тому прямо противорѣчатъ настоящій смыслъ и общая связь всего этого мѣста и лучшія рукописи. Стихи 70—75 говорятъ о Бартоломео, а вслѣдъ за тѣмъ далѣе (стихъ 76) говорится:—Съ нимъ или у него ты увидишь того, кто и т. д. Этотъ послѣдній оборотъ не имѣлъ бы, очевидно, никакого смысла, еслибъ предшествующій также относился къ Кангранде. Здѣсь описываются весьма тѣсныя отношенія между однимъ изъ дѣлла Скала и поэтомъ. „Онъ выкажетъ тебѣ такое благоволеніе, говорится тамъ, что станетъ предупреждать всѣ твои желанія“. Какъ же могъ бы Дантъ сказать о томъ же самомъ человѣкѣ лишь впослѣдствіи: ты увидишь того, чье рожденье озаряло свѣтило Марса, для того чтобы дѣянія прославили его со временемъ? Еслибъ Фратичелли былъ правъ, то поэтъ уже видѣлся бы съ Кане, по случаю полученныхъ имъ отъ него благодѣяній.—Объяснять primo первымъ по значенію, а не по времени, вообще отважно. Ср. выше стр. 58, прим. 118.

[513]) Это ясно видно и изъ Рая, XVII, 79—81; Cacciaguida говоритъ Данту (1300) относительно Кангранде:

„Non se ne son le genti ancora accorte,
Per la novella età; che pur nove anni
Son queste rote intorno di lui torte“.

Итакъ, Кангранде родился въ 1293 году и въ 1304 ему было тринадцать лѣтъ.

ловами обоихъ съ той норы! Кангранде превратился тѣмъ временемъ въ героя; благословеніе Генриха VII покоилось на немъ; два старшіе брата его, Бартоломео и Албоинъ, уже умерли, и самъ онъ господствовалъ теперь, какъ единственный и грозный повелитель, надъ Вероною и Виченцою. Наконецъ, Кангранде былъ гораздо болѣе идеальной натурой, чѣмъ Угуччьоне della Faggiuola, и способенъ былъ создавать широкіе планы. Дантъ, повидимому, убѣжденъ былъ, что нашелъ въ немъ героя по сердцу себѣ. Дворъ этого государя, какъ гостепріимное убѣжище, вообще имѣлъ чрезвычайно привлекательную силу, и самъ онъ, какъ изображаетъ его одинъ близкій очевидецъ [514]) поставилъ себѣ долгомъ доставлять, насколько можно было, привольное существованіе людямъ, которые стекались къ нему, ища защиты подъ его кровомъ. Всѣ они жили во дворцѣ, гдѣ имъ отведены были особыя помѣщенія. Входъ къ жилищу каждаго отдѣльнаго лица украшенъ былъ подходящими символическими изображеніями: побѣда украшала входъ къ воинамъ, Рай—жилище лицъ духовныхъ, Меркурій—художниковъ, изображеніе рощи Музъ—поэтовъ, Надежда—изгнанниковъ [515]).

Въ этомъ домѣ Данту пришлось, вѣроятно, возобновить не мало старыхъ знакомствъ и заключить новыя дружественныя связи. Но доступъ ко двору имѣли наравнѣ съ нимъ и люди болѣе легкомысленно настроенные, къ которымъ гораздо менѣе подходилъ серьозный, тяжело искушенный жизнью складъ ума нашего поэта, и вслѣдствіе этого господствующій образъ жизни, по всей вѣроятности, представлялъ тутъ довольно пеструю смѣсь различныхъ элементовъ. Разсказываютъ даже, что Кангранде бралъ не разъ при случаѣ сторону своего веселаго общества противъ Данта; именно изъ за этого между героемъ и поэтомъ дѣло дошло почти до разрыва [516]). Правда, что Данту случалось произносить рѣзкія сужденія относительно современныхъ ему итальянскихъ дворовъ [517]); возможно также,

---

[514]) Gagazio della Gazzata, который также нашелъ въ эту пору себѣ убѣжище при веронскомъ дворѣ (у Муратори, script., II, книг. 1, стол. 2).

[515]) См. свидѣтельство Панціролія во вступленіи къ Chronicon Regiense, составл. Gagazio della Gazzata (Muratori, ss., XVIII, p. 2).

[516]) Петрарка (de Rerum memorandorum liber II, c. 46) разсказываетъ наприм., что поэтъ утратилъ расположеніе гостепріимнаго хозяина, тогда какъ люди двусмысленнаго разбора, бродячіе шарлатаны и т. д. заслужили себѣ его милости.

[517]) См. Convito II, 11 (Opere Minori, 2, 1 стр. 165): Cortesia e onestade è tutt' uno: e perocchè nelle corti anticamente le virtudi e li belli costumi s'usavano (siccome oggi s'ua il contrario)si tolse questo vocabolo dalle corti;

что между нимъ и кѣмъ либо изъ шутниковъ двора его покровителя происходили столкновенія и что Кангранде относился къ подобнымъ случаямъ легче, чѣмъ болѣе серьозный гость его, но преданіе объ этомъ отнюдь не безусловно достовѣрно, и во всякомъ случаѣ нельзя предполагать настоящей размолвки между ними и вѣрить въ нее или-же ставить въ связь съ нею позднѣйшее переселеніе Данта въ Равенну. Противъ этого свидѣтельствуютъ подлинные факты [518]), какъ, напримѣръ, отзывы, высказанные поэтомъ въ Раю относительно Кангранде, по всему вѣроятію, уже послѣ своего удаленія изъ Вероны; противъ этого же говоритъ и та роль, которую онъ, что вполнѣ несомнѣнно, пророчески приписываетъ Кангранде, какъ будущему спасителю Италіи и побѣдителю Гвельфовъ [519]). По всему видно, что Кангранде носился въ это время съ широкими замыслами, и Дантъ былъ, повидимому, посвященъ въ тайну; навѣрно онъ не преминулъ поддержать по мѣрѣ силъ въ этомъ направленіи стремящагося впередъ героя.

Еще въ томъ самомъ году, когда Дантъ сдѣлался его гостемъ, Кангранде снова взялся за мечъ. Сосѣдніе съ нимъ члены гвельфской партіи взирали на его прочное положеніе недоброжелательно, а Падуанцы не могли примириться съ потерею Виченцы. Кангранде долженъ былъ приготовиться къ совокупному нападенію и поэтому высматривалъ себѣ союзника, котораго думалъ найти въ одномъ

---

e fu tanto a dire cortesia, quanto uso di corte; lo quel vocabolo se oggi togliesse dalle corti, massimamente d'Italia, non sarebbe altro a dire che turpezza. (Мѣсто это написано однако за нѣсколько лѣтъ до пребыванія Данта у Кангранде).

[518]) Въ посланіи, которымъ Дантъ сопровождалъ присылку изъ Равенны Рая, говорится между прочимъ (Torri, l. c.,p. 108, 2): Audita ubique magnalia vestra vidi, vidi beneficia simul et tetigi; et quemadmodum prius dictorum suspicabar excessum, sic posterius ipsa facta excessiva cognovi. Quo factum est, ut ex auditu solo, cum quadam animi subjectione, benevolos prius extiterim sed ex visu, primordii et devotissimus et amicus.

[519]) Въ Раю, XVII, 88, Каччьягвида говоритъ:

A lui t'aspetta ed a suoi beneficî:
Per lui fia trasmutata molta gente,
Cambiando condizion riechi e mendici;
E porterai ne scritto nella mente
Di lui, ma nol dirai; e disse cose
Incredibili a quei che fien presente.

Точно также подъ гончей собакой первой пѣсни Ада (V, 101—112), какъ мы увидимъ далѣе, многіе подразумѣвали Кангранде; въ такомъ случаѣ стихи эти должны быть, конечно, написаны гораздо позднѣе, чѣмъ весь Адъ вообще.

изъ двухъ претендентовъ на королевскій престолъ. Въ мартѣ 1317 года онъ присягнулъ вмѣстѣ съ Вероною и Виченцою, какъ бы своему сюзерену, одному изъ двухъ нѣмецкихъ королей-соперниковъ, избранныхъ по смерти Люксембургца, именно Габсбургу Фридриху [520]). Близость могущества габсбургскаго дома могла побудить его къ этому рѣшенію; помимо этого можно бы думать, что общія условія его положенія должны были скорѣе сблизить его съ Людвигомъ Баварскимъ, въ пользу котораго склонился въ свое время Угуччьоне делла Фаджьола. Какъ бы то ни было, противники его уже не медлили болѣе; главное для нихъ было захватить врасплохъ Виченцу. Но и Кангранде уже болѣе не колебался, и мужество и военное искусство его и Угуччьоне дѣйствительно разстроили намѣреніе враговъ; они были отброшены и находившійся въ опасности городъ былъ спасенъ. Угуччьоне, назначенный тогда Кангранде на должность подеста Виченцы, не долго наслаждался, впрочемъ, этимъ положеніемъ: онъ умеръ уже въ ноябрѣ слѣдующаго года [521]). Успѣхи эти чрезвычайно подняли значеніе побѣдителя. Онъ заключилъ теперь съ правившими въ Миланѣ Висконти оборонительный и наступательный союзъ и въ январѣ 1318 года былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками ломбардскаго гибеллинскаго союза [522]). Тогда онъ употребилъ новыя, чрезвычайныя усилія въ борьбѣ противъ Падуи. Миланъ и Габсбурги выслали помощь. Падуанцы должны были наконецъ уступить и получили желанный миръ подъ условіемъ не только призвать обратно изгнанныхъ Гибеллиновъ, но и поручить имъ управленіе городомъ.

Обыкновенно думаютъ, что Дантъ покинулъ окончательно дворъ своего воинственнаго покровителя вскорѣ послѣ вторичнаго объявленія войны, словомъ въ первой половинѣ 1318 года. Но это не вѣрно. Намъ, напротивъ, положительно извѣстно, что въ январѣ 1320 года онъ находился еще въ Веронѣ. Въ промежуточное время онъ посѣтилъ Мантую, родину Виргилія, и велъ тамъ—къ сожалѣнію, нельзя даже предположить съ кѣмъ именно—споръ о «двухъ элементахъ, водѣ и огнѣ», не доведя его однако до окончанія [523]). Но его духъ, «съ малолѣтства питавшійся изученіемъ истины», не

[520]) Hist. Cortusiana, l. c., II c. 8.

[521]) Hist. Cort. II, c. 13. Chron. Veronese (Muratori, стр. VIII, столб. 644).

[522]) Chron. Ver. l. c. col. 642. Hist. Cort. II, c. 15.

[523]) Такъ разсказываетъ самъ Дантъ во введеніи къ „Quaestio—de duobus Elementis Aquae et Terrae“ у Torri, l. c. p. 168. Fraticelli, Op. Minori II, 425—465.

могъ вынести эту неопредѣленность исхода и поэтому, вернувшись въ Верону, онъ рѣшился снова заняться разрѣшеніемъ этого вопроса «изъ любви къ истинѣ и ненависти къ лжи» [524]). Состоялось это путемъ публичнаго диспута «въ капеллѣ св. Елены и въ присутствіи всѣхъ ученыхъ Вероны», 20 января 1320 года [525]). Результатъ этого спора онъ тщательно изложилъ вслѣдъ за тѣмъ въ особомъ изслѣдованіи, составленномъ по чистѣйшему схоластическому методу и во всякомъ случаѣ свидѣтельствующемъ о научномъ рвеніи автора. Вообще слѣдуетъ съ особымъ вниманіемъ отмѣтить здѣсь, что Дантъ, насколько это было для него возможно, чувствовалъ себя въ Веронѣ въ безопасности и, точно также какъ въ свое время въ Луккѣ, былъ какъ бы дома. Въ виду обуревавшей его внутренней тревоги, которая не давала ему покоя, четырехлѣтнее пребываніе его здѣсь доказываетъ многое. И сыновья его были также тутъ съ нимъ; изъ нихъ старшій, Пьетро, прочно основался вслѣдъ за тѣмъ въ Веронѣ въ качествѣ юриста [526]).

Лишь послѣ этого Дантъ покинулъ Верону; вполнѣ справедливо думаютъ, что это случилось въ томъ же самомъ году и, быть можетъ, даже въ первой половинѣ его. Мы не имѣемъ возможности достовѣрно указать причину этого рѣшенія. Повторяемъ однако, что ее ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ искать въ разрывѣ между Кангранде и поэтомъ. Дружескія отношенія между ними оставались, какъ извѣстно, въ полной силѣ и впослѣдствіи. Сомнительно, отправился ли Дантъ изъ Вероны прямо въ Равенну; это даже не вполнѣ правдоподобно; мы скажемъ прямо, что для этого предположенія не достаетъ главнаго, связующаго звена; достовѣрно одно,

---

[524]) Ibid.: Unde quum in amore veritatis è pueritia meâ continuè sim nutritus, non sustinui quaestionem praefatum linquere indiscussam; sed placuit de ea veritatem ostendere—tum veritatis amore—tum etiam odio falsitatis.

[525]) Ibid. p. 192 § XXIV: Determinata est haec philosophia dominante invicto Domino d. Cane grandi de Scalâ pro imperio sacrosancto romano (regnante?) per Dantem Alagherium, philosophorum minimum, in inclytâ urbe Verona, in sacello Helenae gloriosae eorum universo clero veronensi — Et hoc factum est in anno a nativitate Domini nostri Ihesu Christi millesimo trecentesimo vigesima, in die Solis—qui quidem dies fuit septima a Ianuariis Idibus, et decimus ercius ante Kalendas (?) Februarias. Подъ словами clerus universus Verona слѣдуетъ, по смыслу, придаваемому имъ въ средніе вѣка, понимать совокупность веронскихъ ученыхъ.

[526]) См. Fraticelli, Vita di Dante, p. 298. — Извѣстіе, будто Дантъ сдѣлался даже членомъ веронскаго магистрата, остается недоказаннымъ. Изъ этого слѣдовало бы тогда вывести заключеніе, что онъ принялъ также веронское гражданство.

что тогдашній повелитель Равенны, графъ Гвидо Полента, побудилъ его поселиться въ Равеннѣ [527]). Неизвѣстно, не бывалъ ли Дантъ въ Равеннѣ еще и прежде во время своихъ странствованій [528]); но есть основаніе предположить, что онъ уже раньше вступилъ съ семьею Полента въ какія нибудь близкія или личныя сношенія. Къ ней принадлежала, вѣдь, Франческа ди Римини, чьи несчастія, вопреки ея винѣ, возбудили, благодаря знаменитому мѣсту въ Inferno, сочувствіе всѣхъ чувствительныхъ душъ [529]). Мы уже сообщали, что въ пору кампальдинской битвы поэтъ познакомился съ братомъ Франчески, Бернардино ди Полента [530]). Графъ Гвидо, сдѣлавшійся теперь патрономъ нашего поэта, былъ не отцемъ, а племянникомъ несчастной женщины и назывался поэтому Гвидо Новелло, младшій. Полента были вообще ярыми Гвельфами и находились въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ королемъ Робертомъ Неаполитанскимъ. Это была энергическая семья изъ которой не разъ избирались подеста для гвельфскихъ городовъ Ломбардіи и Тосканы [531]). Тѣмъ не менѣе приходится думать, что графъ Гвидо не былъ фанатическимъ гвельфомъ. Странно во всякомъ случаѣ, что вдохновен-

---

[527]) Все, что сообщается вообще о путешествіяхъ и мѣстахъ пребыванія Данта въ послѣдніе годы его жизни, слишкомъ сомнительно, чтобы заслуживать вѣры. Я говорю о мнимомъ пребываніи его у Пагано делла Торре, аквилейскаго патріарха, у Лантери ди Паратико и т. д. — Боккачьо въ своей жизни Данта заставляетъ этихъ послѣднихъ перекочевать послѣ смерти короля Генриха VII прямо въ Романью, а тамъ получить приглашеніе въ Равенну. Пребываніе поэта въ Равеннѣ въ эту эпоху онъ обходитъ молчаніемъ, слѣдовательно, не знаетъ о немъ. Леонардо Арет.. напротивъ того, говоритъ о многихъ путешествіяхъ поэта въ Ломбардію, Тоскану и Романью послѣ смерти императора:“ Sotto il sussidio di vari Signori; per infino che finalmente si ridusse a Ravenna, dovè fini sua vita“. Различныя, большею частью позднѣйшія извѣстія у Фратичелли, гл. 7.

[528]) Слѣдующая терцина изъ Чистилища (28, 19—21), доказываетъ непосредственное знакомство съ мѣстностью около Равенны:

Tal, qual di ramo in ramo si roccoglie
Per la pineta, in sul lito di Chiassi
Quand Eolo Scirocco fuor discoglie.

Если предположить, что Дантъ окончилъ Чистилище еще прежде своего прибытія въ Равенну, то необходимо будетъ допустить, что онъ бывалъ тамъ и раньше; но возможно ли подобное предположеніе—объ этомъ мы скажемъ позднѣе (IV, 1).

[529]) Адъ, V, 116.

[530]) См. выше стр. 81.—Катастрофа, постигшая эту несчастную, вышедшую въ 1275 году за Gionciotto Malatesta di Rimini, совершилась, вѣроятно, вскорѣ послѣ того.

[531]) См. Annales Caesenates (у Муратори, XVIII, стол. 1107.)

ный пѣвецъ императорской власти, пламенный идеалистъ-Гибеллинъ нашелъ свое послѣднее убѣжище именно у гвельфской семьи. Быть можетъ, пріемъ этотъ относился болѣе къ поэту, чѣмъ къ политику-Данту. Несомнѣнно, что Гвидо Новелло употребилъ всѣ средства, чтобы доставить Данту пріятное существованіе [532]), и врядъ ли можно принимать буквально многіе намеки, какъ бы указывающіе на подавленное состояніе поэта за это время. Если лишить ихъ поэтической оболочки, то они относятся лишь къ столь часто оплакиваемымъ имъ бѣдствіямъ изгнанія и къ дѣйствительно тяжко пострадавшей независимости этого, по справедливости гордаго человѣка. Во всякомъ случаѣ Дантъ нашелъ въ Равеннѣ достаточно свободнаго времени, чтобы окончить свою великую поэму. Онъ прислалъ изъ Равенны Рай, сопровождая его весьма замѣчательнымъ посланіемъ «достославному, побѣдоносному великому Кане делла Скала» [533]). Выраженія, употребленныя имъ при этомъ случаѣ относительно Кане, отнюдь не даютъ возможности предположить сколько нибудь серьозное омраченіе ихъ тѣсныхъ отношеній. Дантъ говоритъ объ «узахъ священнѣйшей дружбы», связывающей ихъ обоихъ [534]), и выражается все время въ тонѣ чистѣйшей и искреннѣйшей преданности своему прославленному герою. Кангранде находился именно тогда въ апогеѣ своей славы и велъ новую войну съ Падуею, изъ которой вышелъ, если не безъ значительнаго напряженія силъ, то по крайней мѣрѣ безъ существенныхъ потерь [535]).

Несмотря на все случившееся, поэтъ не терялъ еще надежды возвратиться на свою милую родину. Тоску по ней, преслѣдовавшую его и во снѣ [536]), не могло смягчить даже время. Онъ сроднился съ мыслью, что его поэтическая слава, въ особенности по окончаніи Божественной Комедіи, укротитъ жестокосердіе Флорентинцевъ, что они призовутъ его обратно и увѣнчаютъ лаврами у источ-

---

[532]) „Comis et urbanus“, называетъ его Дантъ, эклога III, 80 (Фратичелли, Op. Minori I, 2 p. 304).

[533]) Въ упомянутой уже поэтической перепискѣ Данта съ Іоанномъ де Виргиліо встрѣчаются подобные намеки.

[534]) См. Torri, l. c. p. 108 sqq.

[535]) Ibid. § 2 p. 169: Nec reor, amici nomen assumens, ut nonnulli forsitan objectarent, reatum praesumptionis incurrere, quum non minus dispares connectantur quam pares amicitiae sacramento.

[536]) Hist. Cortus. II, 40.

[537]) De Vulg. Eloqu. II, 2: Piget me cunctis, sed pietatem majorem illorum habeo, quicunque in exilio tabescentes, patriam tantummodo somniando revisunt.

ника, гдѣ онъ былъ крещенъ, бѣлые волосы, нѣкогда бывшіе бѣлокурыми на берегахъ Арно [538]). Поэтому-то онъ и отклонилъ безъ околичностей предложеніе Іоанна де Виргиліо пріѣхать въ Болонью и тамъ принять поэтическій вѣнецъ [539]). Вообще ему не хотѣлось быть въ Болоньѣ, хотя тогдашній повелитель этого города, Ромео деи Пополи, долженъ былъ считаться скорѣе Гибеллиномъ, нежели Гвельфомъ [540]).

Однако, какъ извѣстно, надежды поэта не осуществились. Дни его были сочтены, работа окончена. Лѣтомъ 1321 года онъ отправился въ Венецію посломъ отъ Гвидо Полента [541]). Цѣлью его миссіи было, по всему вѣроятію, возстановленіе между двумя городами нарушенныхъ мирныхъ отношеній [542]). Немного времени послѣ его возвращенія онъ былъ, повидимому, застигнутъ болѣзнью, жертвою которой и сдѣлался 21 сентября 1321 года [543]). Ему было пятьдесятъ шесть лѣтъ и четыре мѣсяца.

---

[538]) См. первую эклогу Данта, стихъ 40 (Opere minori I, 2 p. 289).

Nonne triumphales melius pexare capillos
Et, patrio redeam si quando, abscondere canos
Fronde sub inserta, solitum flavescere, Sarno?

и стихъ 47:

— — — Cum mundi circumflua corpora cantu
Astricolaeque meo, velut infera regna, patebunt—
Devincire caput hedera lauroque invabit.

Ср. съ этимъ Рай, XXV, 1:

Se mai continga che il poema sacro,
Al quale ha posto mano cielo e terra,
Si che m'ha fatto per più anni macro,
Vinca la crudelta, che fuor mi serra
Del bello ovil, dov'io dormii agnello
Nimico ai lupi, che gi danno guerra;
Con altra voce omai, con altro vello
Ritornerò poeta, ed in sul fonte
Del mio battesmo prendero il cappello.

[539]) См. приведенный выше отрывокъ изъ поэтической переписки и ст. 37—38 перваго посланія Іоанна де Виргиліо къ Данту.

[540]) Giov. Villani, IX, 132.—Ср. вторую эклогу Данта, стихъ 41.

[541]) Villani, IX, 136: Nel detto anno 1321 del mese di Luglio, mori Dante Alighieri di Firenza nella città di Ravenna in Romagna, assendo tornato d'ambascerio da Vinegia in servigio de signori da Polenta, con cui dimornon.

[542]) 4 мая 1322 г.—послѣ смерти Данта—миръ между Венеціею и Гвидо Полента былъ дѣйствительно заключенъ. Можно поэтому предположить, что съ этимъ событіемъ была связана и миссія Данта. См. Fraticelli, p. 285, not. 20.

[543]) Уже Боккачьо опредѣляетъ день его смерти. Виллани неправильно указываетъ на іюль. (Ср. выше прим. 541). Іоаннъ де Виргиліо, въ своей надгробной надписи Данту указываетъ сентябрь; надпись эта находится

Дѣйствительно, могла ли такая судьба, какая постигла нашего поэта, не изнурить до времени самую крѣпкую природу! Многое ему измѣнило въ жизни!... лишь самъ онъ оставался вѣренъ себѣ. Нужно предположить страшную силу духа въ человѣкѣ, для того чтобы онъ могъ держаться своихъ одинокихъ идеаловъ съ такой непоколебимостью, какъ это дѣлалъ Дантъ. Онъ не утратилъ вѣры въ политическую будущность своей націи, нетерпѣливо высматривалъ ожидаемаго избавителя и умеръ, можно сказать, съ этимъ словомъ на устахъ [544]).

Прахъ Данта покоится въ Равеннѣ, и тщетно требовала до сихъ поръ его выдачи «жестокая» Флоренція. Благородный покровитель его, Гвидо Новелло, приказалъ торжественно похоронить тѣло въ церкви Миноритовъ, куда отнесли его благороднѣйшіе изъ гражданъ Равенны; вслѣдъ за тѣмъ онъ произнесъ въ жилищѣ поэта надгробную рѣчь, въ которой прославилъ его заслуги. Не отсутствовалъ тутъ и столь страстно ожидавшійся поэтомъ лавровый вѣнокъ, но наложила его на поблѣднѣвшее чело великаго усопшаго чужая рука и далеко отъ береговъ Арно. **Cino da Pistoia**, составившій себѣ во время блужданій своего друга почетное и прочное положеніе въ области права, выразилъ свое горе объ умершемъ въ дошедшей до насъ канцонѣ [545]). Остальные друзья Данта частью отошли въ вѣчность до него, частью разсѣялись во всѣ стороны. Самъ Гвидо Новелло былъ изгнанъ нѣсколько времени спустя и долженъ былъ такимъ образомъ предоставить позднѣйшему времени исполненіе своего намѣренія поставить поэту достойный его памятникъ. Кангранде удержался, правда, на прежнемъ мѣстѣ, но счастливѣйшіе, прекраснѣйшіе дни его миновали, не говоря уже о томъ, что ни одинъ изъ необъятныхъ плановъ, которые предназначалъ ему по крайней мѣрѣ Дантъ, не осуществился даже приблизительно [546]). Италія оставила надолго позади себя свое величіе.

Въ такомъ видѣ представилась намъ жизнь Данта. Жизнь странная, безъ сомнѣнія, можно бы сказать безрезультатная; — трата силъ за идеи, мертвыя или безнадежныя. Однако борьба за высокую, хотя бы и надломленную идею имѣетъ въ себѣ что-то грандіозное, трагическое, когда она исходитъ отъ великаго человѣка и на нее

и у Боккачьо, точно также, какъ и та, которая, будто-бы, была составлена самимъ Дантомъ.

[544]) См. Боккачьо, Vita di Dante (Morte et Onori funebri).

[545]) Ciampi, l. c., II, p. 197.

[546]) Онъ умеръ въ 1329 г., всего только 41 года отъ роду.

тратятся великія силы. Такъ это именно и было въ данномъ случаѣ. Этого человѣка и эти силы его мы узнали лишь на половину; другая половина еще передъ нами. Она откроетъ намъ болѣе широкій горизонтъ; она покажетъ намъ еще разъ, что взгляды Данта коренились въ прошломъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ и новѣйшему времени и занялъ блестящее мѣсто въ духовномъ развитіи человѣчества. Все это, во всякомъ случаѣ, не малые результаты жизни. Они кроются, большею частью въ Божественной Комедіи, которая и сдѣлала его безсмертнымъ. Она создана во время описанныхъ нами скитаній его; ее внушили любовь и политика. Съ первой мы знакомы достаточно; со второй мы еще должны познакомиться ближе.

III.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ ДАНТА.

Излагая жизнь Данта и изучая его мелкія произведенія, намъ много разъ приходилось ссылаться на его политическую систему, сущность и направленіе которой мы должны были уже, заходя для этого нѣсколько впередъ, характеризовать въ общихъ чертахъ. Наконецъ, мы достигли той минуты, когда не можемъ далѣе отлагать подробное ея разсмотрѣніе. Скажемъ прямо,— пониманіе Божественной Комедіи не мало зависитъ отъ пониманія политическихъ воззрѣній поэта; и это достаточная причина, чтобы теперь представить читателю возможно болѣе наглядную картину ихъ.

Но эта политика въ тоже время заслуживаетъ нашего вниманія и съ другой точки зрѣнія, сама по себѣ: въ самой сущности своей, если мы совлечемъ съ нея все, что придалъ ей во внѣшней формѣ духъ того столѣтія, она является первой политической системой христіанской эры,—которая, оживляемая, конечно, и міровыми стремленіями, доразвилась до пониманія истинной государственной идеи, сущности государственнаго строя и его нравственнаго значенія, дошла до требованія ему самостоятельности, независимости отъ другихъ, соперничающихъ съ нимъ силъ. Полемическія сочиненія, вызванныя раздоромъ короля французскаго Филиппа IV съ папою Бонифаціемъ VIII, вовсе не достигаютъ подобной высоты и не въ такой полнотѣ проводятъ существенную, основную идею, хотя по силѣ и рѣзкости отдѣльныхъ доводовъ они часто превосходятъ систему Данта. Данта поэтому мы должны чествовать не только какъ перваго изъ великихъ поэтовъ новыхъ временъ, но въ немъ мы должны разгадать и перваго провозвѣстника новѣйшей государственной идеи, полнаго предчувствій. Дѣйствительно, столь рѣзко, поразительно

широко и твердо никогда не предъявлялся во всѣ средніе вѣка протестъ противъ теократической идеи, и до него рѣдко можно было бы найти человѣка, который съ такимъ высокимъ уваженіемъ относился бы къ государству, такъ возвышенно мыслилъ бы о немъ. Мы уже имѣли случай сказать, что Дантъ изложилъ свои политическія воззрѣнія въ особомъ произведеніи, озаглавленномъ de Monarchia. Оно написано на латинскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія потому, что для произведенія, которое должно было служить универсальнымъ цѣлямъ, онъ считалъ наиболѣе подходящимъ языкъ международный. При настоящемъ изложеніи его системы мы примемъ за основу это сочиненіе [547]). Въ видѣ дополненія къ нему мы присоединимъ къ нашему изученію извѣстныя уже намъ политическія его посланія [548]) и нѣкоторыя главы Пира, посвященныя тому-же предмету [549]). Для лучшаго объясненія и сравненія мы кромѣ того будемъ ссылаться на соотвѣтствующія мѣста изъ Божественной Комедіи.

Но, прежде чѣмъ приступить къ этому изложенію, возникаетъ необходимость рѣшить вопросъ о времени составленія книги о Монархіи; этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ очевидно важнѣе, чѣмъ въ подобныхъ же случаяхъ, встрѣчавшихся намъ раньше, и къ тому же въ наше время онъ подвергся весьма дружному разслѣдованію. Въ общихъ чертахъ мы уже коснулись этого вопроса, высказавшись въ томъ смыслѣ, что возникновеніе этого произведенія можно бы отнести ко времени римскаго похода [550]). Это предположеніе, послѣ долгихъ соображеній, мы считаемъ себя въ правѣ повторить и здѣсь. Если не представляется ни желанія, ни возможности отнести составленіе данной книги ко времени послѣ римскаго похода или до изгнанія поэта, то, уже по самымъ внѣшнимъ причинамъ, не остается никакого иного предположенія. Догадка-же, будто Монархія написана послѣ римскаго похода, въ настоящее время почти всѣми оставлена,— и съ полнымъ основаніемъ,—поэтому намъ не приходится уже опровер-

---

[547]) Фратичелли, Opp. min., 1, 3. — C. Witte, Dantis Alighiri de Monarchia Libri III etc. Edit. altera, Vindobonae, 1874. — По итальянски Монархія переведена Марсиліемъ Фичино, и этотъ переводъ перепечатанъ у Фратичелли вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ. На нѣмецкій языкъ это сочиненіе переведено было еще въ 16-мъ столѣтіи Базиліемъ Герольдомъ, въ нашемъ же столѣтіи Каннегиссеромъ во 2 части его перевода прозаическихъ произведеній Данта, а затѣмъ Губатшемъ (Берлинъ, 1872).

[548]) См. выше отдѣлъ II, глав. 6.

[549]) Convito, IV, с. 14—16.

[550]) См. выше примѣч. 360.

гать ее [551]). Предположеніе, будто она была написана до 1300 г., словомъ, еще во Флоренціи, весьма опредѣленно высказывалось еще въ новѣйшее время лицами, въ высшей степени достойными уваженія [552]). Но, сколько намъ извѣстно, предположеніе это, несмотря на все остроуміе и на большую ученость, съ которыми оно защищалось, далеко не сдѣлалось общепринятымъ въ компетентныхъ кругахъ [553]). Насколько мы увѣрены въ томъ, что гибеллинскія убѣжденія Данта относятся ко времени, предшествовавшему его изгнанію, столь же мало можемъ мы допустить, что онъ уже тогда придалъ имъ систематическую, такъ сказать научную, основу и выразилъ ихъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ находимъ въ книгѣ о Монархіи. Доказательства, приведенныя ученымъ защитникомъ этого мнѣнія, дѣйствительно далеко не несомнѣнны, какъ мы постараемся доказать въ концѣ этой главы; нѣсколько же замѣчаній въ пользу нашего воззрѣнія мы выскажемъ уже теперь.

Такъ какъ Дантъ написалъ съ 1302 до 1309 года часть Божественной комедіи, Convito и книгу о народномъ языкѣ, то уже по этой причинѣ весьма невѣроятно, чтобы именно въ эту эпоху, для него столь взволнованную, онъ нашелъ еще время написать такое систематическое и ученое изслѣдованіе, какъ книга о Монархіи. Если не придавать большого значенія этому соображенію, дѣйствитель-

---

551) То пониманіе 12-й главы первой книги Монархіи (см. стр. 23, прим. 26, изданія Витте), по смыслу котораго,—если считать его точнымъ,—настоящее произведеніе должно отнести къ послѣднимъ годамъ жизни Данта, мы можемъ оставить въ сторонѣ.

552) Именно К. Витте, въ первый разъ въ Blätter für literarische Unterhaltung, 1853, № 23, вслѣдъ затѣмъ въ Dante-Forschungen, стр. 72—95, и нѣсколько полнѣе въ Prolegomenахъ второго изданія Монархіи. Рядомъ съ Витте и Эд. Бэмеръ старался доказать въ изслѣдованіи, появившемся въ 1866 г., что упомянутое сочиненіе Данта написано въ послѣдніе годы царствованія короля Адольфа, словомъ въ 1298 г.,—мнѣніе, не встрѣтившее, впрочемъ, сочувствія. Всѣ возраженія противъ этого мнѣнія уже высказаны Фридбергомъ въ программѣ 1874 года, упомянутой въ слѣдующемъ примѣчаніи.

553) Фратичелли въ своихъ двухъ первыхъ изданіяхъ Монархіи, указалъ на время римскаго похода, какъ на эпоху возникновенія этой книги; въ 3 изданіи онъ измѣнилъ это воззрѣніе, но тѣмъ не менѣе все еще относилъ возникновеніе Монархіи къ 1305—1306 годамъ.—Докторъ Фридбергъ въ своей программѣ: „Ueber die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche (1 часть, стр. 12, прим. 2) находится на нашей сторонѣ, точно также, какъ и Riezler въ своемъ сочиненіи: „Die literarischen Widersacher der Päpste“ (Leipzig 1874, стр. 169). Lorenz, въ своей книгѣ Deutsche Geschichtsquellen II, стр. 298, прим. 1) склоняется передъ доказательствами Витте, не принимая ихъ впрочемъ окончательно, въ чемъ онъ вполнѣ правъ.

но ничего не рѣшающему окончательно, какъ же объяснить, что Дантъ въ **Convito**, въ четвертой части котораго онъ также излагаетъ нѣкоторыя частности своей теоріи объ императорской власти, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о своемъ сочиненіи на эту тему, если оно дѣйствительно было написано уже за цѣлый рядъ лѣтъ передъ тѣмъ? [554]). Далѣе, какъ могла эта книга, если она возникла до 1300 г., остаться вообще вполнѣ неизвѣстной,—а между тѣмъ никакихъ слѣдовъ ея нельзя найти въ упомянутые годы [555]). Такимъ образомъ мы по прежнему возвращаемся къ эпохѣ римскаго похода. И какое же болѣе простое, болѣе близкое побужденіе къ написанію подобнаго сочиненія можно придумать, какъ не появленіе въ Италіи того властителя, который долженъ былъ осуществить для итальянской націи и павшаго христіанства вообще всѣ выспреннія надежды поэта? [556]). Мы не можемъ воздержаться отъ желанія обратить вниманіе читателя на одно мѣсто въ Монархіи, которое какъ бы намекаетъ на то, отчасти даже доказываетъ, что оно было написано послѣ изгнанія поэта, быть можетъ, даже во время римскаго похода. Въ третьей книгѣ Дантъ, желая доказать независимость защищаемой имъ императорской власти отъ папства, прямо указываетъ на тѣхъ противниковъ, которыхъ онъ хочетъ опровергать въ этомъ случаѣ, причемъ, кромѣ Декреталистовъ исключаетъ еще слѣдующихъ враговъ: «затѣмъ, говоритъ онъ, должны быть изъяты тѣ, кто, хотя и покрытъ перьями ворона, выдаетъ себя за бѣлаго агнца въ паствѣ Христовой. То сыны злобы, которые, чтобы выполнять свои позорныя дѣла, предаютъ мать, изгоняютъ братьевъ и наконецъ не хотятъ знать никакихъ судей [557]).»

Въ лицѣ выведенныхъ тутъ противниковъ имперіи мы узнаемъ Гвельфовъ, оказавшихъ такое роковое вліяніе на судьбу Флоренціи

---

[554]) См. параграфъ пятый въ прибавленіи къ этой главѣ.

[555]) Всѣ попытки найти такіе слѣды въ сочиненіяхъ отъ 1300—1310 годовъ были до сихъ поръ вполнѣ неудачны. Сочиненіе аббата Энгельберта Адмонтскаго: „De ortu et fine Romani Imperii“, сходное въ нѣкоторыхъ пунктахъ, несмотря на все принципіальное различіе, съ Монархіею Данта, завѣдомо, на основаніи прямыхъ заявленій самого автора, возникло лишь въ эпоху короля Генриха VII, вполнѣ независимо отъ Данта.

[556]) Боккачьо, показанія котораго для насъ, правда, не авторитетны, говоритъ вполнѣ опредѣленно, что сочиненіе это написано въ эпоху римскаго похода короля Генриха VII.

[557]) De Monarchia lib. III (гл. 3, стр. 96, строки 79—84): Jis itaque exclusis excludendi sunt alii, qui corvorum plumis operti, oves albas in grege Domini se jactant. Hi sunt impietatis filii, qui ut flagitia sua exequi possint — matrem prostituunt, fratres expellunt, et denique judice habere nolunt.

и на участь нашего поэта. Они и есть эти «дѣти зла», запятнавшіе стадо Христово, выдавая себя за вѣрныхъ сыновъ церкви и въ то же время продавая свою мать, т. е. Римъ, изгоняя своихъ братьевъ, т. е. Гибеллиновъ (и Бѣлыхъ), и не желая признавать надъ собой никакого судьи, т. е. императора,—они, сославшіе и Данта, воспротивившіеся королю Генриху и его императорской власти, опиравшейся на Римъ. Приведеннаго нами достаточно, чтобы показать, что это мѣсто, да и все сочиненіе, изъ котораго оно взято, могло быть написано (если всѣ признаки насъ не обманываютъ) лишь послѣ изгнанія Данта и въ виду сопротивленія, оказаннаго Флорентинцами императору [558]). Это мѣсто имѣетъ замѣчательное и несомнѣнное сходство съ тѣмъ тономъ рѣчи, который Дантъ въ приведенномъ выше посланіи къ королю Генриху употребляетъ, говоря противъ флорентинскихъ Черныхъ. Въ одной и той же связи съ этимъ онъ говоритъ и о Гвельфахъ, чья закоснѣлая алчность потушила свѣточъ разума; они выдаютъ себя за сыновъ церкви, въ то время какъ отцомъ своимъ считаютъ дьявола. Признаться откровенно, мы считаемъ немыслимымъ, чтобъ Дантъ могъ такъ отзываться о Гвельфахъ въ періодъ между 1296—99 годами, когда онъ еще жилъ въ ихъ средѣ и когда разрывъ, разъединившій ихъ навѣки, еще не произошелъ. Это не рѣчь публициста, пишущаго подъ вліяніемъ однихъ лишь теоретическихъ соображеній и доводовъ, но слово политика, сильно возбужденнаго извѣстными событіями и испытаніями [559]).

Но въ Монархіи есть и другія мѣста, которыя повидимому могли бы поддержать нашу точку зрѣнія на спорный вопросъ о

---

[558]) Съ этимъ мѣстомъ слѣдуетъ сравнить приведенное выше письмо Данта къ королю Генриху VII (у Торри, l. c., 58, 7): Haec (Флоренція) est vipera versa in viscera genitricis; haec est languida pecus, quae gregem Domini sui sua contagione communicat... Verè viperina feritate matrem laniare contendit, dum contra Romam cornua rebellionis exacuit, quae ad imaginem suum atque similitudinem facit illam. — Это мѣсто, въ связи съ приведеннымъ нами изъ Монархіи, являются въ нашихъ глазахъ несомнѣнно параллельными и написаны одновременно; уже употребленіе выраженія grex domini говоритъ за это.— См. въ прибавл. къ этой главѣ.

[559]) De Monarchia, изд. Витте, III, гл. 3, стр. 93, строк. 30—32: Quidam vero alii, quorum obstinata cupiditas lumen rationis extinxit, et, dum ex patre diabolo sunt, Ecclesiae se filios esse dicunt, non solum in hac quaestione litigium movent, sed sacratissimi principatus, vocabulum abhorrent, superiorum quaestionem et hujus principia impudenter negarunt. — Для этого мѣста также можно найти соотвѣтствующія мѣста въ обоихъ посланіяхъ Данта къ королю Генриху и къ Флорентинцамъ.

времени созданія этого произведенія. Вторая книга открывается слѣдующими предложеніями: «Зачѣмъ столь тщетно бушуютъ народы и люди тратятъ слова? Цари этой земли возстаютъ, и властители совѣщаются между собой, противясь Господу и его помазаннику. Разорвемъ же ихъ сѣти и сбросимъ съ себя ихъ иго [560])». Затѣмъ Дантъ (какъ мы на это уже указывали) признается, что и онъ самъ нѣкогда не понималъ законнаго оправданія мірового владычества, опирающагося на Римъ—до тѣхъ поръ пока онъ не разгадалъ воли божественнаго провидѣнія въ несомнѣннѣйшихъ знаменіяхъ времени [561]) и съ той поры онъ не можетъ болѣе воздержаться отъ чувства, доходящаго до презрѣнія, когда, къ горю своему, видитъ, что цари и властители единодушны лишь въ одномъ,—въ противодѣйствіи своему господину, вѣнчанному римскому повелителю [562]). Поэтому, продолжаетъ онъ тотчасъ же, я могу только съ презрѣніемъ и съ болью воскликнуть (какъ то сдѣлалъ пророкъ во имя Господа небесъ) во имя достославнаго народа и императора: Зачѣмъ шумятъ народы и люди тщетно тратятъ рѣчь свою? Цари этой земли возстаютъ и властители совѣтуются между собой, противясь Господу и его помазаннику» [563]). Мы не можемъ никакъ втолковать себѣ, что это мѣсто включено совершенно безъ всякаго соотношенія съ извѣстными конкретными обстоятельствами. Оно носитъ слишкомъ ясный отпечатокъ непосредственности, чтобы можно было утверждать, будто оно возникло безъ всякой связи съ опредѣленными важными фактами; мы вполнѣ убѣждены, что оно обязано между прочимъ своимъ происхожденіемъ всѣмъ извѣстному враждебному настроенію Роберта Неаполитанскаго.

---

560) De Monarchia lib. II, cap. 1, p. 37: Quare fremuerunt gentes et populi meditati sunt inania? Astiterunt reges terrae, et principes convenerunt in unum adversus Dominum et adversus Christum ejus? Disrumpamus vincula eorum, et projiciamus a nobis jugum eorum.—Псаломъ 1, стихъ 1—3.

561) См. выше стр. 100, примѣч. 219.

562) De Monarchia lib. II (l. c.):—„cum insuper doleam reges et principes in hoc unico concordantes ut adversentur Domino suo, et uncto suo Romano principi.“—Витте въ своемъ изданіи Монархіи читаетъ вмѣсто—„et uncto suo Romano principi“ unico s. R. p. Мы же считаемъ чтеніе uncto правильнымъ, такъ какъ оно видимо совпадаетъ съ предшествующей фразой „adversus Dominum et adversus Christum ejus“. — Unicus Romanus princeps не даетъ никакого точнаго значенія; оно бы еще имѣло его, еслибъ спорное слово стояло передъ Dominus вмѣсто того чтобъ стоять передъ princeps.

563) Ibid. „Propter quod derisive, non sine dolore quodam, cum illo clamare possum, pro populo glorioso e pro Caesare, qui pro Principe coeli clamabat: Quare fremuerunt gentes et populi meditati sunt inania?“ etc.

Могъ ли бы Дантъ говорить о сопротивленіи властителей «помазанному римскому вѣнценосцу», т. е. императору, пока таковаго вовсе не существовало и никто не требовалъ себѣ повиновенія и поклоненія? [564]). Таково было, дѣйствительно, положеніе дѣлъ со смерти императора Генриха VII. Вѣдь укоряетъ же Дантъ королей Рудольфа и Альбрехта строгими словами въ томъ, что они не возстановили императорской власти и предоставили Италію самой себѣ [565]). Въ этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ отвѣтственными только ихъ собственную небрежность и алчность, а отнюдь не сопротивленіе королей и прочихъ властителей, сопротивленіе, о которомъ онъ говоритъ въ относящемся сюда мѣстѣ Монархіи. Изъ этихъ отрывковъ для насъ уясняется, что 2-я книга Монархіи написана лишь послѣ коронованія короля Генриха, потому что Дантъ тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ называетъ его «помазаннымъ римскимъ вѣнценосцемъ». Впослѣдствіи эти наблюденія приведутъ насъ къ прямому выводу, что сочиненіе это написано вообще въ позднѣйшую пору римскаго похода, такъ что незачѣмъ считать противорѣчіемъ, если Дантъ упоминаетъ тутъ папу въ числѣ противниковъ императорства въ то время, какъ въ своемъ посланіи (стр. 158) онъ называетъ его покровителемъ римскаго похода Генриха [566]). Во

---

[564]) Если намъ скажутъ, какъ уже не разъ случалось, что слова „помазанный римскій вѣнценосецъ“ должны быть скорѣе поняты въ общемъ смыслѣ и не заставляютъ необходимо предположить, чтобы Дантъ имѣлъ при этомъ въ виду какого нибудь короля, уже коронованнаго императоромъ, то этому мнѣнію противорѣчитъ тотъ фактъ, что Дантъ употреблялъ, правда, и могъ употреблять въ этомъ смыслѣ такія слова какъ Цезарь и Августъ, но никакъ не могъ употреблять безъ фактическаго основанія такое опредѣленіе, какъ Christus-unctus. Вѣдь въ посланіи, обращенномъ имъ къ Генриху до его коронованія, онъ тщательно избѣгаетъ называть его въ заголовкѣ письма иначе какъ „rex“ (а не imperator).

[565]) Чистилище, VI, 103:

Chè avete tu e il tuo patre sofferto,
Per cupidigia di costa distretti,
Che il giardin dell' imperio sia diserto.

[566]) Я приведу при этомъ случаѣ ради его сродства съ собственными воззрѣніями Данта упоминавшееся уже выше (стр. 162 прим. 373) мѣсто изъ посланія императора (отъ 29 іюня 1312 г., дня его коронованія) къ кипрскому королю: „Magnus dominus et laudabilis valde, qui in excelso divinitatis sue sollio residens universis, que sue magestatis ineffabili patiencia condidit, clementer et suaviter imperat, tanto dignitatis honore ac decore glorie hominem, quem inter universa creaverat, extulit, ut cui imaginem sue divinitatis impresserat, super cuncta que fecit tribuere principatum, et ut creatura tam nobilis a celestium ierarchia non differret similitudine ordinis cum quibus convenit grandi parallelitate nature, voluit, ut quem admodum sub se deo uno omnes

всемъ остальномъ, такъ называемая объективность всего сочиненія, положительная «безотносительность» его къ современнымъ обстоятельствамъ и сравнительно болѣе спокойное изложеніе не доказываютъ, какъ намъ кажется, ничего противъ нашего мнѣнія или въ пользу противоположнаго, такъ какъ большая разница писать научное, систематическое изслѣдованіе или памфлетъ, разсчитанный на мимолетное впечатлѣніе. Для того, чтобы объяснить себѣ эту разницу тона, отнюдь не нужно предположить, что изслѣдованіе возникло на десять лѣтъ раньше памфлета. Къ тому же неоднократное совпаденіе во внѣшнемъ отношеніи между обѣими частями должно бы, мнѣ кажется, говорить съ такою же и, быть можетъ, даже сильнѣйшею убѣдительностью за одновременность появленія, чѣмъ за десятилѣтній промежутокъ. Итакъ, мы остаемся при нашемъ мнѣніи, что книга о Монархіи возникла во время римскаго похода короля Генриха VII, но вмѣстѣ съ тѣмъ повторяемъ, что по свойству самаго вопроса, Дантъ уже давно столь всецѣло занимался этимъ предметомъ, болѣе близкимъ его сердцу, чѣмъ всѣ остальные (и это подтверждается только что приведенной нами 4 книгой **Convito**), что нуженъ былъ только импульсъ для выполненія дѣла, давно имъ придуманнаго.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію политической теоріи Данта, мы считаемъ пригоднымъ по многимъ причинамъ попытаться

---

ordines celestium agminum militant, sic universi homines distinctis regnis et provinciis separati uni principi monarche subessent, quatenus eo consurgere machina mundi preclarior, que ab uno deo suo factore progrediens sub uno principe moderata et in se pacis ac unitatis augmenta susciperet, et in unum deum et dominum per amoris gressum et devote fidei stabilmenta rediret. Et quamvis huiusmodi principatus prioribus seculis in diversis fuerint nationibus quasi congentibus a suo factore aberrantibus errantes, novissime tamen appropin quante plenitudine temporis, quando idem deus et dominus noster memorabili dignationis sue munificencia homo fieri voluit, ut hominem per culpe lapsum perditum, et per abrupta deviaque viciorum liberalitatem ad loco virtutum irrigua et eterne beatitudinis pascua visentia revocaret, dictum imperium transiit ad Romanos proinde dei disponente clemencia quod illud preiret imperialis excellencie tronus, ubi futura erat sacerdotalis et apostolica sedes, ac in eodem loco pontificis et imperatoris auctoritas refugeret illius vicarii representans imaginem, qui pro nobis ex intemerata virginis utero natus sacerdes ipse sacerdotium eternum instituit, ad tamquam rex regum et domi nus dominorum adculminis sui fastigium omnia trahens, sub sue ditionis imperio universa subgessit". — Мѣсто это, если мы не хотимъ или не можемъ отнести его къ вліянію Данта, доказываетъ во всякомъ случаѣ, что взгляды, имъ проповѣдывавшіеся, проникли въ императорскую канцелярію. То же самое встрѣчаемъ мы и у писавшаго одновременно съ этимъ аббата Энгельберта Адмонтскаго.

установить прочно дату сочиненія Монархіи, и высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно источниковъ, изъ которыхъ черпалъ поэтъ. Подобное изслѣдованіе не лишено будетъ значенія для нравильнаго пониманія какъ самаго сочиненія, такъ и его автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно броситъ, быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ на обсуждавшійся нами вопросъ о времени возникновенія Монархіи.

Самъ Дантъ прямо говоритъ во вступительныхъ параграфахъ первой книги, что онъ имѣетъ дѣло съ «истиною», т. е. съ ученіемъ о «свѣтской монархіи», объ императорской власти, остававшейся вполнѣ сокрытою до той поры, такъ что до нея никто еще не пытался коснуться [567]). Мы должны безусловно принять это выраженіе его, не оставляющее мѣста никакому сомнѣнію. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что въ то время, когда Дантъ предпринялъ свой трудъ, не было другого сочиненія того же содержанія и той же тенденціи или, по крайней мѣрѣ, оно не было извѣстно. Понятно, что публицистическія статьи, вызванныя ссорою французскаго короля Филиппа IV съ папою Бонифаціемъ VIII [568]), не могутъ быть приняты въ соображеніе въ этомъ случаѣ, такъ какъ онѣ, не смотря на многія точки соприкосновенія, занимаются не ученіемъ объ универсальной монархіи, а только вопросомъ о самостоятельности свѣтской власти, прямо относясь при томъ къ французской королевской власти. Еслибъ, поэтому, можно было даже доказать, что Дантъ зналъ одно изъ этихъ сочиненій и пользовался имъ (что однако все еще не доказано), то приведенныя нами слова его ни въ какомъ случаѣ не пострадали бы отъ этого. Намъ извѣстно только одно сочиненіе, спеціально посвященное римскому императорству, которое могло бы быть принято въ соображеніе въ настоящемъ случаѣ, именно сочиненіе аббата Энгельберта Адмонтскаго «de ortu progressu et fine Romani Jmperii liber», но по собственному признанію автора оно было написано не раньше эпохи короля Генриха VII [569]), при чемъ невозможно опредѣлить, вскорѣ ли послѣ восшествія на престолъ или въ сравнительно позднѣйшіе годы его царствованія. Такимъ об-

---

567) Dantis Monarchia, editio C. Witte, lib. I, cap. 1, p. 4.

568) Ср. между прочимъ Фридберга: De finium inter Ecclesiam et civitatem regundorum iudicio quid medii aevi doctores et leges statuerunt. Lipsiae MDCCCLXI, и упомянутыя уже двѣ программы его отъ 1874 года. Далѣе, также упомянутое уже сочиненіе Riezler'a „Ueber die lit. Widersacher der Päpste zur Zeit König Ludwig d. B.“.

569) Издано C. Bruschius; см. стр. 86: Jmo a tempore Octaviani primi Augusti usque ad Henricum huius nominis septimum, qui nostro tempore ad imperium clarum se dit Jmperator, 97 ab ipso Augusto, etc.

разомъ появленіе обоихъ этихъ сочиненій,—разсужденія адмонтскаго аббата и книги Данта, нужно считать одновременнымъ и независимымъ одно отъ другого. Хотя и высказано было предположеніе, что Энгельбертъ заимствовалъ у Данта (и у того и у другого встрѣчаются нѣкоторые схожіе мотивы и аргументы), но противъ этого мнѣнія возражали съ полнымъ основаніемъ, что аббатъ, у котораго трудно было бы открыть какіе нибудь слѣды особенно богатаго, самостоятельнаго умственнаго запаса, въ подобномъ случаѣ врядъ ли ограничился бы заимствованіемъ нѣсколькихъ предложеній [570]). Предположеніе же, что Дантъ заимствовалъ что либо у аббата, устраняется приведеннымъ уже нами заявленіемъ его, что до него никто не изслѣдовалъ настоящаго вопроса. Кромѣ того произведеніе Данта въ такой сильной степени отличается всѣми признаками ума, проницательности и знаній отъ сочиненія Энгельберта, что уже на этомъ основаніи самостоятельность Монархіи не можетъ подлежать сомнѣнію, не говоря уже о томъ, что великій Флорентинецъ въ такой же степени преисполненъ и вдохновленъ идеею законности и высокаго призванія міровой монархіи, въ какой нѣмецкій аббатъ не можетъ отрѣшиться отъ смутныхъ сомнѣній въ ней и даже завершаетъ свое разсужденіе, указывая на всеобщее отпаденіе отъ имперіи.

Трудно было бы рѣшить окончательно вопросъ, зналъ ли Дантъ какое нибудь изъ числа нублицистическихъ сочиненій, вызванныхъ борьбой короля Филиппа IV съ папой Бонифаціемъ, и пользовался ли онъ ими. Достовѣрно лишь, что изъ ихъ числа должно быть совершенно устранено долго и неправильно приписывавшееся Эгидію Римлянину **Quaestio in utramque partem**, такъ какъ теперь доказано, что оно написано было уже между 1364—1380 [571]).

Если поэтому можетъ еще возникнуть вопросъ о зависимости одного изъ упомянутыхъ нами сочиненій отъ другого, то во всякомъ случаѣ только въ «quaestio» могли быть сдѣланы заимствованія у Монархіи. Что касается трактата Іоанна Парижскаго «de potestate regia et papali», то онъ могъ быть извѣстенъ Данту, такъ какъ составитель его умеръ, какъ полага-

---

[570]) Риссперъ, l. c., стр. 164.

[571]) Риссперъ, стр. 140—141. Такимъ образомъ исправляется и предположеніе Фридберга въ указанномъ уже сочиненіи его De finibus, стр. 246—247 etc., будто Дантъ заимствовалъ большую часть своихъ доказательствъ у Эгидія, — а также и соотвѣт. замѣчанія того же автора въ часто указанной нами программѣ.

ютъ, въ 1306 году. Но при всемъ кажущемся сходствѣ воззрѣній и многихъ взаимныхъ точкахъ соприкосновенія, ихъ все таки разлучаетъ принципіальное различіе ихъ задачи—міровой имперіи и королевства (французскаго), независимаго отъ всякой чужеземной власти,—и даже тамъ, гдѣ они оспариваютъ одни и тѣ же аргументы защитниковъ папской власти, какъ напримѣръ: аргументъ о свѣтскомъ и духовномъ мечѣ, о дарственномъ актѣ Константина и т. д., они отнюдь не прибѣгаютъ къ тѣмъ же средствамъ. Поэтому остается по прежнему сомнительнымъ, имѣлъ ли Дантъ передъ собою трактатъ Іоанна Парижскаго; о настоящемъ же пользованіи имъ невозможно говорить ни въ какомъ случаѣ. Затѣмъ ничего уже нельзя болѣе сказать въ этомъ отношеніи обо всей группѣ этихъ сочиненій, и я поэтому прекращу эти разсужденія, такъ какъ прочнаго результата невозможно ожидать, пока всѣ данныя остаются вполнѣ сомнительными.

Итакъ, мы остаемся при томъ, что основная мысль Монархіи и выполненіе ея должны быть признаны самостоятельными и независимыми.

Для выполненія ея и въ подкрѣпленіе своей аргументаціи Дантъ пустилъ въ ходъ сравнительно богатый литературный аппаратъ, который съ весьма выгодной стороны долженъ былъ свидѣтельствовать о размѣрѣ его ученаго образованія и его свѣдѣній, еслибъ въ этомъ свидѣтельствѣ еще чувствовалась необходимость. Если это качество предстанетъ передъ нами въ Божественной комедіи еще въ большей полнотѣ и въ болѣе блестящемъ свѣтѣ, то въ Монархіи, гдѣ по цѣли самого сочиненія такое широкое развитіе ученаго матеріала было бы совсѣмъ лишнимъ, оно проявляется въ столь значительномъ объемѣ, что уже по одной этой причинѣ мы склонны предположить скорѣе позднѣйшее, чѣмъ болѣе раннее возникновеніе этого сочиненія. Въ особенности умѣнье его овладѣть и пользоваться богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ такъ велико, что его трудно предположить въ высоко-даровитомъ, но еще неопытномъ авторѣ. Намъ поэтому вполнѣ непонятно, какимъ образомъ новѣйшій ученый издатель Монархіи могъ въ одной неточной цитатѣ, которой можно противопоставить покрайней мѣрѣ сотню точныхъ, видѣть подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго имъ уже прежде, относительно юношескаго характера, или вообще ранняго возникновенія книги [572]),—точно неправильная цитата составляетъ отличительный

---

[572]) Prolegg. p. XLIV.—Вообще Витте не слѣдовало бы вовсе упоминать, говоря объ этомъ вопросѣ, о томъ, что Дантъ неправильно приписы-

признакъ молодости и не можетъ встрѣчаться у людей въ болѣе зрѣломъ или преклонномъ возрастѣ [573]). Я могу, конечно, признать человѣка сорока лѣтъ болѣе зрѣлымъ, чѣмъ человѣка лѣтъ тридцати, но для меня все таки остается непонятнымъ, на какомъ основаніи можно утверждать въ виду сочиненія, написаннаго авторомъ, какъ полагаютъ противники г. Витте, на тридцатипятилѣтнемъ году его жизни, что тотъ или другой промахъ (дѣйствительный или мнимый) указываетъ именно на его юношескій возрастъ [574]). Къ тому же мнѣ казалось бы гораздо понятнѣе, еслибъ у Данта встрѣтилась та или другая неудачная цитата въ ученомъ сочиненіи, написанномъ въ бурные скитальческіе годы его изгнанія, а не въ эпоху, предшествовавшую 1300 году, когда онъ наслаждался полнымъ спокойствіемъ и пользовался различными удобствами въ гражданскомъ и домашнемъ быту.

Что же касается въ частности приводимыхъ Дантомъ авторитетовъ и свидѣтельствъ [575]), то наряду съ другими во главѣ ихъ стоитъ Библія, ветхій и новый завѣтъ. Различныя части Библіи даютъ ему самое большее число доказательствъ и возраженій. Главнымъ политическимъ авторитетомъ для него является «глава всѣхъ мудрецовъ», Аристотель, и не только его Политика, но также довольно многія изъ прочихъ его сочиненій, какъ напримѣръ, Этика, Метафизика, Физика, Аналитика и т. д. и неправильно приписываемое Аристотелю разсужденія «**De causis**». Цитата изъ Иліады также приводится при случаѣ, хотя, очевидно, Дантъ не зналъ настоящаго творца ея — и она приводится всегда только послѣ цитаты изъ Аристотеля [576]). Къ нему онъ возвращается постоянно, нетоль-

---

валъ Аристотелю вмѣстѣ съ многими изъ своихъ современниковъ, сочиненіе „De causis“.

573) Относительно сомнительнаго значенія третьяго аргумента, приведеннаго Витте тамъ-же, см. дальше въ приложеніи къ этой главѣ подъ № 5.

574) Витте въ Prolegg. p. XLIV: Haec omnia juvenem magis quam virum tantae doctrinae, quantam in Dante admiramur, indicare videntur. — Я позволю себѣ замѣтить въ интересахъ обсуждаемаго вопроса, что выраженіе „haec omnia“ избрано несовсѣмъ удачно въ виду трехъ неточныхъ цитатъ, изъ которыхъ двѣ не должны бы даже, по правдѣ, упоминаться (смот. предшествующее примѣчаніе), а было бы болѣе пригодно для цѣлой дюжины дѣйствительно очевидныхъ промаховъ.

575) Витте въ своемъ изданіи Монархіи взялъ на себя заслуживающій особой благодарности трудъ дать всюду необходимыя указанія, къ которымъ я и отсылаю читателя тамъ, гдѣ мои собственныя дальнѣйшія разъясненія окажутся недостаточными.

576) Гл. 10, стр. 16.

ко (что было бы естественно) въ первой книгѣ, но, хотя и нѣсколько рѣже, и во второй и въ третьей. Изъ римскихъ авторовъ Виргилій стоитъ на первомъ планѣ, но отнюдь не въ такой степени, какъ Стагиритъ. Во второй книгѣ, гдѣ Дантъ проводитъ передъ нами, по своему, всю исторію Рима, главнымъ свидѣтелемъ является Виргилій вооруженный Энеидою; но и здѣсь рядомъ съ нимъ являются Лукіанъ, Ювеналъ, Ливій, Цицеронъ [577]). Не станемъ удивляться тому, что его любимецъ Боэцій, чье знаменитое сочиненіе «**De consolatione philosophiae**» доставляло ему и прежде много утѣшенія, упоминается здѣсь. Изъ церковныхъ писателей древнѣйшей поры приводится Августинъ [578]) и Орозій, изъ схоластическихъ богослововъ Ѳома Аквинскій [579]) и Петръ **Lombardus (Magister Sententiarum)**. Далѣе поминаются книги каноническаго и римскаго права. Являются въ качествѣ очевидцевъ изъ позднѣйшихъ Грековъ Галенъ, изъ средневѣковыхъ философствующихъ богослововъ Гильбертъ Пуарре, и много другихъ.

Библейскія свидѣтельства почти сплошь употребляются безъ точнаго указанія источника; зачастую только намекъ или ссылка заставляютъ догадаться о происхожденіи даннаго мѣста; многія цитаты, какъ напр. упомянутая уже цитата изъ Гомера, взяты не изъ первыхъ рукъ; столь же вѣроятно, что Дантъ, совершенно въ духѣ средневѣковыхъ писателей, бралъ свой аргументъ изъ другого сочиненія, не называя прямо своего источника. Такъ мы подозрѣваемъ, напримѣръ, что многія древнѣйшія полемическія сочиненія, относящіяся до его предмета, дали ему ту или другую мысль, и что въ письмахъ Петра де **Vinea** онъ нашелъ много мотивовъ для Монархіи [580]); никому однако не придетъ въ голову, основываясь на этомъ, умалить значеніе такого сочиненія, какъ настоящее, имѣющее дѣло съ мнѣніями и за и противъ теоріи автора. Такъ напримѣръ, теорія о двухъ блаженствахъ, составляющая исходную точку этого сочиненія, отнюдь не является, какъ это и понятно само собою, собственностью Данта; она встрѣчается у многихъ писателей того времени, не исключая Ѳомы Аквинскаго, и принадлежитъ вообще

---

[577]) Изъ Цицерона приводятся вообще трактаты: De officiis, de finibus, de inventione, de rhetorica.

[578]) De civitate Dei, и de doctrina christiana.

[579]) „De regimine principum“ и „Summa contra gentiles“.

[580]) Ср. собраніе писемъ, приписанное Петру de Vinea, и интересное сочиненіе Huillard-Brenolles: Vie et Correspondance de Pierre de la Vigne etc. Paris 1865.

средневѣковому христіанству. Точно то-же можно сказать и о томъ положеніи, которое ставитъ задачею государства заботу о мирѣ и справедливости и т. д.; все это говорилось уже давно и часто, но выводы, извлекаемые изъ этого Дантомъ, уклоняются вполнѣ отъ выводовъ его предшественниковъ и свидѣтельствуютъ о полной самостоятельности его системы.

Переходя теперь къ самой сущности вопроса [581]), мы прежде всего должны напомнить, что именно христіанство внесло въ міръ не только великую идею единства всего человѣчества, но и общности его назначенія, и придало ей живой образъ. Универсализмъ и космополитизмъ были несомнѣнными плодами христіанства. Древній міръ, пока онъ оставался вѣрнымъ себѣ, не зналъ подобныхъ воззрѣній. Изъ этой идеи возникъ міровой строй среднихъ вѣковъ, религіозно-политическое единство христіанства съ его двумя главами, папскою и императорскою властью. Теорія эта пустила корни еще въ пятомъ столѣтіи и подверглась многообѣщавшему обновленію и примѣненію въ эпоху Карла Великаго. Представители этой двойной власти обратили впослѣдствіи другъ противъ друга мечи, но это нисколько не вредило въ теченіе извѣстнаго времени этимъ воззрѣніямъ; въ данномъ спорѣ дѣло шло не объ отрицаніи одной изъ этихъ двухъ властей, а только объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Правда, что только одно папство достигло всеобщаго признанія, предназначаемаго ему теоріею единства; императорская же власть никогда не могла прямо осуществить ее и должна была удовлетвориться одними почестями,—да и въ тѣхъ ему зачастую отказывали [582]),—но сознаніе единства отъ этого нисколько не страдало. То, что связывало всѣ народы, было живое сознаніе, твердое убѣжденіе въ общности ихъ высшихъ цѣлей и въ необходимости преслѣдовать ихъ совокупными усиліями. Отсюда проистекали великія проявленія этихъ убѣжденій, общіе подвиги въ родѣ крестовыхъ походовъ; отсюда поразительная однородность мыслей и чувствъ, проникающая въ теченіе многихъ вѣковъ литературу христіанскихъ народовъ запада; отсюда полное уничтоженіе національнаго духа передъ централизирующей силою общности, царившей надъ всѣми.

---

[581]) Ср. превосходную „программу“ К. Гегеля: Dante über Staat und Kirche. Rostock 1844.

[582]) Такъ возставали, напримѣръ, въ особенности Испанія, Кастилія противъ верховной власти императора. См. Mariana, Hist. Hisp. IX, 5, и Mabillon, De re diplom. II, 4.

Это положеніе христіанскаго міра и въ особенности Европы оставалось въ главныхъ чертахъ неизмѣннымъ вплоть до начала 13 столѣтія. Съ этой поры начался однако, переворотъ, ослабившій и медленно развязавшій наконецъ эту связующую нить. Если мы спросимъ о причинѣ этого переворота, то исторія дастъ намъ простой отвѣтъ: послѣдняя причина заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ возникновеніи и развитіи политическихъ національностей. Оно подкопалось подъ основы древняго мірового строя и дало отдѣльнымъ народамъ цѣли, которыя не были уже потребностью для остальныхъ. Въ теченіе тринадцатаго столѣтія совершилось это важное преобразованіе новой Европы. Возникли новѣйшіе языки и литературы; латинскій языкъ, органъ прежней общности, потерялъ свое единодержавіе. Но окончательно рѣшило вопросъ возникновеніе повсюду новаго, третьяго сословія. Граждане получили, въ виду прежняго значенія аристократовъ, свои права и власть, и это обстоятельство рѣшило переворотъ Европы. Третье сословіе, привязанное къ почвѣ, было сдержаннѣе по своей природѣ; міровыя идеи и направленія не имѣли смысла для него; оно носилось съ совсѣмъ иными, болѣе тѣсными интересами, чѣмъ аристократія и рыцарство, которыя были космополитами по своему внутреннему существу, хотя поземельная собственность была всюду въ ихъ рукахъ. Призваніе ихъ было міровое, и поэтому они всюду были какъ дома, такъ какъ могли всюду осуществить его. Исторія крестовыхъ походовъ на востокъ и въ сѣверовосточныя страны Европы, къ Балтійскому морю, подтверждаетъ этотъ взглядъ. Граждане были, правда, также подвижны, но они уѣзжали на чужбину только съ тѣмъ, чтобы сохранить и укрѣпить свое положеніе на родинѣ. Отсюда-то становится понятенъ тотъ жалобный тонъ, который проникаетъ въ напѣвы угасшаго рыцарства, то сопротивленіе наступающей трезвости взглядовъ, торжество которой невозможно было не признать. Какъ будто для того чтобы совершившійся переворотъ сдѣлался вполнѣ наглядным, возникло въ теченіе тринадцатаго столѣтія явленіе, невѣдомое до той поры, именно національная вражда, за которою быстро послѣдовали національныя битвы. Это превращеніе народовъ не было вызвано ссорами императора съ папами и паденіемъ имперіи; оно только поддерживалось и ускорялось ими. Паденіе имперіи произошло отчасти изъ тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и это превращеніе, и было несомнѣннымъ доказательствомъ того, что оно дѣйствительно совершилось. Имперія служила символомъ политическаго единства даже тамъ, гдѣ ее никогда не признавали чѣмъ-нибудь

высшимъ. Правда, что представительница религіознаго единства, папская властъ, вышла побѣдоносною изъ этой борьбы. Но тѣмъ не менѣе и папство измѣнилось; не даромъ прикоснулось оно къ нечистой земной суетѣ; оно очутилось въ совершенно ложной, свѣтской роли.

Развившіяся уже національныя силы группировались теперь вокругъ него и старались наперерывъ подчинить его себѣ. Но и этого еще было мало: непоколебимая вѣра въ правильность всѣхъ притязаній церкви была, хотя еще незамѣтно, затронута, расшатана, и это обстоятельство, лишь только оно присоединилось бы къ пробудившемуся духу національности, должно было сдѣлаться столь же опаснымъ для единодержавія церкви, какъ союзъ его съ церковью былъ уже опасенъ для имперіи. Такимъ образомъ политически-религіозное единство христіанства должно было считаться въ началѣ четырнадцатаго вѣка подорваннымъ даже въ теоріи. Міръ сдѣлался инымъ, «царство божіе на землѣ», какъ охотно называли тогда этотъ міровой строй, было разрушено; національный эгоизмъ, со всѣми своими добродѣтелями и слабостями, воздвигалъ свой престолъ на его обломкахъ.

Было бы странно, еслибъ этотъ переворотъ еще прежде, чѣмъ онъ совершился окончательно, остался неоплаканнымъ. Міровой строй этотъ имѣлъ такое ослѣпительное очарованіе и оставилъ такіе блестящіе слѣды въ ходѣ исторіи, что легко могъ найти поклонниковъ въ поэтически-настроенныхъ душахъ; то, что было великаго въ его существованіи, выступало все яснѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ отступалъ въ даль, и мыслители все менѣе и менѣе могли предугадать, что станется въ будущемъ; утонченная цивилизація неустанно превращала формы жизни и нравовъ,—и какъ же естественно было для человѣка, взвѣшивающаго смыслъ настоящаго, признать обычаи ниспровергнутаго мірового строя лучшими, потому, быть можетъ, что они были проще или даже грубѣе, и считать это различіе и эту перемѣну результатами именно совершившагося переворота! Какъ естественно было для всякаго, кто такъ думалъ, судилъ и разсчитывалъ,—если только онъ былъ достаточно вѣрующимъ, былъ одаренъ фантазіей и послѣдователенъ,—видѣть въ возвращеніи въ старую колею спасеніе отъ всѣхъ золъ дѣйствительности, въ возстановленіи ниспровергнутыхъ или перестановленныхъ старыхъ порядковъ — радикальное исцѣленіе человѣчества, въ ихъ господствѣ — нормальное положеніе его?

Мы не станемъ вникать здѣсь, насколько распространено было

это настроеніе; достовѣрно, однако, что оно существовало. Были люди, не говоря уже о послѣднихъ остаткахъ Гибеллиновъ, которые считали перерожденіе Европы несчастнымъ, нехристіанскимъ, которые видѣли въ возникающемъ новомъ мірѣ одинъ только хаосъ, изъ котораго не могло развиться ничего хорошаго, которые не вѣрили, чтобы индивидуализація народовъ соотвѣтствовала цѣлямъ Провидѣнія. Въ числѣ этихъ умовъ, стремящихся возвратиться къ прошлому, Дантъ занимаетъ первое мѣсто, и онъ такъ опредѣленно и осмысленно высказалъ это настроеніе, превратилъ его въ систему и обезсмертилъ въ поэтической формѣ, что оно всегда возбуждало большой интересъ, хотя было ничѣмъ инымъ, какъ сильнымъ трагическимъ отрицаніемъ неизмѣннаго прогресса всемірной исторіи. Явленіе это всегда повторялось при каждомъ разрывѣ съ полнымъ по внутреннему содержанію, но отжившимъ міросозерцаніемъ, и при побѣдоносномъ возникновеніи новыхъ воззрѣній. При самомъ выходѣ съ оставленнаго пути неизмѣнно стоятъ люди сильные и стараются мечомъ своего убѣжденія снова оттѣснить на этотъ путь стремящееся впередъ поколѣніе. Тѣ, кто пытается сдѣлать это, обыкновенно не изъ худшихъ людей, но трудъ ихъ напрасенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неблагодаренъ.

Дантъ никакъ не могъ примѣниться къ этому превращенію Европы; онъ возставалъ противъ него, снова возсоздавалъ въ своемъ воображеніи ниспровергнутый міровой строй, котораго, однако, самъ никогда не видалъ осуществленнымъ. Онъ совсѣмъ терялъ изъ виду, что осуществленіе это, даже въ лучшіе дни свои, было весьма несовершенно и въ дѣйствительности никогда не было на половину тѣмъ, чѣмъ должно было быть въ теоріи. Онъ зналъ только одну теорію и старался ухватиться за нее, погружался весь въ нее; онъ считалъ ее частью откровенія божья, вѣрилъ, что имперія была настолько же создана для спасенія человѣчества, какъ и церковный догматъ и все еще существовавшее папство. Папство еще стояло на мѣстѣ, и Дантъ не скрывалъ отъ себя, что оно выродилось. Онъ сознавалъ, что оно, преимущественно, довело имперію до паденія— и это, въ его глазахъ, было величайшимъ пятномъ, налегшимъ на него; но съ возстановленіемъ имперіи, такъ думалъ онъ, оно должно будетъ вернуться къ своему прежнему священному положенію, и такимъ образомъ человѣчество снова обратится, сообразно съ волею Бога, къ своему двоякому назначенію. Онъ жилъ въ твердой увѣренности, что имперія только парализована, а не ниспровергнута, не искоренена навѣки. Лучшею надеждою его было думать, что Провидѣніе непремѣнно даруетъ политическаго избавителя для павшаго

человѣчества. Поэтому-то все его мужество снова ожило при появленіи Генриха VII; поэтому-то онъ и послѣ неудачи римскаго похода и смерти Генриха, страстно держался за утѣшительную мысль, что Генрихъ явился не слишкомъ поздно, а слишкомъ рано.

Дантъ былъ космополитомъ въ высшемъ смыслѣ слова. Онъ высказалъ это до крайности опредѣленно и торжественно. «Мнѣ, говоритъ онъ, вселенная служитъ родиною, какъ рыбамъ море»[583]). Для него человѣчество представляло одно цѣлое[584]), и не только идеальное, а дѣйствительное; это политически-религіозная единица, существующая по волѣ божьей, и папа и императоръ—ея правители. Единица эта составляетъ «нераздѣлимое одѣяніе Христа[585]). Имперія для него настолько же божественное учрежденіе, какъ и церковь, и для этой монархіи онъ создаетъ такой же культъ, какъ и для Беатриче. Онъ видитъ божественное назначеніе ея въ исторіи и откровеніи. Отпаденіе отъ нея такая же ересь, какъ и отпаденіе отъ церкви, и онъ проклинаетъ поэтому столь же безпощадно политическихъ еретиковъ, какъ и церковныхъ, такъ какъ и тѣ и другіе разстроиваютъ это единеніе; но онъ считаетъ послѣдовательнымъ, чтобы тотъ, кто возсталъ противъ одной изъ этихъ двухъ властей, сопротивлялся и другой[586]).

Одинъ только человѣкъ, говоритъ онъ[587]), стоитъ посрединѣ между преходящимъ и непреходящимъ и вмѣщаетъ въ себѣ оба эти свойства; слѣдовательно, для человѣка существуютъ двѣ цѣли, преходящая и непреходящая.

Одну изъ нихъ составляетъ блаженство этой жизни, состоящее въ изощреніи его собственныхъ силъ, и блаженство вѣчной жизни, до котораго собственная его природа не можетъ подняться безъ помощи божественнаго просвѣщенія. Этихъ двухъ блаженствъ, какъ двухъ различныхъ конечныхъ пунктовъ, человѣкъ долженъ достигнуть различными средствами. Пока человѣкъ пребывалъ въ состояніи невинности, онъ могъ сдѣлать это «самъ по себѣ[588]); но послѣ перваго же грѣха, начала всего нашего заблужденія[589]), онъ такъ ослабъ

---

583) De vulg. eloqu., Lib I, c. 6

584) De Monarchia, Lib. I.

585) Ibid. I, въ концѣ.

586) Поэтому нашъ авторъ и спрашиваетъ въ приведенномъ уже письмѣ, почему они въ тоже время не отвергаютъ и папы, коль скоро они уже сопротивляются императорской власти.

587) De Monarchia, III (конецъ).

588) Ibid., III.

589) De Monarchia, I и конецъ III, гл. 16, стр. 137: Nam si a lapsu primorum parentum, quod diverticulum fuit totius nostrae deviationis etc.

и развратился, что утратилъ эту способность и не могъ болѣе достигнуть тѣхъ конечныхъ цѣлей собственными усиліями. Поэтому-то потребовалось двойное руководство, осуществившееся, благодаря спасенію человѣчества. Потребовался папа, который, согласно откровенію, направилъ бы родъ людской къ вѣчной жизни, и императоръ, который, повинуясь указанію философіи, направилъ бы ее къ временному счастію [590]). Обѣ власти имѣютъ такимъ образомъ божественное происхожденіе, и власть Петра и Цезаря раздвояется отъ Бога, какъ отъ исходной точки[591]).

Понятно, что Дантъ, смотря на міръ съ этой точки зрѣнія, долженъ былъ находить его впавшимъ въ полнѣйшее заблужденіе, зараженнымъ опасной болѣзнью. Нераздѣлимое одѣяніе было порвано. Весь земной шаръ, казалось ему, уклонился съ своего пути, потому что императорскій престолъ стоялъ празднымъ [592]). Вслѣдствіе стремленія національностей къ обособленію онъ всюду видѣлъ одно только нравственное паденіе. «О, человѣчество! восклицаетъ онъ», какія бури и потери претерпѣваешь ты съ той поры, какъ ты стало многоголовымъ чудищемъ и стремишься распасться [593])!» Нужно признать, что онъ зналъ, чего хотѣлъ. Онъ находилъ, что свѣтъ сталъ золъ, но причиною этого была въ его глазахъ не испорченная природа человѣка, а дурное руководство [594]). Потому только, что на землѣ нѣтъ никого, кто бы мудро правилъ людьми, человѣческое общество и идетъ ложнымъ путемъ [595]). Всему міру было хорошо, пока въ Римѣ было два свѣточа, освѣщав-

---

590) Ibid., III, (конецъ).

591) См. письмо Данта къ властителямъ Италіи (Torri, l. c. p. 30, 5):— „a quo (т. е. отъ Бога) velut a puncto bifurcatur Petri Caesarisque potestas“ —

592) Посланіе Данта къ флорентинцамъ (Torri. p. 36, 1)—„quod solio augustale vacante totus exorbitat“.—Ср. съ этимъ Рай, XXVI, 139:

„Tu, perchè non ti facci maraviglia.
Pensa che in terra non è che governi;
Onde se svia l'umana famiglia“

593) De Monarchia, I, въ концѣ (Op. Min., p. 54): O genus humanum, quantis procellis atque jacturis, quantisque naufragiis agitari te necesse est, dum bellua multorum capitum factum, in diversa conaris, intellectu aegrotans utroque, similiter et affectu.

594) Purgatorio, XVI, 103:

Ben puoi veder che la mala condotta
È la cagion che il mondo ha fatto reo,
E non notura che in voi sia corrotta“.

595) Par adiso, XXVII, 139. (Ср. прим. 592).

шіе пути Божіи и мірскіе. Съ той же поры, какъ одинъ свѣточъ угасилъ другой, и мечъ и пастырскій посохъ соединены въ одной рукѣ и не боятся болѣе другъ друга, обоихъ постигли бѣды [596]). Словомъ, имперія должна быть снова возстановлена, и вокругъ нея вращается зиждительная политическая теорія Данта. Относительно папства она держится чисто отрицательной точки зрѣнія и ограничиваетъ его однимъ духовнымъ призваніемъ, отъ котораго оно отступило вопреки своему назначенію и велѣнію Бога. Возстановленіе имперіи въ духѣ Данта возъимѣло бы слѣдствіемъ реформу папства, которая не можетъ быть сдѣлана имъ самимъ. По мѣрѣ того, какъ Дантъ ставитъ и развиваетъ это требованіе свое, у него возникаетъ представленіе въ сущности совсѣмъ новое,—универсальная монархія, всемірная имперія, настолько могущественная и идеализованная, что въ этомъ мірскомъ учрежденіи не остается болѣе ничего свѣтскаго; для него Дантъ примѣняетъ всѣ богатыя средства, когда либо употреблявшіяся папствомъ для доказательства своего божественнаго происхожденія и для подкрѣпленіи своихъ притязаній.

Есть три положенія, на которыхъ Дантъ въ особенности основываетъ свою систему. Монархія неизбѣжно необходима для спасенія міра; римскій народъ—ея носитель, императоръ (римскій) получилъ свой санъ непосредственно отъ Бога и является вполнѣ равноправнымъ папѣ.

Для того, чтобы имѣть основу для доказательства необходимости міровой имперіи, Дантъ выставляетъ великій принципъ единства цѣли для всего человѣчества, той цѣли, которую составляетъ блаженство земной жизни, государственный порядокъ, управляемый единою имперіею; внѣ государственной жизни человѣкъ не можетъ достигнуть и своего высшаго назначенія. Худшею долею для него на землѣ было бы не быть гражданиномъ [597]). Но это государство можетъ

[596]) Purgatorio, XVI, 106:

Soleva Roma, che il buon mondo feo,
Due Soli aver, che l'una e l'altra strada
Facean vedere, e del mondo e del Deo.
L un l'altro ha spento; ed è giunta la spada
Col pastorale, e l'un con l'altro insieme
Per viva forza mal convien che vada;
Perocchè, giunti, l un l'altro non teme".

[597]) Paradiso, VIII, 115:

„Ond' egli ancora: Or di, sarebbe il peggio
Per l'uom in terra, se non fosse cive,
Si, rispos'io, e qui ragion non cheggio".

только быть всеобщимъ, такъ какъ лишь въ немъ государственный принципъ проявляетъ свое высшее дѣйствіе. Во главѣ такого универсальнаго государства стоитъ единый императоръ, какъ высшій руководитель; только оно одно соотвѣтствуетъ общимъ цѣлямъ человѣчества. Всякая высшая общая цѣль всюду имѣетъ высшее руководство; такъ бываетъ у людей въ домашнемъ быту, въ общинѣ, въ отдѣльномъ государствѣ; такъ же бываетъ и у человѣчества, и верховнымъ руководствомъ является тутъ власть императора. Это единственная правящая сила, она стоитъ выше всѣхъ другихъ властей даннаго времени и находится столько же и въ предѣлахъ того, что измѣряется временемъ, сколько и превыше его [598]). Все человѣчество подвластно императору, вся земля принадлежитъ ему [599]). Это единство политическаго всемірнаго правленія Дантъ видитъ предопредѣленнымъ самою сущностью божества и природы. Человѣчество въ цѣломъ является опять-таки лишь частью всего созданнаго, и часть должна соображаться съ цѣлымъ. Руководитель всего міра—единодержавный Богъ, поэтому и человѣчество должно имѣть одного монарха. Все созданное должно имѣть Божіе подобіе; Богъ единъ, слѣдовательно и человѣчество должно быть едино и оно можетъ объединиться только въ монархіи. Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ являются лучшими тѣ, гдѣ болѣе единства; единство корень добра; многоразличность корень зла. Все доброе хорошо потому, что основано на единствѣ. Согласіе заключается въ единствѣ, какъ въ собственномъ корнѣ; но оно зависитъ отъ единства воли; родъ человѣческій, преслѣдуя высшую общую цѣль, является какъ бы единодушнымъ организмомъ, слѣдовательно высшее благо его зависитъ отъ общности воли. Она же возможна лишь въ томъ случаѣ, если о д н а воля является повелительницею и соединительницею всѣхъ другихъ волей; поэтому должна существовать высшая, повелѣвающая и соединяющая воля, и она можетъ быть только волею Монарха, всемірнаго императора [600]).

---

[598]) De Monarchia, cap. II, p. 4: Primum igitur videndum est, quid temporalis Monarchia dicatur; typo ut dicam, et secundum intentionem. Est ergo temporalis Monarchia, quam dicunt imperium, unus Principatus, et super omnes in tempore, vel in iis et super iis quae temporaliter mensurantur.

[599]) См. письмо Данта къ властителямъ Италіи (Torri, p. 30): Hortum enim ejus et lacus est quod caelum circuit. Ср. письмо короля Генриха VII (ibid. p. 54, 3):—„quoniam Romanorum potestas nec metis Italiae nec tricornis Europae margine coarctatur".

[600]) De Monarchia, I. — Ср. Convito IV, 4: Perchè manifestamente veder si puo che a perfezione dell' universale religione della umana specie, conviene

Наряду съ этими общими доказательствами необходимости всемірной монархіи Дантъ выставляетъ и другія, болѣе частныя. Основою императорской власти онъ считаетъ обще-человѣческое право [601]). Его монархія, говоря современнымъ языкомъ, единственное правовое государство человѣчества; императоръ обязанъ поддерживать на землѣ миръ, справедливость и свободу, эти основы человѣческаго благополучія.

Общій миръ необходимъ для человѣчества, если ему суждено достигнуть своего назначенія на землѣ, именно блаженства въ этой жизни, которое состоитъ въ томъ, чтобы вся сила человѣческаго духа стремилась къ одной цѣли, т. е. къ Богу. Это же можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если всѣ части этого цѣлаго находятся въ гармоніи, т. е. живутъ въ непрерывномъ мирѣ. Въ спокойствіи и тиши мира человѣчество можетъ всего цѣлесообразнѣе исполнить «своеобразное дѣло свое, которое почти божественно».

Отсюда понятенъ и привѣтъ ангеловъ пастухамъ: да будетъ миръ на землѣ! Отсюда же и привѣтъ Спасителя: Миръ вамъ! Но такъ какъ человѣчество состоитъ изъ различныхъ частей, то можетъ случиться, что между двумя одинаково могущественными властителями возникнетъ ссора, требующая мирнаго разрѣшенія. Необходимо поэтому, чтобы была высшая инстанція, которая по объему своего права стояла бы выше ссорящихся и рѣшала бы, косвенно или непосредственно, всѣ несогласія. Этою высшею инстанціею является именно императоръ, и его власть составляетъ насущную потребность для міра [602]).

Второю главною потребностью человѣчества является справедливость, и только одинъ императоръ можетъ удовлетворить ее соотвѣтствующимъ образомъ. Справедливость есть добродѣтель наиболѣе свойственная человѣку [603]) и встрѣчаетъ сопротивленіе либо въ волѣ, либо въ господствующей въ людяхъ алчности, либо въ властолюбіи. У императора эта жажда захвата всего слабѣе, власти же всего больше.

---

essere uno quasi nocchiero, che considerando le diverse condizioni del mondo e li diversi e necessarii officii ordinando, abbia del tutto universale e irrepugnabile ufficio di comandare. E questo ufficio è per eccellenzia Imperio chiamato.

[601]) De Monarchia (I, c. 5): Imperii vero fundamentum, jus humanum est.

[602]) De Monarchia, I, c. 4, p. 2. — Ср. письмо Данта королю Генриху VII (Torri, l. c. p. 52, 1): Immensa Dei dilectione testante, relicta nobis est pacis hereditas, ut in sua mirâ dulcedine militiae nostrae dura mitescerent et in usu ejus, patriae triumphantis gaudia mereremur etc.

[603]) Convito, I, 12.

Всего сильнѣе противится справедливости алчность, легко увлекающая умы съ настоящаго пути и отодвигающая человѣческое общество и его интересы на задній планъ. Тамъ же, гдѣ невозможно желаніе, не можетъ быть и алчности; императору нечего желать, такъ какъ благодаря его сану ему принадлежитъ все и вся, поэтому онъ всего менѣе подверженъ этой жаждѣ власти. По устраненіи ея ничто не стоитъ болѣе на пути справедливости, — поэтому чуждый всякихъ желаній императоръ будетъ водворять ее всего совершеннѣе. Къ тому же онъ могущественнѣе всѣхъ, такъ какъ въ качествѣ высшаго монарха онъ не можетъ имѣть враговъ. Затѣмъ справедливость изощряется и освѣщается любовью, т. е. правильною оцѣнкою людей. Въ то время, какъ алчность отодвигаетъ на задній планъ общественное благо, любовь, презирая все остальное, добивается одобренія Божьяго и блага человѣка. Такъ какъ императоръ всего менѣе подверженъ вожделѣніямъ, въ немъ изо всѣхъ людей всего больше любви. Чѣмъ ближе намъ что-нибудь, тѣмъ болѣе любимъ мы этотъ предметъ: императору люди ближе, чѣмъ остальнымъ властителямъ, такъ какъ къ нимъ приближаются лишь отдѣльныя группы людей, къ нему же всѣ люди въ совокупности. Къ тому же отдѣльныя части человѣчества приближаются къ отдѣльнымъ государямъ лишь при посредствѣ императора, а къ нему все человѣчество стоитъ непосредственно близко; поэтому въ немъ будетъ всего болѣе любви къ людямъ, и такимъ образомъ онъ всего легче можетъ сдѣлать справедливость утонченною и просвѣтленною. Итакъ, императоръ болѣе всѣхъ способенъ удовлетворить второй главной потребности человѣка, чувству справедливости [604]).

Третью основу человѣческаго благополучія составляетъ свобода. Свободно то, что существуетъ для себя, а не для другого. Въ государственной формѣ имперіи человѣчество дѣйствительно существуетъ для себя. Такъ какъ монархъ любитъ всѣхъ людей, онъ хочетъ, чтобы всѣ они сдѣлались добрыми. Аристотель говоритъ поэтому весьма справедливо, что въ дурномъ государствѣ хорошій человѣкъ бываетъ дурнымъ гражданиномъ, въ хорошемъ же государствѣ хорошій человѣкъ будетъ и хорошимъ гражданиномъ. И въ такихъ государствахъ человѣкъ свободенъ, т. е. существуетъ ради себя, потому что граждане существуютъ не ради консуловъ и народъ не ради короля, а наоборотъ, консулы для гражданъ и ко-

604) De Monarchia, I, cap. II.—Ср. Рай, XVIII, 70—117, гдѣ справедливость въ высшей степени искусно прославляется, какъ чисто политическая и царственная добродѣтель.

роль для народа. И подобно тому, какъ государство создано не для законовъ, а напротивъ законы для государства, такъ и тѣ, которые живутъ по закону, не соображаются съ законодателемъ, а напротивъ онъ съ ними. Поэтому всякій властитель, и въ особенности императоръ, властвуетъ только по отношенію къ средствамъ, относительно же цѣли онъ слуга человѣчества и въ силу этого является лучшимъ руководителемъ его на пути къ свободѣ [605]).

Хотя этотъ міровой императоръ и является неограниченнымъ властителемъ всемірной имперіи, она не должна сдѣлаться поэтому пустынно однообразной; сохраненіе національныхъ различій этимъ не отмѣняется. Данту хорошо извѣстно, что отдѣльныя народности, царства и общины имѣютъ своеобразныя особенности, которыя не могутъ подчиняться однимъ и тѣмъ же законамъ. Поэтому онъ не хочетъ, чтобы думали, будто въ его имперіи малѣйшія судебныя дѣла каждаго городка должны рѣшаться непосредственно императоромъ. «Иначе», говоритъ онъ, «должны быть управляемы Скиѳы, подверженные большому неравенству дней и ночей и мучимые нестерпимымъ морозомъ. Иначе и Гараманты, чья жизнь проходитъ въ странѣ, гдѣ день равняется ночи, гдѣ дневной свѣтъ походитъ на ночной мракъ и гдѣ жители ходятъ обнаженные вслѣдствіе несоразмѣрно раскаленнаго воздуха». Императоръ обязанъ управлять человѣческимъ родомъ во всѣхъ дѣлахъ общихъ всѣмъ людямъ, и мирно руководить имъ посредствомъ общихъ законовъ. Эти-то законы отдѣльные правители должны получать отъ него и примѣнять къ дѣлу. И это нетолько можетъ, но необходимо должно исходить отъ одного лица, такъ какъ иначе возникнетъ безпорядокъ [606]). И такъ, императоръ долженъ издавать законы и заботиться объ ихъ исполненіи. Законъ, изображающій собою писанный разумъ, исходитъ изъ права и былъ придуманъ потому, что люди либо не знаютъ, либо не соблюдаютъ права. Итакъ, императоръ является какъ-бы направителемъ человѣческой воли: подобно тому, какъ конь безъ всадника бѣжитъ прямо по полю, такъ и человѣческая воля неразумна безъ права и закона и безъ императора [607]).

Наконецъ императорскій авторитетъ, если онъ соединится съ философскимъ, всего вѣрнѣе направитъ человѣчество къ его временной цѣли, блаженству на землѣ. Оба эти авторитета не противорѣчатъ

---

[605]) De Monarchia, I. cap. 12.
[606]) De Monarchia, I. cap. 15.
[607]) Convito, IX. 9.

другъ другу: напротивъ того, императорскій авторитетъ, безъ философскаго, подверженъ опасностямъ, авторитетъ же философіи безъ помощи императорской власти слишкомъ безсиленъ, не по сущности своей, а вслѣдствіе вѣчныхъ смутъ между людьми; но соединенные вмѣстѣ оба авторитета въ высшей степени цѣлебны и полны силы [608]); поэтому-то въ Книгѣ Мудрости начертано: «Любите свѣтъ мудрости, всѣ вы, стоящіе во главѣ народовъ», т. е. да соединится философскій авторитетъ съ императорскимъ, для того чтобы править мудро и совершенно [609]). «О вы, несчастные!» восклицаетъ Дантъ въ «Пирѣ», правящіе теперь, и о вы, несчастнѣйшіе управляемые! никакой философскій авторитетъ не соединяется съ вашимъ управленіемъ, оттого что вы сами пренебрегаете знаніемъ и не слушаете совѣтовъ, такъ что ко всѣмъ вамъ можетъ быть обращено слово пророка: Горе тебѣ, страна, гдѣ царь—ребенокъ и гдѣ властители рано садятся за трапезу!» И никъ одной странѣ нельзя примѣнить того, что за этимъ слѣдуетъ: «Блаженна страна, гдѣ царь благороденъ, и гдѣ властители употребляютъ свое время на пользу, а не на наслажденіе! «Блюдите себя со всѣхъ сторонъ, вы, враги божьи, вы, взявшіе въ свои руки бразды правленія въ Италіи. Я говорю и съ вами, короли Карлъ и Фридрихъ [610]), и съ вами, остальные властители и тираны; смотрите, кто сидитъ съ вами въ совѣтѣ и сосчитайте, часто ли эта цѣль человѣческой жизни высказывается въ вашихъ ежедневныхъ совѣтахъ. Лучше было бы для васъ летать низко, какъ ласточка, чѣмъ описывать, подобно орлу, высшіе круги надъ самыми низкими предметами [611])». Поэтому то правительственная мудрость кажется нашему политику рѣдчайшею и лучшею изо всѣхъ добродѣтелей, а Соломонъ—ни съ кѣмъ не сравнимымъ царемъ, такъ какъ для того чтобы быть

---

608) Convito, IV, c. 6: Per che tutto ricogliendo, è manifesto il principale intento, civè che l'autorita del Filosofo summo, di cui s'intende, sia piena di tutto vigore, e non repugna alla autorità imperiale: ma quella sanza questa e periculosa; e questo sanza quella è quasi debile, non per sè ma per la disordinanza della gente: sicchè una per coll' altra congiunta, utilissime è pienissime sono d'ogni vigore.

609) Ibid: Cioè a dire: Congiungasi la filosofica autorita colla imperiale a bene e perfettamente reggere.

610) Короли Карлъ II Неаполитанскій и Фридрихъ Сицилійскій.

611) Convito, IV, гл. 6. — Срав. Рай, I, 28, гдѣ говорится по поводу лавра:

„Si rade volte, padre, se ne coglie,
Per trionfare o Cesare o poeta
Colpa e vergogna del umana voglie" etc.

совершеннѣйшимъ правителемъ, онъ испросилъ себѣ практическую царскую мудрость, а не умѣнье рѣшать тотъ или другой схоластическій вопросъ [612]). Тѣмъ философомъ, но чьему руководству императоръ долженъ править, и у котораго самъ Дантъ заимствуетъ большую часть своего политическаго ученія, является Аристотель, «наставникъ всѣхъ, кто вѣдаетъ [613]).» Его слова—высшій и важнѣйшій свѣтскій авторитетъ; онъ всего болѣе достоинъ вѣры и послушанія [614]). Благодаря почти божественному духу, вселенному въ него природою, онъ является наставникомъ и руководителемъ человѣческаго разума въ предѣлахъ практической или нравственной философіи, управляющей активной жизнью. Онъ и его школа управляютъ теперь міромъ при помощи своего ученія, которое могло бы быть названо каѳолическимъ [615]).

Такимъ образомъ создалъ Дантъ свою міровую имперію и считалъ возможнымъ доказать ея необходимость. Что это міровое государство, разсматриваемое въ этомъ смыслѣ, покажется намъ во всякомъ случаѣ лишь геніальнымъ вымысломъ, понятно само собою. Тѣмъ не менѣе замѣчательно, что основная мысль христіанской имперіи, столь трагически павшей за полъ столѣтія передъ тѣмъ, могла еще разъ возродиться въ теоріи, осуществляясь въ широкомъ и идеальномъ образѣ. Безъ сомнѣнія нетрудно усмотрѣть и доказать тѣ ложныя предположенія, на которыхъ зиждется это твореніе поэта—непониманіе причинъ, ниспровергнувшихъ имперію, непреодолимой силы политическихъ національностей, наконецъ совершенно непрактическую, вполнѣ абстрактную натуру, придаваемую имъ своему императору и т. д. Но гораздо важнѣе этого его мягкое пониманіе принципіальныхъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ страшной неурядицы въ обще-

---

612) Рай, XIII. 88—108.

613) Адъ, IV, 131:

Vidi il Maestro di color che sanno
Seder tra filosofica famiglia
Tutti lo miran, tutti onor gli fanno.

614) Convito, IV, 6.

615) Convito, IV, 6: Ed a vedere come Aristotele è maestro e duca della ragione umana in quanto intende alla sua finale operazione..... Veramente Aristotele, che da Stagira ebbe sopranome, per lo'ngegno quasi divino, che la natura in Aristotele messo avea..... E perocchè la perfezione di questa moralita per Aristotele terminata fu, lo nome delli Academici si spense, e tutti quelli chi a questa setta si presero, Peripatetici sono chiamati, e tiene questa gente oggi il reggimento del mondo in dottrina per tutte parti: e puotesi appelare quasi cattolica opinione. — Подъ словомъ cattolica (dottrina) слѣдуетъ понимать только „всеобщее“ ученіе, такъ какъ оно господствовало почти всюду.

ственныхъ дѣлахъ того времени, пониманіе нестроеній въ правительственныхъ сферахъ, затменія государственной идеи и борьбы съ нею. Въ новомъ строѣ государственной жизни—вотъ въ чемъ нуждалось человѣчество въ Европѣ; своимъ орлинымъ взоромъ Дантъ провидѣлъ, куда указываетъ будущее, и эта мысль и составляетъ собственно плодотворное содержаніе всѣхъ его схоластическихъ и мистическихъ теорій. Миръ, свобода, справедливость, являются въ сущности и теперь еще высшими требованіями, которыя предъявляетъ государство. Заблужденіе Данта заключалось лишь въ томъ, что онъ считалъ достижимымъ для универсальной имперіи и для силы одного смертнаго то, что (какъ достаточно ясно показала предшествующая исторія) гораздо вѣрнѣе достигается въ силу сущности вещей и свойствъ самаго человѣка, самостоятельнымъ соревнованіемъ отдѣльныхъ народныхъ индивидуальностей, да и вообще можетъ быть лишь зрѣлымъ плодомъ долгихъ усилій и тяжкой борьбы всего человѣчества.

Имперія, которую имѣлъ въ виду Дантъ, была именно имперія римская [616]). Въ связи съ Римомъ, сперва на дѣлѣ, а позднѣе лишь номинально, универсальная монархія, чье возрожденіе онъ призывалъ и идеалъ которой создавалъ, была дѣйствительно осуществлена. Но именно эта-то римская имперія и отвергалась, преслѣдовалась, была ниспровергнута. Поэтому Данту мало было доказать необходимость имперіи, ему предстояло доказать вмѣстѣ съ тѣмъ, что она неразрывно связана съ Римомъ и должна быть возстановлена именно въ связи съ нимъ.

Второе основное положеніе дантовой міровой политической теоріи состояло въ томъ, что Римъ и римскій народъ были законными носителями имперіи. Все дальнѣйшее развитіе этого положенія ничто иное какъ грандіозное прославленіе римской исторіи [617]). Подобно израильскому народу, Дантъ считаетъ и римскій народъ предопредѣленнымъ отъ Бога для выполненія его намѣреній относительно человѣчества. Что Израильтяне значили для религіи, то Римляне для государства. Въ исторіи обоихъ народовъ онъ одинаково усматриваетъ перстъ Божій. Поэтому Дантъ и говоритъ, что Римъ былъ основанъ въ то самое время, когда Богъ создалъ колѣно іессеево,

[616]) Письмо Данта къ Флорентинцамъ (Torri, p. 36, 1): Aeternia pia providentia Regis, qui dum coelestia suâ bonitate perpetuat, infera nostra despiciendo non deserit, sacrosancto Romanorum imperio res humanas disposuit gubernandas, ut tanti serenitate praesidii genus mortale quiesceret et ubique, natura poscente civiliter degeretur.

[617]) Вся вторая книга Монархіи трактуетъ объ этомъ. Ср. Рай, VI.

отъ котораго произошла Дѣва Марія [618]). Подобно тому, какъ Евреи были предназначены создать, при содѣйствіи Бога, настоящую всеобщую вѣру, такъ Римлянамъ суждено было создать настоящее всеобщее государство. Они являются народомъ преимущественно способнымъ и призваннымъ властвовать, и Италія и Римъ предназначены для этого всеобщаго господства, безъ котораго человѣчество не можетъ достигнуть блаженства въ земной жизни. Это предопредѣленіе Дантъ находитъ ясно выраженнымъ въ Энеидѣ [619]), и поэтому мы видимъ Виргилія на первомъ планѣ, какъ историческій авторитетъ Данта, какъ пророка и апостола задуманной Богомъ римской имперіи. На этотъ фактъ мы желали бы обратить особое вниманіе читателя. Такое идеальное воззрѣніе на римскую исторію было, правда, сильно распространено въ средніе вѣка; вѣра въ это предопредѣленіе была почти всеобщая; но были и люди, которые допускали послѣднее и сильно противились первому, какъ, напримѣръ, Августинъ и вслѣдъ за нимъ Орозій, которые соглашались, правда, видѣть въ исторіи слѣды воли Божьей, но отнюдь не заслугу Римлянъ [620]). А между тѣмъ, какъ естественно было усмотрѣть въ развитіи Рима изъ его слабыхъ начинаній, въ борьбѣ его съ соперничавшими съ нимъ итальянскими государствами, въ побѣдѣ надъ Карѳагеномъ, въ распространеніи его господства почти надъ всею извѣстною въ то время частью земного шара, нетолько перстъ Божій, но и силу, данную отъ Бога римскому народу, разъ уже была взята привычка доискиваться божественнаго Промысла всюду въ до-христіанской исторіи.

Дантъ нашелъ въ ней и то, и другое. Разумъ и откровеніе, говоритъ онъ, доказываютъ и подтверждаютъ предопредѣленіе и законность римскаго господства надъ міромъ.

---

[618]) Convito, IV, гл. 2. Ср. у Ѳомы Аквинскаго, De regimine principum, I, гл. 14

[619]) Энеида. VI, 846.

„Tu regere imperio populos, Romane, memento:
Hae tibi erunt artes, pacique imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos".

Ibid. IV, 226:

„Non illum nobis genitrix pulcherrima talem
Promisit. Grajumque ideo bis vindicat armis:
Sed fore qui gravidam imperiis belloque frementem
Italiam regeret".

[620]) См. Augustinus, De Civitate Dei, passim. Paulus Orosius, Adversus paganos historiarum libri VII. въ особенности 5 книга, гл. I. Оттонъ Фрейзингенскій стоитъ посрединѣ между этими двумя мнѣніями. См. начало его всемірной хроники.

Логическое доказательство онъ выводитъ изъ самой римской исторіи, принимая его, правда, безъ всякой критики, какъ ходячее мнѣніе, какимъ оно дѣйствительно было тогда и долгое время оставалось потомъ. Римляне, говорится во второй книгѣ о Монархіи — благороднѣйшій народъ, поэтому-то имъ подобаетъ быть властелинами міра. Ни одинъ народъ не можетъ указать на родоначальника и основателя благороднѣе, чѣмъ у нихъ. Эней былъ этимъ родоначальникомъ и отличался несказаннымъ благородствомъ и по своимъ собственнымъ заслугамъ и не менѣе того по заслугамъ предковъ и женщинъ его рода. Замѣтимъ, что Дантъ вступаетъ здѣсь въ полное противорѣчіе съ своей прежнею теоріею. Прежде, въ Пирѣ, онъ совершенно отрицалъ родовую аристократію [621]); теперь же, когда онъ долженъ основать свою систему на исторической почвѣ, онъ принужденъ дать родовой знатности мѣсто рядомъ съ личнымъ благородствомъ. Для того, чтобы утвердить личное благородство Энея, онъ снова прибѣгаетъ къ Виргилію. Нѣсколько мѣстъ изъ Энеиды, гдѣ Эней называется справедливѣйшимъ, набожнѣйшимъ, храбрѣйшимъ, и гдѣ его сравниваютъ съ Гекторомъ [622]), считаются Дантомъ достаточно вѣскими для этого доказательства. Высокую родовую знатность Энея онъ доказываетъ тѣмъ, что всѣ три части земного шара почтили его предками и женами: Азія — старѣйшимъ его предкомъ Ассарахомъ, уроженцемъ Фригіи; Европа — въ лицѣ Дардана, Африка—въ лицѣ праматери Электры, дочери Атласа. Авторитетомъ для него въ этомъ случаѣ служитъ опять таки Виргилій и рядомъ съ нимъ Орозій [622]). Первою женою Энея была Азіатка Креуза,

---

[621]) См. Convito, IV; ср. выше стр. 146, прим. 346. Повторяемъ, что мы считаемъ историческое воззрѣніе положительно болѣе зрѣлымъ, новѣйшимъ, что и естественно по самой сущности подобныхъ вопросовъ.

[622]) Энеида, I, 544:

Rex erat Aeneas nobis, quo justior alter
Nec pietate fuit, nec bello major et armis

Ibid. VI, 166:

Hectoris hic (т. е. Эней) magni fuerat comes.

[623]) Энеида, VIII, 134:

Dardanus, Iliacae primus pater urbis et auctor,
Electra, ut Graii perhibent, Atlantide cretus.

Ibid, III, 163:

Est locus, Hisperiam Graii cognomine dicunt:
Terra antiqua, potens armis atque ubere glebae,
Oenotri coluere viri; nunc fama, minores
Haec nobis propriae sedes, hinc Dardanus ortus.

Что касается Орозія, то онъ говоритъ (l. c. 2) только о горѣ Атласѣ.

дочь Пріама; второю — африканка Дидона; третьей — Лавинія, мать Албанцевъ и Римлянъ. Все это говорится, основываясь на свидѣтельствѣ Виргилія[624]). Это двойное сочетаніе крови изъ каждой части свѣта въ одномъ человѣкѣ является неоспоримымъ доказательствомъ намѣреній Божьихъ относительно Энея и основаннаго имъ царства.

Но это предопредѣленіе подкрѣпляется еще чудесами, которыми Богъ помогаетъ окончательному созданію римскаго царства. Тотъ щитъ, который, по словамъ Ливія и Лукана, упалъ съ неба въ избранный градъ Божій во время жертвоприношенія Нумы; тѣ гуси, которые спасли Капиголій; градъ, помѣшавшій Аннибалу преслѣдовать своихъ враговъ до воротъ города; бѣгство Клеліи и спасеніе ея Тибромъ; — все это для Данта несомнѣнные признаки, что Богъ принялъ Римъ подъ свое непосредственное покровительство; какъ могли бы иначе совершиться эти чудеса, т. е. этотъ неоднократный перерывъ заведеннаго порядка вещей? Такимъ образомъ то, во что не вѣрили даже позднѣйшіе Римляне, получило еще разъ временное историческое значеніе для пылкой фантазіи средневѣковаго вѣрующаго мыслителя.

Однако, этимъ Дантъ не удовлетворился. На его взглядъ, римскій народъ не только благороднѣйшій изъ всѣхъ, не чудеса только содѣйствовали расширенію его власти, но онъ доказалъ свою способность къ универсальному господству еще тѣмъ, что при покореніи человѣчества принялъ руководящимъ принципомъ цѣль справедливости, общее благо. Римское царство возникло изъ источника благочестія, и для того, чтобы служить общему дѣлу, оно пренебрегло собственными выгодами. Какъ ни противорѣчитъ это воззрѣніе исторіи, Дантъ имѣетъ доказательства и для него. Онъ признаетъ, что для этого онъ имѣетъ лишь внѣшніе признаки и историческія свидѣтельства. Такъ онъ приводитъ изреченія Цицерона, гдѣ онъ изображаетъ въ лучшемъ, человѣколюбивѣйшемъ свѣтѣ войны и завоеванія Римлянъ и называетъ ихъ всемірное владычество скорѣе опе-

---

[624]) Энеида, III, 339:

Quid puer Ascanius; superatne? et vescitur aura?
Quem tibi jam Troja pepcrit fumante Creusa?

Ibid. IV, 171:

Nec jam furtivum Dido meditatur amorem:
Conjugium vocat: hoc praeterit nomine culpam.

Ibid. XII, 936:

— Vicisti; et victum tendere palmas
Ausonii videre; tua est Lavinia coniux.

кой надъ вселенной [625]). Потомъ онъ съ вѣрнымъ тактомъ указываетъ на тѣ возвышенныя личности изъ римской исторіи, чей патріотизмъ и самоотверженіе дѣйствительно импонировали людямъ во всѣ времена—на Цинцината и его возвращеніе отъ диктатуры къ плугу; на неподкупность Фабриція, на самоотверженіе Камилла, на Брута старшаго, ставившаго судьбу своихъ сыновей ниже родины, на Муція Сцеволу, на Деціевъ, Катона, мужественно пожертвовавшихъ жизнью для отечества. Въ основѣ такихъ поступковъ, думаетъ онъ, долженъ всегда лежать великій, божественный принципъ, именно сознаніе, что благо человѣчества связано съ благомъ римскаго государства [626]).

Но Данту извѣстны еще другіе ясные слѣды участія Бога въ основаніи римскаго всемірнаго владычества. Это участіе онъ прямо называетъ откровеніемъ, являемымъ въ Божьихъ приговорахъ.

Въ томъ, что Римляне завоевали міръ раньше всѣхъ другихъ народовъ, Дантъ видитъ волю Бога. Онъ отвергаетъ господствовавшую въ средніе вѣка теорію о четырехъ или пяти всемірныхъ монархіяхъ. Онъ знаетъ ее хорошо и пользуется ею даже однажды въ Божественной Комедіи, но съ совершенно иной цѣлью [627]). Ни Ассиріяне, ни Египтяне или Персы, говоритъ онъ, стремившіеся дѣйствительно, къ міровому господству, не достигли его, точно также, какъ не достигъ его и Александръ Македонскій. Дантъ отлично понимаетъ громадное значеніе предпріятій и плановъ Александра, и мы хорошо знаемъ, въ какой сильной степени въ основѣ ихъ лежала универсальная тенденція. Но именно поэтому-то онъ и усматриваетъ во внезапной смерти Македонца, болѣе чѣмъ въ чемъ либо другомъ, вмѣшательство Бога, избавившаго такимъ образомъ Римъ отъ его опаснѣйшаго врага, такъ какъ Риму было съ самаго начала предназначено господство надъ вселенною. Что Римъ дѣйствительно достигъ его, въ этомъ его удостовѣряютъ Виргилій, Луканъ, Ливій, Боэцій [628]) и Евангелистъ Лука. Послѣдній повѣ-

---

[625]) См. Цицерона, De officiis lib. II, c. 8: „Verumtamen, quamdiu imperium populi R. beneficiis tenebatur, non injuriis, bella aut pro sociis, aut de imperio gerebantur, exitus erant bellorum aut mites, aut necessarii. Regum, populorum, nationum portus erat, et refugium senatus. Nostri autem magistratus, imperatoresque ex hac una re maximam laudem capere studebant, si provincias, si socios aequitate et fide defendissent. Itaque illud patrocinium orbis terrae verius quam imperium poterat nominari".

[626]) Ср. Рай, VI, 136.

[627]) См. Адъ, XIV, 94.

[628]) Энеида, I, 234—236. Луканъ I, 109. Боэцій, De Consolatione, lib. II.

ствуетъ,—и это доказательство Дантъ заимствуетъ у Орозія [629]),—что въ эпоху рожденія Христа Августъ царствовалъ надъ всѣмъ земнымъ шаромъ.— Точно также обнаружилась воля Божія и въ поединкѣ,—Божьемъ судѣ. Дантъ называетъ его крайнимъ дозволеннымъ средствомъ, если подъ давленіемъ нужды къ нему прибѣгаютъ для упроченія истины. Такъ это дѣлалось у Римлянъ, такъ боролись Эней и Турнъ, Горація и Куріація, такъ происходила борьба противъ Сабинцевъ и Самнитянъ. На войну съ Пирромъ и Аннибаломъ онъ также смотритъ, какъ на поединокъ и считаетъ полководцевъ обѣихъ сторонъ нравственными личностями.

Наконецъ вводитъ онъ въ дѣло и тяжелое оружіе. Не въ одной только римской исторіи видитъ онъ всюду перстъ Божій; онъ примѣняетъ при этомъ случаѣ мысль, правда, высказывавшуюся уже до него, но новую въ этой связи фактовъ. Христосъ, говоритъ онъ, подтвердилъ своимъ рожденіемъ и своею смертью законность римскаго владычества. Тѣмъ, что Онъ захотѣлъ родиться при Августѣ и исполнилъ относительно своей личности приказъ переписи населенія всего земного шара, онъ подтвердилъ законность приказа и власти, отъ которой изошелъ этотъ приказъ; быть можетъ, даже само повелѣніе было дано Августомъ по волѣ Божьей, для того, чтобы Христосъ занесенъ былъ въ списки наравнѣ съ остальными людьми и тѣмъ подтвердилъ законность римской имперіи [630]). Римское владычество, продолжаетъ Дантъ, было законно потому, что Христосъ принялъ смерть при немъ;—еслибъ оно не было законно, то грѣхъ Адама не былъ бы наказанъ во Христѣ и мы все еще были бы сынами Божьяго гнѣва; но тогда Христосъ не могъ бы сказать: «Свершилось!» Для законности наказанія требуется право со стороны наказующаго, иначе оно было бы несправедливостью. Во Христѣ же былъ наказанъ весь родъ человѣческій; правоспособнымъ судьею надъ нимъ могъ быть поэтому лишь тотъ, кто былъ судьею всего человѣчества. Этимъ судьею былъ императоръ Тиверій, и прежде всего его намѣстникъ Пилатъ. Поэтому-то Иродъ и Каіафа и послали Христа къ нему. Такимъ образомъ своею смертью Христосъ призналъ и подтвердилъ законность римскаго владычества [631]). Таковы доказа-

---

[629]) Орозій, III, гл. 8.

[630]) Это положеніе встрѣчается прежде всего въ общихъ чертахъ у Орозія Стр. III, гл. 8.

[631]) Эта мысль встрѣчается еще у Gervasius Tilberiensis, Otia Imperialia (12 вѣкъ). См. Лейбница Script. Rerum Brunsv. I, стр. 888 (Collatio Regni et Sacerdotii).

тельства, которыми Дантъ скрѣпляетъ второе положеніе своей системы, законность римской имперіи. Теперь станетъ легче понять мнѣніе, уже давно высказывавшееся, — что онъ издалъ для своей монархіи культъ, по его понятіямъ столь же священный, какъ тотъ, который папство создало для себя. Способъ его обращенія съ исторіею, правда, произволенъ, и можно бы по справедливости возразить ему, что, желая доказать слишкомъ многое, онъ не доказываетъ ничего. Впрочемъ, подобный взглядъ на римскую исторію существовалъ уже и до него, только не высказывался до той поры столь систематически. Это ничто иное, какъ попытка создать откровеніе для государства и для церкви. По истинѣ, смѣлая попытка, которая могла исходить лишь отъ ума, вполнѣ проникнутаго идеею величія государства и желавшаго создать политическую мистику, подобно мистикѣ религіозной. И, какъ церковное откровеніе имѣетъ своихъ пророковъ и апостоловъ, такъ и для своего откровенія римскаго государства Дантъ создаетъ себѣ апостола, Виргилія. Для Данта Виргилій безусловный авторитетъ, провозвѣстникъ и пѣвецъ единой римской имперіи, съ самаго начала Богомъ задуманной, какъ основа блаженства земной жизни, указаннаго небеснымъ промысломъ.

Но важнѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ частью Дантовой системы является основа третьяго главнаго положенія его: имперія независима отъ папства и непосредственно зависитъ отъ Бога. Этому онъ и самъ придаетъ наибольшее значеніе[632]). Въ первыхъ двухъ вопросахъ важнѣе было просвѣтить невѣжество, чѣмъ опровергать противорѣчіе мнѣній. Въ третьемъ же положеніи дѣло иное: здѣсь споръ является причиною невѣжества, въ то время, какъ въ первомъ и второмъ случаѣ незнакомство съ истиною было причиною несогласій. Таково было дѣйствительно, положеніе дѣлъ относительно третьяго главнаго вопроса, и именно здѣсь Дантъ встрѣтился. болѣе чѣмъ гдѣ либо во всей своей политикѣ, съ реальными, живыми мнѣніями. Со времени императора Генриха IV отношенія двухъ высшихъ властей христіанства сдѣлались предметомъ горячихъ преній, продолжавшихся и послѣ паденія Гогенштауфеновъ и вызвавшихъ даже позднѣе, въ эпоху Людовика Баварца, особую публицистическую литературу. Постоянному возвращенію къ спорному вопросу отнюдь не мѣшало то обстоятельство, что со времени смерти Фридриха II онъ былъ, собственно, рѣшенъ на дѣлѣ въ пользу

---

632) De Monarchia lib. III, въ началѣ.

папы. Извѣстно, что относительно многихъ вопросовъ теорія вырабатывается тогда, когда само существованіе ихъ подвергается сомнѣнію. Если имперія, какъ великая политическая сила, была уже ниспровергнута, то по формѣ она всетаки могла еще возрождаться и дѣйствительно возобновлялась все съизнова, и такимъ образомъ протянула свое существованіе въ теченіе пяти вѣковъ. Для Данта же дѣло заключалось нетолько въ формальномъ вопросѣ, а въ настоящемъ, фактическомъ осуществленіи, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Дантъ знаетъ трехъ противниковъ того мнѣнія, которое онъ желаетъ доказать: папство и строго-теократическую партію; во вторыхъ, политиковъ-Гвельфовъ, такъ называемыхъ «сыновъ церкви», и наконецъ «декреталистовъ»[633]). Съ двумя послѣдними онъ не хочетъ спорить, такъ какъ они стоятъ на почвѣ, слишкомъ чуждой спорному вопросу; онъ остается при одномъ только папствѣ и теократической партіи, такъ какъ думаетъ, что ихъ сопротивленіе мнѣнію, имъ защищаемому, происходитъ изъ чистаго источника ихъ рвенія къ церкви. Съ ними онъ и начинаетъ борьбу «за благо истины, полный того уваженія, которое благочестивый сынъ обязанъ питать къ своей матери, смиренный человѣкъ вообще и по отношенію къ Христу, и къ церкви, и къ пастырю и ко всѣмъ послѣдователямъ христіанской вѣры».

Эти противники его старались доказать различными доводами зависимость имперіи отъ папства, почерпая ихъ частью изъ священнаго писанія, частью изъ нѣкоторыхъ дѣйствій папъ или императоровъ, частью изъ разума. Дантъ начинаетъ съ отрицательнаго метода доказательствъ и съ опроверженія того мнѣнія, будто Богъ, создавъ солнце и луну, тѣмъ самымъ предопредѣлилъ возникновеніе двухъ универсальныхъ силъ и ихъ взаимныя отношенія, такъ что какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, такъ и императоръ получаетъ

633) Igitur contra veritatem, quae quaeritur, tria hominum genera maxime colluctantur. Summus namque Pontifex, Domini nostri Jesu Cristi Vicarius et Petri successor, qui non quicquid Christo sed, quicquid Petro debemus, zelo fortasse clavium; nec non alii Graecorum Christianorum pastores, et alii quos credo zelo solo matris Ecclesiae permoveri, veritati, quam ostensursus sum, de zelo forsan (ut dixi) non de superbia, contradicunt. Quidam vero alii, quorum obstinata cupiditas lumen rationis extinxit et dum ex patre diabolo sunt. Ecclesiae se filios esse dicunt, non solum in hac quaestione litigium movent, sed sacratissime Principatus vocabulum abhorrentes, superiorum quaestionum et hujus principia impudenter negarent. Sunt et tertii, quos Decretalistas vocant, Theologiae ac Philosophiae cujuslibet inscii et expertes, qui suis Decretalibus (quas profecto venerandos existimo) tota intentione innixi, de illarum praevalentia credo sperantes Imperio derogant.

всю свою власть отъ папства[634]). — Дантъ прямо отрицаетъ это толкованіе. Тѣ свѣтила, говоритъ онъ, были созданы на четвертый день, человѣкъ, напротивъ того, — на шестой. Обѣ власти стали нужны для человѣка лишь послѣ грѣхопаденія. Создать что-либо безполезное противорѣчило бы мудрости Провидѣнія; такъ какъ человѣкъ не былъ еще созданъ и не палъ на четвертый день, то тѣ двѣ власти не имѣли бы никакого смысла, и онѣ не могутъ поэтому быть предсказаны въ видѣ солнца и луны. — По другому мнѣнію папъ, ихъ главенство надъ императорами было предопредѣлено въ особахъ Левіи и Іуды, изъ которыхъ одинъ былъ родоначальникъ духовенства, другой же—свѣтской власти; какъ Левія относится къ Іудѣ, такъ церковь—къ имперіи. Левія родился раньше Іуды, слѣдовательно церковь имѣетъ перевѣсъ надъ государствомъ. Противъ этого Дантъ возражаетъ, что это мнѣніе страдаетъ погрѣшностью въ формѣ; значеніе и рожденіе совершенно различные предметы: есть не мало людей болѣе молодыхъ, которые превосходятъ одного по значенію старшихъ; такимъ образомъ это мнѣніе устраняется. — Другое доказательство первенства папства усматривалось въ томъ, что Самуилъ, намѣстникъ Божій, возвелъ Саула на царскій престолъ и снова низложилъ его; слѣдовательно, и папа, который, какъ и Самуилъ, есть намѣстникъ Божій, имѣетъ право давать и отнимать скипетръ у свѣтской власти[635]). — Это доказало бы, конечно, возражаетъ Дантъ, зависимость отъ папства. Но Самуилъ не былъ назначенъ намѣстникомъ Божьимъ съ правомъ суда надъ всѣми людьми, а только какъ посолъ его, для временной цѣли и съ спеціальнымъ порученіемъ; по исполненіи его прекращалась и сама обязанность. Такимъ образомъ и это толкованіе противорѣчитъ духу св. писанія. — Далѣе утверждалось, что на основаніи изреченія Христа Петру: «Все, что ты свяжешь на землѣ, будетъ связано и на небѣ, и все, что ты разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено и въ небесахъ», папа можетъ утверждать и уничтожать постановленія и законы имперіи[636]). Противъ этого Дантъ возражаетъ, что это изреченіе можетъ

---

[634]) См. Gregorii VII. Epistolae VII, 25, VIII, 21. Мнѣніе это повторялось потомъ всѣми послѣдующими папами). Ср. Фридберга, De finibus etc. I, c. 2, § 3, p. 38 sqq.

[635]) На это указываетъ между прочимъ Иннокентій IV въ своемъ манифестѣ противъ Фридриха II послѣ его низложенія на ліонскомъ соборѣ. См. Раумера, Geschichte der Hohenstaufen IV, 120. Еще яснѣе выразился Александръ III въ письмѣ къ королю Генриху Англійскому. См. Mansi, Concil, XXI, 876.

[636]) Gregorii VII. Epist. IV, 2. VII, 6. VIII, 20.

быть хорошо понято лишь въ связи съ остальнымъ. Передъ этимъ Христосъ сказалъ Петру: «Я дамъ тебѣ ключи царства небеснаго,» а потомъ уже прибавилъ вышеприведенныя слова. Изъ этого слѣдуетъ, что они должны пониматься лишь относительно и примѣняться только къ духовной юрисдикціи, къ которой императорская власть не принадлежитъ. — Дальнѣйшимъ доказательствомъ главенства папы служили два меча, упоминавшіеся Евангелистомъ Лукою [637]); подъ ними слѣдовало понимать двѣ власти, которыя этимъ самымъ ясно передавались Петру и его преемникамъ. Это положеніе было любимѣйшимъ,—но и императоры ссылались на него. Оно истолковывалось въ смыслѣ равнаго распредѣленія двухъ властей еще Генрихомъ IV и Фридрихомъ I, перешло въ такомъ видѣ въ Саксонское Зерцало [638]); въ позднѣйшемъ Швабскомъ зерцалѣ, напротивъ того, изъ этого выводится заключеніе о передачѣ двухъ мечей папамъ, и Бонифацій VIII по временамъ требовалъ себѣ оба меча, восклицая: «Я папа! я императоръ! [639]) Дантъ отвергаетъ оба эти толкованія вообще, не придерживаясь того ограниченія, которое придали ему императоры. Онъ снова обращается къ той связи, въ которой находятся данныя слова, и находитъ, что Христосъ не говорилъ своимъ ученикамъ: купите два меча или даже болѣе, а только купите такъ, чтобы всякій имѣлъ по одному; и когда Петръ пришелъ и сказалъ: смотри, вотъ два меча, онъ отвѣтилъ ему: довольно,—точно хотѣлъ сказать: Я нахожу, что въ крайнемъ случаѣ, если каждый не можетъ имѣть своего, довольно и двухъ (для всѣхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ этимъ требованіемъ хотѣлъ напомнить объ ожидавшихъ ихъ преслѣдованіяхъ и презрѣніи.

За этимъ слѣдуетъ опроверженіе доводовъ противниковъ, почерпнутыхъ ими изъ дѣйствій папъ и императоровъ. Папы нетолько постоянно настаивали на исторической вѣрности дара Константина, но и на передачѣ западной имперіи имъ, и выводили изъ этого обстоятельства заключеніе относительно права дальнѣйшей передачи [640]).—Противъ этого Дантъ возражаетъ, что ни Константинъ не могъ дарить императорскаго достоинства, ни папа Сильвестръ и

---

[637]) Ев. Лука, XXII, 38.

[638]) См. Henrici IV epist. ad principes. Mon. Germ. Leges, II, p. 47. Frederici I, epist. ad. Hartmann, у Radevinus II, c. 56. См. далѣе начальныя слова Саксонскаго Зерцала I, art. I.

[639]) См. Швабское Зерцало, предисловіе. Фридбергъ, l. c. c. 2, § 3.

[640]) Уже Иннокентій IV принималъ это положеніе въ самомъ строгомъ смыслѣ. См. его посланіе противъ Фридриха II у Раумера: Gesch. d. Hohenstaufen, IV, 120.—Ср. Адъ, XIX, 115. Рай, XX, 55.

церковь не могли принять его. Константинъ, говоритъ онъ, не имѣлъ права дарить часть имперіи, т. е. западное царство, такъ какъ основное понятіе императорской власти составляетъ универсальность, управленіе всѣмъ человѣчествомъ. Этимъ даромъ было бы расторгнуто «недѣлимое одѣяніе», которое не осмѣлились разорвать даже убійцы Христа. Этотъ даръ былъ-бы такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ самоубійства, поступкомъ, идущимъ противъ основъ имперіи и человѣческаго права, которое можетъ найти высшее удовлетвореніе лишь въ универсальной монархіи[641]). Еслибъ Константинъ дѣйствительно сдѣлалъ этотъ даръ, церковь не имѣла бы права его принять, не могла-бы по своей природѣ и своему назначенію даже быть расположена принять его, такъ какъ ей запрещено обладать чѣмъ-либо земнымъ, золотомъ, серебромъ и т. д.—Правда, что для доказательства папскаго превосходства надъ императорскою властью ссылались на передачу ея императору Карлу Великому папою Адріаномъ (sic), такъ какъ въ то же самое время въ Константинополѣ былъ свой императоръ. Но это доказательство Дантъ отвергаетъ, какъ весьма неудачное; подобною аргументаціею, говоритъ онъ, можно доказать самыя противорѣчивыя положенія, ибъ императоръ Оттонъ снова возвелъ на престолъ папу Льва, низложилъ и отправилъ въ ссылку папу Бенедикта[642]).

Защитники высшаго политическаго первенства папы основывали любимѣйшее логическое доказательство свое на принципѣ единства человѣческаго рода. Такъ какъ всѣ люди равны, то ихъ можно свести къ одной единицѣ, какъ къ мѣрилу всего человѣчества. Такъ какъ папа также человѣкъ, то ничего не остается дѣлать, какъ свести къ нему и личность императора со всѣми остальными людьми, подвести ихъ подъ одну мѣру и одно правило. Дантъ допускаетъ, что всѣ люди равны и могутъ слѣдовательно быть сведены къ одному мѣрилу; но выводъ относительно папы и императора от-

---

641) Ср. у Фридберга, l. c., cap. II, § 3, p. 52.—Laurentius Valla въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: de falso credita et ementita donatione Constantini, признается въ концѣ своего возраженія противъ мнимаго историческаго значенія дара, что, еслибъ это была и правда, даръ этотъ былъ бы всетаки недѣйствительнымъ, такъ какъ Константинъ не имѣлъ права дѣлать его.

642) Въ сред. вѣка любили считать римское царство, непрерывно продолжающимся съ Цезаря или Августа и за времена Карла Вел., не принимая въ соображеніе смѣну народностей. Поэтому столько хроникъ и ведутъ счетъ императорамъ на основаніи этого принципа, Дантъ, конечно, также поклонялся этой теоріи. Были, правда, и уклоненія, гдѣ на имперію Карла Вел. смотрѣли, какъ на абсолютное возобновленіе императорскаго сана. См. напр., Monachus Sangall., I, 2, № 1.

вергается имъ. Человѣкъ, папа и императоръ не тождественны; человѣка, отца и властелина смѣшивать не слѣдуетъ. Пришлось бы примѣнять совершенно различныя мѣрила къ нимъ, разсматривая данную личность, какъ человѣка, какъ отца (папу) и властителя (императора). Какъ людей, ихъ нужно свести къ идеалу человѣка вообще,—какъ папу и императора къ тому, въ чемъ они соединяются, т. е. къ Богу. Такимъ образомъ и это логическое доказательство падаетъ[643]).

Послѣ того, какъ Дантъ онровергъ такимъ образомъ доводы, на которыхъ папство преимущественно основывало свои притязанія на первенство передъ императорскою властью, онъ приводитъ доказательство того, что авторитетъ папы отнюдь не является источникомъ авторитета императора. Имперія, говоритъ онъ, сохранила всю свою силу во время несуществованія или хоть бездѣйствія церкви;это доказываетъ Христосъ и сама церковь;первый, какъ сказано выше, своимъ рожденіемъ и своей смертью; церковь же тѣмъ, что Павелъ призналъ императорскій авторитетъ. «Я стою передъ судомъ императора», говоритъ онъ, «здѣсь я долженъ быть судимъ». И ангелъ Господень сказалъ вскорѣ послѣ того: «Не бойся, Павелъ, ты долженъ предстать передъ императоромъ.» Еслибъ поэтому императоръ не имѣлъ уже тогда права судить всѣ свѣтскія несогласія, то ни Христосъ не захотѣлъ бы убѣждать насъ въ томъ, ни ангелъ не говорилъ бы тѣхъ словъ, ни Павелъ не ссылался бы на него.—Далѣе: еслибъ церковь имѣла силу даровать императорскую власть, то она должна была бы получить эту силу отъ Бога, отъ себя самой, отъ какого нибудь властелина, или же съ всеобщаго согласія людей или хоть большинства изъ нихъ. Но она не получала этой силы ни отъ кого изъ нихъ.Еслибъ она имѣла ее отъ Бога, то это должно было бы совершиться на основаніи божественнаго или естественнаго права. Въ силу естественнаго права она ея не имѣетъ, такъ какъ природа выказываетъ свои законы въ явленіяхъ, церковь же есть проявленіе не природы, а Бога. Такъ же мало владѣетъ она той силой на основаніи божественнаго закона, потому что всѣ божественные законы заключаются въ двухъ завѣтахъ, а въ нихъ мы не видимъ, чтобы забота о преходящемъ была предоставлена папству, а скорѣе находимъ противоположное воззрѣніе. И изъ себя самой она также не имѣетъ этой силы. Чего не имѣешь самъ, того пельзя себѣ дать. Еслибы она сама даровала себѣ эту силу, то она не имѣла бы ея прежде, и такимъ образомъ

643) Monarchia, III, cap. XIII, p. 124.

она дала бы себѣ то, чего не имѣла. Что она не получила эту силу отъ какого нибудь властителя и не могла получить ее, было доказано уже прежде. Она не была также дана ей съ согласія всѣхъ или хоть большинства людей, такъ какъ нетолько всѣ Азіатцы и Африканцы, но и большая часть Европейцевъ противятся такому предположенію.—Наконецъ имѣть свѣтское государство подъ своей властью или опекою, идетъ вообще въ разрѣзъ съ сущностью церкви. Сущность ея ничто иное, какъ жизнь Христа, выраженная въ его рѣчахъ и поступкахъ, ибо жизнь его служила образцомъ и примѣромъ для воинствующей церкви, въ особенности для первосвященника ея, обязанность котораго пасти овецъ и агнцевъ. Поэтому то Христосъ и говоритъ ученикамъ: «Я далъ вамъ примѣръ, съ тѣмъ, чтобы, подобно мнѣ поступали бы и вы». Петру онъ сказалъ, возлагая на него обязанность: «Петръ, иди за мной». А передъ Пилатомъ сказалъ: «Мое царство не отъ міра сего». Все это говоритъ онъ церкви, и такъ какъ говорить и думать иначе невозможно, то ясно, что опекать мірскія сферы, какъ напримѣръ, имперію, было бы противно природѣ церкви [644]).

И такъ, авторитетъ императора независимъ отъ церкви. Дантъ дѣлаетъ вслѣдъ за тѣмъ послѣдній шагъ, чтобы доказать его непосредственную зависимость отъ Бога и тѣмъ упрочить сущность своей системы. Ясно, говоритъ онъ, что, если имперія не зависитъ отъ церкви, источникомъ ея могущества долженъ быть Богъ. Третье положеніе было бы немыслимо. Поэтому необходимо доказать непосредственную связь всемірнаго монарха съ Творцомъ вселенной. Дантъ устанавливаетъ здѣсь цѣлый рядъ положеній, которыя мы приняли отчасти исходною точкою нашего изложенія его системы, такъ какъ въ нихъ содержатся послѣдніе результаты его изслѣдованій, вся сущность его политической теоріи. Только человѣкъ, доказываетъ онъ, занимаетъ въ ряду предметовъ средину между преходящимъ и непреходящимъ. Если мы смотримъ на него, какъ на тѣло и душу—онъ преходящъ, по одной же душѣ безсмертенъ. Слѣдовательно, стоя посединѣ между двумя природами, онъ имѣетъ двоякую цѣль, временную и вѣчную. Первая состоитъ въ блаженствѣ земной, вторая въ блаженствѣ вѣчной жизни. Одна заключается въ упражненіи собственной силы, вторая въ наслажденіи Божественнымъ созерцаніемъ, до чего человѣкъ не можетъ подняться безъ помощи свыше. Этихъ двухъ блаженствъ, какъ противо-

644) Тамъ-же.

положныхъ конечныхъ точекъ, слѣдуетъ достигнуть различными путями! Первой мы достигаемъ съ помощью философіи, если мы идемъ за ней и дѣйствуемъ на основаніи нравственныхъ и познавательныхъ силъ, второй—посредствомъ духовнаго поученія, превосходящаго человѣческій разумъ, и посредствомъ вѣры, надежды и любви. Но человѣческія страсти, несмотря на внушеніе разума и откровенія, отвратились бы отъ этихъ двухъ конечныхъ цѣлей, еслибъ люди, подобно конямъ, не сдерживались на своемъ пути уздою и удилами. Потому-то человѣкъ и нуждается для своей двоякой цѣли въ двоякомъ руководствѣ, именно въ папѣ, который въ силу откровенія ведетъ человѣчество къ вѣчной жизни, и въ императорѣ, который, какъ «всадникъ управляющій человѣческой волей», направляетъ человѣчество путемъ философскаго мышленія къ временному счастію [645]), для того чтобы оно свободно отдохнуло на лонѣ кроткаго мира; иначе въ эту пристань не попадетъ никто, или же немногіе, и въ лучшемъ случаѣ только съ большимъ трудомъ и по укрощеніи волнъ слѣпой страсти. Такова главная задача всемірнаго императора—насаждать на поляхъ человѣчества свободу и міръ. Такъ какъ, по мнѣнію Данта, строй земного міра слѣдуетъ лишь устройству кругового движенія небесъ, и самъ міръ является только отраженіемъ его, то для того чтобы руководство людьми, ведущее ихъ къ свободѣ и къ миру, удобно приспособлялось къ различнымъ временамъ и мѣстностямъ, необходимо, чтобы оно исходило отъ вѣковѣчнаго двигателя небесъ, т. е. именно отъ Бога. Онъ напередъ опредѣлилъ устройство неба, предусмотрительно связавъ все между собою. Такимъ образомъ одинъ только Богъ избираетъ и утверждаетъ императора [646]).

Благодаря этому принципу, принимающему землю за отраженіе неба, зависящее отъ своего первообраза, Дантъ считаетъ непосредственныя отношенія своего императора къ Богу окончательно установленными. Ясно видно, что основы его системы и ея послѣдніе, высшіе резуль-

---

[645]) Cp. Convito, IV, 9: E però è scritto nel principio del vecchio Digesto- La Ragion scritta è arte di bene e d'equita. A questa scrivere mostrare e comandare, è questo uficiale posto, di cui si parla, cioè lo Imperadore, al quale tanto, quanto le nostre operazioni propie, che dette sono, si stendono, siamo suggetti; epiù oltre no.....[Sicchè quasi dire si può dello imperadore volendo i suo officio figurare con una immagine, che elli sia il cavalcatore della umana' volonta, lo qual cavallo come vada sanza il cavalcatore per lo campo assai è manifesto, e specialmente nella misera Italia che sanza mezzo alcuno alla sua governazione è rimasa. — Ср. съ этимъ Чистилище, IV, 88—96, гдѣ образъ „всадника“ является снова.

[646]) Монархія, III, 13—15.

таты точно также опираются на мистическое созерцаніе міроздания. Установленіемъ своего третьяго главнаго положенія Дантъ добивается окончательнаго, безусловнаго отдѣленія его всемірной имперіи отъ церкви [647]): его теорія независимости имперіи отъ папства равняется попыткѣ рѣшенія борьбы между двумя властителями, борьбы, вокругъ которой главнымъ образомъ группировалось развитіе человѣчества въ средніе вѣка. Но въ своей теоріи онъ понялъ самостоятельность имперіи гораздо безусловнѣе, чѣмъ это когда либо приходило въ голову какому бы то ни было императору. Изъ всѣхъ притязаній папства на главенство надъ имперіею онъ положительно не оставляетъ ему ничего, кромѣ уваженія, которое подобаетъ отцу отъ первороднаго сына [648]). Видно, какъ онъ въ своей теоріи всемірной монархіи замышляетъ коренную реформу церкви, возвращеніе ея къ той сферѣ, гдѣ конкретныя дѣла земныя едва могли бы соприкасаться съ нею [649]).

Оглянемся теперь еще разъ на пройденный нами путь. Несомнѣнно, главною цѣлью является здѣсь возвеличеніе императорской власти, упроченіе въ умахъ такого представленія объ ней, которое никогда еще не складывалось въ подобной полнотѣ и въ данную пору не могло быть понято никѣмъ, даже Гибеллинами. Поэтому то, хотя случайности дѣятельной жизни Данта и вовлекали его не

---

[647]) Покойный Гешель весьма недружелюбно встрѣтилъ эти слова мои въ первомъ изданіи настоящей книги. Я могу только ихъ повторить. Государство и церковь основаны для Данта на общей почвѣ откровенія и религіи но съ рѣзко обособленными аттрибутами. Дантъ отдѣляетъ свое государство отъ церкви, какъ отъ учрежденія, но не отъ единой религіи. Въ этомъ заключается громадная разница.

[648]) De Monarchia, lib. III, въ концѣ.

[649]) Мое изложеніе и оцѣнка политической теоріи Данта вызвали возраженіе, утверждающее, что приписываемое ему стараніе лишить императорскую власть ея теократическаго характера далеко не было такъ явно, такъ какъ, если онъ съ одной стороны и пытается освободить ее отъ вліянія папства, онъ съ другой стороны опять связываетъ ее съ нимъ, и (въ концѣ Монархіи) придаетъ папѣ что-то въ родѣ почетнаго преимущества. При этомъ упускаются изъ виду два соображенія: 1) всемірный характеръ его государства не допускалъ отреченія отъ папства у такого вѣрующаго, средневѣковаго мыслителя, какъ Дантъ; 2) для того чтобъ быть въ состояніи вполнѣ оцѣнить значеніе требованій Данта, необходимо сравнивать съ ними ученія противной партіи, наприм. Ѳомы Аквинскаго. Дантъ, конечно, не дошелъ до того, что заявлялъ иногда императоръ Фридрихъ II или позже защитники короля Людовика Баварскаго, но я всетаки утверждаю, что его система упразднила папскую теократію. То, что мы въ настоящее время требуемъ отъ государства и чего мы въ правѣ ожидать отъ него наперекоръ притязаніямъ церкви,—является уже инымъ вопросомъ, отклоняющимся нѣсколько въ иную сторону.

разъ въ ихъ кругъ, онъ снова всегда спѣшилъ отпрянуть отъ нихъ. Дѣйствительно (повторимъ мы) чудеснымъ измышленіемъ являлось это міровое государство, во имя котораго ратовалъ Данте, возбуждая къ нему участіе и вниманіе въ человѣчествѣ. Формы всемірнаго государства, конечно, могутъ быть иногда на время примѣнены къ дѣлу, могутъ хотя приблизительно осуществиться—но, разумѣется, лишь при очень еще юныхъ или же значительно отжившихъ бытовыхъ условіяхъ народа (ни того, ни другого нельзя было бы примѣнить къ порѣ современной Данту); но ни въ какомъ случаѣ невозможно указывать на подобную государственную форму, какъ на нормальную, единственно цѣлесообразную. Еслибы теорія Данта не представляла намъ иной точки зрѣнія, кромѣ этой, то она въ состояніи была бы возбуждать въ насъ интересъ не ради нея самой, но развѣ лишь настолько, насколько она необходима для пониманія Божественной Комедіи. Но, какъ мы уже показали, здѣсь имѣлъ онъ и другую цѣль, безконечно болѣе важную и въ историческомъ отношеніи. Данте является благодаря своей теоріи защитникомъ государства, разумнымъ, убѣжденнымъ ходатаемъ за него, за его самостоятельность и право на самоопредѣленіе. Въ этомъ онъ снова открыто и въ существенныхъ чертахъ примкнулъ къ теоріи своего учителя Аристотеля. Какъ безконечно велико въ этомъ отношеніи различіе между нимъ и какимъ нибудь Августиномъ и мрачнымъ дуализмомъ **Civitas Dei**, или Григоріемъ VII, который видѣлъ въ государяхъ не болѣе какъ счастливыхъ разбойниковъ, или Ѳомою Аквинскимъ и его школой, прямо требовавшими подчиненія государства теократическому принципу! [650]) Система Данта, даже въ ея внѣшнемъ построеніи, остается конечно призрачною и потому не могла достигнуть цѣли. Но не смотря на это она все таки примѣчательна; это первая широко задуманная попытка уложить въ систему идеальное и нравственное содержаніе средневѣковой имперіи и съ помощью науки подкрѣпить ученіе о «царствѣ Божьемъ на землѣ».

Когда Данте приложилъ мѣрило своей политической системы къ современному положенію христіанства, онъ иного заключенія и не могъ вынести, кромѣ того что оно погрязло въ глубочайшемъ заблужденіи и смутѣ. Та самая имперія, которую онъ считалъ необходимою для блага міра, была низвергнута: «когда же император-

[650]) De regimine principum, I, c. 14.

[651]) См. выше, прим. 592.

скій престолъ стоитъ праздный, тогда и весь міръ отклоняется отъ настоящаго пути» [651]). И въ виду этого онъ считалъ себя призваннымъ, на сколько могъ, всею силой своего генія воспротивиться этому заблужденію человѣчества и въ особенности Италіи, и еще разъ громко возвѣстить о предопредѣленномъ свыше, но покинутомъ людьми міровомъ строѣ. Это-то провозглашеніе и составляетъ настоящее значеніе и сущность Божественной Комедіи, изученію которой мы теперь себя посвятимъ.

Добавленіе къ III отдѣлу.

Составитель новаго и несомнѣнно самого лучшаго изданія Монархіи, К. Витте, сдѣлалъ мнѣ честь снова вернуться въ пролегоменахъ этого изданія къ высказанному мною сомнѣнію въ вѣрности его теоріи [652]), будто это произведеніе Данта было уже написано до его изгнанія. Въ виду важности этого вопроса, а также и въ виду авторитета, которымъ по справедливости пользуется мой почтенный противникъ, я считаю полезнымъ изложить здѣсь въ общей связи мои доводы и возраженія, не опасаясь, что иное придется и повторять,—но при этомъ я признаю, что и въ этомъ случаѣ, когда я долженъ всѣми силами противорѣчить ему, я, какъ и прежде, многому могъ у него научиться.

1) Мой противникъ желалъ бы вывести на основаніи вступительныхъ фразъ въ Монархіи, что она написана была еще во Флоренціи и что она, быть можетъ, была первымъ большимъ литературнымъ произведеніемъ Данта [653]). Поэтъ выразился тамъ именно слѣдующимъ образомъ: «тотъ далеко останется позади своего долга, кто, поученный общественными памятниками, не стремится пріобщить что нибудь къ общему благу» [654]). Взвѣсивъ это соображеніе и не желая, чтобъ ему въ вину поставлено было скрытіе своего таланта подъ спудъ, и стремится авторъ, ради общаго блага, нетолько подготовить разцвѣтъ, но и выростить плоды и изложить

---

652) См. его Dante-Forschungen, стр. 79—86.

653) Dante-Forschungen, стр. 89.

654) Lib. I, cap. I, p. 3 (изд. Витте): Longe namque ab officio se esse non dubitet, qui publicis documentis imbutus, ad Rempublicam aliquid adferre non curat. — Введеніе вообще напоминаетъ (быть можетъ, случайно) Саллюстія и Катилина, глава I.

истины, не затропутыя другими [655]). И такъ какъ въ числѣ другихъ скрытыхъ и полезныхъ истинъ познаніе міровой монархіи (т.е. императорской власти) особенно полезно и всего менѣе распространено, и, не принося непосредственной выгоды, оставлялось всѣми въ сторонѣ, то онъ и рѣшился найти эту истину въ ея скрытомъ убѣжищѣ, частью для того чтобы для вящей пользы оберегать міръ, частью для того, чтобы завоевать пальму подобнаго смѣлаго шага, пріобщивъ ее къ своей славѣ [656]).

Такому толкованію моего противника противорѣчитъ (если я не ошибаюсь) уже то, что Дантъ очевидно говоритъ здѣсь не о писательской дѣятельности вообще, но о пріобрѣтеніи литературныхъ заслугъ «ради общаго блага» (ad **Rempublicam**, въ чемъ вовсе не нужно видѣть соотношенія съ флорентинской республикой). То, что, завѣдомо для насъ, Дантъ написалъ или покрайней мѣрѣ обнародовалъ до 1312, т. е. его лирическія стихотворенія, Новую Жизнь, Пиръ, невозможно безъ натяжки отнести къ служенію общему благу или хоть государству въ широкомъ смыслѣ этого слова. Божественная Комедія во всякомъ случаѣ имѣетъ особое отношеніе къ «общему благу», но и она въ данномъ случаѣ не можетъ быть принята въ разсчетъ, такъ какъ даже самъ Витте держится того мнѣнія, что первая ея часть, т. е. Адъ, закончена была лишь послѣ смерти короля Генриха. Что Дантъ, приступая къ сочиненію Монархіи, былъ уже авторомъ другихъ, по его мнѣнію, менѣе полезныхъ произведеній, кажется мнѣ достаточно ясно высказано имъ въ словахъ: **Publicae utilitati non modo turgescere, quinimo fructificare desidero** [657]).

---

[655]) Тамъ-же: Hoc igitur saepe mecum recogitans, ne dc infossi talenti culpa quandoque redargnam, publicae utilitati non modo turgescere, quinimo fructificare desidero, et intentatas ab aliis ostendere veritates?

[656]) Тамъ-же: Quumque inter alias veritates occultas et utiles, temporalis Monarchiae notitia utilissima est, et maxima latens, et propter non se habere immediate ad lucrum, ab omnibus intentate; in proposito est, hanc de suis enucleare latibulis, tam ut utiliter mundo pervigilem tam etiam ut palmam tanto bravii primus in meam dloriam adipiscar.

[657]) Въ Пролег. (стр. XLIV) Витте относитъ выраженіе „publicis documentis imbutum“ къ заслугамъ Данта на службѣ республики какъ, напр., его вотированію въ совѣтѣ ста, его посольству въ С. Джиминьяно въ 1299 году и выводитъ изъ этого заключеніе, что сочиненіе это возникло въ эти самые годы (а не раньше); противъ этого мы должны возразить, что приведенныя слова врядъ ли должны быть поняты такъ, какъ ихъ толкуетъ Витте; различные комментаторы толковали ихъ различно;— я считаю переводъ Марсилія Фичино (colui che, ammaestrato di publiche dottrine и т. д. см. Фратичелли, Opp. Minori III, стр. 5) самымъ непринужденнымъ и поэтому правильнымъ; если это такъ, то обсуждаемое мѣсто едва ли въ со-

2) Мой почтенный противникъ хочетъ, чтобы слѣдующіе стихи Inferno (I, 85—87):

„Tu se lo mio maestro, ed il mio autore:
Tu se colui da cui io tolsi
Lo bello stile, che m'a fatto onore",

понимались такъ, какъ будто Данте хотѣлъ сказать, что славою, которою онъ пользовался уже въ эпоху своихъ поэтическихъ странствованій, т. е., около Пасхи 1300 года, онъ былъ обязанъ своему сочиненію о Монархіи, и что Виргилій служилъ ему въ этомъ случаѣ учителемъ и образцомъ [658]). И такъ, подъ словами bello stile слѣдуетъ поэтому понимать Монархію, въ то время, какъ я и, насколько мнѣ извѣстно, до меня всѣ толкователи Данта относили «bello stile» къ его наличнымъ въ то время поэтическимъ произведеніямъ, а славу, о которой говорится, понимали въ смыслѣ поэтической славы. По мнѣнію моего почтеннаго противника, Монархія должна была бы такимъ образомъ нетолько быть написана около Пасхи 1300 г., но уже пользоваться извѣстностью и доставлять поэту честь (=славу). Предположивъ (хотя мы съ этимъ мнѣніемъ отнюдь не соглашаемся), что это толкованіе основательно,—чѣмъ хочетъ мой противникъ, относящій появленіе этого сочиненія къ послѣднимъ годамъ тринадцатаго столѣтія, и напоминающій намъ о посольствѣ въ С. Джеминьяно (въ 1299 г.) объяснить мнимо быстрое распространеніе такого обстоятельнаго и тяжеловѣснаго сочиненія, столь быстрое, что уже въ

стояніи выразить то, что оно должно выразить по мнѣнію моего противника. Что Монархія не была написана до участія Данта въ политическихъ событіяхъ его родного города, это не утверждалось, сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ, даже Эд. Бемеромъ, когда онъ относилъ возникновеніе этого сочиненія къ 1298 году. Весь нашъ споръ вращается, впрочемъ, лишь вокругъ вопроса, возникло ли оно до Пасхи 1300 года, словомъ до изгнанія поэта, или въ эпоху римскаго похода? Я хочу однако замѣтить при этомъ случаѣ, что еслибъ Данте дѣйствительно написалъ Монархію между 1295 и 1300 г., какъ думаетъ Витте, то внутренняя борьба, слѣдствіемъ которой явилось его отпаденіе отъ Гвельфовъ, должна была начаться весьма рано, ибо „admirabar aliquando" etc. читаемъ мы тутъ, что неизбѣжно перенесло бы насъ за 1295 г., а этого нельзя доказать,—и даже это лишено внутренней правдоподобности. Отъ полнаго сознанія, созрѣвшаго подъ вліяніемъ духовной борьбы и опыта, до формулированія его въ собственной системѣ, и основанной на обстоятельномъ изученіи, путь далекъ, и Витте очевидно считалъ его слишкомъ краткимъ и легкимъ.

[658]) Ср. Prolegomena, особенно стр. XXVII и XLII — XLIII: Dicamus igitur libros de Monarchia ante tempus Paschale anni 1300 non solum esse compositos, sed ita iam a coaevis fuisse lectitatos, ut auctor non immerito de honore inde consequuto gloriari potuerit.

Пасху 1300 г. авторъ ея могъ уже ссылаться на пріобрѣтенную, благодаря ему, славу? И въ какихъ кругахъ могло оно встрѣтить такой быстрый успѣхъ? Не во Флоренціи ли, гдѣ даже столь независимый въ политическомъ отношеніи и столь высоко образованный человѣкъ, какъ Гвидо Кавальканти, былъ, по собственному сознанію Данта, всего менѣе увлеченъ именно Виргиліемъ, какъ бы ни истолковывались относящіяся сюда выраженія[659]). Какія же другія свидѣтельства есть, что Монархія была уже извѣстна и распространена среди современниковъ Данта еще до Пасхи 1300 года? Ни одного, хоть вполовину неотразимаго, вѣрнѣе сказать, никакого, а этого, кажется, мы по справедливости могли бы требовать въ виду столь новаго толкованія, опровергающаго всѣ прежнія. И такъ же мало удалось до сихъ поръ достовѣрнымъ, надежнымъ образомъ установить существованіе этого сочиненія и пользованіе имъ въ эпоху между 1300 и 1310 годомъ.

Далѣе, если стихи, о которыхъ мы говоримъ, относятся къ Монархіи—чего мы отнюдь не допускаемъ,—думаетъ ли мой уважаемый противникъ, что при этомъ слѣдуетъ понимать все сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ? Это было бы, конечно, логично, и мой оппонентъ дѣйствительно говоритъ лишь о Монархіи вообще. Но въ этомъ случаѣ я долженъ спросить, чему научился Дантъ и что заимствовалъ для третьей книги своего сочиненія, несомнѣнно важнѣйшей и вмѣстѣ съ тѣмъ относительно и обширнѣйшей, изъ Энеиды и у Виргилія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ: Ничего, какъ есть ничего! Виргилій и Энеида даже не упоминаются въ этой части и не могутъ быть названы, такъ какъ для обсуждавшагося въ ней вопроса объ отношеніяхъ между имперіею и папствомъ, понятно, ничего нельзя было у нихъ заимствовать. Даже въ первой части Дантъ не придерживается замѣтнымъ образомъ Виргилія, и только во второй части онъ предпочтительно, хотя не исключительно, отсылаетъ насъ къ автору Энеиды и приводитъ изъ нея многочисленныя цитаты. Поэтому я не полагаю, чтобы можно было въ виду такого факта утверждать, что произведеніе, въ значительнѣйшей степени независимое отъ Виргилія, въ первой части столько же (иногда даже еще больше) опирающееся на цѣлый рядъ другихъ источниковъ, какъ и на Виргилія, и только во второй части основывающееся въ главныхъ чертахъ на немъ, — чтобъ такое произведеніе можно было считать

---

[659]) См. выше стр. 103, прим. 225, и Ad. II. 63: Forse cui (Virgilio) Guido vostro ebbe a disdegno.

лишь боковымъ побѣгомъ отъ Виргилія и что вся заслуга этого сочиненія состоитъ лишь въ воспроизведеніи виргиліева труда. Еслибъ въ приведенныхъ словахъ Дантъ дѣйствительно желалъ сказать что нибудь подобное, то онъ выказалъ бы по меньшей мѣрѣ крайнюю неблагодарность по отношенію къ Аристотелю, который очевидно являлся для него въ политическихъ вопросахъ, быть можетъ, еще важнѣйшимъ авторитетомъ, и въ Монархіи еще чаще приводился, какъ надежнѣйшій источникъ.

Но главный моментъ въ предлежащемъ спорномъ вопросѣ еще ожидаетъ нашего разсмотрѣнія. Еслибъ столь же достовѣрно было доказано, что Монархія была уже написана и пріобрѣла извѣстность передъ пасхой 1300 года, — какъ до сихъ поръ это является недостовѣрнымъ, теорія моего противника ничего бы не выиграла отъ этого. Все дѣло въ томъ, имѣемъ ли мы вообще право отнести выраженіе Данта **bello stile** къ содержанію прозаическаго произведенія,— я отрицаю это столь же рѣшительно, какъ мой противникъ это принимаетъ. На мой взглядъ слова эти должны быть по самой сущности своей отнесены къ формѣ, языку, поэтическому способу выраженія, и стало быть именно къ стихотвореніямъ Данта, явившимся до 1300 года, и къ пріобрѣтенной имъ благодаря тому поэтической славѣ. Что въ этомъ отношеніи выраженіе **bello stile** не можетъ примѣняться къ Монархіи, оппонентъ мой знаетъ очень хорошо [660]) и потому-то и указываетъ намъ именно на содержа́ніе [661]). Мы уже видѣли, какою эта ссылка оказывается въ дѣйствительности. O **citationes** всего лучше было бы умолчать, такъ какъ онѣ принадлежатъ Виргилію, а не Данту, да и всѣ эти цитаты изъ Энеиды не могутъ имѣть ничего общаго съ **bello stile** Данта и съ пріобрѣтеннымъ имъ вслѣдствіе того **honore**. И когда мой оппонентъ ссылается на извѣстное мѣсто изъ Чистилища (24, 55—63), то тутъ идетъ рѣчь не о **bello**, но о **dolce stil nuovo**; но еслибъ даже и такъ было, необходимо же посмотрѣть, что именно считаетъ Дантъ характеристической особенностью этого сладостнаго, новаго стиля? Какъ извѣстно, онъ видитъ ее въ оригинальности, въ томъ, что онъ, въ противоположность услов-

---

[660]) Prolegg. XLIII, прим. 13. Monarchiam ab elegantiis Maronianis multum abesse non negabo, licet speciminibus gravis eloquentiae non careat.

[661]) Prolegg. ibid. Citationes Virgilianos in opere nostro, et ipsius argumentum proposito Aeneidis simile, nihil pro nobis facere putat idem vidoctus, quum „stilus“ non de eo quod dicitur, sed de modo dicendi usrpetur. Ad vertos tamen in Purgatorio (XXIV) „id quod, Amor interius dictat“, quod auctori nostro laudem „dulcis stile“ parasse, fatetur Bonajunta, dicta magis, quam modum dicendi significare.

нымъ пріемамъ старой школы, умѣлъ высказывать въ своихъ произведеніяхъ внутреннюю правду чувства и настроенія [662]). Если, на взглядъ моего противника, Монархія и по своему содержанію и по цитатамъ существенно носитъ виргиліанскій отпечатокъ (чего въ дѣйствительности нѣтъ), то какъ же можетъ идти тутъ рѣчь объ оригинальности и самостоятельности, и какъ возможно указаніе на этотъ **dolce stile nuovo**, выходящій изъ глубины души? [663]) Вообще главная причина упомянутаго мною недоразумѣнія со стороны моего уважаемаго противника заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ относящіяся сюда слова и вообще всю терцину внѣ ихъ общей связи, независимо отъ двухъ предшествующихъ, къ которымъ онѣ безусловно принадлежатъ, между тѣмъ какъ они могутъ быть правильно поняты лишь въ той связи съ ними, на которую указываетъ самъ поэтъ. Мѣсто это гласитъ такъ:

Or se'tu quel Virgilio, e quella fonte
Che spande di parlar si largo fiume?
Rispose lui con vergognosa fronte.
O degli altre poeti onore e lume,
Vagliami il longo studio e il grande amore,
Che m'ha fatto cercar lo tuo volume.
Tu se'lo mio maestro e il mio autore:
Tu se'solo colui, da cui io tolsi
Lo bello stile, che ma fatto honore.

Въ этой связи «**bello stile**» ужъ никакъ не можетъ быть отнесено къ Монархіи. Если не искажать смысла словъ, то Дантъ очевидно хотѣлъ только сказать, что онъ образовалъ свою поэтическую манеру и свой языкъ, изучая Виргилія, «этотъ источникъ, изъ котораго изливается столь богатый потокъ рѣчи»; онъ называетъ его «свѣтомъ и честью остальныхъ поэтовъ» и ссылается на «долгое изученіе и горячую любовь свою» къ его сочиненію. Виргилій былъ его «наставникомъ и образцомъ» и т. д. Хорошо извѣстно, что Дантъ такъ усвоилъ

---

[662]) Только потому, что оно попалось подъ руку, указываю я на слѣдующее мѣсто 4 канцоны, не имѣя въ виду доказать этимъ что-либо:

„— E perchè tempo mi par d'ospettare,
Disporro giù lò mio soave stilo
Ch io ha tenuto nel trattar d'Amore,
E diro del valore.

[663]) „Id quot Amor interior dictat". См. Prolegg. ibid.

себѣ Энеиду, что нетолько воспринялъ ее своей памятью [664]), но что она перешла ему въ плоть и кровь [665]).

Усвоивая себѣ чужой языкъ, можно усовершенствовать свой собственный, — это фактъ всѣмъ знакомый; точно также извѣстно, что именно поэты, принадлежащіе къ болѣе молодой литературѣ, съ особою любовью развиваются обыкновенно на изученіи того или другого поэта какой-либо древнѣйшей и совсѣмъ развившейся литературы. Исторія словесности и языка любого народа даетъ тому убѣдительнѣйшія доказательства. Такъ, повторяю, и Дантъ хотѣлъ только въ приведенномъ выраженіи сказать, что на примѣрѣ Виргилія и его Энеиды развилъ свой стихотворный слогъ, складъ своей мысли и поэзіи, такъ рано прославившій его. Тому вовсе не противорѣчитъ тотъ фактъ, что Энеида есть эпическое произведеніе, относящіяся же сюда стихотворенія Данта имѣютъ характеръ лирическій. Канцоны Данта, надѣюсь, достаточно вѣски, чтобы, въ качествѣ поэтическихъ созданій, имѣть значеніе въ дѣлѣ развитія стихотворнаго слога. Поэтъ развивался на примѣрѣ, поданномъ ему другимъ поэтомъ, и дѣйствительно, онъ уже въ силу этого имѣлъ-бы по меньшей мѣрѣ столько же права, какъ и другъ его, Джьованни ди Болонья (на котораго ссылается и мой оппонентъ), принять прозвище **de Virgilio**, хотя самъ писалъ по итальянски [666]), послѣдній же — по латыни. Именно для Данта, которому приходилось создавать себѣ слогъ, былъ высоко цѣненъ такой образецъ, какъ Виргилій, хотя въ поэтическомъ отношеніи самъ онъ и стоитъ безмѣрно выше Виргилія [667]). Отношеніе, въ которое Дантъ (въ при-

---

[664]) Inferno, 20, 112:

> Euripilo ebbe nome e cosi il canta
> L'alto mia tragedia in alcun loco,
> Ben lo sai tu, che la sai tutta quanta.

[665]) См. далѣе отдѣлъ IV, гл. 9.

[666]) Конечно, за исключеніемъ эклогъ, но и онѣ подкрѣпляютъ высказанный мною выше взглядъ.

[667]) Изъ роли, отведенной Виргилію въ Божественной Комедіи, быть представителемъ ученія объ императорской власти, т. е. блаженства земной жизни, никто не захочетъ вывести аргументъ въ пользу примѣненія bello stile къ Монархіи, хотя я удивляюсь, что эта попытка не была еще сдѣлана. Но такъ какъ это, быть можетъ, еще случится, то, въ предупрежденіе этого я возражу противъ такой возможной аргументаціи, что вполнѣ естественно, если Дантъ въ (фиктивномъ) стѣсненномъ положеніи, въ которомъ будто-бы находился, увидѣлъ во внезапно появившемся „мудромъ“ Виргиліѣ, которому онъ былъ столькимъ обязанъ въ дѣлѣ своего образованія, утѣшителя и молилъ его о помощи. Какого рода помощь и спасеніе окажетъ ему Виргилій, онъ

веденномъ выше мѣстѣ) ставитъ себя къ Виргилію, мы должны себѣ представить приблизительно въ томъ же смыслѣ, какъ изображено поэтомъ въ Чистилищѣ (21, 94—99) отношеніе Стація къ тому же Виргилію. «Солнце моего поэтическаго пыла», заставляетъ говорить его Дантъ, «происходило отъ искръ того божественнаго пламени, которое восхищало болѣе тысячи людей, именно, отъ Энеиды, породившей и вскормившей мое поэтическое творчество [668]). » Если я не ошибаюсь, невозможно привести болѣе ясной и надежной цитаты въ параллель обсуждаемымъ нами строкамъ и я надѣюсь, что въ этомъ случаѣ будетъ совершенно оставлено въ сторонѣ политическое содержаніе Энеиды. Поэтъ воспламенилъ поэта; болѣе этого и не имѣлось въ виду сказать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ!

Наконецъ, я не премину напомнить, что для объясненія словъ: «**bello stile**» слѣдуетъ все-таки принять въ соображеніе особенности языка. Если я не ошибаюсь, то ни одинъ образованный Итальянецъ не истолкуетъ этихъ словъ такъ, какъ это дѣлаетъ мой почтенный противникъ, который, правда, къ моему большому прискорбію не совсѣмъ высказался по этому поводу, хотя не хуже другихъ знаетъ языкъ, страну и людей по ту сторону Альпъ. Насколько мнѣ извѣстно, слова «**il bello stile**» примѣняются въ Италіи къ изящной словесности» и они сдѣлались техническимъ терминомъ, наравнѣ съ словами «**belle arte**» и, еслибъ въ эпоху Данта слова эти и не имѣли еще этого позднѣйшаго, опредѣленнаго значенія, то мнѣ кажется, что въ немъ все-таки заключается указаніе на то направленіе, въ которомъ только и можетъ въ нашемъ случаѣ быть найденъ первоначальный смыслъ. Я, конечно, не знаю, какой авторитетъ мой почтенный противникъ приписываетъ словарю **della Crusca**, но совершенно игнорировать его онъ, вѣроятно, не захочетъ. Передо мною находится, правда, только извѣстное извлеченіе изъ этого большаго труда, но такъ какъ я имѣю право полагать, что извлеченіе это передаетъ главныя данныя, если и въ сокращенномъ видѣ, то все-таки вѣрно,— то я и

еще не вѣдаетъ; онъ еще только долженъ провѣдать объ этомъ-то и это и составляетъ большую часть содержанія и тенденціи поэмы. Тотъ, кто, поэтому, прибѣгаетъ къ подобному аргументу, заслужитъ справедливый укоръ въ

[668]) Чистилище, 21, 94—98:

Al mio ardor fur seme le favile,
Che mi scaldar, della divine fiamma
Onde sono allumati più de mille,
Del Eneida dico, la qual mamma
Fummi, e fummi nutrice poetando.

хотѣлъ бы напомнить о немъ при этомъ случаѣ; оно вполнѣ говоритъ въ пользу моего толкованія, и уже Бокачьо и Петрарка не иначе понимали это выраженіе.

3) Мой противникъ ссылается на полнѣйшую безотносительность Монархіи къ конкретнымъ, живымъ событіямъ какой-нибудь опредѣленной эпохи, т. е. той эпохи, когда возникло или могло возникнуть это сочиненіе, словомъ, въ нашемъ случаѣ къ эпохѣ римскаго похода короля Генриха. Въ такомъ чисто-теоретическомъ сочиненіи, какъ Монархія, это не имѣло бы, конечно, никакого значенія и говорило-бы столь же много или столь же мало въ пользу нашего воззрѣнія, какъ и за или противъ воззрѣній нашего уважаемаго противника; однако, мы уже выше указали на случай, который какъ-то плохо согласуется съ мнимо безусловной безотносительностью Монархіи. Я говорю о приведенномъ выше мѣстѣ изъ 3 книги Монархіи (гл. 3, стр. 96, строки 79—84). Мое толкованіе этого мѣста не встрѣтило, правда, одобренія со стороны Витте (**Prolegg.** XI и VI); я тѣмъ не менѣе остаюсь въ главныхъ чертахъ при моемъ мнѣніи. Я отнюдь не выводилъ прежде (во второмъ изданіи) изъ этого мѣста строго-опредѣленнаго заключенія, будто Дантъ говорилъ тутъ спеціально о своемъ изгнаніи, и только мимоходомъ коснулся его; для меня и тогда, и теперь главный смыслъ заключался въ томъ, что это не могло быть написано только вообще и **ex abstracto**, и что въ виду историческихъ данныхъ оно могло быть написано лишь послѣ изгнанія поэта, точнѣе, во время римскаго похода. Въ этомъ смыслѣ я указалъ одновременно на поразительное параллельное мѣсто въ посланіи Данта къ королю Генриху. Послѣ изгнанія поэта и послѣ римскаго похода эти выраженія получаютъ значеніе, рѣзко бросающееся въ глаза; перенесенныя въ эпоху короля Альбрехта, до торжества Черныхъ, они были-бы едва понятны. Мой противникъ допускаетъ, правда, что подъ людьми, покрытыми вороньими перьями и т. д., слѣдуетъ понимать Гвельфовъ, но возражаетъ мнѣ однако, что въ такое время, когда вся Флоренція была раздѣлена на Черныхъ и Бѣлыхъ, конечно, ни одинъ Черный не назвался бы Бѣлымъ; но это лишь **peticio principii**, такъ какъ спорный вопросъ и заключается именно въ томъ, было-ли это сочиненіе написано какъ разъ въ то время, когда вся Флоренція распалась на Бѣлыхъ и Черныхъ, т. е. въ нашемъ случаѣ до 1302 г. Прозвища Черныхъ и Бѣлыхъ существовали и позднѣе, но были постепенно снова замѣнены названіями Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Я никогда и не полагалъ,

чтобы Дантъ хотѣлъ сказать, будто одинъ изъ флорентинскихъ Черныхъ переименовалъ себя когда-либо въ Бѣлые. Выраженіе «corvorum plumis coperti» и «oves albae in grege domini» суть ничто иное, какъ образное опредѣленіе, намекающее на то, что Гвельфы, «имѣющіе отцомъ дьявола», притворяются искренними и безкорыстными приверженцами и членами церкви. Слова «oves albae» касаются лишь grex domini и тѣмъ менѣе относятся къ флорентинскимъ Бѣлымъ и Чернымъ, что Бѣлые, какъ таковые, навѣрно никогда не причисляли себя къ grex domini. Я поэтому еще разъ указываю для своей цѣли на повтореніе выраженія «grex domini»; вообще двѣ фразы одного и того же автора, вполнѣ согласующіяся по смыслу, а отчасти и по формѣ, навѣрно возникли приблизительно одновременно.

4) Мой уважаемый оппонентъ указываетъ на то, что въ посланіи къ государямъ и властителямъ Италіи (III, 3) о королѣ Генрихѣ говорится, какъ о властителѣ, пользующемся благословеніемъ папы Климента V, въ Монархіи же напротивъ того папа (безъ точнаго указанія, какой именно) названъ въ числѣ тѣхъ, которые отрицаютъ императорскую власть, какъ понимаетъ ее Дантъ, и оспариваютъ ея права; Дантъ, говоритъ г. Витте, не могъ же написать въ одно и то же время оба эти предложенія. Но вѣдь извѣстно, что поэтъ измѣнилъ свое доброе мнѣніе о папѣ Климентѣ въ теченіе римскаго похода, и такимъ образомъ нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что онъ, какъ я полагаю, нѣсколько времени спустя, подъ впечатлѣніемъ совершившихся фактовъ, выводитъ вообще папу въ числѣ противниковъ имперіи, равной папству и независимой отъ него во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ. Онъ могъ бы сдѣлать то же самое въ теченіе по меньшей мѣрѣ цѣлаго столѣтія, и при каждомъ папѣ, напримѣръ и при Григоріѣ X, который, если помнитъ читатель, такъ много сдѣлалъ для прекращенія междуцарствія. При томъ Дантъ, несмотря на всю рѣзкость, съ какою онъ высказываетъ свою точку зрѣнія, именно въ данномъ случаѣ такъ мягко выражается, что я вообще не думаю, чтобъ данное мѣсто могло быть написано въ дни папы Бонифація VIII [669]). Такимъ образомъ изъ указываемаго факта можно было-бы вывести даже новое доказа-

[669]) Monarchia, III, 3, стр. 96, строк. 24—26: Summus namque pontifex, Iesu Christi Vicarius, et Petri successor, cui non quidquid Christo, sed quidquid Petro debemus, zelo fortasse clarium nec non alii gregum pastores, et alii, quos, credo zelo solo matris Ecclesiae promoveri, veritati quam ostensurus sum, de zelo forsan (ut dixi) non de superbia, contradicunt.

тельство, что Монархія (и именно третья книга ея) написана была лишь въ позднѣйшій періодъ римскаго похода.

5) Я уже говорилъ о томъ, что невѣроятно, чтобъ Дантъ, говоря объ имперіи въ **Convito**, достовѣрно написанномъ послѣ его изгнанія, вовсе не упомянулъ объ особомъ своемъ сочиненіи на эту тему, если оно въ ту пору уже было написано. Я, конечно, не преувеличиваю значенія **argumentum a silentio**, но долженъ тѣмъ не менѣе возразить на доводы моего противника (**Prolegg., XLVII**), — что Дантъ въ Пирѣ не только коснулся даннаго вопроса съ точки зрѣнія отношеній между имперіей и папствомъ, какъ это утверждаютъ, но что, въ виду своей цѣли, входитъ въ разсужденія о сущности императорской власти, основной причинѣ ея значенія, ея призванія въ исторіи и т. д. (IV, гл. 4 и 5); эти взгляды онъ потомъ повторяетъ и въ Монархіи, — такъ что намъ не можетъ не показаться непонятнымъ, что при этомъ поводѣ онъ не упоминаетъ о своемъ раннемъ сочиненіи, если оно уже тогда существовало [670]).

6) Г. Витте считаетъ немыслимымъ, чтобы въ Монархіи Дантъ не принялъ вовсе въ соображеніе опредѣленій, высказанныхъ папою Бонифаціемъ VIII въ буллѣ «**Unam sanctam**» противъ короля французскаго Филиппа IV по вопросу объ отношеніяхъ между духовною и свѣтскою властью, — если допустить, что Монархія написана лишь послѣ появленія этой буллы, т. е. послѣ 1302 г. На это я возразилъ прежде (во 2 изд.) лишь то, что Дантъ, еслибъ для него важно было особо опровергнуть развитые въ данной буллѣ взгляды, конечно, сдѣлалъ бы это въ Пирѣ, гдѣ ему также приходится го-

[670]) Если мой оппонентъ истолковываетъ въ пользу своего мнѣнія о болѣе раннемъ появленіи Монархіи, чѣмъ Пира, то обстоятельство, что Дантъ въ Пирѣ (III, 8) цитируетъ сочиненіе de quatuor virtutibus (въ дѣйствительности написанное нѣкіимъ Martinus Dumiensis), не называя его автора, тогда какъ въ Монархіи приписываетъ его Сенекѣ, — то я долженъ признаться, что тутъ усердіе его излишне, и что, желая доказать многое, онъ не доказываетъ ничего. Не называть вовсе автора какого нибудь произведенія или считать авторомъ того, кого въ данную минуту, хотя и неправильно, называло общее мнѣніе, — по истинѣ сходится къ одному и тому же. Съ тѣмъ же правомъ я могъ бы сказать, что Дантъ, когда писалъ Convito, вообще ничего не зналъ объ авторѣ названнаго сочиненія (что очень возможно), и лишь впослѣдствіи, работая надъ Монархіей, справился объ немъ, такъ какъ ему важно было снабдить цитату именемъ ея автора. Въ моихъ глазахъ, послѣднее предположеніе свидѣтельствуетъ даже прямо о большей зрѣлости писателя и указываетъ на принятую въ Монархіи систему цитированія. Впрочемъ я признаю лишь за этимъ вопросомъ настолько важности, насколько останавливается на немъ мой оппонентъ.

ворить объ имперіи. Теперь же я вижу, что это возраженіе не убѣдительно, и если мой оппонентъ отклоняетъ его со своей точки зрѣнія, то мнѣ приходится примириться съ этимъ, хотя и не признавая правильность его доводовъ. Если Дантъ считалъ для своего дѣла теорію папы столь важною, какъ это думаетъ г. Витте, то онъ долженъ былъ бы дѣйствительно пользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ оспаривать ее. Онъ долженъ былъ бы найти къ тому поводъ и въ «Божественной Комедіи», такъ какъ тамъ онъ съ достаточной рѣзкостью произноситъ осужденіе папы Бонифація.

Но въ новѣйшее время мнѣ сдѣлано было съ другой стороны разъясненіе того факта, что Дантъ обходитъ молчаніемъ буллу; я присоединяюсь къ этому объясненію тѣмъ охотнѣе, что и самъ пришелъ къ нему со времени моего второго изданія. Оно основано именно на томъ вѣскомъ соображеніи, что въ Монархіи Дантъ разсматриваетъ не отношеніе между духовной и свѣтской властью, между государствомъ и церковью вообще, но только отношеніе между папствомъ и императорской властью, тогда какъ въ спорѣ Бонифація съ королемъ Филиппомъ главную сущность составляла защита прерогативъ французскаго королевства отъ притязаній куріи [671]). Нѣкоторые изъ выставленныхъ Бонифаціемъ аргументовъ Дантъ уже пробовалъ опровергнуть, не придавая особеннаго значенія тому, что они заявлялись и раньше иными авторитетами. При явномъ, искренномъ нерасположеніи поэта къ Филиппу IV, которое ни въ чемъ не уступало его враждѣ къ Бонифацію, онъ тѣмъ менѣе могъ испытывать желаніе вмѣшиваться какимъ бы то ни было путемъ въ этотъ споръ, что не могъ не видѣть, какъ Французы, съ одной стороны противясь притязаніямъ папы, съ неменьшей рѣшительностью и въ ту же самую пору отказывались признать главенство императора. Поэтому для Данта не было никакой причины, никакого повода изслѣдовать шагъ за шагомъ аргументацію папы. Слѣдовательно, мы не имѣемъ права изъ-за игнорированія буллы въ Монархіи заключать о сочиненіи ея до появленія папскаго посланія,—и тѣмъ менѣе имѣемъ мы на то права, что предположеніе, будто французскіе сторонники Филиппа IV утилизировали Монархію Данта въ своемъ спорѣ съ папой, должно быть еще доказано,—и что кромѣ того первона-

[671]) Это объясненіе находимъ прежде всего у Э. Фридберга въ указанномъ уже выше разсужденіи его (1874 г.), а въ существенныхъ чертахъ въ его же статьѣ, помѣщенной въ 8 томѣ Zeitschrift für Kirchenrecht. На ряду съ Фридбергомъ къ тому же объясненію примкнулъ и Derichsweiler въ указанной уже выше своей программѣ 1873 года.

чальную принадлежность тѣхъ пріемовъ, которыми вели борьбу обѣ стороны, чрезвычайно трудно, почти невозможно прослѣдить.

7) Мой оппонентъ особенное значеніе придаетъ контрасту между мнѣніями Данта о дворянствѣ, высказанными имъ съ одной стороны въ **Convito** (IV, 3), съ другой въ Монархіи (II, 3). Существованіе этого контраста дѣйствительно отрицать нельзя. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Дантъ считаетъ признаками дворянства личныя и внутреннія преимущества, позже же говоритъ, что дворянство состоитъ въ даровитости и унаслѣдованномъ богатствѣ. На мой взглядъ, то воззрѣніе, которое при опредѣленіи сущности дворянства придаетъ особое значеніе историческому моменту, наслѣдственной передачѣ преимуществъ, является болѣе зрѣлымъ и вѣрнымъ,— другое же, абстрактное воззрѣніе носитъ совершенно противоположный характеръ. Относящееся сюда же мѣсто изъ Чистилища, XIII (16, 1—10) вовсе не ближе стоитъ къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ **Convito**, чѣмъ къ Монархіи. Въ этихъ стихахъ открыто признается существованіе благородства крови (**nobilta di sangue**) и требуется постоянное нравственное обновленія ея, что приблизительно совпадаетъ съ выраженіемъ въ Монархіи: «**Est enim nobilitas, virtus et divitiae antiquae**», тогда какъ соотвѣтствующее мѣсто въ Пирѣ отрицаетъ всякую наслѣдственную преемственность по отношенію къ дворянству [672]).

8) Витте въ подкрѣпленіе своего взгляда указываетъ на то, что Дантъ не упоминаетъ въ Монархіи о своемъ изгнаніи, тогда какъ касается этой темы вездѣ, въ **Convito** и въ Божественной Комедіи. Если не желать въ приведенныхъ выше выраженіяхъ (приложеніе къ наст. отдѣлу, № 3) скрытый намекъ, то вполнѣ достаточно обратить вниманіе на сплошной объективный характеръ всего произведенія, который именно и отстранялъ совершенно всѣ личныя соображенія. И въ самомъ дѣлѣ, плохо пристало бы сильному духомъ человѣку касаться личныхъ своихъ неудачъ въ научномъ и публицистическомъ сочиненіи, въ которомъ онъ обсуждаетъ высшій и важнѣйшій въ его глазахъ міровой вопросъ. Это было умѣстно въ Божественной Комедіи, произведеніи поэтическомъ, гдѣ въ силу самаго его плана онъ обсуждаетъ великіе и всеобщіе вопросы человѣчества, примѣняя ихъ къ своей личности и ея судьбамъ.

---

[672]) Я желалъ бы напомнить объ этомъ также и Пауру (Quellen der Lebensgeschichte Dante's, стр. 33), который думаетъ, что Монархія написана хотя и послѣ изгнанія, но прежде четвертой книги Пира.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ мною соображеній, обсуждаемый нами вопросъ приведенъ теперь по крайней мѣрѣ къ такому положенію, что еслибъ даже моимъ доводамъ и не суждено было убѣдить всѣхъ, то и противоположное воззрѣніе оказывается далеко не выше всѣхъ сомнѣній и возраженій, — и поэтому всего благоразумнѣе будетъ не излагать уже его теперь публикѣ словно неотразимую истину [673]).

Въ заключеніе всего предшествовавшаго изложенія политической теоріи Данта слѣдуетъ еще упомянуть, что произведеніе, въ которомъ Дантъ преимущественно выразилъ свои воззрѣнія на политику, какъ и слѣдовало ожидать, не могло долго пройти незамѣченнымъ папскою партіей и не миновало ея гнѣва. Не упоминая о другихъ частностяхъ [674]), ограничимся указаніемъ одного лишь весьма рельефнаго образчика іерархической злобы, сбереженнаго Боккачьо и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ никѣмъ еще не отрицавшагося [675]).

Дантово произведеніе, почти преданное забвенію послѣ смерти короля Генриха VII, внезапно пріобрѣло значеніе въ пору римскаго похода короля Людовика Баварца и господства его соперника-папы, сталобыть почти черезъ десять лѣтъ послѣ смерти поэта,—и именно потому, что сторонники короля и противники папы Іоанна XXII ссылались на Монархію. Когда императоръ Людовикъ снова покинулъ Италію, папскій кардиналъ-легатъ въ Ломбардіи, Бертранъ Кастенетъ, всенародно объявилъ Монархію еретическою книгой и приказалъ ее сжечь. Ту же участь онъ присудилъ бы, на «вѣчный позоръ», и останкамъ ея автора, еслибъ Пино делла Тоза, знатный Флорентинецъ, пребывавшій въ Болоньѣ какъ разъ во время этихъ происшествій, и мессеръ Остаджіо ди Полента, внушавшіе оба кардиналу уваженіе, не воспротивились этому поступку. Кардиналъ долженъ бы благодарить этихъ людей, такъ какъ не на памяти поэта остался бы позоръ подобнаго аутодафе. Какъ бы то ни было, прин-

---

673) Какъ это дѣлаетъ изъ числа новѣйшихъ комментаторовъ Скартаццини. См. его изданіе Div. Com., томъ I, стр. 7, примѣч. 87.—По вопросу, затронутому выше (прилож. къ наст. отдѣлу, № 2), я сошлюсь еще на книгу Компаретти, Virgilio nel medio evo (I, с. 14), который стоитъ совершенно на моей сторонѣ.

674) Витте, изданіе Монархіи, Prolegg., XLIX и слѣд.

675) Vita di Dante, флорентинское изданіе 1833 года, стр. 76.

ципы и поученія, высказанные Дантомъ въ Монархіи, пали не на безплодную почву; въ эпоху короля Людовика Баварскаго къ нимъ снова вернулись, подражали имъ, развивали ихъ далѣе и, какъ полагаютъ, даже примѣнили ихъ на практикѣ въ эпоху избирательнаго союза въ Ренэ [676]). Припостоянно возобновляющейся борьбѣ между господствомъ духовенства и независимой государственной властью, приходится всегда съ уваженіемъ вспоминать поэта, который одинъ изъ первыхъ, хотя и облекая мысли свои въ форму, свойственную міросозерцанію извѣстнаго времени, возрузилъ, съ безкорыстнымъ одушевленіемъ и рѣдкой силой ума, ярко свѣтившееся знамя державности государственной.

---

[676]) Ср. Ficker, Zur Geschichte des Kurvereins von Rense. Sitzungsberichte per Wiener Akademie, Hist.-philol. Klasse, часть II, стр. 689, годъ 1854. См. Friedberg, l. c.

IV.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

1.

ВРЕМЯ ЕЯ СОЗДАНІЯ, ЕЯ ФОРМА, НАЗВАНІЕ И ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ ПОЭМЫ.

Какъ видно уже было изъ предпринятыхъ нами до сихъ поръ розысканій, четыре основные принципа наполняютъ всю внутреннюю жизнь Данта, кругъ его воззрѣній и чувствъ: любовь, вѣра, политика и наука. Мы не встрѣчались еще съ ними въ совокупности, или, по крайней мѣрѣ, не видали ихъ въ гармоническомъ, уравновѣшенномъ цѣломъ. Въ Новой Жизни преобладаетъ любовь, въ Пирѣ — наука, въ Монархіи — политика, и всюду, конечно, каждая была поставлена въ связь съ вѣрою. Въ тѣсной связи встрѣчаемъ мы эти элементы лишь въ Божественной Комедіи. Въ ней видимъ мы всего Данта, въ то время, какъ въ остальныхъ произведеніяхъ его ума мы находили лишь нѣкоторыя стороны его духа; въ ней различныя стихіи его богатой природы сложились въ одно цѣлое, тогда какъ въ иныхъ произведеніяхъ они сопоставляются лишь изрѣдка и случайно. Посредницею этого объединяющаго процесса явилась поэзія. Тотъ міръ современныхъ ему идей, охваченный полнымъ броженіемъ, — въ которомъ онъ жилъ, все содержаніе дѣйствительной жизни, окружавшей его, поэтъ облекъ въ единую форму и оживилъ единою идеей. Геніальная мощь, съ которою онъ совершилъ это, отличается такимъ поразительнымъ творческимъ даромъ и столь выше всякихъ сравненій, что эта поэма во всѣ времена чествовалась какъ совершеннѣйшее созданіе средневѣковой поэзіи, не только благодаря своему поэтиче-

скому значенію, но и потому, что она вошла въ немногочисленный рядъ образцовыхъ поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ, и Дантъ признанъ былъ первымъ изъ великихъ современныхъ поэтовъ. Божественной Комедіи онъ обязанъ безсмертіемъ своей славы.

Мы вовсе не предполагаемъ входить въ доказательства такого воззрѣнія, даже еслибъ его вообще нужно было еще доказывать; наша задача съ самаго же начала была историческою, а не эстетическою. Поэтому отнынѣ мы ограничимся тѣмъ, что опредѣлимъ и разъяснимъ тѣ стороны, которыя важны для общаго разумѣнія поэмы и могутъ вообще бросить свѣтъ на историческое содержаніе и характеръ ея.

И здѣсь мы съ первыхъ же шаговъ встрѣтимся съ вопросомъ о времени появленія этого произведенія, или, въ частности говоря, трехъ его отдѣловъ порознь; но и въ этомъ вопросѣ господствуетъ въ значительной степени неясность и мы обречены на предположенія. При всемъ томъ при разрѣшеніи даннаго вопроса всего естественнѣе будетъ ограничиться изученіемъ самой поэмы въ ея настоящемъ видѣ. Повидимому не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, что замыселъ Божественной Комедіи сложился еще во Флоренціи. Это обнаруживается весьма убѣдительно изъ соотношенія Новой Жизни съ Божественной Комедіей. «Чудесное видѣніе», о которомъ Дантъ говоритъ въ концѣ перваго изъ этихъ произведеній, очевидно то самое, въ которое облечена и Божественная Комедія[677]). Этою поэмой Дантъ исполнилъ свое обѣщаніе «когда нибудь съ Божьей помощью сказать о Беатриче то, что никогда еще не было сказано ни объ одной смертной женщинѣ»[678]). Поэтому мы имѣемъ право считать Новую Жизнь источникомъ Божественной Комедіи. Весьма вѣроятно при томъ, что, когда Дантъ писалъ ее, планъ Божественной Комедіи былъ уже въ извѣстной степени выработанъ. Не можетъ быть случайностью, что число три играетъ такую важную роль въ обоихъ произведеніяхъ[679]). Но не это только одно обстоятельство стоитъ внѣ сомнѣній. Первая канцона Новой Жизни могла получить дошедшій до насъ видъ лишь послѣ смерти Беатриче, когда основныя черты плана Божественной Комедіи были уже выработаны. Дантъ несомнѣнно уже указываетъ тутъ на то спасеніе, которое ожидаетъ его впослѣдствіи, благодаря

---

677) См. выше стр. 78, примѣч. 170.
678) Тамъ-же.
679) См. примѣч. 169.

любимой женщинѣ. «Тотъ человѣкъ, читаемъ мы въ третьей строфѣ, къ которому она обратила нѣкогда привѣтливый взоръ, не можетъ на вѣки погибнуть, — столь щедро одарилъ ее Богъ своею милостью»[680]). И если все это можетъ еще показаться недостаточно убѣдительнымъ, то мы находимъ и другое свидѣтельство, во второй строфѣ, гдѣ съ полнымъ основаніемъ видятъ указаніе на странствіе поэта по аду. Ангелы и святые, сѣдящіе въ небесахъ, вымаливаютъ себѣ у Бога живущую еще на землѣ Беатриче, какъ единственное существо, котораго недостаетъ небу для полнаго его совершенства. Молящимъ данъ отвѣтъ: пусть еще вооружатся терпѣніемъ, ибо Беатриче должна еще пробыть нѣсколько времени на землѣ, гдѣ одинъ человѣкъ страшится потерять ее, — тотъ человѣкъ, который, находясь въ аду, скажетъ погибшимъ душамъ: «Я зрѣлъ надежду праведныхъ»[681]). Соотношеніе тутъ, на нашъ взглядъ, столь очевидно, что необходимъ намѣренный самообманъ, чтобъ отрицать его.

Въ виду этихъ фактовъ становится вдвойнѣ правдоподобнымъ преданіе, что Дантъ дѣйствительно приступилъ во Флоренціи и къ разработкѣ задуманнаго произведенія. Говоря это, мы разумѣемъ лишь изложеніе его на «иресвѣтломъ народномъ языкѣ»: въ виду его вдохновенной симпатіи къ народной рѣчи, симпатіи тѣсно связанной со всею его литературной дѣятельностью, намъ кажется просто неправдоподобной мысль, будто Дантъ могъ имѣть серьозное намѣреніе написать Божественную Комедію по латыни, — хотя Боккачьо это и утверждаетъ, и хотя даже дошли до насъ и мнимо подлинные три начальныхъ стиха первой пѣсни[682]). Послѣ того какъ

---

[680]) Vita Nuova, p. 48, v. 53—54:

Ancor le ha Dio per maggior grazia dato,
Che non può mal finir che le ha parlato.

[681]) Ibid. стр. 47, ст. 38—42:

Diletti mili, or sofferite in pace,
Che vostra speme sia quanto mi piace
Là ev'è alcun che perder, lei s'attende,
E che dirà nell' Inferno a'malnati:
Io vidi la speranza de' beati.

Два послѣдніе стиха очевидно, тѣ самые, которые соотвѣтствуютъ толкованію Розетти и друг. Malnati — это ничто иное, какъ perduta gente Ада, Ш, 3, и le perdute genti Чистилища XXX, 138. — Понять же подъ этими словами испорченный міръ, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Витте (Erklärung der lyrischen Gedichte Dante's II, S. 22) совершенно невозможно.

[682]) Боккачьо сохранилъ ихъ намъ. Они не имѣютъ, однако, ничего общаго съ первой терциной первой пѣсни Ада и составляютъ навѣрно, ничто иное, какъ позднѣйшее измышленіе какого нибудь празднаго ума. Вотъ они:

Дантъ написалъ на народномъ нарѣчіи Новую Жизнь, бывшую, безспорно, корнемъ и основою Божественной Комедіи, не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, въ силу сущности того направленія, которое избралъ самъ поэтъ, что онъ напишетъ на томъ же языкѣ и свою большую поэму. Всѣ противоположныя увѣренія и мнѣнія возникли, очевидно, единственно вслѣдствіе необычайности этого рѣшенія, съ которымъ никакъ не могли примириться неисправимые приверженцы «ученаго» языка, начиная съ Іоанна де Виргиліо вплоть до Иоджіо, такъ что найденная Вивіани латинская обработка первыхъ семи пѣсенъ Ада должна безусловно считаться только одною изъ многократныхъ попытокъ перевода, полное окончаніе котораго было предоставлено лишь нашему столѣтію [683]). Поэтому, уже по этой одной причинѣ, а еще болѣе по тысячѣ другихъ, непозволительно утверждать, будто Дантъ пользовался еще во Флоренціи для Божественной Комедіи латинскимъ языкомъ и только позднѣе, послѣ своего изгнанія, языкомъ народнымъ, точно его изгнаніе находилось въ какой либо связи съ этимъ вопросомъ. Впрочемъ, въ чемъ только не обвиняли это изгнаніе! Дантъ самъ намекаетъ, однако, въ упомянутомъ нами окончаніи Новой Жизни, на свое намѣреніе приступить въ ближайшемъ времени къ выполненію своего обширнаго замысла. «Если Всевышній даруетъ мнѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни», говоритъ онъ, «я надѣюсь сказать о Беатриче то, что еще не было сказано ни объ одной смертной женщинѣ»! Въ виду этихъ словъ можно считать вѣроятнымъ, что Божественная Комедія была начата еще до изгнанія поэта, такъ какъ Новая Жизнь была закончена, позднѣйшимъ срокомъ, въ 1300 году [684]). Если именно къ 1300 и 1301 г. отно-

---

Ultima regna canam fluido contermina mundo,
Spiritibus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cuique suis data lege tonantis.

[683]) Ср. предисловіе Витте къ латинскому переводу Божественной Комедіи ab Abbate della Piazza Vicentino. Lipsiae, 1848 г.

[684]) Мы уже потому не можемъ допустить болѣе раннее окончаніе Новой Жизни, что „чудное видѣніе“, о которомъ Дантъ говорилъ въ концѣ ея, очевидно, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ видѣніемъ Божественной Комедіи, а она начинается съ 25 марта 1300 года, на что и указывали прямо Пауру. Пауръ игнорировалъ этотъ фактъ; если онъ, хочетъ остаться при своемъ отрицательномъ воззрѣніи, то долженъ либо отрицать тождественность обоихъ видѣній, либо уличить поэта въ противорѣчивомъ произволѣ для чего, мнѣ кажется, нѣтъ никакого повода.

сится и усиленнѣйшая политическая дѣятельность Данта во Флоренціи, то это еще не причина считать немыслимымъ, чтобы онъ нашелъ сколько нибудь досуга и для созданія нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ его, очевидно давно уже задуманнаго и продуманнаго, поэтическаго произведенія. Но ранѣе марта 1300 г. поэтъ врядъ ли началъ свою поэму, такъ какъ связанныя съ этимъ временемъ остальныя соотношенія съ дѣйствительностью слишкомъ глубоко и, такъ сказать, принципіально слились съ ея организмомъ, и не даютъ права предположить, что, при началѣ его труда, избранная поэтомъ исходная точка относилась къ прошлому. Но для насъ важно въ этомъ случаѣ не то. Изъ этихъ изысканій явствуетъ главнымъ образомъ, что изгнаніе поэта столь же мало опредѣлило зарожденіе основной мысли Божественной Комедіи, насколько, какъ видно изъ нашихъ прежнихъ разъясненій, оно имѣло рѣшающее вліяніе на возникновеніе и развитіе его политической системы. На основаніи приведенныхъ нами заключительныхъ словъ Новой Жизни можно думать, что Дантъ надѣялся, повидимому, окончить задуманное свое произведеніе въ болѣе краткій срокъ, чѣмъ это ему удалось въ дѣйствительности. Случившееся тѣмъ временемъ изгнаніе неизбѣжно должно было вызвать на пути выполненія его замысла разнообразнѣйшія трудности и замедленія. Но не только это: безъ изгнанія, и продолжавшагося до его кончины, поэма несомнѣнно была бы иная во многихъ и существенныхъ подробностяхъ, хотя, конечно, она сдѣлалась бы не настолько мягче и безстрастнѣе сама по себѣ, какъ многіе думаютъ. Вѣдь, даже въ послѣднее время своей жизни поэтъ, несмотря на страстный языкъ, которымъ онъ говорилъ въ своей поэмѣ противъ Флорентинцевъ, ожидалъ призыва своего на родину именно ради этой поэмы. Безъ изгнанія, однако, исчезъ-бы безъ сомнѣнія цѣлый рядъ политическихъ, нравственныхъ и личныхъ мотивовъ, созданныхъ именно событіями и опытомъ позднѣйшихъ лѣтъ, исчезло-бы многое такое, чѣмъ мы теперь всего болѣе восхищаемся. Такимъ образомъ изгнаніе дало безспорно значительную часть того горючаго матеріала, который въ такой степени пылаетъ въ Божественной Комедіи, но самаго огня оно ни въ какомъ случаѣ не зажгло. Рамка поэмы была съ самаго начала такъ построена и направлена, что могла легко и безъ насильственной логики воспринять въ себя съ теченіемъ времени, и несмотря на всѣ его превращенія, въ одинаковой степени и будущее и прошлое; въ этомъ то и заключается величіе и геніальность общаго замысла. Благодаря этому, могли впослѣдствіи быть сдѣланы самымъ простымъ способомъ разныя измѣненія въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя созданы

были, быть можетъ, еще во Флоренціи. Къ подобному предположенію невольно приходимъ, если сознана необходимость удержать данное преданіе, такъ какъ предсказаніе ссылки поэта устами Чьякко въ шестой пѣснѣ Ада, конечно, могло быть написано лишь послѣ изгнанія [685]). Точно тоже пришлось бы сказать въ подобномъ случаѣ и о томъ мѣстѣ въ первой пѣсни, гдѣ Виргилій предрекаетъ появленіе будущаго избавителя Италіи, если мы должны (что еще не вполнѣ выяснено) видѣть здѣсь намекъ на Кангранде [686]). До своего изгнанія Дантъ вообще не вступалъ ни въ какія отношенія съ властителями Вероны, да и не могъ возлагать какихъ либо надеждъ о свѣтлой будущности своего народа на Кангранде, которому въ 1300 году исполнилось только семь лѣтъ. Но независимо отъ всего этого, въ такомъ произведеніи, какъ Божественная Комедія, которое по всей своей тенденціи въ высшей степени связано съ событіями современной поры, понятно само собою, что во время самой творческой работы, подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ и все усиливавшихся впечатлѣній, немыслимо было обойтись безъ многихъ исправленій и замѣны одного мѣста другимъ.

И такъ, весьма вѣроятно и правдоподобно, что Дантъ началъ Божественную Комедію еще до своего изгнанія. Принявъ это предположеніе, пріобрѣтаетъ вѣроятность и догадка, что онъ оставилъ свою рукопись во Флоренціи, когда отправился въ Римъ въ качествѣ посла; столь же вѣроятенъ разсказъ о томъ, какъ во время разграбленія его дома рукопись эта была спасена вмѣстѣ съ другими бумагами благодаря счастливому случаю и находчивости жены поэта. Но, когда далѣе повѣствуется, что продолженіе прерванной поэмы было вызвано лишь такою же случайною находкой ея, пять лѣтъ спустя,—признаемся откровенно, мы не находимъ возможности примкнуть къ этой части даннаго преданія. Тутъ мы очевидно имѣемъ дѣло съ ошибкой или съ невѣрнымъ свидѣтельствомъ. Мы никакъ не можемъ втолковать себѣ, чтобъ Дантъ былъ въ состояніи отказаться вслѣдствіе своего изгнанія отъ осуществленія величайшаго замысла всей своей жизни, совершенно забыть торжественное обѣщаніе, которое далъ свѣтлому видѣнію любимой женщины,—такъ что только случайность, побужденіе извнѣ должно было возвратить его на прежъ-

---

[685]) Адъ, VI, 64—75.

[686]) Тамъ-же, I, 100—106. Даже если мы должны видѣть въ этихъ стихахъ намекъ и на Угуччьоне делла Фаджьола (что мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ), то и тогда положеніе вопроса отъ этого не измѣнится.

ній путь [687]). Если дѣйствительно не изгнаніе сложило его міровоззрѣніе, то оно безсиорно усилило и подняло въ немъ то настроеніе, которымъ порождено было это міросозерцаніе; и если онъ прежде бывалъ иногда медлителенъ или недостаточно рѣшителенъ въ выполненіи своего замысла, то испытанія, вынесенныя имъ во время послѣдней катастрофы во Флоренціи, должны были разсѣять всѣ его сомнѣнія. Такимъ образомъ, если рукопись первыхъ семи пѣсней дѣйствительно оставлена имъ была во Флоренціи, и если изгнанный поэтъ нуждался въ ней (это можно допустить) для продолженія поэмы, то всего скорѣе предположить, что онъ самъ старался возможно скорѣе вытребовать ее себѣ и не ждалъ, пока, пять лѣтъ спустя, она попадется въ руки одному изъ его родственниковъ[688]). Это тѣмъ менѣе вѣроятно, что лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этой мнимой находки первыхъ семи пѣсней Дантъ завѣдомо работалъ уже надъ Чистилищемъ, и, стало быть, въ ту пору окончилъ наибольшую часть Божественной Комедіи. Вообще принято вѣрить, что, хотя бы вся поэма была начата до или послѣ изгнанія, Адъ въ значительной степени былъ уже написанъ до римскаго похода короля Генриха. Безусловно точныхъ данныхъ для этого предположенія однако нѣтъ. Къ наиболѣе раннему времени, т. е. къ 1314 году, ведетъ насъ девятнадцатая пѣснь (стихъ 84). Здѣсь Дантъ случайно встрѣчаетъ въ Аду папу Николая III, умершаго въ 1280 году и заявляющаго тутъ, что ближайшимъ его преемникомъ будетъ Бонифацій VIII; но, говоритъ онъ, ему не такъ долго придется ожидать своего собственнаго преемника (Климента V), какъ самъ Николай ожидалъ Бонифація [689]). Бонифацій-же VIII умеръ черезъ двадцать три года послѣ Николая III, а Климентъ V спустя

---

[687]) Мы не принимаемъ при этомъ въ разсчетъ начальныхъ словъ восьмой пѣсни Ада: „io dico seguitando“; выводъ, который дѣлается изъ нихъ въ подкрѣпленіе разсматриваемаго нами преданія, лишенъ убѣдительности.

[688]) Эта часть преданія въ высшей степени подозрительна и тогда, когда она повѣствуетъ, будто ящикъ, въ которомъ хранились различныя бумаги Данта и который былъ спасенъ его женой, былъ открытъ и пересмотрѣнъ лишь черезъ пять лѣтъ и по случайному поводу, — и будто это и повело къ находкѣ.

[689]) Адъ, XIX, 79:

Ma più e il tempo già che è piè mi cossi,
E ch'io son stato così sotto sopra,
Ch'ei non starà piantato coi piè rossi.
Che dopo lui verrà, di più laid' opra,
Di ver ponente un pastor senza legge,
Tal che convien che lui e mi ricopra.

одиннадцать лѣтъ послѣ Бонифація. Такъ какъ тотъ кругъ грѣшниковъ, къ которому Дантъ относитъ этихъ трехъ папъ, есть именно кругъ одержимыхъ симоніею, то Дантъ могъ, конечно, включить въ него и Климента V гораздо прежде обнаруженной имъ лишь впослѣдствіи враждебности къ императору Генриху VII, — и именно въ силу того, что онъ подверженъ былъ этому грѣху: этотъ папа завѣдомо для всѣхъ достигъ своего сана вслѣдствіе сдѣлки съ королемъ французскимъ Филиппомъ IV, носившей всѣ признаки симоніи[690]), но Дантъ, конечно, не могъ впередъ знать, какъ долго проживетъ Климентъ, и, стало-быть, насколько долго (по приведенному нами мѣсту изъ «Божественной Комедіи») Бонифацію придется ждать Климента. Какъ ни вѣроятно было, что Климентъ не процарствуетъ двадцати трехъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе Дантъ, при всей своей проницательности не могъ, на основаніи одного только предположенія, сдѣлать такой намекъ; папа, безъ сомнѣнія, уже умеръ, когда онъ его сдѣлалъ[691]). И, если изъ 19 стиха той же пѣсни явствуетъ, что онъ былъ вообще написанъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ, такъ какъ о событіи, случившемся, на основаніи достовѣрныхъ показаній, еще лѣтомъ 1300 года, и не могшемъ случиться позднѣе, чѣмъ передъ самымъ путешествіемъ поэта въ Римъ, въ качествѣ посла (сентябрь 1301 г.), Дантъ говоритъ, какъ о фактѣ, совершившемся за «нѣсколько лѣтъ» передъ тѣмъ[692]), между тѣмъ, какъ въ жизни человѣка, промежутокъ въ полтора десятилѣтія никакъ не можетъ значить «нѣсколько лѣтъ», — то изъ этого слѣдуетъ только (на это мы уже указали въ общихъ чертахъ), что Дантъ позднѣе, когда онъ уже давно отвелъ Клименту указанное нами мѣсто, далъ упомянутому отрывку ту форму, въ которой мы его видимъ теперь.

---

[690]) На это, и отнюдь не на поведеніе папы во время римскаго похода, указывается тамъ же (стихъ 85):

Nuovo Jason sarà, di cui si legge
Ne' Maccabei: e come a quel fu molle
Suo re, così fia a lui chi Francia regge.

[691]) Доказательства Фратичелли (l. c., p. 276 sqq.) въ пользу противоположнаго воззрѣнія недостаточны. Впрочемъ онъ съ самаго начала вноситъ путаницу въ весь этотъ вопросъ, допуская возможность подлинности мнимаго письма отца Гиларія.

[692]) Ibid. стихъ 19:

L'un delli quali, ancor non è molt' anni
Rupp'io per un che dentro vi annegava.

Что касается созданія Чистилища, не подлежитъ сомнѣнію, что поэтъ долженъ былъ заняться обработкою нѣкоторыхъ частностей его вскорѣ послѣ смерти короля Альбрехта I (1308 г.). Доказательства въ пользу этого предположенія мы встрѣчаемъ въ шестой и седьмой пѣсни. Стихи 100—103 въ шестой пѣсни, гдѣ Дантъ несомнѣнно предсказываетъ насильственную кончину короля Альбрехта, никакъ не могли возникнуть еще при его жизни [693])! Но они написаны также и до римскаго похода императора Генриха VII, такъ какъ за четыре терцины передъ тѣмъ говорится, что императорскій престолъ свободенъ [694]). Этотъ престолъ былъ, правда, опять свободенъ и послѣ смерти короля Генриха, но приведенные нами раньше стихи относятся прямо къ преемнику Альбрехта. «Справедливый приговоръ», говорится тамъ, «да низойдетъ съ звѣздъ на тебя, и да будетъ онъ неслыханный и недвусмысленный, для того чтобы твой преемникъ почувствовалъ отъ него страхъ» [695]). Седьмая пѣснь непосредственно указываетъ на время римскаго похода императора Генриха VII. Въ стихѣ 94 появляется король Рудольфъ Габсбургскій, «который не залечилъ ранъ Италіи, такъ что она излечивается поздно и уже другимъ лицомъ. Эти слова могутъ быть объяснены только появленіемъ въ Италіи императора Генриха, и они должны были быть написаны въ такое время, когда надежды на удачу намѣреній императора еще не омрачились. Но сказать опредѣленно, когда Чистилище было завершено въ главныхъ чертахъ, мы не можемъ. Однако вѣроятно,что это случилось во время вторичнаго пребыванія поэта въ Веронѣ, такъ какъ въ своей первой эклогѣ, возникшей въ Равеннѣ и, по всему вѣроятію, въ 1320 году, онъ говоритъ объ Адѣ и Чистилищѣ, какъ о чемъ-то законченномъ и извѣстномъ [696]). Такимъ образомъ сочиненіе одного только Рая отно-

[693]) Чистилище, VI, 100:

Giusto giudicio dalle stelle caggia
Sopra il tuo sangue, e sia nuovo ed aperto,
Tal che il tuo successor temenza n aggia.

[694]) Чистилище, стихъ 88:

Che val, perchè ti racconciasse il freno
Giustiano, se la sella è vota?

[695]) Смот. прим. 1.

[696]) См. Opp. Min. I, 2, стр. 290 (стихъ 48, 49):

Tunc ego: quum mundi circumflua corpora cantu
Astricolaeque meo, velut infera regna patebunt, etc.

C. Troja (Del veltro allegorico p. 183) и Paur (l. c. p. 34) правильно относятъ, по моему, „infera regna“ къ „Аду и Чистилищу“ одновременно, а „mundi

силось бы къ послѣднимъ годамъ жизни поэта, и это наиболѣе правдоподобно, такъ какъ именно эта, наиболѣе трудная по обработкѣ матеріала, часть Божественной Комедіи, навѣрно поглотила цѣлый рядъ лѣтъ и всю силу поэта. По окончаніи Рая Дантъ переслалъ его своему прославленному покровителю Кангранде ди Вероа, приложивъ къ поэмѣ обширное посвященіе, о которомъ намъ сейчасъ же придется говорить. Если же Боккачьо разсказываетъ, что поэтъ умеръ до обнародованія послѣднихъ тринадцати пѣсенъ Рая, что никто, даже самъ Кангранде, не зналъ вообще ничего о существованіи этихъ пѣсней, и что Дантъ открылъ своимъ сыновьямъ мѣсто ихъ сохраненія во снѣ, то мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій позволимъ себѣ отнести этотъ разсказъ туда, куда онъ и относится, т. е. въ царство мечтаній и миѳовъ.

Уже одно упомянутое нами напутственное посланіе заставляетъ предполагать окончаніе всей поэмы, т. е. также и Рая. Что Дантъ посвятилъ Адъ Угуччьоне делла Фаджьола, Чистилище — маркграфу Мароэлло Маласпина (старшему изъ Джіовагалло), какъ повѣствуетъ также Боккачьо, — это весьма возможно; однако, что касается послѣдняго посвященія, вообще недоказаннаго, изъ этого выходило бы, что Чистилище было окончено до 1315 года, такъ какъ упомянутый маркграфъ умеръ до этого года [697]). Что же касается мнимаго посвященія королю Фридриху Сицилійскому, о которомъ также разсказываетъ Боккачьо, хотя несовсѣмъ увѣренно, то и оно относится къ области миѳовъ, такъ какъ именно объ этомъ королѣ поэтъ выражался не разъ столь рѣзко и презрительно, что преданіе это можетъ считаться совершенно ненужнымъ вымысломъ [698]).

Гораздо болѣе важности имѣетъ вопросъ объ основной мысли и тенденціи поэмы, которыя здѣсь, какъ и вездѣ, должны непремѣнно совпасть между собой. Божественная Комедія — поэма аллегорическая: насчетъ этого не существуетъ никакого сомнѣнія, да къ тому же

---

circumfluacorgrora astricolaeque“ къ Раю. Еслибъ было справедливо другое толкованіе въсилу когораго infera regna“ относилось бы только къ Аду, „mundi circumfluacorgrora“ къ Чистилищу, а „Astricolae“ къ Раю, то уже изъ перваго посланія Іоанна де Виргиліо ясно видно, что онъ уже зналъ о существованіи 21 пѣсни Чистилища, такъ какъ онъ намекаетъ на подвизающагося здѣсь поэта Стація (стихъ 18). Такимъ образомъ, даже этотъ фактъ свидѣтельствовалъ бы скорѣе въ пользу того мнѣнія, что Іоаннъ де Виргиліо имѣлъ уже передъ собою все Чистилище.

[697]) См. Фратичелли, Vita di Dante p. 336.

[698]) См. выше стр. 18 ¹, прим. 408.

самъ Дантъ высказался, по своему, относительно этого пункта [699]). Въ буквальномъ смыслѣ Божественная Комедія есть описаніе экстатическихъ странствованій поэта по тремъ царствамъ, Аду, Чистилищу и Раю, и характеристика разнообразнаго состоянія находящихся въ нихъ душъ. Это, и связанная съ этимъ собственная исторія поэта [700]) въ ея поэтическомъ выраженіи, составляетъ однако, только форму, которая должна служить для воплощенія и изображенія основной мысли, какъ возвѣщенія того мірового строя, безъ котораго человѣчество не можетъ исполнить ни временнаго, ни вѣчнаго назначенія своего, и который, вслѣдствіе уничтоженія императорской власти и превращенія папства въ свѣтское начало, пришелъ въ гибельнѣйшее разстройство и совершенно извратился. Итакъ міровой строй этотъ тотъ самый, съ которымъ мы уже познакомились въ изложеніи политики Данта; онъ повторяется въ Божественной Комедіи, какъ все опредѣляющая, надъ всѣмъ господствующая идея. Въ книгѣ о Монархіи, Дантъ стремился, правда, только къ теоретическому возстановленію законной, но ниспровергнутой императорской власти; относительно выродившагося папства онъ держалъ себя отрицательно, предполагая церковь, съ ея ученіями и догматами, существующею во всѣхъ ея прерогативахъ. Теперь же, въ его поэмѣ, всемірное государство и всемірная церковь, т. е. субъективно-политическій и объективно-религіозный догматъ стоятъ другъ около друга въ полнѣйшемъ, но строго-отмѣренномъ равновѣсіи, какъ это и было необходимо, по мнѣнію поэта, для осуществле-

---

699) Именно въ посвященіи Кангранде, которымъ онъ сопровождалъ пересылку Рая. См. Tosti, Epistole di Dante Alighieri, и прежде всего § 7, стр. 114: Ad evidentiam itaque dicendorum sciendum est, quod istius operis non est simplex sensus, immo dici potest polysemos, hoc est plurium sensuum. Nam primus sensus est, qui habetur per literam, alius est, qui habetur per significata per literam. Et primus dicitur literalis, secundus vero allegoricus sive moralis.—Но рядомъ съ этимъ Дантъ, въ примѣрѣ, имѣющемъ отношеніе къ этому вопросу („In exitu Israel de Aegypto“ etc. Псал. 113, 1) приводитъ и аллегорическій смыслъ, но тутъ же прибавляетъ, что всѣ эти разнообразныя значенія могутъ быть названы аллегорическими, такъ какъ они далеки отъ „буквальнаго“ или „историческаго“ смысла.—Я упомяну здѣсь мимоходомъ, что подлинность посланія, о которомъ идетъ рѣчь, была заподозрѣна, хотя на основаніи совершенно недостаточныхъ причинъ. См. Landau, Boccaccio, стр. 238.

700) Полагали, правда, также, что основную мысль Божественной Комедіи слѣдуетъ искать въ изображеніи душевной исторіи поэта, однако это не такъ. Исторія поэта, т. е. внутреннее, духовное состояніе, насколько оно изображено въ Божественной Комедіи, стоитъ въ крайнемъ случаѣ на второмъ планѣ и составляетъ форму, оболочку, въ которую воплотилась настоящая основная мысль поэмы.

нія высшаго назначенія человѣчества. «Блаженство земной жизни», одновременно дѣятельное и созерцательное по своей природѣ, составляющее необходимую переходную стадію на пути къ «блаженству вѣчной жизни», возможно лишь подъ условіемъ управленія человѣчествомъ посредствомъ императора въ чисто-свѣтскихъ, посредствомъ папы въ чисто-духовныхъ дѣлахъ: церковь съ папою, государство съ императоромъ во главѣ—вотъ два спасительныя учрежденія, благодаря которымъ, по опредѣленію Бога, человѣчество снова должно и можетъ обрѣсти спасеніе, утраченное вслѣдствіе первороднаго грѣха. Этотъ предначертанный провидѣніемъ міровой строй, царство Божіе на землѣ, теперь уничтоженъ; императорская власть ниспровергнута; папство, утратившее свое настоящее назначеніе вслѣдствіе своей преданности земнымъ интересамъ и своей ненасытной алчности до свѣтской власти и свѣтскихъ благъ, стало чуждымъ самому себѣ, захвативъ императорскія прерогативы, и такимъ образомъ, благодаря уничтоженію равновѣсія между двумя властями, человѣчество идетъ по ложному пути, далеко отъ своей конечной цѣли. Итакъ, поэтъ возстаетъ со всей силою своего генія противъ этого безотраднаго состоянія распаденія и безправія на землѣ. Онъ также принужденъ страдать отъ этого положенія, онъ также потерялъ настоящій путь, единственный, на которомъ человѣческое общество и отдѣльная личность могутъ достигнуть осуществленія своего высшаго назначенія. Но, вслѣдствіе чрезвычайнаго милосердія, онъ спасенъ въ послѣднюю минуту, т. е. ему дается правильное пониманіе заброшеннаго, непризнаннаго божественнаго строя, и онъ чувствуетъ какъ бы влеченіе и обязанность отозвать заблудившееся человѣчество отъ той бездны, у которой оно стоитъ, и громкимъ голосомъ разъяснить ему, въ видѣ предостереженія, затемненныя намѣренія Бога относительно свѣтской власти. Таковъ смыслъ видѣнія [701]), такова и тенденція поэмы: въ отраженіи сверхчувственныхъ міровъ и въ своихъ странствіяхъ по нимъ онъ показываетъ человѣчеству, какъ далеко оно отклонилось отъ намѣреній божьихъ относительно его, показываетъ ему и всѣ погубныя послѣдствія этихъ уклоненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что утраченное спасеніе можетъ быть вновь обрѣтено, показывая какимъ путемъ это должно быть сдѣлано.

Въ указанномъ уже посвятительномъ посланіи къ Кангранде самъ

---

[701]) Такъ называетъ его самъ Данте (Рай, XVII, 128):

Tutta tua vision fa manifesta.

поэтъ ясно и открыто высказываетъ тенденцію своего произведенія. «Не прибѣгая къ вычурнымъ словамъ, можно кратко обозначить ее слѣдующимъ образомъ: цѣлью всей поэмы было вывести людей, поскольку они прилежатъ къ земной жизни, изъ ихъ несчастнаго положенія и указать имъ путь къ блаженству»[702]). Однимъ словомъ, Дантъ въ этой поэмѣ выступаетъ учителемъ истины, не признаваемой его современниками, апостоломъ, реформаторомъ заблуждающагося человѣчества. Подобно тому, какъ въ свое время «избранный сосудъ» Божій, апостолъ Павелъ, перенесенъ былъ на седьмое небо для укрѣпленія вѣры, этого источника всякаго блага, и подобно Энею, основателю римскаго государства и столицы папства, и Дантъ чудеснымъ образомъ и во имя общаго блага совершилъ такое же странствіе[703]). Не разъ Дантъ заставляетъ дать себѣ формальное порученіе возвѣстить подземному міру то, что онъ услышитъ на поверхности земли. Изъ многихъ примѣровъ этого остановимся лишь на двухъ. Въ 27 пѣсни Рая апостолъ Петръ произноситъ извѣстную пламенную рѣчь противъ извращенія папства и подъ-конецъ ея прямо вызываетъ поэта, когда онъ возвратится на землю, «раскрыть уста и ничего не скрывать изъ того, что онъ отъ него не скрылъ»[704]). Въ семнадцатой же пѣсни предокъ его, Каччьягвида, предсказываетъ ему его судьбу, изгнаніе и т. д. Дантъ отвѣчаетъ, что при этихъ обстоятельствахъ для него вдвойнѣ опасно будетъ передавать міру то, что онъ услышалъ во время своего странствія [illegible] тремъ сверхчувственнымъ мірамъ, и что его слова будутъ для многихъ горькими[705]).

---

[702]) Tosti, p. 122, 15: Finis totius et partis esse potest multiplex, scilicet, propinquus et remotus. Sed omissâ subtili investigatione, dicendum est brevite quod finis totius et partis est, removere viventes in hac vitâ, de statu miseriae, et perducere ad statum felicitatis.

[703]) Адъ, II. 10—30. Въ стихѣ 31 читаемъ:

Ma io perchè venirvi? O chi'l concede?
Io non Enea, io non Paolo sono:
Me degno a ciò nè io ne l'altri crede.

[704]) Рай. XXVII, 64:

E tu, figliuol, che lo mortal pondo
Ancor giù tornerai, apri la bocca
E non asconder quel ch io non ascondo.

[705]) Адъ, XVII, 106—120:

Ben veggio, padre mio, si come sprona
Lo tempo verso me, per colpo darmi
Tal, ch è più grave a chi più s'abbandona;
Per che di provedenza è buon chè io m'armi

Но Каччьягвида возражаетъ ему на то: не взирай на это, раскрой несмотря ни на что лицо свое, и пусть вередитъ свою рану тотъ, кому отъ этого больно станетъ! Хотя, при первомъ внушеніи, голосъ твой и покажется тягостнымъ, но, когда пищевареніе совершится, онъ оставитъ послѣ себя самое животворное питаніе [706]).

Такимъ образомъ Божественная Комедія пріобрѣтаетъ опредѣленный, осуждающій и наказующій характеръ, въ силу того, что ея тенденція, безпощадно раскрывая недуги народовъ, сословій и городовъ, и въ особенности отдѣльныхъ лицъ, не исключая высокопоставленныхъ, выступаетъ въ-очью во всеоружіи удивительной поэтической и нравственной силы; поэма достигаетъ значенія мірового судьбища, стоящаго совершенно одиноко, выше всякихъ сравненій, среди народовъ всѣхъ временъ. Наѳосъ и смѣлость, съ которыми поэтъ противопоставляетъ въ ней всему міру державную силу своего личнаго чувства и своей субъективной системы, и подчиняетъ имъ этотъ міръ, является съ исторической точки зрѣнія самою замѣчательною чертой въ этомъ произведеніи, благодаря которой и само оно, и его творецъ такъ же поразительно выступаютъ изъ сферы среднихъ вѣковъ, какъ въ большинствѣ другихъ существенныхъ вопросовъ онъ подчиняется авторитету ихъ принциповъ.

Во всѣ времена не было недостатка въ людяхъ, которые предпочли бы, чтобъ геніальная поэтическая сила, вообще всѣми охотно

Si che, se loco m'e tolto più caro,
Io non perdessi gli altri per miei carmi.

Giù per lo mondo senza fine amaro,
E per lo monte, del cui bel cacume
Gli occhi della mia Donna mi levaro,

E poscia per lo ciel di lume in lume,
Ho io appreso quel che, s'io il ridico,
A molti fia sapor di forte agrume:

E, s'io al verso son timido amico,
Temo di perder vita tra coloro
Che questo tempo chiameranno antico.

[706]) Тамъ-же, ст. 127:

Ma nondimen, rimossa ogni menzogna.
Tutta tua vision fa manifesta
E lascia pur grattar dov'e la rogna;

Che se la voce tua sarà molesta
Nel primo gusto, vital nutrimento
Lascerà poi quando sarà digesta.

признаваемая за Божественной Комедіей, была примѣнена скорѣе въ иномъ, такъ сказать, свѣтскомъ духѣ. Такъ думалъ уже извѣстный намъ Іоаннъ de Virgilio; онъ не могъ утѣшиться не только по поводу употребленія Дантомъ народнаго языка, но ему и сама выбранная поэтомъ тема казалась чудовищной. Онъ не затрудняется указать своему другу нѣсколько сюжетовъ, которые, по его мнѣнію, болѣе достойны генія Данта: римскій походъ короля Генриха VII, побѣду Угуччьоне делла Фаджьола надъ Флорентинцами при Монтекатини, побѣду Канграндe надъ Падуанцами, морской походъ короля Роберта Неаполитанскаго противъ Генуи. Изъ всѣхъ этихъ предложеній обнаруживается, по крайней мѣрѣ, что лицо, дѣлающее ихъ, весьма далеко отъ пониманія нравственнаго и политическаго характера Данта, такъ какъ находитъ возможнымъ за одинъ и тотъ же разъ предложить ему въ герои его поэтическихъ произведеній Генриха VII (что еще можно допустить) и его злѣйшаго врага, хотя онъ и долженъ былъ выступить тутъ въ дѣяніяхъ другого рода. Это было бы приблизительно похоже на то, еслибъ нашему Шиллеру, когда онъ замышлялъ какое-нибудь эпическое произведеніе, кто-нибудь предложилъ въ герои Густава Адольфа или Тилли. Поэтому понятно, что Дантъ отзывался въ своихъ эклогахъ о мало мыслящемъ совѣтчикѣ своемъ съ несомнѣнною, хотя и добродушной ироніею. Прежде намъ уже приходилось говорить о предложеніи того же лица, что Дантъ долженъ писать «языкомъ образованности», для того чтобы быть понятнымъ образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ: какъ мало способны были люди этого пошиба, по недальновидности своей, разгадать признаки времени! Изложенная на латинскомъ языкѣ, не только Божественная Комедія, но и любая тема изъ числа указанныхъ Іоанномъ де Виргиліо, врядъ-ли возъимѣла бы, несмотря на несравненно значигельнѣйшую поэтическую силу Данта, лучшую судьбу, чѣмъ «Африка» Петрарки или историческія стихотворенія Альбертино Муссато; изложенная же на живомъ и облагороженномъ имъ языкѣ его народа, она побѣдоносно одолѣла всѣ препятствія, представляемыя и своеобразностью языка и трудно доступною выдержкой цѣлаго плана, и стала (уподобляясь лишь немногимъ созданіямъ человѣческой мысли) общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, всегда желаннымъ и неизсякающимъ источникомъ наслажденія и изученія.

Названіе Комедіи придано было ей самимъ Дантомъ[707]), тогда

[707]) См. его посвятительное посланіе къ Канграндe (Tosti, l. c., p. 113

какъ эпитетъ божественной былъ соотвѣтствующимъ выраженіемъ удивленія потомства. Дантъ выбралъ для своей поэмы это названіе, потому что и она, подобно комедіи, сначала (въ Аду) сурова и ужасна, подъ-конецъ же (въ Раю) радостна и приноситъ съ собой счастіе [708]). Такимъ образомъ ближайшее характеристическое отличіе комедіи не заключается, въ его глазахъ, въ ея драматической формѣ. Его «комедія» распадается на три части (**canticus**), эти же въ свою очередь на пѣсни (**cantus** [709]), написанныя терцинами [710]). Но если мы оставимъ въ сторонѣ эти собственныя указанія Данта, и спросимъ себя, къ какому роду поэзіи нужно отнести Божественную Комедію, сообразуясь съ общепринятыми принципами, то намъ придется скромно признаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исключительнымъ явленіемъ, и что передъ нами произведеніе, которое само для себя было и образцомъ и закономъ.

Божественная Комедія не драма, такъ какъ она облечена въ форму разсказа, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Несмотря на повѣствовательную форму, она и не эпосъ, потому что, какъ было справедливо замѣчено, въ самихъ предметахъ изображенія нѣтъ послѣдовательности. При всей своей поучительной тенденціи она также и не дидактическая поэма, такъ какъ всѣмъ своимъ складомъ она

---

§ 10): Liber titulus est: Incipit Comoedia Dantis Allagherii, Florentini natione non moribus.

[708]) Tosti, p. 120, § 10: Et per hoc patet, quod Comoedia dicitur praesens opus. Nam si ad materiam respiciamus, a principio horribilis et foetida est quia Infernus; in fine prospera, desiderabilis et grata, quia Paradisus. — Дантъ приводитъ кромѣ того другую причину, именно locutio vulgaris, in quâ et mulierculae communicant. Но это еще менѣе способствуетъ разъясненію дѣла. Логически-послѣдовательно Дантъ называетъ Энеиду „alta tragedia (Inferno. 20, 113).

[709]) Тости, стр. 116, § 9.—Сравн. Адъ, XX, 1:

Di nova pena mi convien far versi,
E dar materia al ventesimo canto
Della prima canzon, che è dei sommersi.

[710]) „Своеобразнымъ свойствомъ этого размѣра, состоящаго изъ обыкновенныхъ одиннадцатисложныхъ ямбовъ, является дѣленіе на строфы въ три стиха каждая, или терцины, которыя при помощи средней риѳмы, постоянно согласующейся съ начальнымъ стихомъ слѣдующей терцины, непрерывно сливаются и образуютъ цѣпь; въ концѣ стихотворенія она завершается тѣмъ, что послѣдней терцинѣ придается стихъ, соотвѣтствующій средней риѳмы". (См. Aug. Wilhelm v. Schlegels sämmtliche Werke, Bd. III, s. 227). Эта статья и анализъ Божественной Комедіи съ вставленными въ нихъ нереводами можетъ быть съ пользою указана и въ настоящее время, хотя наиболѣе трудные вопросы тутъ остаются неразрѣшенными, или же просто пропущены.

выходитъ далеко за тѣсные предѣлы дидактики. «Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію Шеллинга, «она не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ видовъ поэзіи въ особенности, и не скомпонована изъ всѣхъ ихъ, а является совершенно своеобразнымъ, какъ-бы органическимъ сочетаніемъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ ихъ, сочетаніемъ, которое не можетъ быть результатомъ произвольнаго пріема; словомъ, это абсолютный индивидуумъ, не похожій ни на кого, кромѣ себя самого» [711]). Она составляетъ свой особый родъ.

Что форма видѣній употреблялась еще до Данта, не только для набожныхъ, но и для поэтическихъ цѣлей, это мы позволяемъ себѣ предполагать извѣстнымъ. Въ нашемъ столѣтіи, однако, именно поэма Данта дала поводъ къ тщательнымъ изысканіямъ относительно его многочисленныхъ предшественниковъ въ этомъ направленіи [712]). Нѣтъ сомнѣнія, что эти изслѣдованія имѣютъ очевидное значеніе для исторіи литературы; не слѣдуетъ только приписывать древнѣйшимъ попыткамъ особаго вліянія на возникновеніе Божественной Комедіи. Видѣнія составляли часть тогдашнихъ религіозныхъ представленій, живое мистическое содержаніе христіанства, тотъ воздухъ, которымъ дышалъ религіозно-возбужденный умъ; въ остальномъ же видѣніе это является лишь тѣмъ, что умѣлъ сдѣлать изъ него первоклассный поэтическій геній. Еслибъ, поэтому, возникъ когда-либо споръ о первенствѣ, то его должно было бы несомнѣнно рѣшить въ пользу Данта, съ помощью яйца Колумба.

2.

Космологія Божественной Комедіи [713]).

Быть-можетъ, ничто не можетъ въ такой степени выяснить намъ творческую силу и независимость автора Божественной Комедіи, какъ изученіе космологическихъ представленій и свѣдѣній, которыя онъ

[711]) Ср. превосходную статью Шеллинга „Ueber Dante in philosophischer Beziehung“, въ полномъ соб. его соч., отдѣлъ I, томъ V, стр. 152 и д.

[712]) Labitte, La divine Comédie avant Dante. — Ozanam въ его прекрасномъ сочиненіи: Dante on la philosophie catholique au XIII siècle. Nouvelle édition. Paris, 1845, стр. 324 и т. д. Въ новѣйшее время этимъ предметомъ занимался и d'Ancona.

[713]) К. Витте, „Dante's Weltgebäude“ въ первомъ томѣ нѣмецкаго Dante-Jahrbuch.

выказываетъ, изображая мѣстность, гдѣ происходятъ его странствія, и ознакомленіе съ способомъ примѣненія этихъ свѣдѣній; міровоззрѣніе его нигдѣ не выступаетъ въ такой осязательной формѣ. Уже въ силу этого мы придаемъ особое значеніе этимъ представленіямъ и познаніямъ Данта и поэтическому воспроизведенію ихъ, и въ виду особенностей задачи, которую мы себѣ поставили, мы не можемъ обойтись безъ краткаго изслѣдованія и указанія этихъ данныхъ.

Поэтическіе предшественники Данта, и вообще легендарныя видѣнія чрезвычайно рѣдко вращаются во всѣхъ трехъ сверхчувственныхъ мірахъ; обыкновенно они довольствуются Небомъ и Адомъ или же Чистилищемъ, часто одною лишь сферой. Дантъ же обозрѣваетъ всѣ три области, и дѣлаетъ это, сообразно идеѣ и тенденціи своей поэмы, въ извѣстномъ порядкѣ, отъ наиболѣе низменной до возвышеннѣйшей сферы. Этого требовала теорія, сложившаяся относительно подобныхъ случаевъ въ средніе вѣка. Тотъ, кому суждено достигнуть созерцанія божественнаго величія, говоритъ Бернаръ Клервосскій, долженъ имѣть свободное отъ грѣховъ сердце, — этого же можно всего скорѣе достигнуть, созерцая божественное судилище [714]). Созерцаніе возможно для человѣка на небѣ, очищеніе отъ грѣховъ доставляетъ ему чистилище, зрѣлище же суда Божія онъ увидитъ въ аду. Такимъ образомъ путь былъ уже прямо предначертанъ для фантазіи поэта. Изображая мѣстность, гдѣ происходятъ его видѣнія, онъ собираетъ всѣ наличныя представленія и свѣдѣнія средневѣковаго человѣчества о чувственномъ и сверхчувственномъ мірѣ и перерабатываетъ ихъ въ цѣльный организмъ. Онъ почти ничего не изобрѣтаетъ самъ, но пользуется традиціею; при этомъ онъ стоитъ на уровнѣ современной науки и въ то же время предоставляетъ себѣ по отношенію къ ней поэтическую вольность и открываетъ широкій просторъ своей организующей способности.

Космологія Данта, подобно міровоззрѣнію всего христіанскаго средневѣковья вообще, основана на единеніи между религіей и физикой,— этого факта не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду. Лишь при этомъ условіи стала возможна такая поэма, какъ Божественная Комедія. Когда двигавшаяся впередъ наука разорвала эту связь благодаря различнымъ открытіямъ и т. п., тогда поэзія, не желавшая еще покинуть сферу сверхчувственнаго міра, несомнѣнно утратила почву. Вотъ именно тотъ недугъ, отъ котораго впередъ уже должны были пострадать произведенія Мильтона и Клопштока (не

[714]) St. Bernardus, De Consolatione lib. V (окончаніе).

говоря уже о другихъ причинахъ); и это же было тѣмъ преимуществомъ, которымъ Дантъ впередъ уже надѣленъ былъ; благодаря ему, его поэма и въ этомъ отношеніи была избавлена съ теченіемъ времени отъ подражаній.

Дантъ представлялъ себѣ землю центральной точкою вселенной, и именно островомъ, окруженнымъ отовсюду моремъ[715]), какъ представлялъ ее себѣ еще Гомеръ, — и притомъ съ шарообразной формой. Сообразно повсемѣстно господствовавшему представленію, онъ помѣщаетъ адъ въ нѣдрахъ земли, но отдѣляетъ отъ него чистилище, тогда какъ ходячія представленія и любимыя легенды ставятъ ихъ, по мѣсту, въ связь другъ съ другомъ[716]). Въ самомъ низменномъ углу ада, въ центрѣ земли и, стало-быть, и вселенной, находится Люциферъ, олицетворенное начало зла[717]); средина его тѣла образуетъ собою ту центральную точку, къ которой сходятся со всѣхъ сторонъ всѣ тяготы земныя[718]). Мы уже видимъ, въ какой степени космологическое ученіе должно было здѣсь подчиниться нравственной тенденціи поэмы. Іерусалимъ находится въ центрѣ земной поверхности; это высказано было еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (Іезекіиль, V, 5): «То Іерусалимъ, который я поставилъ въ срединѣ народовъ, окруживъ его отовсюду землею»; такъ изображали его средневѣковые картографы съ такою же увѣренностью, съ какою они указывали и аду извѣстное мѣсто на своихъ картахъ. Религія, конечно, была тѣмъ принципомъ, который опредѣлялъ тогда содержаніе науки. Но и нехристіанскіе народы, именно Греки и Халдеи, представляли себѣ свои Дельфы или Вавилонъ центромъ земли[719]). Оба полушарія были нѣкогда покрыты землею[720]). Чрезвычайно своеобразно и полно значенія объясненіе, которымъ Дантъ раскрываетъ причину совер-

---

[715]) Адъ, XXXIV, 106—126. (Онъ, конечно, не высказывается прямо въ этомъ смыслѣ, но, на нашъ взглядъ, это вытекаетъ изъ даннаго мѣста; у Брунетто Латини встрѣчаемъ такое же представленіе).

[716]) Мы сошлемся напримѣръ на чистилище св. Патрикія, Legenda Aurea, cap. 50, ed. Graesse, p. 213. Въ особенности любили тогда предполагать и адъ и чистилище въ волканическихъ мѣстностяхъ.

[717]) Адъ, XXXIV, 20.

[718]) Тамъ же, 109.

[719]) Santarem, Essai sur la géographie et cartographie au moyen âge, Paris 1848, t. I.

[720]) Адъ, 121:

Da questa parte cadde giù dal cielo:
E la terra che pria di qua si sporse
Per paura di lui fe del mar velo,
E venne all' emisperio vostro.

шившейся впослѣдствіи перемѣны, — такъ какъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ представляли себѣ противолежащее полушаріе совершенно покрытымъ моремъ. Этотъ переворотъ въ природѣ онъ возводитъ къ порѣ паденія ангеловъ. Люциферъ, говоритъ онъ [721]), упалъ съ неба въ противоположномъ Іерусалиму направленіи и, подобно стрѣлѣ, вонзенъ былъ въ землю, такъ что, въ силу закона природы онъ погрязъ въ центрѣ земли половиною своего туловища. Та земля, которая до той поры покрывала собою противолежащее намъ полушаріе, ужаснувшись при видѣ этой катастрофы, покрылась волнами морскими, спаслась на наше полушаріе и образовала собой высоты іерусалимскія и Гору искупленія; но та часть внутренней земли, которая вытѣснена была паденіемъ Люцифера, точно также вылетѣла вверхъ позади падавшаго, дабы образовать собою Гору очищенія. Такимъ образомъ линія, пройденная царемъ тьмы и продолженная до поверхности земли, должна бы прямо придти къ Іерусалиму, гдѣ стоитъ гора искупленія,— и точно также по прямой линіи противъ этой горы стоитъ на противоположномъ полушаріи гора очищенія, какъ ея антиподъ, и обѣ онѣ имѣютъ одинаковое происхожденіе.

Такого крайне оригинальнаго представленія мы не встрѣчали ни у кого кромѣ Данта, и, насколько намъ извѣстно, оно всецѣло принадлежитъ ему. Но при ближайшемъ изученіи чистилища и земного рая оригинальность этого представленія выступаетъ еще поразительнѣе. Обычное тогда воззрѣніе относило, какъ мы уже сказали, чистилище также въ нѣдра земли, смежно съ адомъ, и мрачная фантазія монаховъ и народнаго сказанія получала при томъ тѣмъ болѣе простора, что церковь никогда не давала на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ объясненій [722]). Но именно это послѣднее обстоятельство

---

[721]) Ibidem. — См. Philalethes, комментарій къ 34 пѣсни Ада, примѣч. 14 и 16.—Пользуемся случаемъ, чтобъ обратить вниманіе на ошибку, вкравшуюся въ „Kritische Untersuchungen über die historische Entwickelung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt“, Александра ф. Гумбольдта. Въ нѣмецк. переводѣ Иделера (II, 92 sqq.) взглядъ Данта переданъ въ такомъ смыслѣ, будто наше полушаріе было до паденія Люцифера покрыто водой. Объ этомъ Дантъ прямо нигдѣ не сказалъ ни одного слова, да и не имѣлъ въ виду сказать этого и въ связи съ другими данными. Вторично ошибся Гумбольдтъ, принимая, будто паденіе Люцифера послѣдовало лишь послѣ сотворенія первыхъ людей, — а за этой ошибкой слѣдуютъ и другія, какъ напримѣръ предположеніе о двойственномъ земномъ раѣ и т. п.

[722]) См. St. Patricks Purgatory; an essay on the legends of Purgatory, Hell, and Paradise current during the middle ages. By Thomas Wright. London, 1841.

пришлось кстати Данту и доставило ему то преимущество, что онъ могъ, повинуясь внушеніямъ своей собственной фантазіи, создать болѣе приглядное и болѣе эстетическое чистилище. Изъ того, что мы недавно сказали, видно, что онъ помѣстилъ свою гору очищенія на другое полушаріе, противъ самаго Іерусалима и подъ открытымъ небомъ. Этою фикціею онъ шелъ прямо въ разрѣзъ съ легендарными народными вѣрованіями,; между его Чистилищемъ и чистилищемъ легенды нѣтъ ничего общаго, кромѣ развѣ вѣры въ чистилище вообще [723]). Они, дѣйствительно, отличны другъ отъ друга, какъ день отъ ночи. Всего оригинальнѣе становится вымыселъ Данта вслѣдствіе глубокомысленнаго сочетанія Чистилища съ земнымъ раемъ. Мы преднамѣренно оставляемъ совершенно въ сторонѣ значеніе, получаемое земнымъ раемъ отъ той связи, въ которую онъ поставленъ въ Божественной Комедіи, и займемся исключительно нашей ближайшей цѣлью. Для насъ, съ дѣтства привыкшихъ представлять себѣ противолежащее намъ полушаріе покрытымъ землею и населеннымъ, трудно вжиться въ представленія того времени, когда оно считалось сплошнымъ воднымъ пространствомъ. Дѣйствительно, невозможно найти большій или болѣе характерный контрастъ, чѣмъ тотъ, который существуетъ между этимъ представленіемъ и нашими настоящими свѣдѣніями о фактическомъ порядкѣ вещей; и этотъ контрастъ еще болѣе возрастаетъ, если мы поставимъ рядомъ съ нимъ измышленіе Данта. Во всѣ средніе вѣка западный океанъ былъ не только вполнѣ неизвѣстенъ, но находился даже точно подъ запретомъ. Геркулесовы столпы были воздвигнуты, какъ грань, за которую не долженъ былъ отваживаться человѣкъ [724]). Одиссей переступилъ эту грань изъ любознательности, какъ гласитъ преданіе, и добрался до горы очищенія,— тогда разыгралась, въ наказаніе ему, буря и поглотила его, вмѣстѣ съ кораблемъ и спутниками [725]). На вершину этой горы очищенія переноситъ Дантъ земной рай. Это сочетаніе ново и красиво задумано; оно дало даже поводъ къ неточному, впрочемъ, заключенію, будто Колумбъ былъ подвигнутъ къ своему открытію Новаго свѣта именно при посредствѣ этой фикціи поэта. Идея земного рая, какъ извѣстно, весьма древняя и коренится въ Библіи [726]). Она занимала собою средніе вѣка, болѣе, чѣмъ что либо другое.

---

[723]) Это еще болѣе уяснится далѣе при изученіи положенія кающихся.

[724]) Адъ, XXIV, 108

[725]) Ibid. 90—142. Мѣсто это доказываетъ, между прочимъ, что Дантъ не зналъ Гомера, и именно Одиссеи.

[726]) Смот. 1 книгу Моисея I, 8.

Человѣчество испоконъ вѣку любило воображать себѣ мѣсто полнѣйшаго блаженства, гдѣ фантазія, обманутая суровой дѣйствительностью, могла предаться мечтамъ объ ею же самой созданномъ элизіумѣ. Извѣстно также, что эта мысль не была монополіею христіанской религіи; она встрѣчается въ грубыхъ вѣрованіяхъ самыхъ необразованныхъ народовъ, и была въ особенности достояніемъ древнихъ. Представленія о садѣ Эдема напоминаютъ греческіе сады Гесперидъ, отнесенные къ самымъ отдаленнымъ точкамъ извѣстнаго тогда міра. Чѣмъ больше расширялись географическія свѣдѣнія, тѣмъ дальше относились сады Гесперидъ. Въ извѣстное время ихъ помѣстили среди большого аравійскаго оазиса, потомъ на границѣ большой Сирты близъ Атласа; оттуда они отодвигались все далѣе къ Канарскимъ островамъ, которые и назывались поэтому блаженными островами или гесперійскими.

На этомъ дѣло и остановилось, такъ какъ открытія не пошли далѣе [727]). Такъ было и съ вѣрою въ христіанскій Эдемъ. Его географическое положеніе составляло долгое время предметъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій и занимало проницательность самыхъ просвѣщенныхъ богослововъ. Если мы обозримъ всю массу дѣлавшихся въ разное время предположеній, то увидимъ, что они дѣлятся на двѣ группы; одна изъ нихъ ищетъ земной рай на материкѣ, другая—на отдѣленномъ отъ него островѣ; одна—въ Азіи, другая на востокъ отъ Азіи. По всѣмъ же мнѣніямъ одинаково рай находился на высокой горѣ, ближе къ лунѣ, чѣмъ къ землѣ, и былъ недоступенъ для всѣхъ смертныхъ. Одна группа относила его въ Палестину, Месопотамію, на Цейлонъ или еще восточнѣе; другая, какъ было уже сказано, на омывающее Азію море, и средневѣковые картографы, какому бы изъ многочисленныхъ воззрѣній они ни поклонялись, никогда не упускали случая отмѣтить это на своихъ картахъ. Мнѣніе, что рай находился на крайнемъ востокѣ Азіи, одержало, кажется, верхъ и мы знаемъ, что Колумбъ, достигнувъ парійскаго берега, предался сначала, увлеченный прелестью и роскошнымъ плодородіемъ этой мѣстности, иллюзіи, что онъ приблизился къ земному раю [728]). Долго держалась эта мысль и была принята на вѣру именно тѣмъ человѣкомъ, который, хотя и противъ воли, всего болѣе содѣйствовалъ ея уничтоженію.

Необычайность и смѣлость того употребленія, которое сдѣлалъ изъ нея Дантъ, заключалась въ новости мѣстоположенія, приданнаго

---

[727]) Смотри Washington Irving, History of Christ. Colomb.

[728]) Washington Irving. Ibid. Томъ I, стр. 355.

имъ земному раю, или, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ передвиженіи его съ востока на западъ и въ глубокомысленнѣйшемъ сочетаніи его съ чистилищемъ. Но отличительная черта, придаваемая имъ раю, дала поводъ къ еще большимъ несогласіямъ между его комментаторами и къ недоразумѣніямъ между его почитателями. Это именно тѣ четыре звѣзды, которыя онъ усматриваетъ на южномъ полюсѣ, стоя у подножія Горы Очищенія, и которыя «не видалъ никто, кромѣ первыхъ двухъ людей» [729]). Онѣ имѣютъ несомнѣнное аллегорическое значеніе, — тѣмъ не менѣе, въ нихъ хотѣли видѣть также и Южный Крестъ. Иные отвергали возможность, чтобы Дантъ, по тогдашнему состоянію астрогнозіи, имѣлъ свѣдѣнія о нихъ; другіе, и это были во всякомъ случаѣ наименѣе здравомыслящіе люди, соглашались съ первыми, но присовокупляли, однако, что поэтъ могъ какъ бы предчувствовать, отгадывать ихъ; наконецъ, третьи защищали возможность дѣйствительнаго знакомства поэта съ ними. И эта третья партія [730]) была и останется, вѣроятно, правою, хотя она и не единодушна въ своихъ взглядахъ на тѣ пути, по которымъ Дантъ достигъ подобныхъ свѣдѣній. Иные держатся того мнѣнія, что итальянскіе мореплаватели слышали въ Египтѣ объ индійскихъ наблюденіяхъ надъ этимъ созвѣздіемъ и разсказывали о нихъ на родинѣ. Возможность подобныхъ наблюденій подкрѣпляется вѣскими доводами; другіе, также на основаніи причинъ, имѣющихъ свое значеніе, приписывали эти свѣдѣнія Арабамъ и ссылались на сдѣланный ими въ 1215 году небесный глобусъ, на которомъ Южный Крестъ ясно изображенъ. Но всѣ ихъ доказательства говорятъ въ пользу одного предположенія,—именно того, что Дантъ, чья любознательность и ученость не уступали его поэтической силѣ, дѣйствительно имѣлъ правильныя свѣдѣнія о существованіи Южнаго Креста.

Третье мѣсто дѣйствія Божественной Комедіи—небо. Уже одно общее строеніе его выгодно отличаетъ Данта отъ его предшественниковъ. По общепринятому мнѣнію, небесный рай находился по ту сторону звѣзднаго міра, въ эмпиреѣ. Дантъ также относитъ его туда,

---

729) Чистилище, I, 22.

Io mi volsi a man destra, e posi mente
All' altro polo, e vidi quattro stelle
Non viste mai for che alla prima gente.

730) См. Kritische Untersuchungen über diehistorische Enwickelung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt u. s. w. von Al. von Humboldt. Пер. съ французскаго Иделера, II томъ, 3 выпускъ, стр. 517 и д. и Santarem, Essai sur la cosmographie et cartographie etc. II, 102.

только не удовлетворяется этимъ. Какъ-бы онъ ни напрягалъ своей фантазіи, господствующія представленія о дѣйствительномъ, непосредственномъ присутствіи Бога, о положеніи блаженныхъ въ небесномъ раю, объ ихъ постоянномъ общеніи между собою и т. д. мѣшали эпическому, членораздѣльному изображенію, послѣдовательному развитію, требовавшемуся самимъ характеромъ Божественной Комедіи. Дантъ, прибѣгнулъ, поэтому, къ уловкѣ и вмѣстилъ такъ-называемыя девять небесъ въ кругъ своихъ странствованій. Такимъ образомъ онъ получилъ просторъ для своихъ поэтическихъ и дидактическихъ цѣлей. Онъ распредѣлилъ различные виды блаженныхъ, раздѣленные имъ на девять категорій, по девяти различнымъ небесамъ и этимъ достигъ пространственнаго движенія и перемѣщенія, высшей наглядности для послѣдней, наиболѣе идеальной, части поэмы. Мы позднѣе увидимъ, какъ онъ согласовалъ это раздѣленіе и размѣщеніе обитателей небеснаго рая съ также признаваемымъ имъ постояннымъ нахожденіемъ ихъ въ эмпиреѣ [731]); здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ его примѣненіемъ звѣзднаго міра.

Астрономическая система, которой держался Дантъ, есть система Птоломеева. Земля—центръ вселенной, центръ твердый, неподвижный; она окружена воздушнымъ небомъ, которое, не составляетъ, однако, плотной сферы. Надъ этимъ воздушнымъ небомъ подымается огонь, какъ болѣе легкій элементъ. За нимъ слѣдуютъ семь планетныхъ небесъ. Первая изъ сферъ или прозрачныхъ небесныхъ сводовъ, вмѣстѣ съ которыми вращаются планеты, есть сфера луны; за нею слѣдуетъ сфера Меркурія, Венеры и солнечнаго неба, небо Марса, Юпитера и Сатурна; наконецъ, небо неподвижныхъ звѣздъ. Надъ нимъ движется, по астрологическимъ вѣрованіямъ, кристальное небо, primum mobile, а надъ нимъ покоится эмпирей, огненное небо. Итакъ, планеты имѣютъ эпициклы, по которымъ онѣ движутся [732]). Все небесное движеніе непосредственно исходитъ изъ девятой сферы, primum mobile [733]). Она есть царскій плащъ распростертый надъ всѣми покровами вселенной, на которую непосредственно изливается дыханіе и творческая сила Бога [734]). Это граница природы, всей вселенной, мѣсто, гдѣ начинается круговое движеніе; это крайній предѣлъ природы, пространства и времени, и въ ней коренится само время. Она замыкается эмпиреемъ,

[73]) См. Рай, III. 22.
[732]) См. Convito, II, 4, и Рай, мѣстами.
[733]) Рай, VIII, 28.
[734]) Ibid. XXII, 112.

какъ сама она замыкаетъ остальные восемь круговъ[735]). Это самое крупное тѣло. Эмпирей, напротивъ того, находится внѣ пространства, не составляетъ тѣла, а только кругъ свѣта (интеллектуальнаго) и любви; въ немъ господствуетъ первоначальный разумъ, первоначально-движущая сила, въ то время, какъ съ primum mobile начинается дѣятельность всѣхъ второстепенныхъ силъ въ противоположность первостепенной силѣ, силѣ самого Творца[736]). Но движеніе сферъ—не естественное, а исходитъ отъ блаженныхъ руководителей. Это—«интеллигенціи» или ангелы[737]). Дантъ принимаетъ девять категорій ангеловъ, установленныхъ со временъ Діонисія Ареопагита; они окружаютъ въ кристальномъ небѣ Божество и вращаются въ разныхъ кругахъ; каждому изъ небесъ предоставлена особая категорія ангеловъ, и именно стоящіе всего ближе къ Богу отнесены къ самому крайнему кругу[738]).

Интеллигенціи эти не присущи непосредственно планетамъ, а совершаютъ процессъ движенія, благодаря волѣ и мышленію, и не вещественно, а лишь отъ столкновенія съ какой-либо силою[739]). Все это воззрѣніе не составляетъ исключительной принадлежности одного Данта; оно было господствующимъ и преподавалось также и Ѳомою Аквинскимъ. Поэтъ воспринялъ въ свою картину и представленіе о гармоніи сферъ[740]). Аристотель отвергъ, правда, теорію сферъ, выработанную главнымъ образомъ Платономъ, но Дантъ снова возвратился къ ученію академика, ради его поэзіи. Для него эта теорія изображаетъ гармонію вселенной, въ единствѣ которой разрѣшаются всѣ диссонансы отдѣльныхъ предметовъ.

Итакъ, міръ Данта — настоящій космосъ, отраженіе первообраза, Бога; оно такъ и должно было быть въ силу господства вѣры надъ религіею. Космологія поэта составлена изъ разнообразнѣйшихъ элементовъ. Мы встрѣчаемся въ ней съ воззрѣніями древнихъ, съ воззрѣніями Арабовъ, отцовъ церкви, схоластиковъ, и все это переработывается его фантазіею, погруженною въ самую глубь мистики, въ одно тѣсно замкнутое цѣлое; весь видимый, сверхчувственный или невидимый міръ, въ его дѣйствительномъ или идеализованномъ

[735]) Ibid XXVII. 106—120.

[736]) Ibid. XXV, 38. (См. также относящіяся сюда разъясненія и статьи въ Commentar des Paradieses von Philalethes).

[737]) Рай, II. 127. Адъ, VII, 74 и многія другія мѣста.

[738]) Рай XXVIII, 16, 97. Convito, II. 5. 6.

[739]) Рай, VIII. 37. Convit., II, 2, 6. См. также Piper. Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst. Томъ I, отдѣлъ 2, стр. 210.

[740]) Чистилище, XXX. 92. Рай, I, 78.

состояніи, подчиненъ идеѣ отношеній божества къ людямъ и плану спасенія, и какъ-бы нарочно созданъ для этого. Средневѣковая система космологіи вообще, по истинѣ, крайне поэтична; въ Дантѣ и въ Божественной Комедіи она нашла свое высшее поэтическое просвѣтленіе, подобно тому, какъ самая ранняя степень развитія представленій о мірозданіи нашла впервые въ лицѣ Гомера поэтическое освященіе. Воззрѣнія Гомера на строй вселенной, правда, чисто-географическія; земля для него шарообразна: небо—пустой шаръ, со всѣхъ сторонъ замкнутый и состоящій изъ вложенныхъ другъ въ друга сферъ, словомъ, это небесное строеніе зданія, какого въ дѣйствительности нѣтъ; но оба воззрѣнія, какъ ни неправильны они, все-таки полны поэзіи,—и древнѣйшее болѣе грубое, и новѣйшее, болѣе развитое. Гомеръ и Дантъ стоятъ, такимъ образомъ, одинъ въ началѣ, другой въ концѣ одной и той же космографической эпохи. Одинъ вводитъ ее въ жизнь, другой поетъ ей прощальную пѣснь. Здѣсь то именно и находится тотъ пунктъ, гдѣ встрѣчаются и великій Іонянинъ и Флорентинецъ.

За этими двумя ступенями развитія представленій о міровомъ строѣ послѣдовала еще третья, возвѣстившая вращеніе земли вокругъ солнца и отрицавшая средину и конецъ вселенной. Это воззрѣніе—правильное, но оно вполнѣ непоэтично; можно сказать, что, благодаря ему, міръ пересталъ быть космосомъ. Вопреки этой перемѣнѣ, Мильтонъ и Клопштокъ пошли по стопамъ Данта,—но этимъ доказали непоэтичность характера современной космологіи.

3.

Аллегоріи первыхъ двухъ пѣсней.

Первыя двѣ пѣсни «Ада» не только составляютъ введеніе къ Божественной Комедіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ту основу, на которой зиждется вся поэма; если мы можемъ позволить себѣ говорить образно, то въ нихъ, какъ въ интродукціи къ музыкальному сочиненію, уже заключаются тѣ основныя мысли, которыя одушевляютъ это сочиненіе, господствуютъ и постоянно возвращаются въ немъ. Отъ ихъ разъясненія зависитъ, поэтому, пониманіе самой поэмы. Но эти двѣ пѣсни составлены аллегорически и смыслъ ихъ должно прежде всего искать и устанавливать путемъ толкованій,

комбинацій. Въ этомъ заключается вся трудность, и она является самою своеобразною, запутанною. Поэтъ не облегчилъ труда своимъ комментаторамъ, которые, въ свою очередь общими усиліями сдѣлали его окончательно тяжелымъ. Вообще можно обособить двѣ группы толкователей, изъ которыхъ одни кладутъ въ основу своихъ объясненій этико-религіозный, другіе — политико-историческій принципъ. Послѣдніе—болѣе поздніе, и нельзя не признать, что они вели дѣло съ большей проницательностью, чѣмъ древнѣйшіе объяснители [741]). Въ истолкованіи цѣлаго ни одна изъ группъ не достигла истины; въ частностяхъ же и та и другая попадали иногда прямо въ цѣль. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они отдѣляли и противопоставляли другъ другу вещи, которыя, худо-ли, хорошо-ли, находились, по мнѣнію поэта, во внутренней связи; изъ нашихъ предшествующихъ замѣчаній видно, что Дантова политическая теорія опиралась на чисто-религіозную основу, и что чѣмъ рѣзче онъ обособлялъ прерогативы императора и папы, государства и церкви, тѣмъ тѣснѣе сближалъ религію и политику. Этотъ фактъ мы постоянно должны имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ. Но мы не станемъ заявлять притязаній, будто намъ впервые удалось найти подходящее разъясненіе или же, что мы даемъ здѣсь совершенно новыя толкованія; напротивъ, за собою мы признаемъ лишь ту заслугу, что у насъ установилась опредѣленная точка зрѣнія на настоящій вопросъ, по возможности подкрѣпленная убѣдительными данными изъ жизни и произведеній поэта,— и что та или другая частность, на нашъ взглядъ, быть-можетъ, недостаточно рельефно выставленная или же совсѣмъ обойденная, выступила яснѣе на передній планъ.

Для цѣли нашей будетъ всего полезнѣе, если мы предпошлемъ необходимымъ разслѣдованіямъ подробностей возможно краткое, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ясное изложеніе внѣшняго содержанія изучаемыхъ нами двухъ пѣсней.

Дойдя до половины своего жизненнаго пути, — да и вообще до половины человѣческой жизни,—поэтъ очутился однажды въ темномъ

741) Я имѣю здѣсь, главнымъ образомъ, въ виду Розетти и его два сочиненія: „Sullo spirito antipapale che produsse la Riforma e sulla segreta influenza ch'esercitò nella letteratura d'Europa e specialmente d'Italia come risulta da molti suoi classici massimo Dante, Petrarca e Boccaccio. Disquisizioni di Gabr. Rosetti, Londra, 1832, и прежде всего его Commentario analytico къ Аду. Представители древнѣйшей группы толкователей безчисленны, хотя и неравнаго значенія; но здѣсь не мѣсто приводить даже главнѣйшихъ изъ нихъ, да къ тому же мы не можемъ похвалиться тѣмъ, что располагали всѣми ими.

и дикомъ лѣсу, ибо сбился съ настоящей дороги. Какъ онъ пришелъ сюда, онъ не можетъ себѣ объяснить, такъ слабо было въ немъ сознаніе въ ту минуту, когда онъ отклонился отъ истиннаго пути. Въ концѣ этой лѣсистой долины приходитъ онъ къ подошвѣ горы и видитъ оттуда вершину ея, озаренною лучами солнца. Успокоенный этимъ, онъ нѣсколько приходитъ въ себя отъ своего испуга и начинаетъ взбираться на крутую вершину горы. Но съ первыхъ же шаговъ ему преграждаетъ путь быстроногая и ловкая пантера съ пятнистой кожей, такъ что онъ нѣсколько разъ почти уже готовъ вернуться. Тогда только что начинался разсвѣтъ, и солнце всплывало вверхъ вмѣстѣ съ звѣздами, сопровождавшими его въ пору сотворенія міра, такъ что Дантъ могъ извлечь для себя надежду и изъ появленія этого животнаго съ забавно испещренной пятнами кожей [742]), и изъ утренняго часа, и изъ теплаго времени года; но не настолько оправился онъ, чтобъ не испугало его появленіе льва, стремившагося ему на встрѣчу съ поднятой головой, и страшно голоднаго, а еще болѣе появленіе волчицы, чья худоба какъ будто говорила, что она полна всевозможныхъ желаній, и многимъ уже отравила жизнь. Этотъ послѣдній звѣрь внушилъ ему своимъ видомъ такой страхъ, что онъ не рѣшается уже взойти на высоту. Этотъ звѣрь совершенно лишилъ его спокойствія и понуждалъ его, шагъ за шагомъ, спускаться обратно туда, откуда уже нельзя было видѣть солнца. Въ то время, когда онъ стремится внизъ, передъ нимъ является Виргилій и на просьбу о помощи отвѣчаетъ вопросомъ.— зачѣмъ онъ возвращается опять въ страну такихъ мученій, зачѣмъ не всходитъ онъ на ту вершину, которая есть и начало и сущность всякой радости? Дантъ въ высшей степени обрадованъ встрѣчей съ славнымъ поэтомъ, котораго онъ такъ долго изучалъ, котораго считаетъ своимъ учителемъ и образцомъ; подражая ему, онъ пріобрѣлъ высокую славу. Дантъ обращается къ нему, прося спасти его отъ ужасной волчицы. Виргилій отвѣчаетъ: «если ты хочешь выйти изъ этого дикаго мѣста, ты долженъ избрать другой путь. Звѣрь этотъ, причина твоего испуга, не позволяетъ никому спокойно идти своей стезей, и тѣснитъ его до тѣхъ поръ, пока лишаетъ его жизни,— такъ онъ золъ и ненасытенъ; онъ совокупляется со многими другими звѣрями, и будетъ такъ поступать до тѣхъ поръ, пока не появится гончій песъ, который принудитъ его умереть отъ

---

[742]) Подобно Витте (въ его изданіи Божественной Комедіи) и другимъ комментаторамъ, я слѣдую чтенію: Di quella fera alla gajetta pelle.

боли, который явится избавителемъ бѣдной Италіи, будетъ преслѣдовать волчицу изъ города въ городъ и вгонитъ ее въ адъ, откуда вызвала ее зависть. Поэтому для тебя всего лучше слѣдовать за мной, какъ за твоимъ руководителемъ; спасая тебя, я тебѣ покажу проклятыя души въ аду и кающіяся въ чистилищѣ; если же ты захочешь подняться еще выше, то туда тебѣ будетъ сопутствовать путеводительница достойнѣе меня». Дантъ удовлетворенъ этимъ предложеніемъ, и они отправляются въ путь. Но во время ихъ шествія имъ снова овладѣваютъ колебанія и онъ проситъ своего вождя обдумать,— достаточно-ли будетъ его силъ для подобнаго начинанія? Примѣры Энея, перенесеннаго въ подземный міръ, и Павла, перенесеннаго въ небо, совершенно иного рода: они тѣсно связаны съ благими намѣреніями Бога относительно человѣчества, съ основаніемъ Рима, какъ центра имперіи и папства, и съ укрѣпленіемъ вѣры, внѣ которой нѣтъ спасенія; но онъ, Дантъ, не Павелъ и не Эней, и никто не считаетъ его достойнымъ подобнаго отличія. Чтобы ободрить колеблющагося, Виргилій разсказываетъ ему, какъ случилось, что онъ пришелъ къ нему на помощь. Женщина, блаженная и прекрасная, явилась къ нему въ преддверіе ада и настоятельно просила его поспѣшить на помощь къ ея заблудившемуся другу, готовому вернуться обратно. Женщина эта—Беатриче и мѣсто ея пребыванія — небесный рай. Мать всякаго милосердія, т. е. дѣва Марія, побуждаемая Лючіею, врагомъ всякой жестокости, обратила ея вниманіе на опасность, грозившую ея милому, вслѣдствіе чего она спустилась къ Виргилію и побудилаего дѣйствовать въ пользу Данта, тогда онъ и освободилъ его отъ той волчицы. Этотъ разсказъ, увѣренность, что три блаженныя женщины заботятся о немъ на небѣ, и перспектива, открытая передъ нимъ Виргиліемъ, возвращаютъ Данту утраченное имъ мужество, и оба они ревностно пускаются въ предложенное Виргиліемъ спасительное путешествіе.

Смыслъ этого аллегорическаго разсказа, по нашему мнѣнію, слѣдующій:

Дантъ утратилъ настоящій путь, единственный, по которому человѣкъ идетъ прямо къ своему высшему назначенію, т. е., путь дѣятельной и созерцательной жизни, руководимой папою и императоромъ, я, самъ не зная, какъ это случилось, находится посреди міра, повергнутаго въ мракъ и анархію, вслѣдствіе нарушеннаго божественнаго управленія людьми. Онъ сбирается, однако, съ силами и старается спастись изъ этого безотраднаго, давящаго состоянія, но пороки чувственности, надменности, а главное, алчности, все за-

хватившіе и испортившіе вслѣдствіе паденія гражданскаго строя, основаніе котораго заключается въ имперіи, и свѣтскаго направленія церкви, мѣшаютъ исполненію его намѣренія, а въ особенности ненасытная алчность тѣснитъ его опять въ мракъ заблужденія и безпомощности, отъ котораго онъ только что избавился. Онъ можетъ спастись изъ этого безотраднаго состоянія лишь необычайнымъ путемъ, путемъ чрезвычайнаго милосердія. Для этой цѣли, посредствомъ видѣнія, переносящаго его въ сверхчувственные міры, должны быть ему открыты непонятыя намѣренія божьи относительно человѣчества, смущающія людей послѣдствія этого непониманія, наконецъ, ученіе о блаженствѣ земной и вѣчной жизни—и они должны бытьимъ воскрешены въ памяти грѣшнаго, заблудившагося человѣчества. Представителемъ и учителемъ политическаго мірового строя является Виргилій; представительницею пониманія Бога и высшаго блаженства— Беатриче. Избавитель, котораго предсказываетъ Виргилій своей бѣдной Италіи, и мститель волчицѣ, т. е., алчности, всюду вносящей раздоры и безправіе, — это герой-императоръ или по крайней мѣрѣ, побѣдоносный защитникъ законной имперіи.

Мы приведемъ сейчасъ доказательства въ пользу этого толкованія.

Возвращеніе къ Богу, къ ея конечному источнику, составляетъ высшую цѣль для человѣческой души[743]). До грѣхопаденія, пока человѣкъ пребывалъ въ состояніи невинности, онъ могъ самъ по себѣ обрѣсти блаженство въ здѣшней и загробной жизни[744]), но вслѣдствіе грѣхопаденія[745]), бывшаго началомъ всѣхъ нашихъ заблужденій, человѣкъ былъ такъ ослабленъ, что утратилъ эту способность и не могъ достигнуть собственными силами тѣхъ двухъ конечныхъ цѣлей. Ему понадобилось, поэтому, двойное руководство и его-то онъ достигъ чрезъ спасеніе. Ему нуженъ былъ папа, который, согласно откровенію, направилъ-бы родъ людской къ вѣчной

---

[743]) Convito IV, 12 (Opp. Min. стр. 416):—il sommo desiderio di ciascuna cosa e prima della natura dato, è lo ritornare al suo principio. E perocchè Iddio è principio delle nostre anime e fattore di quelle simili a sè—essa anima massimamente desidera tornare a quello.

[744]) De Monarchia, l. c. III, c. 4, p. 151: Praeterea, quum ista regimina sint hominum directiva in quosdam fines, ut infra patebit, si homo stetisset in statu innocentiae, in quo a Deus factus est, talibus directivis non indiguissset Sunt ergo hujusmodi regimina remedia contra infirmitatem peccati

[745]) De Monarchia, I, c. 16, p. 32: Nam si a lapsu primorum parentum qui dverticulum fuit tocius nostrae deviationis, dispositiones hominum et empora recolamus; etc·

жизни, и всемірный императоръ, который руководилъ бы имъ къ временному счастію, путемъ философскаго мышленія [746]); одинъ долженъ направлять дѣятельную, другой созерцательную жизнь, которыя обѣ должны дѣйствовать сообща для достиженія предполагаемаго результата. Этотъ строй вселенной, предопредѣленный Провидѣніемъ, и безъ котораго человѣчеству не можетъ житься хорошо, составляетъ истинный, настоящій путь, съ котораго сбился Дантъ, а съ нимъ и все человѣчество, вслѣдствіе паденія имперіи и проникновенія мірского элемента въ папство. Это единственный правильный путь, ведущій къ нашей цѣли и нашему миру; всѣ остальные болѣе или менѣе ложны [747]). Объ уклоненіи съ этого пути (и ни о чемъ другомъ) говорится въ разбираемомъ нами мѣстѣ. Въ этомъ толкованіи только и заключается извѣстный смыслъ. Впрочемъ, Дантъ такъ часто высказывался въ Божественной Комедіи по поводу этого «заблужденія», что сомнѣніе на этотъ счетъ по меньшей мѣрѣ является невозможнымъ. Но такъ какъ еще мы очень далеки отъ той поры, когда это воззрѣніе станетъ всеобщимъ, не будетъ лишнимъ остановиться въ настоящую минуту на приведенныхъ нами мѣстахъ изъ поэмы. «Когда императорскій престолъ стоитъ праздный, тогда и весь шаръ земной отклоняется отъ своего пути», такъ писалъ Дантъ Флорентинцамъ по поводу римскаго похода короля Генриха VII. Въ двадцать седьмой пѣсни Рая (стихи 121—138) поэтъ набрасываетъ мрачную картину нравственнаго одичанія и вырожденія своихъ современниковъ, и высказываетъ при томъ такую мысль: «нельзя удивляться, что родъ людской впадаетъ въ заблужденіе, — ибо на землѣ никого нѣтъ, кто бы правилъ, такъ какъ имперія уничтожена» [748]). Въ восьмнадцатой пѣсни Рая, въ которой прославляются справедливые правители и императорская власть, какъ носительница справедливости, Дантъ въ виду мірского характера церкви, обращается къ

[746]) См. выше стр. 237.

[747]) Пиръ, IV, 12 (l. c.. 418): Veramente cosi questo cammino (т. е. путь ведущій къ Богу) si perde per errore, come le strada della terra; che siccome da una citta a un altra di necessita è una ottima e direttisima via, e un' altra che sempre se ne dilunga, cioè quella che va nell' altra parte, e molto altre. qual meno allungandosi, e qual meno appressandosi; cosi nella vita umana sono diversi cammini. delli quali uno è veracissimo, e un altro fallacissimo, e certi fallaci, e certi men veraci. E siccome vedemo che quello che dirittissimo va alla citta compie il desiderio e dà posa dopo la fatica, e quello che va in contrario mai nol empie e mai posa dare non può, cosi nella nostra vita avviene lo buono camminatore giugne a termine e a posa, lo erroneo mai non la giugne ma con molta fatica del suo animo sempre cogli occhi golosi si mira.

[748]) См. выше примѣч. 592.

этому «небесному воинству» съ просьбой молиться за тѣхъ, кто, слѣдуя дурному примѣру, совершенно заблудился на землѣ[749]). При такихъ данныхъ не можетъ уже оставаться неяснымъ вопросъ, что слѣдуетъ видѣть въ томъ «лѣсу», въ которомъ заблудился нашъ поэтъ, являющійся тутъ представителемъ всего человѣчества: конечно, это ничто иное, какъ изображеніе того безправнаго состоянія, лишеннаго всякаго руководства,— въ которое повергнутъ былъ міръ вслѣдствіе паденія имперіи, вслѣдствіе алчности и мірскихъ вожделѣній церкви и папства.

Этотъ «мрачный, полный ужасовъ лѣсъ», въ рукахъ различныхъ изслѣдователей получалъ всевозможныя толкованія. Въ наши виды не можетъ входить подробное изложеніе или же опроверженіе этихъ разнообразныхъ толкованій, — но одно изъ нихъ мы не можемъ обойти молчаніемъ. Оно ставитъ именно и это заблужденіе Данта и этотъ лѣсъ въ связь съ изгнаніемъ поэта или же съ живымъ его участіемъ въ политической жизни его родного города. Что касается мнимаго соотношенія съ изгнаніемъ Данта, то оно можетъ быть внушено лишь полнѣйшимъ и произвольнѣйшимъ недомысліемъ, такъ какъ самъ Дантъ относитъ свое видѣніе къ веснѣ 1300 года[750]), т. е. болѣе чѣмъ за полтора года передъ изгнаніемъ, которое тутъ могло бы развѣ только быть предсказано. Соотношеніе между лѣсомъ и участіемъ Данта въ флорентинской политикѣ много разъ указывалось, встрѣчая сочувствіе, и еще въ недавнее время было снова раскрыто съ большою увѣренностью въ его подлинности[751]). Мы должны однако, признать именно это толкованіе совершенно неудачнымъ и основаннымъ на явномъ недоразумѣніи. Прежде всего напомнимъ, что въ своемъ произведеніи Дантъ, какъ уже указано, относитъ къ веснѣ 1300 года свое отклоненіе отъ истиннаго пути и, въ тѣсной связи съ тѣмъ, свое спасеніе, политическое обращеніе къ новымъ

---

[749]) Рай, XVIII, 124:

O milizia del ciel, cui io contemplo,
Adora per color che sono in terra
Tutti sviati dietro al malo esemplo.

[750]) Фратичелли (Vita di Dante, p. 252) считаетъ возможнымъ отнести видѣніе къ 1301 году, вмѣсто 1300, но не приводитъ достаточныхъ основаній. Еслибъ это и было вѣрно, то оттого бы ничего не выигралъ затронутый нами въ текстѣ вопросъ,—такъ какъ Дантъ и послѣ весны 1301 года, и въ 1300 г. столь же ревностно принималъ участіе въ политической жизни своей родины.

[751]) Это сдѣлано было именно Рутомъ (Studien, стр. 183 и сл.), хотя ему очень хорошо извѣстно, что слѣдуетъ разумѣть подъ „истиннымъ путемъ“.

взглядамъ и откровеніе неразгаданныхъ видовъ Бога насчетъ судьбы человѣчества и руководства людьми. Такъ какъ, завѣдомо для всѣхъ, онъ въ слѣдовавшіе затѣмъ мѣсяцы, и вообще съ этой поры вплоть до своего изгнанія, оживленнѣе, чѣмъ когда-либо, отдался политическимъ интересамъ своего родного города, то у насъ оказалось бы рѣзкое противорѣчіе между извѣстнымъ намъ показаніемъ поэмы (если мы должны счесть вѣрнымъ данное толкованіе) и неоспоримыми фактами. Вѣдь выходило бы такъ, что поэтъ, выйдя изъ лѣсу на свободу и воспринявъ поученіе о мнимой ничтожности политической дѣятельности, снова впалъ въ свою прежнюю ошибку, и такимъ образомъ весь необычайный пріемъ его перенесенія въ сверхчувственныя сферы остался бы для него безплоднымъ. Но никто, конечно, не захочетъ приписать ему подобное противорѣчіе. Приведенное толкованіе могло бы поэтому имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибъ можно было доказать, что Дантъ съ той поры безусловно отвратился отъ всякой дѣятельной политической жизни,—что, какъ извѣстно, совершенно невѣрно, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ своего изгнанія, и въ особенности въ самое ближайшее къ нему время, онъ продолжалъ принимать участіе въ политической жизни: въ иномъ смыслѣ, конечно, и нельзя было бы объяснить его попытки проложить себѣ, при помощи сотоварищей по изгнанію, путь къ возврату во Флоренцію. Только тогда, когда надежды на успѣхъ этого дѣла оказались тщетными, онъ, какъ мы уже знаемъ, отказался отъ него. Но наиболѣе оригинальная и серьозная сторона всего этого недоразумѣнія еще впереди. По данному толкованію «лѣса», Дантъ считалъ свое участіе въ политической жизни Флоренціи дѣломъ совершенно неудачнымъ, ложнымъ, противорѣчащимъ его высшему жизненному призванію; въ этомъ и заключается будто бы его отклоненіе отъ истиннаго пути. Жаль только, что для подобнаго предположенія нѣтъ никакихъ доказательствъ. Мы даже желали бы знать, гдѣ же именно даетъ самъ поэтъ указанія на этотъ счетъ? Скорѣе можно утверждать совершенно противоположное тому. Дантъ, правда, назвалъ преданность свою политическимъ интересамъ своего родного города причиною своего изгнанія и связанныхъ съ тѣмъ неудачъ, но въ тоже время онъ не разъ, въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, называлъ именно это изгнаніе свое вопіющею несправедливостью, дѣломъ мести своихъ противниковъ, и никогда, даже при неблагопріятнѣйшихъ условіяхъ, онъ не взялъ назадъ ни одного слова изъ того, что ставилось ему въ вину. «За твои правдивыя дѣянія этотъ неблагодар-

ный и злой народъ станетъ твоимъ врагомъ», заставляетъ онъ своего учителя, Брунетто, предсказать ему. [752]) Потому именно, что онъ такъ сильно любилъ Флоренцію,—заявляетъ онъ впослѣдствіи,—и постигла его несправедливая ссылка. [753]) Его предокъ, Каччьягвида, предсказываетъ ему въ Раю его изгнаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя прямо подтверждаютъ этотъ взглядъ на его политическую жизнь. [754]) Въ одной изъ своихъ канцонъ Дантъ увѣряетъ насъ, что онъ считаетъ свое изгнаніе почестью, ибо пасть вмѣстѣ съ лучшими людьми достойно лишь похвалы! [755]) И въ виду такихъ то свидѣтельствъ желаютъ насъ склонить къ тому, чтобы считать его политическую дѣятельность во Флоренціи такимъ состояніемъ духа, отъ котораго, какъ изъ настоящаго заблужденія, онъ могъ быть освобожденъ лишь благодаря необычайному помилованію свыше? Это невозможно допустить: если поэтъ ставитъ себѣ въ заслугу результатъ своей политической дѣятельности,—изгнаніе,—и видитъ въ немъ отраженіе своего справедливаго образа дѣйствій, то могъ ли онъ считать въ тоже время свою дѣятельность заблужденіемъ, ошибкой? Конечно, нѣтъ. Мы уже разъ указали, что Дантъ и изгнанъ былъ вслѣдствіе того, что во время кризиса въ своемъ родномъ городѣ дѣйствовалъ въ духѣ изложенной нами политической своей системы. [756]) Божественная же Комедія изображаетъ въ поэтической формѣ обращеніе его къ этой системѣ. Какъ же можно было подумать, что человѣкъ, съ такимъ рвеніемъ и проницательностью защищавшій принципъ живой дѣятельности въ государствѣ, и поставившій ее наряду съ созерцательной жизнью, какъ одинаково важное условіе исполненія человѣческаго предназначенія [757]),—какъ можно было подумать, чтобъ именно такой чело-

---

[752]) См. выше стр. 115 примѣч. 258.

[753]) Тамъ же, примѣч. 259

[754]) Рай, XVI, 46 и сл.

[755]) Opere minori, t. 2, p. 57:

L'esilio che m'e dato a onor mi tegno—
Cader co' buoni è pur di lodo degno.

Сравни стихотв. Микель-Анджело, w. G. Regis, нѣмецк. и итал. текстъ стр. 158:

E fra mille ragion vaglia quest' una:
Ch'egual non ebbe il suo esilio indegno
Com' uom maggior di lui qui non fui mai.

[756]) Ср. выше стр. 116 и слѣд.

[757]) Какъ нарочно, тотъ же Рутъ въ указанномъ своемъ сочиненіи очень мѣтко и сильно характеризовалъ эту теорію.

вѣкъ могъ осуждать свою собственную дѣятельность въ этомъ же духѣ? Мы придаемъ особую важность опроверженію именно этого недоразумѣнія, и не изъ суетнаго желанія поставить на своемъ, но потому, что здѣсь дѣло дѣйствительно идетъ о важномъ условіи вѣрнаго разумѣнія личнаго и политическаго характера Данта и его удивительной поэмы,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что отъ правильнаго объясненія этой части изучаемой нами аллегоріи зависитъ вѣрное толкованіе слѣдующихъ затѣмъ ея частей.

И такъ, мы возвращаемся опять къ тому, что утверждали: въ образѣ лѣса слѣдуетъ видѣть изображеніе распадающагося, безправнаго, безпомощнаго состоянія, въ которое впало все человѣчество вслѣдствіе паденія имперіи и свѣтскихъ притязаній папства. Изображеніе подобнаго состоянія подъ тѣмъ же самымъ образомъ не было къ тому же новостью; достаточно будетъ привести тому нѣсколько примѣровъ. Въ Пирѣ Дантъ самъ называетъ жизнь лѣсомъ, полнымъ ложныхъ путей. [758]) Въ извѣстномъ уже намъ письмѣ своемъ къ итальянскимъ кардиналамъ онъ употребляетъ подобный же пріемъ и говоритъ о «паломничествѣ по дебрямъ жизни». [759]) Но еще Августинъ сравнивалъ жизнь съ широкимъ лѣсомъ, полнымъ опасностей и преслѣдованій. [760]) Францисканскій монахъ Бертольдъ Регенсбургскій проводитъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ и популярныхъ проповѣдей сравненіе между жизнью на землѣ и прорубкой лѣса. [761]) Въ **Gesta Romanorum** передается разсказъ объ одномъ человѣкѣ, который въ маѣ мѣсяцѣ пошелъ въ лѣсъ, гдѣ увидалъ семь деревъ необыкновенно привлекательнаго вида; онъ набралъ себѣ съ нихъ столько вѣтвей, сколько могъ снести. Тогда подошли къ нему три мужа и вывели его изъ лѣсу, прямо къ выходу; тамъ упалъ онъ въ глубокую яму, опускаясь подъ тяжестью своей ноши. Подъ лѣсомъ, читаемъ мы въ приложенномъ толкованіи разсказа, слѣдуетъ разумѣть свѣтъ, а семь деревъ изображаютъ собою семь смертныхъ грѣховъ. [762]) Этихъ

---

[758]) Convito, IV, 24: — il giovane, ch'entra nella selva erronea di questa vita.

[759]) Tosti, l. c., p. 4: Vos equidem,— quorum sequentem gregem per saltus peregrinationis hujus illustrare intererat.

[760]) Confessiones, X, 3: In hac tam immensa sylva, plena insidiarum et periculorum etc.

[761]) Bertholds deutsche Predigten, herausgeg. von Kling. Berlin, 1824, стр. 219; подобный же образъ см. на стр. 382.

[762]) Grässe, Gesta Romanorum, нѣмецк. изданіе, 2 т., первое прилож., 28 разсказъ.

примѣровъ можно было бы безъ труда привести еще нѣсколько, и всѣ они на первый же взглядъ потверждаютъ, что для той мысли, которую Дантъ имѣлъ въ виду выразить, данный образъ, какъ бы сказать, представлялся самъ собою [763]).

Но пойдемъ дальше въ нашемъ обзорѣ. Заблудившійся не считаетъ себя совсѣмъ потеряннымъ; напротивъ, онъ принимаетъ рѣшеніе вырваться изъ этого безнадежнаго, мрачнаго состоянія. Какъ будто движимый лишь собственными силами, онъ стремится впередъ, пытаясь снова найти истинный путь, очутиться въ обстановкѣ прямо противоположной этому мрачному лѣсу или ущелью. достигнуть горы, освѣщенной лучами восходящаго солнца, т. е. достигнуть познанія Божественнаго предопредѣленія судебъ человѣческихъ, предрѣшеннаго строя и направленія земной жизни: эта «сладостная вершина есть начало и причина всѣхъ радостей» [764]), солнце же, освѣщающее верхъ горы, есть Богъ, собственное Божіе откровеніе [765]). Но, несмотря на это предчувствіе, несмотря на свое рѣшеніе идти къ этой свѣтлой, высокой цѣли, онъ не въ состояніи сдѣлать этого самъ и притомъ обыкновеннымъ путемъ. Всеобщая испорченность людская преграждаетъ и ему дорогу и снова оттѣсняетъ его назадъ въ безнадежную и мрачную чащу лѣса. Эта испорченность, парализующая его лучшія стремленія, символически изображена въ лицѣ трехъ звѣрей, пантеры, льва и волчицы, и подъ ними мы должны подразумѣвать три главныхъ грѣха,—роскошь, гордыню и алч-

---

[763]) Дантъ употребляетъ также (Адъ, I, 14) вмѣсто слова лѣсъ и слово valle, очевидно считая ихъ однозначащими. — Если въ Чистилищѣ (XIV, 64) слово selva употреблено въ фигуральномъ смыслѣ вмѣсто Флоренціи, то это еще не даетъ никакого права выводить отсюда, что selva въ первой пѣсни должно означать приблизительно тоже самое или же нѣчто близкое къ тому. Во первыхъ, изъ того, что слово многократно употреблено было аллегорически или фигурально, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ оно всегда должно было имѣть одинъ и тотъ же смыслъ; затѣмъ, между обоими мѣстами нѣтъ рѣшительно никакого соотношенія; и наконецъ въ первой пѣсни Ада selva не можетъ означать Флоренціи, потому что въ поэмѣ Дантъ спасается изъ selv'ы въ мартѣ 1300 года, въ жизни же онъ послѣ того пробылъ еще полтора года во Флоренціи и преданъ былъ флорентинской политикѣ, и только въ началѣ 1302 года былъ противъ воли оторванъ отъ обѣихъ этихъ симпатій своихъ.

[764]) Адъ, I, 77:

Perchè non sali il dilettoso monte,
Ch'è principio e cagion di tutta gioia?

[765]) Пиръ, Ш, 12: Nullo sensibile in tutto'l mondo è piu degno di farsi esemplo di Dio, che'l Sole, lo quale die sensibile luce se prima e poi tutte le corpora celestiali e elementali allumina; cosi Iddio sè prima con luce intellettuale illumina, e poi le celestiali e l'ultre intelligibili etc.

ность. Въ новѣйшее время, правда, пытались видѣть въ этихъ трехъ звѣряхъ намекъ на дробленіе Флоренціи на партіи Черныхъ и Бѣлыхъ, на Карла Валуа и наконецъ на выродившійся папскій дворъ; къ этому толкованію возвращались съ возрастающимъ пристрастіемъ, вызывая въ публикѣ все болѣе и болѣе сочувствія. Но мы пойдемъ также и противъ этого толкованія, считая его совершенно неумѣстнымъ и немыслимымъ: оно, какъ и объясненіе «лѣса» мнимо-неудавшимся увлеченіемъ поэта политическою жизнью его родного города, столь противорѣчащимъ истинному призванію его, коренится въ полномъ непониманіи настоящаго положенія дѣлъ. Взвѣсимъ безпристрастно хоть слѣдующее: Дантъ относитъ свое заблужденіе и свою встрѣчу съ тѣми звѣрями къ веснѣ 1300 года; намъ кажется, что это опредѣленіе времени должно быть принято во всякомъ случаѣ, и его нельзя игнорировать или обойти, когда дѣло идетъ о толкованіи аллегоріи. Онъ описываетъ намъ, какъ въ данную эпоху (мартъ и апрѣль 1300 г.) онъ избавился отъ тѣхъ звѣрей посредствомъ сверхъестественной помощи и необычайнымъ путемъ. Итакъ, спрашиваемъ мы, согласуется ли приведенное нами толкованіе времени возникновенія поэмы съ настоящимъ ходомъ исторіи? Былъ ли Дантъ весною 1300 года дѣйствительно спасенъ отъ партіи Бѣлыхъ и Черныхъ во Флоренціи, отъ честолюбія Карла Валуа и замысловъ французской политики, отъ свѣтскихъ тенденцій римскаго двора? Или не проявляется ли для него опасность съ этой стороны, настоящая и сильная, именно послѣ той эпохи его сверхчувственнаго странствія? Не предсказывается ли ему готовящееся усложненіе какъ разъ во время этого странствія, и не идетъ ли онъ тѣмъ не менѣе мужественно на встрѣчу ему? Что касается въ особенности Карла Валуа, за котораго такъ держатся толкователи, то о немъ поэтъ ужъ никакъ не могъ думать весною 1300 года, потому что, какъ извѣстно, папа Бонифацій еще не обнаруживалъ въ это время своего плана воспользоваться услугами Карла противъ флорентинскихъ Бѣлыхъ, хотя планъ этотъ и былъ по всему вѣроятію, уже составленъ. Самый ранній изъ достовѣрныхъ слѣдовъ его существованія является никакъ не позднѣе ноября 1300 года, словомъ цѣлыхъ полгода послѣ видѣнія [766]), исполненіе же этого плана осуществилось, какъ извѣстно, лишь лѣтомъ или осенью 1301 года. До этой поры вмѣшательства Карла Валуа, въ критическую для Данта эпоху, французская политика не имѣла

[766]) См. выше прим. 227.

такого сильнаго вліянія на судьбы Флоренціи, чтобы можно было подразумѣвать подъ нею «льва» [767]). Но помимо этого, если защитники отвергнутаго нами толкованія хотѣли бы получить хотя бы внѣшнее основаніе для своихъ объясненій, они должны бы прежде всего подвинуть на нѣсколько лѣтъ впередъ хронологію видѣнія. Но и тогда они выиграли бы немного и трудности для нихъ только начались бы. Тѣмъ не менѣе поэтъ навѣрно имѣлъ основательныя причины помѣстить свое видѣніе именно въ указанное имъ время. Онъ переживалъ критическій моментъ, весну 1300 г., именно средину, т. е. апогей своей жизни [768]), да и человѣческой жизни вообще; этимъ моментомъ поэтъ считалъ тридцать пятый годъ отъ роду, возрастъ, въ которомъ онъ именно и находился, такъ какъ родился въ 1265 году. Онъ полагаетъ поэтому, что въ эту эпоху человѣкъ достигаетъ наибольшаго совершенства подобно Христу, который хотѣлъ умереть на тридцать четвертомъ году отъ рожденія, безспорно достигнувъ высшей точки,—и, конечно, не хотѣлъ оставаться на землѣ послѣ того, въ пору упадка [769]). На основа-

---

[767]) Мнѣ хорошо извѣстно, что защитники упомянутаго нами объясненія льва ссылаются въ особенности на Рай, VI, 106, гдѣ имперскому орлу противопоставляется Карлъ Валуа въ качествѣ льва (бывшаго его гербомъ). Но эта комбинація отнюдь не такова, чтобы изъ-за нея можно или должно было отнести къ Карлу льва первой пѣсни Ада. Сравненіе Карла со львомъ даже не непосредственное; тамъ только сказано: Карлъ Валуа съ его Гвельфами пусть убоятся когтей орла, сорвавшихъ шкуру уже съ болѣе славнаго льва (a più alto leone). „Левъ Карлъ“ отнюдь не изображается здѣсь особенно грознымъ или сильнымъ: сопоставимъ съ этимъ описаніемъ льва первой пѣсни Ада (стихъ 46—48), „передъ которымъ пугается даже самъ воздухъ“, и мы увидимъ, что тотъ и другой уже по одному этому не могутъ быть отождествлены. Но этотъ „болѣе замѣчательный левъ“ не долженъ ли изображать кого нибудь изъ французскихъ королей; (Фратичелли, Dell' Allegoria del Poema di Dante p. XXXVII, введеніе къ его изданію Бож. Комедіи, Флоренція 1860 г.) Но, спрашиваемъ мы,когда же до 1300 года орелъ серьозно побѣдилъ такъ называемаго французскаго льва? Сдѣлали ли это Гогенштауфены? или франконскіе императоры? О столкновеніи императоровъ саксонскаго дома нельзя вообще и думать. Если подъ орлами мы поймемъ только гибеллинскіе отряды, то я не знаю также,когда Гибеллины сняли кожу хоть съ одного изъ предполагаемыхъ тѣми комментаторами французскихъ королей. Это мѣсто можетъ быть только понято въ общемъ смыслѣ.

[768]) Адъ, I, 1:

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per un selva oscura.

[769]) Convito, IV, 23 (Opp. Minori, II, 2, стр. 494): Là dove sia il punto di questo arco—è forte da sapere; ma nelli più io credo tra'l trentesimo e'l quarantesimo anno: e io credo che nelli perfettamente naturati esso ne sia nel trentacinquesimo anno. E movemi questa ragione, che ottimamente

нiи этого предположенiя, было бы столь же глубокомысленно, какъ и логично думать, что поэтъ перенесъ моментъ своего обращенiя, своего посвященiя въ великiя намѣренiя Бога относительно человѣчества именно въ эту «средину» своей жизни, хотя внутренній процессъ, дѣйствительно приведшій его къ этому результату, произошелъ за цѣлый рядъ лѣтъ передъ тѣмъ. Послѣ того, какъ Дантъ разъ установилъ такимъ образомъ хронологію своихъ странствій, мы не только должны принять ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и тѣ слѣдствія, которыя, неотразимо проистекая изъ этого опредѣленія, способствуютъ объясненію поэмы, исходною точкою этихъ странствій, и никакъ не можемъ пройти мимо нихъ съ произвольнымъ невниманіемъ. Та группа толкователей, о которой здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, впала въ эту ошибку.

И такъ, мы утверждаемъ вмѣстѣ съ Боккачьо и всѣми древнѣйшими писателями, что подъ тѣми тремя звѣрями, которые преградили путь Данту, слѣдуетъ понимать три грѣха: сластолюбiе, гордыню и алчность. Это тѣ пороки, которые всего чаще поминаются во всѣ средніе вѣка, всякій разъ, когда нужно указать на грѣховность міра; и семь смертныхъ грѣховъ всегда сводились въ то время къ этимъ тремъ [770]). Убѣдительный примѣръ представляетъ, по нашему мнѣнію, «золотая легенда». Когда св. Доминикъ пребывалъ въ Римѣ, чтобъ добиться утвержденiя своего ордена, повѣствуетъ она, онъ имѣлъ во время ночной молитвы слѣдующее видѣніе. Онъ видѣлъ сына Божiя, парящаго на воздухѣ и направляющаго три копья въ землю; тогда поспѣшила къ нему Богоматерь и спросила о его намѣренiяхъ, на что Іисусъ отвѣчалъ: весь міръ преисполненъ тремя пороками, именно сластолюбiемъ, гордынею и алчностью, поэтому я и хочу уничтожить его копьемъ. Тогда мать его стала молить Христа пощадить человѣчество и укротила Его, указавъ на исправленiе людей благодаря усиліямъ двухъ новыхъ орденовъ основанныхъ Франциском и Доминикомъ [771]). Или же возьмемъ собранiе средневѣковыхъ проповѣдей, напримѣръ столь близкое намъ и уже упомянутое собранiе проповѣдей отца Бертольда Регенсбурскаго; мы и въ нихъ найдемъ

---

naturato fue il mestro Salvatore Cristo, il quale volle morire nel trentaquattresimo anno della sua ètade: che non era convenevole la Divinità stare cosi in discrezione: nè da credere è ch'elli non volesse dimorare in questa nostra vita al sommo, poichè stato c'era nel basso stato della puerizia etc.

[770]) Ср. между прочимъ: Halitgarii Liber Poenitentialis, у Casinius: Lectiones Antiquae II, стр. 85 и слѣд.

[771]) См. Legenda Aurea, ed. Graesse. Cap. CXIII, de Sancto Dominico.

все тѣ же воззрѣнія на три смертныхъ грѣха. Они были всюду господствующими, авторитетными. На вопросъ, какъ случилось, что псалмы Давида, посланія Павла и Евангеліе отъ Матѳея всего болѣе употребляются въ церковномъ обиходѣ, золотая легенда отвѣчаетъ своимъ разсказомъ исторіи апостола Матѳея: По свидѣтельству Іакова существуетъ три вида грѣха, именно, сластолюбіе, гордыня и алчность; Давидъ согрѣшилъ первымъ, Павелъ—вторымъ, Матѳей—третьимъ грѣхомъ [772]). Наконецъ, чтобы назвать авторитетъ первостепенный, тоже самое дѣлаетъ и Ѳома Аквинскій, опредѣляя три источника для всѣхъ видовъ грѣха: **concupiscentia oculi**, **concupiscentia carnis** и **superbia vitae**, которые, если они и сгруппированы въ иной послѣдовательности (что не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія), соотвѣтствуютъ тѣмъ тремъ главнымъ грѣхамъ и ихъ иносказательному опредѣленію [773]). Справедливо было уже замѣчено, что три главныя подраздѣленія ада поставлены въ прямое соотношеніе съ этими тремя главными грѣхами. Если же насъ спросятъ, въ какой связи находятся три смертныхъ грѣха, относящіеся прямо къ области религіи, съ ниспроверженіемъ мірового строя, которое, со всѣми своими гибельными послѣдствіями, мы видимъ аллегорически изображеннымъ въ «лѣсу», то мы на это можемъ отвѣтить, что, по системѣ Данта, съ уничтоженіемъ имперіи пошатнулось и все остальное, такъ что даже сама церковь была уже не въ силахъ исполнить своей прямой задачи. Міръ сдѣлался злымъ, говоритъ Дантъ, потому что имъ дурно управляли [774]). Увѣренность, что нарушеніе мірового порядка должно было гибельно отразиться и на нравственномъ состояніи человѣчества, коренится собственно въ самой сущности дѣла, да къ тому же она нерѣдко громко высказывалась уже въ то время, хотя не всегда съ такою энергіею, какъ это сдѣлалъ авторъ Божественной Комедіи. Чтобы указать на одинъ изъ самыхъ важныхъ случаевъ, напомнимъ, что золотая булла короля Карла IV, ближайшею задачею которой была реорганизація расшатаннаго нѣмецкаго государства, видимо, основана на той же точкѣ зрѣнія. Она тоже полагаетъ, что разложеніе государства или расколъ въ немъ разнуздали злыя страсти.

---

[772]) Ibid. Cap. CXL, de Sancto Matthaeo Apostolo.

[773]) См. Summa, Ѳомы Аквинскаго, II, I, 78, 4. II, II, 69, 4.

[774]) Чистилище, XVI, 103. См. выше стр. 238, прим. 591 и 592

[775]) См. вступительные параграфы въ Daniel von Olenschlager, Neue Erläuterung der Goldenen Bulle König Karl's IV. Frankfurt und Leipzig 1766: Omne Regnum in se divisum desolabitur. Nam Principes ejus facti sunt sorii furum, ob quod Dominus miscuit in medio eorum spiritum vertiginis, ut palpent in me,

Затѣмъ возникаетъ новый вопросъ: какъ согласуются аллегорическіе образы звѣрей съ указаннымъ нами смысломъ ихъ? Не лишено вѣроятія, какъ многіе полагаютъ, что при выборѣ этихъ звѣрей поэтъ имѣлъ въ виду то мѣсто изъ Іереміи (5—6), въ которомъ говорится: «Поэтому-то и левъ, выходящій изъ лѣса, разорветъ ихъ, и волкъ въ пустынѣ погубитъ ихъ, и пантера будетъ подстерегать ихъ города; она пожретъ всѣхъ, кто изъ нихъ выйдетъ; ибо ихъ грѣховъ слишкомъ много, и они упорны въ своемъ неповиновеніи». Тѣмъ не менѣе, этимъ еще мало достигается полезныхъ результатовъ для разрѣшенія разбираемаго нами вопроса. За то цитата изъ одного писателя, особенно любимаго какъ самимъ Дантомъ, такъ и средними вѣками вообще, ведетъ насъ уже нѣсколько дальше. Именно Боэцій въ своей книгѣ объ утѣшеніи, доставляемомъ философіею, сравниваетъ алчность съ волчицею, гнѣвъ (всегда неразлучный съ гордостью) со львомъ, сластолюбіе—съ свиньею [776]).

Впрочемъ, эти аллегоріи были въ тѣ вѣка вообще въ ходу: онѣ прямо напрашивались къ Данту, хотя бы даже (что еще остается вопросомъ) онъ и не нашелъ ихъ въ названномъ сейчасъ любимомъ сочиненіи; конечно, олицетвореніе сластолюбія въ образѣ свиньи, хотя и могло пригодиться для нравственной цѣли, предположенной поэтомъ, гораздо менѣе пригодно было для его эстетическихъ цѣлей. Поэтому онъ предпочелъ образъ барса, соотвѣтствовавшій обоимъ соображеніямъ. Низкорослая пантера есть животное вакхическое; мѣсто, занимаемое имъ въ миѳѣ о Вакхѣ и Аріаднѣ, было еще въ наши дни наглядно воспроизведено въ знаменитомъ произведеніи искусства.

---

ridie sicut in tenebris, et candelabra eorum movit de loco suo ut ceci sint, e duces cecorum: et qui ambulant in tenebris offendunt, et ceci mente seclera perpetrant, que in divisione contingunt. Dic superbia, quomodo in Lucifero regnasses, si divisionem auxiliatricem non habuisses? Dic Sathan invide, quomodo Adam de Paradiso eiecisses, nisi eum at obediencia divisisses? Dic Luxuria, quomodo Troiam destruxisses, nisi Helenam a viro suo divisisses? Dic Ira quomodo Romanam Rempublicam destruxisses, nisi in divisione Pompeium, et Iulium sevientibus gladiis ad intestine prelia concitasses? Tu quidem invidia Christianum imperium a Deo ad instar sancte et individue Trinitatis fide, spe et caritate virtutibus Theologicis roboratum, cujus fundamentum super Christianissimo Regno feliciter stabilitur, antiquo veneno, velut serpens in palmites Imperiales, et membra eius propinquiora impio scelere vomuisti, ut concussis columpnis totum edificium ruine subiicere tentasti.

[776]) См. Boethius de Consolatione, lib. III: Avaritia servet alienarum opum violentus ereptor? similem lupae diceris. — Irae intemperare fremiti leonis animum gestare dixeris. — Foedis immundisque libidinibus immergitur? sordidae suis voluptate detinetur.

Примѣнить эту аллегорію къ партіямъ флорентинскихъ Черныхъ и Бѣлыхъ по той только причинѣ, что шкура пантеры, какъ дѣйствительно замѣтилъ въ своемъ **Tesoro** еще Брунетто Латини, покрыта бѣлыми и черными пятнами, невозможно, повторяемъ, уже потому, что въ этой борьбѣ Дантъ дѣйствовалъ на сторонѣ Бѣлыхъ въ силу полнаго, ясно высказаннаго имъ нравственнаго убѣжденія; было бы, поэтому, безсмысленно, еслибъ весною 1300 года онъ далъ спасти себя отъ нихъ, какъ отъ препятствія, съ тѣмъ чтобы, болѣе чѣмъ когда либо, участвовать втихомолку въ борьбѣ этой партіи. Прибавимъ сюда еще слѣдующее соображеніе. Въ шестнадцатой пѣсни Ада (стихъ 106 и слѣд.) Дантъ снова возвращается въ довольно неясной формѣ къ образу пантеры, притомъ прямо указывая на упомянутую нами комбинацію первой пѣсни [777]); мы не боимся провиниться противъ законовъ логики, если привлечемъ одно мѣсто къ объясненію другого [778]). Вполнѣ ясно, поэтому, что образъ выводимый въ шестнадцатой пѣсни, долженъ имѣть тотъ же смыслъ, что и въ первой. Если же, какъ полагаютъ многіе, пантера означаетъ въ первой пѣсни флорентинскія партіи, то она должна означать тоже самое и въ шестнадцатой. Но на дѣлѣ мы видимъ, что приверженцы этого воззрѣнія не знаютъ, что начать съ этимъ вторымъ упоминаніемъ пантеры, и всего охотнѣе хотѣли бы обойти его молчаніемъ. Ни одинъ изъ нихъ не далъ еще, хотя бы отдаленнымъ образомъ, удовлетворительное толкованіе связи этихъ двухъ мѣстъ, поскольку въ нихъ говорится о томъ же образѣ пантеры. Намъ же кажется несомнѣннымъ, что lonza шестнадцатой пѣсни никакъ не можетъ относиться къ флорентинскому дробленію на партіи. Вѣдь дѣло заключается вотъ въ чемъ: поэтъ совершилъ свое странствіе по семи первымъ кругамъ ада, гдѣ показывались грѣхи невоздержанія или насилія, съ веревкою вокругъ тѣла, съ веревкою, «которою онъ часто желалъ изловить (т. е. укротить) пантеру съ пятнистою шкурою» [779]). Когда путники приблизились къ восьмому кругу, заклю-

---

[777]) Адъ, XVI, 106:

Io aveva una corda interno cinta,
E con essa pensai alcuna volta
Prender la lonza alla pelle dipinta.

[778]) Попытка объяснить lonza въ первой пѣсни Ада словомъ lonza въ шестнадцатой считалась въ свое время peticio principii. Но такой упрекъ былъ основателенъ лишь тогда, еслибъ lonza шестнадцатой пѣсни была трудно объяснима и ея тождество съ lonza первой пѣсни находилось подъ сомнѣніемъ.

[779]) Ср. прим. 777

чающему въ себѣ грѣхи обмана, Виргилій пригласилъ Данта снять съ себя веревку, свернулъ ее и бросилъ въ бездну, чтобы вызвать этою приманкою скрытый тамъ символъ обмана, Геріона, главу этого круга, что ему, дѣйствительно, и удается. Что же должны мы представить себѣ подъ этою веревкою? Веревка эта, по нашему мнѣнію, именно та, которую имѣли обыкновеніе носить такъ называемые терціаріи францисканскаго ордена, т. е. такіе люди, которые, не вступая сами въ монастырь, принимали на себя однако нѣкоторыя обязательства относительно соблюденія правилъ ордена; подобную веревку носилъ и самъ Дантъ, бывшій, на основаніи достовѣрнаго преданія, также въ числѣ терціаріевъ [780]). И такъ, веревка эта была только внѣшнимъ знакомъ, которымъ онъ тщетно хотѣлъ изловить и укротить чувственность, сластолюбіе, т. е. пантеру, какъ было со многими свѣтскими людьми того времени, предававшимися вмѣстѣ съ тѣмъ и самой безумной,, безнравственной жизни. Веревка эта означаетъ, такимъ образомъ, внѣшній, обманчивый видъ; она признакъ лжи, обмана, которымъ человѣкъ вводитъ въ заблужденіе другихъ или даже самого себя, въ то время, какъ не личина, а дѣйствительное настроеніе, фактическая нравственность только и имѣютъ значеніе. Не даромъ присовокупляетъ Виргилій къ этому случаю прекрасное предостереженіе. Человѣкъ долженъ всегда, поскольку это ему возможно, замыкать уста истинѣ, похожей на ложь [781]). Поэтому весьма разумно, если поэтъ, для того чтобы вызвать символъ обмана, велитъ бросить въ бездну, въ видѣ приманки, ту веревку, этотъ знакъ лживости. Внутренняя связь между пантерою первой и шестнадцатой пѣсни была бы такимъ образомъ, надѣемся, возстановлена и доказана. Противоположное нашему воззрѣніе должно бы прежде всего пополнить въ своемъ смыслѣ все пропущенное имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дантъ еще ближе опредѣляетъ эпоху, когда lonza преградила ему путь. Это было раннимъ угромъ 25 марта, считавшагося днемъ сотворенія міра, кончины Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ весны; это была во всякомъ случаѣ весьма остроумно придуманная пора для описаннаго здѣсь переворота въ его жизни. Но, конечно, это ничто иное какъ поэтическая оболочка, хотя и весьма богатая соотношеніями. Въ связи съ этимъ онъ продолжаетъ:

[780]) См. выше стр. 91, прим. 201.

[781]) Ад. XVI, 124:

Sempre a quel ver che ha faccia di menzogna
De' l'om chiuder le labbra fin ch' ei puote,
Però che sanza colpa fa vergogno.

Этотъ часъ, и день, и благодатная пора года дали мнѣ возможность ожидать всего лучшаго послѣ той опасности, которой подвергло меня появленіе пантеры [782]),—т. е. тотъ день изъ всѣхъ, въ который вѣчная любовь призвала къ жизни міръ и совершила дѣло спасенія, и именно воспоминаніе объ этомъ днѣ вселило въ него надежду найти необходимую силу, чтобы подняться и побѣдить могущество чувственности и сластолюбія. Невольно хочется спросить, въ какомъ соотношеніи представляютъ себѣ защитники противоположнаго объясненія пантеры этотъ многознаменательный день съ партіями флорентинскихъ Бѣлыхъ и Черныхъ? Они должны или искажать слова или молчать.

Что же касается льва, преграждающаго послѣ пантеры путь поэту, «съ поднятою головою и страшнымъ голодомъ, такъ что кажется, будто передъ нимъ дрожитъ (или его пугается) воздухъ» [783]), то для нашего объясненія его, какъ **superbia vitae**, представляется весьма мало трудностей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ политическое значеніе **lonza** опровергнуто, какъ мы полагаемъ, вполнѣ убѣдительно [784]). Это такой образъ, который является весьма употребительнымъ и понынѣ. Боэцій, въ приведенномъ уже нами мѣстѣ, дѣлаетъ льва символомъ гнѣва [785]), но гнѣвъ и надменность. какъ мы уже говорили, охотно сочетались въ то время при упоминаніи о смертныхъ грѣхахъ. **Superbia** есть именно тотъ грѣхъ, который довелъ ангеловъ до рокового паденія [786]); думалъ ли Дантъ

---

[782]) Адъ, I, 41:

Si che a bene sperar m'era cagione
Di quella fera alla gaietta pelle,
L'ora del tempo e la dolce stagione.

Въ настоящее время считается почти всѣми правильнымъ читать alla вмѣсто la gaietta pelle; 108 стихъ шестнадцатой пѣсни (la lonza alla pelle dipinta) долженъ былъ бы уже раньше навести на эту мысль, не говоря уже о томъ, что другая форма не имѣетъ просто никакого смысла и только все затемняетъ

[783]) Адъ, I. 46. Одни толкователи читаютъ tremesse, другіе, и въ томъ числѣ Витте въ своемъ изданіи, temesse, что совершенно безразлично для объясненія смысла.

[784]) Superbia, которую Дантъ ставитъ въ укоръ Флорентинцамъ (Адъ, VI, 74 и XV, 68), можетъ быть отнесена къ французскому двору лишь съ натяжкою. Флорентинцы страдали ею (точно также, была въ нихъ и avarizia) подобно тому какъ ею же, по мнѣнію поэта, была заражена вся Италія.весь міръ.

[785]) См. выше стр. 217, прим. 778.

[786]) Рай, XIX, 46.—XXIX, 55:

Principio del cader fu il maledetto
Superbir di colui che tu vedesti
Da tutti i pesi del mondo costretto.

при выборѣ этого образа о томъ «рыкающемъ львѣ, который ищетъ кого поглотить [787])—этого, конечно, нельзя доказать.

Но самое страшное дѣйствіе поэтъ приписываетъ волчицѣ, передъ которою какъ-бы исчезаютъ и левъ, и пантера. При всемъ своемъ истощеніи она кажется преисполненною всякихъ похотей и отравила жизнь уже многимъ [788]). Никого не оставляетъ она въ покоѣ и мѣшаетъ каждому до тѣхъ поръ, пока его не убьетъ. Нечестивая и злая отъ природы, она ненасытна въ своемъ алканіи, а послѣ ѣды—еще голоднѣе прежняго. Она совокупляется со многими звѣрями и будетъ совокупляться еще съ большимъ числомъ ихъ, пока не придетъ гончая, которая заставитъ ее умереть отъ боли. Она будетъ гонять ее изъ города въ городъ, пока не вгонитъ ее опять въ адъ, изъ котораго ее нѣкогда выслала зависть [789]). Дантъ также изнемогаетъ передъ непреодолимой силой этого звѣря; шагъ за шагомъ снова оттѣсняетъ его волчица въ безсолнечный лѣсъ [790]) и, падая, онъ опускаетъ глаза[791]). Въ этой аллегоріи мы узнаемъ **concupiscentia oculi**, алчность въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, пользующуюся всѣми средствами для удовлетворенія своихъ желаній, и характеристическою чертой которой является ея безсовѣстность. Намъ кажется, что уже одного того, какъ описываетъ ее поэтъ, должно бы быть достаточно для устраненія всякихъ иныхъ толкованій. Алчность овладѣваетъ человѣкомъ даже тогда, когда преодолѣны чувственность и самомнѣніе. Невозможно видѣть въ волчицѣ выродившуюся римскую курію или гвельфство, несмотря на всѣ весьма убѣдительные доводы, которые были высказаны въ пользу этого мнѣнія, несмотря и на то, что и намъ близка эта мысль, въ виду суроваго и почти страстнаго сужденія поэта о римскомъ дворѣ и Гвельфахъ. Можно бы, быть можетъ, сказать, что Дантъ считаетъ всепобѣждающій грѣхъ алчности, т. е. господство волчицы, результатомъ развращенія римской куріи, и римскую курію — вполнѣ подвластною этому грѣху; но никогда не слѣдуетъ смѣшивать воедино дѣйствіе и причину. Вспомнимъ, какъ поэтъ заставляетъ Виргилія сказать, что первое пробужденіе зависти вы-

---

[787]) Посланіе Петра, I. ст. 8.
[788]) Адъ, I, 49.
[789]) Ibid. I, 94—102. 109—112.
[790]) Ibid. I, 58—62.
[791]) Рай. XXXII, 136:

E contro al maggior Padre di famiglia
Siede Lucia, che mosse la tua Donna,
Quando chinavi a ruinar le ciglia.

звало изъ ада волчицу [792]); имѣетъ ли это хоть какой нибудь смыслъ, если подъ этимъ звѣремъ мы поймемъ папскій дворъ или Гвельфство? Ни въ какомъ случаѣ; за то никакой тѣни неясности не останется, если мы вспомнимъ алчность и похотливость, которыя пробуждены были въ Евѣ «исконной завистью», т. е. сатаной, завидовавшимъ счастью первыхъ людей въ земномъ раю, и, дѣйствительно, приведшимъ ихъ къ паденію [793]). Это единственное соображеніе уже рѣшаетъ все дѣло въ нашихъ глазахъ. Въ двадцатой же пѣсни Чистилища Данть прямо называетъ алчность волчицею, «проклятою старою волчицею, въ своемъ неутолимомъ голодѣ захватывающею болѣе добычи, чѣмъ всѣ остальные звѣри [794]). Тутъ же онъ называетъ горе «охватившимъ весь міръ»! [795]) И, что при томъ весьма существенно, по общему смыслу всего этого мѣста онъ указываетъ, какъ и въ первой пѣсни Ада, на побѣдителя, который долженъ одолѣть волчицу [796]). Въ двадцать седьмой пѣсни Рая восклицаетъ онъ: «О алчность, столь унижающая подъ своимъ бременемъ смертныхъ, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи возвести свои очи изъ твоихъ волнъ» и т. д. [797]). «Слѣпая алчность, обманывающая людей», является причиною того, что попытка короля Генриха VII возстановить имперію въ Италіи не удалась [798]). «О, слѣпая алчность

---

[792]) Адъ, I, 109:

Questi la caccerà peri ogni villa,
Fin che l'avrà rimessa nello inferno,
Là onde invidia prima dipartilla.

[793]) Дальнѣйшее выяснится вскорѣ при объясненіи значенія гончей, загоняющей волчицу въ лѣсъ.

[794]) Чистилище, XX, 10:

Maledetta si tu, antica lupa,
Che più che tutte l'altre bestie hai predo
Per la tua fame senza fine cupa.

[795]) Чистилище, 8:

„— — il mal che tutto il monde occùpa.

[796]) Тамъ-же, стр. 16:

O ciel, nel cui girar par che si creda
Le condicion di quaggiu trasmutarsi
Quando verrà per cui questa lupa disceda.

[797]) Рай, XXVII, 121:

O cupidigia, che i mortali affonde
Si sotto te, che nessuno ha potere
Di trarse gli occhi fuor della tue onde.

[798]) Рай, XXX, 138:

La cieca cupidigia, che vi ammalia,
Simili fatti v'ha al fantolino,
Che muor di fame e caccia via la balia.

о, неразумное неистовство»,— восклицаетъ онъ въ аду, обращаясь, при видѣ одержимыхъ грѣхомъ насилія, къ другимъ лицамъ, — о, алчность, которая такъ могущественно руководитъ нами въ теченіе нашей краткой жизни, въ вѣчной же жизни такъ позорно покидаетъ насъ»![799]) Поддавшись алчности, короли Рудольфъ и Альбрехтъ остаются въ Германіи, вмѣсто того чтобъ двинуться въ Италію и тамъ охранить права своего императорскаго сана [800]). «Всѣ», пишетъ Дантъ итальянскимъ кардиналамъ, «всѣ избрали себѣ въ супруги алчность, которая никогда не была христіанскою любовью, но безбожіемъ и неправдой» [801]). Въ извѣстномъ намъ «нераздѣлимомъ одѣяніи», т. е. предопредѣленномъ Провидѣніемъ міровомъ строѣ, управляемомъ папой и императоромъ, впервые произведенъ былъ разрывъ «когтями алчности» [802]). Алчность легко отклоняетъ умы людскіе съ настоящаго пути [803]). Она отодвигаетъ назадъ интересы человѣческаго общества и жаждетъ иной добычи [804]). Въ особенности укажемъ еще на двѣнадцатый отдѣлъ четвертаго трактата въ Пирѣ, гдѣ Дантъ высказывается объ алчности совершенно такъ, какъ въ первой пѣсни Ада. не прибѣгая лишь къ аллегоріи, такъ что при этомъ невозможно видѣть тутъ только указаніе на папскій дворъ или же на Гвельфовъ. Внимательно изучить этотъ отдѣлъ совѣтовали бы мы всякому, кто пожелалъ бы найти еще извѣстное число доказательствъ настоящей постановки даннаго вопроса; но мы все же не можемъ не привести нѣсколько выдержекъ оттуда. Дантъ между прочимъ ссылается на фразу Цицерона въ его парадоксахъ: «ибо

---

[799]) Адъ, XII, 49:

O cieca cupidigia, e ria e folle,
Che si ci sproni nella vita corta,
E nell eterna poi si mal c'immolle.

[800]) Чистилище, VI, 103:

Che avete tu (Alberto Tedesco) e il tuo padre sofferto,
Per cupidigia di costa distretti,
Che il giardin del imperio sia diserto.

[801]) См. выше стр. 186, и у Тости, стр. 86, 7: Quidni? Cupiditatem unusquisque sibi duxit in uxorem (quemadmodum et vos), quae numquam pietatis e aequitatis, ut Caritas, sed semper impietatis et iniquitatis est genitrix.

[802]) De Monarchia. I, c. 16 (стр. 33): Qualiter autem se habuerit orbis, ex quo tunica ista in consutilis cupiditatis ungue scissuram primitus passa est, et legere passumus et utinam non videre. (Мы далѣе еще вернемся къ этому мѣсту въ 8 главѣ.

[803]) Тамъ же I, г. 11, стр. 32: Et hoc metu cupiditatis fieri oportet, de facili mentes hominum detorquentis.

[804]) Тамъ-же, I, г. 11, стр. 20: Cupiditas namque parseitate (=societate) hominum spreta, quaerit alia.

никогда не бываетъ удовлетворена или утолена жажда алчности; людей нетолько мучитъ стремленіе увеличить то, чѣмъ они уже обладаютъ, но они причиняютъ сами себѣ мученіе изъ боязни потерять то, что имѣютъ». И вскорѣ затѣмъ слѣдуютъ замѣчательныя слова, очевидно прямо относящіяся къ предмету настоящаго нашего разслѣдованія: «что же иное въ такой степени грозитъ и городамъ, и областямъ, и отдѣльнымъ личностямъ, и что такъ уничтожаетъ ихъ, какъ постоянное добываніе богатствъ? Это пріобрѣтеніе возбуждаетъ новыя вожделѣнія, которыя нельзя удовлетворить, не нанеся ущерба другому человѣку. Какое же иное зло въ такой степени старается залечить та или другая отрасль права, т. е. каноническое и гражданское право, какъ не алчность, которая тѣмъ сильнѣе возрастаетъ, чѣмъ болѣе она дѣлаетъ пріобрѣтеній»? [805]). Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ напомнить и о томъ, что въ Чистилищѣ поэтъ Стацій весьма опредѣленно говоритъ, что извѣстные стихи Виргилія [806]), направленные противъ жажды золота, были началомъ поворота въ его воззрѣніяхъ, и даже его обращенія къ христіанству [807]).

Мы увидимъ далѣе, какъ съ этимъ вполнѣ совпадаетъ предсказаніе Виргилія, что гончему псу суждено пойти побѣдоносно противъ волчицы. Точно также врядъ ли нужно говорить о томъ, что образъ волчицы, какъ представительницы ненасытной алчности, былъ вполнѣ удаченъ и говорилъ самъ за себя. Различныя мѣста, приведенныя нами изъ Божественной Комедіи, Монархіи и Пира, являются свидѣтельствами въ пользу нашего толкованія: они какъ бы взаимно покрываютъ другъ друга и даютъ одинаковыя показанія,

---

[805]) Пиръ, IV, 12 (Opp. Min., II, 2, p. 412): E che altro cotidianamente pericola e uccide le citta, le contrade, le singulari persone, tanto quanto lo nuovo raunamento d'avere appo alcuno? Lo quale raunamento nuovi desiderii discuopre, al fine delli quali senza injuria d'alcuno venire non si può. E che altro intende di medicare l'una e l'altra ragione, Canonica dico e civile, tanto quanto a riparare alla cupidita che, raunando ricchizze, cresce?

[806]) — — quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!

[807]) Рай. XXII, 37:

E, se non fosse ch'io drizzai mia cura,
Quand'io intesi là dove tu esclame,
Crucciato quasi all'umana natura:
Per che non reggi tu, o sacra fame
Dell oro, l'appetito dei mortali?
Voltando sentirei le giostre grame.

чего мы не увидимъ, если примемъ толкованіе противоположной партіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Дантъ въ своихъ жалобахъ на господство алчности преимущественно имѣлъ въ виду римскій дворъ и вообще духовенство, но, конечно, не ихъ только однихъ. «Это горе охватило весь міръ», стало-быть и Флорентинцевъ и нѣмецкихъ королей, въ такой же степени, какъ и папскій дворъ. Папскій дворъ не совмѣщаетъ въ себѣ, по мнѣнію поэта, всего зла; онъ скорѣе является главною причиною его господства, такъ какъ всего болѣе предается ему [808]). Мы уже знаемъ, что волчица была древнимъ символомъ Рима, но городъ Римъ не составляетъ папскаго двора, или папства вообще, у котораго былъ, какъ извѣстно, совершенно иной символъ [809]).

И такъ, мы утверждаемъ, что именно три смертные грѣха, сила чувственности, злобствующая гордыня, а главное, беззаконная, ненасытная алчность, являющіяся слѣдствіемъ и выраженіемъ нарушеннаго божественнаго строя вселенной,— загоняютъ и нашего поэта обратно все въ тотъ же темный лѣсъ, не смотря на его рѣшимость и на всѣ его усилія спастись изъ этого безотраднаго состоянія. Неспособный лично помочь себѣ, онъ предается жалобамъ и видитъ смерть, грозящую ему въ бурномъ потокѣ, съ которымъ даже море не выдерживаетъ сравненія [810]); этотъ бурный потокъ ничто

---

[808]) Если Дантъ (Рай, XXVII; 6) называетъ насъ „жадными до добычи волками, то онъ дѣлаетъ это только въ противоположность „пастырямъ“, какими они должны бы быть; впрочемъ, мы имѣемъ теперь дѣло съ „волчицею“.

[809]) Такія же возраженія можно сдѣлать и противъ мнѣнія тѣхъ, кто въ волчицѣ видитъ гвельфство вообще. Этотъ образъ точно также невозможно ни удержать, ни провести послѣдовательно. Правда, что Дантъ часто называетъ Флорентинцевъ „волками“, я бы не рѣшился утверждать, что онъ, да и другіе, имѣютъ при этомъ въ виду этимологическую связь между волкомъ и Гвельфами. Дантъ, какъ извѣстно, высказывался столь же рѣзко противъ козней Гибеллиновъ, какъ и Гвельфовъ. Онъ нигдѣ не говоритъ также, чтобы только одна партія, одна часть Италіи и христіанства была неправа и мѣшала бы ему или его политическимъ идеаламъ. Что касается сравненія Флорентинцевъ съ волками, то оно сдѣлано имъ какъ-то разъ (Рай, XXV, 6), опять таки въ противоположность съ „agnello“, подобно тому, какъ нѣсколько выше „волкъ“ противопоставляется „пастырю“. Въ остальномъ же, случайное распространеніе или перенесеніе образа съ самаго дѣйствія на соотвѣтствующій ему моментъ причины (такъ какъ Гвельфы должны были, какъ и папы, казаться ему главными виновниками господства безправія и алчности)—довольно естественно; не слѣдуетъ только видѣть въ волчицѣ исключительно Гвельфство, „гвельфскую партію“, если мы не хотимъ заставить поэта сказать, что первая же зависть выслала изъ ада Гвельфовъ, и все Гвельфство.

[810]) Адъ, II, 106.

Non odi tu la pieta del suo pianto,

иное, какъ бушующія страсти, которымъ заблудившійся поэтъ какъ-бы отданъ въ жертву, а вмѣстѣ съ тѣмъ это то же самое, что и темный, дикій лѣсъ [811]).

Въ минуту этого грѣховнаго и безпомощнаго положенія Данта, до слуха его долетаетъ внезапно спасительный голосъ: появляется Виргилій, творецъ Энеиды, и предлагаетъ ему себя, какъ мы уже знаемъ, въ путеводители; онъ поведетъ его изъ лѣсу на озаренную солнцемъ гору, но только иными путями, чрезъ сверхчувственные міры; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предвѣщаетъ ему уничтоженіе волчицы гончею, и объясняетъ, по чьему побужденію, и съ какою цѣлью онъ явился къ нему на помощь. Что же означаетъ здѣсь появленіе Виргилія? Онъ долженъ изобразить тутъ нѣчто болѣе, чѣмъ извѣстнаго римскаго поэта,—это вполнѣ ясно само собою. Мы уже встрѣтились съ нимъ въ изображеніи Дантовой политической теоріи [812]); тамъ мы видѣли въ немъ пророка, провозвѣстника ученія о римской міровой имперіи, задуманной поэтомъ. Именно въ этой же самой, и ни въ какой иной роли появляется онъ снова и въ Божественной Комедіи. Извѣстно, что Виргилій былъ во всѣ средніе вѣка личностью весьма любимою, хотя и не всегда на него смотрѣли съ однихъ и тѣхъ же точекъ зрѣнія. Обозрѣвая всѣ преданія, распространявшіяся на его счетъ, въ нихъ будетъ весьма легко усмотрѣть двѣ группы. Одна изъ нихъ дѣлаетъ его пророкомъ христіанства, правда, безсознательнымъ, другая — волшебникомъ. Эти два направленія миѳовъ о Виргиліѣ имѣютъ весьма слабыя точки соприкосновенія; мы должны внимательнѣе разсмотрѣть ихъ, чтобы имѣть возможность рѣшить, согласуется-ли, и насколько именно,—та роль, которую Дантъ при-

---

Non vedi tu la morte, che il combatte
Su la fiumana, ove'l mai non ha tanto.

Ср. весьма важное для объясненія „lupa“ мѣсто въ Monarchia, III, cap. 16, l. c., p. 138, составляющее ясную параллель съ только что приведенными нами стихами: Et quum ad hunc portum vel nulli, vel panci, et hi cum difficultate nimia pervenire possint, nisi sedotis fluctibus blandae cupiditatis, genus humanum liberum in pacis tranquillitate quiescat etc.

811) Понятно, что Дантъ изображаетъ въ концѣ концовъ только заблудившагося человѣка своего времени, вообще. Извѣстно, что въ своей поэмѣ онъ и себя винитъ иногда въ тѣхъ и другихъ грѣхахъ. Его отношенія къ невоздержности достаточно ясно видны изъ двадцать третьей пѣсни Чистилища, стихъ 112, и изъ пѣсни двадцать седьмой. Отношенія его къ гордынѣ подтверждаются имъ самимъ, Чистилище, XI, 118. Намекъ на алчность можно бы найти въ Чистилищѣ, XXII, 7, гдѣ, выходя изъ круга алчныхъ, онъ заявляетъ, что движется теперь легче, чѣмъ въ остальныхъ пропастяхъ.

812) См. выше, въ особенности стр. 246 и слѣд.

писываетъ Виргилію, съ народными воззрѣніями. Изъ этого анализа выяснится, что миоическій образъ Виргилія былъ уже настолько выработанъ, что нашъ поэтъ, въ виду извѣстныхъ его тенденцій и въ силу собственнаго развитія, едва-ли могъ выбрать для себя другого путеводителя по аду и чистилищу. Впрочемъ, врядъ-ли нужно намъ оговориться, что мы не можемъ имѣть здѣсь въ виду полное изложеніе сказаній о Виргиліѣ [813]).

Одна часть миѳовъ о Виргиліѣ, та, которая ставитъ его въ связь съ христіанствомъ, вѣроятно, древнѣе той, которая дѣлаетъ его чернокнижникомъ. Она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ учеными традиціями о творцѣ Энеиды и возникла изъ желанія поставить дохристіанскую исторію въ связь съ христіанскою, съ исполненіемъ божественныхъ обѣщаній, и отыскать даже у язычниковъ слѣды, хотя-бы неяснаго, предчувствія этого исполненія. Разъ уже вступили на этотъ путь, весьма легко было найти именно въ Виргиліѣ такое соотношеніе съ христіанствомъ. Его высокое образованіе, его серьезность и уваженіе къ традиціямъ рано указали на него ученымъ, какъ на наиболѣе свѣдущаго толкователя старо-римскаго богословія Сервій любуется имъ. Макробій хочетъ сдѣлать изъ поэта верховнаго жреца умирающаго язычества. Когда впослѣдствіи сами ученые обратились въ христіанство, имъ не трудно было поставить ловкимъ маневромъ своего любимца въ связь съ ихъ новою вѣрою, и, начиная съ Евсевія, мы неоднократно встрѣчаемся съ подобными пон

---

[813]) Литература, касающаяся Виргилія, легендъ объ немъ и его исторіи, была весьма богата въ ранніе и позднѣйшіе періоды среднихъ вѣковъ; я упомяну здѣсь хоть о тѣхъ источникахъ, которые были у меня подъ рукою: См. Valentin Schmidt Beiträde zur Geschichte der romantischen Poesie. Doheneck, Des deutschen Mittelalters Volksglaube. Hagen, Briefe in die Heimath Görres, введеніе къ его изданію Lohengrina. Genthe, Leben und Fortleben des P. Virgilius Maro als Dichter und Zauberer, 2 Aufl. 1857. Grasse Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters. Zappert, Virgils Fortleben im Mittelalter. Fr. Michel, Quae vices quaeque mutationes et Virgilium, psum et ejus carmina per mediam aetatem exceperint. Paris, 1846. DuMeris De Virgile enchanteur въ его Mélanges archéologiques et litteraires. Paris. 1850. Massmann, въ его изданіи Kaiserchronik, часть III, стр. 433 и слѣд. K. L. Roth, Ueber den Zauberer Virgilius, въ Germania Пфейфера, 1859 стр. 257 и слѣд. Ruth въ гейдельбергскихъ Jahrbücher 1849, и въ Heiden Studien, стр. 203 и слѣд. F. Piper, Virgilius als Theolog und Prophet de thum's in der Kirche, evangelischer Kalender für 1862, стр. 17 и слѣд. Къ этимъ работамъ прибавилось въ новѣйшее время превосходное сочиненіе D. Comparetti: Virgilio nel medio evo. 2 volumi. Противъ Компаретти можно бы только сказать, что онъ слишкомъ рѣзко отдѣляетъ другъ отъ друга ученое и народное преданіе.

пытками риторовъ и знатоковъ грамматики. Этимъ самымъ Виргилій былъ спасенъ отъ гибели или хоть отъ забвенія. Эти попытки христіанскихъ ученыхъ основывались въ особенности на одномъ мѣстѣ въ его четвертой эклогѣ, въ которой любили видѣть предсказаніе обновленія міра, даже намекъ на появленіе Спасителя [814]). Мы знаемъ, правда, хорошо, какъ слѣдуетъ понимать эти стихи, къ кому они относятся, но въ то время эти толкованія встрѣчали всеобщую вѣру и удерживались въ теченіе многихъ вѣковъ. Насъ, поэтому, уже менѣе удивляетъ, когда мы читаемъ, что императоръ Константинъ въ одной изъ своихъ богословскихъ рѣчей, среди многочисленныхъ доказательствъ, приводимыхъ имъ въ пользу новой государственной религіи, остановился съ особымъ удовольствіемъ на стихахъ Сивиллы и на четвертой эклогѣ Виргилія [815]). Составители исторіи римскихъ императоровъ разсказываютъ о многихъ случаяхъ, когда для рѣшенія вопроса въ минуту сомнѣнія пользовались стихотвореніями Виргилія. Стихъ, попадавшійся на глаза въ то мгновеніе, когда открывалась книга, рѣшалъ удачу или неудачу плана; это было, словомъ, тоже самое употребленіе, которое дѣлалось зачастую изъ Библіи [816]). Рѣшенія, принимаемыя подъ вліяніемъ первыхъ попавшихся на глаза стиховъ, назывались виргиліевыми жребіями, **sortes Virgilianae**. Въ этомъ же смыслѣ выводился творецъ Энеиды и въ латинскихъ мистеріяхъ одиннадцатаго и слѣдующихъ столѣтій. Онъ выступаетъ въ концѣ пьесы вмѣстѣ съ пророками, пришедшими для поклоненія новорожденному Спасителю, и подтверждаетъ всѣ пророчества, предсказывавшія его появленіе, передъ этимъ онъ поетъ вмѣстѣ съ остальными присутствующими; риѳмованное **benediciamus**. Цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ встрѣчаемъ мы во Франціи и Германіи [817]). Вообще нѣмецкая литература много занималась Виргиліемъ, что доказывается, кромѣ пасхальныхъ представленій и т. д., въ особенности открытою лишь въ новѣйшее

---

[814]) См. P. Virgilii Maronis Bucolica, Ecl. IV, 4:

„Ultima Cumaei venit jam carminis aetas;
Magnus ab integro saeclorum nascitur ordo.
Iam redit et virgo, redeunt Saturnia regno:
Iam nova progenies caelo demittitur alto“ etc.

[815]) Gibbon, History of the decline and fall of the roman Empire, IV, гл. 20. Ср. Piper.

[816]) См. Gregorius Turon., Historia Franc. III, c. 4. Впрочемъ справляться въ Библіи подобнымъ образомъ было строго запрещено Карломъ Вел. См. Neander, Kirchengeschichte, т. III, стр. 259.

[817]) См. Piper, l. c., стр. 71. Hase. Das geistliche Schauspiel, стр. 17.

время поэмою «Искупленія»[818]). Въ стихотвореніи о состязаніи иѣвцовъ на Вартбургѣ мы читаемъ слѣдующій разсказъ, въ которомъ оба направленія миѳа служатъ одной и той же цѣли. Завулонъ, говорится тамъ, по-матери Еврей, по-отцу язычникъ, жившій и дѣлавшій изысканія въ Веронѣ, открылъ, что послѣ тысячи двухъ сотъ лѣтъ родится Спаситель; посредствомъ волшебства онъ сохранилъ книгу, въ которой прочелъ это предсказаніе, и впослѣдствіи чары съ нея были сняты Виргиліемъ. Посредствомъ своей волшебной силы Завулонъ заключилъ одного духа, въ магнитную гору, отлилъ металлическую статую, вложилъ ей въ носъ ту книгу, которую она съ той поры и стерегла съ поднятою вверхъ палицею. Чтобы завладѣть тайною, Виргилій отплылъ съ набожнымъ римскимъ военачальникомъ Фабіаномъ и другими героями, завладѣлъ послѣ многихъ приключеній и неудачъ заколдованною книгою и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ свое великое искусство[819]). Этотъ разсказъ, какъ мы видимъ, имѣетъ уже гораздо болѣе въ виду чародѣя, чѣмъ провозвѣстника Мессіи, и является попыткою объяснить одну часть миѳа другою. Онъ стоитъ на самомъ крайнемъ рубежѣ чистаго миѳа и идетъ объ руку съ народнымъ сказаніемъ о Виргиліѣ. Это идеальное представленіе о сверхъестественной мудрости поэта и о его внутреннемъ, безсознательномъ сродствѣ съ христіанствомъ оставалось неизмѣннымъ во всѣ средніе вѣка, и, увѣряютъ, будто Павелъ, какъ апостолъ язычниковъ, проѣзжая чрезъ Неаполь, устремилъ взоры на могилу Виргилія въ Павзилиппѣ и пожалѣлъ, что ему не было суждено обратить этого слишкомъ рано умершаго человѣка. Этимъ преданіемъ завладѣли соотечественники поэта, Мантуанцы, и понынѣ, говорятъ, поется въ Мантуѣ во время мессы св. Павла гимнъ, имѣющій содержаніемъ этотъ разсказъ[820]).

Позднѣйшее воззрѣніе на Виргилія, какъ на чародѣя, имѣетъ

---

[818]) Издана Бартшемъ, 1858 г. (До этого она была извѣстна лишь въ извлеченіи).

[819]) См. San Marte въ его примѣчаніяхъ къ переводу Парцивала, I, 635; само стихотвореніе въ изданіи Эттмюллера. Нельзя не замѣтить въ этомъ разсказѣ восточныхъ вліяній.

[820]) По крайней мѣрѣ сохранились нѣкоторыя строфы изъ этого гимна:

Ad Maronis Mausoleum
Ductus, fudit super eum
Pie rorem lacrymae:
Quem te inquit reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poetarum maxime!

иной источникъ, совершенно отличный отъ древнѣйшаго, и удаляется отъ него настолько, что подъ-конецъ между обоими не остается почти даже внутренней связи. Мѣсто его зарожденія — Неаполь, дѣйствительно любимый поэтомъ[821]); но оно связано также и съ Римомъ и съ отношеніями Виргилія къ Августу, который, однако, вскорѣ смѣняется другими лицами, напримѣръ, Титомъ, такъ какъ значительная перестановка и относительно произвольное обращеніе съ хронологіею, свойственныя всѣмъ миѳамъ, характеризуютъ и эту группу сказаній о Виргиліѣ. Пересмотримъ-ли мы циклъ неаполитанскихъ сказаній, поэтъ окажется неутомимымъ благодѣтелемъ Неаполя, постоянно употреблявшимъ свою чудодѣйственную силу на пользу города. Его называютъ другомъ и совѣтчикомъ Марцелла, виновникомъ сооруженія клоакъ и общественнаго колодца; онъ парализуетъ при помощи золотого комара дурной воздухъ въ Неаполѣ, главнымъ образомъ происходившій отъ множества комаровъ[822]); онъ избавляетъ колодцы отъ піявокъ, изгоняетъ саранчу, снабжаетъ море вокругъ города рыбою, приказываетъ украсить Porta Nolana изображеніемъ двухъ лицъ, одного смѣющагося, другого плачущаго; первое приноситъ счастіе, второе — несчастіе; ему обязаны своимъ возникновеніемъ купанья въ Байяхъ и т. д.; всюду является онъ здѣсь властелиномъ надъ силами природы и стихій, и чары его дѣйствуютъ въ особенности при посредствѣ металловъ, золота и руды. Тайну его искусствъ видятъ въ томъ, что онъ открылъ могилу Хирона и нашелъ у него книгу, которая посвятила его въ тайны заклинаній и прочее чудодѣйственное искусство [823]); легенда эта уклоняется главнымъ образомъ отъ разсказа о состязаніи въ Вартбургѣ въ томъ, что совершенно игнорируетъ заключающійся въ немъ намекъ на появленіе Спасителя. Эти сказанья носятъ очевидный народный отпечатокъ и, безъ сомнѣнія, относятся къ далекимъ временамъ христіанскаго счисленія. Какъ сильно они были распространены въ данной мѣстности въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, доказывается, между прочимъ, извѣстнымъ письмомъ Конрада, канцлера императора Генриха VI, написаннымъ тамъ около 1296 года. Въ началѣ тринадцатаго столѣтія сказанія эти были уже большею частью собраны однимъ Лотарингцемъ, Гервазіемъ Тильбюри, прибывшимъ въ Италію въ качествѣ тайнаго се-

---

821) P. Virg. Mar. Georgicon IV, 559.

822) Легенда эта была поэтически воспроизведена другомъ Данта, Чино da Pistoja. См. у Чьампи его первую сатиру.

823) См. въ особенности Gervasius Tilb. Otia Imp., и Grässe, Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters. 1850.

кретаря императора Оттона IV, и немедленно быстро распространились по всей Европѣ. Какъ къ нимъ относились въ Германіи, намъ уже извѣстно; но еще раньше того времени, въ Парцивалѣ Вольфрама Эшенбаха мы встрѣчаемъ и «Virgilius von Neapolis, der des Klinschors Oheim war». Подобнымъ же чисто-народнымъ характеромъ отличаются и тѣ разсказы о Виргиліѣ, которые тяготѣютъ къ Риму и перешли въ Gesta Romanorum, но перспектива ихъ шире; они ставятъ чародѣйственныя силы поэта въ связь съ могуществомъ и сохраненіемъ римскаго государства [824]), и, что весьма важно именно для нашей цѣли, ссылаются на то отличіе, которое ученая средневѣковая Италія всегда оказывала Виргилію, какъ національному пѣвцу Энеиды.

Церковь не всегда одобряла этотъ культъ Виргилія; быть можетъ, именно та чудодѣйственная сила, которая приписывалась язычникамъ, побуждала ее преслѣдовать поэта, начиная уже съ десятаго столѣтія. Августинъ, правда, еще осыпаетъ его похвалами и называетъ его величайшимъ и лучшимъ изъ поэтовъ [825]); но почти одновременно съ этимъ Іеронимъ возстаетъ противъ усердія, съ которымъ духовенство изучаетъ Виргилія, вмѣсто Библіи [826]). Возраженіе это было, безъ сомнѣнія, вызвано чувствомъ ревности христіанскаго принципа къ языческому; никакая другая причина не могла вызвать того вердикта, который былъ произнесенъ противъ поэта въ школѣ Алкуина Турскаго [827]). Еще враждебнѣе стали отношенія къ нему нѣсколько позднѣе; мы читаемъ у Руд. Глабера, что Вигилардъ, знатокъ грамматики въ Равеннѣ, былъ отлученъ отъ церкви потому только, что защищалъ непогрѣшимость Виргилія. Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи враги Петрарки обвиняли его передъ папою Иннокентіемъ VI за его пристрастіе къ поэту [828]). Тѣмъ не менѣе, эта вражда церкви къ Виргилію не въ силахъ была устранить господствующее воззрѣніе, и еще долгое время продолжали искать въ его стихахъ скрытый мистическій смыслъ [829]).

---

[824]) Это тотъ самый Конрадъ, который промѣнялъ впослѣдствіи епископство гильдесгеймское на вюрцбургское и былъ умерщвленъ въ 1203 году. Письмо это включено въ хронику Арнольда Любекскаго (книга IV, 19, Monum. Germ. Hist. ss., т. 21).

[825]) См. Gesta Romanorum, изд. Grässe, II, 1, приб. стр. 197. Разсказъ: О картинѣ и яблокѣ, и о царствѣ вселенной.

[826]) Augustinus, De civitate Dei, I, 3.

[827]) St. Hieronymi Epistolae. Edit. Véron., epist. 21.

[828]) См. Epist. Alcuini. Ed. Froben. Praefatio.

[829]) См. комментаріи Валентина Шмидта къ Disciplina clericalis.

[830]) Такъ Петрарка обратилъ вниманіе неаполитанскаго короля Роберта,

Такова была въ общихъ чертахъ исторія Виргилія въ средніе вѣка. Подъ вліяніемъ легенды онъ превратился въ пророка Мессіи, въ волшебника, одареннаго сверхъ-естественной мудростью, въ глубокомысленнаго ученаго; нельзя также забыть, что благодаря своей Энеидѣ онъ сдѣлался нетолько національнымъ пѣвцомъ, но и несомнѣнно національнымъ историкомъ древней Италіи; мы, конечно, не найдемъ слѣдовъ подобнаго взгляда ни въ одномъ сказаніи, но онъ всетаки восходитъ ко временамъ римской имперіи и проводился даже учеными хронистами четырнадцатаго столѣтія [831]).

Въ какомъ же соотношеніи находится образъ, въ который облеченъ Виргилій въ Божественной Комедіи, съ христіанской и народной легендой объ немъ? Отъ послѣдней мы не найдемъ въ поэмѣ никакого слѣда, ни одного намека на нее не оставлено тутъ. Тотъ разсказъ, который излагаетъ самъ Виргилій въ девятой пѣсни Ада, — какъ вскорѣ послѣ своей смерти онъ уже былъ посланъ волшебницей Эриѳоей въ послѣдній кругъ [832]),—не перешелъ въ народную легенду, — а конечно, онъ представлялъ собою наиболѣе удобную точку соприкосновенія. Мы полагаемъ поэтому, что данному направленію сказаній о Виргиліѣ вообще приписано было слишкомъ много вліянія на Виргилія Божественной Комедіи. Какъ бы ни были распространены и любимы тѣ разсказы, они нисколько не содѣйствовали уразумѣнію личности творца Энеиды,—и это лучшее доказательство того, какъ слаба была связь между народнымъ и дантовымъ Виргиліемъ; никто не станетъ утверждать, что первый служилъ первообразомъ для второго. Совсѣмъ иное видимъ мы въ христіанской легендѣ. Это тотъ фундаментъ, на которомъ, въ связи съ ролью Виргилія какъ римскаго національнаго пѣвца, созданъ Виргилій Божественной Комедіи. Относительно этого вопроса Дантъ высказался вполнѣ ясно и совершенно усвоилъ себѣ ту легенду. У него творецъ Ѳиваиды, Стацій, обращается въ христіанство, благодаря извѣстнымъ намъ стихамъ четвертой эклоги, несмотря на то, что слѣдующее пророчество было сдѣлано Виргиліемъ безсознательно: «Ты поступаешь такъ, какъ дѣлаетъ тотъ, кто ходитъ ночью и держитъ за собою

извѣстнаго тогда знатока искусствъ, на глубокій смыслъ виргиліевой поэзіи. См. Boccaccio, Genealogia Deorum XIV, гл. 21.

831) Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только прочесть начало хроники или же разсказъ Виллани.

832) Адъ, IX, 22. (Разсказъ этотъ, навѣрно, не придуманъ самимъ Дантомъ, но первоначальное обстоятельство, породившее его, сколько мнѣ извѣстно, еще не открыто).

свѣточь, который не помогаетъ ему самому, но освѣщаетъ тѣхъ, что идутъ вслѣдъ за нимъ» [833]). И такъ, Дантъ смотритъ на Виргилія, какъ на безсознательнаго, но предчувствующаго провозвѣстника Спасителя; такъ смотрѣли на него и христіанскіе ученые, Константинъ и т. д.; исходя отъ этой точки зрѣнія, онъ избираетъ его своимъ путеводителемъ по аду и чистилищу, словомъ, дѣлаетъ изъ него нѣчто совсѣмъ новое. Что дантовъ Виргилій былъ аллегорическою фигурою, это сознавалось и допускалось во всѣ времена. Большинство комментаторовъ видѣло въ немъ символъ разума и, именно, высшей способности человѣческаго уразумѣнія, которой оно способно достигнуть самостоятельно, безъ божественнаго откровенія. Въ этомъ толкованіи есть своя доля правды, но оно еще не исчерпываетъ всей сущности вопроса; для этого мы должны сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ. Чтобы понять Виргилія, надо поставить его рядомъ съ Беатриче. Оба они находятся между собою въ очевидной связи по той роли, которую играютъ въ Божественной Комедіи; отдѣлимъ ихъ другъ отъ друга, и мы подвергаемся опасности истолковать ихъ ложно. Оба они исполняютъ обязанность руководителя, наставника: Виргилій—до порога земного рая; Беатриче—по всѣмъ небесамъ, вплоть до непосредственной близости къ Божеству. Но Беатриче, кромѣ того, является еще виновницей спасительнаго вмѣшательства Виргилія; она спускается въ лимбъ съ своего мѣста въ эмпиреѣ и приглашаетъ его помочь «своею изящною рѣчью и всѣмъ, что нужно для бѣгства», павшему, заблудившемуся Данту [834]). Она дорога сердцу Данта, она его просвѣтленная

---

[833]) Чистилище, XXII, 67:

Facesti come quei che va di notte.
Che porta il lume retro, e sè non giova,
Ma dopo sè fa le persone dotte.

[834]) Адъ. II, 58:

O anima cortese Mantovana
Di cui la fama ancor nel mondo dura
E durera quanto il moto lontana:
L'amico mio, e non della ventura,
Nella diserta piaggia è impedito
Si nel cammin, che volto è per paura.
E temo che non sia già si smarrito,
Ch'io mi sia tardi al soccorso levata,
Per quel ch'io ho di lui nel Cielo udito.
Or muovi, e con la tua parola ornata,
E con cio ch'è mestieri al suo compare,
L'aiuta si, ch'io ne sia consolata.

блаженная милая; именно любовь къ нему побуждаетъ ее къ этому шагу [835]); но вмѣстѣ съ тѣмъ она и эмблема божественнаго ученія. Этотъ двойственный образъ обрисованъ превосходно и составляетъ одно цѣлое. Она его забыла потому только, что Дантъ измѣнилъ ей послѣ ея смерти, и «прекрасной женщинѣ, смягчающей на небесахъ строгость суда» [836]), пришлось велѣть напомнить ей объ опасномъ положеніи Данта. Эта прекрасная женщина—Дѣва Марія, мать состраданія или «предупреждающее милосердіе». Таковъ характеръ, приданный ей средневѣковою церковью; благодаря ему она сдѣлалась великой религіозною силою, какъ посредница между Богомъ и человѣчествомъ. Всюду встрѣчаемъ мы ее въ этой роли; созданія христіанскаго искусства обезсмертили ее въ этомъ смыслѣ, и уже въ Новой Жизни, если мы не ошибаемся, ея образъ слегка намѣченъ въ этомъ же самомъ видѣ [837]). Но состраданія еще мало; для того, чтобы павшій воспрянулъ, чтобы состраданіе имѣло для него послѣдствія, на него долженъ пасть лучъ просвѣтленія, и его-то олицетворяетъ Лючія [838]). Она «врагъ всякой жестокости», т. е. всѣхъ закоснѣлыхъ, злыхъ сердецъ, устраняющихся отъ вліянія милосердія: она—просвѣтляющее милосердіе. Если мы спро-

---

[835]) Ibid., 70:

Io son Beatrice, che ti faccio andare:
Vegno di loco, ove tornar disio,
Amor mi mosse, che mi fa parlare.

[836]) Ibid., 94:

Donna è gentil nel ciel, che si compiange
Di questo impedimento, ov'io ti mando,
Si che duro giudizio lassu frange.

[837]) См. Vita Nuova, I канцона, 2 строфа, 8 стихъ.

Sola pietà nostra parte difende.

Мы относимъ pietà къ матери милосердаго Спасителя. Ср. Рай, XXXIII, 1 молитву, съ которою св. Бернардъ, обращается къ Маріи, въ особенности стихи 13—22, гдѣ это свойство Маріи изображено столь же ясно, какъ и изящно:

Donna, se tanto grande e tanto vali,
Che qual vuol grazia, e a te non ricorre,
Sua disianza vuol voler senz' ali.
La tua benignità non pur soccorre
A chi dimanda, ma molte fiate
Liberamente al dimandar precorre.
In te misericordia, in te pietate etc.

[838]) Адъ, II, 100:

Lucia nimica di ciascun crudele

симъ, какъ могъ Дантъ назвать себя вѣрнымъ ей [839]), то въ этомъ случаѣ намъ окажетъ большую услугу свѣдѣніе, сообщаемое однимъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ, сыномъ самого Данта, который говоритъ, что поэтъ всегда особенно почиталъ эту святую [840]). Этимъ путемъ мы получаемъ для символа просвѣтленія естественную реальность, установить которую необходимо, такъ какъ и Марія и Беатриче также противопоставляютъ своему символическому значенію реальную основу. Уже въ Пирѣ мы замѣчаемъ между Маріей и Лючіею нѣкоторую связь [841]); относящійся сюда намекъ, правда, нѣсколько теменъ, но именно по этому не слѣдуетъ искать въ немъ слишкомъ многаго или придавать ему въ какомъ-бы то ни было отношеніи силу доказательства. Зато девятая пѣснь Чистилища ясно говоритъ въ пользу нашего объясненія. Тамъ поэтъ погружается въ сонъ, послѣ того, какъ онъ обошелъ нисшее пространство горы очищенія; во время этого сна Лючія переноситъ его на высоту входа въ настоящее чистилище [842]), т. е., побужденіе къ оправданію кающагося грѣшника является исключительно дѣломъ просвѣтляющаго милосердія, которое, однако, въ этомъ случаѣ помогаетъ ему и непосредственнымъ, дѣятельнымъ образомъ. Другого смысла въ этомъ мѣстѣ нѣтъ, и такъ какъ Лючія въ обоихъ случаяхъ одна и таже, то и символическое значеніе ея должно быть тождественно. [843]).

---

[839]) Ibid., 98:

Questa chiese Luccia in suo dimando,
E disse: Ora bisogna i tuo fedele
Di te, et io a te lo raccomando.

[840]) См. Legenda Aurea, гл. IV, de sancta Lucia virgine. Лючія была также и святою, охранявшею зрѣніе. Дантъ страдалъ въ юношествѣ глазами (см. Vita Nuova, гл. 14, l. c. стр. 36), и это обстоятельство объясняетъ поклоненіе набожнаго поэта именно этой святой. Найти соединительную линію между внѣшнимъ свѣтомъ и свѣтомъ душевнаго просвѣтленія—весьма легко.

[841]) Convito, III, 5.

[842]) Чистилище, IX, 55:

Venne una donna e disse: Io son Lucia:
Lasciatemi pigliar costui che dorme,
Si l 'agevolero per la sua via.

Ср. комментаріи Скартаццини къ Божественной Комедіи, II, стр. 138 прим. 55.

[843]) Ruth (Studien, стр. 223) видитъ въ Лючіи символъ высшей политической добродѣтели, справедливости, и отвергаетъ также толкованіе, принятое нами. Мы должны, однако, замѣтить, что при всей его проницательности, доказательства, которыми онъ поддерживаетъ свое мнѣніе, не убѣдительны. Очевидно, что Лючія, какъ и обѣ ея спутницы, Марія и Беатриче, должна имѣть для своего аллегорическаго значенія реальную, личную основу, такъ какъ она,

И такъ, мы узнаемъ въ этихъ трехъ женщинахъ три догматическія понятія: подготовительное, дѣятельное и все-завершающее ми-

наравнѣ съ обѣими другими личностями, совершенно ясно изображена поэтомъ въ этомъ двойственномъ образѣ. Эту реальную основу она и имѣетъ въ нашемъ толкованіи, но не въ противоположномъ, и Рутъ не дѣлаетъ даже никакой попытки придать ей эту основу. Между св. Лючіею и справедливостью нѣтъ никакой естественной связи и каждая другая святая могла бы также хорошо быть носительницею этого символа. Но мы не позволяемъ себѣ приписать поэту Божественной Комедіи такой антипоэтическій и нелогическій произволъ. Уже одно это обстоятельство говоритъ противъ толкованія Рута. Если Рутъ ссылается на Чистилище, IX (1—63), то мы прежде всего спросимъ, какое дѣло справедливости до этого событія? Придется сознаться, что тамъ, гдѣ Дантъ, на основаніи схоластической, церковной теоріи долженъ заслужить „оправданіе“, вопросъ идетъ не о дѣлѣ справедливости, а о «дѣлѣ милосердія“. Высшая добродѣтель, та, которая одна только дѣлаетъ императора достойнымъ сана „предназначеннаго ему Богомъ“, должна-ли исполнять свою обязанность по отношенію „къ исповѣднику покаянія?.“ А именно тамъ-то Лючія и ставится въ тѣснѣйшую связь съ оправданіемъ и очищеніемъ. Когда Виргилій и Дантъ приблизились къ нему, исповѣдникъ покаянія спросилъ ихъ, что имъ нужно?. На это отвѣчаетъ Виргилій: женщина, пришедшая съ неба и хорошо знакомая съ этими дѣлами, прислала насъ сюда,—послѣ чего вопрошавшій успокоился и, присовокупилъ: да направитъ она къ добру ваши шаги! Это, намъ кажется, можетъ относиться лишь къ просвѣтляющему, дѣятельному милосердію, а никакъ не къ императорской справедливости. Тоже самое видимъ мы и во второй пѣсни Ада. „Справедливость“ не придала бы никакого смысла появленію св. Лючіи. Дантъ заблудился въ лѣсу грѣха; „мать состраданія“ даетъ первый поводъ къ его спасенію и обращается къ символу просвѣтляющаго милосердія,—въ чемъ же здѣсь роль справедливости, спрашиваемъ мы еще разъ? Справедливость, какая бы она ни была, награждаетъ или караетъ людей, но не милуетъ. Чѣмъ дальше слѣдимъ мы за этою мыслью, тѣмъ менѣе выдерживаетъ она критики. Я знаю, что въ поддержку своего толкованія, Рутъ особое значеніе придаетъ сну Данта (Чистилище, IX, 13—33) и выводитъ изъ него доказательство опредѣленнаго соотношенія между Лючіею и орломъ, т. е. имперіею. Должно ли это значить, что поступокъ Лючіи и орла одно и тоже? Лючія возноситъ Данта во время его дремоты изъ преддверія чистилища къ подножію настоящей Горы Очищенія; орелъ же (на основаніи сна поэта) уноситъ его infino al foco, гдѣ оба они, и Дантъ, и орелъ, возгараютъ внутреннимъ пыломъ. Что здѣсь, какъ и всюду у Данта, орелъ долженъ быть символомъ имперіи—это мы допускаемъ: но, чтоже значитъ „foco“?. Рутъ думаетъ (стр. 223), что это означаетъ „огненное небо“ или „огонь въ верхнихъ кругахъ чистилища“: и такъ, онъ оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ; однако онъ вѣдь долженъ согласиться, что только одно изъ двухъ предположеній можетъ быть вообще вѣрнымъ, и что между его двумя мнѣніями существуетъ значительная разница. Принято думать, что поэтъ имѣлъ въ этомъ случаѣ въ виду огненный кругъ между земнымъ полушаріемъ и кругомъ луны. Но это еще не рѣшаетъ настоящаго вопроса. Одно вполнѣ достовѣрно, — еслибъ Лючія и орелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ дѣянія, были равнозначащими, то и мѣсто, куда оба они занесли Данта, было бы одно и тоже. Но „foco“ навѣрно нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ входъ въ чистилище; даже по мнѣнію самого Рута это по крайней мѣрѣ огонь седьмого (т. е. послѣдняго и высшаго) круга чистилища! По законамъ логики изъ этого вытекаетъ, что Лючія и орелъ не мо-

лосердіе [844]), ибо Беатриче является именно представительницей послѣдней добродѣтели или, говоря словами Данта, она провозвѣстница блаженства вѣчной жизни; человѣкъ не можетъ подняться до нея собственными силами и въ ней находятъ свое завершеніе всѣ остальные виды милосердія. Что это именно такъ, становится ясно всѣмъ, кто безпристрастно прочтетъ поэму; впослѣдствіи оно станетъ намъ еще яснѣе. Беатриче смѣняетъ Виргилія въ руководствѣ Дантомъ и является вмѣстѣ съ тѣмъ посредницею и виновницею этого руководства. На основаніи теоріи поэта человѣкъ долженъ достигнуть двухъ блаженствъ, блаженства земной и вѣчной жизни. Одно кончается на землѣ, но составляетъ, однако, необходимый переходъ къ другому, высшему блаженству. Мы знаемъ, какимъ путемъ, по теоріи Данта, земное блаженство только и становится достижимымъ для человѣчества, именно путемъ всемірной имперіи, при содѣйствіи папства. Мы знаемъ точно также и то, что въ книгѣ о Монархіи Виргилій изображенъ у Данта пророкомъ, апостоломъ римской всемірной имперіи; ничего иного не означаетъ онъ и въ Божественной Комедіи. Онъ наставникъ блаженства земной жизни, истолкователь того политическаго строя человѣчества, который сталъ возможенъ благодаря спасительной римской всемірной монархіи и можетъ быть постигнутъ даже разумомъ [845]). Поэтому-то Дантъ и замѣчаетъ, [846]) что спасительный голосъ Виргилія, когда онъ коснулся «въ лѣсу» его слуха, охрипъ или сталъ слабымъ отъ долгаго молчанія, т. е., что

гутъ означать одного и того же, ни здѣсь, ни гдѣ либо вообще; еслибъ подъ словомъ „foco“ мы подразумѣвали огонь высшаго круга, то поступокъ орла относился бы къ поступку Лючіи, развѣ какъ конецъ къ началу (очищенія) Но это опять совсѣмъ различныя вещи. Поэтому въ Лючіи можно такъ же мало видѣть и символъ „активной жизни“ (Рутъ, стр. 119). Мѣсто, занимаемое ею противъ Адама въ райской розѣ (Рай XXXII, 136), также не указываетъ на это. Упомянутый сонъ означаетъ только то, что, благодаря милостивой помощи Лючіи, Дантъ долженъ найти путь къ орлу, что онъ, дѣйствительно, и дѣлаетъ (Чистилище, XIX), т. е., другими словами, что онъ достигнетъ на избранномъ имъ пути полнѣйшаго разумѣнія того строя имперіи, который былъ иносказательно представленъ въ образѣ орла.

[844]) См. толкованія первыхъ двухъ пѣсней Божественной Комедіи у Blanc Возраженія Рута (l. c.) недостаточны, для того чтобы ослабить это традиціонное объясненіе Беатриче. Обязанность св. Бернарда иная.

[845]) Поэтому-то онъ и говоритъ въ Чистилищѣ, XVIII, 46:

Et egli a me: quanto ragion qui vede,
Dir ti poss' io; da indi in là t'aspetta
Pure a Beatrice, ch è opra di fede.

[846]) Адъ, I, 63:

Chi per lungo silenzio parea fioco.

ученіе объ имперіи, о божественномъ міровомъ строѣ, представителемъ котораго онъ является, замолкло съ давнихъ временъ. На томъ же основаніи Дантъ, въ ту минуту, когда его хочетъ покинуть его руководитель, Виргилій, говоритъ, что предался ему для своего спасенія [847]). Но подобно тому, какъ осуществленіе имперіи предшествовало по времени появленію христіанства, такъ и земное поученіе предшествуетъ небесному и Виргилій—Беатриче, и какъ имперія возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ Божьимъ, такъ и Беатриче призываетъ поэта провозвѣстника своего спасти одиноко погибающаго, а потомъ занимаетъ его мѣсто въ надлежащую минуту. Такъ далеко заблудился Дантъ, такъ глубоко палъ онъ, что нѣтъ другого средства спасти его, какъ только показать ему погибшихъ людей [848]) и привести его въ сознаніе, доставивъ ему созерцаніе приговоровъ божьихъ надъ людьми, согрѣшившими противъ установленнаго Богамъ земного и небеснаго порядка [849]). Паденіе его имѣло нетолько политическій, но и нравственный характеръ, въ широкомъ смыслѣ слова, потому что послѣ того какъ божественный строй вселенной былъ нарушенъ ниспроверженіемъ имперіи, вся жизнь человѣчества пошатнулась во всѣхъ отношеніяхъ; одно только возстановленіе имперіи исцѣлитъ общую испорченность человѣчества.

---

[847])Чистилище, XXX, 49:

Ma Virgilio n'avea lasciati scemi
Di se, Virgilio dolcissimo padre,
Virgilio a cui permia salute diémi.

[848]) Чистилище, XXX, 136:

Tanto giù cadde, che tutti argomenti
Alla salute sua sean gia corti
Fuor che mostrargli le perdute genti.

Ср. съ этимъ Чистилище, I, 58:

Questi non vide mai l'ultima sera,
Ma per la sua follia le fu si presso,
Che molto poco tempo a volger era
Si come io dissi, fui mandato ad esso,
Per lui campare, e non v'era altera via
Che questa per la quale io mi son messo.

[849]) Ср. выше, стр. 91, прим. 201, разговоръ Данта съ Форезе Донати. Стихи эти не должны относиться къ какому-нибудь частному заблужденію Данта, какъ напримѣръ, къ чувственной жизни, а къ его состоянію общаго заблужденія, бывшему также слѣдствіемъ нарушенія божественнаго строя вселенной, имъ самимъ тоже долгое время непризнаннаго. Поэтому онъ и можетъ сказать непосредственно вслѣдъ за тѣмъ:

Di quella vita mi volse costui
Chi me va innanzi.

Чрезъ пространства Ада и Чистилища поэтъ-язычникъ можетъ вести павшаго Данта, хотя и самъ принадлежитъ къ числу погибшихъ. Но его грѣхъ—чисто отрицательный, общій всѣмъ, даже лучшимъ изъ язычниковъ, именно поклоненіе ложнымъ богамъ; одно только отсутствіе вѣры лишило его неба [850]). Онъ обязанъ прежде всего привести обратно Данта [851]) и возвратить его въ объятія Беатриче. Разборъ образа дѣйствій Виргилія во время самаго этого странствія, которымъ мы займемся нѣсколько ниже, подтвердитъ этотъ взглядъ нашъ. — Изъ всего сказаннаго явствуетъ уже, что Дантъ создалъ свой миѳъ о пѣвцѣ Энеиды изъ различныхъ составныхъ элементовъ, такъ что онъ весьма слабо связанъ съ народнымъ представленіемъ о поэтѣ, но зато основанъ на ученомъ преданіи и христіанской легендѣ. Такимъ образомъ Дантъ пріобрѣлъ право сдѣлать изъ Виргилія представителя своей политической системы, коренившейся въ исторіи и религіи и составлявшей часть божественнаго откровенія, которое онъ главнымъ образомъ чествовалъ, хотя и безсознательно. Въ самой Энеидѣ скрывается прежде всего объясненіе той роли, которая отведена ея пѣвцу въ Божественной Комедіи. На это ясно и безошибочно указываетъ уже первая встрѣча Данта съ своимъ «учителемъ и образцомъ» [852]). Что человѣкъ, столь прославленный въ свое время, какъ Геереиъ, могъ изъ роли, отведенной Виргилію въ поэмѣ, вывести заключеніе, что Данту вовсе не была извѣстна Энеида, кажется намъ невѣроятнымъ, однако это такъ и напечатано въ его трудѣ объ исторіи классической литературы въ средніе вѣка. Тотъ, кто изучитъ и сравнитъ оба произведенія, найдетъ, напротивъ того, что Дантъ относится къ Виргилію почти такъ, какъ Виргилій къ Гомеру, и что значительная доля поэтическаго матеріала Энеиды перешла, въ болѣе или менѣе свободной переработкѣ, въ Божественную Комедію [853]). Виргилій былъ учителемъ, наставникомъ Данта въ поэзіи, [854]) подобно тому, какъ онъ былъ національнымъ

---

[850]) Чист. VII, 7:

Io son Virgilio; e per null' altra rio
Lo ciel perdei, che per non aver fe.

[851]) Адъ, XV, 54:

Pure ier mattina le volse le spalle:
Questi m'apparve, tornand' io in quella,
E riducemi a ca per questo calle.

[852]) См. выше стр. 264, прим. 268.

[853]) Мы вернемся еще къ этому факту, на который слишкомъ долгое время обращалось мало вниманія.

[854]) Ср. прим. 1.

пѣвцомъ и историкомъ Италіи, и это обстоятельство составляетъ вторую связь между обоими поэтами, наставникомъ и учителемъ, и оно весьма важно, когда дѣло идетъ о разъясненіи того таинственнаго отношенія, въ которое Дантъ ставитъ себя къ Виргилію. Такимъ образомъ случилось, что Виргилій сдѣлался для Данта безусловнымъ авторитетомъ и въ важнѣйшихъ, и въ незначительнѣйшихъ вещахъ, что Дантъ сдѣлалъ его главнымъ свидѣтелемъ въ вопросѣ о предопредѣленной и универсальной имперіи, о призваніи римскаго государства, о прерогативахъ и власти императора, и избралъ его наконецъ себѣ въ руководители. На основаніи этого авторитета онъ дѣлаетъ Катона стражемъ Горы очищенія, потому что ему была отведена въ Энеидѣ подобная же роль; на основаніи того же авторитета онъ переноситъ язычника Рифея въ небеса, потому только, что онъ называется все въ той же Энеидѣ справедливѣйшимъ и набожнѣйшимъ изъ Троянцевъ [855]). По мнѣнію Данта, справедливость—высшая человѣческая добродѣтель, въ противоположность самому гнусному пороку—алчности.

Этому пороку, въ которомъ воплотилась испорченность свѣта, воспротивится, какъ предсказываетъ Виргилій заблудившемуся Данту, гончая, «которая заставитъ его умереть отъ мукъ» [856]). Мы приблизились теперь къ самому темному и наиболѣе спорному мѣсту въ Божественной Комедіи. Относительно этой «гончей» [857]) придумывались самыя разнообразныя толкованія, такъ какъ болѣе, чѣмъ при объясненіи другихъ загадочныхъ мѣстъ поэмы, мнѣнія долгое время расходились: Христосъ, папа, императоръ, Угуччьоне делла Фаджьола, Канграндe, наконецъ даже самъ Дантъ подразумѣвались подъ этимъ **Veltro**. А между тѣмъ, только одно изъ всѣхъ этихъ предположеній можетъ быть правильно. «Гончая убьетъ волчицу», она будетъ питаться не землею или металломъ, а мудростью, любовью и добродѣтелью; мѣстопребываніе ея будетъ между двумя Фельтро; она принесетъ спасеніе униженной [858]) Италіи, за которую умерли отъ ранъ дѣвственная Камилла, Эвріалъ, Турнъ и Низій, и будетъ гонять волчицу изъ города въ городъ, пока не вгонитъ ее обратно въ адъ, изъ котораго выслала ее исконная зависть.» Оставаясь

---

855) Энеида, II, 426. Рай, XIX, 13.

856) Адъ, I, 101.

857) Ср. относительно этого слова: Blanc, Vocabolario Dantesco, стр. 542 Гончая эта должна во всякомъ случаѣ быть понята въ видѣ охотничьей или ловчей собаки.

858) Адъ, I, 106.

всецѣло при данномъ нами прежде объясненіи волчицы, какъ символа «алчности», мы утверждаемъ что подъ гончею можетъ быть только подразумѣваемъ какой нибудь императоръ или побѣдоносный герой, дѣйствовавшій на пользу императорскаго дѣла. На первый взглядъ конечно странно слышать, что императоръ или какой либо другой свѣтскій властелинъ убьетъ порокъ «алчности» и вгонитъ его обратно въ адъ; тѣмъ не менѣе это задумано поэтомъ именно въ этомъ смыслѣ, а не иначе. Мы должны поэтому напомнить еще разъ то, что уже говорили раньше, объясняя значеніе волчицы. Въ своей книгѣ о Монархіи Дантъ прямо противопоставляетъ императора алчности, какъ мы уже говорили нѣсколько выше [859]). Въ концѣ этого сочиненія сказано: Отъ этихъ конечныхъ цѣлей и средствъ—блаженства земной и вѣчной жизни—человѣческая алчность отвратилась бы, еслибъ люди, подобно конямъ, блуждающимъ въ своемъ животномъ неразуміи, не обуздывались на своемъ пути уздою и удилами [860]). Этою уздою и этими удилами является имперія и олицетворяемое въ ней человѣческое право, вслѣдствіе чего Дантъ называетъ въ другомъ случаѣ императора «наѣзднико мъ человѣческой воли» [861]). «По устраненіи алчности», утверждаетъ онъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ, «ничто не будетъ болѣе препятствовать справедливости» [862]). Эти слова, кажется намъ, не оставляютъ ничего желать по своей ясности. Беззащитному, безправному состоянію можетъ быть тогда только поставленъ предѣлъ, когда возстановлена будетъ императорская универсальная монархія, достаточно способная и сильная, чтобы осуществить законъ и правосудіе. Этимъ объясняются и дальнѣйшія слова: она (гончая) будетъ питаться не землею или металломъ, а мудростью, добродѣтелью и любовью [863]), т. е. она не будетъ стремиться къ обладанію землями и богатствами, ибо императоръ не имѣетъ желаній, лишонъ алчности, потому что все при

---

[859]) См. стр. 241.

[860]) De Monarchia, lib. III къ концу. (Opp. Min. 3, 1, p. 195: Has igitu conclusiones et media — humana cupiditas prostergaret, nisi homines, tam quam equi sua bestialitate agantes. in chamo et fraeno compescerentur in via

[861]) Ср. съ этимъ Чистилище, VI, 88—102, гдѣ находится тотъ же образъ всадника, коня и шпоръ.

[862]) De Monarchia, lib. I, (l. c. p. 32): Ad evidentiam primi notandum, quod justitiae maxime contrariatur cupiditas, ut innuit Aristoteles in quinto ad Nicomachum. Remota cupiditate omnino nihil justitiae restat dversum.

[863]) Адъ, I, 103:

Questi non ciberà terra nè peltro
Ma sapienza e amore et virtute.

надлежитъ ему [864]); его питаніе составляютъ мудрость, философскіе принципы, на основаніи которыхъ онъ правитъ [865]), любовь, потому что онъ любитъ всѣхъ людей, такъ какъ всѣ они непосредственно подчинены ему, и могущественнѣйшая соперница любви, алчность, безсильна передъ нимъ [866]); добродѣтель, т. е. справедливость, которая составляетъ качество, наиболѣе свойственное человѣку, и отличительную сущность императорскаго сана [867]). Благодаря дѣйствительному возстановленію имперіи исчезнетъ алчность и ея опустошительное дѣйствіе, и, что всего важнѣе, бѣдная, униженная и распавшаяся Италія, изъ за чьего величія умирали старые Римляне, снова сдѣлается великою, могущественною и единою; избавитель остановитъ ярость партій и вырожденіе церкви и возвратитъ ее въ предѣлы чисто-духовныхъ обязанностей. Дантъ, правда, не высказываетъ это прямо въ данномъ случаѣ, но это коренится, какъ намъ уже хорошо извѣстно, въ его системѣ. Именно по этой-то причинѣ столько людей принимало волчицу за развращенную церковь и т. п., въ то время, какъ въ глазахъ Данта, она должна была являться скорѣе причиною, чѣмъ слѣдствіемъ господствующей развращенности; просто немыслимо, повторяемъ, чтобы гончая могла вогнать обратно въ адъ развратившійся папскій дворъ или порицаемую Дантомъ папскую систему. Что человѣкъ можетъ произвести сильное реформаторское дѣяніе,—эта мысль прямо высказывалась, впрочемъ, Дантомъ по поводу исторіи римскаго государства. «Если», пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, именно въ посланіи, съ которымъ, въ виду предстоявшаго появленія короля Генриха VII, онъ обращался къ владѣтелямъ и государямъ Италіи, если мы откроемъ все прошлое, начиная съ самаго начала исторіи, именно съ той поры, когда Фригійцы отказали Аргивянамъ въ гостепріимствѣ, и обозримъ всѣ дѣла міра сего вплоть до торжества Октавіана, то мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно вознеслись за предѣлы человѣческой добродѣтели и что Богъ достигъ многаго чрезъ людей, какъ будто при содѣйствіи новыхъ небесъ. Ибо не всегда дѣйствуемъ мы сами; напротивъ, иногда мы бываемъ только орудіями Божества, и проявленія человѣческой воли, которой присуща свобода, направляются по временамъ свыше, и тогда люди отрѣшаются отъ низшихъ вожделѣній

---

[864]) См. выше стр. 242.
[865]) См. выше стр. 244—245.
[866]) См. выше стр. 241.
[867]) См. выше стр. 241—42.

и часто подчиняются вѣчной волѣ, сами того не вѣдая [868])». Свои надежды на подобнаго «избавителя» поэтъ высказывалъ, правда, въ общихъ выраженіяхъ и раньше, какъ, напримѣръ, въ Чистилищѣ (прим. 10), и именно въ совершенно тождественной связи съ «проклятою волчицею». «О небо! восклицаетъ онъ, твои сферы, какъ мы вѣримъ, должны измѣнить положеніе дѣлъ на землѣ,—когда-же придетъ тотъ, передъ которымъ отступитъ она (т. е. волчица)?» [869]). Въ двадцать седьмой пѣсни Рая Петръ, апостолъ и первый папа, дѣлаетъ слѣдующее пророчество, выразивъ сначала свой гнѣвъ противъ выродившагося папства: какъ вѣрно то, что Провидѣніе защитило при помощи Сципіона міровую славу Рима, настолько же достовѣрно, что оно вскорѣ пришлетъ избавителя [870])». Въ тридцать третьей пѣсни Чистилища [871]) Беатриче дѣлаетъ слѣдующее заявленіе въ полныхъ глубокаго смысла выраженіяхъ: «Не навсегда останется орелъ безъ наслѣдниковъ; я вижу приближеніе времени, когда, несмотря на всѣ препятствія и трудности, властелинъ, ниспосланный Богомъ, [872]) умертвитъ безбожницу и исполина, совокупляющагося съ ней». Другими словами, наслѣдникъ императорской власти поведетъ въ ближайшемъ времени побѣдоносную борьбу противъ ея враговъ и положитъ предѣлъ развращенію церкви [873]). Это послѣднее предсказа-

---

[868]) См. Tosti, l. c. p. 31.

[869]) Чистилище, XX, 13:

O ciel, nel cui girar che si creda
Le condizion di quaggiù trasmutarsi,
Quando verrà per cui questa disceda?

[870]) Рай, XXVII, 61:

Ma l'alta providenza, che con Scipio
Difese a Roma la gloria del mondo,
Soccorrà tosto si com' io concipio.

[871]) Чистилище, XXXIII, 37—45:

Non sarà tutto tempo senza ereda
L'aquila che lasciò le penne al carro
Per che divenne mostro e poscia preda.
Ch'io veggio certamente, e però il narro,
A darne tempo, già stelle propinque,
Sicure d'ogni intoppo e d'ogni sbarro.
Nel quale na cinquecento diece e cinque
Merro da Dio, ancidera la fui
Con quel gigante, che lei delinque.

[872]) Для нашихъ цѣлей безразлично, видятъ ли въ загадочномъ 43 стихѣ какого либо dux или нѣтъ. Смыслъ стиха несомнѣненъ.

[873]) Выраженіе „la fuja“ относятъ прежде всего къ папскому двору; Philalethes переводитъ его, не знаю, правильно ли, словомъ „Vettel“; вообще слово это не вполнѣ ясно (ср. Blanc, Vocabolario, стр. 229).

ніе несомнѣнно напоминаетъ намъ подобное же пророчество во второй пѣсни Ада, о которомъ мы такъ обстоятельно говорили выше [874]). Если разсмотрѣть все въ совокупности, то подъ этимъ ожидаемымъ имъ избавителемъ Италіи Дантъ очевидно представлялъ себѣ какого нибудь императора, и во всякомъ случаѣ логика его теоріи и его наполовину-политической системы не дозволяла ему почти ничего иного. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ считалъ когда-то императора Генриха VII этимъ посланнымъ отъ Бога избавителемъ своего народа. Однако въ относящемся сюда мѣстѣ второй пѣсни встрѣчается черта, которая не соединима, по крайней мѣрѣ, съ императоромъ нѣмецкаго происхожденія. Тамъ говорится между прочимъ: ея родина (гончей) будетъ находиться между Фельтро и Фельтро [875]). Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ темнымъ, но все таки точнымъ географическимъ показаніемъ, рѣдко оспоривалось, и при этомъ всегда имѣлось въ виду, и не безъ основанія, Фельтро въ области Тревизо и Монтефельтро въ области Анконской. Но въ такомъ случаѣ, повторяемъ, невозможно представить себѣ Нѣмца и необходимо имѣть въ виду Итальянца. Тогда всѣ признаки будутъ оворить въ пользу извѣстнаго уже намъ, дѣйствительно высоко-чтимаго Дантомъ Кангранде ди Верона [876]), чье мѣсто рожденія приходится какъ-разъ почти-что по срединѣ между двумя Фельтро. Образъ гончей примѣняется къ нему тѣмъ легче, что прозвище его, Can grande, находится съ нимъ въ естественной связи [877]). Но

---

[874]) Dux или кто бы то ни было другой, кому суждено убить „fuja“, если только она обозначаетъ выродившееся нашество или церковь, сдѣлавшуюся свѣтскою, нисколько не противорѣчитъ нашему прежнему объясненію lupa, вгоняющей veltr въ адъ,на что мы здѣсь прямо и укажемъ. Мы убѣждены, что dux и veltro,можетъ быть, одно и тоже; изъ этого однако далеко не вытекаетъ абсолютная тождественность fuja и lupa. Fuja стоитъ сама по себѣ и относится только къ себѣ самой; исполина, съ которымъ она совокупляется, легко признать; lupa же находится въ тѣснѣйшей связи съ двумя предшествующими аллегорическими образами и не можетъ быть объяснена сама по себѣ. По смыслу разница между ними въ концѣ концовъ не столь замѣчательна, если lupa обозначаетъ достигшую господства опустошительную, ненасытную алчность, fuja же—развращенное направленіе папскаго двора, носителя и виновника все общаго паденія.

[875]) Адъ, I, 103.

E sua nazion sarà tra Feltro e Feltro.

Относительно слова nazion существуетъ разногласіе. Но въ нашихъ глазахъ составляетъ мало различія, переведемъ ли мы его мѣстомъ рожденья отчизною или областью правленія.

[876]) См. выше стр. 210 и слѣд.

[877]) См. выше стр· 209, прим. 509.

въ такомъ случаѣ стихи эти должны были быть вставлены гораздо позднѣе, такъ какъ, въ эпоху видѣнія, Кангранде едва ли было девять лѣтъ. Только послѣ смерти императора Генриха VII и въ особенности въ 1317 и 1318 годахъ, онъ занялъ политическое положеніе, которое могло дать поводъ къ пророчеству, подобному тому, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—если только оно можетъ быть отнесено къ нему [878]). Въ это время Дантъ, дѣйствительно, ожидалъ отъ него необычайныхъ, великихъ переворотовъ и, какъ кажется, побѣдоноснаго пораженія итальянскихъ Гвельфовъ. Это уже можно заключить изъ смысла прорицанія Каччьягвиды въ Раю [879]): «Чрезъ него произойдетъ перемѣна въ судьбѣ многихъ; богатые станутъ бѣдными, бѣдные—богатыми. Ты слышишь о немъ то, чего не передашь. И онъ говорилъ о немъ такія вещи, которыя покажутся невѣроятными даже тѣмъ, кто былъ ихъ очевидцемъ» [880]). Надо сознаться, что здѣсь есть намекъ на грандіозный, обширный планъ, при чемъ для насъ все равно, принадлежитъ ли онъ исключительно фантазіи Данта или Кангранде дѣйствительно носился съ нимъ. И это соотвѣтствовало бы вполнѣ пророчеству въ первой пѣсни Ада. Лишь одно остается неяснымъ при этомъ толкованіи, именно, какую роль, въ виду грандіозной иниціативы властителя Вероны, поэтъ отвелъ имперіи, возстановленіе которой только и могло легитимировать и упрочить каждый, даже самый значительный, успѣхъ? Что послѣ смерти Генриха и въ виду спора изъ-за престолонаслѣдія въ Германіи Дантъ ничего не могъ ожидать непосредственно отъ императора, — это понятно для всякаго, и становится тѣмъ болѣе понятно, когда вспомнимъ, что онъ сосредоточилъ прежде всего свои надежды на такомъ энергическомъ и счастливомъ представителѣ партіи Гибеллиновъ, какимъ былъ Кангранде, и этимъ удовольствовался; но мысль возстановить въ концѣ концовъ имперію въ какомъ-бы то ни было видѣ все таки навѣрно замыкала собою, какъ послѣднее звено, цѣлый рядъ надеждъ и предположеній. Мы не считаемъ однако возможнымъ вдаваться относительно этого вопроса въ болѣе опредѣленныя предположенія, и ограничимся тѣмъ, что объяснимъ личностью Кангранде образъ той гончей, которая должна возвеличить уничтоженную Италію и отмстить виновникамъ ея униженія. [881]).

---

[878]) См. выше стр. 212—13.

[879]) Рай, XVII 76—92.

[880]) См выше прим. 519.

[881]) Предположеніе, что въ образѣ гончей, слѣдуетъ видѣть Уггучьоне делла Фаджьола, предположеніе, къ которому въ новѣйшее время вернулся Фрати

Послѣ этого пророчества Виргилій предложилъ заблудившемуся поэту другой путь для его спасенія, ведущій чрезъ вѣчныя пространства, и указалъ ему на Беатриче, которая поведетъ его по небесамъ, куда ему, язычнику, нѣтъ доступа. Дантъ преисполненъ сначала бодрости духа, но вслѣдъ за тѣмъ онъ начинаетъ опять унывать, и только слова Виргилія, «что три блаженныя женщины заботятся о немъ въ преддверіи неба», заставляютъ его вернуться къ первому его плану, и они направляются къ аду [882]). То уныніе, которое овладѣло Дантомъ, даетъ новое подкрѣпленіе нашему взгляду на тенденцію поэмы и на значеніе Виргилія и Беатриче. Правда, говоритъ онъ, Эней спустился живымъ въ подземный міръ, а Павелъ вознесся на третье небо. Но нисхожденіе Энея было связано съ предопредѣленнымъ отъ Бога основаніемъ римскаго государства и папскаго престола; вознесеніе же Павла имѣло въ виду усиленіе вѣры, составляющей первую ступень на пути спасенія,и именно христіанской вѣры. Но, кто же я такое, говоритъ поэтъ, я не Эней и не Павелъ, и ни я самъ,нидругіе не считаютъ меня достойнымъ подобнаго отличія [883]). Преднамѣренность ссылки именно на этихъ предшественниковъ поэта и ихъ болѣе глубокое соотношеніе съ предложеннымъ ему странствованіемъ вполнѣ очевидно. Это тѣ основныя идеи, которыя составляютъ центръ и периферію всюду возвращающейся, все опредѣляющей и все измѣряющей системы его, идеи политики и вѣры, государства и церкви, блаженства земной и вѣчной жизни, тѣсно связанныя между собою и выразившіяся типически въ Энеѣ и Павлѣ. Подобно тому, какъ въ нисхожденіи одного и въ воспареніи другого осуществлялись божественныя намѣренія, такъ и поэтъ, въ своемъ рвеніи къ возстановленію царства Божія, ссылается на божественную волю и сливаетъ Энея и Павла въ одинъ образъ, правда, безконечно отличный отъ предшествующихъ,— именно свой собственный.

челли по примѣру C. Troja, должно быть положительно отвергнуто. Ugguccione не упоминается во всей поэмѣ, что весьма важно отмѣтить сравнительно съ ролью Канграпде.Могущество его было слишкомъ кратковременно для того,чтобы должно было ожидать на этомъ основаніитакихъважныхъ результатовъ для дѣла Гибеллиновъ. Впрочемъ,это предположеніе уже достаточно опровергалось многими.

882) Адъ, II, 127—142.

883) Адъ, II, 13—38

4.

Строеніе Ада. Распредѣленіе и составъ трехъ сферъ. Катонъ. Сущность и принципъ наказаній, покаяній и блаженства.

Церковь временъ Данта постоянно высказывала лишь въ общихъ чертахъ свои взгляды на сверхчувственныя сферы ада, чистилища и рая. Она довольствовалась тѣмъ, что ставила догматомъ вѣчность адскихъ мученій и небесныхъ радостей, и переходный характеръ очистительнаго покаянія, но не входила въ объясненіе какихъ-бы то ни было подробностей. Тѣмъ ревностнѣе воспользовалось этою темой христіанское сказаніе, и въ особенности легенда, и разработывало ее подъ измѣнчивымъ вліяніемъ эпохъ и поколѣній. Большую роль играла эта тема въ проповѣди, потому что, болѣе чѣмъ какое-либо содержаніе, она могла производить непосредственное впечатлѣніе на массу. Точно также и живопись по временамъ завладѣвала этимъ сюжетомъ, убѣдившись въ его необыкновенной пригодности. Вообще немногія идеи были такъ популярны въ народныхъ массахъ среднихъ вѣковъ, какъ представленія объ адѣ, чистилищѣ и небѣ. Рано стало проявляться стремленіе вознаграждать себя за страданіе настоящаго вѣрою въ существованіе той или другой сферы или даже мстить виновникамъ этихъ страданій. Такимъ образомъ мало-по-малу привыкли относиться вполнѣ объективно въ особенности къ ужасамъ ада, и даже включать ихъ въ число любимѣйшихъ темъ народныхъ представленій. Объективность эта дошла до того, что 1 мая 1304 года компанія веселыхъ молодыхъ людей во Флоренціи задумала дать, въ присутствіи кардинала Прато, представленіе ада на находившихся на Арно лодкахъ и небольшихъ корабляхъ, причемъ одни изъ нихъ изображали демоновъ, другіе приняли на себя роль мучимыхъ ими осужденныхъ. Для этого зрѣлища были разосланы формальныя приглашенія; всякаго, кто желалъ узнать вѣсти съ того свѣта, звали явиться въ назначенный день на мостъ alla Carraja. И въ самомъ дѣлѣ, сошлась такая громадная толпа любопытныхъ, что деревянный мостъ подломился подъ тяжестью, изъ шутки сдѣлалась грустная дѣйствительность и многіе утонули [884]).

Тѣмъ не менѣе, если мы разсмотримъ всѣ описанія и разсказы о сверхчувственномъ мірѣ, какіе появлялись вплоть до тринадцатаго

---

[884]) Giov. Villani, Ist. fior., VIII, 70.

столѣтія включительно, мы едва-ли встрѣтимъ хоть что-либо, что вызвало бы въ насъ продолжительный интересъ или могло бы приковать къ себѣ тѣхъ, кто не стремится изучать лишь духъ времени и массъ. То въ нихъ не достаетъ связующей мысли, то живительной фантазіи, въ большинствѣ случаевъ и того и другого элемента. Отсюда проистекаетъ бѣдность композиціи даже тамъ, гдѣ преслѣдуются поэтическія цѣли; отсюда же и грубыя, мрачныя картины каръ и покаяній и чувственное изображеніе рая. Въ аду и чистилищѣ грѣшники почти сплошь варятся или жарятся, сажаются на колъ и разрываются на части клещами; описаніе небесныхъ радостей вращается вокругъ золотыхъ и хрустальныхъ чертоговъ, вѣчно цвѣтущихъ садовъ, никогда неумолкающихъ кимваловъ и гусель, и такъ далѣе, въ такомъ же родѣ. Правда, что эти послѣдніе предметы принимались въ началѣ только въ фигуральномъ смыслѣ, но массы понимали ихъ буквально, народные проповѣдники и поэты рѣдко влагали въ нихъ болѣе глубокое содержаніе и то только въ видѣ исключенія [885]). Еще важнѣе то, что до этихъ поръ ни одинъ изъ выдающихся талантовъ не овладѣлъ еще этимъ матеріаломъ, какъ бы популяренъ и любимъ онъ ни былъ; въ особенности не выдвигалось еще ни одной сильно развитой индивидуальности, которая вдохнула бы въ существующія уже представленія свою собственную жизнь и одушевила бы ихъ глубоко-религіознымъ, но все-таки самостоятельнымъ духомъ. Только въ Дантѣ всѣ эти качества впервые встрѣчаются въ необходимомъ развитіи и силѣ и, благодаря тому, сложилась такая картина сверхчувственныхъ міровъ, которою восторгались во всѣ времена даже тѣ, кто не раздѣлялъ вѣру въ нихъ, или не постигалъ той тенденціи, которой эта картина служила.

Тѣ указанія и соображенія, къ которымъ мы теперь переходимъ, отнюдь не предназначены, скажемъ прямо, исчерпать всѣ своеобразности и поэтическія преимущества трехъ отдѣленій Божественной комедіи; мы имѣемъ, напротивъ, только въ виду доказать и уяснить всю оригинальность поэмы, ея связь съ руководящей, основной мыслью поэта и его системы вообще [886]).

---

[885]) Озанамъ не такъ давно издалъ описаніе неба и ада, написанное на веронскомъ діалектѣ, и которое онъ относитъ ко времени, предшествовавшему Данту. Авторъ его назывался Jacomino di Verona и принадлежалъ къ ордену Миноритовъ. Онъ намекаетъ на то, что его описаніе Рая должно быть понято только иносказательнымъ образомъ. См. Documents pour servir à l'histoire littéraire de l'Italie. Par A. F. Ozanam, Paris, 1850, p. 291 sqq.

[886]) Мы вернемся въ слѣдующей главѣ ко многому, что здѣсь преднамѣренно опускаемъ.

Мы знаемъ въ общихъ чертахъ расположеніе дантова ада. Онъ помѣщенъ поэтомъ въ нѣдрахъ земли и образуетъ что-то въ родѣ воронки или опрокинутаго конуса, конечная точка котораго составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ центръ земли и вселенной. Воронка эта распадается на девять концентрическихъ, горизонтально-лежащихъ круговъ, вмѣщающихъ въ себѣ различные виды осужденныхъ. Каждый изъ этихъ круговъ, считая сверху внизъ, меньше предшествующаго ему и отдѣляется отъ послѣдующаго скалистымъ склономъ. Болѣе извинительные грѣхи, проистекающіе скорѣе изъ слабости человѣческой природы, караются въ высшихъ кругахъ; грѣхи же, наиболѣе противорѣчащіе человѣческой природѣ—въ нисшихъ. Но такъ какъ круги все болѣе съуживаются къ низу, то это доказываетъ, что самые безчеловѣчные, отталкивающіе грѣхи совершаются всего рѣже. Вникнемъ теперь въ принципъ, котораго держался Дантъ въ своихъ категоріяхъ грѣшниковъ. Обыкновенныя описанія ада почти сплошь опираются на церковную теорію семи главныхъ грѣховъ и ихъ равномѣрную наказуемость, не вдаваясь много во внутреннія различія. Схоластики, напротивъ того, не ограничивались этимъ и устанавливали болѣе глубокое отличіе [887]). Такъ напримѣръ Ѳома Аквинскій различаетъ грѣхи, проистекающіе изъ страсти или изъ злобы, и объявляетъ послѣдніе достойными болѣе тяжелаго наказанія, чѣмъ первые. Принципъ Данта не исключаетъ этого схоластическаго принципа, а напротивъ обнимаетъ и его, но онъ шире и имѣетъ не христіанскій источникъ,—именно Аристотеля. Его этика усвоивалась во многихъ частностяхъ схоластиками, и Дантъ прямо называетъ ее своею собственною [888]). Слѣдуя теоріи своего учителя нравственности, онъ устанавливаетъ три категоріи основныхъ грѣховъ: грѣхи вслѣдствіе невоздержности, чувственной страсти, которые обособляетъ и Ѳома Аквинскій; грѣхи изъ злобы, которые и у него, какъ и у Аристотеля, двоякіе: грѣхи открытаго насилія и обмана. Цѣль каждаго злого дѣйствія, говоритъ онъ, несправедливость, и эта цѣль достигается двоякимъ образомъ, и чрезъ насиліе, и чрезъ обманъ. Обманъ же

---

[887]) См. у Ѳомы Аквинскаго, Summa, II, I. 78, 4. II, II. 66, 4.

[888]) Аристотель, Этика, VII, гл. 1. 5. Адъ, XI, 79:

Non ti rimembra di quelle parole,
Colle quai la tua Etica pertratta
Le tre disposizion che il ciel non vuole:
Incontinenza, malizia e la matta
Bestialitade?

(Аристотель не говоритъ прямо объ обманѣ, а только о κακία).

всего болѣе непріятенъ Богу и всего строже карается, такъ какъ онъ является зломъ, наиболѣе свойственнымъ человѣку, и злоупотребленіемъ дарованій, составляющихъ исключительную принадлежность его, отличающихъ его отъ животнаго,—въ то время, какъ грѣхи насилія, и все что уподобляетъ человѣка животнымъ, прямо отвлекаютъ его отъ всякаго пользованія этими дарованіями. Грѣхи невоздержности, коренящіеся въ слабости человѣческой природы, троякіе: преступленія плотскія, кутежи, скупость и расточительность, гнѣвъ и недовольство. Между неумѣренными и насильниками помѣщаются еретики всѣхъ родовъ, эпикурейцы и т. д., такъ какъ въ нихъ есть частица и тѣхъ и другихъ. Живущіе насиліемъ дѣлятся на три подраздѣленія: тѣ, что грѣшатъ противъ Бога и природы, богохульники, содомиты и ростовщики. Обманъ бываетъ двоякій: онъ совершается либо противъ тѣхъ, кто не питаетъ довѣрія къ лицу обманывающему, либо противъ тѣхъ, что довѣрились ему. Въ первомъ случаѣ нарушается только общее человѣколюбіе, во второмъ человѣколюбіе личное; въ первомъ случаѣ это простой обманъ, во второмъ грѣхъ этотъ становится измѣною, самымъ отвратительнымъ, безчеловѣчнымъ видомъ грѣха. Къ простымъ обманщикамъ Дантъ причисляетъ десять видовъ преступниковъ: сводниковъ и соблазнителей, льстецовъ и блудницъ, симонистовъ, прорицателей, людей, живущихъ подкупомъ, лицемѣровъ, воровъ, дурныхъ совѣтчиковъ, нарушителей мира, обманщиковъ. Измѣна бываетъ четырехъ родовъ: противъ кровныхъ родныхъ, отечества, гостей, противъ вѣчнаго мірового строя Божьяго, т. е. противъ Бога и имперіи [889]). Всѣ эти грѣшники распредѣлены по восьми кругамъ; девятый кругъ, или, вѣрнѣе, первый считая сверху внизъ, составляетъ лимбъ, нѣчто въ родѣ предверія ада, гдѣ пріютились всѣ некрещенные набожные люди, единственное преступленіе которыхъ заключается въ ихъ невѣдѣніи христіанства [890]). Наряду со всѣми этими грѣшниками или людьми, лишенными надежды на спасеніе Дантъ учредилъ еще одну категорію осужденныхъ изъ тѣхъ, которые не были ни пылкими, ни равнодушными, изъ людей среднихъ, мѣстопребываніе которыхъ находится по ту сторону пограничной линіи ада, между входною дверью и Ахерономъ; они для неба слишкомъ дурны, для ада слишкомъ хороши и поэтому отвергаются и тутъ, и тамъ [891]). Въ числѣ ихъ находятся тѣ нейтраль-

[889]) Адъ, XI, 19—56.
[890]) Адъ, IV, 31—42.
[891]) Адъ, Ш, 34—50

ные ангелы, которые во время возмущенія Люцифера не приняли сторону ни Бога, ни его [892]).

Эта группировка грѣшниковъ вызываетъ насъ на еще болѣе основательное разсмотрѣніе ея. На первый взглядъ она согласуется, правда, съ этикою Стагирита и Ѳомы Аквинскаго, и самъ Дантъ ссылается на нихъ, какъ на авторитеты. Но все остальное подраздѣленіе и въ особенности установленіе характерныхъ отличій аристотелевыхъ категорій имѣетъ въ себѣ столько своеобразнаго, что не безполезно будетъ анализировать его. Для выдѣленія людей средняго темперамента Дантъ нашелъ во всякомъ случаѣ указаніе въ апокалипсисѣ [893]). Отличіе, выпадающее набожнымъ язычникамъ въ первомъ кругу, не имѣетъ само по себѣ ничего такого, что уклонялось бы отъ общаго вѣрованія, точно тоже можно сказать и о четырехъ кругахъ людей невоздержныхъ; во всѣхъ этихъ кругахъ можно распознать пять смертныхъ грѣховъ: чувственность, обжорство, скупость, гнѣвъ и лѣность, совсѣмъ такъ, какъ ихъ понимала церковь и христіанская мораль. Оригинальная и самостоятельная сторона уголовныхъ теорій, господствующихъ въ аду, начинается съ шестого круга. Этотъ кругъ заключаетъ въ себѣ еретиковъ, седьмой кругъ насильниковъ, восьмой и девятый два вида обманщиковъ. Здѣсь, дѣйствительно, замѣчаются еще слѣды воззрѣній канонической и римскаго права, но они сведены до минимума, благодаря третьему принципу, принципу германскаго уголовнаго права. Капоническое право и христіанская этика несомнѣнно признали бы еретичество болѣе тяжкимъ грѣхомъ, чѣмъ убійство, лицемѣріе и измѣну противъ родныхъ или императора. Точно также и римское право не знаетъ проступка выше того, который совершается относительно общаго блага и государства, и почти сплошь не имѣетъ другого мѣрила для преступленія, кромѣ интереса государственнаго. Преступленіе противъ отдѣльнаго лица имѣетъ для него второстепенное значеніе; измѣны оно не признаетъ; насиліе карается имъ лишь тогда, когда оно нарушило общественное спокойствіе и безопасность [894]). Словомъ, римское уголовное право не опирается на основу этическаго правового воззрѣнія; германское же ,напротивъ того, всецѣло находитъ въ немъ опору. Послѣднее почти не заботится о государствѣ и караетъ лишь преступленія отдѣльныхъ лицъ, большею частью

[892]) Ср. К. Витте Dante's Sündensystem in Hölle und Fegefeuer въ 4 томѣ Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft (1877) стр. 373—403.

[893]) Откровеніе Іоанна, гл. III, стихъ 15 и 16.

[894]) См. Rein, Römisches Strafrecht, стр. 91, 104, 839, 254, 154.

на основаніи нравственнаго мѣрила ихъ наказуемости. Мотивъ преступленія, способъ его выполненія, стоятъ для него на первомъ планѣ, и чѣмъ возмутительнѣе они кажутся по національнымъ понятіямъ, тѣмъ строже наказуются. Поэтому здѣсь самымъ тяжкимъ преступленіемъ считается измѣна, такъ какъ ею нарушаются священнѣйшія узы, узы вѣрности. Такимъ образомъ, коварнѣйшія и наиболѣе скрытыя преступленія карались Нѣмцами всего тяжеле; менѣе тяжело каралось всякое явное насиліе, которое не всегда даже казалось стоющимъ наказанія [895]). Съ этимъ германскимъ воззрѣніемъ мы встрѣчаемся въ Дантовомъ аду. Насиліе наказывается менѣе жестоко, чѣмъ обманъ, а изъ числа преступленій, основанныхъ на лжи, всего тяжеле карается измѣна. Поэтому въ ряду насильниковъ мы находимъ всевозможныхъ воровъ и обманщиковъ, если только ихъ преступленіе сопровождалось открытымъ насиліемъ; убійцы, напротивъ того, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и ворами, находятся не среди первыхъ, а среди послѣднихъ [896]). Этихъ краткихъ разъясненій будетъ достаточно для того, чтобы доказать тождественность воззрѣній Германцевъ и Данта. Быть можетъ, представится вопросъ, была ли эта тождественность случайною или въ основѣ ея коренится болѣе глубокая связь? Какъ извѣстно, благодаря Лангобардамъ, германскія правовыя воззрѣнія господствовали въ свое время въ значительной части Италіи и далеко еще не всюду исчезли даже въ тринадцатомъ столѣтіи. Поэтому Дантъ легко могъ познакомиться съ ними. Но подобному объясненію мы не придаемъ большого значенія; здѣсь идетъ рѣчь о внутреннемъ чувствѣ справедливости, которое не познается, не изучается внѣшнимъ образомъ и можетъ быть только результатомъ общей организаціи, духовной сущности самого человѣка [897]). Необходимо поэтому указать на сродство природы Данта съ германскимъ характеромъ, какъ онъ обнаруживается въ самомъ правовомъ сознаніи этого народа и припом-

[895]) Wilda, Strafrecht der Germanen. I томъ, стр. 158, 159, 264, 575.

[896]) Ад, XXIV, 122—138. XXV, 25—34.

[897]) Уже въ Convito Дантъ дѣлаетъ намекъ на свои юридическія воззрѣнія. „Эта добродѣтель—справедливость—такъ привлекательна, что, какъ говоритъ философъ въ пятой книгѣ своей этики, ее любятъ даже ея враги, именно воры и разбойники; по той же причинѣ мы видимъ, что противоположность ея, несправедливость, въ высшей степени ненавидима, въ особенности измѣна, неблагодарность и лицемѣріе, воровство, уличный грабежъ, обманъ и т. д.; эти преступленія насколько противны природѣ человѣка, что ему, вслѣдствіе долгой привычки, позволяютъ говорить о себѣ и называть себя вѣрнымъ и послушнымъ, чтобы только смыть съ себя позоръ преступленія. См. Convito, I, 12.

[898]) См. Richter, Kirchenrecht, § 217.

нить вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько эти юридическія воззрѣнія поэта расходились съ тѣми, которыя господствовали въ современной ему Италіи, въ особенности въ окружавшей поэта средѣ. Не знаю, было ли господствующее воззрѣніе продуктомъ борьбы партій, но вполнѣ достовѣрно, что именно измѣна была одною изъ наиболѣе отвратительныхъ и распространенныхъ язвъ итальянской жизни того времени и что она встрѣчается во всѣхъ формахъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, не сопровождаемая нигдѣ нравственнымъ сознаніемъ права. Опираясь на этотъ фактъ, такъ и хочется назвать Данта скорѣе германскою, чѣмъ романскою натурою.

При спеціализированіи грѣховъ второй и третьей категоріи онъ снова приближается къ римскимъ и каноническимъ воззрѣніямъ, какъ напримѣръ, при разборѣ обманщиковъ и ростовщиковъ [898]), хотя и относительно послѣднихъ опредѣленіе сущности грѣха всецѣло опирается на самостоятельную этическую основу [899]).

Интересно разсмотрѣть различные виды адскихъ каръ [900]). Они являются продолженіемъ внутренняго состоянія грѣшниковъ на землѣ и исходятъ изъ положенія: «Чѣмъ ты согрѣшилъ, тѣмъ долженъ быть и наказанъ» [901]). Это положеніе принималось почти всѣми за руководящую норму. Нѣмецкіе Бичующіеся, появившіеся немного позднѣе Данта, и желавшіе пострадать за свои грѣхи еще на землѣ, сдѣлали изъ этого положенія принципъ своего самобичеванія [902]). Люди средняго темперамента всего болѣе страдаютъ отъ сознанія своего собственнаго ничтожества и своего удаленія отъ людей добрыхъ и злыхъ; наказаніе некрещеныхъ заключается лишь въ безнадежныхъ порывахъ, безъ всякихъ другихъ мукъ [903]). Съ людей же нецѣломудренныхъ, напротивъ того, начинается тотъ видъ истязаній, отличительную черту котораго составляетъ его вѣчность. Они терзаются, обуреваемые чувственными вожделѣніями, и никогда не достигаютъ покоя [904]). Чревоугодники погрязли въ болотѣ, которое вслѣдствіе дождя, снѣга и града постоянно остается холоднымъ и.

---

[899]) Ср. подробныя и интересныя разсужденія H. Abegg въ I томѣ (1867) Jahrbuch der deutschen Dantegesellschaft, стр. 177—298.

[900]) Ср. Scartazzini: Ueber die Congruenz der Sünden und Strafen in Dante's Hölle въ 4 т. Jahrbuch der deutschen Dantegesellschaft (1877) стр. 273—404.

[901]) „Quantum glorificavit se et in deliciis fuit, tantum date illi tormentum et luctum", Apokal. 18.—„In eo quo quis peccat, et punitur". Sapient. 11.

[902]) См. Strasburgische Chronik Fritsche Closeners. Biblioth. des lit. Verein's, т. I стр. 85.

[903]) Адъ, Ш. 34. IV, 41.

[904]) Адъ, V, 31.

липкимъ [905]). Скупцы и расточители, образуя два хора, въ постоянномъ своемъ движеніи наталкиваются другъ на друга, укоряютъ одни другихъ въ скупости и расточительности, и затѣмъ разстаются чтобъ снова сойтись [906]). Гнѣвные и недовольные находятся въ горячемъ болотѣ Стикса, бьются всѣми своими членами и рвутъ другъ друга на части [907]). Еретики лежатъ въ открытыхъ пылающихъ гробахъ [908]), которые послѣ страшнаго суда закроются на вѣки. Грѣшившіе насиліемъ относительно ближнихъ погружены въ горячій потокъ крови и варятся въ немъ; соотвѣтственно тягости ихъ преступленія, они помѣщены на большей или меньшей глубинѣ [909]). Самоубійцы и игроки навѣки лишены своей тѣлесной оболочки и населяютъ своими душами лѣсъ, полный колючихъ растеній; послѣ воскресенія мертвыхъ они принесутъ тѣла свои и повѣсятъ ихъ на вѣтвяхъ [910]). Насильники, согрѣшившіе противъ Бога, поражаются вѣчнымъ огненнымъ дождемъ; богохульники продолжаютъ и тутъ хулить Бога и противиться ему; содомиты постоянно спасаются бѣгствомъ передъ низвергающимся на нихъ пламенемъ; ростовщики съ трудомъ держатъ въ рукахъ свои мѣшки, отклоняя отъ себя огонь [911]). Обманщики, сводники и соблазнители идутъ въ противоположномъ направленіи, съ безостановочной быстротой подгоняемые ударами бича, которыми надѣляютъ ихъ рогатые демоны. Льстецы и куртизанки сидятъ въ ямѣ, наполненной всякою нечистотой. Симонисты вонзились, головами внизъ, въ скалы, тогда какъ ихъ ноги горятъ на огнѣ, пылающемъ извнѣ [912]). Предсказатели шествуютъ, съ лицами обратно повернутыми; люди, доступные подкупу, и тѣ, кто подкупалъ ихъ, погрязаютъ въ озерѣ черной смолы; притворщики едва влачатъ свои ноги, — они облечены въ тяжелыя монашескія рясы, которыя снаружи кажутся золотыми, внутри-же—свинцовыя [913]). Воры крадутъ другъ у друга свое единственное достояніе, свой человѣческій обликъ; злые, тайные совѣтчики невидимы и скрыты пожирающимъ пламенемъ. Виновники раздоровъ, сектъ, и т. д. ходятъ

---

[905]) Ibid., VI, 8.
[906]) Ibid., VII, 24.
[907]) Ibid., VII, 112.
[908]) Ibid., IX, 122; X, 12.
[909]) Ibid., XII.
[910]) Ibid., XIII. 92. (Здѣсь Данть очевидно подражалъ Виргилію; см. Энеиду, III, 45).
[911]) Адъ, XIV, 12, 19, 30: XV, 37; XVII, 41.
[912]) Адъ, XVIII, 34. 112. XIX, 12, 22.
[913]) Ibid. XX, 11—24. XXII, 16. XXIII, 60.

съ раздвоенными туловищами и разрозненными членами [914]). Фальшивые монетчики, извратители словъ и т. д., клеветники и лжецы совершенно произвольно терзаются дьяволами, такъ какъ и сами они не уважали закона при жизни [915]). Измѣнники, люди грѣшившіе противъ правилъ общей и личной любви, находятся въ ледяномъ озерѣ, и тѣ, что всего болѣе ненавидѣли другъ друга при жизни, всего тѣснѣе прижаты одинъ къ другому [916]). Ниже всѣхъ находится воплощенный принципъ зла, Люциферъ, съ тремя лицами; въ одномъ изъ этихъ образовъ онъ сокрушаетъ человѣка, предавшаго Христа, въ двухъ же остальныхъ измѣнника дѣлу имперіи [917]). Люциферъ—повелитель ада; все зло произошло отъ него и возвращается къ нему. Поэтому-то у него три лица: одно темное, другое красное, третье наполовину желтое, наполовину бѣлое. Въ этомъ обстоятельствѣ по справедливости видѣли контрастъ съ Троицею или даже связь съ тремя главными видами караемыхъ грѣховъ.

Среди другихъ частностей ада слѣдуетъ въ особенности остановиться на употребленіи миѳологическихъ представленій Грековъ и Римлянъ. Дантъ почти всецѣло воспользовался ими и руководился въ данномъ случаѣ извѣстнымъ правиломъ средневѣковаго христіанства, которое видѣло въ нихъ не одно только созданіе фантазіи, а лживое пониманіе реальныхъ истинъ [918]). Поэтому-то въ дантовомъ аду языческія божества и герои снова возстаютъ въ образѣ демоновъ и имѣютъ тоже значеніе, какъ и превратившіеся въ дьяволовъ, павшіе ангелы. Поэтъ, не стѣсняясь, выводитъ Харона въ качествѣ перевозчика, Миноса, какъ адскаго судью. Точно также и всѣмъ остальнымъ кругамъ даетъ онъ въ представители миѳологическіе образы, которые къ тому уже имѣютъ и соотвѣтствующій аллегорическій смыслъ. Церберъ является представителемъ круга чревоугодниковъ; Плутонъ—круга скупыхъ и расточительныхъ, Флегій—гнѣвныхъ. Три фуріи являются, наряду съ павшими ангелами, стражами настоящаго адскаго города, гдѣ находятся люди, грѣшившіе насиліемъ и обманомъ. Миноталръ предводительствуетъ, въ особенности, людьми грѣшившими насиліемъ; Кентавры караютъ тѣхъ, кто угнеталъ ближняго: гарпіи, какъ

---

[914]) Ibid. XXIV, 82. XXVI, 4. XXVIII, 35.
[915]) Ibid. XXIX, 68.
[916]) Ibid. XXXVII, 48.
[917]) Ibid. XXXIV.
[918]) См. Piper, Mythologie der christlichen Kunst. Томъ I. отдѣлъ I, стр. 254 и слѣд.

символы укоровъ совѣсти, терзаютъ самоубійцъ; Геріонъ сталъ вождемъ круга обманщиковъ и остается скрытымъ, въ то время, какъ остальные всегда видимы. Разница, замѣчаемая нами въ употребленіи, которое дѣлаетъ Дантъ изъ первоначально языческихъ и библейскихъ демоновъ, заключается въ томъ, что для наказанія самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ, обманщиковъ, онъ пользуется только послѣдними и выставляетъ ихъ въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ первыхъ. Но даже помимо этого спеціальнаго примѣра, Дантъ всюду и всегда относится къ миѳологіи, какъ къ чему-то реальному, живому, и пользуется ею съ тою же свободою, съ которою пользуется и другими историческими фактами и личностями. Лучшій и убѣдительнѣйшій примѣръ подобнаго отношенія къ дѣлу представляетъ девятая пѣснь, гдѣ онъ влагаетъ въ уста ангела, спустившагося съ неба для укрощенія демоновъ, миѳъ о нисхожденіи Геркулеса въ подземный міръ [919]).

Подобное же употребленіе дѣлаетъ онъ и изъ языческаго представленія о Хроносѣ и адскихъ рѣкахъ, разсмотрѣніемъ котораго можетъ завершиться картина ада и его строенія. И здѣсь мы встрѣчаемся съ полнѣйшимъ синкретизмомъ языческихъ и библейскихъ элементовъ. На островѣ Критѣ, гдѣ нѣкогда властвовалъ Сатурнъ, стоитъ фигура старца; голова у него золотая, грудь и руки серебряныя, нижняя часть живота изъ мѣди, все остальное желѣзное, кромѣ правой ноги, созданной изъ обожженной глины. Спину онъ обратилъ къ Даміеттѣ въ Египтѣ, лицо—къ Риму. Всѣ названныя части тѣла, кромѣ головы, имѣютъ трещины, изъ которыхъ струятся слезы и, соединившись, текутъ въ адскую пропасть. Тамъ онѣ образуютъ четыре адскія рѣки, Ахеронъ, Стиксъ, Флегетонъ и Коцитъ [920]). Ахеронъ составляетъ верхнюю границу ада; между нимъ и Стиксомъ находятся грѣшившіе невоздержностью: Стиксъ отдѣляетъ ихъ отъ настоящаго адскаго города, гдѣ наказуются еретики, обманщики и тѣ, что грѣшили насиліемъ; послѣдніе особенно окружены Флегетономъ; въ самое нисшее пространство изливается Коцитъ и, замерзая, образуетъ ледяное озеро, мѣстопребываніе измѣнниковъ [921]). Этотъ образъ старца очевидно скомпонованъ изъ языческаго миѳа о Хроносѣ и изъ сказанія о видѣніи Навуходоносора [922]); поэтъ дѣлаетъ изъ всего этого по истинѣ оригинальное

[919]) Адъ, IX, 98.

[920]) Адъ, XIV, 94—120.

[921]) Адъ, III, 78. VII, 106. XII, 47. XIV, 76. 130. XXXII. 23. 35. XXXIII. 156. XXXIV, 52.

[922]) Даніилъ, II, 31.

примѣненіе, которое еще разъ озаряетъ новымъ свѣтомъ уже знакомую намъ, его систему. Образъ старца обозначаетъ собою государство, золото, серебро, мѣдь, желѣзо соотвѣтствуютъ извѣстнымъ четыремъ вѣкамъ, глиняная правая нога означаетъ испорченность текущаго столѣтія [923]) трещины — возрастающую грѣховность современности, слезы—горе и грѣховность, накопленныя человѣчествомъ; онѣ превращаются весьма остроумнымъ способомъ въ адскія рѣки, омывающія различные виды грѣшниковъ или же служащія, подобно Стиксу и Коциту, собственно для наказанія ихъ. Островъ Критъ выбранъ потому, что онъ служилъ колыбелью Юпитеру, всегда бывшему въ глазахъ нашего поэта символомъ справедливости, т. е. имперіи. Старецъ устремилъ взоры къ Риму, вокругъ котораго должно бы сосредоточиться все развитіе исторіи; это было для него какъ-бы зеркаломъ, потому что въ немъ отражалось, даже слишкомъ ясно, его собственное распаденіе [924]). И такъ, мы видимъ, что адъ со всѣмъ, что въ немъ содержалось, составленъ изъ разнороднѣйшихъ элементовъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ вліяніемъ Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго, съ воззрѣніями нѣмецкаго, каноническаго и римскаго права; съ языческими миѳами и вѣрованіями, перемѣшанными съ христіанскими; съ языческимъ подземнымъ міромъ, превращеннымъ отчасти въ христіанскій адъ,—причемъ всюду индивидуальность поэта творитъ вполнѣ свободно въ предѣлахъ догмата.

Болѣе точное изученіе Чистилища вскорѣ покажетъ намъ значительное уклоненіе дѣйствующихъ въ немъ принциповъ и представленій отъ тѣхъ, которые участвовали въ созиданіи и оживленіи ада. Есть, правда, внѣшнее сходство, искусныя аналогіи, но тѣмъ не менѣе поэтъ связанъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ въ Чистилищѣ. Самостоятельная индивидуальность его была значительно болѣе стѣснена здѣсь извѣстными предположеніями и правилами, узаконенными церковью и схоластикою, чѣмъ въ Аду, уже по той причинѣ, что здѣсь поэтъ играетъ активную роль, въ то время, какъ тамъ его роль была чисто-пассивною. Дантово Чистилище является символомъ покаянія и очищенія павшаго человѣка; относительно этого вопроса церковь установила твердыя правила, въ то время, какъ относительно ада она не дала почти никакихъ разъясненій, кромѣ указаній на вѣчность каръ.

---

[923]) Слич. въ Gesta Romanorum, нѣмец. изд. Грессе, „о св. Даніилѣ, увидавшемъ статую“ (вторая половина, стр. 218). Даміетта и Римъ указываютъ на ходъ исторіи съ востока на западъ.

[924]) См. Ruth, Studien, стр. 152.

И такъ, поэту· приходилось соединять и примирять это ученіе съ своими поэтическими и дидактическими цѣлями.

Внѣшнее сходство Чистилища и Ада бросается въ глаза. И тутъ, и тамъ въ распредѣленіи мѣста дѣйствія господствуетъ число три; въ обоихъ случаяхъ мы видимъ три большіе круга—преддверіе Чистилища, само мѣсто очищенія и земной рай. И тутъ, и тамъ эти три большіе круга распадаются на девять отдѣленій, изъ которыхъ послѣднее образуетъ земной рай. Первый кругъ составляетъ мѣсто-пребываніе людей медлительныхъ, словомъ тѣхъ, что по разнымъ причинамъ медлили своимъ раскаяніемъ и покаяніемъ; со второго до восьмого круга мы встрѣчаемъ тѣхъ, которые грѣшили однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, и грѣхи эти слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: гордость, зависть, гнѣвъ, лѣность, скупость, чревоугодіе, чувственность. Такъ было предписано церковью; таковы были главныя категоріи грѣховъ, которыя священникъ дѣлалъ основаніемъ исповѣди, и съ которыми мы встрѣчаемся во всѣхъ Зерцалахъ покаянія и руководствахъ къ исповѣди. Отступить отъ этого Дантъ не могъ, въ то время, какъ грѣхи, караемые его адомъ, классифицировались имъ по внушеніямъ его собственной природы, его чувства справедливости. Другое несходство во внѣшнемъ строеніи ада и чистилища заключается въ томъ, что первый изображалъ собою опрокинутый, второй прямо стоящій конусъ; тамъ круги съуживались, здѣсь они расширяются; тамъ по мѣрѣ движенія впередъ попадались все болѣе тяжкіе, здѣсь же болѣе легкіе грѣхи; тамъ чувственность являлась первымъ, здѣсь послѣднимъ грѣхомъ; тамъ число грѣшниковъ уменьшалось вмѣстѣ съ съуживавшимся пространствомъ, здѣсь оно увеличивается вмѣстѣ съ расширяющимся конусомъ. Вмѣсто грозной надписи ада здѣсь свѣтятся привѣтливыя звѣзды; вмѣсто суроваго Харона лучезарный ангелъ перевозитъ здѣсь души къ горному побережью; въ то время, какъ въ аду онѣ воютъ и изрыгаютъ проклятія, здѣсь онѣ поютъ хвалебные гимны; въ то время, какъ тамъ возсѣдаетъ и судитъ неумолимый Миносъ, здѣсь охраняетъ входъ и ободряетъ колеблющіяся души Катонъ; тамъ адскій городъ охранялся фуріями и злыми ангелами, у воротъ же мѣста очищенія сидитъ исповѣдникъ покаянія, прощаетъ кающемуся, сраженному грѣшнику его грѣхи и отворяетъ передъ нимъ врата покаянія, всегда ведущія къ Богу; тамъ, гдѣ находится ледяное озеро съ Люциферомъ и предателями, помѣщается здѣсь земной рай, съ древомъ жизни и Летою, покрывающею забвеніемъ всѣ совершенные, но искупленные грѣхи.

Остановимся на мгновеніе на личности Катона. Онъ причинилъ толко-

вателямъ Данта не мало хлопотъ благодаря той роли, которая ему отведена, и надо сознаться, что этотъ произволъ поэта, единственный дѣйствительно поразительный во всемъ Чистилищѣ, остается для насъ непонятнымъ. Катонъ младшій, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ, какъ извѣстно, самоубійцей; мотивомъ его поступка было желаніе не пережить конца республики, не попасть во власть ея и своего врага, Цезаря. На основаніи руководящихъ воззрѣній Данта, Катонъ, наравнѣ съ Брутомъ и Кассіемъ, какъ противниками Цезаря, фактическаго основателя имперіи, долженъ былъ бы, по мнѣнію многихъ, находиться въ самой глубинѣ ада, еслибъ осужденіе не коснулось его уже какъ самоубійцы. Оба мнѣнія основываются на предположеніи повидимому вѣрномъ. Катонъ не предалъ Цезаря, что составляетъ весьма существеное различіе, но былъ его противникомъ; если Дантъ не заставляетъ его поплатиться за это, то изъ этого только слѣдуетъ, что онъ не былъ фанатикомъ: ничего иного изъ этого нельзя вывести. Законъ христіанской морали положительнѣйшимъ образомъ осуждаетъ самоубійство, и уже Августинъ строго порицалъ поступокъ Катона и относилъ его къ гордости, въ то время, какъ Римляне, вообще не считавшіе самоубійство преступленіемъ, превозносили этотъ самый поступокъ [925]). Чѣмъ же достигъ Катонъ этого отличія, столь же противорѣчившаго, повидимому, и Дантовой религіи и его политикѣ? Какъ извѣстно, Катонъ пользовался еще въ древности почти всеобщимъ признаніемъ даже со стороны своихъ политическихъ противниковъ. Съ этимъ вполнѣ соглашаются Цицеронъ и Саллюстій, Горацій и Августъ, не говоря уже о Луканѣ, который постоянно возвращался къ нему съ похвалою и мнѣніе котораго имѣло, какъ извѣстно, большое значеніе для Данта. Но окончательно культъ, которымъ онъ окружаетъ Катона, сложился благодаря авторитету Виргилія. Въ Энеидѣ, въ описаніи подземнаго міра, Катонъ выступаетъ чѣмъ-то въ родѣ судьи [926]), и этого обстоятельства было для Данта достаточно, чтобы сдѣлать изъ Катона нѣчто, выходящее изъ ряду вонъ. Катонъ находился нѣкогда въ аду, былъ освобожденъ оттуда Христомъ и попалъ на небо [927]). Онъ является здѣсь стражемъ Горы очищенія, представителемъ истинной свободы, которую человѣкъ утра-

[925]) См. Августинъ. De civitate Dei, I. 18. Cicero, De fine. III, 28. Tacitu Hist. II, 49. Rein, Röm. Strafrecht, стр. 883.

[926]) Энеида, VI: „Secretosque pios his dantem jura Catonem".

[927]) Чистилище, I. 75.

чиваетъ вслѣдствіе грѣха, и которую можетъ снова возвратить себѣ только раскаяньемъ и покаяніемъ; этою свободою пользовались въ значительной степени первые люди [928]) и она заключается въ безпрепятственномъ развитіи четырехъ основныхъ добродѣтелей. Подобно тому, какъ Катонъ пожертвовалъ своей жизнью ради свободы [929]), такъ и здѣсь слѣдуетъ стремиться къ освобожденію духа, забывая все остальное, и поэтому, по мнѣнію Данта, Катонъ является по праву аллегорическимъ стражемъ горы. Разныя мѣста изъ Монархіи и Пира освѣщаютъ бѣглымъ свѣтомъ этотъ взглядъ Данта на Катона. Въ Монархіи онъ уже говоритъ о Катонѣ, который для того чтобы воспламенить міръ свободолюбіемъ, показалъ намъ высокую цѣну свободы и предпочелъ разстаться съ жизнью, чѣмъ оставаться въ ней долѣе безъ свободы [930]). Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «О высокоблаженная грудь Катона, кто осмѣлится говорить о тебѣ? По истинѣ почетнѣе нельзя помянуть тебя, какъ молчаніемъ, чтобы не сказать слишкомъ мало [931])!». Уже одно восклицаніе это связано съ взглядами Данта на римскую исторію. Для него Катонъ является однимъ изъ избраннѣйшихъ орудій, посредствомъ которыхъ Божественный Промыселъ властвовалъ въ римскомъ государствѣ, и онъ ставитъ его рядомъ съ Фабриціемъ, Регуломъ и друг. [932]). Онъ вспоминаетъ, какъ Катонъ вѣрилъ, что родился не для себя, а для родины и вселенной [933]). Онъ видитъ черты личной аристократіи, аристократіи добродѣтели, оживляющей Катона чрезъ всѣ четыре поры человѣческой жизни [934]), т. е. онъ видитъ въ немъ совершеннаго человѣка. Ему поэтому нетрудно изобразить въ одной изъ своихъ аллегорій возвращеніе души къ Богу въ видѣ возвращенія Марціи къ Катону. И какой смертный человѣкъ могъ достойнѣе Катона уподобиться Богу? спрашиваетъ онъ. «Конечно, ни одинъ» [935]). Остается еще вспомнить стоицизмъ Катона, хорошо извѣстный поэту, его безпристрастную жизнь въ духѣ истины и справедливости [636]), и тогда мы получимъ всѣ черты, способныя освѣтить темный фонъ, на которомъ выдѣляется

---

928) Ibid. I, 23.
929) Ibid. I, 71—74.
930) Monarchia, lib. II.
931) Convito, IV, 5.
932) Ibid.
933) Ibid. гл. 27.
934) Ibid. гл. 28.
935) Convito, гл. 28.
936) Ibid. гл. 6.

образъ Катона. Это отличіе, выпавшее на долю послѣднему изъ Римлянъ, можетъ по прежнему казаться намъ актомъ произвола, но нѣтъ недостатка въ средствахъ для его объясненія и для разрѣшенія кроющагося въ немъ, повидимому, противорѣчія. Оставивъ въ сторонѣ отношенія обоихъ къ имперіи, между Катономъ и Дантомъ существовало внутреннее сродство, жажда справедливости, неподкупное сознаніе права, предпочтеніе простыхъ, суровыхъ въ нравственномъ отношеніи эпохъ, и эта общая имъ черта, лучше многаго другого объясняетъ, быть можетъ то отличіе, которое выпало на долю Катона [937]).

Дантъ не преминулъ изобразить и мотивировать тотъ принципъ, который положенъ въ основу покаяній въ чистилищѣ. Принципъ этотъ, какъ мы уже сказали, былъ строго церковный; схоластика уже упрочила его; Дантъ опирается въ своихъ построеніяхъ на Ѳому Аквинскаго, не отказываясь, однако, при дальнѣйшемъ развитіи представленія о семи смертныхъ грѣхахъ вполнѣ отъ всякой самостоятельности. Любовь естественная и духовная, говоритъ онъ, наполняетъ всю вселенную. Естественная любовь свободна отъ заблужденій, духовная-же напротивъ доступна имъ. Она можетъ заблуждаться вслѣдствіе избытка или недостатка силы, стремиться къ истинно хорошему или къ кажущемуся и такимъ образомъ она становится корнемъ добродѣтели или порока. Бога и себя невозможно не любить, т. е. не ненавидѣть, и вслѣдствіе этого, или человѣкъ любитъ изъ гордости то, что приноситъ вредъ ближнему, потому что надѣется получить отличіе чрезъ его угнетеніе; или изъ зависти, потому что онъ боится понести ущербъ вслѣдствіе успѣха ближняго; или наконецъ изъ гнѣва, потому что онъ хочетъ повредить ему местью за мнимое оскорбленіе. Или же человѣкъ слишкомъ мало любитъ истинно-хорошее изъ лѣни; или онъ любитъ видимыя, земныя блага слишкомъ сильно, изъ скупости, чревоугодія, отсутствія цѣломудрія. Теорія эта отличается отъ положеній Ѳомы Аквинскаго главнымъ образомъ тѣмъ, что Дантъ относитъ гордость къ числу влеченій, проистекающихъ изъ страданій ближняго, изъ которыхъ человѣкъ надѣется извлечь добро для себя,—въ то время, какъ Ѳома относитъ ее къ числу влеченій къ обманчивымъ благамъ [938]). Поэтъ можетъ

---

[937]) Ср. Gustav Wolff: Cato der Jüngere bei Dante, во второмъ томѣ Jahrbuch der deutschen Dantegesellschaft, стр 225—232.

[938]) Чистил. XVII, 85—139. Ѳома Аквин., Summa Theol., I, qu. 78—89, II, I, qu. 6—28. 84. Срав. также комментарій Philalethes къ этому мѣсту и его очеркъ психологіи Ѳомы.

по справедливости считаться въ этомъ случаѣ болѣе тонкимъ психологомъ.

Виды покаяній также въ значительной степени разнятся отъ видовъ наказаній въ аду. Во первыхъ, по самой сущности вопроса, послѣднія вѣчны, въ чистилищѣ же, напротивъ, онѣ преходящи. Въ аду цѣлью является само наказаніе; покаяніе же имѣетъ въ виду очищеніе. Тамъ дѣйствительныя, реальныя кары терзаютъ одушевленныя тѣни осужденныхъ; здѣсь наказанія бываютъ отчасти духовнаго свойства; тамъ наказаніе заключается въ соотвѣтствующемъ продолженіи грѣха; покаяніе же—наполовину противоположнаго свойства. Осужденные вѣчно остаются въ первоначально отведенномъ имъ кругу или подкружьи; кающіеся же подвигаются изъ одного въ другой, пропускаютъ даже многіе, смотря по тому, провинились ли они тѣмъ или другимъ грѣхомъ. Они умерли съ раскаяніемъ; осужденные же—безъ раскаянья, подъ гнѣвомъ божьимъ. Здѣсь снова проявляется изобрѣтательная сила поэта. Люди медлительные, обитатели преддверія Чистилища, наказуются тѣмъ, что, смотря по продолжительности своего медлительнаго образа дѣйствій должны, болѣе или менѣе долгое время, выжидать съ своимъ раскаяніемъ на землѣ, пока будутъ допущены къ настоящему покаянію. Въ этомъ кругу находятся, поэтому, такія души, которыя грѣшили то тѣмъ, то другимъ смертнымъ грѣхомъ, въ большей или меньшей степени и онѣ раздѣляются только по свойству своей медлительности. Подвергшіеся церковному отлученію, пребываютъ въ преддверіи чистилища въ тридцать разъ долѣе, чѣмъ продолжалось это отлученіе[939]). Кто изъ лѣни отсрочивалъ покаяніе до смертнаго часа[940]), долженъ выжидать такъ же долго, какъ онъ промедлилъ. Тотъ, кто откладывалъ покаяніе до насильственнаго конца своего, выжидаетъ столько же, сколько жилъ[941]). Кто отсрочивалъ его за государственными дѣлами, ждетъ въ продолженіе двухъ человѣческихъ жизней[942]). И такъ, наказаніе людей медлительныхъ чисто-духовное и заключается въ отсрочкѣ возможности созерцать Божество[943]). Среди этихъ опредѣленій поэтъ вращается опять вполнѣ свободно, точно также, какъ и при установленіи покаяній за семь смертныхъ грѣховъ. Виды покаянія были столь же непрочно установлены

939) Чистилище, III, 136.
940) Ibid. IV, 130.
941) Чистилище, V.
942) Ibid. VII.
943) Ibid. V, 56.

церковью, какъ и виды адскихъ каръ или четыре категоріи людей медлительныхъ. Чтоже касается семи видовъ покаянія, то между ними надо различать тѣ, которые были однородны съ совершоннымъ грѣхомъ, и тѣ, которые вполнѣ противоположны ему или же вмѣщаютъ въ себѣ и то, и другое свойство. Люди гордые придавлены къ землѣ обломками скалъ, подобно каріатидамъ; у людей завистливыхъ глаза закрѣплены желѣзною проволокою, чтобы лишить ихъ возможности наслаждаться свѣтомъ, который они охотно отняли бы у всѣхъ на землѣ; всѣ они мирно сидятъ другъ около друга и взаимно подпираютъ одинъ другого плечами. Люди гнѣвные сидятъ въ темномъ гадкомъ дыму, который омрачаетъ все вокругъ нихъ, и между ними господствуетъ полнѣйшее согласіе. Люди лѣнивые ревностно бѣгаютъ; скупые лежатъ ничкомъ на землѣ; чревоугодники тощи и согбенны, и страдаютъ голодомъ и жаждою; люди нецѣломудренные горятъ невыразимо пылкимъ и ножирающимъ пламенемъ[944]). Когда очистится какая нибудь душа вполнѣ, тогда потрясается гора и громко раздаются слова: «слава въ вышнихъ Богу»[945]).

Въ описаніи рая, напротивъ того, поэту дается полная свобода, и онъ пользуется ею именно въ тѣхъ частностяхъ, по отношенію къ которымъ былъ связанъ въ чистилищѣ. Здѣсь мы опять находимъ девять круговъ, какъ и въ двухъ предшествующихъ царствахъ, девять подвижныхъ небесъ, и кромѣ нихъ еще эмпирей, но этимъ на первый взглядъ и прекращается сходство. Въ сущности эмпирей вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ блаженныхъ людей, которыхъ мы видимъ въ различныхъ кругахъ, и противорѣчіе, такимъ образомъ, тутъ только кажущееся. Распредѣленіе блаженныхъ по звѣздному міру придумано поэтомъ не только для того, чтобы представить нашему слабому взору различныя степени блаженства, — но, конечно, и для того, чтобы получить просторъ для эпическаго, наглядnаго развитія мысли. Если же это ничто иное, какъ поэтическая уловка, то нельзя по крайней мѣрѣ отрицать, что она и удачна, и нова. Такимъ же самостоятельнымъ является и распредѣленіе блаженныхъ людей по различнымъ звѣздамъ; всюду замѣчается преднамѣренность, система. Даже въ народныхъ описаніяхъ рая говорится о семи небесахъ, но при этомъ имѣются въ виду лишь различіе степеней блаженства; до систематическаго распредѣленія и осязательной наглядности они не доходятъ; точно также и мистика и схоластика

---

944) Ibid. X, XIII, XVI, XVII, XIX, XXII, XXV.
945) Ibid. XXI, 58. XX. 136.

ограничились тѣмъ, что намѣтили въ общихъ чертахъ различіе въ степени блаженства. Правда, что и народныя представленія признаютъ извѣстныя группы блаженныхъ, но распредѣленіе—чисто-внѣшнее и различныя степени ничѣмъ не мотивированы. Онѣ говорятъ о дѣвахъ, мученикахъ, духовникахъ и т. д., но не выходятъ изъ предѣловъ формальной классификаціи.

Напротивъ того, Дантъ придерживается строгаго принципа или системы. Устанавливая девять видовъ блаженныхъ людей (о двухъ послѣднихъ мы пока не будемъ говорить), онъ предполагаетъ общія всѣмъ заслуги, дѣлаетъ большую или меньшую степень совершенства на землѣ основою ихъ большаго или меньшаго блаженства и, исходя отъ этой оцѣнки, назначаетъ имъ мѣстомъ пребыванія звѣзду, болѣе близкую или болѣе отдаленную отъ Бога. Высшее совершенство состоитъ въ полной преданности Божеству, въ отреченіи отъ всего земного, въ созерцательной жизни; самая меньшая степень совершенства заключается въ выборѣ созерцательной жизни и въ отреченіи отъ нея, хотя бы даже невольномъ.

Такимъ образомъ связаны между собою первый и седьмой кругъ. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ въ первомъ кругу монахинь, которыя, уступивъ силѣ обстоятельствъ, нарушили свой обѣтъ. Во второмъ видимъ мы всѣхъ, кто въ добрыхъ своихъ поступкахъ слишкомъ допускалъ вліяніе стремленій своихъ къ мірскимъ почестямъ и отличіямъ. Въ третьемъ находятся люди, которые, обладая основными качествами, слишкомъ много власти придали чувственной любви. Четвертый обнимаетъ собою учителей божественной мудрости; пятый—борцовъ за дѣло Христово, мучениковъ и распятыхъ страдальцевъ; шестой — справедливыхъ властителей; седьмой — святыхъ, предающихся созерцанію. Звѣзда каждаго изъ этихъ круговъ соотвѣтствуетъ особенности появляющихся въ немъ блаженныхъ людей. Луна, наиболѣе медлительная изо всѣхъ сферъ, являющаяся въ большей части своихъ фазисовъ эмблемою несовершенства, недостаточности [946]), даетъ пріютъ всѣмъ земнородным, которые вслѣдствіе невольно нарушеннаго обѣта стали несовершенными; Меркурій, являющійся также несовершенною звѣздой, такъ какъ солнце затмѣваетъ его своими лучами, даетъ убѣжище жаждущимъ славы; Венера—тѣмъ душамъ, которыя допустили чувственной любви захватить слишкомъ много власти надъ собой; солнце, являющееся у Данта постоянно символомъ божественнаго

[946]) Рай, IV, 82.

свѣта, укрываетъ у себя наставниковъ богословія; Марсъ—мучениковъ и крестныхъ страдальцевъ; Юпитеръ, символъ справедливости,—справедливыхъ правителей; Сатурнъ, символъ золотого вѣка,—созерцателей. Такимъ образомъ планеты наглядно воплощаютъ различныя группы блаженныхъ людей; но поэтъ знаетъ еще двѣ степени избраннѣйшаго блаженства, олицетворяемаго Маріей, апостолами вмѣстѣ съ Адамомъ и ангелами. Первые появляются въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ, вторые—въ Primum mobile; и тутъ также нельзя не подмѣтить весьма тонкихъ соотношеній. Въ первыхъ сосредоточиваются основныя черты ветхаго и новаго завѣта; во вторыхъ непосредственное руководство всѣми подвижными небесами.

Если мы присмотримся къ различнымъ видамъ блаженства, то вся разница въ степени его заключается въ болѣе или менѣе ясномъ созерцаніи Божества, въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ нимъ и любви къ нему [947]). Но, не смотря на эту разницу, мы не видимъ нигдѣ недовольства, такъ какъ надъ всѣмъ господствуетъ, всѣхъ наполняетъ счастьемъ стремленіе любить Бога превыше всего, и любить ближняго, какъ себя. Въ волѣ Бога заключается миръ спасенныхъ, и ихъ блаженство [948]).

Это изображеніе блаженнаго состоянія опирается отчасти на Ѳому Аквинскаго, но еще болѣе на Hugo St. Victor; часто оно только повторяетъ то, что было уже сказано послѣднимъ по поводу занимающаго насъ вопроса [949]). За то громадная изобрѣтательность и созидающая сила поэта проявляется во всемъ блескѣ и богатствѣ своемъ при описаніи состоянія, появленія и всѣхъ своеобразностей блаженныхъ людей; присущій ему даръ идеализаціи обнаруживается здѣсь во всемъ своемъ объемѣ, и онъ твердо и успѣшно возстаетъ противъ ходячихъ, грубыхъ изображеній небесныхъ радостей [950]).

Если мы еще разъ зорко присмотримся къ изслѣдованіямъ, предпринимавшимся относительно изображенія сверхчувственнаго міра у Данта и его обращенія съ христіанскою миѳологіею, то прежде всего у насъ сложится весьма важное наблюденіе. Оно касается именно эстетической формы, въ которую онъ облекаетъ свои созданія. Въ ея изяществѣ мы усматриваемъ важное преимущество его

---

947) Рай, IV 82.

948) Ibid.

949) См. Hugo von St. Viktor. Erudit. Theol. de sacramento fidei. Lib. II. pars. 18, cap. 20, Instit. mon. De anima, III, 15. Также комментаріи Philalethes въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

950) Рай, IV, 40.

поэмы передъ всѣми остальными подобными же попытками. Если мы возвращаемся постоянно къ греческой миѳологіи съ чувствомъ одинаковаго удовлетворенія, то только благодаря эстетической законченности, которую тонкій вкусъ Грековъ придалъ своимъ богамъ, своему Олимпу. Народная христіанская миѳологія создала, правда, нѣкоторые отдѣльные эстетическіе образы, но въ общемъ охотно придерживалась некрасивыхъ и искаженныхъ изображеній. Божественная Комедія съ блестящимъ уснѣхомъ возстаетъ противъ этого недостатка, и тотъ, кто захотѣлъ бы оцѣнить поэтическія заслуги поэмы, долженъ начать свое изслѣдованіе именно съ этой ея стороны.

5.

Странствованія по аду. Виргилій. Стацій. Земной рай. Беатриче. Мистическій принципъ.

Дантъ стоитъ передъ вратами ада, какъ человѣкъ заблудившійся, павшій, но тѣмъ не менѣе во время помилованный и спасенный. Чтобъ спасти его не было другого пути, какъ только показать ему вѣчныя судилища [951]); онъ долженъ увидѣть зло во всей его наготѣ и со всѣми его страшными послѣдствіями, для того чтобы съ рѣшимостью и выдержкою схватиться за поданную ему руку помощи. Поэтому образъ дѣйствій поэта въ аду скорѣе пассивный, чѣмъ активный, болѣе созерцательный и подвластный, чѣмъ самоопредѣляющійся [952]), но все-таки не въ такой степени, чтобы заставить умолкнуть его индивидуальность. Онъ никогда не отрекается отъ человѣка въ виду всѣхъ ужасовъ, его обступающихъ. Онъ сочувствуетъ грѣшникамъ первыхъ семи круговъ, даже тѣмъ, кто не былъ лично близокъ ему, Франческѣ ди Римини, точно также, какъ и Фаринатѣ и Петру де Винеа, Брунетто Латини—не менѣе Альдобранди Рустичи и Гвидогверра, хотя всѣ они находятся подъ гнѣвомъ Божьимъ [953]). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что личныя отношенія или уваженіе и сходство политическихъ убѣжденій вы-

---

[951]) Чистилище, I, 59. XXX, 136.

[952]) Адъ, XII, 21:

„Ma viensi per veder le vostre pene".

[953]) Адъ, V, 116. XIII, 84. XV, 79. XVI, 52.

зываютъ его сочувствіе. Только люди гнѣвные, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, возбуждаютъ въ немъ отвращеніе и радость при видѣ наказанія ихъ [954]). Иное замѣчаемъ мы, когда Дантъ вступаетъ въ восьмой кругъ, кругъ обманщиковъ. Здѣсь исчезаетъ въ немъ состраданіе, участіе; это тотъ грѣхъ, который всего болѣе противенъ его природѣ, всего глубже оскорбляетъ въ немъ чувство справедливости [955]). Онъ напрягаетъ все свое искусство, чтобы описать мученія обманщиковъ, и не скрываетъ своей антипатіи къ нимъ. Если въ предшествовавшихъ кругахъ онъ былъ робокъ и сдержанъ, то теперь онъ жадно ищетъ случая видѣть грѣшниковъ, говорить съ ними, и самъ тѣснится впередъ, въ то время, какъ прежде его тѣснили. Въ особенности громко высказываетъ онъ свою вражду къ симонистамъ [956]); съ видимымъ удовольствіемъ описываетъ онъ положеніе взяточниковъ, и не пренебрегаетъ даже комическими эффектами [957]); онъ сдружается со змѣями, потому что онѣ терзаютъ закоснѣлаго грабителя церкви [958]). Еще раздражительнѣе относится онъ къ предателямъ. Онъ доходитъ до того, что употребляетъ шутливыя выраженія, несмотря на окружающіе его ужасы; для того, чтобы заставить говорить подобнаго осужденнаго, онъ прибѣгаетъ къ хитрости и обѣщаетъ ему оживить на землѣ позоръ его врага [959]); относительно другого предателя онъ самъ даже употребляетъ какъ бы плутовскую уловку, такъ какъ не сдерживаетъ обѣщаніе, которое далъ ему, чтобы заставить его

---

954) Ахъ, VIII, 37.

955) Единственное исключеніе видимъ мы въ 29 пѣснѣ, ст. 12, въ виду.

956) Ахъ, XIX, 1:

O Simon mago o miseri seguaci,
Che le cose di Dio, che di bontate,
Deono esser spose, voi rapaci
Per oro e per argento, adulterate;
Or convien che per voi suoni la tromba,
Perochè nella terza bolgia state.

957) Ахъ, XXII, 118.

958) Ахъ, XXV, 4:

„Da indi in qua mi fur le serpi amiche"

959) O tu che mostri per si bestial segno
Odio sopra colui cui tu ti mangi,
Dimmi il perchè, diss'io, per tal convegno
Che se tu a ragion di lui ti piangi,
Sappiendo che voi siste, e la sua pecca
Nel mondo suso io te ne cangi,
Se quella con ch'io parlo non si secca.

нарушить молчаніе [960]). Такимъ образомъ эта черта даетъ новое подтвержденіе нашему объясненію принципа уголовнаго права, которымъ управляется адъ.

Посмотримъ теперь, каковъ образъ дѣйствій Виргилія въ аду, и соотвѣтствуетъ ли онъ въ частностяхъ нашему прежнему общему объясненію его роли [961]). Виргилій хорошо знакомъ со всѣми подробностями ада; онъ знаетъ настоящую и будущую судьбу осужденныхъ, испытываетъ глубокое отвращеніе ко всѣмъ грѣхамъ, проповѣдуетъ начала нравственности [962]), объясняетъ подраздѣленіе ада, категоріи грѣховъ по Аристотелю; бѣсы невластны надъ нимъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ духа преступности [963]). Не слѣдуетъ также забывать, что его прежнее безсознательное предчувствіе приближенія Спасителя превратилось теперь въ ясное сознаніе уже наступившаго исполненія; онъ знаетъ Беатриче въ ея аллегорическомъ значеніи, [964]) часто ссылается на волю Бога, имя котораго, правда, никогда не произноситъ, а всегда только перифразируетъ, такъ какъ оно слишкомъ священно для центра зла. Что касается препятствій, которыя онъ долженъ побороть на своемъ пути, то всюду въ первомъ большомъ кругу онъ обходится своею собственною силою, гдѣ нужно усмирить такихъ демоновъ, какъ Харона, Цербера, Плутона и Флегія. Относительно же стражи при входѣ въ адскій городъ сила его недостаточна. Три фуріи и злые ангелы не хотятъ впустить въ городъ живого Данта; ангелъ долженъ спуститься съ неба и проложить путь двумъ странникамъ [965]). Адскій городъ вмѣщаетъ въ себѣ грѣхи, происходящіе не изъ слабости человѣческой природы, а изъ заносчивости духа, изъ злоупотребленія умствен-

---

[960]) Адъ, XXXIII, 149:

„Aprimi gli occhj: ed io non gliele apersi,
E cortesia fu lui esser villano."

[961]) Ср. Ruth, Studien, стр. 203 и слѣд.

[962]) Адъ, VII, 70:

E quegli a me: O creature sciocche,
Quanta ignoranza è quella che vi offende!
Or vo che tu mia sentenza ne imbocche; etc.

[963]) Адъ, XII.

[964]) Адъ, XII, 76:

«O donna di virtu, sola per cui
L umana specie eccede ogni contento
Da quel ciel, che ha minor li cerchi sui etc.

[965]) Адъ, VIII, XIX.

ными дарованіями, противъ котораго простой разумъ безсиленъ [965]). Изъ этого хотѣли вывести заключеніе, будто Виргилій изображаетъ вообще разумъ, такъ какъ онъ здѣсь такъ опредѣленно противопоставленъ высшей божественной силѣ. Толкованіе это отнюдь не противорѣчитъ нашему собственному. Мы также считаемъ Виргилія символомъ высшей силы разума, отличительнымъ признакомъ котораго является, однако, познаніе мірового строя, искони Богомъ предопредѣленнаго, т. е., имперіи, существовавшей еще до христіанства; поэтому мы охотнѣе называемъ его символомъ политическаго порядка, блаженства земной жизни, такъ какъ это представленіе заключаетъ въ себѣ и первое; первое же не охватываетъ послѣдняго представленія, по крайней мѣрѣ, какъ понималъ его Дантъ. Такимъ образомъ уясняется само собою, что Виргилій во всѣхъ случаяхъ выступаетъ представителемъ обыкновеннаго разума, человѣческаго разумѣнія вообще.

Но особенно важно для насъ помнить тѣ моменты, которые бросаютъ свѣтъ на политическій характеръ Виргилія. Мы прежде всего укажемъ на отрицательную черту отношеній Виргилія къ политикѣ. Мы видѣли, что Дантъ по возможности рѣзко отдѣляетъ церковь отъ государства. Точно также относится и Виргилій къ тѣмъ грѣхамъ, которые скорѣе оскорбляютъ догматъ церкви, чѣмъ принципы государства. Такъ, напримѣръ, онъ не обращаетъ никакого вниманія на еретиковъ, хотя между ними находится даже одинъ императоръ, Фридрихъ II; за то онъ выказываетъ большое сочувствіе къ эпикурейцу Фаринатѣ, потому что его грѣхъ не былъ исключительно христіанскимъ, да и самъ грѣшникъ къ тому же былъ приверженцемъ имперіи. Съ самого начала принимаетъ онъ положеніе прямо и преимущественно склоняющееся въ пользу интересовъ имперіи. Мы уже прежде высказали свой взглядъ по поводу содержанія первыхъ пѣсней. Въ лимбѣ Виргилій называетъ Данту среди многихъ душъ почти только тѣ, которыя оказали услуги при основаніи имперіи и римскаго государства [966]). Онъ ссылается на свою предшествующую миссію въ нисшіе круги ада, на заклинаніе волшебницы Эрихѳои, съ цѣлью вызвать изъ ада, въ интересахъ будущей имперіи, одного

---

[965]) Не слѣдуетъ разумѣть этого мѣста такъ, какъ будто Виргилій не понимаетъ тѣхъ грѣховъ; онъ только недостаточно могущественъ для того, чтобы справиться съ злыми ангелами и фуріями. Они противятся высшему человѣческому разумѣнію, но должны уступить божественному.

[966]) Адъ, IV, 118—126.

изъ солдатъ Помпея; Помпей же былъ противникомъ Цезаря, и воинъ этотъ долженъ засвидѣтельствовать гибель Помпея [967]).

Столь же характерно и то, что въ кругу чиновниковъ-взяточниковъ его обманываютъ приставленные къ нимъ демоны [968]). Точно также является не случайною подробностью, что онъ съ одной стороны такъ радуется нападкамъ Данта на симонію и симонистическихъ папъ, главнымъ образомъ поколебавшихъ предопредѣленный Провидѣніемъ политическій строй и подрывшихся подъ него [969]),а съ другой стороны указываетъ и на вырожденіе духовенства, причиненное скупостью [970]), такъ какъ для удовлетворенія этой скупости оно должно было прибѣгать къ средствамъ, вредившимъ названному политическому строю. Равнымъ образомъ онъ всюду съ особымъ сочувствіемъ указываетъ на справедливость, которая, какъ намъ уже извѣстно, была основою имперіи. Всѣ эти замѣчанія могутъ служить характеристикою нашего общаго взгляда на Виргилія [971]).

Въ Чистилищѣ Дантъ является въ эпическомъ ходѣ поэмы уже скорѣе дѣйствующимъ лицемъ. Въ аду онъ получилъ полное познаніе зла, грѣха, и рѣшимость возвратиться на истинный путь и исправиться. Все развитіе этой части поэмы опирается на догматъ церкви и движется впередъ, руководясь ея обычными воззрѣніями. Индивидуальность поэта стушевывается здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ аду, и тамъ, гдѣ она проявляется, это не имѣетъ непосредственной связи съ самимъ дѣйствіемъ, а происходитъ какъ-то между прочимъ, при чемъ зачастую далеко не эпическимъ образомъ прерывается само дѣйствіе. Это всего разительнѣе видно въ шестой пѣсни, въ несравненномъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ изліяніи патріотическаго горя поэта [972]). Съ самоуничиженія начинается актъ очищенія; послѣдній остатокъ тумана, застилавшаго его глаза вслѣдствіе соприкосновенія со зломъ, исчезаетъ, и его свободное сознаніе устремляетъ его теперь къ измѣненію образа мыслей и къ покаянію [973]). Утраченная имъ свобода духа должна быть снова завоевана.

Сначала онъ самъ склоненъ къ нерѣшительности, очутившись въ кругу

---

[967]) Адъ, IX 22—29.
[968]) Адъ, XXIII, 34.
[969]) Ibid. XIX, 43. 121.
[970]) Ibid. VII, 41.
[971]) Я укажу здѣсь на сочиненіе др. Іог. Іакоба. Die Bedeutung der Führer Dante's in der Divina Comedia, Virgil, Beatrice, St. Bernhard. Leipz. 1874, хотя и не всюду съ нимъ согласенъ.
[972]) Чистилище, VI, 76.
[973]) Ibid. I.

медлительныхъ, но послѣ укора со стороны Катона [974]), твердость его воли проявляется; горизонтъ его ума расширяется, [975]) и съ любопытствомъ устремляетъ онъ свои взоры на вершину Горы Очищенія. Вмѣстѣ съ движеніемъ впередъ увеличивается и его сила, и усталость все болѣе покидаетъ его. Странствованіе по первому кругу олицетворяетъ собою, по словамъ схоластики, еще неполное обращеніе. Настоящаго оправданія самъ человѣкъ себѣ дать не можетъ; для этого необходимо вмѣшательство милосердія, которое нисходитъ къ нему въ образѣ видѣнія и съ помощью Лючіи, безъ его содѣйствія перенесшей его на порогъ настоящаго чистилища [976]). У входа въ него сидитъ исповѣдникъ кающихся, и въ бесѣдѣ съ нимъ символически совершается во всѣхъ частностяхъ церковное таинство покаянія, въ томъ видѣ, какъ его съ величайшей точностью и научною дедукціею установила схоластика [977]). Очищеніе и покаяніе начинаются лишь послѣ прощенія, и покаяніе также изображается аллегорически въ видѣ странствія по семи кругамъ и послѣдовательнаго уничтоженія семи буквъ *P*, которыя исповѣдникъ начерталъ на его лбу [978]). Отъ круга до круга поэтъ чувствуетъ все новое и новое облегченіе; удовольствіе отъ восхожденія все увеличивается. Послѣ обхода каждаго круга появляется ангелъ и стираетъ одно *P* съ его чела и каждый разъ ангелъ становится лучезарнѣе, свѣтлѣе. Послѣ каждаго пройденнаго круга поэту провозглашаютъ одно изъ восьми блаженствъ. Такъ и Ѳома Аквинскій выдаетъ ихъ за ступени, по которымъ человѣкъ достигаетъ высшаго состоянія блаженства. Самую тяжкую борьбу приходится поэту выдерживать въ послѣднемъ кругу, въ кругу нечистыхъ, именно

---

[974]) Чистилище, II, 118:

Noi andavam tutti fissi ed attenti
Alle sue note, ed ecco il veglio onesto,
Gridando: che è ciò, spiriti lenti?
Qual negligenza, quale stare è questo?
Correte al monte a spogliarsi lo scoglio,
Ch'esser non lascia a voi Dio manifesta.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что Катонъ былъ символомъ твердой рѣшимости устранить всѣ препятствія съ пути освобожденія духа отъ грѣха, не боящейся никакой жертвы ради достиженія этой цѣли.

[975]) Чистил. III, 12:

La mente mia, che prima era ristretta,
Lo intento rallargò, si come vaga, etc.

[976]) Ibid. IX; см. выше стр. 334 прим. 835 и 836

[977]) Ibid. IX, 76.

[978]) Подъ этимъ подразумѣваются семь смертныхъ грѣховъ (Peccata).

борьбу съ пыломъ чувственности, и только убѣжденія Виргилія и воспоминаніе о Беатриче поддерживаютъ въ немъ мужество и выдержку, вплоть до той поры, когда и здѣсь раздастся возгласъ: Блаженны чистые сердцемъ! Этимъ выражается освобожденіе отъ грѣха, и спасеннаго ждетъ уже обѣщанная награда высшаго блаженства—созерцаніе Бога.

На одной изъ многихъ своеобразностей художественно-аллегорическаго олицетворенія очищенія необходимо здѣсь остановиться съ особымъ вниманіемъ. Отдѣльные круги чистилища не имѣютъ живыхъ символовъ, подобно кругамъ ада; поэтъ выражаетъ ихъ содержаніе образами и голосами, и этимъ путемъ воскрешаются въ памяти кающагося или блестящіе примѣры добродѣтели, составляющіе контрастъ съ искупленнымъ грѣхомъ, или страшные примѣры самого грѣха. Но не столько на это обстоятельство хотимъ мы обратить вниманіе читателя, сколько на самый выборъ примѣровъ въ обоихъ родахъ. Обыкновенное число примѣровъ—три, иногда два, только однажды встрѣчается ихъ много [979]). Здѣсь мы прежде всего видимъ, что въ примѣрахъ добродѣтели поэтъ устанавливаетъ совершенно опредѣленно возвращающіяся категоріи. Семь разъ Дѣва Марія приводится образцомъ въ каждой изъ добродѣтелей, противопоставленныхъ семи смертнымъ грѣхамъ, семь разъ повторяются увѣщанія къ добродѣтели или примѣры ея изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; семь разъ примѣры добродѣтели, заимствованные изъ древней исторіи Грековъ и Римлянъ. Послѣднее обстоятельство вытекаетъ у Данта вообще изъ принятаго имъ безграничнаго смѣшенія языческаго развитія съ христіанствомъ. Но нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ тѣсно связаны вмѣстѣ съ тѣмъ и съ его политическою системою и его извѣстнымъ уже намъ взглядомъ на римскую исторію. Въ пятомъ кругу, въ числѣ примѣровъ рвенія къ добру, онъ называетъ Цезаря непосредственно послѣ дѣвы Маріи; въ числѣ контрастовъ скаредности, опять непосредственно рядомъ съ Дѣвой Маріею, Фабриція; среди примѣровъ умѣренности, рядомъ съ Маріею и Даніиломъ—древнихъ Римлянъ. Мы уже прежде видѣли, [980]) что онъ относитъ Фабриція къ тѣмъ явленіямъ, которыми желалъ бы оказать предопредѣленный Богомъ характеръ римской исторіи; сопо-

---

[979]) Изъ устрашающихъ примѣровъ avarizia, скупости, алчности, Данте называетъ семь, такъ какъ въ числѣ ихъ подразумѣваются и расточители, да къ тому же, по его нравственнымъ воззрѣніямъ, какъ мы уже говорили раньше, этотъ порокъ самый распространенный и гибельный.

[980]) Смотри выше, третій отдѣлъ, стр. 250.

ставленіе Маріи съ Цезаремъ, какъ образецъ рвенія къ добру, онъ объясняетъ тутъ-же; какъ Марія поспѣшно шла по горѣ, такъ-же поспѣшно шелъ и Цезарь, чтобы разбить Помпеянъ при Илердѣ и упрочить свое торжество, т. е., по смыслу, придаваемому ему Дантомъ, имперію [981]). Эти два мѣста, какъ намъ кажется, весьма убѣдительно подтверждаютъ наше толкованіе основной мысли и тенденціи Божественной Комедіи. Здѣсь идетъ рѣчь не о разсужденіяхъ; тенденція видна въ самомъ замыслѣ и организмѣ поэмы и указываетъ на непосредственную связь между имперіею и христіанствомъ; рвеніе, съ которымъ Марія шла на встрѣчу вѣсти о своемъ назначеніи стать матерью Спасителя, сопоставлено съ рвеніемъ Цезаря сдѣлаться основателемъ имперіи. Между устрашающими примѣрами грѣха также бросаются въ глаза три группы, изъ которыхъ одна принадлежитъ Ветхому, другая Новому Завѣту, третья же языческой миѳологіи, употребляемой здѣсь, какъ и въ Аду, на основаніи одинаковаго предположенія ея исторической истины, но только не въ реальной формѣ, а въ формѣ образовъ и голосовъ.

Виргилій выступаетъ въ чистилищѣ далеко не такъ самостоятельно, какъ въ аду. Причина этого кроется въ самой сущности дѣла: здѣсь идетъ рѣчь о пути, найти который безъ содѣйствія свѣта христіанства не можетъ даже высшее человѣческое разумѣніе. Поэтому-то въ Чистилищѣ поэтъ останавливается именно на томъ моментѣ сказаній о Виргиліѣ, который дѣлаетъ изъ него пророка христіанства, при чемъ роль руководителя отодвигается на второй планъ. Виргилій всюду намекаетъ на существованіе чего-то, что выше его разумѣнія; онъ знаетъ, что политическій строй вселенной, символомъ котораго онъ является въ силу этого разумѣнія, долженъ быть лишь основою царства небеснаго. Поэтому онъ уже не тотъ надежный вождь, какимъ былъ въ аду; тѣмъ не менѣе, Дантъ не можетъ взойти на гору безъ него, сдѣлать первый шагъ къ исправленію [982]), — т. е., всѣ сокровища церковнаго милосердія недостаточны, если политическій строй не направитъ вмѣстѣ съ тѣмъ силы человѣка къ

[981]) Чистилище, XVIII, 100:

Maria corse con fretta alla montagna:
E Cesare, per soggiogare Ilerda,
Punse Marsilia, e poi corse in Ispagna.

[982]) Чистил., II, 4:

„Io mi ristrinsi alla fida compagna:
E come sare' io senza lui corso?
Chi m'avria tratto su per la montagna?"

духѣ своего предназначенія. Виргилію извѣстно, что Дантъ долженъ совершить восхожденіе на гору, но онъ иногда сбивается съ пути, указываетъ своему любознательному спутнику во многихъ случаяхъ на Беатриче; въ вопросахъ вѣры и догматовъ онъ не можетъ ничего рѣшить или объяснить, какъ самъ онъ говоритъ Данту; пусть подождетъ онъ для этого Беатриче; самъ же Виргилій можетъ сказать ему только то, что доступно разуму [983]). Изъ этого нельзя, однако, вывести заключеніе, что Виргилій изображаетъ разумъ; разумъ составляетъ только предѣлъ его пониманія. Въ силу этого познавательная способность Виргилія подъ конецъ оказывается недостаточною; любознательность Данта все усиливается, и поэтому, когда они вступили въ кругъ скупыхъ, появляется поэтъ Стацій, для пополненія постоянно расширяющагося пробѣла и для удовлетворенія потребности Данта въ высшемъ знаніи. Весьма удачна была мысль вывести римскаго поэта именно въ тотъ моментъ, когда совершилось очищеніе Данта. Правда, что и Стацій, точно такъ же какъ и Виргилій, превращенъ въ миѳическій образъ; и разсказъ о его обращеніи въ христіанство становится тонко-задуманнымъ апоѳеозомъ пѣвца Буколикъ и Энеиды [984]); тѣмъ не менѣе, Дантъ получаетъ въ лицѣ Стація христіанскаго, посвященнаго руководителя. Они продолжаютъ теперь свой путь съ меньшимъ колебаніемъ, потому что къ нимъ приставлена эта благородная душа [985]). Виргилій прямо указываетъ Данту, обуреваемому усиливающеюся жаждою истины, на Стація [986]); но свою роль вождя, охранителя и утѣшителя онъ продолжаетъ до порога земного рая и только тутъ эманципируетъ путника, порученнаго ему Беатриче.

И такъ, Дантъ снова обрѣлъ свободу духа, утраченную имъ вслѣдствіе его грѣховности; воля его теперь независима, здорова, правильна [987]) и должна привести его къ Богу. Это и говоритъ

---

983) Чист., XVIII, 46:

Ed egli a me: Quanto ragion qui vede
Disti poss'io; da indi to t'aspetta
Pure a Beatrice; che opera è di fede.

984) См. выше стр. 332

985) Чистил. XXII, 125:

E prendemmo la via con men sospetto,
Per l'assentir di quell'anima degna.

986) Ibid. XXV, 28:

Ma perchè dentro a tuo voler t'adage
Ecco qui Stazio: ed io lui chiamo e prego
Chè fia or sanator delle tue piage.

987) Чистил., XXVII, 140:

Libero, drittio, e sano è tuo arbitrio

ему Виргилій въ своей прощальной рѣчи. Онъ уже не можетъ самъ вести его далѣе; они прибыли теперь къ такому мѣсту, гдѣ онъ самъ, одними своими силами, не въ состояніи ничего распознать; пусть Данть возьметъ себѣ въ руководители собственное желаніе, которое приведетъ его прямо къ Богу [988]), и ошибочно было бы не слѣдовать этому желанію [989]). «Поэтому-то я и даю тебѣ надъ самимъ тобою вѣнецъ и митру», т. е. теперь ты твой собственный императоръ и папа [990]). Этотъ стихъ является послѣднимъ важнымъ свидѣтельствомъ, на которое мы сошлемся для подкрѣпленія нашего взгляда на Виргилія; загадка всей системы Данта, которую онъ создалъ себѣ относительно имперіи и папства, заключается въ этомъ одномъ стихѣ; вся идея Божественной Комедіи въ немъ выражена. Смыслъ словъ, вложенныхъ въ уста Виргилію во время странствій по аду и чистилищу, заключается въ слѣдующемъ: достигни для себя самаго, посредствомъ созерцанія опредѣленій Божьихъ, познанія зла, очищенія и освобожденія отъ грѣха, словомъ, того состоянія, котораго по волѣ Божьей человѣчество должно достигнуть при содѣйствіи имперіи и папства. Одна идея воплотилась въ Виргиліѣ; другая выражена въ лицѣ исповѣдника кающихся, хранителя средствъ къ спасенію. Виргилій привелъ навшаго Данта къ исповѣднику кающихся и сдѣлалъ возможнымъ его избавленіе отъ грѣха и, слѣдовательно, его полное возвращеніе къ Богу, подобно тому, какъ на основаніи доктрины Данта политическій строй имперіи былъ необходимою основою для настоящей дѣятельности церкви, для возвышенія человѣка къ Богу. Данту дано было, вслѣдствіе чрезвычайнаго милосердія, божественнаго просвѣтленія и руководства, самостоятельно достигнуть общей всѣмъ цѣли [991]);

---

[988]) Ibid, 130:

Tratto t'ho qui con ingegno e con arte:
Lo tuo piacere omai prendi per duce:
Fuor se'dell 'erte vie, fuor se'dell arte.

[989]) Ibid 139:

E fallo fora non fare a suo senno.

[990]) Ibid. 142:

Perch'io te sopra te corono e mitrio.

[991]) Ср. De Monarchia, III въ концѣ (l. c., 3, 1, p. 196): Et cum ad hunc portum (обоихъвидовъ блаженства) vel nulli, vel pauci et ii cum difficultate nimi pervenire possint, nisi sedatis fluctibus blandae cupiditatis, genus humanum liberum in pacis tranquillitate quiescat etc.—Еще яснѣе и достойнѣе вниманія слѣдующее мѣсто (l. c. III, cap. 4, p. 101): Praeterea, quum ista regimin (имперія и папство) sint hominum directiva in quondam fines, ut infra patebit, si homo stetisset in statu innocentiae, in quo a Deo facta, est, talibus directivi non indiguisset. Sunt ergo hujusmodi regimina remedia contra infirmitatem peccati.

онъ не нуждается, поэтому, болѣе ни въ императорѣ, ни въ папѣ [992]).

Земной рай долженъ, безъ сомнѣнія, изобразить вообще идеальное состояніе человѣчества, какимъ мы узнали его изъ взглядовъ поэта; онъ долженъ показать намъ человѣка въ состояніи невинности, до его грѣхопаденія, и блаженство земной жизни [993]). Въ частности-же, и въ особенности для Данта, онъ является символомъ совершеннѣйшаго стремленія воли человѣка къ добру, способности его воспринимать божественное откровеніе и подчиняться его вліянію; онъ является важнѣйшимъ условіемъ его нравственнаго подъема, его соединенія съ Богомъ. Этимъ объясняется появленіе Беатриче, представительницы и наставницы блаженства вѣчной жизни; являясь здѣсь въ образѣ совершеннѣйшаго милосердія, она лишаетъ его послѣднихъ слѣдовъ грѣха, пробуждаетъ въ немъ полное сознаніе его прежняго состоянія и наконецъ даетъ ему возможность проникнуть въ глубочайшія ученія и тайны откровенія. Съ Дантомъ уже произошло очищеніе, но сознаніе прежней грѣховности еще смущаетъ добытый имъ душевный міръ; грѣхи совершонные имъ по нерадѣнію еще тяготѣютъ надъ нимъ и замедляютъ порывъ его къ Богу. Съ трудомъ вѣрится—а между тѣмъ это совершенная истина—что эта высокопоэтическая, превосходная сцена земного рая возведена на схоластической основѣ. Та исповѣдь, съ которою Дантъ обращается къ Беатриче, идетъ совершенно сообразно съ предписаніями или воззрѣніями православнаго богословія,—она является третьимъ видомъ покаянія, который считается необходимымъ для полнаго очищенія, забвенія прежней грѣховности, абсолютнаго примиренія съ Богомъ и непосредственнаго устремленія къ Богу, вслѣдствіе чего слетаетъ прахъ съ золота достигнутой невинности [994]). Даже источникъ

---

[992]) Въ новѣйшее время мое толкованіе настоящаго мѣста вызвало возраженіе со стороны Пивера (Evangel. Kalender, 1865, стр. 66, примѣч. 5); оно нетолько не убѣдило меня, но, послѣ неоднократнаго обсужденія, я рѣшился остаться при прежнемъ моемъ мнѣніи.

[993]) Монархія, III, гл. 16, стр. 137: Duo igitur fines Providentia illa inenarrabilis homini proposuit intendendos: beatitudinem scilicet hujus vitae, quae in operatione propriae consistit et per terrestrem Paradisum figuratur; et beatitudinem vitae, quae consistit in fructione divini aspectus, ad quam propria virtus ascendere non potest, nisi lumine divino adjuta, quae per Paradisum celestem intelligi datur.—Ad hos quidem beatitudines, velut ad diversas conclusiones, per diversa media venire oportet. Nam ad primam per philosophica documenta venimus, dummodo illa sequamur, secundum virtutes morales et intellectuales operando etc.—Слич. въ особенности съ этимъ мѣстомъ только что приведенное выше мѣсто изъ 4-й главы 3-ей книги Монархіи.

[994]) По Ѳомѣ Аквинскому, существуетъ три вида покаянія: первое при кре-

Eunoe, снова пробуждающій воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ, совершонныхъ до грѣха, является уже какъ бы указаннымъ въ богословіи,—подобно тому какъ поэтъ нашелъ основной, реальный мотивъ указаннымъ и для образа Леты,[995])которая удаляетъ изъ памяти всѣ совершонныя человѣкомъ дурныя дѣла. Только благодаря этому заб-

---

щеніи, второе при отпущеніи смертныхъ грѣховъ, третье при отпущеніи грѣховъ, совершонныхъ по нерадѣнію„quae remittuntur per aliquem ferventemactum haritatis"Эта мысль объяснена въ другомъ мѣстѣ еще благонріятнѣе для нашихъ цѣлей: отпущеніе названныхъ грѣховъ требуетъ живого чувства недовольства со стороны согрѣвшаго: „puta cum aliquis hoc modo fertur secundum affectum in Deum et res divinas, ut quidquid sibi occurreret, quod eum ab hoc motu retardaret, dispiceret ei et doleret se comisisse, etiam si actu de illo non cogitaret." Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: Non autem per quodlibet praedictorum tollitur semper totus reatus poenae; qnia sic qui esset totus immunis a peccato mortali,aspersus aqua benedicta,statim evolaret и т. д. Summa, III, 84—116.

995) Относительно трудно объяснимаго появленія Матильды (Чист. 28, 40. 31. 92. 33, 119), которая приводитъ просвѣтленнаго Данта къ Беатриче, ср. статью Скартаццини въ 4 томѣ Iahrbuch der deutschen Dantegesellschaft, стр. 410 и слѣд., и его комментаріи къ Divina Comedia (II стр. 615 и слѣд.), гдѣ дѣлается попытка новаго толкованія, приводится вмѣстѣ съ тѣмъ относящаяся сюда литература и подвергаются критикѣ различныя мнѣнія. Вполнѣ достовѣрно тутъ только то, что древнѣйшее толкованіе, видѣвшее въ Матильдѣ знаменитую пріятельницу папы Григорія VII, не можетъ быть долѣе удержано. Точно также нельзя больше оспаривать и то мнѣніе, что на Матильду слѣдуетъ смотрѣть, нетолько какъ на аллегорію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на реальное существо, которое находилось въ какихъ-бы то ни было отношеніяхъ къ Беатриче и Данту. Скартаццини хочетъ, далѣе усмотрѣть реальную сторону Матильды въ dona dello schermo Новой жизни, идеальную же-аллегорическую—въ ея значеніи,какъ представительницы духовнаго сана, священническаго авторитета, въ то время, какъ прежде ее понимали большею частью, какъ символъ дѣятельной жизни (въ противоположность Беатриче, символу жизни созерцательной). Вопросъ трудный: тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что Скартаццини посчастливилось въ первой половинѣ его объяснительной попытки, хотя нѣкоторыя сомнѣнія все еще остаются; вторая половина его толкованій, касающаяся аллегорическаго значенія Матильды, показалась мнѣ менѣе убѣдительною, хотя нѣкоторыя изъ указанныхъ имъ чертъ вполнѣ точны. Tertium comparationis въ этой части его доказательствъ кажется мнѣ недостаточно уясненнымъ,и чтобы именно женщина была выбрана какъ символъ священническаго авторитета, представляется мнѣ, даже еслибъ дѣло шло о первичномъ воплощеніи его, также ненормальнымъ. Поэтому я все еще держусь того мнѣнія, что аллегорическая Матильда находится въ соотвѣтствующемъ отношеніи къ аллегорической Беатриче, и что поэтому всего точнѣе будетъ видѣть въ ней активную жизнь; къ ней всего лучше приложимы, по собственному выраженію Данта, и четыре нравственныя добродѣтели (см. выше прим. 993),и слово soletta примѣняется къ нимъ ничуть не хуже,чѣмъ къ авторитету или сану,священства, которое, какъ мнѣ кажется, проявляетъ настоящую дѣятельность ужъ никакъ не въ уединеніи. Я нисколько не выдаю, однако, моего мнѣнія за непогрѣшимое и хорошо знаю, что мои доказательства далеко не исчерпываютъ вопроса. По этой причинѣ я и отнесъ его въ примѣчаніе.

венію грѣха становится возможною полная внутренняя гармонія, пареніе души къ Богу, зрѣлый плодъ созерцанія, пониманіе ученія и тайнъ откровенія.

Но всего прекраснѣе является въ этомъ отношеніи, на нашъ взглядъ та комбинація, въ которой послѣднее покаяніе поэта составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и примиреніе его съ Беатриче въ ея реальномъ и идеальномъ значеніи. Земной рай становится апоѳеозомъ милой ему женщины, изъ свѣтлыхъ временъ его юности, исполненіемъ того обѣщанія, которое онъ далъ въ концѣ Новой Жизни [996]). Какъ могли найтись люди, которые въ Беатриче Божественной Комедіи усматривали лишь пустую аллегорію или безжизненную идею? Уже въ Новой Жизни она является вполнѣ реальною, символомъ совершенной преданности Богу, жизни въ немъ. Поэтому ее и называютъ тамъ числомъ девять, «чудомъ, корень и происхожденіе котораго заключается всецѣло въ чудодѣйственной Троицѣ.» Въ этой комбинаціи появляется она снова въ Божественной Комедіи, какъ просвѣтленная милая Данта, и какъ аллегорія блаженства вѣчной жизни; она выступаетъ такъ, начиная съ самой первой минуты, когда спускается къ Виргилію въ адъ, для того чтобы прислать избавителя своему заблудившемуся милому, и удерживая это значеніе вплоть до эмпирея и до того мгновенья, когда она обращаетъ къ Данту свой послѣдній улыбающійся взглядъ [997]) и складываетъ руки въ молитвѣ о прочномъ успѣхѣ его возвращенія къ Богу [998]). Онъ видитъ ее тогда въ сіяніи, превосходящемъ всѣ остальные моменты ея просвѣтленія, «начиная съ того дня, когда онъ впервые увидалъ на землѣ ея черты» [999]). Въ этомъ сохраненіи реальныхъ и идеальныхъ чертъ, изъ которыхъ составленъ въ поэмѣ образъ Беатриче, заключается безконечная прелесть, которая какъ бы распростра-

---

[996]) См. выше II, 2, стр. 79 и 80.

[997]) Рай, XXXI, 91:

Cosi orai; e quella sì lontana,
Come parea, sorrise e riguardommi;
Poi si tornò all'eterna fontana.

[998]) Ibid. XXXIII, 38:

Vedi Beatrice con quanti Beati
Per li miei prieghi ti chiudon le mani.

[999]) Ibid. XXX, 28:

Dal primo giorno ch'io vidi il suo viso
In questa vita, insino a questa vista,
Non m'è 'l seguire al mio cantar preciso

няетъ свое очарованіе на пройденныя уже части пути и дѣлаетъ изъ милой Данта ту невидимую, живую силу, которая увлекаетъ павшаго поэта чрезъ всѣ ужасы ада и всѣ покаянія чистилища, и самое имя которой даетъ ему возможность побѣдоносно выдержать послѣднюю тяжкую борьбу между его чувственной и духовной природой; на эту силу мы находимъ неоднократныя указанія во всѣхъ сомнѣніяхъ и вопросахъ, рѣшить которые не въ состояніи Виргилій; чтобы мы ни думали объ аллегоріи вообще, но въ настоящемъ случаѣ съ нею примирился бы даже самый строгій художественный критикъ. Оба образа, идеальный и реальный, заключаются, но не разрѣшаются одинъ въ другомъ. Достаточно имѣть не много фантазіи и весьма мало произвола, чтобы представить ихъ себѣ обособленными и все-таки соединенными. Символъ является какъ бы тончайшею линіею, которую одинъ и тотъ же художникъ съумѣлъ явно для всѣхъ ввести въ менѣе утонченную черту. Въ этомъ сочетаніи мы признаемъ одинъ изъ самыхъ художественныхъ штриховъ Божественной Комедіи; не слѣдуетъ только забывать, что поэтъ не хотѣлъ возсоздавать образы святыхъ, признанныхъ церковью, или установить авторитетъ вѣскій и для посторонняго лица, а желалъ только прославить свою любовь въ той области, гдѣ лично онъ такъ сильно ощутилъ ея могущество. Всю естественность и художественность этой комбинаціи всего лучше понялъ, быть можетъ, Рафаэль, который, если я не обманываюсь окончательно, безъ сомнѣнія вспомнилъ о дантовой Беатриче въ своемъ извѣстномъ аллегорическомъ воплощеніи богословія.

Сцена земного рая распадается на двѣ части. Первая, чисто личнаго свойства, посвящена завершенію оправданія и примиренію поэта съ Беатриче; вторая отличается характеромъ универсальности и служитъ политическимъ и реформаторскимъ тенденціямъ Божественной Комедіи. Поэтому можно по справедливости назвать эту сцену какъ бы узломъ поэмы, такъ какъ два основные элемента, проникающіе и поддерживающіе все цѣлое, личный и общій, идея и тенденція выступаютъ въ ней по очереди. Но обѣ части связаны между собою; въ первой изображено торжественное шествіе Христа, сопровождаемаго чистымъ Божественнымъ ученіемъ, основаніе церкви, Ветхій и Новый Завѣтъ, наконецъ самъ сынъ Божій; все, что пріятно освѣжаетъ взоры и поднимаетъ духъ, все сліяніе небесъ окружаетъ колесницу церкви, на которой движется впередъ Беатриче для окончательнаго обращенія Данта къ Богу [1000]); вторая часть,

[1000]) Ср. письмо Данта къ итальянскимъ кардиналамъ (Opere Min. 3, 2, стр. 260). Vos equidem, Ecclesiae militantis veluti primi prepositi pili, per manife-

очевидно подражая апокалипсису Іоанна, проводитъ передъ нами въ быстрой смѣнѣ чудесныхъ образовъ исторію церкви, ея связь съ имперіею, ослабленіе и расхищеніе послѣдней церковью, ея вырожденіе и мірскія стремленія [1001]); объяснительницей этихъ явленій выступаетъ Беатриче, предсказывающая кару выродившейся церкви и многократно, съ особенною настойчивостью, повелѣвающая Данту повѣдать міру то, что онъ увидѣлъ [1002]),—и это повелѣніе является новымъ доказательствомъ въ пользу указанной нами основной мысли Божественной Комедіи. Въ то время, какъ въ Новой Жизни поэтъ съ умысломъ ставитъ Беатриче вдали отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ, отъ судебъ государства и церкви, здѣсь, и въ теченіе всего небеснаго рая, она непосредственно приближается къ дѣламъ этимъ. Такова характеристическая перемѣна, происшедшая съ нею. Пассивная роль, которая ей отведена въ юношескомъ произведеніи поэта почти вплоть до конца, замѣнилась теперь активною; тамъ она имѣла значенье явленія, повліявшаго на поэта,—здѣсь же она высоко важна по самой сущности своей, и въ силу ея она становится ревностною обвинительницей государства и церкви въ постигшей ихъ порчѣ, происшедшей главнымъ образомъ изъ непониманія ихъ идеальныхъ свойствъ и злоупотребленія ими.

Послѣ погруженія въ Лету Дантъ пріобрѣтаетъ способность вознестись къ звѣздамъ, т. е. еще болѣе углубиться въ блаженное состояніе созерцанія божественнаго ученія и высочайшихъ тайнъ откровенія. Со времени паденія покрова съ Беатриче Виргилій исчезъ, путеводительницей поэта становится отнынѣ Беатриче; она поведетъ его къ Богу, къ созерцанію Бога. Эпическое развитіе въ Раю отличается чрезвычайно утонченною тканью; тонкая золотая

---

stam orbitum Crucifixi cursum Sponsae regere negligentes, non aliter quam falsus auriga Phaeton exorbitastis et, quorum sequentem gregem per saltus peregrinationis hujus illustrare intererat, ipsum una vobiscum ad praecipitium traduxistis. Nec ad imitandum recenseo vobis exempla, quum dorsa, non vultus ad Sponsae vehiculum habentis, etc.

[1001]) Срав. Скартаццини, Dante's Vision im irdischen Paradiese und die biblische Apocalyptik.

[1002]) Чистилище, XXXII, 103.

Però in pro del mondo che mal vive,
Al carro tieni or gli occhj, e quel che vedi
Ritornato di là, fa che tu scrive.

Тамъ же, XXXIII, 52.

Tu nota; e, sì come da me son porte
Così queste parole segna ai vivi
Del viver ch'è un correre alla morte.

нить сдерживаетъ вмѣстѣ и явленія и догматическія объясненія, появляющіяся въ послѣдовательномъ порядкѣ, иногда почти переставая быть замѣтною. Главною задачей здѣсь является воплощеніе внутреннихъ, духовныхъ эволюцій. Развитіе темы и здѣсь, какъ и въ Чистилищѣ, идетъ въ области схоластическихъ доктринъ, и конечное созерцаніе тріединаго Божества соображено съ ихъ-же законами. Поэтъ объ-руку съ своей путеводительницей узнаетъ сначала законы движенія вселенной, силу дѣятельности небесныхъ тѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причину ихъ разнородности [1003]); затѣмъ ему разъясняется состояніе блаженныхъ людей, свойства и различія ихъ блаженства [1004]); съ этимъ связана теорія сущности и значенія свободной воли, теорія, которая ставитъ условія заслугъ человѣка и небесныхъ наградъ; [1005]) за этими поученіями слѣдуетъ разсказъ о паденіи первыхъ людей и о средствахъ къ ихъ спасенію, объ основаніи государства и объ искупленіи [1006]). Грѣховность человѣческой природы находитъ свое объясненіе въ теоріи сотворенія человѣка, въ разнородныхъ способахъ возникновенія различныхъ существъ и въ предопредѣленномъ Богомъ несходствѣ между людьми [1007]). Съ этимъ связано обсужденіе способовъ спасенія человѣка и теоріи предопредѣленія [1008]). Условіемъ истиннаго блаженства являются три христіанскія добродѣтели, которыя тутъ-же и разъясняются [1009]). За этимъ слѣдуетъ ученіе объ ангелахъ [1010]) и наконецъ созерцаніе Троицы и воплощенія [1011]). Отъ звѣзды къ звѣздѣ образъ Беатриче становится все лучезарнѣе, Дантъ—все любознательнѣе; Беатриче находитъ отвѣтъ на всѣ его разспросы въ то время, какъ самъ онъ еще часто заблуждается; отъ звѣзды къ звѣздѣ они восходятъ все легче, такъ какъ въ немъ ростетъ познаніе и совершенствованіе. Послѣ странствія по семи кругамъ планетъ онъ бросаетъ взглядъ на землю и она кажется ему такою ничтожною, что онъ улыбается при видѣ жалкаго зрѣлища [1012]). Не по случай-

1003) Рай, I, 103; II, 112.
1004) Рай, III, 70. IV, 28.
1005) Ibid. IV, 73. V, 19.
1006) Ibid. VI.
1007) Ibid. VII, 124. VIII, 96. XIII, 36.
1008) Ibid. XIX, 40. XX, 94. XXI, 76.
1009) Ibid. XXIV—XXVII.
1010) Ibid. XXVIII, XXIX.
1011) XXXIII.
1012) Рай. XXII. 133:

Col viso ritornai per tutte e quante
Le sette spere, e vidi questo globo
Tal, ch io sorrisi del suo vil sembiante.

ному совпаденію это прощаніе съ землею происходитъ именно послѣ перехода черезъ кругъ Сатурна,—это та звѣзда, гдѣ мы видимъ людей, блаженныхъ въ силу своихъ созерцательныхъ стремленій и полнаго отрѣшенія отъ земли. Это отрѣшеніе отъ земли уже подготовляетъ къ созерцанію Божества; но за нимъ слѣдуетъ еще болѣе дѣйствительное приготовленіе. Появляются Христосъ, Марія, ангелъ Гавріилъ и апостолы, при чемъ лишь первые въ сіяющемъ покровѣ. Вслѣдствіе этого созерцанія ихъ, яснаго—точно въ зеркалѣ—совершается съ Дантомъ перемѣна; умъ его внезапно расширяется, его способность познаванія ростетъ; онъ отнынѣ обновленный человѣкъ [1013]). Теперь онъ уже въ состояніи выдержать передъ тремя изъ оставшихся апостоловъ, Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, испытаніе въ трехъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Послѣ окончанія испытанія зрѣніе его становится острѣе прежняго; сила, по вмѣстѣ съ тѣмъ и жажда познаванія, въ немъ увеличились; Адамъ удовлетворяетъ ее и тогда раздается по всей сферѣ primum mobile громкое аллилуя; этимъ выражается увѣренность въ примиреніи съ Богомъ при помощи вѣры, надежды и любви, и блаженство проистекающее вслѣдствіе этого примиренія [1014]). Самъ Дантъ «видитъ теперь лучше прежняго [1015]),» онъ научается у ангеловъ понимать любовь и вступаетъ наконецъ въ эмпирей, гдѣ всѣ блаженные люди и ангелы дѣйствительно находятся въ непосредственной близости къ Богу. Здѣсь пребываетъ Богъ во всей сущности своего величія; познаніе его, соединеніе души съ нимъ на основаніи принципа мистики и доктринъ схоластики составляетъ цѣль и содержаніе блаженства. Все это было уже шагъ за шагомъ установлено схоластикою и поэтъ слѣдуетъ за нею безъ сопротивленія и склоняетъ свою фантазію передъ нею [1016]). Онъ зритъ собраніе блаженныхъ людей сначала въ видѣ общей картины, вслѣдъ затѣмъ, лишь только началось просвѣтляющее соединеніе душъ вслѣдствіе изліянія «блаженнаго

[1013]) Ibid. XXIII, 40:

Come fuoco di nube si disserra
Per dilatarsi sì, che non vi cape,
E fuor di sua natura in giù s'atterr
La mente mia così, tra quelle dape
Fatta più grande, di se stessa uscio,
E, che si fesse, rimembrar non sape.

[1014]) Рай, XXVII, 7.

[1015]) Ibid. XXVI, 79:

Onde me·che dinanzi vidi poi.

[1016]) Ѳома Аквин., Summa. Pars I, qud. 12. Suppl. P. III. qu. 92.

свѣта», онъ созерцаетъ это уже въ дѣйствительности. Изліяніе свѣта превращается въ бѣлую розу; въ этомъ видѣ искусство представляло себѣ эмпирей еще до Данта. Вплоть до познанія общаго строенія рая Беатриче остается спутницею Данта, послѣ чего она покидаетъ его и занимаетъ свое мѣсто на верху, въ розѣ, рядомъ съ Рахилью; послѣднюю часть руководства принимаетъ на себя вмѣсто нея св. Бернардъ. Обязанность Беатриче кончена; она вывела Данта изъ рабства къ свободѣ [1017]); сдѣлала она это, воплощая въ себѣ совершеннѣйшее милосердіе, являясь проповѣдницей божественнаго знанія, тождественнаго съ вѣрою. Теперь знанію наступилъ конецъ, начинается созерцаніе [1018]), и поэтому то появляется св. Бернардъ, какъ воплощеніе мистики, цѣль которой составляетъ созерцаніе Бога или соединеніе съ нимъ. Но онъ выступаетъ также и какъ другъ дѣвы Маріи, какъ одинъ изъ главныхъ поборниковъ ея культа. Только благодаря лицезрѣнію Маріи становится возможнымъ высшее созерцаніе [1019]). Благодаря этому сложилась прекрасная молитва святыхъ о Дантѣ, въ которой принимаютъ участіе Беатриче и всѣ блаженные люди [1020]). Тогда совершается послѣдняя стадія, именно сознательное созерцаніе Троицы и воплощенія; всѣ стремленія и желанія Данта этимъ разрѣшаются [1021]).

Понятно, что въ этой части поэмы индивидуальность поэта почти совершенно стушевывается въ виду обстановки, въ которой онъ постоянно пребываетъ. Но отъ своей любимой мысли онъ изъ за этого не отказывается; чѣмъ больше онъ сдерживаетъ свое собственное сужденіе и свой гнѣвъ, тѣмъ преднамѣреннѣе и осмотрительнѣе вкладываетъ онъ ихъ въ уста другихъ людей, имъ выводимыхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ему такъ-же близки проклятія, произносимыя противъ враговъ любимаго имъ мірового политическаго строя, неоднократное описаніе этого строя, и параллель между нимъ и искупленіемъ, какъ и радости людей блаженныхъ, догматъ церкви и проч. Онъ внесъ даже въ эмпирей свое воодушевленное сочувствіе

[1017]) Tu ni'hai di servo tratto a libertatə
Per tutte quelle vie, per tutt' i modi,
Che di ciò fare avei la potestate.

[1018]) Рай, XXXII, 1:

Affetto al suo piacer quel contemplante
Libero officio di dottore assunse.

[1019]) Рай, XXXII, 145.

[1020]) Ibid. XXXIII, 1.

[1021]) Ср. въ Convito теорію Данта о созерцательной и дѣятельной жизни (IV, 22)

къ имперіи, ненависть къ Бонифацію и отвращеніе къ флорентинской демократіи.

6.

Выборъ дѣйствующихъ лицъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе лицъ, которыми Дантъ заселилъ адъ, чистилище и рай, лучше всего уяснитъ намъ духъ и тенденцію Божественной Комедіи. Основываясь именно на этомъ выборѣ, многіе укоряли его въ томъ, что его вдохновлялъ будто-бы только слѣпой, страстный духъ гибеллинства, что онъ не руководился иными принципами, а держался только односторонней, пристрастной точки зрѣнія своей партіи. Если выхватить отдѣльныя части изъ всего цѣлаго, то возможность дойти при поверхностномъ наблюденіи до такого вывода станетъ понятна; если же разсмотрѣть весь ходъ поэмы въ послѣдовательной связи, подобное обвиненіе должно разлетѣться въ прахъ. Дантъ дѣйствовалъ здѣсь, какъ и вездѣ, на основаніи опредѣленной системы, и эта система все таже, которая встрѣчается во всѣхъ его произведеніяхъ, и которую онъ дѣлаетъ мѣриломъ для оцѣнки разнороднѣйшихъ предметовъ, именно система его религіознаго и политическаго догмата. Этотъ догматъ руководитъ имъ при выборѣ лицъ и опредѣляетъ ихъ судьбу. Религіозный догматъ его былъ, правда, тотъ самый, что господствовалъ и въ установленной церкви; политическій же догматъ онъ создалъ себѣ самъ; и изъ этого само собою проистекаетъ, что, насколько въ одномъ догматѣ Дантъ являлся сторонникомъ церкви, настолько же онъ удаляется отъ нея въ другомъ. Если онъ повергаетъ поэтому въ адъ или чистилище то или другое лицо, согрѣшившее противъ имперіи, да еще въ томъ видѣ, какъ онъ себѣ ее представлялъ, то это не имѣетъ особаго значенія. Мы не должны, однако, оставить безъ вниманія того обстоятельства, что онъ никогда не приносилъ насильственно религіозный догматъ въ жертву политическому, и весьма искусно находилъ себѣ выходъ всякій разъ, когда оба эти догмата приходили въ столкновеніе. При его намѣреніи воспользоваться поэмою для пропаганды своей системы и для возвѣщенія царства Божія на землѣ, становится вполнѣ понятно, что онъ выводитъ въ ней исключительно личности, извѣстныя въ тѣхъ кругахъ, для ко-

торыхъ онъ преимущественно писалъ, и по своимъ добродѣтелямъ и порокамъ могущія служить образцами ([1022]), онъ хорошо понималъ, какъ отважно было осуждать въ образѣ наиболѣе выдающихся личностей, все поколѣніе еще непосредственно живущее или даже то, что было связано съ живущими тысячью нитями но его пламенное рвеніе и страстное убѣжденіе заставляли его пренебрегать всѣми этими соображеніями; пусть вередитъ себѣ рану тотъ, кому больно станетъ, говоритъ ему его предокъ Каччьягвида [1023]). Поэтому нужно въ особенности замѣтить, что благодаря смѣлой мысли, которую Дантъ положилъ въ основаніе заселенія имъ сверхчувственныхъ міровъ, и въ силу которой онъ заимствовалъ большую часть избранныхъ имъ для этого элементовъ изъ ближайшаго прошлаго, меньшую же часть даже прямо изъ текущей дѣйствительности, поэма отличается отъ всѣхъ остальныхъ произведеній, чье дѣйствіе происходитъ въ тѣхъ же сферахъ, и только въ Аристофановыхъ комедіяхъ мы имѣемъ нѣчто подобное.

Когда мы окинемъ взоромъ упоминаемыхъ Дантомъ обитателей трехъ царствъ, намъ бросятся въ глаза четыре категоріи, изъ которыхъ первая непосредственно согласуется съ міровыми тенденціями поэта, вторая же согласуется съ ними только посредственно и прямо связана съ его патріотизмомъ. Третья вращается исключительно вокругъ судебъ Флоренціи; четвертая—вокругъ разныхъ личныхъ отношеній и обстоятельствъ; третья находится къ первой въ такомъ же отношеніи, какъ и вторая, — и даже четвертая, хотя и менѣе ясно, подчинена тѣмъ же законамъ. Этимъ опредѣляется какъ время, когда жили всѣ эти личности, такъ и національность, къ которой онѣ принадлежали. Имена лицъ первой категоріи принадлежатъ разнымъ странамъ и народностямъ; имена второй—исключительно Италіи; третьей — Флоренціи; имена четвертой же категоріи

[1022]) Рай, XVII, 133:

Questo tuo grido farà come vento
Che le più alte cime più percuote:
E cio non fia d'onor poco argomento.
Però ti son mostrate in queste ruote,
Nel monte e nella valle dolorosa
Pur l'anime che son di fama note:
Che l'animo di quel ch'ode, non posa,
Nè ferma fede per esempio ch'haja
La sua radice incognita e nascosa.

[1023]) Рай, XVII, 129:

E lascia pur grattar dovè la rogna

выходятъ и за предѣлы Италіи. Первая категорія заимствована изъ всей предшествовавшей и современной исторіи; вторая и третья не простираются далѣе двѣнадцатаго столѣтія; четвертая же категорія принадлежитъ современности поэта. Изъ этого уже явствуетъ, что въ общей сложности Итальянцы выставили наибольшій контингентъ. Это было естественно: Италію имѣлъ поэтъ прежде всего въ виду; на Итальянцахъ онъ видѣлъ и изучилъ дѣйствіе того недуга, которымъ, по его мнѣнію, болѣло все человѣчество, и только съ исцѣленіемъ Италіи могло оно снова быть возрождено.

Разсмотримъ прежде всего обитателей ада. Первая же личность, которая предстанетъ передъ нами въ отдѣленіи людей равнодушныхъ, предшественникъ папы Бонифація VIII, папа Целестинъ V [1024]), выведена здѣсь въ силу воззрѣній поэта на папство вообще. Целестинъ отказался отъ папскаго достоинства изъ трусости, чѣмъ, по мнѣнію Данта, если и не совершилъ прямо дурного дѣла, то допустилъ многое дурное, давъ мѣсто Бонифацію VIII. Имена обитателей лимба связаны съ взглядами Данта на язычниковъ и въ особенности на римскую исторію [1025]). Лимбъ пріютилъ у себя тѣхъ язычниковъ, которые грѣшили только невѣденіемъ христіанства, и которыхъ называли поэтому набожными язычниками или не-христіанами. Поэтъ упоминаетъ въ числѣ ихъ, между прочимъ, и такихъ, которые отличались глубоко-нравственнымъ характеромъ и большимъ стремленіемъ къ истинѣ, какъ, напримѣръ, Платона, Аристотеля, Демокрита, Діогена, Анаксагора, Ѳалеса, Эмпедокла, Гераклита, Зенона, Орфея, Ливія, Цицерона, Сенеку, Птоломея, Гиппократа, Гомера, Горація, Овидія и Лукана, словомъ, греческихъ и римскихъ ученыхъ и поэтовъ. Онъ останавливается отчасти на такихъ лицахъ, все значеніе которыхъ заключалось въ ихъ отношеніяхъ къ римскому государству, его основанію и упроченію, и къ римской имперіи [1026]), напримѣръ, на праматери Энея, Электрѣ, дочери Атласа; на Пенѳезилеѣ, пришедшей на помощь предкамъ Римлянъ, Троянцамъ, противъ Грековъ; на Энеѣ, родоначальникѣ римскаго народа;

[1024]) Адъ, Ш, 49:

— — e vioi l'ombra di colui,
Che fece per viltate il gran rifiuto.

(Я, знаю, что многіе иначе понимаютъ ту личность, которая должна быть подразумѣваема въ этихъ строкахъ, но не вижу до сихъ поръ причины измѣнить древнѣйшему толкованію).

[1025]) Адъ, IV.

[1026]) De Monarchia, lib. II; смот. выше стр. 247 и слѣд.

Лавиніи и Латинѣ, суиругѣ и тестѣ его; на старшемъ Брутѣ, на Марціи и Корнеліи; все это имена знаменитыхъ, отчасти заслуженныхъ римскихъ людей. Онъ называетъ также и Цезаря, бывшаго, будто-бы, первымъ римскимъ императоромъ. Но и другіе язычники, даже если они были врагами Троянцевъ, но отличались благородствомъ, какъ напримѣръ, Гекторъ и Камилла, и наконецъ даже Саладинъ, за свою добродѣтель, находятъ мѣсто въ лимбѣ. Въ первомъ большомъ кругѣ главную роль играетъ законъ христіанской морали, и политическій догматъ подчиненъ ему. Преданность роскоши и невоздержность не связаны непосредственно съ идеею государства. Поэтому, не смотря на ея достоинства, указанныя поэтомъ уже раньше, мы видимъ Дидону, вторую жену Энея, вмѣстѣ съ Семирамидою, Клеопатрою, Еленою, Ахиллесомъ, Парисомъ, Тристаномъ, Франческою ди Римини и чревоугодникомъ Чьякко [1027]). Въ третьемъ нижнемъ кругу, у скупыхъ, проявляется, напротивъ того, взлядъ поэта на испорченность церкви, и онъ въ общихъ чертахъ даетъ понять, что въ этомъ кругу находятся преимущественно папы, кардиналы и прочее духовенство [1028]).

Въ кругу людей гнѣвныхъ онъ въ особенности упоминаетъ одного Флорентинца, Филиппо Арденти, Гвельфа, извѣстнаго своимъ бѣшенымъ нравомъ, но называетъ его, навѣрно, скорѣе потому, что онъ былъ у всѣхъ на глазахъ, чѣмъ потому, что онъ былъ Гвельфъ. Личности послѣдующихъ круговъ всего лучше доказываютъ, что поэтъ не руководился узкою точкой зрѣнія партіи. Здѣсь онъ называетъ въ числѣ еретиковъ лучшаго представителя историческаго гибеллинства, императора Фридриха II [1029]), а въ рядахъ эпикурейцевъ,

---

[1027]) Адъ, V, 85.

[1028]) Ibid. VII, 46:

Questi fur chierci, che non han coperchio
Piloso al capo, e Papi, e Cardinali
In cui usò avarizia il suo soperchio.

[1029]) Ibid. X, 118:

Dissemi: Qui con piu di mille giaccio:
Qua dentro è lo secondo Frederico.

Дантъ держится въ этомъ случаѣ распространенной традиціи. Въ новѣйшее время во второмъ томѣ своей „Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter“ (стр. 257 и слѣд.) G. Reuter занялся обстоятельно вопросомъ о еретичествѣ Фридриха; въ интересахъ безпристрастной исторической критики слѣдуетъ, однако, предостеречь противъ выводовъ, дѣлаемыхъ имъ относительно приписываемаго Фридриху выраженія „о трехъ обманщикахъ (гл, XIV, 8 кн. стр. 296 и слѣд.); читать въ сердцахъ не обязанъ даже самый проницательный критикъ, и между критикою и инквизиціею останется навсегда большая разница.

секты, весьма распространенной въ то время во Флоренціи, знаменитаго Гибеллина Фаринату Уберти и Гвельфа Кавальканте, отца его друга Гвидо. Но еретическому императору онъ противопоставляетъ и папу-еретика, Анастасія, и присоединяетъ къ первому кардинала Убальдини, выразившаго готовность принести свою безсмертную душу, «еслибъ она у него была», въ жертву своему гибеллинскому фанатизму.

Такъ же рѣзко противорѣчитъ въ восьмомъ кругу любимымъ традиціямъ партіи поэта комбинація людей, грѣшившихъ противъ религіознаго и политическаго догмата, противъ церкви и государства, и проявляется самостоятельность самаго поэта. Въ числѣ людей, употреблявшихъ насиліе противъ ближняго, Дантъ упоминаетъ рядомъ съ Александромъ Фэрейскимъ, Діонисіемъ, Гвидо Монфоромъ и разбойникомъ Ринiромъ Корнетскимъ, людей согрѣшившихъ противъ законовъ нравственности вообще, съ одной стороны, приверженца Фридриха II, Эццелино и его слугу, разбойника Риніера Паццо, а съ другой—враговъ римскаго государства, Аттилу, Пирра Эпирскаго и Секста Помпея. Въ числѣ самоубійцъ изъ Гибеллиновъ мы видимъ Петра де Винеа и одного чувственнаго Гвельфа, который искалъ смерти съ отчаянья [1030]). Два остальные, Лотто делли Альи и Іаковъ Падуанскій, не носятъ на себѣ никакого отпечатка извѣстной партіи. Богохульниковъ изображаетъ миѳическій Капаней Ѳиванскій; люди, грѣшившіе противоестественнымъ сластолюбіемъ, изображаютъ нравственную испорченность вообще; тутъ есть люди духовнаго званія и міряне: Брунетто Латини [1031]), знатокъ грамматики Присціанъ, юристъ Франц. Аккурсій, флорентинскій епископъ Андреа ди Моцци, флорентинскіе Гвельфы, Гвидо Гверра, Теггьяйо Альдобрандини, Іаковъ Рустичи; послѣдніе три, принадлежавшіе къ старшему поколѣнію Гвельфовъ, должны, конечно, служить здѣсь не политическимъ, а нравственнымъ цѣлямъ поэта, такъ какъ онъ относится къ нимъ вообще съ величайшимъ сочувствіемъ, отличаетъ ихъ передъ другими и намѣренно выказываетъ свое уваженіе къ нимъ [1032]); грѣхи ихъ опять не связаны съ политикою. Въ числѣ ростовщиковъ выводится сперва Гвельфъ, а вслѣдъ за нимъ флорентин-

[1030]) Адъ, XIII, 120:

[1031]) Ibid, XV, 30. Смот. выше стр. 64.

[1032]) Ibid. XVI, 52:

Poi cominciai: Non dispetto, ma doglia
La vostra condizion dentro mi fisse
Tanto, che tardi tutta si dispoglia

скій Гибеллинъ [1033]), оба—члены древняго рода; кромѣ нихъ еще третье лицо, также Флорентинецъ, и два Падуанца, въ особенности подозрѣваемые въ этомъ порокѣ. Изъ числа сводниковъ онъ упоминаетъ одного Гвельфа изъ Болоньи; между соблазнителями видимъ Язона; между льстецами—луккскаго Гибеллина. Въ числѣ симонистовъ онъ выставляетъ Николая III, Бонифація VIII, Климента V вмѣстѣ со многими ихъ предшественниками, которыхъ не называетъ по имени; въ грѣхѣ симоніи, который прежде такъ строго порицался самою церковью, какъ бы сосредоточивается все вырожденіе церкви, современной поэту; въ его глазахъ, въ этомъ грѣхѣ воплотилась виновность папства по отношенію къ подорванной имъ имперіи.

Въ числѣ прорицателей упоминаются: Амфіарай, Тирезій, Этрурецъ Арунсъ, Мантонъ и Эврипилъ (объ обоихъ вспоминаетъ Виргилій), Михаилъ Скоттъ, астрологъ Фридриха II, Гвидо Бонатти и Асденте, уроженецъ пармскій. Изъ людей падкихъ на подкупъ луккезецъ Бонтуро Бонтури, гвельфъ, предавшій Лукку пизанскимъ Гибеллинамъ; прочія же, названныя тутъ, личности нельзя, конечно, отнести ни къ какой особой партіи, кромѣ развѣ партіи грѣшниковъ вообще. Въ числѣ лицемѣровъ, ханжей, названы Каіафа и Анна, которые, прикрываясь ложнымъ покровомъ религіознаго рвенія, присовѣтовали принести въ жертву Христа за остальныхъ его соотечественниковъ,—и двое изъ болонскихъ **frati godenti**, которые изъ-за собственной выгоды предательскимъ образомъ принесли въ жертву гвельфской партіи во Флоренціи дѣло Гибеллиновъ. Въ ряду воровъ названы Ванно Фуччи, членъ партіи Черныхъ въ Пистойѣ, великанъ **Cacus**, и пять Флорентинцевъ, изъ которыхъ нужно причислить двухъ къ партіи Черныхъ и двухъ къ партіи Бѣлыхъ. Изъ лживыхъ совѣтчиковъ приведены Улиссъ, Діомедъ и Гвидо ди-Монтефельтро; первые два въ особенности запятнали себя грѣхомъ по отношенію къ Троѣ, Гвидо-же поддерживалъ своими фальшивыми совѣтами папу Бонифація въ его борьбѣ съ семьею Колонна, служившей мірскимъ цѣлямъ. Между нарушителями мира видимъ Магомета и Али, согрѣшившихъ противъ единства христіанскаго міра, Фра Дольчино, совершившаго подобный же грѣхъ, Петра **di Medicina**, разжигавшаго вражду между гвельфскими родами Полента и Малатеста; Моска Ламберти, давшаго толчокъ къ раздробленію Флоренціи на партіи; Бертрама Борніо, возбуждавшаго сына Генриха II англійскаго къ возстанію противъ отца. Въ числѣ иска-

[1033] Ibid. XVII, 60, 63.

зителей правды являются жена Пентефрія, и Синонъ, лживый Грекъ [1034]); житель Сіены, Гриффолино, Флорентинецъ **Capochio**, оба безъ точнаго обозначенія ихъ партій; Іоаннъ Скикки, поддѣлавшій духовное завѣщаніе, членъ гвельфскаго рода Кавальканти; Адамъ Брешіанскій, фальшивый монетчикъ, находившійся въ услуженіи у гибеллиновъ, графовъ Ромена; даже трое членовъ этой семьи, съ которой такъ близокъ былъ поэтъ. Изъ измѣнниковъ являются двое братоубійцъ изъ гибеллинскаго рода графовъ Альберти (изъ Мангоны, въ Тосканѣ); двѣ личности, отецъ и сынъ, взятыя изъ миѳической исторіи Англіи; убійцы своихъ близкихъ: **Focaccia Cancellieri**, Бѣлый изъ Пистойи, предательски убившій своего родственника, принадлежавшаго къ партіи Черныхъ; **Sassol Mascheroni**, флорентинскій Гвельфъ; Карлино де-Пацци, членъ партіи Бѣлыхъ, измѣнившій ей; Баконъ делли Альберти, предавшій Гвельфовъ при Монтаперти Гибеллинамъ; Кремонецъ **Buosa Doaria**, измѣнившій Гибеллинамъ въ пользу Гвельфовъ; аббатъ Беккеріа, котораго иодозрѣвали въ измѣнѣ флорентинскимъ Гвельфамъ въ пользу изгнанныхъ Гибеллиновъ; Іоаннъ **Soldanier**, предавшій Гибеллиновъ и Гвидо Новелло гвельфской черни во Флоренціи; Ганелонъ, измѣнившій Карлу Великому въ пользу Сарациновъ; Болонецъ Трибаделло Самбрази; Уголино и Руджьери, Гвельфъ и Гибеллинъ, измѣнникн отечеству; фаэнцскій Гвельфъ Альбериго, Бранка д'Оріа, Гибеллинъ, измѣнившій людямъ, искавшимъ у него гостепріимства; Іуда, Брутъ и Кассій, измѣнившіе божественному міровому строю, и Христу и Цезарю, какъ высокимъ его представителямъ.

Обозрѣвъ всѣ имена, только что прошедшія мимо насъ, конечно, никто уже не въ состояніи будетъ утверждать, что Дантъ выказалъ односторонность при заселеніи ада, что онъ отнесся къ партіи Гибеллиновъ съ полнѣйшей пощадой, открывая въ ней болѣе добродѣтелей, чѣмъ у Гвельфовъ. Онъ предаетъ осужденію обѣ эти партіи съ одинаковою рѣзкостью и почти всѣ грѣхи двухъ послѣднихъ круговъ, и въ особенности тягчайшіе изъ нихъ, онъ приписываетъ тлетворному яду партій; и эта испорченность является слѣдствіемъ отсутствія смиряющей руки имперіи. Поэтому онъ порицаетъ въ церкви всѣ грѣхи, проистекшіе изъ ея борьбы противъ императорской власти, уличаетъ всю ее, отъ ея главы до нисшихъ представителей, въ вырожденіи, которое можетъ быть устранено лишь

[1034]) При этомъ рельефно выступаетъ сличеніе Евреевъ съ Римлянами, въ лицѣ которыхъ у Данта являются и Троянцы.

посредствомъ возстановленія имперіи. Онъ помѣстилъ въ адъ многихъ людей, судьба которыхъ можетъ быть объяснена лишь по отношенію ихъ къ его идеѣ политическаго строя. Таковы, напримѣръ, Римляне и Римлянки въ лимбѣ, Пирръ и Секстъ Помпей, Брутъ и Кассій, сочетаніе которыхъ тутъ является послѣднимъ и очевиднымъ доказательствомъ нашего основного положенія, что рѣшающимъ принципомъ при заселеніи ада былъ для поэта его собственный религіозный и политическій догматъ.

Въ нѣсколько иномъ свѣтѣ представляется намъ этотъ вопросъ при изученіи Чистилища. Принципъ, правда, и тутъ одинъ и тотъ же, но назначеніе и свойство чистилища въ двойственномъ направленіи вліяло на ограниченность выбора дѣйствующихъ лицъ. Съ одной стороны, эти условія исключали весь нехристіанскій міръ, которому въ аду была отведена равноправная роль на ряду съ міромъ христіанскимъ. Дантъ могъ еще помѣстить язычника въ небеса, но никакъ не въ Чистилище. Очищеніе можетъ быть удѣломъ лишь грѣховнаго и кающагося христіанина; если же язычникъ становится гражданиномъ небесныхъ райскихъ селеній, то лишь въ силу особаго акта божественной милости, которому должна предшествовать чистая жизнь, безсознательно склонявшаяся къ христіанству. Кромѣ того, прегрѣшеніе противъ политическаго догмата, и послѣдствія нарушенія жизненнаго строя въ имперіи не обнаруживаются здѣсь такъ часто на примѣрахъ отдѣльныхъ личностей, какъ это было въ аду. По мнѣнію поэта, тѣ грѣхи такъ губительны, что за ними рѣдко слѣдуетъ раскаяніе и исправленіе. Такъ думалъ Дантъ и поэтому старался пополнить возникающій пробѣлъ и замѣнить слабое проявленіе своего политическаго догмата въ дѣйствующихъ лицахъ всевозможными разсужденіями и введеніемъ въ организмъ Чистилища идеи предопредѣленнаго политическаго строя. Съ другой стороны самый характеръ Чистилища и несомнѣнная возможность раскаянія въ послѣднюю минуту давали поэту поводъ вывести въ немъ людей, почему либо отвергнутыхъ церковью, или воздать почесть тѣмъ, которые вели жизнь двусмысленную, но въ которыхъ добрыя начала могли казаться ему преобладающими; наконецъ людей близкихъ ему, какъ напримѣръ, пѣвца Казелла, котораго онъ раньше всѣхъ встрѣчаетъ въ числѣ душъ, прибывающихъ въ Чистилище.

Если мы окинемъ взоромъ людей, кающихся въ кругу отведенномъ лицамъ медлительнымъ, то здѣсь мы увидимъ указанный нами руководящій принципъ во всей его чистотѣ. Съ самаго начала мы встрѣ-

чаемъ тутъ Гогенштауфена Манфреда, сына Фридриха II, отлученнаго отъ церкви, и, насколько извѣстно, умершаго въ отлученіи,—лицо, которое гвельфская партія всего охотнѣе желала бы видѣть въ самой глубинѣ ада. Невозможно не замѣтить преднамѣренности этого выбора; въ немъ сказывается пристрастіе поэта къ швабскому императорскому дому, пристрастіе, которое должно было, правда, умолкнуть передъ признаннымъ всѣми еретичествомъ Фридриха II, но которое проявляется за то явно относительно его сына; это былъ въ своемъ родѣ рѣзкій ударъ, нанесенный ярости, выказываемой папами въ преслѣдованіи потомковъ великаго императора, и вообще клерикальной непримиримости и страсти къ осужденію, такъ какъ всѣ кающіяся души имѣютъ надежду попасть рано или поздно въ рай [1035]). За то мы встрѣчаемъ въ этомъ мѣстѣ врага и побѣдителя Манфреда, Карла Анжуйскаго, убійцу Конрадина [1036]), котораго обыкновенные Гибеллины, ужъ конечно, искали бы среди осужденныхъ, подобно тому, какъ Гвельфы искали бы тамъ самаго короля Манфреда. На этотъ фактъ должны обратить вниманіе всѣ тѣ, которые выдавали нашего поэта за слѣпого приверженца своей партіи. Онъ не могъ оставить безъ вниманія подтвержденнаго свидѣтельскими показаніями факта покаянной смерти Карла и призналъ этотъ фактъ тѣмъ охотнѣе, что могъ достигнуть при помощи его иныхъ цѣлей [1037]). Идея политическаго строя снова съ большой ясностью сказывается въ лицѣ Ру-

---

[1035]) Вотъ то мѣсто, на которое мы ссылаемся (Чист., III, 112):

Poi sorridendo disse: Io son Manfredi,
Nepote di Constanza Imperatrice:
Ond'io ti prego, che quando tu riedi,
Vadi a mia bella figlia, genitrice
Dell'onor di Sicilia ed'Aragona
E dichi il vero a lei, s'altro si dici.
Pescia ch'i ebbi rotta la persona
Di due punti mortali, io mi rendei
Piangendo a quei che volentier perdona.
Orribil furon li peccati miei:
Ma la bontà infinita ha si gran braccia
Che prende cio, che si rivolge à lei.

Ibid 133—135:

Per lor maledizion si non si perde,
Che non porsa tornar l'eterno amore
Mentre che la speranza per fior del verde.

(Подъ словомъ „lor" слѣдуетъ понимать папу и его орудія).

[1036]) Чистил., VII, 113:

[1037]) Относительно покаянія Карла передъ смертью см. Виллани, lib VII гл. 94.

дольфа Габсбургскаго, которому прямо ставится поэтомъ въ вину неумѣнье умиротворить Италію [1038]). Остальные властители, появляющіеся на ряду съ Рудольфомъ, связаны весьма слабо съ дантовой идеею имперіи, но къ нимъ все таки прикладывается одно и тоже мѣрило, которое опирается на ту же самую идею; въ особенности замѣтно это напримѣръ, относительно аррагонскихъ принцевъ. Въ числѣ остальныхъ медлительныхъ людей появляются личности, болѣе или менѣе извѣстныя, отчасти дружественныя поэту, въ родѣ Беллаква, Сорделло, Фредерика Новелло и т. д.; по численности мы видимъ болѣе Гибеллиновъ, чѣмъ Гвельфовъ, именно потому, что со времени своего изгнанія поэтъ соприкасался преимущественно съ ними и воспользовался случаемъ, чтобы достойно вспомнить ихъ въ своей поэмѣ, или же чтобъ достигнуть иного результата, или наконецъ стремясь и къ той и къ другой цѣли одновременно. Этотъ второй, часто имѣвшійся имъ въ виду, результатъ заключается въ искусствѣ произносить, при посредствѣ кающихся умершихъ, сужденія о людяхъ еще живыхъ и о реальномъ положеніи дѣлъ, причемъ, правда, политическая тенденція прорывается такъ же часто, какъ и нравственная. Объ этомъ критическомъ отношеніи мы поговоримъ еще разъ нѣсколько позднѣе; здѣсь же идетъ рѣчь лишь о лицахъ. Въ кругу людей, одержимыхъ гордынею, Гумбертъ Альдобрандески изображаетъ тщеславіе предками; Одеризо ди Агуббіо артистическую гордость, Провенцано Сальвани—чиновничью. Въ числѣ завистниковъ стоитъ Мавна Cania изъ Сіены, совершившая этотъ грѣхъ противъ своихъ согражданъ, и Фульчьери ди Кальболи, исполнявшій въ 1302 году во Флоренціи должность подеста и бывшій злѣйшимъ врагомъ Бѣлыхъ. Между людьми гнѣвными мы видимъ Марка Ломбардо, вѣроятно знакомаго и единомышленника Данта. Среди скупыхъ видимъ папу Адріана V, Гуго Капета и поэта Стація; выборъ первыхъ двухъ, папы, родоначальника французскихъ королей, и «великана, совокупляющагося съ вавилонскою развратницею» [1039]),

---

[1038]) Чист., VII, 91:

Colui che più sied'alto, ed ha sembianti
D'aver negletto ciò che far dovea,
E che non muove bocca agli altrui canti.
Ridolfo Imperador fu, che potea
Sanar le piaghe ch'hanno Italia morta
Sì che tardi per altri si ricrea.

[1039]) Чистил., XXXII, 44:

Con quel gigante, che non lei delinque

опять согласуется вполнѣ съ основною идеею поэта. Въ кругу чревоугодниковъ онъ называетъ папу Мартина IV, Гибеллина Убальдини ди Пила, Бонифація, архіепископа Равеннскаго, и, рядомъ со своимъ другомъ Форезе, луккскаго поэта Бонаджьунта. Среди безнравственныхъ людей мы видимъ однихъ только поэтовъ: Гвидо Гвиничелли, Арнольда Даніеля и Жеро де Барнейля. Такимъ образомъ можно бы думать, что личныя отношенія преобладаютъ въ Чистилищѣ надъ общими; въ сущности это несправедливо, потому что и они служатъ лишь для подтвержденія общаго, постоянно повторяющагося взгляда поэта, который вѣритъ, что нравственное растлѣніе овладѣло всѣмъ и что даже лучшіе люди подверглись его прикосновенію, вслѣдствіе нарушенія политическаго строя, повлекшаго за собою вырожденіе и духовенства.

Уже въ Чистилищѣ выведено гораздо менѣе лицъ, чѣмъ въ Аду, въ Раю же ихъ названо еще меньше. За то руководящій, общій принципъ встрѣчается здѣсь не только въ такой же чистотѣ, какъ и тамъ, но отодвигаетъ даже на задній планъ почти всѣ личныя отношенія и исключаетъ почти все поколѣніе, современное поэту. Изъ современниковъ Данта появляются только четыре лица, всѣ остальныя лица относятся сплошь ко времени, предшествовавшему смерти Фридриха II и паденію имперіи. Это обстоятельство опредѣлялось тенденціею поэмы и свойствомъ самаго Рая. На лунѣ мы встрѣчаемся съ Пикардою, пріятельницею поэта, и Констанціею, принцессою норманской крови, супругою императора Генриха VI и матерью Фридриха II. Видно, какъ въ этомъ выборѣ снова сказывается пристрастіе поэта къ швабскому дому. На Меркуріѣ мы видимъ Ромео, Провансальца, и Юстиніана, возстановившаго римское царство путемъ завоеванія Италіи, положившаго основу римскому праву. На Венерѣ встрѣчается намъ другъ Данта, Карлъ Мартеллъ Венгерскій, Куниццa, сестра Эццелина и пріятельница поэта Сорделло, трубадуръ Фульконъ изъ Марсели и Рахаба, іерихонская куртизанка, введенная сюда за то, что она покровительствовала первому славному начинанію Іосіи въ обѣтованной землѣ [1040]), т. е. содѣйствовала взятію Іерихона. Въ кругу солнца попадаются намъ проповѣдники христіанскаго, правовѣрнаго богословія, въ числѣ которыхъ мы укажемъ на

[1040]) Рай, IX, 140:

— — e lucemi da lato
Il Calabrese abate Gioacchino.
Di spirito profetico dotato

Француза Сигерія, котораго инквизиція признала человѣкомъ подозрительнымъ, аббата Іоакима изъ Калабріи, «одареннаго духомъ пророчества» [1041]), и обращавшагося къ церкви съ тѣми же требованіями простоты и самоотреченія, какъ и самъ Дантъ; наконецъ декреталиста Граціана. И Соломонъ и Наѳанъ находятъ себѣ здѣсь мѣсто, въ силу любимаго поэтомъ сочетанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ числѣ героевъ мы видимъ сплошь такихъ, которые боролись за дѣло христіанства: Іосію и Маккавея, Карла Великаго, Роланда, Вильгельма Оранскаго, Ренневарта, Роберта Гвискара, Готфрида Бульонскаго, Каччьягвиду, словомъ, опять цѣлый рядъ представителей Ветхаго и Новаго завѣта. Подобнымъ же образомъ представлены на Юпитерѣ и добрые властители: [1042]) Новый завѣтъ въ лицѣ императора Константина, соединившаго имперію съ церковью, и Вильгельма Добраго Сицилійскаго; Ветхій завѣтъ въ лицѣ Давида и Іезекіиля; Богомъ руководимая трояно-римская исторія—въ лицѣ Рифея и Траяна [1043]). На Сатурнѣ находятся люди, блаженные созерцаніемъ: Петръ Даміанъ, Ромуальдъ и Бенедиктъ, основатели орденовъ, и отшельникъ Макарій. Въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ помѣщаются апостолы и Адамъ; въ эмпиреѣ—св. Бернардъ Клервосскій и императоръ Генрихъ VII, т. е., люди созерцательной и дѣятельной жизни, славные представители религіознаго и политическаго догмата поэта.

Это сравнительное разсмотрѣніе появляющихся передъ нами образовъ лучше всякихъ разсужденій подтвердитъ, какъ намъ кажется, правильность тенденціи, приписываемой нами Божественной Комедіи, и принципа, которымъ, по нашему мнѣнію, руководился поэтъ при выборѣ лицъ для заселенія трехъ пройденныхъ имъ сверхчувствен-

---

[1041]) Рай, XII, 140.

[1042]) Добрые властители образуютъ всѣ вмѣстѣ орла, символъ имперіи; такимъ образомъ въ звѣздѣ Юпитера имѣется въ виду особое прославленіе имперіи.

[1043]) Рай, XX, 68, 118. Перенесеніе язычника Рифея на небо является со стороны поэта актомъ произвола и исключительно основывается на авторитетѣ Виргилія и на приписываемой имъ Рифею добродѣтели справедливости, въ ея высшемъ проявленіи. См. Энеиду, II, 426:

Cadit et Ripheus, *justissimus* unus
Qui fuit in Teucris et servantissimus aequi.

Впрочемъ, этотъ произволъ поэта основывается формальнымъ образомъ на схоластическомъ ученіи о крещеніи, происходящемъ уже въ силу стремленія къ истинной вѣрѣ. Ср. комментарій Филалета къ относящемуся сюда мѣсту; точно тоже можно сказать и относительно помѣщенія Траяна въ раю и легенды связанной съ этимъ обстоятельствомъ и съ именемъ папы Григорія I.

ныхъ міровъ. Но этимъ не оканчивается еще наше объясненіе тенденціи, присущей поэмѣ; посредствомъ разнообразныхъ разговоровъ и разсужденій, вставленныхъ Дантомъ въ поэму, онъ далъ намъ возможность доказать далѣе, что провозглашеніе царства Божія на землѣ составляетъ всеопредѣляющую, надъ всѣмъ господствующую идею его поэмы, что его ученіе о міровой политикѣ изложено въ поэмѣ такъ же убѣдительно, какъ и въ книгѣ о Монархіи, и, если не въ такой же системѣ, то гораздо нагляднѣе.

7.

Воззрѣнія Божественной комедіи на всеобщую, итальянскую и флорентинскую исторію. Дантъ и принципъ національности.

Исторія была учительницею Данта въ дѣлѣ созиданія его политической теоріи и служила ему вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетомъ. Съ этой точки зрѣнія и должны мы разсматривать историческій элементъ въ Божественной Комедіи. Мы займемся сначала дантовой системой всеобщей исторіи, вслѣдъ за тѣмъ его указаніями на итальянскую и наконецъ его взглядами на флорентинскую исторію. Къ этимъ тремъ категоріямъ можно свести все историческое содержаніе поэмы. Мы увидимъ, что онѣ непосредственно связаны между собою и измѣряются всѣ однимъ мѣриломъ.

Тотъ, кто хотя бѣгло знакомъ съ средневѣковыми историческими сочиненіями, хорошо знаетъ, какъ въ нихъ постепенно повторяется одинъ и тотъ же взглядъ на всеобщую исторію, въ особенности на до-христіанскій періодъ. Это взглядъ преимущественно богословскій. Онъ ставитъ впереди всего описаніе исторіи еврейскаго народа и занимается исторіею остальныхъ, языческихъ народовъ лишь постольку, поскольку она находится въ связи съ исторіею Евреевъ. Совсѣмъ иное видимъ мы у Данта. Въ до-христіанской исторіи онъ признаетъ два избранные народа, Іудеевъ и Римлянъ; одинъ изъ нихъ предопредѣленъ подготовлять истинную, единственную вѣру, другой—настоящее, единственно правильное государство. Не только вѣра, но и государство, не только церковь, но и имперія имѣютъ, по его мнѣнію, свой ветхій и новый завѣтъ, время подготовленія и время осуществленія; религіозный и политическій догматъ представ-

ляютъ для него части одного и того же откровенія; папство и имперія, въ силу предвѣдѣнія Божьяго, избраны, немедленно послѣ грѣхопаденія, для того чтобъ возвратить человѣчеству утраченное имъ временное и вѣчное блаженство. Объ этомъ мы говорили уже при развитіи политической теоріи поэта. Но любопытно видѣть, какъ въ Божественной Комедіи поэтъ повторяетъ послѣдовательно исторію избраннаго политическаго народа и набрасываетъ въ краткихъ чертахъ, смотря по потребностямъ ихъ взаимнаго назначенія, очеркъ судьбы имперіи и папства вплоть до современной ему эпохи. Намъ не покажется болѣе удивительнымъ,что Виргилій и Луканъ являются въ извѣстныхъ предѣлахъ лучшими источниками, изъ которыхъ черпаетъ Дантъ свою историческую мудрость; для насъ это будетъ даже совершенно безразлично, такъ какъ дѣло идетъ объ изученіи его историческихъ взглядовъ и комбинацій, а не его учености.

Въ своемъ тенденціозномъ изученіи древней исторіи Дантъ ставитъ Римлянъ въ такое же отношеніе къ остальнымъ народамъ, въ какое богословы-историки ставятъ къ другимъ національностямъ Іудеевъ. Поэтому только то, что связано съ римскою исторіею, возбуждаетъ его интересъ; то, что предшествуетъ по времени, обходится у него молчаніемъ. Его исторія начинается лишь съ разоренія Трои и бѣгства Энея. Эней былъ орудіемъ, избраннымъ Богомъ для основанія Рима. И при этомъ избраніи Провидѣніе имѣло цѣлью не только создать центръ универсальнаго государства и имперіи, но и центръ церкви и папства. Для обѣихъ цѣлей Богъ избралъ Энея и допустилъ его нисхожденіе въ подземный міръ, такъ какъ онъ долженъ былъ услышать тамъ такія истины, которыя относятся до другой его миссіи и которыя должны были сдѣлаться причиною его побѣды и возникновенія папскаго престола [1044]). Эней привезъ въ Италію божественную птицу, орла, символъ справедливаго владычества надъ міромъ, и основалъ въ Альбѣ свое господство, побѣдивъ Турна на поединкѣ, бывшемъ собственно судомъ Божьимъ.

Триста лѣтъ оставался орелъ въ Альбѣ и перешелъ наконецъ въ-

[1044]) Адъ, II, 17:

Ch'ei fu dell'alma Roma,e di suo impero
Nell'empireo ciel per padre eletto:
La quale, e il quale (a voler dir lo vero)
Fur stabiliti per lo loco santo,
Il siede il successor del maggior Piero
Per questa andata, onde gli dai tu vanto,
Intese cose, che furon cagione
Di sua vittoria e del papale ammanto

Римъ вслѣдствіе побѣды Горапіевъ надъ Куріаціями [1045]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ покорилъ себѣ окрестные народы во время господства семи царей, а когда цари были изгнаны и возникла республика, онъ покорилъ Галловъ подъ предводительствомъ Бренна и Пирра Эпирскаго.

Въ доказательство того, что Богъ былъ съ нимъ, появлялись такіе люди, какъ Цинцинатъ, Торкватъ, Деціи и Фабіи. Подъ тѣмъ же покровительствомъ былъ покоренъ Карѳагенъ, было подавлено возстаніе Катилины [1046]). Наконецъ наступило время осуществленія, «когда небо возжелало снова возвратить міру его свѣтлое состояніе;» республика прекратила свое существованіе и воля Рима вложила въ руки Цезаря знакъ господства надъ міромъ [1047]). Благодаря этому онъ одержалъ побѣды въ Галліи, Италіи и при Фарсалѣ; его противникъ Помпей окончилъ жизнь въ Египтѣ и самъ онъ съ торжествомъ вышелъ изъ александрійской войны противъ Секста и Гнея Помпея [1048]). Такимъ образомъ была основана имперія. Августъ повергъ на землю, съ помощью орла, приверженцевъ республики и убійцъ Цезаря и низвергнулъ въ адъ Брута и Кассія; при Мутинѣ онъ побѣдилъ Марка Антонія, при Перузіи— консула Л. Антонія; Клеопатра пала [1049]), и впервые вселенная находилась во власти одного человѣка и въ полномъ мирѣ [1050]). Тогда родился Спаситель, возникло христіанство и была основана церковь. Имперія проложила путь христіанству. Самъ Христосъ не нанесъ ущерба римской имперіи [1051]), призналъ ея самостоятельность, ея призваніе поддерживать законъ [1052]), и своею смертью по при-

---

[1045]) Рай VI, 34.

[1046]) Ibid. 43—54.

[1047]) Ibid. 55:

Poi presso al tempo che tutto'l ciel volle
Ridur lo mondo a suo modo sereno,
Cesare per voler di Roma il tolle.

[1048]) Ibid. 58—72.

[1049]) Рай, VI, 73—78.

[1050]) Рай, VI, 80:

Con costui pose'l mondo in tanta pace,
Che fu serrato a Giano il suo delubro

[1051]) Чист. XXXII, 43

Beato se' Grifon, che non discindi
Co becco d'esto legno, dolce al gusto,
Posciachè mal si torse l ventre quindi

[1052]) Ibid 47:

— — e l animal binato,
Si si conserva il seme d'ogni giusto.

говору суда римскаго императора Тиверія подтвердилъ его законность [1053]). Такимъ образомъ Христосъ ясно сближаетъ имперію съ церковью, первообразомъ которой онъ былъ, и, благодаря его смерти, имперія получила животворящее, высшее, божественное освященіе [1054]).

Вслѣдъ за тѣмъ Христосъ вернулся на небо, оставивъ чистое христіанское ученіе на землѣ подъ сѣнью имперіи, и по его волѣ папство основало свой центръ въ Римѣ [1055]). Тогда начались гоненія на христіанъ, не только потрясшія церковь, но повредившія тому самому государству, по волѣ чьего императора они совершались [1056]); затѣмъ проявились ереси въ лонѣ церкви, принужденныя однако уступить могуществу чистаго ученія [1057]). Наконецъ, при Константинѣ, христіанство стало государственной религіей; но, вопреки божественному опредѣленію, онъ перенесъ центръ государства снова на востокъ, [1058]) посредствомъ извѣстнаго своего дарственнаго акта положилъ первое начало испорченности церкви и сократилъ тѣмъ значеніе имперіи [1059]). Но при Юстиніанѣ римская имперія была опять возстановлена, съ той поры когда онъ совершенно отдался истинной вѣрѣ и, по божественному внушенію, совершилъ великое дѣло уложенія римскаго законодательства [1060]). Однако вскорѣ послѣ того церковь потерпѣла отъ Магомета тяжкій ущербъ, который, не повредивъ ей самой, лишилъ ее цѣлой части подвластной ей области [1061]). Вслѣдствіе благочестивыхъ даровъ, совершонныхъ особенно франкскими правителями, церковь пріумножала мірскія богатства и все рѣшительнѣе принимала свѣтскій характеръ. [1062]) Тогда то произошло возстановленіе римской имперіи. Карлъ Великій поспѣшилъ на помощь папству въ борьбѣ противъ Лангобардовъ [1063])

[1053]) Рай, VI, 54. Ср. выше стр. 251

[1054]) Чист., XXX, 49 и слѣд. (Иначе нельзя истолковать этихъ стиховъ; внезапный расцвѣтъ дерева не можетъ означать зарожденіе первыхъ христіанскихъ общинъ; поэтъ очевидно намекаетъ на что-то происшедшее еще при жизни Христа).

[1055]) Ibid.

[1056]) Ibid., 109.

[1057]) Чистилище, XXXII, 118.

[1058]) Рай, VI, 1.

[1059]) Чистилище, XXXII, 124:

Poscia, per indi ond era pria venuta,
L'aquila vidi scinder giù nell'arca
Del carro, e lasciar lei di se pennuta.

[1060]) Рай, VI, 12—27.

[1061]) Чистил., XXXII, 130

[1062]) Тамъ же, 136.

[1063]) Рай, VI, 94.

и перенесъ императорскую власть къ Франкамъ. Но и онъ продолжалъ осыпать церковь и папство мірскими богатствами; церковь жадно ухватилась за нихъ, пока не достигла наконецъ совершенно выродившагося, грѣховнаго состоянія, объявила войну имперіи и соединилась для ея гибели съ французскими королями. Тогда разразилась надъ папствомъ божественная кара: Филиппъ IV сталъ его орудіемъ по отношенію къ Бонифацію VIII, пока, въ лицѣ Климента V, не оторвалъ его вовсе отъ Рима и не увлекъ въ неволю [1064]).

Невольно бросается въ глаза, что въ этихъ взглядахъ на ходъ всемірной исторіи со времени Карла Великаго особое вниманіе выпадаетъ на долю церкви, папства. Убѣжденіе въ тяжкой грѣховности вырожденія папства побуждаетъ Данта забыть обо всемъ остальномъ, и мы не знаемъ, что онъ думаетъ о саксонскихъ или или франконскихъ императорахъ. Высоко важнаго спора между Генрихомъ IV и Григоріемъ VII онъ не касается ни единымъ словомъ,— а между тѣмъ то была именно такая пора, когда папство находилось въ рѣшительной оппозиціи съ имперіею, когда итальянскія дѣла приняли именно то направленіе, противъ котораго онъ неустанно возстаетъ, которое проклинаетъ и оплакиваетъ. Въ пору этой борьбы и заложены были городами основы ихъ свободы или по крайней мѣрѣ самостоятельности. Вообще мы находимъ въ Божественной Комедіи лишь немного бѣглыхъ указаній, оброненныхъ поэтомъ, относительно его взглядовъ на исторію Италіи; но и ихъ достаточно, чтобъ составить себѣ на этотъ счетъ удовлетворительное представленіе. Говоря это, мы разумѣемъ исторію временъ ему предшествовавшихъ; что касается непосредственно современной ему исторіи, его взгляды достаточно ясны. Онъ взираетъ на положеніе Италіи съ возвышенной точки зрѣнія пламеннаго и благороднаго патріотизма, который въ ту пору представляетъ совершенно изолированное явленіе,—но въ тоже время онъ видитъ все въ самомъ мрачномъ, безнадежнѣйшемъ свѣтѣ. Страна, которая предназначена была стать владыкой остальныхъ странъ, сдѣлалась служанкой, развратницей, стала слабымъ, лишеннымъ кормила, челнокомъ среди великой бури [1065]). Куда онъ ни посмотритъ, всюду видитъ онъ

[1064]) Purgatorio, XXXII, 148.

[1065]) Чистилище. VI, 76:

Ahi serva Italia, di dolore ostello,
Nave senza nocchiere in gran tempesta.
Non donna di provincie, ma bordello!

раздоры и войну, даже внутри ограды одного и того-же города [1066]). «Звѣрь», по его словамъ, одичалъ съ тѣхъ поръ, какъ не чувствуетъ болѣе надъ собой обуздывающаго правленія императоровъ [1067]).

И такъ, начало измѣненій въ судьбахъ Италіи возводитъ онъ къ паденію имперіи, являющейся въ его глазахъ однозначащею съ единствомъ и могуществомъ его народа, и къ появленію партій, которыя вездѣ подкапываются подъ общественное спокойствіе. Отсюда и объясняется карающій гнѣвъ его на королей Рудольфа I и Альбрехта I, которые, забывъ, по его словамъ, свой долгъ, предоставили вертоградъ имперіи, Италію, ея собственнымъ силамъ [1068]).

Онъ считаетъ лучшей порой исторіи Верхней Италіи годы, предшествовавшіе возстанію противъ императора Фридриха I [1069]); съ этой поры начинается, по его мнѣнію, все возраставшее нотомъ политическое и нравственное паденіе ея. Тогда не остается уже ничего хорошаго во всѣхъ слояхъ народа. Аристократію онъ считаетъ развращенною вслѣдствіе борьбы партій и заразы, распространяемой городскимъ промышленнымъ духомъ; онъ проклинаетъ демократическое развитіе городовъ, увеличеніе ихъ населенія, неустанную погоню за богатствомъ, сожалѣетъ о переселеніи крестьянъ въ города и бранитъ тирановъ, которыми эти города переполнены [1070]).

Мы понимаемъ тогда его отчаяніе, но удивляемся тому, какъ онъ могъ ожидать чего-либо вообще отъ націи, въ которой аристократія, гражданство и крестьянское сословіе казались ему испорченны-

---

[1066]) Тамъ-же, 82:

Ed ora in tè non stanno senza guerra
Li vivi tuoi, e l'un l'altro si rode
Di quei che un muro ed una fossa serra.

[1067]) Ibid., 94:

Guarda com'esta fiera è fatta fella,
Per non esser corretta dagli sproni,
Poi che ponesti mano alla predella.

[1068]) Ibid., VII, 94; VI, 97.

[1069]) Чист. XVI, 115:

In sul paese ch'Adice è Po riga,
Solea valore e cortesia trovarsi,
Prima che Federigo avesse briga.

(не вполнѣ извѣстно, какого именно Фридриха слѣдуетъ видѣть здѣсь, но естественнѣе всего думать о Фридрихѣ I).

[1070]) Ibid. VI, 124:

Che le terre d'Italia tutte piene
Son di tiranni, ed un Marcel diventa
Ogni villan che parteggiando viene?

ми, и кромѣ того, руководимыми развращенною церковью? Поэтому-то и должна быть возстановлена имперія. Тутъ мы видимъ дантовъ космополитизмъ и патріотизмъ въ непосредственномъ взаимодѣйствіи. При подобныхъ обстоятельствахъ невольно хочется видѣть въ любви Данта къ родинѣ корень его универсальной политики, какъ ни мало онъ, быть можетъ, самъ сознавалъ эту связь; невольно хочется утверждать, что патріотизмъ, доведенный до отчаянія, побудилъ его создать свою міровую имперію, принимая всѣ ея послѣдствія. По этой же причинѣ онъ чувствовалъ влеченіе къ партіи феодаловъ, такъ какъ она была императорскою, т. е., въ его глазахъ, патріотическою партіею; въ силу того же чувства онъ муниципальной партіи и городовъ, такъ какъ они стремились къ партикуляризму, враждебному имперіи. Когда имперія перешла къ Нѣмцамъ, онъ призналъ совершившійся фактъ, но такъ же мало заботился въ остальномъ о Нѣмцахъ, какъ и его соотечественники-Гвельфы, и ничуть не лучше думалъ о нихъ [1071]).

Нельзя умолчать о томъ, что поэтъ впадаетъ въ страшное заблужденіе относительно римской имперіи и своей собственной націи. Онъ присуждаетъ Римлянамъ міровое господство и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно признаетъ въ живущемъ поколѣніи безполезную массу, негодную ни на что [1072]). Онъ былъ вполнѣ правъ, когда видѣлъ въ возникновеніи партій главный источникъ всего современнаго зла; но ошибочно было ждать помощи отъ имперіи, той самой имперіи, которая не могла помѣшать возникновенію партій и даже воспитала въ собственномъ лонѣ одну изъ нихъ. Но именно въ виду этого слѣдуетъ высказать ему признательность за то, что при всемъ своемъ неутомимомъ рвеніи противъ козней партій, онъ не усвоилъ себѣ несправедливости и повидимому относился къ Гибеллинамъ ничуть не мягче, чѣмъ къ Гвельфамъ. Онъ объявляетъ преступною борьбу противъ правъ имперіи или присвоеніе ихъ себѣ [1073]), и ему трудно рѣшить, кто болѣе заблуждается, Гвельфъ ли, идущій противъ орла подъ сѣнью французскихъ лилій, или Гибеллинъ, подъ

[1071]) Ibid. XVII, 21, онъ называетъ Нѣмцевъ „прожорливыми“ (lurchi),—обвиненіе противъ нашего народа, которое было, правда, весьма распространено въ то время среди остальныхъ народовъ.

[1073]) См. выше стр. 205, прим. 493.

[1072]) Рай, VI, 31:

Perchè tu veggi con quanta ragione
Si muove contra l sacrosanto segno,
E chi'l s'appropria, e chi a lui s'oppone

покровомъ императорскаго дѣла преслѣдующій собственные интересы [1074]). Трогательно внимать жалобамъ великаго патріота; какъ-то грустно становится отъ невозможности отрицать безполезность его усилій убѣдить насъ. Въ томъ-то и заключается его заблужденіе, что онъ все еще старался дѣйствовать на народъ идеями, противъ которыхъ народъ этотъ всѣми силами боролся въ продолженіе столѣтія; что онъ требовалъ централизаціи политической жизни тамъ, гдѣ все клонило къ партикуляризму. Тѣмъ не менѣе Дантъ былъ до извѣстной степени правъ, когда усматривалъ въ современномъ развитіи Италіи, въ побѣдоносномъ прогрессѣ раздробляющаго, односторонняго муниципальнаго духа опасность для будущности націи. Кто не знаетъ, сколькимъ была обязана Италія именно тому духу, насколько съ нимъ связаны изумительный расцвѣтъ ея искусства и пробужденіе древней литературы, благодаря которому она стала благодѣтельницею человѣчества? Но кому не извѣстно и то, что за этой эпохой, полной славы и величія, послѣдовала пора безплодія, безсилія и униженія, вполнѣ способная отравить пылкому патріоту наслажденіе этими чудными результатами; что именно упомянутое нами раздробленіе положило основаніе порядку вещей, который нація не могла долго сохранить, если не хотѣла отречься отъ самой себя,—и прежде всего потому, что, чѣмъ дольше оно продолжалось, тѣмъ труднѣе становилось отрѣшиться отъ него и начать новую жизнь?

То политическое и нравственное положеніе, въ которомъ Дантъ хотѣлъ удержать или, вѣрнѣе, къ которому хотѣлъ вернуть свой народъ, всего убѣдительнѣе и яснѣе познается изъ намековъ, которые онъ въ разныхъ мѣстахъ своей поэмы дѣлаетъ на судьбу и положеніе Флоренціи. Онъ вполнѣ отвергаетъ демократическое развитіе этого города и видитъ его золотой вѣкъ въ первой половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, когда могущество аристократіи было еще не тронуто, **popolo** жилъ въ счастливомъ ничтожествѣ, и когда господствовали прочные, чистые нравы. Это воззрѣніе Данта должно казаться намъ тѣмъ важнѣе, что оно показываетъ намъ на одномъ примѣрѣ его взглядъ на всю совокупность городского развитія въ Верхней Италіи. Къ Флоренціи онъ питаетъ неизмѣнную

[1073]) Ibid. 100:

L'uno al pubblico segno i gigli gialli
Oppone, e quel s'appropria l'altro a parte,
Si ch'è forte a veder qual più si falli.

любовь;здѣсь видѣлъ онъ въ непосредственной близости, демократическій духъ, испыталъ на себѣ все его дѣйствіе и сдѣлался его жертвою. Здѣсь встрѣчаемся мы съ самаго начала съ несомнѣнно аристократической, феодальной натурой поэта, которую мы уже прежде приписали ему. Она представляетъ собою то мѣрило, которое онъ примѣняетъ къ исторіи своего родного города, и благодаря которому Флоренція не можетъ ждать отъ него пощады. Онъ по справедливости придерживается миѳа объ основаніи и первомъ заселеніи Флоренціи Римлянами, и объявляетъ миѳическое уничтоженіе плебейскаго Фіезоле и смѣшеніе грубыхъ Фіезуланцевъ съ первоначальными жителями Флоренціи корнемъ всего зла, долгое время скрывавшимся въ тиши и нѣдрахъ земли [1075]). Онъ обходитъ полнѣйшимъ молчаніемъ весь послѣдующій ходъ исторіи и развитіе города, въ особенности въ одиннадцатомъ столѣтіи; вопросъ этотъ не могъ, правда, быть для него ясенъ, такъ какъ настоящіе источники были скудны, а тотъ матеріалъ, который доставляли ему народныя преданія, не входилъ въ кругъ его интересовъ [1076]). Одно только двѣнадцатое столѣтіе возбуждаетъ въ немъ участіе; онъ восхваляетъ его, какъ такую эпоху, когда городское населеніе размножалось едва замѣтно, такъ что никому и въ голову не приходило расширять окружность

[1075]) Cp. O. Hartwig, Quellen und Forschungen zur ältesten Geschichte der Stadt Florenz. Marburg, 1875; отдѣлъ третій: Флоренція до начала двѣнадцатаго столѣтія. Вопросъ объ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ Дантъ свои историческія свѣдѣнія, въ особенности относящіяся до Флоренціи, неоднократно возбуждался въ новѣйшее время. О Маласпина нельзя болѣе думать съ той поры, когда его работу признали подложною; Scheffer-Boichorst (Florentinische Studien, стр. 249, прим. 2) указываетъ на заимствованія изъ Gesta Florentinorum; подробно узнать все, относящееся до событій, совершившихся съ половины тринадцатаго столѣтія, не могло быть трудно во Флоренціи для человѣка въ положеніи Данта; до всего, что происходило раньше этой поры, онъ касался всегда весьма кратко.

[1076]) Ад, XV, 6:

Ma quel ingrato popolo maligno,
Che discese di Fiesole abantico
E tiene ancor del monte e del macigno, etc.

и ibid. XV, 71:

Faccian le bestie Fiesolane strame
Di lor medesme, e non tocchin la pianta,
S'alcuna surge ancora in lor letame,
In cui riviva la semente santa
Di quei Roman, che vi rimaser, quanto
Fu fatto il nido di malizia tanta.

старыхъ городскихъ стѣнъ [1077]), и когда властвовали древніе, аристократическіе роды [1078]). Тогда люди жили цѣломудренно, умѣренно и мирно. Тогда не было еще драгоцѣнныхъ цѣпочекъ, коронъ, женщинъ въ сандаліяхъ и поясахъ, которыми болѣе приходится любоваться, чѣмъ тѣми, что носятъ ихъ. Тогда дѣвушки не выходили замужъ слишкомъ рано, и умѣренное приданое было въ нравахъ. Дома строились не обширнѣе того, что было нужно, ихъ убирали просто, а не во вкусѣ Сарданапала. Человѣкъ самаго знатнаго происхожденія покрывалъ свои члены простой кожаной одеждой, и жена его отходила отъ зеркала безъ румянъ. Ни одна женщина не вдовствовала дома, оставляя мужа заниматься на чужбинѣ ремесломъ ростовщика. Женщины находили свое счастіе въ домѣ, заботливо охраняли колыбель своего ребенка или, сидя въ кругу своихъ близкихъ, разсказывали за пряжею сказки о Римѣ, Фіезоле и Троянцахъ. Роскошничавшій мужчина или безнравственная женщина составляли тогда такое-же исключеніе, какъ теперь Цинциннатъ или Корнелія[1079]). Истые древніе роды жили, нетревожимые народомъ; городъ наслаждался спокойствіемъ; не было партій, раздирающихъ другъ друга, и всѣ предпріятія сопровождались удачею. [1080]). Итакъ, не размѣры города и не численность его населенія, а простота нравовъ и согласіе обусловливаютъ, по теоріи нашего поэта, счастіе города. Поэтому-то онъ весьма послѣдовательно видитъ поворотную точку именно въ той порѣ флорентинской исторіи, когда сельская аристократія была вынуждена искать убѣжища въ городѣ, и когда увеличи-

---

[1077]) Рай, XV, 97:

Fiorenza dentro dalla cerehia antica,
Ond'ella toglie ancora e terza e nona,
Si stava in pace sobria e pudica.

[1078]) Ibid. XVI, 46:

Tutti color, ch'a quel tempo eran ivi
Da poter arme tra Marte e'l Batista
Erano'l quinto di quei che son vivi.

[1079]) Рай, XV, 99—129.

[1080]) Ibid. XVI, 87, и въ особенности 148, гдѣ Дантъ говоритъ послѣ перечня древнихъ павшихъ родовъ:

Con queste genti, e con altre con esse
Vid'io Fiorenza in si fatto riposo,
Che non avea cagione onde piangesse.
Con queste genti vid'io glorioso
E giusto'l popol suo tanto, che'l giglio
Non era ad asta mai posto a ritroso,
per division fatto vermiglio.

вавшаяся промышленная дѣятельность начала соблазнять крестьянъ превращаться въ гражданъ и быстро обогащаться торговыми оборотами [1081]). Гораздо лучше было бы, говоритъ Дантъ, чтобъ эти люди оставались внѣ стѣнъ, а мы сохранили бы древнюю, болѣе тѣсную городскую черту, и не допустили бы въ качествѣ согражданъ отталкивающихъ уже своихъ запахомъ крестьянъ, имѣвшихъ такую склонность къ ростовщичеству. Ибо, присовокупляетъ онъ, смѣшеніе древнѣйшаго населенія съ новыми, разнородными элементами было испоконъ вѣку первой причиною бѣдствій городовъ, какъ бываетъ для тѣла накопляющаяся въ желудкѣ пища [1082]). Поэтъ, не колеблясь, приписываетъ и покровительство, оказанное этому расширенію Флоренціи, и побѣду общины надъ сельской знатью, смѣшеніе древнихъ обитателей, «чистыхъ породою до послѣдняго ремесленника», съ новыми, чуждыми элементами,—духовенству и въ особенности папамъ и ихъ предосудительной политикѣ относительно императоровъ [1083]). Этимъ принципомъ они ослабляли друзей имперіи, сельскую аристократію, и усиливали ихъ противниковъ, общины. Безъ этого покровительства, полагаетъ Дантъ, Черки, бывшіе въ 1301 году соучастниками большихъ бѣдствій, разразившихся надъ Флоренціею, и происходившіе отъ крестьянъ, остались бы на своихъ поляхъ, а Буондельмонти — въ своихъ замкахъ. Одинъ изъ членовъ рода Буондельмонти бросилъ искру въ накопившійся горючій матеріялъ и вызвалъ раз-

---

[1081]) Ibid. XVI, 52:

O quanto fora meglio esser vicine
Quelle genti, ch'io dico, ed all Galluzzo
Ed a Trespiano aver vostro confine;
Che averle dentro, e sostener lo puzzo
Del villan d'Aguglion, di quel da Signa
Che già per barattare ha l'occhio aguzzo!

[1082]) Рай, XVI, 67:

Sempre la confusion delle persone
Principio fu del mal della cittade,
Come del corpo il cibo che s'appone.

[1083]) Ibid 58:

Se la gente ch'al mondo più traligna,
Non fosse stata a Cesare noverca.
Ma come madre a suo figliuol, benigna:
Tal fatto è Fiorentino, e cambia e merea,
Che si sarebbe volto a Simifonti
La dove andava l'avolo alla cerca.
Sariasi Montemurlo ancor de'Conti;
Sariansi i Cerchi nel pivier d'Acone,
E forse in Valdigrieve i Buondelmonti

доры между родами, окончившіеся возникновеніемъ во Флоренціи партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ, которымъ Дантъ приписывалъ всѣ позднѣйшіе раздоры и несчастія [1084]). Поэтому-то онъ и хотѣлъ бы, чтобы глава этого рода утонулъ лучше въ рѣчкѣ Эмѣ, когда въ первый разъ шелъ въ городъ; тогда многіе были бы веселы, кто теперь груститъ [1085]). Это дробленіе на партіи истребило древніе роды [1086]) и облегчило, быть можетъ, даже вызвало побѣду демократіи. Естественно, что Дантъ, исходя изъ этихъ принциповъ, строго относился во всѣхъ случаяхъ къ демократическому правленію. Онъ не умѣлъ цѣнить его свѣтлыхъ сторонъ и становился къ нему несправедливымъ. За темными сторонами этого развитія онъ терялъ изъ виду все его величіе, справлялся только о цѣнѣ, какою оно было пріобрѣтено, и находилъ ее слишкомъ высокою. Во всемъ этомъ движеніи онъ распознавалъ вліяніе лишь трехъ движущихъ всѣмъ силъ, гордости, зависти и алчности, [1087]) и не находилъ ни одной высшей, благороднѣйшей цѣли, которая представлялась ему присущею лишь излюбленной имъ государственной формѣ и достижимою лишь при ея помощи. Такъ сложилось почти болѣзненное отвращеніе, которое онъ питаетъ къ господствующей партіи и не разстается съ нимъ въ теченіе всей поэмы, покидая его развѣ только въ преддверіи эмпирея. Поэтому то онъ напоминаетъ своимъ согражданамъ каждое преступленіе, совершонное тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и ищетъ причины его не въ человѣческой природѣ вообще, но постоянно лишь въ господствѣ демократіи [1088]). Онъ не довольствуется

[1084]) Адъ, XXVIII, 106:

Grido: Ricordera' ti `anche del Mosca,
Che dissi lasso! Capo ha cosa fatta,
Che fu il mal seme per la gente tosca.

[1085]) Рай, XVI, 142:

Molti sarebbon lieti, che son' tristi
Se Dio t'avesse conceduto ad Ema
La prima volta ch'a citta venisti.

[1086]) Чист., X1V, 58.

[1087]) Адъ, VI, 74:

Superbia, invidia, ed avarizia sono
Le tre faville, c' hanno i cuori accesi

Сличи съ этимъ Адъ, XV, 67:

Vecchia fama nel mondo li chiama orbi,
Gent'è avara, invidiosa e superba,
Da lor costumi fa che tu ti forbi.

[1088]) Ibid., XXVI, 1:

Godi Fiorenza, poi che sui sì grande

тѣмъ, что назвалъ главнѣйшимъ порокомъ Флорентинцевъ самую низкую алчность,—онъ обвиняетъ ихъ и въ томъ, что они распространяли этотъ порокъ и за предѣлами своей земли при помощи «проклятаго цвѣтка», — флорентинскихъ червонцевъ, которыми они въ особенности развратили папскій дворъ [1089]). Ему кажется, что день ото дня добродѣтель падаетъ все ниже, [1090]) и онъ видитъ, что женщины, которыя во всѣ времена служатъ мѣриломъ нравственнаго уровня общества, живутъ въ безстыдствѣ и безнравственности [1091]). Все это побуждаетъ его стать вдохновеннымъ панегиристомъ прошлаго,—и онъ усвоиваетъ себѣ такой тонъ рѣчи, въ которомъ всякій посвященный легко разгадаетъ и гнѣвъ Катона и бичъ Ювенала. Онъ неутомимо раскрываетъ слабыя стороны демократіи и отпаденіе ея отъ его идеаловъ. Ему грезился, какъ правительственная форма для народнаго государства, римскій сенатъ, составленный изъ пожилыхъ людей, искушенныхъ и жизнью и опытомъ, — а вмѣсто того онъ видѣлъ передъ собой совершенно незрѣлое поколѣніе, которое торопилось принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ [1092]). Ему противна была та жадность, съ кото-

---

Che per mare e per terra batti l'ali,
E per l'inferno il tuo nome si spande.
Tra li ladron trovai cinque cotali
Tuoi cittadini, onde mi vien vergogna,
E tu in grande onoranza non ne sali.

[1089]) Рай, IX, 27:

La tua citta, che di colui è pianta.
Che pria volse le spalle al suo fattore,
E di cui è la invidia tanto pianta,
Produce e spande il maladetto fiore
Ch'ha disviate le pecore e gli agni,
Perocchè fatto ha lupo del pastore.

[1090]) Чистилище, XXIV, 79:

Perocchè il loco, u'fui a viver posto,
Di giorno in giorno più di ben si spolpa,
Ed a triste ruina par disposto.

[1091]) Ibid., XXIII, 94—112.

[1092]) Ibid., VI, 127—139:

Fiorenza mia, ben puvi esser contenta,
Di questa digression che non ti tocca,
Mercè del popol tuo che s'argomenta.
Molti han giustizia in cor,ma tardi scocca,
Per non venir senza consiglio all'arco:
Ma il popol tuo l'ha in sommo della bocca.
Molti rifiutan lo comune incarco:
Ma l popol tuo sollecito risponde

рою люди старались овладѣть общественными должностями, и онъ склоненъ былъ считать побуждающею къ тому причиной далеко не патріотическое чувство [1093]). Но что всего болѣе отталкивало его консервативную натуру, такъ именно постоянная смѣна системъ правленія и всякаго рода общественныхъ учрежденій. Несомнѣнно, что въ этомъ именно и заключалась наиболѣе уязвимая сторона быта Флоренціи. Болѣе двадцати большихъ и малыхъ переворотовъ, изгнаніе одной партіи и возвращеніе другой, колебанія правосудія, и все остальное, что влечетъ за собою обыкновенно борьба народа противъ аристократіи, слѣдовали другъ за другомъ въ теченіе полувѣка и естественно лишили городской строй всякой прочности. Поэтъ укоряетъ городъ въ томъ, что законы, денежные знаки, администрація, нравы, партіи находятся въ состояніи непрерывной смѣны, такъ какъ сегодня торжествуетъ одинъ принципъ, завтра— другой [1094]). Поэтому-то онъ иронически вспоминаетъ объ Аѳинахъ и Лакедемонѣ, которые пользовались репутаціею политической мудрости, но были бы превзойдены Флоренціею, въ половинѣ ноября отмѣняющей то, что она постановила въ октябрѣ [1095]). Она походитъ на больного, съ горечью присовокупляетъ поэтъ,—который не можетъ найти себѣ отдохновенія и, ища спасенія отъ страданій, бросается изъ стороны въ сторону на постели [1096]).

Senza chiamare, e grida: Io mi sobbarco.
Or ti fa lieta, chè tu hai ben onde:
Tu ricca, tu con pace, tu son senno.
S'io dico'l ver, l'effeto nol nasconde.

[1093]) См. предъидущее примѣчаніе.

[1094]) Чист., VI, 145:

Quante volte del tempo, che rimembre,
Leggi, monete, offici e costume
Hai tu mutato, e rinnovato membre?

[1095]) Ibid. 139:

Atene e Lacedemona, che fenno
L'antiche leggi, e furon si civili,
Fecero al viver bene un picciol cenno,
Verso di te, che fai tanto sottili
Provvedimenti, ch'a mezzo novembre
Non giunge quel, che tu d'ottobre fili.

Ср. стр. 110 , прим. 245.

[1096]) Чист. VI, 148:

E se ben ti ricordi, e vedi lume,
Vedrai te simi gliante a quella inferma,
Che non puo rovar posa in su le piume,
Ma con dar volta sua dolore scherma.

Никто не станетъ отрицать односторонности приговора, произнесеннаго Дантомъ надъ флорентинскою демократіею; въ развитіи частностей онъ даетъ намъ, однако, возможность бросить интересный для насъ взглядъ на связь между его пристрастіемъ къ имперіи и особенностями его внутренней природы; мы видимъ тогда передъ собою чистѣйшаго, настоящаго аристократа. Изъ этого мы узнаемъ, что система поэта не была простымъ капризомъ, что она проистекала изъ неподдѣльной глубины его человѣческой, нравственной организаціи. При такихъ обстоятельствахъ Дантъ не могъ никакъ примириться съ политическимъ развитіемъ, прямо уклонявшимся отъ той цѣли, которую онъ хотѣлъ бы навсегда поставить своему народу. Не забудемъ, что онъ считалъ торжество третьяго сословія источникомъ всего зла, противъ котораго такъ энергически боролся во всевозможныхъ формахъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что неумѣренность, съ которою выступалъ и пользовался своею побѣдою popolo, непоправимымъ образомъ повредила политической будущности націи, но остановить эту побѣду не было никакой возможности во всей германской и романской Европѣ. Лишь только наступаетъ отдыхъ въ странѣ Апеннинъ, какъ начинается волненіе въ горахъ и долинахъ Швейцаріи; цехи нѣмецкихъ городовъ возстаютъ противъ своеволія аристократическихъ родовъ, шерстопрядильщики Брюгге и Гента водружаютъ свои значки и Дитмарсенцы идутъ противъ голштинской знати. Тѣмъ не менѣе разница между борьбою нѣмецкаго и флорентинскаго popolo все таки очевидна: нѣмецкій popolo рѣдко стремился къ подавленію знати и къ отрицанію общаго центра, королевства; итальянскій же—сдѣлалъ и то, и другое, но заплатилъ, правда, двойную цѣну за свое кратковременное господство.

Мы не можемъ закончить изложеніе настоящей нашей темы, не коснувшись вкратцѣ одного вопроса, который въ новѣйшее время разсматривался неоднократно съ различныхъ точекъ зрѣнія, также и въ Германіи: въ какомъ отношеніи находится нашъ поэтъ къ новѣйшему объединительному движенію своего народа? [1097]). Такое отношеніе безспорно существуетъ; необходимо только уговориться относительно его сущности.

Фактически достовѣрно, что до Данта не было истинно-національнаго сознанія въ Италіи, и что оно проявляется лишь начиная съ его времени.

[1097]) См. Карла Витте, Dante und die italienischen Fragen. Ein Vortrag. Halle 1861, и H. Grimm Dante und die letzten Kämpfe in Italien въ его „Neue Essays“ стр. 119—164. Берлинъ, 1865 г.

Дантъ положилъ начало первому признаку національности, національному языку и литературѣ, и первый же энергически и безусловно высказался за политическое объединеніе своего народа. Онъ хотѣлъ, чтобы это объединеніе вытекало изъ его универсальнаго, римскаго, мірового государства, въ которомъ отводилъ своей націи первое, преобладающее мѣсто. Итальянцы нашего времени создали объединенную Италію путемъ выдвинутаго на первый планъ національнаго принципа, который плохо вязался бы съ универсальной монархіей ихъ великаго поэта; въ отрицаніи же свѣтской власти папы они вполнѣ согласуются между собою. Дантъ былъ бы готовъ примириться до нѣкоторой степени даже съ иноземнымъ владычествомъ, еслибъ оно объединило народъ и подавило партіи, между тѣмъ, какъ его соотечественники охотно купили сверженіе нѣмецкаго владычества, т. е. имперіи, цѣною раздробленія націи и тѣмъ скрѣпили это раздробленіе на многіе вѣка впередъ. Но, какая судьба и какой позоръ наполняютъ собой весь періодъ между той порой и настоящею, между покорностью своей участи и рѣшимостью избавиться отъ нея! Въ этомъ отношеніи сверженіе чужеземнаго ига и установленіе политическаго единства отождествилось для Итальянцевъ. Такимъ образомъ различныя эпохи дѣйствуютъ разнородными силами, подъ конецъ же все таки сливаются воедино. Но первое вѣское слово, заглушить которое не было никакой возможности, было все таки сказано Дантомъ. Поэтому, мы видимъ вполнѣ заслуженное искупленіе несправедливости, совершонной относительно великаго патріота при его жизни, въ томъ, что нація, готовясь осуществить свое объединеніе, возвѣстила всему міру, внимательно прислушивавшемуся къ ея голосу, вмѣстѣ съ далеко раздавшимся ликованіемъ національнаго торжества и о чествованіи пятисотлѣтней годовщины рожденія ея величайшаго сына.

8.

Реформаторскій элементъ въ Божественной Комедіи. Дантъ, какъ католикъ.

Въ продолженіе нашихъ изслѣдованій мы почти на каждомъ шагу встрѣчались съ нападками Данта на вырожденіе современной ему церкви и папства. Красною нитью тянется его полемика чрезъ всю поэму и становится особенно явственною именно тамъ, гдѣ мы всего менѣе ожидаемъ этого. Поэтому будетъ вполнѣ умѣстно раз-

смотрѣть въ ихъ общей связи эти нанадки поэта и опредѣлить ихъ отличительный характеръ. Какъ обыкновенно бываетъ (а въ данномъ случаѣ исключеніе изъ общаго правила было-бы немыслимо), различныя партіи въ кругу его объяснителей завладѣвали поэтомъ и каждая истолковывала затронутый нами вопросъ съ своей особой точки зрѣнія[1098]). Нашею задачей,—какъ и вообще задачей каждаго историческаго изслѣдованія, будетъ прежде всего наиболѣе тщательнымъ образомъ констатировать дѣйствительно точныя данныя поэмы на этотъ счетъ; сужденіе же объ нихъ получится послѣ того само собою.

Имѣя въ виду эту цѣль, мы прежде всего должны напомнить извѣстный всѣмъ фактъ, что въ средніе вѣка не было вообще недостатка въ оппозиціи противъ церкви. Но оппозиція эта развивалась въ двухъ направленіяхъ, которыя и намъ необходимо обособлять. Одно изъ нихъ идетъ въ предѣлахъ міра церкви, другое-же развивается внѣ ея; одно отклоняется отъ догмата, другое крѣпко держится за него и борется лишь противъ внѣшней жизни церкви, противъ закравшихся въ нее злоупотребленій и т. п.; одно направленіе отрицаетъ единство церкви и мнимый божественный характеръ папства, другое же крѣпко держится за этотъ взглядъ и порицаетъ только то, что съ его точки зрѣнія наноситъ ущербъ достоинству папской власти и лишаетъ ее священнаго обаянія. Оппозиція перваго рода, какъ напр. движеніе Альбигойцевъ, постоянно проклиналась и преслѣдовалась безпощадно,—другой же оттѣнокъ протеста обыкновенно терпѣлся и часто исходилъ при томъ отъ самихъ служителей церкви.

Послѣ доводовъ, приведенныхъ нами выше, не можетъ болѣе оставаться сомнительнымъ, къ какой именно изъ обѣихъ этихъ категорій должна быть отнесена оппозиція Данта. Онъ твердо держится на почвѣ догмата господствующей церкви и неумолимо проклинаетъ все и всѣхъ, кто только отклоняется отъ него, нарушаетъ и отрицаетъ единство церкви. Религіозное единеніе всего чело-

---

[1098]) Изъ числа новѣйшихъ писателей Озанамъ, въ своей замѣчательной въ остальныхъ отношеніяхъ книгѣ „Dante ou la philosophie catholique du treizième siècle“, Paris, 1845, chap. V, p. 247 sqq., въ слишкомъ оптимистскомъ духѣ изобразилъ затронутый нами вопросъ.—О теологіи Данта въ особенности сравн.: Баумгартенъ-Крузіусъ, программа „De theologia Dante's“ (Jenae 1835) и Пиперъ, Evangelischer Kalender, 1865. Новѣйшее время Р. Пелейдереръ, въ 4 томѣ журнала Дантовскаго общества, стр. 481—589, подробно разсмотрѣлъ вопросъ о мнимомъ ересичествѣ Данта.

вѣчества является такою же основой его міровоззрѣнія, какъ и единеніе политическое. Поэтому передъ нимъ не находитъ пощады ни одинъ еретикъ, ни одинъ сектантъ; поэтому онъ низводитъ въ адъ и императора Фридриха II и фра Дольчино; [1099]) по этой же причинѣ онъ выставляетъ въ сочувственномъ свѣтѣ заслуги доминиканцевъ, выказанныя ими при уничтоженіи «еретическихъ дебрей, гдѣ противодѣйствіе обнаруживалось въ наиболѣе сильной степени», и именно при преслѣдованіи Альбигойцевъ[1100]). Затѣмъ, изъ нашего изложенія политическихъ воззрѣній Данта уже видно было, что онъ смотрѣлъ на папство, какъ на учрежденіе божественное, свыше предопредѣленное, назначенное къ тому, чтобы помочь людямъ пріобрѣсти блаженство вѣчной жизни, для достиженія котораго недостаточно одного лишь разума. Для него папа является намѣстникомъ Христа и преемникомъ Петра, обладателемъ ключей отъ небеснаго царства, — по отношенію къ нему, однако, мы обязаны оказывать не столько почтенія какъ Христу, но столько же какъ Петру [1101]). Это почтительное отношеніе не должно быть нарушаемо даже тогда, когда на римскомъ престолѣ возсѣдаетъ личность, по свойствамъ своего характера недостойная и грѣховная. Въ этомъ требованіи Дантъ былъ настолько послѣдователенъ, что энергически возставалъ противъ дурного обращенія французскаго короля Филиппа IV съ папою Бонифаціемъ VIII, и, считая этого папу узурпаторомъ и неустанно нападая на него, все таки порицалъ это обращеніе, какъ новую казнь Христа въ лицѣ его намѣстника [1102]).

[1099]) Адъ, X, 119; XXVIII, 55.

[1100]) Рай, XII, 100:

E negli sterpi eretici percosse
L'impeto suo più vivamente quivi,
Dove le resistenze eran più grosse.

[1101]) Монархія, кн. III, глава III, стр. 93: Summus namque Pontifex, Domini nostri Jesu Christi Vicarius et Petri successor, cui non quicquid Christo, sed quicquid Petro debemus.—Тамъ же, I, 88:—„an ab aliquo Dei vicario vel ministro, quem Petri successorem intelligo, qui vere est claviger regni coelorum".

[1102]) Чист. XX, 85:

Perchè men paia il mal futuro e l fatto,
Veggio in Alagna entrar lo fiordaliso,
E nel vicario suo Cristo esser catto.
Veggiolo un'altra volta esser deriso:
Veggio rinnovellar l'aceto e il fele,
E tra vivi ladroni essere anciso.

Но этимъ и ограничивается согласіе поэта съ притязаніями, къ которымъ съ теченіемъ времени пріучило себя папство. Оно отождествило себя съ церковью; Дантъ ставитъ его къ церкви въ такое же отношеніе, въ какомъ дышло находится къ колесницѣ [1103]). Изъ всѣхъ заявляемыхъ папствомъ требованій Дантъ оставляетъ ему только верховное управленіе церковью и проявленіе божественнаго милосердія,[1104]) и объявляетъ даже существованіе чистаго божественнаго ученія независимымъ отъ папъ [1105]). Если онъ и обвиняетъ въ еретичествѣ папу Анастасія II (хотя, подобно остальнымъ его современникамъ, и ложно) и переноситъ его поэтому въ адъ, то, очевидно, онъ нисколько не принимаетъ личную непогрѣшимость папы, которая отнюдь не отождествлялась у него съ церковною [1106]).

Онъ дѣлаетъ далѣе существенное различіе между книгами Ветхаго и Новаго завѣта, писаніями отцовъ церкви и постановленіями церковныхъ соборовъ съ одной стороны, и позднѣйшими опредѣленіями декреталій и каноническаго права съ другой. По ихъ значенію, говоритъ онъ, ихъ никакъ нельзя ставить на одну степень, или даже ставить декреталіи выше священнаго писанія, соборовъ и отцовъ церкви; послѣдніе могутъ, правда, служить авторитетомъ для первыхъ, но никакъ не обратно [1107]).

[1103]) Ibid. XXXII, 49:

E volto al temo ch'egli avea tirato
Trasselo al piè della vedova frasca.

(Никакое иное объясненіе не имѣло бы смысла, кромѣ того, которое видитъ въ дышлѣ—папскій престолъ, соединенный Христомъ съ Римомъ, центромъ имперіи, вплоть до этого соединенія пребывавшей какъ бы въ состояніи вдовства).

[1104]) Это вполнѣ уясняется изъ девятой пѣсни Чистилища и изъ намековъ, находящихся, въ особенности, въ концѣ Монархіи.

[1105]) Вспомнимъ только роль Беатриче и сравнимъ тридцать вторую пѣснь Чистилища. Здѣсь чистое ученіе (Беатриче) противоставится церкви и въ особенности папству; она же перечисляетъ и списокъ его грѣховъ.

[1106]) Адъ, XI, 8.

[1107]) De Monarchia, lib. III, c. III, p. 94: „— — est advertendum, quod quae, dam Scriptura est ante Ecclesiam, quaedam cum Ecclesia, quaedam post Ecclesiam. Ante quidem Ecclesiam sunt vetus et novum Testamentum, quod in aeternum mandatum est, ut ait Propheta: hoc enim est quod dicit Ecclesia, loquens ad Sponsum: Trahe me post te. Cum Ecclesia vero sunt veneranda ilia concilia principalia, quibus Christum interfuisse nemo fidelis dubitat: cum habeamus ipsum dixisse discuplis, ascensurum in coelum: Ecce ego vobiscum sum in omnibus diebus, usque ad consummationem seculi, ut Matheus testatur. Sunt et scripturae doctorum, Augustini et aliorum, quosa Spiritu sancto adjutos quis dubitat fructus eorum vel omnino non vidit, vel si vidit, minime degustavit. Post Ecclesiam vero sunt Traditiones, quas Decretales dicunt: quae quidem etsi auctoritate Apostolica

Послѣ этого насъ уже болѣе не удивляетъ, когда мы видимъ, что поэтъ всецѣло отвергаетъ всю совокупность историческаго развитія папства. Того обзора всеобщей исторіи, съ которымъ мы познакомились еще въ предшествующемъ отдѣлѣ, вполнѣ достаточно для подтвержденія этого факта. Поэтъ, очевидно, держится того мнѣнія, что со времени дара Константина до перенесенія римскаго престола во Францію, папство находилось на пути постоянно усиливавшагося вырожденія. Вслѣдствіе этого онъ почти ни объ одномъ папѣ не говоритъ ничего хорошаго. Самые всевластные папы, начиная съ Григорія VII вплоть до Иннокентія IV, обойдены имъ полнѣйшимъ, многознаменательнымъ молчаніемъ. Ни одного пану онъ не переноситъ прямо на небо [1108]), а многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, Анастасія, Николая III, Бонифація, Климента V, изгоняетъ прямо въ адъ, намекая на то, что тамъ уже много папъ которыхъ онъ не называетъ [1109]). Причиною этого вырожденія папства Дантъ считаетъ пріобрѣтеніе имъ собственности. Отсюда проистекаетъ его вражда къ дару Константина, въ который онъ, какъ и весь средневѣковый періодъ вплоть до Лаврентія Валла, вѣрилъ весьма добродушно[1110]); не то, чтобы даръ этотъ былъ сдѣланъ съ дурнымъ умысломъ, но онъ принесъ слишкомъ дурные плоды и развратилъ міръ[1111]). Съ той поры церковь и папство становились

---

int venerandae, fundamentali tamen scripturae postponendas esse dubitandum non est cum Christus Sacerdotes objurgaverit de contrario. Cum enim interrogassent, quare discipuli tui traditionem seniorum transgrediuntur? Christus eis respondit: Quare et vos transgredimini mandatum Dei, propter traditionem postponendam. Quod si traditiones Ecclesiae post Ecclesiam sunt, ut declaratum est; necesse est, ut non Ecclesiae a traditionibus, sed ab Ecclesia traditionum acceda[t] auctoritas."

[1108]) Адріанъ V появляется въ Чистилищѣ, слѣдовательно, долженъ еще сдѣлаться гражданиномъ рая; но тутъ дѣло идетъ о личныхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ вообще не игралъ большой роли. Впрочемъ, мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы Дантъ считалъ большинство папъ достойными ада.

[1109]) Это ясно видно изъ объясненія, даннаго Николаемъ III въ девятнадцатой пѣсни Ада, ст. 73—75.

[1110]) Адъ, XIX, 115:

Ahi Costantin, ti quanto mal fu matre,
Non la tua conversion, ma quella dote
Che da te prese il primo ricco patre!

[1111]) Рай, XX, 55:

L'altro, che segue, con le leggi e meco
Sotto buona intenzion, che fe'mal frutto,
Per cedere al Pastor si fece Greco:
Ora conosce come'l mai dedutto

все болѣе алчными, и для удовлетворенія этой алчности они, въ противоположность Христу, подкопались подъ имперію и соединили наконецъ въ своихъ рукахъ духовный и свѣтскій мечъ. Это пошатнуло нравственный строй вселенной, и все вверглось въ грѣховность [1112]). Люди были счастливы, пока Римъ, основатель правильнаго порядка, имѣлъ у себя два солнца, освѣщавшія пути мірскіе и Божьи. Теперь же одно солнце затмило другое. Пастырскій посохъ захватилъ и мечъ, и такъ какъ одинъ пересталъ бояться другого, то обоимъ стало худо. «Поэтому [1113]), соединивъ въ себѣ двѣ силы, римская церковь погрязаетъ въ тинѣ и оскверняетъ себя въ своемъ веселье», и паства поступаетъ такъ же, какъ и пастырь,— она не имѣетъ стремленій ни къ чему, кромѣ земныхъ благъ [1114]). Прежде всего поэтъ укоряетъ въ особенности папъ Николая, Бонифація и Климента въ грѣхѣ симоніи. Съ горькой насмѣшкой спрашиваетъ онъ Николая, какъ велико было то сокровище, котораго Христосъ потребовалъ отъ Петра, когда отдавалъ въ его руки ключи

Dal suo bene operar, non gli è nocivo,
Avvegna che sia il mondo indi distrutto.

Ср. Монархія, II, въ концѣ (l. c. p. 83): O felicem populum, o Ausoniam te gloriosam, si vel nunquam infirmator ille imperii (т. е., императоръ Константинъ) natus fuisset, vel nunquam sua pia intentio ipsum fefelisset.

Въ Чист. XXXII стр. 38 и слѣд., имперія изображена въ видѣ дерева, и именно дерева познанія, къ которому Христосъ (какъ образецъ для церкви) не прикасается. „Такъ сохраняется зародышъ всякаго права". (Ibid. Стихъ 48). Ср. стр. 414, прим. 1103.

[1112]) Чист. XVI, 103.

Ben puoi veder che la mala condotta
E la cagion, che il mondo ha fatto reo,
E non natura che in voi sia corrotta.
Soleva Roma, che il buon mondo feo,
Duo Soli aver che l'una e l'altra strada
Facean vedere, e del mondo, e di Deo.
L'un l'altro ha spento, ed è giunta la spada
Col pastorale, l'un coll'altro insieme
Per viva forza mal convien che vada:
Perocche giunti, l'un l'altro non teme.

[1113]) Чист., 127:

D'oggimai, che la chiesa di Roma,
Per confondere in sè duo reggimenti,
Cade nel fango, e sè brutta, e la soma.

[1114]) Ibid. 10

Per che la gente, che sua guida vede
Pure a quel ben ferire, ond'ell'è ghiotta,
Di quel si pasce, e piu oltre non chiede.

отъ небеснаго царства?[1115]) Ничего не требовалъ онъ,—только сказалъ: «иди за мной». «Ваша скупость», такъ взываетъ поэтъ къ папамъ-симонистамъ, огорчаетъ міръ, попираетъ ногами людей добрыхъ и возвышаетъ злыхъ. Васъ, пастырей, видѣлъ евангелистъ сѣдящими надъ водами и сближающимися съ царями. Вы создали себѣ бога изъ злата и серебра и отличаетесь отъ идолопоклонниковъ лишь тѣмъ, что они приносятъ жертвы одному божеству, вы же—сотнямъ»[1116]). Апогея пламеннаго рвенія своего поэтъ достигаетъ въ своихъ нападкахъ на Бонифація, котораго онъ считалъ незаконнымъ папою и который съ болѣзненной заносчивостью и до крайнихъ предѣловъ проводилъ свѣтскія тенденціи папства, теократіи, и, буквально соединялъ въ своихъ рукахъ мечъ съ пастырскимъ посохомъ. Порицаніе Бонифація преднамѣренно вложено въ уста перваго папы и главы апостоловъ, Петра; ярко свѣтившееся небо неподвижныхъ звѣздъ окрашивается отъ его словъ и алѣетъ. Дантъ клеймитъ Бонифація, какъ покровителя партіи Черныхъ во Флоренціи, и даже воплощаетъ въ немъ, такъ сказать, общее развращеніе церкви. «Я и ближайшіе мои преемники, говоритъ Петръ, не для того умирали смертью мучениковъ за церковь, невѣсту Христову, чтобы видѣть, какъ ею злоупотребляютъ теперь ради низкой наживы»[1117]). Вслѣдъ затѣмъ онъ порицаетъ папъ за защиту Гвельфовъ противъ Гибеллиновъ и за тотъ вполнѣ подтвержденный и весьма характерный фактъ, что они дали Гвельфамъ церковный гербъ вмѣсто боевого знака [1118]).

[1115]) Адъ, XIX, 90:

Deh or mi di' quanto tesoro volle
Nostro Signore in prima da San Pietro,
Che gli ponesse le chiavi in sua balia?
Certo non chiese, se non: viemmi retro.

[1116]) Idem. XIX, 103—113.

[1117]) Рай, XXVII, 40:

Non fu la sposa di Cristo allevata
Del sangue mio, di Lin, di quel di Cleto,
Per essere ad acquisto d'oro usata.

[1118]) Рай, XXVII, 46:

Non fu nostra intenzion ch'a destra mano
Dei nostri successor parta sedesse,
Parte dall'altra del popol cristiano:
Ne che le chiavi, che mi fur concesse,
Diuenisser segnacolo in vessillo
Che contr'ai battezzati combattesse.

«Мы не имѣли въ виду,» продолжаетъ Петръ, чтобы одна часть христіанъ сидѣла по правую руку нашихъ преемниковъ, другая же по лѣвую; точно также не имѣли мы въ виду и того, чтобы врученные мнѣ ключи красовались на знамени, развѣвающемся въ бою противъ людей крещеныхъ». Метко указываетъ Дантъ и на злоупотребленіе церковнымъ отлученіемъ ради политическихъ цѣлей [1119]). Къ этому присоединяется у него осужденіе различныхъ злоупотребленій, вкравшихся въ церковное управленіе. Онъ порицаетъ индульгенціи, какъ напримѣръ, освобожденіе отъ обѣтовъ взамѣнъ исполненія какихъ либо болѣе мелкихъ обязанностей; экспектанціи, т. е. право разсчитывать на полученіе еще неосвободившихся духовныхъ должностей, даруемое папою лицамъ, ему близкимъ, наконецъ раздачу мірянамъ той десятины, которая назначалась духовенству и приходскимъ бѣднымъ [1120]). Такимъ образомъ церковное имущество, наслѣдственное достояніе бѣдныхъ, отчуждается отъ своихъ прямыхъ цѣлей, и дурно расходуется то, что нажито хорошо, ибо пожертвовано оно добромъ, но владѣютъ имъ плохо [1121]). Въ этомъ паденіи своемъ, говорится далѣе, папы не думаютъ уже, конечно, о святой землѣ; они для этого слишкомъ заняты у себя дома [1122]); помыслы

[1119]) Ibid, XVIII, 127:

Gia si solea con le spade far guerra:
Ma or si fa togliendo or qui or quivi
Lo pan che'l pio padre a nessun serra.

[1120]) Ibid. XII, 91:

Non dispensare o due o tre per sei,
Non la fortuna di primo vacante,
Non decimas, quae sunt pauperum Dei.

Ibid. XXVII, 52:

Nè ch'io fossi figura di sigillo
Ai privilegi venduti e mendaci,
Ond'io sovente arrosso e disfavillo.

[1121]) Ср. De Monarchia lib. II, c. XII, (l. c. p. 79): Maxime enim fremuerunt, et inania meditati sunt in Romanum principatum, qui zelatores fidei Christianae se dicunt; nec miseret eos paupernm Christi, quibus non solum defraudatio fit in ecclesiarum proventibus, quinimo patrimonia ipsa quotidie rapiuntur, et depauperatur Ecclesia, dum simulando justitiam exequutorem justitiae non admittunt. Nec jam pauperatio talis absque Dei judicio fit, cum nec pauperibus, quorum patrimonia sunt Ecclesiae facultates, inde subveniatur, neque ab offerente Imperio cum gratitudine teneantur. Redeant, une venerunt, venerunt bene, redeant male, quia bene data, et male possessa sunt. Quid ad pastore tales? Quid si Ecclesiae substantia diffluit, dum proprietates propinquorum sacrum exaugeantur?

[1122]) Рай, IX, 126. XV, 142:

Dietro gli andai incontro alla nequizia
Di quella legge, il cui popolo usurpa
Per colpa del pastor vostra giustizia.

ихъ не обращены къ Назарету, Евангеліе и великіе учители церкви отодвигаются ими въ сторону, а изучаютъ они только декреталіи, что и видно по ихъ глоссамъ [1123]). Поэтому наступило время, когда Богъ долженъ разсмотрѣть, откуда идетъ тотъ дымъ, который омрачаетъ его свѣтъ; необходимо, чтобъ онъ еще разъ разгнѣвался на покупателей и продавцевъ, оскверняющихъ храмъ церкви, сооруженный изъ крови и ранъ [1124]).

Немудрено, что при той глубинѣ разврата, въ который Дантъ видѣлъ погруженнымъ главу церкви, папу, и остальные члены церкви не представлялись ему въ лучшемъ свѣтѣ. Кардиналы, духовные ордена, нисшее духовенство, всѣ они изображены имъ одинаково погрязшими, развращенными. Отъ человѣка, привыкшаго ко всему прилагать высшее нравственное мѣрило, неудивительно, если онъ безпощадно бичуетъ разгульную жизнь кардиналовъ. Ни одинъ изъ нихъ, говоритъ Дантъ, не стоитъ ничего; они объѣдаются и откармливаютъ себя такъ, что, когда кому нибудь изъ нихъ приходитъ на умъ пройтись, его надо поддерживать, вести и поднимать справа и слѣва; если же онъ ѣдетъ верхомъ, то плащъ его покрываетъ всего коня, такъ что два животныхъ покрыты одной шкурою [1125]).

[1123]) Рай, IX, 133:

Per questo l'Evangelio e i Dottor magni
Son derelitti e solo ai Decretali
Si studia si, che pare ai lor vivagni.
A questo intende il Papa e i Cardinali:
Non vanno i lor pensieri a Nazzarette
Là dove Gabbriello aperse l'ali?

Ср. выше 187 стр.

[1124]) Ibid. XVIII, 118:

Per ch'io prego la mente, in che s'inizia
Tuo moto et tua virtute, che rimiri
Ond'esce il fummo che il tuo raggio vizia;
Si ch'un altra fiata omai s'adiri
Del comperare e vender dentro al templo
Che si murò di segni e di martiri.
O milizia del ciel, cu'io contemplo,
Adora per color che sono in terra
Tutti sviati dietro al malo esempio.

[1125]) Ibid., XXI, 130:

Or voglion quinci e quindi chi rincalzi
Gli moderni pastori, e chi gli meni,
Tanto son gravi, e che dirietro gli alzi.
Cuopron dei manti loro i palafreni,
Si, che due estie van sott'una pelle.

Поэтъ находитъ, что тому же мірскому направленію подпали и ордена бенедиктинцевъ, францисканцевъ и доминиканцевъ. По отношенію къ первому изъ нихъ онъ заставляетъ его основателя произнести такое обвиненіе: стѣны, прежде заключавшія въ себѣ аббатства, стали теперь разбойничьими вертепами, а монашескія рясы стали мѣшками, полными испорченной муки. Худшій видъ ростовщичества не грѣховнѣе расточенія монастырскихъ имуществъ роднымъ или еще худшимъ лицамъ, замѣняющаго раздачу этихъ имуществъ бѣднымъ. [1126])

Особенно рѣзко отмѣчаетъ Дантъ быстрое вырожденіе двухъ младшихъ орденовъ. Въ ихъ основаніи онъ видитъ попытку реформы церкви, покровительствуемую Богомъ и начатую въ нѣдрахъ самой церкви, причемъ, какъ и при всякомъ реформаціонномъ начинаніи, была сдѣлана именно попытка вернуться назадъ, къ первоначальному ученію христіанства, къ отреченію и чистой вѣрѣ. Весьма метко видитъ онъ характеръ францисканскаго ордена въ любви, а доминиканскаго въ мудрости. Одинъ изъ нихъ предназначался къ борьбѣ противъ мірского направленія церкви, другой—противъ равнодушія къ возвѣщенію божественнаго слова [1127]). Дантъ даетъ намъ понять, что оба ордена поразительно быстро измѣнили своей природѣ и своему назначенію, и, вмѣсто того чтобы согласно идти къ своей общей нѣли, впали въ отталкивающую зависть къ обоюднымъ заслугамъ. Мірской элементъ завладѣлъ и ими; они требуютъ себѣ новой пищи, и тамъ, гдѣ прежде былъ винный камень, видна теперь одна лишь плѣсень [1128]).

Въ состояніи не менѣе ужасающаго паденія изображено, наконецъ, и нисшее свѣтское духовенство. По крайней мѣрѣ слѣдующія нападки главнымъ образомъ направлены противъ него, хотя Дантъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и нищенствующіе орде-

---

[1126]) Рай, XXII, 76:

Le mura, che soleano esser badia,
Fatte sono spelonche, e le cocolle
Sacca son piene di farina ria.
Ma grave usura tanto non si tolle
Contra'l piacer di Dio, quanto quel frutto
Che fa il cuor de'monaci si folle.
Chè, quantunque la Chiesa guarda, tutto
E della gente che per Dio dimanda,
Non di parenti, nè d'altro piu brutto.

[1127]) Ibid. XI, 28—39.
[1128]) Ibid. XI, 124. XII, 112.

на. Легкомысленный, недостойный характеръ проповѣди, злоупотребленіе индульгенціями и суммами, получаемыми за освобожденіе отъ обѣтовъ, корыстолюбивая эксплоатація суевѣрія — все это бичуется имъ въ злой сатирѣ. Гораздо простительнѣе, говоритъ онъ, если кто нибудь ошибется въ философскомъ вопросѣ, чѣмъ если онъ исказитъ въ своихъ проповѣдяхъ священное писаніе или отодвинетъ его на задній планъ [1129]). Каждый хочетъ казаться чѣмъ-то необычайнымъ, сказать что нибудь новое, а при этомъ Евангеліе должно безмолвствовать [1130]). Чаще, чѣмъ въ году насчитывается дней, возвѣщаются съ каѳедръ сказки и шутки, и неразумныя овечки возвращаются домой съ пастбища, насыщенныя вѣтромъ, и мало имъ пользы оттого, что снѣ не замѣчаютъ причиненнаго имъ вреда [1131]). Христосъ не говорилъ своимъ апостоламъ: Идите по всему міру и проповѣдуйте шутки! Его боевой кликъ былъ, напротивъ того, слѣдующій: Проповѣдуйте Евангеліе всему живущему [1132])! Теперь же проповѣдники тщатся говорить шутками и насмѣшками, и, если только они много смѣются, тогда ихъ капюшонъ самодовольно надувается [1133]), но въ самомъ кончикѣ его гнѣздится бѣсъ и, еслибъ чернь его видѣла, она узнала бы, на какое прощеніе уповаетъ [1134]). Такимъ образомъ глупость такъ разрослась на землѣ, что каждое обѣщанное отпущеніе дорого оплачивается, какъ бы невѣрно оно

[1129]) Рай, XXIX, 88:

Ed ancor questo quassù si comporta
Con men disdegno, che quando é posposta
La divina Scrittura, o quando è torta.

[1130]) Ibid. 94:

Per apparer ciascun s'ingegna, e face
Sue invenzioni, e quelle son trascorse
Dai predicanti, e il Vangelio si tace.

[1131]) Ibid. 97—108.

[1132]) Ibid. XXIX, 109:

Non disse Cristo al suo primo convento:
Andate e predicate al mondo ciance,
Ma diede lor verace fondamento:
E quel tanto sonò nelle sue guance
Si, ch'a pugnar, per accender la fede,
Dell'Evangelio fero scudi e lance.

[1133]) Ibid. 115—117.

[1134]) Ibid. 118:

Ma tale uccel nel becchetto s'annida,
Che, se'l volgo il vedesse, vederebbe
La perdonanza, di che si confida.

ни было. Этимъ св. Антоній откармливаетъ свою свинью, и еще нѣчто худшее, чѣмъ свинью, и выдаетъ за это заемныя письма, которыя не учитываются на небесахъ [1135]). Подобные упреки и обвиненія папства и церкви въ развращеніи и свѣтскости раздавались въ то время часто,—хотя рѣдко или никогда въ такой полнотѣ и съ такой опредѣленной и своеобразной точки зрѣнія. Сравнительно съ укорами Данта, нападки трубадуровъ и нѣмецкихъ поэтовъ предшествующей и послѣдующей поры могутъ быть названы невинными перестрѣлками. Всего страннѣе при этомъ видѣть, что именно свѣтскій человѣкъ выступилъ такимъ карающимъ судьею папства и церкви и противопоставилъ имъ силу своего идеала и своего нравственнаго чувства. Положеніе, занятое въ этомъ отношеніи авторомъ Божественной Комедіи, должно во всякомъ случаѣ являться, если не чѣмъ-то сложнымъ по принципу, то во всякомъ случаѣ чѣмъ-то необычайнымъ, истинно новаторскимъ. Это такое проявленіе индивидуальности, какое не часто встрѣчается въ средніе вѣка.

Но намъ невольно навязывается вопросъ, насколько воззрѣнія Данта на развитіе церкви и папства безпристрастны, и имѣютъ строго-историческій характеръ?

По его мнѣнію, церковь не должна была никогда выходить изъ того состоянія бѣдности и безъимущественности, въ которомъ находилась почти вплоть до царствованія императора Константина, словомъ, она никогда не должна была принимать на себя теократической роли. Въ наше время считается, по справедливости, несомнѣннымъ, что въ такомъ случаѣ церковь никогда не могла бы выполнить свою великую всемірно-историческую миссію. Почти всѣ единодушны въ томъ, что для того чтобы сдѣлаться наставницею грубыхъ народовъ, она не могла устраниться отъ прикосновенія къ мірскимъ силамъ вселенной. Такимъ образомъ Дантъ, прилагая къ развитію церкви и папства одностороннее мѣрило своей абстрактной системы, доведенной до крайности, сталъ на несомнѣнно анти-историкую точку зрѣнія, которая въ то же самое время должна казаться

[1135]) Ibid. 121:

Per cui tanta stoltezza in terra crebbe,
Che, senza pruova d'alcun testimonio,
Ad ogni promission si converrebe.
Di questo ingrassa il porco sant, Antonio,
Ed altri ancor, che son peggio che porci,
Pagando di moneta senza conio.

намъ въ высшей степени несправедливою. При подобномъ масштабѣ даже такой папа, какимъ былъ Григорій I, оказался бы несостоятельнымъ! Въ увлеченіи борьбою противъ дѣйствительно существовавшаго въ то время зла, Дантъ упустилъ изъ виду основное положеніе всякаго истинно-историческаго изслѣдованія: то, что перестало быть нужнымъ въ извѣстную эпоху, уже нецѣлесообразно, неблаготворно, но оно же можетъ быть весьма нужнымъ, цѣлесообразнымъ и благотворнымъ въ другую пору. Такъ было, несомнѣнно, и съ предлежащимъ вопросомъ. Благо народовъ, торжество цивилизаціи безспорно требовали въ свое время именно того теократическаго направленія церкви, которое Дантъ неограниченно осуждаетъ; но также неоспоримо и то, что должно было наступить время, когда теократическая идея перестанетъ мириться съ развитіемъ народовъ и государствъ, и когда попытка ея удержать свое господство, вопреки сущности вещей, неминуемо поведетъ къ столкновенію. Этотъ переворотъ дѣйствительно составляетъ критическій моментъ въ исторіи римской іерархіи и западныхъ народовъ вообще. Я говорю о томъ моментѣ, когда идея государства побѣдоносно проникла всю жизнь христіанскаго запада,—это же случилось именно во времена Данта. Подавленная въ предшествующіе вѣка, идея эта тѣмъ могущественнѣе и неотразимѣе проявилась въ четырнадцатомъ столѣтіи и съ полной увѣренностью въ себѣ бросила вызовъ теократическимъ притязаніямъ; изъ этого столкновенія образовалось, главнымъ образомъ, ядро всѣхъ позднѣйшихъ движеній и всей европейской борьбы.

И тутъ-то положеніе, занятое Дантомъ въ этомъ спорѣ, является многознаменательнымъ. Насколько поэтъ заблуждался, измѣряя прошлое церкви потребностями своего времени, настолько же правильно понялъ онъ въ принципѣ требованія современности и знаменія будущаго. Разсматривая его политическую теорію, мы видѣли, какъ рѣшительно вступался поэтъ за идею государства, автономнаго, самому себѣ принадлежащаго, и какъ безусловно возставалъ противъ теократической идеи. Правда, онъ представлялъ себѣ государство лишь въ формѣ императорской универсальной монархіи, «отраженія вѣчнаго благоволенія Божія» [1136]), но для обсуждаемаго нами вопроса было бы совершенно безразлично, еслибъ мы даже должны были признать его всеобщую имперію еще болѣе неосуществимою.

[1136]) Рай, XX, 76:

Tal mi sembio l'imago della impronta
Dell'eterno piacere — — —

Сущность вопроса не касается цѣлесообразности или возможности его христіанскаго, мірового государства, а только положенія государственнаго принципа вообще по отношенію къ теократическому. И въ этомъ случаѣ, т. е., въ вопросѣ о безусловной независимости государства, Дантъ долженъ безспорно считаться пророкомъ современной намъ монархіи [1137]).

Но это-то именно и составляетъ тотъ пунктъ, гдѣ его отношеніе къ современнымъ оффиціальнымъ, церковно-политическимъ принципамъ принимаютъ обособленный характеръ. Худы ли, хороши ли были его взгляды, но заблуждаться относительно этой стороны вопроса нельзя и не должно. Важны тутъ не описанныя нами только что нападки его на вырожденіе и злоупотребленія внутри самой церкви; нападки эти, повторяемъ, не были одиночными явленіями и ихъ, въ сущности, мало ставили ему въ вину; но его взглядъ на государственную идею вообще, непризнаніе имъ теократіи, исключеніе изъ государственной жизни всякаго вліянія духовной власти — вотъ въ чемъ коренится мотивъ разъединенія, а отнюдь не въ его желаніяхъ и предположеніяхъ. Фактъ этотъ покажется еще несомнѣннѣе, если на него смотрѣть объективно и на основаніи опредѣленныхъ данныхъ. Сколько намъ извѣстно, Божественная Комедія никогда серьозно не оцѣнивалась съ этой точки зрѣнія; дѣйствительно, смыслъ дантовой системы не въ такой степени рѣзко, послѣдовательно и ясно высказанъ здѣсь, какъ въ другихъ его произведеніяхъ, какъ ни страстны въ ней отдѣльныя вспышки, и какъ ни несомнѣнно, что вся поэма посвящена прежде всего прославленію всеобщей, независимой имперіи.

Зато разсужденіе о Монархіи, гдѣ Дантъ открыто и систематически излагаетъ свою политическую теорію, весьма скоро навлекло на себя осужденіе со стороны іерархіи. Мы уже сообщали выше (стр. 275) разсказъ Боккачьо о томъ, какъ послѣ смерти автора книга эта была пущена въ ходъ въ Италіи приверженцами короля Людовика Баварца, какъ полезное орудіе во время его извѣстныхъ несогласій съ папскимъ дворомъ въ Авиньонѣ; какъ одинъ кардиналъ, впервые ознакомившійся съ нею по этому поводу, приказалъ сжечь

[1137]) Врядъ ли нужно намъ замѣтить при этомъ, что изъ того не слѣдуетъ еще, чтобы наравнѣ съ этимъ единственнымъ но существеннымъ требованіемъ Дантъ усвоилъ себѣ и всѣ остальныя требованія и результаты современнаго государства. Всякій, кто дастъ себѣ, однако, трудъ слиться съ его политической точкой зрѣнія вообще легко найдетъ ту грань, которую проложила ему въ этомъ отношеніи его собственная натура.

ее и предназначалъ даже ту же участь и останкамъ самаго поэта. Этимъ, повторяемъ мы, было бы, конечно, мало достигнуто, такъ какъ основная мысль осужденнаго сочиненія осталась по прежнему живою, и къ ней снова возвращались всякій разъ, когда впослѣдствіи рѣчь шла о реформѣ церкви. Такой человѣкъ, какимъ былъ напримѣръ Николай Куза, написавшій во время базельскаго собора, главнымъ образомъ въ интересахъ возстановленія расшатавшагося государства, свое знаменитое сочиненіе **De concordantia catholica**, могъ только повторять дантовы основныя положенія [1138]). О томъ же, какое значеніе имѣла государственная идея для церковно-реформаторскаго движенія шестнадцатаго столѣтія, намъ достаточно упомянуть вскользь.

Но, при всемъ томъ, нельзя не назвать Данта поэтомъ-католикомъ, поистинѣ величайшимъ, грандіознѣйшимъ изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ. Да и какъ-же назвать его иначе въ виду требуемаго имъ безусловнаго единства церкви, отождествленія ея съ христіанствомъ, неограниченнаго подчиненія поэта католическому догмату, погруженія его въ глубь мистики, и того просвѣтленія, которымъ онъ окружилъ все это благодаря своему первостепенному поэтическому генію? Мы, по крайней мѣрѣ не въ состояніи представить себѣ его, несмотря на всю его самостоятельность въ политическомъ мышленіи, внѣ сферы католичества, и, еслибъ церковь когда-либо оффиціально оттолкнула его отъ себя, она тѣмъ самымъ лишила бы свой вѣнецъ одной изъ его благороднѣйшихъ, драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ. Правда, что указанный нами антагонизмъ остается по прежнему неизмѣннымъ, и въ освѣщеніи его современными намъ воззрѣніями долженъ даже казаться еще рѣзче, чѣмъ при свѣтѣ дантова столѣтія. Но до этого антагонизма поэтъ, какъ вѣрный, искренній сынъ церкви, дошелъ естественнымъ путемъ. Онъ не считалъ возможнымъ никакое исцѣленіе или спасеніе ея отъ нея самой безъ помощи радикальныхъ средствъ, безъ возвращенія ея къ своему настоящему призванію и отторженія отъ той почвы, отъ которой произошла, какъ это казалось не ему одному, ея несомнѣнная гибель. Можно даже сказать, что, чѣмъ рѣзче онъ нападалъ на папство за его вырожденіе или паденіе, тѣмъ преданнѣе примыкалъ къ церкви, къ католичеству; въ такое отношеніе къ нему ставили себя, какъ извѣстно, въ значительно позднѣйшее время, другія родственныя ему въ этомъ отношеніи натуры. Разсуждать

[1138]) Ср. въ особенности третью книгу названнаго сочиненія.

о томъ, было ли это положеніе прочно или плодотворно, здѣсь не мѣсто.

Этимъ исчерпываются отношенія Данта къ церковно-реформаторскому движенію шестнадцатаго столѣтія, къ провозвѣстникамъ котораго его по справедливости причисляли со временъ Флація Иллирика. Не слѣдуетъ никогда забывать, что мы имѣемъ лишь въ извѣстной степени право причислять его къ нимъ, и что самъ поэтъ провелъ ту грань, за которую безъ натяжки невозможно переступить. На свой народъ Дантъ не имѣлъ наконецъ ни малѣйшаго реформаторскаго вліянія. Народъ былъ слишкомъ боленъ въ моральномъ отношеніи, для того чтобы такая высоко-нравственная натура могла вызвать въ немъ соотвѣтствующее дѣйствіе. Увы! горе патріота было слишкомъ справедливо. Совсѣмъ иною личностью былъ Боккачьо, шутя покончившій съ этимъ вопросомъ въ своихъ, болѣе чѣмъ скоромныхъ разсказцахъ, въ то время какъ угрюмый, вѣчно негодующій поэтъ не давалъ своими горькими жалобами никому наслаждаться жизнью! Но именно эти разсказы и освѣщаютъ съ ужасающей ясностью безпримѣрную бездну безнравственности, въ которую впалъ итальянскій народъ, и слишкомъ хорошо оправдываютъ карающій тонъ Божественной Комедіи, направленный въ особенности противъ того сословія, которое, по своему положенію и своимъ притязаніямъ, должно бы всегда являться самымъ чистымъ. Мы не удивимся, поэтому, слыша, что, когда двѣсти лѣтъ спустя ученіе Лютера проникло за Альпы, даже люди, симпатизировавшіе ему, отнюдь не находились подъ вліяніемъ Божественной Комедіи и не получили отъ нея импульса. До такой степени Дантъ былъ отодвинутъ на задній планъ Греками и Римлянами, что Гвичардини ди Романья долженъ былъ употребить долгое время на поиски, пока съ величайшимъ трудомъ отыскалъ наконецъ запыленный экземпляръ Божественной Комедіи.

9.

Дантъ, какъ возстановитель римской литературы и историкъ. Значеніе Божественной Комедіи въ исторіи всеобщей литературы. Энциклопедическій элементъ поэмы.

Всѣ согласны въ томъ, что слава пробужденія классической литературы въ высшемъ смыслѣ этого слова принадлежитъ Итальян-

цамъ. Живое, въ большинствѣ случаевъ, соперничество народовъ въ присвоиваніи той или другой заслуги никогда не стремилось отнять у итальянскаго народа пальму первенства въ этомъ вопросѣ. Пробужденіе древняго міра относится ко временамъ Петрарки и Боккачьо; рвеніе, страстность, съ которыми эти люди предавались своему дѣлу, доставили имъ по крайней мѣрѣ столько же чести, какъ гладкіе сонеты одного и пикантныя новеллы другого. Если вопросъ касается возрожденія греческой литературы, то мы не можемъ ничего возразить противъ господствующаго мнѣнія; оно опирается такъ твердо на почву фактовъ, что поколебать его никому не удастся. За то мы считаемъ менѣе справедливымъ, что честь пробужденія и римской литературы исключительно приписывается этимъ же писателямъ, и мы положительно требуемъ признанія и за Дантомъ части этой заслуги.

Правда, что онъ не окружалъ эту сторону своей дѣятельности никакими шумными эффектами; намъ не осталось послѣ него пространной переписки, въ которой мы могли бы прослѣдить ее; онъ никогда не говорилъ о ней съ большимъ или меньшимъ самодовольствомъ. Такимъ образомъ и случилось, что онъ почти совершенно лишенъ этой чести. Я не хочу сказать, чтобъ Итальянцы были далеки даже отъ всякой подобной мысли, но ясно они нигдѣ не высказывались относительно даннаго вопроса, насколько я имѣлъ возможность прослѣдить это. Нѣтъ сомнѣнія, что Боккачьо понялъ и эту заслугу своего любимца и имѣлъ ее въ виду, когда называлъ его «первымъ руководителемъ и свѣточемъ» въ своихъ занятіяхъ; но большинство людей образованныхъ слѣдовало тону, данному Петраркою, который не имѣлъ ни желанія, ни достаточнаго благородства, для того чтобы нанести, хотя бы и справедливый, ущербъ своей собственной славѣ радостнымъ и открытымъ признаніемъ заслугъ своего великаго предшественника. Послѣ него, за дѣйствіемъ были забыты причины; и такимъ образомъ неудивительно, что эта несправедливость продолжалась и до новѣйшаго времени, и что даже въ исторіи классической литературы среднихъ вѣковъ, появившейся въ Германіи не болѣе полустолѣтія тому назадъ, пѣвецъ Божественной Комедіи не могъ найти себѣ мѣста въ числѣ реставраторовъ римской литературы [1189]). Извѣстно, какъ воззрѣнія и сужденія пе-

---

[1189]) Мы имѣемъ въ виду уже упомянутое нами сочиненіе Геерена. Но и G. Voigt въ своемъ „Wiederbelebung des classischen Alterthums (Berlin 1859, стр. 9) недостаточно разъяснилъ этотъ вопросъ. Справедливѣе судитъ

реносятся на вѣру изъ одной книги въ другую. Мы же утверждаемъ, что рѣшительный толчекъ къ успѣшному изученію римскихъ поэтовъ и писателей вообще изошелъ отъ Данта. Всмотримся въ тѣ свѣдѣнія, которыми располагали до него ученые и образованные люди: весь ихъ запасъ можно свести на минимумъ. Зачастую это только разрозненныя, отрывочныя мѣста, вовсе непрочитанныя въ послѣдовательности и, тѣмъ не менѣе, не безъ похвальбы выставляемыя на показъ. Лишь весьма немногіе ощущали потребность лично коснуться знакомыхъ источниковъ, а тѣмъ менѣе отыскивать источники незнакомые. Одинъ только Брунетто Латини составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе и мы уже во вступленіи къ нашему труду оцѣнили эту заслугу его [1140]). Онъ, безспорно, указалъ путь своему ученику, но и у него отсутствовало одно необходимое условіе,—именно полное пониманіе римскаго духа. Это условіе было неизбѣжно для достиженія великихъ, прочныхъ результатовъ. Брунетто съ очевидною пользой прочелъ доступныхъ ему древнихъ писателей, но интересовался при томъ только непосредственно практическою стороною; онъ не былъ достаточно глубокомысленъ для того, чтобы вникнуть въ духъ Римлянъ, и недостаточно восторженъ для того, чтобы упорствовать въ этомъ проникновеніи. Кромѣ того, тѣ два сочиненія, въ которыхъ онъ выказалъ свою ученость, могли, правда, дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на такіе умы, какими были Гвидо Кавальканти и Дантъ, но они не были разсчитаны на болѣе обширное воздѣйствіе. Это, конечно, не должно нанести ущерба тѣмъ похваламъ, которыя мы ему раньше расточали, а только опредѣлить его отношеніе къ Данту и къ возрожденію изученія древнихъ Римлянъ.

Напротивъ того, Дантъ былъ натурою родственной римскому народному характеру въ его лучшіе дни, и въ силу этого ему удалось, опираясь на гораздо болѣе ограниченные способы возрожденія римскаго духа, совершить сравнительно столько-же, сколько сдѣлали его преемники на этомъ поприщѣ съ помощью блистательнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ. Его точка зрѣнія на римскую исторію всего луч-

---

въ этомъ отношеніи докторъ Шюкъ въ своей статьѣ Dante's classische Studien und Brunetto Latini въ Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. 2 отдѣлъ, 11 годъ, 1865, и Dom. Comparetti въ упомянутомъ уже сочиненіи его Virgilio nel medio evo, Parte prima, cap. XIV. Тоже самое можно сказать и о Gic. Burckhardt: Die Cultur der Renaissance in Italien, 3 изданіе, подъ редакціею Людвига Гейгера. Лейпцигъ, 1877. 1 томъ, стр. 247.

[1140]) См. введеніе, стр. 35. Ср. съ этихъ упомянутую въ предшествующемъ примѣчаніи статью Шюка, который впрочемъ не преувеличиваетъ заслуги Латини

ше подтверждаетъ это. Разница лишь въ томъ, что данный имъ импульсъ является у него скорѣе какъ средство, чѣмъ какъ цѣль, и поэтому его результаты и вліяніе прошли съ такою легкостью незамѣченными. Эта точка зрѣнія высказывается дѣйствительно лишь косвенно, иногда какъ бы невольно, и проявляется постоянно лишь въ образѣ поэтическихъ или историческихъ мотивовъ во всѣхъ его произведеніяхъ и прежде всего въ Божественной Комедіи. Но, когда комментаторы пожелали объяснить ее, они прямымъ путемъ приведены были къ источникамъ, руководившимъ поэтомъ. Стоитъ наприм. вглядѣться въ комментаріи Боккачьо къ первымъ семнадцати пѣснямъ Ада, и всякій убѣдится тогда въ вѣрности такого взгляда. Боккачьо, какъ извѣстно, устроилъ во Флоренціи передъ многочисленной публикой чтенія Божественной Комедіи и тутъ-то впервые сдѣланы были доступными массѣ и древняя исторія и миѳологія. Въ тоже время изъ этихъ чтеній мы знакомимся и съ потребностями и воззрѣніями его слушателей и пріобрѣтаемъ общее мѣрило для нашихъ сужденій. То, что мы, эпигоны, усвоиваемъ себѣ лѣтъ пятнадцати въ школѣ, то, что намъ преподается шутя,— все это авторъ Декамерона съ великимъ многорѣчіемъ и въ поучительномъ тонѣ разъясняетъ публикѣ,—а она, конечно, состояла не изъ дѣтей и не изъ представителей неразвитыхъ классовъ общества. При каждомъ имени, взятомъ изъ древней исторіи или миѳологіи, излагаетъ онъ обстоятельный разсказъ или объясняетъ соотвѣтствующіе факты или преданія, — а для того времени это значило чрезвычайно много. Въ этой-то отрасли изслѣдованій починъ былъ сдѣланъ Дантомъ. Все содержаніе древней миѳологіи, всю римскую исторію внесъ онъ, переработавъ ихъ въ поэтическіе мотивы, въ свое произведеніе, и тотъ, кто пожелалъ бы вполнѣ понять поэму, долженъ былъ уже знать миѳологію или предварительно изучить. Въ особенности это относится къ Энеидѣ, чей миѳическій и легендарный элементъ онъ вполнѣ воспроизводитъ, до такой степени, что можно даже утверждать, что въ ней почти не найдется ни одного лица, ни одного имени, котораго не встрѣтишь снова въ Божественной Комедіи; смыслъ же примѣненія этихъ образовъ у Данта можетъ быть разгаданъ лишь при сравненіи ихъ съ его источникомъ. Масса отрывковъ, сравненій и мыслей Энеиды перенесены въ Божественную Комедію съ небольшими измѣненіями [1141]). Можно безъ преувеличенія

[1141]) Для примѣра мы укажемъ на нѣсколько такихъ параллелей: Энеида VI, 884, Чистил., XXX, 21; Эн., VI., 309, Адъ, III, 112; Эн., VI, 256, Адъ, III

сказать, что Виргилій оживилъ Данта, и съ этой стороны онъ весь ма справедливо называетъ Виргилія своимъ учителемъ и образцомъ, и говоритъ о долгомъ изученіи его поэмъ и великой любви своей къ нимъ.[1142]) Въ подобныхъ же, но менѣе серьозныхъ отношеніяхъ находится онъ къ Лукану и Стацію, къ Ювеналу, Цицерону, Горацію, и въ особенности къ Овидію, чьи Метаморфозы служили ему, рядомъ съ Энеидою, богатѣйшимъ источникомъ миѳологическихъ данныхъ. Многое въ римской старинѣ оставалось закрытымъ для Данта;—но это нисколько не противорѣчитъ нашему воззрѣнію. Искуснымъ пользованіемъ наличныхъ сокровищъ онъ прежде всего далъ толчекъ къ изысканію сокровищъ еще скрытыхъ, и разъ навсегда вызвалъ къ жизни тотъ истинный духъ, въ которомъ они должны были впредь изучаться. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобъ онъ безусловно раздѣлялъ одностороннюю страстную преданность изученію классическаго міра, характеризовавшую четырнадцатый и пятнадцатый вѣкъ итальянской исторіи. Совершенно напротивъ. Онъ, повидимому, такъ хорошо зналъ свой народъ, что какъ-бы предчувствовалъ эту односторонность, и поэтому, со всею энергіею, на которую была способна его натура, старался установить полезный противовѣсъ, въ видѣ изученія національной литературы и главнымъ образомъ, обработки въ прозаической формѣ научныхъ предметовъ. Но предостерегающій голосъ его замеръ, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Итальянцы набросились, напротивъ того, съ увеличивавшейся постоянно односторонностью и исключительностью на изученіе древней литературы и ударились въ латинизирующее направленіе. Мы ничуть не умаляемъ общаго историческаго значенія ихъ заслуги, но никто не станетъ оспаривать, что свѣтлое явленіе не осталось и въ этомъ случаѣ безъ тѣни. За этими занятіями Итальянцы лишились желательнаго для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ противовѣса государства, достойной ихъ политической жизни, и, мало по малу, погрузились въ такой сенсуализмъ въ искусствѣ и литературѣ, который парализовалъ ихъ нравственныя силы и надолго оставилъ въ нихъ одну только безплодную тоску по лучшимъ временамъ.

Быть можетъ, многіе удивятся, если мы скажемъ, что Дантъ далъ также толчекъ къ болѣе правильному воззрѣнію на римскую исторію, и удивятся они именно потому, что онъ располагалъ такимъ незна-

---

128; Эн., VI, 393, Адъ. IX, 52, 98; Эн., VI, 387, Адъ, III, 88; Эн., VI, 427 Адъ. IV; Эн., VI, VI, 545, Адъ, IX, 36, Эн., II, 426, Рай, XIX, 13.

[1142]) Адъ, I, 79.

чительнымъ числомъ настоящихъ историческихъ источниковъ и повторялъ всѣ ходячіе миѳы. Мы сошлемся поэтому на такой авторитетъ, чей голосъ является всегда вѣскимъ въ подобныхъ вопросахъ, и воспользуемся случаемъ, чтобъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно историческаго чутья Данта вообще. Тотъ человѣкъ, съ котораго ведетъ свое начало современная исторіографія, Маккьявелли заимствовалъ у Данта болѣе, чѣмъ у кого либо изъ писателей новѣйшаго времени. Человѣкъ посвященный видитъ это на каждой страницѣ его сочиненій, и для этого намъ совсѣмъ не нужно знать, что Дантъ наряду съ древними писателями принадлежалъ къ числу его любимыхъ авторовъ. Несмотря на злополучное непониманіе своего великаго соотечественника, въ чемъ мы уже уличили Маккьявелли [1143]), оба эти человѣка имѣли, при всемъ различіи ихъ натуръ, существенныя точки соприкосновенія во взглядахъ и стремленіяхъ. Подобно Данту и Маккьявелли отвергаетъ республиканскій принципъ и настаиваетъ на политическомъ объединеніи Италіи. Если Дантъ надѣялся осуществить его посредствомъ законной римской имперіи, то надо помнить, что онъ жилъ именно въ тринадцатомъ вѣкѣ и былъ истымъ сыномъ среднихъ вѣковъ, т. е., совершенно идеальной натурою. Маккьявелли съ своей стороны, словно провидѣвшій будущее, какъ-бы призываетъ новаго властителя, правителя революціоннаго; навѣрно онъ улыбался при видѣ космополитизма своего предшественника. Но, подобно Данту, и онъ отвергаетъ историческое развитіе церкви и папства, и, подобно Данту же, приписываетъ ему всю вину политической разрозненности и политическаго безсилія Италіи. Но онъ повѣствуетъ и разсуждаетъ, какъ трезвый, безпристрастный умъ, между тѣмъ какъ Дантъ зачастую облекаетъ описаніе вырожденія церкви въ апокалипсическіе образы и картины; другими словами, новѣйшій писатель разрѣшаетъ прозою поэзію древнѣйшаго. Не вслѣдствіе случайнаго совпаденія, Маккьявелли ведетъ, подобно Данту, начало симонистическаго паденія папства и свѣтскости церкви съ Николая III; [1144]) не случайно и то, что онъ, опять таки подобно Данту, считаетъ основаніе орденовъ Доминика и Франциска обновленіемъ церкви, и основывается при этомъ на ихъ принципахъ [1145]). На римскую исторію онъ смотритъ съ той-же точки

[1143]) См. выше, 191 стр. 451, прим.

[1144]) См. Адъ, XIX, 67. Machiavelli, Ist. fiorent. lib. I: Fu primo de Papi che apertamente mostrasse la propria ambizione e che disegrasse, sotto coloro di sear grande la Chiesa, onorare e beneficare i suoi.

[1145]) Machiavelli, Discorsi sopra la prima Deca di T. Livio lib. III: Si vede

зрѣнія, какъ и Дантъ, т. е., какъ на продуктъ чрезвычайныхъ силъ; людей же, въ родѣ Деціевъ, Регула, Брута и т. д., онъ также считаетъ особыми орудіями для возвеличенія Рима, если и не выводитъ изъ этого обстоятельства тѣхъ же слѣдствій, какъ Дантъ [1146]). Въ философскомъ своемъ отношеніи къ исторіи встрѣчаются и поэтъ и государственный человѣкъ, и послѣдній несомнѣнно поучался у перваго. Но и въ маккьявелліевомъ изложеніи флорентинской исторіи просвѣчиваетъ пользованіе указаніями, въ такомъ обиліи разсѣянными въ Божественной Комедіи; онъ не затруднился даже прямо назвать однажды въ числѣ своихъ источниковъ Данта, рядомъ съ Виллани, [1147]) хотя въ этомъ случаѣ онъ исходитъ отъ совершенно иныхъ принциповъ и стремится къ совсѣмъ инымъ цѣлямъ.

Но, если что нибудь разъединяетъ этихъ двухъ людей, такъ это не меткій взглядъ одного изъ нихъ на будущее и не тщетное усиліе другого удержать отжившій міровой строй; ихъ, главнымъ образомъ, разъединяетъ нравственный принципъ, которому Маккьявелли придаетъ второстепенное значеніе, тогда какъ Дантъ ставитъ его во главѣ всего. Первый надѣялся дойти посредствомъ зла къ добру и возвелъ свое вѣрованіе въ систему, изъ которой до настоящаго времени заимствовалось не всегда одно хорошее, не смотря на весь смыслъ, заключающійся въ ней. Прежде всего онъ исключительно политикъ-реалистъ, проповѣдникъ смѣлой рѣшимости, отважнаго, хотя бы даже безсовѣстнаго, образа дѣйствій, провозвѣстникъ политики успѣха во что бы то ни стало, и во всѣ времена у него не было недостатка въ понятливыхъ ученикахъ. Дантъ, напротивъ того, политикъ-идеалистъ въ высшемъ смыслѣ слова; для него добро можетъ произойти лишь отъ добра же, право въ его глазахъ значитъ все, сила же—ничтожна, это метаполитикъ, который желалъ бы подчинить своимъ абстрактнымъ предположеніямъ міръ желѣзной, непреклонной дѣйствительности. Поэтому онъ и не нашелъ со временъ императора Генриха VII ни одного единомышленника или послѣдователя среди правителей и владыкъ. Оба они, правда, сыны и представители своего времени, точно также какъ и слава и гордость своей націи, и возвышаются, подобно могучимъ пограничнымъ скаламъ, надъ бурнымъ потокомъ исторіи западнаго человѣчества.

---

ancora queste rinnovazioni essere necessarie per l'esempio della nostra Religione, la quale se non fusse stata ritirata verso il suo principio da san Francesco e da san Domenico, sarebbe al tutto spenta. Ср. съ этимъ Рай, XI, 28:

[1146]) Machiavelli, Discorsi, lib. III. Dante, De Monarchia lib. II и Рай, VI, 46.

[1147]) Ist. fior. lib. II: Egli è cosa veracissima, secondo che Dante e Giov. Villani dimostrano, che la citta di Fiesole etc.

Но не однимъ только тонкимъ историческимъ чутьемъ своимъ и побужденіемъ къ изученію классиковъ двинулъ Дантъ впередъ послѣдующія поколѣнія; тою славой, которая обезсмертила его имя, была именно его поэтическая слава. Онъ величайшій изъ поэтовъ новѣйшаго времени и Божественная Комедія—первая изъ оригинальныхъ поэмъ новаго времени. Это рѣшено голосомъ Европы и пятисотлѣтнею исторіею. Дантъ единственный средневѣковый поэтъ, къ которому всѣ образованные народы постоянно возвращаются не изъ филологическаго, антикварнаго или историческаго интереса, но ради того поэтическаго наслажденія, которое они въ немъ находятъ. Въ Божественной Комедіи мы поистинѣ встрѣчаемъ золотые плоды въ золотой оболочкѣ. Очарованіемъ языка, который поэтъ долженъ былъ самъ создать себѣ, творческою силою фантазіи, не боящеюся никакого сравненія, словомъ, который одинъ изъ первыхъ стилистовъ нашего времени называетъ, по справедливости, несравненнымъ [1148]), увлекательною силою и правдивостью чувства, Дантъ преодолѣлъ всѣ трудности, которыя ставила на его пути его эпоха. Во всякомъ великомъ поэтѣ скрываются, собственно, два поэта, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и странамъ, становится органомъ общихъ всѣмъ чувствъ и положеній и выводитъ передъ нами тѣ, вѣчно смѣняющіяся, картины, которыя человѣчество, страсти и природа всюду и всегда открываютъ человѣческой мысли, между тѣмъ какъ другой носитъ на себѣ отпечатокъ именно своего вѣка и служитъ выразителемъ и отраженіемъ радостей и страданій, свойственныхъ людямъ одной только извѣстной эпохи. Одинъ изъ этихъ двухъ поэтовъ, соединенныхъ воедино общимъ геніемъ, безсмертенъ, постоянно доступенъ каждому, постоянно прославляется; другой носитъ оболочку преходящую, временную, и является какъ-бы тѣмъ покровомъ, въ который облеченъ первый. Чѣмъ труднѣе проникнуть черезъ этотъ покровъ, тѣмъ большею и высшею силою долженъ быть одаренъ первый поэтъ, для того чтобы на немъ не тяготѣла болѣе, чѣмъ это вообще справедливо, отвѣтственность за вину всего его времени. Въ Дантѣ въ высокой степени слились оба эти поэта, преходящій и безсмертный, и блестящимъ доказательствомъ его геніальности служитъ то, что свинцовая тяжесть, привѣшенная къ его крыльямъ современною ему эпохою, не могла помѣшать ему вознестись въ вѣковѣчныя сферы общечеловѣческой мысли. Его вѣкъ, скажемъ мы разъ навсегда, не былъ вѣкомъ

[1148]) Маколей въ своемъ превосходномъ Essay о Дантѣ.

простымъ, гармоническимъ, въ которомъ господствуютъ законы, нераздѣльные съ юностью человѣчества и безъискуственной природою. Это преимущество выпало на долю Гомера и поэтому онъ поэтъ обще-человѣческій и является понятнымъ почти каждому подростку, хотя насъ и отдѣляетъ отъ него необъятная полоса времени. Напротивъ того, Дантовъ міръ былъ уже міромъ искуственнымъ. Онъ былъ продуктомъ рефлексіи, созданнымъ съ трудомъ и усиліями, основаннымъ на отвлеченныхъ принципахъ. Въ немъ и исходя изъ него, Дантъ принужденъ былъ творить; поэтому-то его произведеніе и является продуктомъ рефлексіи, искуственности, часто даже искаженной. Если при всемъ этомъ, не погибъ въ Дантѣ чистый, искренній и энергическій человѣкъ, а, напротивъ, высоко поднялся надъ грудами муссора и обломками недавняго прошлаго, то это является одной изъ наиболѣе значительныхъ побѣдъ, когда либо одержанныхъ поэзіею и человѣчностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Божественная Комедія является и первою великою, оригинальною поэмой новѣйшихъ временъ, которая, въ своемъ оконченномъ видѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ единаго духа и какъ бы вылилась однимъ разомъ. Окинемъ ли мы взоромъ всѣ большія поэмы остальныхъ романскихъ или германскихъ народовъ, мы ни объ одной изъ нихъ не скажемъ, по справедливости, того же самаго. Эпическія поэмы Исландцевъ, Нибелунги и Гудруна Нѣмцевъ, циклъ романсовъ о Сидѣ—все это сборныя произведенія, надъ которыми трудились различные люди въ разныя времена, и которыя не могутъ уже по самой природѣ своей заявлять притязаній на подобное же значеніе. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ искуственной средневѣковой французской и нѣмецкой поэзіи; — здѣсь также всюду замѣтны слѣды многихъ рукъ, и часто Нѣмецъ становится преемникомъ Француза и прививаетъ французскому отпечатку свой нѣмецкій. При всей самостоятельности, которою отмѣченъ, напримѣръ, Парциваль Вольфрама Эшенбаха, ни кому не придетъ на умъ признать за нимъ ту же оригинальность въ вымыслѣ и выполненіи, какую мы признаемъ за Дантомъ. Именно индивидуальность поэта налагаетъ на Божественную Комедію печать неподражаемой своеобразности. Средніе вѣка произвели мало столь развитыхъ индивидуальностей, какою былъ Дантъ, а, между тѣмъ, именно въ эту эпоху въ индивидуальностяхъ не было недостатка. Еслибъ я былъ призванъ назвать человѣка, воплотившаго въ себѣ идею среднихъ вѣковъ, я ни на кого не могъ бы указать съ такою увѣренностью, какъ на Данта, и именно потому, что всѣ направленія этой эпохи

встрѣчаются въ немъ, дружелюбно или враждебно. Я знаю мало людей того времени, на которыхъ мой взоръ могъ бы остановиться съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, какъ ни преувеличенно звучитъ подобное признаніе. Если Дантъ клеймитъ позоромъ испорченность своего народа, то этотъ приговоръ можетъ казаться намъ несправедливымъ именно потому, что этотъ самый народъ способенъ былъ породить въ своей средѣ такой сильный характеръ. Правда, что Дантъ долгое время оставался послѣднимъ въ своемъ родѣ. Какой рѣзкій контрастъ представляетъ съ нимъ Петрарка! Петрарка былъ литераторъ; его жизнь была блестящей литературной карьерой, въ которой разсчетъ и сознательность играли значительную роль. Дантъ, напротивъ того, былъ государственный человѣкъ и ученый; его поэзія не имѣла никакихъ побочныхъ, свѣтскихъ цѣлей, а была исключительно продуктомъ внутренняго влеченія и душевнаго настроенія. Петрарка былъ человѣкъ разсудочный и трезвый мечтатель, онъ умѣлъ ладить со всѣми на свѣтѣ. Дантъ стойко держался своихъ убѣжденій и не дѣлалъ никакихъ уступокъ обстоятельствамъ. Поэтому одинъ велъ пріятную, блестящую жизнь и, подъ конецъ своей карьеры, вѣроятно неохотно покидалъ міръ; другой умеръ въ бѣдности и изгнаніи, но, безъ сомнѣнія, увѣренный въ себѣ и спокойный. Во всемъ, и въ ихъ любви, и въ ихъ политическихъ сношеніяхъ, они стоятъ такъ же далеко другъ отъ друга, какъ Беатриче и Генрихъ VII далеки отъ Лауры и Кола Ріенци. Но и позднѣйшіе великіе, прославляемые люди рѣдко подходятъ къ уровню Данта. Прошло два вѣка, прежде чѣмъ появился Микель-Анджело, родственный и равный ему по духу, вполнѣ понявшій его, умѣвшій приложить настоящее мѣрило къ нравственной оцѣнкѣ этого человѣка. Снова прошли вѣка, прежде чѣмъ появился такой человѣкъ, какъ Альфіери, въ которомъ какъ-бы ожили сѣмяна, посѣянныя Дантомъ. И, дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что настоящее возрожденіе Италіи будетъ и можетъ быть достигнуто и выполнено лишь путемъ, указаннымъ творцомъ Божественной Комедіи, путемъ серьозной борьбы, искренней преданности дѣлу и отреченія отъ всякаго легкомыслія.

Но Дантъ сталъ также и наставникомъ своего народа. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать энциклопедическій характеръ его поэмы. Дантъ не только далъ прочный толчекъ изученію римской литературы, не только положилъ основаніе литературному объединенію Италіи, но имѣлъ неизмѣримое вліяніе и на общее образованіе своего народа. Не одни только ученые воспитывались на Божествен-

ной Комедіи, не художники только, вплоть до Микель-Анджело, черпали въ ней вдохновеніе [1149]), но самъ народъ поучался изъ нея, болѣе, чѣмъ изъ чего либо другого. Мы знаемъ уже, какую цѣль преслѣдовалъ Дантъ въ своемъ Пирѣ, именно, популяризацію школьной мудрости. Таже цѣль повторяется и въ Божественной Комедіи. Но въ то время, какъ первое сочиненіе не имѣло другой тенденціи и въ ней какъ бы разрѣшалось, въ поэмѣ тенденція служитъ высшимъ цѣлямъ, и однако, несмотря на эту второстепенную роль, лучше и полнѣе проводится, чѣмъ когда либо въ Пирѣ. Здѣсь не мѣсто распространяться въ похвалахъ полнотѣ свѣдѣній, встрѣчающихся въ Божественной Комедіи. Это уже дѣлалось многими до насъ и съ такимъ энтузіазмомъ, что мы скорѣе чувствуемъ поползновеніе ограничить эту похвалу. Вплоть до новѣйшаго времени было принято говорить о Дантѣ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ таинственными знаніями, до открытія которыхъ наука дошла сама по себѣ лишь позднѣе. Но этотъ преувеличенный восторгъ терялъ почву при трезвомъ анализѣ каждаго отдѣльнаго факта; полезно будетъ свести этотъ восторгъ къ простому признанію, что поэтъ въ такой степени усвоилъ себѣ всѣ доступныя человѣку свѣдѣнія древняго и средневѣковаго міра, что не былъ ими подавленъ, а могъ располагать этими свѣдѣніями съ полной свободой и самостоятельностью, такъ что они слились въ немъ въ одно рѣдкое и чудное цѣлое. Даже и теперь никто не станетъ укорять Данта въ хвастливости, если онъ самъ говоритъ о своей поэмѣ, что небо и земля приложили къ ней руку [1150]). Правда, что эта масса ученаго матеріала не распредѣлена систематически и часто не обработана, какъ это дѣлается въ обыкновенныхъ энциклопедіяхъ; но импульсъ данъ въ поэмѣ почти всему, что было извѣстно въ то время, и притомъ во имя науки. Этимъ возбужденіемъ, связаннымъ съ поэтическимъ наслажденіемъ,

---

[1149]) Мы указываемъ здѣсь на отношенія Божественной Комедіи къ искусству. Фантазія Данта, безъ сомнѣнія, часто оживлялась вслѣдствіе соприкосновенія съ наличными въ то время памятниками искусства, въ особенности живописи. Писатель, болѣе меня, компетентный ближе опредѣлитъ это отношеніе. Нѣкоторыя указанія мы находимъ у Didron, Histoire de Dieu, и въ приведенной нами книгѣ Пипера. Такъ по словамъ Дидрона Люциферъ съ тремя пастями, а по словамъ Пипера, и кентавры появлялись уже раньше Данта въ искусствѣ въ видѣ демоновъ.

[1150]) Рай, XXV, I:

Se mai continga che l poema sacro,
Al quale ha posto mano e cielo e terra
Si, che m'ha fatto per più anni macro.

поэтъ дѣйствовалъ всюду, куда цеховая ученость не могла проникнуть уже въ силу своей сущности; нерѣдко невидимою рукою поэтъ разгонялъ туманъ невѣжества, еще затемнявшій для непосвященныхъ многіе вопросы. Эту заслугу Данта относительно своего народа Итальянцы всегда сознавали ясно и правильно; сотни комментаріевъ Божественной Комедіи, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, всего лучше показываютъ, въ какомъ смыслѣ мы это понимаемъ. Если смотрѣть поэтому на поэму съ исторической точки зрѣнія, какъ дѣлаемъ мы, то именно это качество ея, популяризація школьной науки, должно считаться однимъ изъ ея величайшихъ достоинствъ, благодаря которому она въ сравненіи со всею одновременною литературою другихъ народовъ, является, правда, не единственною, но не имѣющею себѣ ничего равнаго. Сравненіе ея хоть бы, напримѣръ, съ лучшими дидактическими поэмами Нѣмцевъ, съ Freidank, Wälscher Gast или Renner, могло бы всего лучше доказать это преимущество. При всемъ безспорномъ сродствѣ тенденціи, мы всюду встрѣчаемъ здѣсь выраженіе лишь одного какого либо направленія, въ то время, какъ въ Божественной Комедіи воплощены почти всѣ стороны человѣческаго знанія. И тамъ, гдѣ эти поэмы берутъ свои свѣдѣнія часто изъ вторыхъ рукъ, мы видимъ, что Дантъ черпалъ прямо изъ источника [1151]). Этого не слѣдуетъ забывать. Потому то и нетрудно было создать цѣлую систему схоластической философіи на основаніи Божественной Комедіи, [1152]) хотя сущностьличности Данта далеко не исчерпывается тѣмъ, что его называютъ «поэтическимъ Ѳомою Аквинскимъ». Не смотря на это по справедливости придается обыкновенно огромное значеніе введенію богословской учености въ итальянскій народный языкъ именно въ такое время, когда зачастую проповѣди говорились еще по латыни. Дантъ обладалъ этою ученостью, какъ, быть можетъ, ни одинъ міранинъ до него, и это дѣлаетъ ему, конечно, большую честь—но еще большую честь доставляетъ ему то, что онъ далъ людямъ неученымъ возможность менѣе болѣзненно ощущать отсутствіе въ себѣ этой учености.

Относительно этого вопроса мы высказались уже при разсмотрѣніи Пира. Но Божественная Комедія является не только сводомъ всѣхъ наличныхъ доступныхъ въ то время знаній, она заключаетъ въ себѣ всѣ средневѣковыя легенды и представленія, вмѣ-

---

[1151]) Лахманнъ вполнѣ основательно опровергнулъ при самомъ его возникновеніи весьма любимое прежде сравненіе Титуреля съ Бож. Ком.—См. Allgem. Hallische Lit.-Zeit. 1829, № 238.

[1152]) См. Ozanam, Dante ou la philosophie catholique, etc.

стѣ съ политическимъ и религіознымъ содержаніемъ эпохи, и эта сторона придаетъ поэмѣ своеобразный, характерный отпечатокъ и дѣлаетъ изъ нея эпосъ міра отживающихъ идей, въ послѣдній разъ послѣдовательно сгруппированныхъ здѣсь рукою правовѣрнаго мыслителя. Ничего нѣтъ необычайнаго въ томъ, когда духъ угасающей эпохи въ послѣдній разъ собирается съ силами для защиты своего потрясеннаго господства. Дантъ шелъ въ бой именно съ такою цѣлью. Онъ не могъ поддержать разрушавшагося строя среднихъ вѣковъ, но поставилъ имъ такой колоссальный памятникъ, какого не встрѣтишь на рубежѣ ни одного изъ угасающихъ міросозерцаній. Божественная Комедія—лебединая пѣснь среднихъ вѣковъ.

Но Дантъ принадлежитъ не одному только прошлому, но и будущему, всѣмъ временамъ, и занимаетъ не послѣднее мѣсто среди «героевъ» человѣчества. Онъ съ полнымъ сознаніемъ посвятилъ свой несравненный геній служенію неизмѣннымъ, идеальнымъ и нравственнымъ потребностямъ человѣчества, вознесъ въ свѣтлую сферу своего искусства два великія начала, государство и религію, опредѣляющія и обусловливающія все истинно человѣческое, достойное человѣка бытіе, въ какой бы формѣ эти моменты ни проявлялись, провозгласилъ ихъ святость и равноправность, въ то самое время, когда они, смятенные и попранные, были повергнуты въ прахъ. Онъ съумѣлъ поставить даже самую субъективную сторону человѣческой природы, большею частью такъ легко забываемую или погружающуюся въ море пошлости,—именно мечты юношеской любви, въ тѣснѣйшую, неразрывнѣйшую связь съ высшими цѣлями человѣчества и своими собственными стремленіями. Такимъ образомъ, имя его, чистое, великое, лучезарное, возносится превыше всѣхъ измѣненій времени, причудливости народовъ и вѣковаго разрушенья и, все возрастая въ значеніи, передается, какъ драгоцѣнное сокровище, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Подобно немногимъ геніальнымъ людямъ выдержалъ Дантъ великое испытаніе всякаго истинаго, историческаго величія: чѣмъ отдаленнѣе становится та перспектива, въ которой мы его разсматриваемъ, тѣмъ явственнѣе и величественнѣе является передъ нами его образъ, и нынѣ онъ насчитываетъ больше пылкихъ почитателей, чѣмъ онъ насчитывалъ ихъ еще вчера.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Декретъ объ изгнаніи Данта, 27 января 1302.

„(27 gennaio 1302.) In nomine Domini amen. Hec sunt condepnationes, sive condepnationum sententie, facte, late et promulgate per nobilem et potentem militem dominum Cantem de Gabriellibus de Eugubio, honor (ificent). Potestatem civitatis Florentiae, super infrascriptis excessibus et delictis contra infrascriptos homines et personas, sub examine sapientis et discreti viri domini Pauli de Eugubio, Judicis ipsius domini Potestatis ad offitium super barattariis, iniquis extorsionibus et lucris illicitis deputati, et de voluntate et consilio aliorum Judicum ejusdem domini Potestatis, et scripte per me Bonoram de Pregio, prefati domini Potestatis notarium et offitiatem, et Communis Florentiae ad idem officium deputatum, currente anno Domini millesimo ccc secundo, Indictione XV, tempore sanctissimi patris domini Bonifacii pape octavi.

Nos Cante Potestas predictus infrascriptas condepnationum sententias damus et proferimus in hunc modum.

Dominum Palmerium de Altovitis de sextu Burgi

Dante Alagherii de sextu Sancti Petri majoris

Lippum Becche de sextu Ultrarni

Orlanduccium Orlandi de sextu Porte domus.

Contra quos processum est per inquisitionem ex officio nostro et curie nostre factam, super eo et ex eo quod ad aures nostras et curie nostre notitia, fama publica referente, per-

venit, quod predicti, dum ipsi vel aliquis eorum existentes essent in offitio Prioratus vel non existentes, vel ipso officio Prioratus deposito temporibus in inquisitione contentis, commiserunt per se vel alium barattarias, lucra illicita, iniquas extorsiones in pecunia, vel in rebus. Et quod ipsi, vel aliquis ipsorum receperunt pecuniam, vel res aliquas vel scriptam libri vel tacitam promissionem de aliqua pecunia vel re alia, pro aliqua electione aliquorum novorum Priorum et Vexilliferiseu Vexilliferorum facienda, licet sub alio nomine vel vocabulo. Et quod ipsi vel aliquis eorum recepissent aliquid indebite, illicite vel injuste pro aliquibus offitialibus eligendis, vel ponendis in civitate vel comitatu Florentiae vel districtu vel alibi pro aliquibus stantiamentis, reformationibus, vel ordinamentis faciendis vel non faciendis, vel pro aliquibus apodixis missis ad aliquem Rectorem vel offitialem Communis Florentiae, vel concessis alicui. Et quod predicta tractassent ipsi, vel ipsorum aliquis, vel fuissent seu fieri fecissent. Et quod propterea dedissent, promisissent vel solvissent, seu dari vel solvi fecissent in pecunia vel in rebus vel scriptam libri alicujus mercatoris fecissent, offitio durante vel eo deposito. Et super eo quod recepissent a Camera Communis Florentiae, vel de domo et palatio Priorum et Vexilliferi ultra, vel aliter quam Communis Florentiae stantiamenta dictent. Et quod commiserint, vel committi fecerint fraudem vel barattariam in pecunia vel rebus Communis Florentiae, vel quod darent, sive expenderent contra Summum Pontificem et dominum Karolum pro resistentia sui adventus, vel contra statum pacificum civitatis Florentiae et partis Guelforum: quodque ipsi vel ipsorum aliquis habuissent, vel recepissent aliquid in pecunia vel rebus ab aliqua speciali persona, collegio vel universitate, occasione vel ratione aliquarum minarum, concussionis terrarum, quas vel quos intulissent, vel de inferendo per Priores Commune et populum minati essent. Super eoque quod commisissent, vel commiti fecissent vel fieri fecissent fraudem, falsitatem, dolum vel malitiam, barattariam vel illicitam extorsionem, et tractassent ipsi vel ipsorum aliquis, quod civitas Pistorii divideretur et scinderetur infra se ab unione quam habebant in simul, et tractassent quod Anziani et Vexilifer dicte civitatis Pistorii essent ex una parte tantum, fecissentque tractari, fieri seu ordinari expulsionem de dicta

civitate eorum qui dicuntur Nigri, fidelium devotorum sancte Romane Ecclesie; et dividi quoque fecissent dictam civitatem ab unione et voluntate civitatis Florentie, et subjectione sancte Romane Ecclesie, vel domini Karoli in Tuscia. Qui

Dominus Palmerius
Dante
Orlanduccius
Lippus

civitati et requisiti fuerunt legiptime per numptium communis Florentie, ut certo termino jam elapso coram nobis et nostra curia comparere deberent ac venire ipsi, et quolibet ipsorum ad parendum mandatis nostris, et ad se defendendum et excusandum ab inquisitione premissa, et non venerunt, sed potius fuerunt passi se in bapno poni Communis Florentiae de libris quinque millibus florenorum parvorum pro quolibet, per Duccium Francisci publicum bapnitorem Communis ejusdem; in quod incurrerunt se contumaciter absentando, prout de predictis omnibus in actis nostre curie plenius continetur.

Idcirco ipsos, dominum Palmerium, Dante, Orlanduccium et Lippum et ipsorum quemlibet, ut sate messis juxta qualitatem seminis fructum percipiant, et juxta merita commissa per ipsos dignis meritorum retributionibus munerentur, propter ipsorum contumaciam habitos pro confessis secundum formam jur. stat. Communis et populi civitatis Florentie ordin. just. reformation., et ex vigore nostri arbitrii, in libris quinque millibus florenorum parvorum pro quolibet dandis et solvendis Camere Communis Florentie rec. pro ipso Communi. Et quod restituant extorta illicite probantibus illud legiptime. Et quod si non solverint condepnationem infra tertiam diem a die sententie computandam, omnia bona talis non solventis publicentur, vastentur et destruantur, et vastata et destructa remaneant in Communi. Et si solverint condepnationem predictam, ipsi vel ipsorum aliquis talis solvens nihilominus stare debeat extra provinciam Tusciae ad confines duobus annis. Et ut predictorum domini Palmerii, Dante, Lippi et Orlanducci perpetua fiat memoria, nomina eorum scribantur in stat. populi, et tamquam falsarii, et barattarii nullo tempore possint habere aliquod offitium vel benefitium pro Communi, vel a Communi Florentie incivitate, comitatu vel districtu vel alibi, sive condepnationem solverint sive non, in

his scriptis sententialiter condepnamus. Computato bapno in condepnatione presenti.

Late, pronumptiate et pomulgate fuerunt dicte condepnationum sententie per dominum Potestatem predictum pro tribunali sedentem in Consilio generali Communis Florentiae, et lecte perme Bonroam notarium supadictrum in dicto Consilio de mandato ejusdem domini Potestatis, die xxvij januarii anno, Domini millesimo ccc secundo, Indictione XV, tempore domini Bonifatii pape viij, presentibus testibus ser Agnolo socio ipsius domini Potestatis, ser Pace Thome de Eugubio, notario ejusdem domini Potestatis, Duccio Francisci et Albizzo, bapnitoribus, et pluribus aliis in eodem consilio existentibus.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Хронологическій обзоръ жизни Данта.

1265, май мѣсяцъ: Рожденіе Данта (стр. 42).

1274, 1 мая: Первая встрѣча Данта съ Беатриче Портинари (стр. 75).

1289, 11 іюня: Дантъ принимаетъ участіе въ кампальдинской битвѣ (стр. 61).

1290, 31 декабря: смерть Беатриче Портинари (стр. 75).

1292, Дантъ женится на Джеммѣ di Manetto Donati (стр. 67).

1296, 5 іюня: Дантъ, какъ гражданинъ флорентинской общины и членъ цеха аптекарей, вступаетъ въ пользованіе гражданскими правами (стр. 97).

1299, май: Дантъ исправляетъ должность посла флорентинской республики въ Санъ-Джеминіано (стр. 74).

1300, съ половины іюля до половины августа: Дантъ становится членомъ правительства республики (стр. 97—99).

1301, 14 апрѣля: Дантъ подаетъ свой голосъ въ совѣтѣ ста (стр. 107, примѣч. 236).

1301, 19 іюня: Дантъ въ совѣтѣ соединенныхъ цеховъ вотируетъ противъ политическихъ требованій папы Бонифація VIII (стр. 107, примѣч. 236).

1301, 17 сентября: Дантъ снова принимаетъ участіе въ голосованіи совѣта ста (стр. 107, примѣч. 237).

1301, въ концѣ сентября (или началѣ октября): въ качествѣ посла отъ господствующей бѣлой гвельфской партіи, Дантъ отправляется въ Римъ, гдѣ остается цѣлый мѣсяцъ (стр. 74).

1302, 27 января: исправляя посольство свое, Дантъ приговоренъ восторжествовавшей противною партіей къ денежной пенѣ и изгнанію на два года (стр. 109).

1302, 10 марта: усиленіе предшествующаго приговора (стр. 112).

1306, 27 августа: Дантъ является въ Падуѣ свидѣтелемъ при заключеніи одного договора (стр. 127).

1306, 6 октября: Дантъ по порученію маркграфа Франческино Маласпина заключаетъ мирный договоръ съ епископомъ Антономъ Лунійскимъ (стр. 127).

1307, іюнь: Дантъ принимаетъ участіе въ собраніи членовъ своей партіи въ церкви аббатства Санъ-Годенцо въ Муцелло, съ цѣлью продленія войны противъ Флоренціи (стр. 130).

1310, въ срединѣ лѣта: въ виду предстоящаго прибытія короля Генриха VII, Дантъ обращается къ Итальянцамъ съ посланіемъ (стр. 155).

1310, октябрь или ноябрь: Дантъ у короля Генриха VII въ Сузѣ, Туринѣ или Миланѣ (стр. 161).

1311, 31 марта (въ замкѣ Поппи, въ Казентинѣ?): Дантъ обращается съ укоризненнымъ посланіемъ къ Флорентинцамъ, неповинующимся императору (стр. 164).

1311, 16 апрѣля (тамъ-же?): Дантъ вызываетъ короля Генриха прежде всего подчинить себѣ Флоренцію (стр. 167).

1311, 6 сентября: Флорентинцы возобновляютъ свой приговоръ объ изгнаніи Данта (стр. 169).

1315—1316: Дантъ въ Луккѣ (стр. 182).

1315: Дантъ пишетъ посланіе къ итальянскимъ кардиналамъ по поводу предстоящаго выбора папы (стр. 184—187).

1315, 6 ноября: Флорентинцы еще разъ подтверждаютъ свой приговоръ надъ Дантомъ и распространяютъ его дѣйствіе и на сыновей поэта (стр. 189 и 190).

1316: Дантъ отвергаетъ амнистію, предложенную ему Флоренціею взамѣнъ признанія его виновности (стр. 194).

1317—20: Дантъ живетъ у Канграндe въ Веронѣ (стр. 209).

1320. 20 января: Дантъ въ Веронѣ принимаетъ участіе въ публичномъ диспутѣ объ элементахъ огня и воды (стр. 213).

1320 (послѣ предшествовавшаго факта): Дантъ остается на постоянное житье въ Равеннѣ (стр. 214).

1321: Дантъ посылаетъ въ Верону къ Канграндe Рай, сопровождая его посвятительнымъ посланіемъ (стр. 216).

1321, лѣтомъ: Дантъ отправляется въ Венецію въ качествѣ посла отъ Гвидо Полента (стр. 217).

1321, 21 сентября: Дантъ умираетъ въ Равеннѣ (стр. 217).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I

I. Введеніе.

Основаніе итальянской національности и литературы 1

II. **Жизнь Данта** и его небольшія сочиненія (исключая „Монархіи“).

1. Первые годы до вступленія Данта въ составъ флорентинскаго правительства (1265—1300) 39
2. Новая жизнь (Vita nuova) 75
3. Жизнь Данта съ его вступленія въ флорентинское правительство до изгнанія 93
4. Жизнь Данта въ изгнаніи до римскаго похода императора Генриха VII. 116
5. Пиръ (il Convito) 135
6. Жизнь Данта во время римскаго похода императора Генриха VII 147
7. Жизнь Данта со смерти императора Генриха VII до продолжительнаго отсутствія поэта изъ Тосканы (1313—1316) . . 179
8. Книга о народномъ языкѣ (De vulgari eloquentia). . . . 196
9. Послѣдніе годы жизни Данта (1317 — 1321) 209

III. Политическая теорія Данта.

Книга „De Monarchia“ 220

IV. Божественная Комедія.

1. Время созданія, форма, названіе и основная мысль поэмы . 277
2. Космологія Божественной Комедіи 293
3. Аллегоріи двухъ первыхъ пѣсней 302
4. Строеніе ада, распредѣленіе и составъ трехъ сферъ. Катонъ. Сущность и принципъ наказанія, покаянія и блаженства . . 347
6. Странствованія по аду. Виргилій. Стацій. Беатриче. Земной рай. 366
5. Выборъ дѣйствующихъ лицъ 384
7. Воззрѣнія Божественной Комедіи на обще-итальянскую и флорентинскую исторію. Дантъ и принципъ національности . . 396
8. Реформаторскій элементъ Божественной Комедіи. Дантъ какъ католикъ. 411
9. Дантъ, какъ возродитель римской литературы и какъ историкъ Значеніе Божественной Комедіи въ исторіи всеобщей литературы. Энциклопедическій элементъ поэмы. Заключеніе . 426

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

		НАПЕЧАТАНО:	*СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.*
Стран.	15	строч. 4 снизу: Монтаперто.	Монтаперта
„	33	примѣч. 47. Бонаджіунто.	Бонаджьюнта.
„	36	строк. 6 сверху: знаніемъ его написалъ	знаніемъ его и написалъ
„	41	строч 11 снизу: расхозовъ	расходовъ
„	49	2 стр. сверху: Канграндe изъ Вероны	Канграндe
„	56	7 стр. снизу Cino di Pistoja	Cino da Pistoja
„	60	11 стр. сверху: вскорѣе	вскорѣ
„	81	стр. 2 и 3 снизу: одно отъ другого	одну отъ другой
„	93	примѣч. 204: Адъ, 16, 65	Рай, 16, 65.
„	122	13 стр. сверху: теперь уже	теперь же
„	123	15 стр. сверху: непримирыхъ	непримиримыхъ
„	124	14 сверху: было въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, за два дня раньше, чѣмъ уговорено	въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, за два дня раньше, чѣмъ было уговорено
„	141	примѣч. 339. отпаденіе отъ Беатриче, т. е. и повиновенія Богу	отпаденіе отъ Беатриче, т. е. отъ глубо-

Стран.		НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
			кой вѣры и повиновенія Богу.
„	152	11 снизу: этой блескъ	этого блеска
„	214	примѣч. 525: clerus universus Verona	clerus universus Veron.
„	246	прим: 616: Aeternia pia	Aeterni pia
„	252	3 сверху: онъ издалъ	онъ создалъ
„	256	12 снизу: ибъ императоръ	ибо императоръ
„	259	15 снизу: свободу и міръ	свободу и миръ
„	262	примѣч. 654: Саллюстія и Катилина, глава I	Саллюстія, Катилина, глава I.
„	274	10 снизу: скрытый намекъ	видѣть скрытый намекъ
„	286,	5 сверху: Канграндe ди Вероа	Канграндe ди Верона
„	341,	примѣч 860: Has igitu	Has igitur
„	361,	11 сверху: изобразить	наложить

МОСКВА
БАКУ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

ЦУНБ
им.Н.А.Некрасова
2 000002 062349